1.

17/4 – 2298

[redacted]

17/10 – 935

5 – 123.

29/6 – 2073

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

25/XI 2492			
27/I – 190	3/II 648		
17/II 501	28/XII 595.		
26/I 77	121		
7/I – 823			
21/8 – 421	1/II – 367		
29/XI 488			
9/I 54			
30/I – 1889			

~~21/2-21 190~~
25/III-22 265

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 1.

ЯНВАРЬ, 1911.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1911.

стр.

I.—ВОЕННЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ. — 4-е сентября и защита Парижа. — **Г. П. Вырубова** . . . 3

II.—ДЕДАЛЪ И ИКАРЪ. — Изъ Овидія, съ латинскаго подлинника. — **Ив. Тхоржевскаго** . . . 44

III.—ПРОРЫВЪ ВЪ ВѢЧНОСТЬ.—Повѣсть.—I-XIV.—**П. Д. Боборыкина** . . . 46

IV.—ЧЕТА.—Стихотвореніе.—**А. Мейснера** . . . 91

V.—СТРАНИЧКА КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О Л. Н. ТОЛСТОМЪ. — **Л. Б. Бертенсона** . . . 92

VI.—ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКАГО АЛЬБОМА. — На зной. — I-II. — Стихотворенія. — **Н. Шрейтера** . . . 102

VII.—ВИКТОРЪ СТОЙНИЦКІЙ.—I-VIII.—**Р. Шенталь** . . . 103

VIII.—ОДИНОКІЙ МѢСЯЦЪ НА НЕБѢ МАЯЧИТЪ... — Стихотвореніе. — **А. Рубакина** . . . 141

IX.—НАЦІОНАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЖИЗНИ АВСТРІИ.—**М. Ратнера** . . . 142

X.—ЭТЬЕНЪ МЭЙРАНЪ. — Отрывки изъ романа Ипполита Тэна. — H. Taine. „Etienne Mayran". — Fragments. — I. Катастрофа. — II. Пробужденіе. — III. Путешествіе. — IV. Пансіонъ. — V. Ученье. — VI. Наука. — VII. Испытаніе. — VIII. Первыя идеи. — IX. Борьба. — Съ франц. **Ф. С.** . . . 158

XI.—ПРИЧИНЫ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ 1905-6 гг.—**В. В.** . . . 220

XII.—„ЗА РѢШЕТКОЙ".—Изъ тюремныхъ воспоминаній періода ликвидаціи революціи.—**А. Маруспина** . . . 246

XIII.—АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ КИСТЯКОВСКІЙ.—**Евгенія Ефимова** . . . 258

XIV.—ХРОНИКА.—ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ ГОДОВЩИНА.—**К. К. Арсеньева** . . . 273

XV.—МОНАРХИСТЫ ВО ФРАНЦІИ.—Письмо изъ Парижа.—**Бѣлоруссова** . . . 285

XVI.—ЧИЗУИКСКІЙ ПАРЛАМЕНТЪ.—Письмо изъ Лондона.—**Діонео** . . . 301

XVII.—КОНЕЦЪ РУЗВЕЛЬТА.—**Outsider** . . . 317

XVIII.—ПРОЕКТЪ ПРОДОЛЖЕНІЯ БАНКОВЫХЪ ЗЕМЕЛЬНЫХЪ ПОКУПОКЪ.—**Ѳ. Ѳ.** . . . 320

XIX.—БѢЛОРУССКІЕ ПОЭТЫ.—**А. Л. Погодина** . . . 326

XX.—СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ЮЖАКОВЪ.—**Л. З. Слонимскаго** . . . 334

XXI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. Розановъ. Когда начальство ушло... — **К. А.**—Щукинскій Сборникъ. Выпускъ 9-й.—К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства 1832—1835 гг.—Н. Я. Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей. — **Н. Л.** — А. Луговой. Дѣвичье Поле, повѣсть; Наши дни, семейная исторія.—Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 гг., собранныя и редактированныя П. Сергѣенко.—Проф. І. Малиновскій. Русскіе писатели-художники о смертной казни.—**Ч. В—ского.**—Н. Осиповичъ.—Разсказы.—Гр. А. Н. Толстой. І. „Сорочьи сказки". II. Повѣсти и разсказы. — **Е. Колтоновской.** — Юліанъ Кулаковскій. Исторія Византіи. Т. І. — **И. Бороздина.**—Вл. Горнъ. Крестьянское движеніе за полтора вѣка.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры . . . 338

XXII.—ЗНАЧЕНІЕ РАБОТЪ В. И. СЕРГѢЕВИЧА ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА.—**Максима Ковалевскаго** . . . 363

XXIII.—КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова** . . . 374

XXIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическіе кризисы въ различныхъ странахъ.—Французскія дѣла.—Результаты выборовъ въ Англіи.—Австрійская политика.—Событія въ Греціи и Персіи.—Конституція въ Китаѣ.—Американскіе выборы и неудача Рузвельта.—Рѣчи Бетманъ-Гольвега.—Проектъ автономіи для Эльзаса-Лотарингіи . . . 380

XXV.—ВОПРОСЪ О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.—**Гр. Штильмана** . . . 390

XXVI.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Астрономическія рѣчи губернаторовъ.—Новые изъяны хуторской реформы.—Траурные дни по смерти Л. Н. Толстого.—Попытки протеста противъ смертной казни.—Духовенство и администрація въ толстовскіе дни.—Положеніе провинціальной печати . . . 397

XXVII.—ЗАГРАНИЧНАЯ ПЕЧАТЬ О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ. — **Л. С.** . . . 409

XXVIII.—СЛАБЫЙ ЛУЧЪ СВѢТА ВЪ ГЛУБОКОЙ ТЬМѢ.—**К. К. Арсеньева** . . . 413

XXIX.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Чему служитъ показателемъ возникшее движеніе среди студенчества? — Университетъ, какъ зеркало. — Академизмъ.—Кто въ кого и зачѣмъ стрѣлялъ въ Одессѣ?—Возрожденіе предварительной цензуры.—Нижегородскій губернаторъ о тенденціозномъ подборѣ книгъ.—Отповѣдь сенату генерала Думбадзе. — В. А. Карауловъ, гр. Д. М. Сольскій, С. В. Пахманъ, П. Н. Тарновская, бар. Д. Г. Гинцбургъ † . . . 419

XXX.—СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.—**К. Дерунова** . . . 434

XXXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . 443

XXXII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
№ — 7 ЯНВ 1911
УПРАВЛЕНІЯ ЖЕЛ. ДОР.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ЯНВАРЬ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1911

4145

ВОЕННЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

4-е сентября и защита Парижа.

Когда я, ровно годъ тому назадъ, кончалъ свои воспоминанія, я никакъ не предполагалъ ихъ продолжать, потому что мало было вѣроятія найти снова достаточно продолжительный досугъ. Но обстоятельства слагаются часто помимо всѣхъ нашихъ намѣреній и предположеній. Зимой я перенесъ тяжкую болѣзнь, отъ которой и до сихъ поръ не оправился. Мои обычныя лабораторныя занятія должны были прерваться; явился долгій, совсѣмъ непрошенный обязательный отдыхъ, и я рѣшился опять взяться за перо.

На этотъ разъ хочу передать свои военныя похожденія, которыя составляютъ случайное intermezzo въ моей совсѣмъ гражданской жизни. Теперь разскажу, что видѣлъ и пережилъ въ осажденномъ Парижѣ, потомъ сообщу свои воспоминанія о турецкой войнѣ 1877-го года.

Ни мое пребываніе въ Александровскомъ лицеѣ, ни мое прохожденіе естественнаго факультета въ Московскомъ университетѣ ни въ какой мѣрѣ не приготовили меня къ исполненію военныхъ обязанностей. Скажу болѣе: съ самыхъ юныхъ лѣтъ чувствовалъ я непреодолимое отвращеніе ко всему, что отзывалось милитаризмомъ. Оттого ли, что гвардейцы, съ которыми приходилось сталкиваться въ семейномъ кругу, были люди совершенно пустые, ни къ какому дѣлу непригодные, или вслѣдствіе моего пристрастія къ точнымъ наукамъ, цѣль которыхъ—не разрушать безжалостно вѣками накопленныя сокровища, а созидать новыя орудія труда,—только я терпѣть не могъ воен-

ной профессіи. Надо прибавить еще къ тому, что тогдашнее время, — время освобожденія крестьянъ и коренныхъ политическихъ реформъ, — было самое гражданское. Все, что было поумнѣе и пообразованнѣе, шло въ литературу, въ науку, на общественную службу; военное сословіе, игравшее первенствующую роль въ Николаевскія времена, сильно упало во мнѣніи даже петербургскаго бомонда. Не удивительно, вслѣдствіе этого, что мы, тогдашняя молодежь, отстранились, быть-можетъ въ слишкомъ рѣзкой формѣ, отъ всего, что носило военный мундиръ.

Когда я поселился въ Парижѣ съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться въ Россію иначе какъ туристомъ, мое „миролюбивое“ настроеніе не только не убавилось, но значительно окрѣпло. Въ 1867-мъ году мы стали издавать — Литтре и я — журналъ, предназначенный для развитія и распространенія идей О. Конта. Журналъ этотъ, носившій названіе „Положительная философія“ и имѣвшій, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, огромный успѣхъ, группировалъ вокругъ себя, съ самаго своего появленія, ту либеральную молодежь, изъ которой вышли всѣ корифеи будущей республики. Республиканцы того времени, какъ всѣ оппозиціонныя партіи, избрали себѣ анти-правительственный лозунгъ: имперія, не смотря на всѣ свои увѣренія, жила войной,—стоитъ припомнить Крымъ, Италію, Мексику,—противники приняли девизомъ вѣчный миръ, братство народовъ, уничтоженіе постоянныхъ армій.

Я жилъ и, долженъ сказать, не безъ удовольствія, въ этой тихой, чисто теоретической атмосферѣ, которая сложилась особенно рельефно въ послѣдніе годы царствованія Наполеона III. Въ 1867, 68 и 69-мъ годахъ собирались въ Швейцаріи конгрессы „мира и свободы“, на которые съѣзжались со всѣхъ концовъ Европы представители „свободы, равенства и братства“, чтобы потолковать о будущихъ всемірныхъ Соединенныхъ Штатахъ. Все это было, конечно, незрѣло, непрактично, во всемъ этомъ было много громкихъ фразъ и видѣлось мало настоящаго дѣла, но всеобщее порицаніе всякихъ воинственныхъ предпріятій выражалось въ этихъ международныхъ сходкахъ либераловъ всякихъ типовъ и всякихъ категорій самымъ искреннимъ образомъ. Впрочемъ, сама имперія подъ конецъ повернула нѣсколько влѣво, призвала себѣ на подмогу людей, принадлежавшихъ еще наканунѣ къ враждебному лагерю, и какъ будто отказалась отъ употребленія грубой силы, на которой она была основана и которая ее поддерживала въ продолженіе 18-ти лѣтъ.

Такой неожиданный поворотъ объяснялся очень просто тѣмъ

обстоятельствомъ, что многіе бонапартисты стараго закала сошли со сцены, а главные генералы, принимавшіе участіе въ переворотѣ 1851-го года и въ слѣдующихъ затѣмъ войнахъ, сдѣлались маршалами или сенаторами, съ огромными окладами, и помышляли только о томъ, какъ бы спокойнѣе и пріятнѣе покончить свою карьеру. Смѣнившіе ихъ дѣятели далеко уступали имъ и въ смыслѣ политической ловкости, и въ смыслѣ энергіи характера. Это были большею частью люди мелкаго честолюбія, готовые на всякія уступки, лишь бы не трогали ихъ матеріальнаго и общественнаго положенія.

Все, слѣдовательно, клонило къ миру, всѣ обстоятельства складывались въ пользу „штатской“ имперіи и отодвигали на задній планъ всякія воинственныя предпріятія. Что еще было нужно Наполеону? Военную славу имѣлъ онъ въ избыткѣ, плебисцитъ въ маѣ 1870-го года огромнымъ, подавляющимъ большинствомъ далъ ему, такъ сказать, новое крещеніе, отпустилъ ему еще разъ всѣ его грѣхи и одобрилъ его послѣднюю выдумку: „либеральную имперію“... А между тѣмъ въ то время, когда мы предавались этимъ миролюбивымъ помышленіямъ, вдругъ вспыхнула война. И какая война! унесшая у Франціи въ пять мѣсяцевъ династію, сотни тысячъ человѣческихъ жизней, двѣ провинціи, неизмѣримую массу накопленнаго богатства. Зачѣмъ? почему? для чего? Кому была нужна война и кто ее затѣялъ? Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но не смотря на огромное количество книгъ, мемуаровъ, воспоминаній, никто до сихъ поръ не можетъ дать на эти вопросы точный отвѣтъ. Если бы война кончилась для Франціи побѣдой, все это разъяснилось бы безъ всякихъ затрудненій; но послѣ Седана и Меца никто не захотѣлъ взять на себя отвѣтственность. Какое-то анонимное „общественное мнѣніе“, на которое никто никогда не обращалъ никакого вниманія, будто бы заставило правительство броситься очертя голову въ рискованное предпріятіе. Когда читаешь теперь на досугѣ сочиненія тогдашнихъ министра иностранныхъ дѣлъ (Грамона), посла въ Берлинѣ (Бенедетти) и премьеръ-министра (Оливье), остается одно впечатлѣніе—впечатлѣніе невольнаго ужаса передъ этими пустыми, бездарными людьми, безсознательно причинившими неисправимое зло своему отечеству.

Въ сущности всѣ тутъ были виноваты: и безсмысленное правительство, которое, какъ вскорѣ оказалось, ничего не знало и давно уже ничѣмъ не управляло, и буржуазія, продолжавшая безотчетно вѣрить въ силу правительства, и народъ, въ которомъ такъ легко—и такъ опасно—возбуждать острый шовинизмъ. Въ

концѣ іюля, т.-е. въ первые дни открывшейся кампаніи,—война была объявлена 19-го числа — намъ, профанамъ, трудно было разобраться въ рядѣ быстро смѣнявшихся событій и предвидѣть съ нѣкоторою вѣроятностью будущее. Съ одной стороны, блестящее недавнее прошлое французской арміи — Альма, Сольферино, Маджента; знаменитые, непобѣдимые полководцы—МакъМагонъ, Канроберъ, Базенъ. Съ другой стороны, всякому, хладнокровно разсуждающему, приходили на умъ довольно грустныя соображенія. Изъ статистики майскаго плебисцита узнали мы, не безъ удивленія, что численность арміи не превышаетъ 350.000 человѣкъ, включая сюда алжирское войско и гарнизоны; а за этой арміей не было никакого резерва. Стоило перелистать весьма распространенный „Готскій альманахъ“, чтобы убѣдиться въ томъ, что у нѣмцевъ было болѣе 600.000 солдатъ перваго призыва, а за ними еще столько же запаса. Такая очевидная несоразмѣрность бросалась въ глаза; но народная гордость, которая въ первые дни могучей волной охватила самыхъ благоразумныхъ, передъ этимъ не останавливалась: „французскій солдатъ стоитъ трехъ пруссаковъ!“... Были и другіе опасные симптомы. Войска, отправлявшіяся на театръ военныхъ дѣйствій и проходившія театрально по улицамъ Парижа, походили болѣе на нестройную толпу; даже императорская гвардія блистала болѣе мундирами, чѣмъ дисциплиной. На станціи восточной желѣзной дороги, куда я отправился проводить нѣсколькихъ знакомыхъ офицеровъ, безпорядокъ былъ невообразимый: всѣ безтолково суетились, кричали, всѣмъ чего-то недоставало, всѣ чего-то требовали—и дѣло не подвигалось. Ясно было, что ничего не было подготовлено. Въ Парижѣ, гдѣ всѣ средства подъ руками, поѣзда отходили нѣсколькими часами позже назначеннаго времени. Мнѣ впервые приходилось видѣть массовое передвиженіе войска. Быть-можетъ, оно такъ всегда бываетъ? съ недоумѣніемъ спросилъ я у знакомаго артиллерійскаго капитана, и получилъ въ отвѣтъ: „Ничего! когда пріѣдемъ на мѣсто, все придетъ въ порядокъ“. Вскорѣ узнали мы достовѣрно, что на мѣстѣ ничего не пришло въ порядокъ, что армія была въ полнѣйшей анархіи. Полки попадали не въ свои дивизіи, съѣстные и боевые припасы привозились въ такія части, которыя въ нихъ не нуждались, тогда какъ за нѣсколько верстъ оттуда люди оставались безъ пищи и лошади безъ корма. Результатъ такого положенія не заставилъ себя ждать: пораженія или, лучше сказать, разгромы слѣдовали одинъ за другимъ, и въ серединѣ августа двухсотъ-тысячная армія была заперта въ укрѣпленномъ

лагерѣ Меца. Оставалась только-что составленная изъ новобранцевъ армія Макъ-Магона, которую гнали то на сѣверъ, то на югъ не по военнымъ, а по чисто политическимъ соображеніямъ, и которая двѣ недѣли позже сдалась въ Седанѣ.

Съ половины августа всѣмъ благоразумнымъ людямъ стало очевидно, что непріятель пойдетъ къ Парижу, гдѣ центръ тяжести всей Франціи; въ началѣ сентября никто уже въ этомъ не сомнѣвался. Но въ это время явились у парижанъ другія заботы; военныя дѣла были на время забыты, на первый планъ стали вопросы политическіе — необходимость такъ или иначе избавиться отъ Наполеона и окружавшихъ его людей, накликавшихъ на страну такія страшныя бѣдствія.

Лѣтомъ 1870-го года я жилъ на дачѣ въ Севрѣ, на самой опушкѣ медонскаго лѣса, съ братомъ и пріятелемъ художникомъ, съ которымъ братъ очень усердно и не безуспѣшно работалъ. Жилъ я тамъ, впрочемъ, наполовину—рано утромъ отправлялся въ городъ, въ свою лабораторію, и возвращался только къ обѣду. 3-го сентября съ ранняго утра ходили въ городѣ какіе-то тревожные слухи; никто не зналъ въ точности, въ чемъ дѣло, но ясно чувствовалось, что произошло гдѣ-то и что-то роковое.

Странное дѣло — и это, помню, меня тогда до крайности поразило: съ самаго начала войны въ Парижѣ, почти трехъмилліонномъ городѣ, соединенномъ со всѣми частями Франціи желѣзными дорогами и телеграфомъ, правительство ничего не знало или скорѣе притворялось, что ничего не знаетъ о ходѣ военныхъ дѣйствій, а между тѣмъ вѣсть о всякомъ пораженіи являлась неизвѣстно откуда и распространялась съ неимовѣрной быстротой. Я и до сихъ поръ не могу объяснить себѣ механизма этой анонимной передачи новостей, выходившихъ изъ невѣдомыхъ источниковъ, но фактъ на лицо. 2-го сентября, возвращаясь къ обѣду въ Севръ, я, на пути къ желѣзной дорогѣ, встрѣтилъ знакомаго депутата, которому за полчаса передъ этимъ военный министръ объявилъ, что никакихъ извѣстій нѣтъ; утреннія газеты 3-го числа не содержали никакихъ новыхъ депешъ—а въ десять часовъ, когда я пріѣхалъ изъ Севра, мой лакей объявилъ мнѣ взволнованнымъ голосомъ, что Макъ-Магонъ убитъ и армія въ безпорядкѣ отступаетъ. Извѣстіе это оказалось вѣрнымъ наполовину: Макъ-Магонъ былъ раненъ, а армія его, съ Наполеономъ во главѣ, была взята въ плѣнъ.

Вечеромъ пошелъ я въ Café de la Porte Montmartre, на монмартрскомъ бульварѣ, куда собирались обыкновенно республиканцы всѣхъ толковъ: тутъ встрѣчались и старые дѣятели

1848-го года, и новыя надежды партій—Бриссонъ, Ферри, Лорье, Тираръ. Гамбетта, любившій властвовать надъ своимъ кружкомъ—въ которомъ, къ слову сказать, за немногими исключеніями, были люди очень молодые и очень посредственные,—посѣщалъ другое заведеніе, тоже на бульварѣ, Café Frontin.

Я засталъ многолюдное собраніе; толкамъ, спорамъ, предложеніямъ не было конца. Одно только казалось всѣмъ несомнѣнно очевиднымъ: имперія фактически перестала существовать. Поздно вечеромъ узнали мы, что въ палатѣ депутатовъ назначено ночное засѣданіе. Мы всѣ туда отправились. Около палаты, на набережныхъ, на мосту и на площади Согласія стояла и гудѣла многотысячная толпа; кое-гдѣ были слышны крики: „да здравствуетъ республика!“ Полицейскіе, весьма многочисленные, попробовали-было разогнать толпу, но это было невозможно, да и дѣйствовали они не съ тѣмъ рвеніемъ, къ которому привыкли въ цвѣтущія времена имперіи, а какъ-то вяло, неловко; видно было, что и имъ защита Наполеоновскаго правительства казалась въ эту миниту совершенно ненужной. Около часа ночи засѣданіе кончилось; выходящіе депутаты объяснили намъ, что никакого рѣшенія не было принято, что дебаты отложены до слѣдующаго дня въ часъ пополудни. Мы сговорились собраться на другой день къ полудню на площади Согласія. Я остался ночевать въ Парижѣ. Наступило 4-е сентября.

Это было теплое солнечное воскресенье, одинъ изъ тѣхъ дней ранней осени, которые иногда такъ своеобразно красивы въ Парижѣ. Весь городъ былъ на улицѣ. Настроеніе публики было нервное, чувствовалось, что вотъ-вотъ разразится гроза. Даже на моей улицѣ—я жилъ тогда на лѣвомъ берегу Сены, въ rue des Beaux Arts,—обыкновенно тихой и безлюдной, слышны были крики: „долой имперію!“

Нѣсколько послѣ полудня вышелъ я изъ дома и отправился на площадь Согласія не прямо по набережной, что было гораздо короче, а черезъ Place du Carrousel и улицу Rivoli; мнѣ хотѣлось посмотрѣть, что дѣлается около Тюльерійскаго дворца. Ворота, ведущія въ его обширный дворъ, были заперты, на дворѣ стояло нѣсколько спѣшенныхъ эскадроновъ, такъ называемыхъ guides de l'Impératrice, и четыре конныя орудія. Это было отборное войско, на преданность котораго можно было разсчитывать; вызывающая физіономія чрезвычайно изящныхъ молодыхъ офицеровъ, презрительная улыбка, съ которой они смотрѣли на всѣхъ проходящихъ около рѣшетки, ясно показывали, что они ни передъ чѣмъ не остановятся, и мнѣ невольно пришло въ го-

лову, что въ концѣ дня у многихъ изъ насъ будутъ помяты бока. На улицѣ Rivoli густая толпа валила по направленію площади Согласія. Въ толпѣ этой были самые разнообразные элементы: тутъ были и роты національной гвардіи, наполовину обмундированной и большею частью невооруженной или вооруженной какими-то допотопными пистонными ружьями, и рабочіе въ бѣлыхъ блузахъ, составлявшіе главную публику тѣхъ политическихъ говорилень, которыя въ такомъ множествѣ развились въ послѣдніе мѣсяцы имперіи, наконецъ огромная масса ротозѣевъ, составляющихъ всегда главный контингентъ всякихъ демонстрацій и безъ которыхъ въ сущности невозможны никакія революціи.

Площадь была полна народа, который стремился приблизиться къ палатѣ депутатовъ, но мостъ былъ загражденъ со стороны площади двойнымъ рядомъ конныхъ жандармовъ, со стороны палаты—муниципальной гвардіей; посреди моста стоялъ полицейскій коммисаръ, опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ. Толпа подошла весьма близко къ этому грозному загражденію, и столкновеніе казалось неминуемымъ... Вдругъ, пробираясь сквозь толпу, подходитъ къ мосту рота національной гвардіи; впереди—капитанъ, въ военномъ кепи и штатскомъ платьѣ, поверхъ котораго онъ опоясалъ огромную саблю. Жандармы разступаются, коммисаръ учтиво кланяется, муниципалы салютуютъ; рота прошла, за ней другая, третья. Все это продолжалось какія-нибудь четверть-часа, пока я, отойдя нѣсколько въ сторону вдоль набережной, разговаривалъ съ знакомымъ журналистомъ. Когда я опять подошелъ къ мосту, я не безъ удивленія увидѣлъ, что жандармы, муниципалы и коммисаръ исчезли безъ слѣда и самая пестрая толпа проходитъ безпрепятственно на ту сторону рѣки. Потомъ мы узнали, что комендантъ Парижа, генералъ Soumain, опасаясь безцѣльнаго кровопролитія, велѣлъ отозвать солдатъ; еще прежде, по просьбѣ самихъ бонапартистовъ, вывели изъ помѣщенія палаты защищавшія ее роты линейной пѣхоты и замѣстили ихъ батальономъ національной гвардіи. Нѣсколько лѣтъ спустя тѣ же самые бонапартисты увѣряли, что эти военныя распоряженія были причиной успѣха 4-го сентября: еслибы оставили эти пятьдесятъ человѣкъ кавалеріи на мосту и эти тысячу человѣкъ пѣхоты на дворѣ палаты, не было бы во Франціи республики.

Это мнѣ напомнило, какъ разъ въ Москвѣ, когда я еще былъ въ университетѣ, одинъ молодой баричъ, ультра-ретроградъ, увѣрялъ меня, что никакихъ революцій не было бы, еслибы Людовикъ XVI, Карлъ X и Людовикъ-Филиппъ, вмѣсто того, чтобы

дѣлать разныя уступки парламенту, съ достаточной настойчивостью стрѣляли въ бунтовщиковъ. Въ отвѣтъ на эту наивную аргументацію, я ему привелъ разсказъ астронома Араго, призваннаго свидѣтелемъ въ процессѣ министровъ передъ палатой пэровъ въ 1830-мъ году. 29-го іюля, въ послѣдній изъ трехъ дней битвы на улицахъ Парижа, Араго находился по какому-то дѣлу въ пріемной Полиньяка, тогдашняго премьера. Вдругъ черезъ залу быстро проходитъ въ кабинетъ къ министру адъютантъ маршала Мармона, командовавшаго войсками. Черезъ нѣсколько минутъ онъ выходитъ совсѣмъ взволнованный и говоритъ Араго:—Какое несчастіе! Нашъ министръ сошелъ съ ума. Я ему доношу, что солдаты не повинуются и поднимаютъ ружья прикладами вверхъ, а онъ мнѣ преспокойно отвѣчаетъ: „велите стрѣлять въ солдатъ!“

Въ этомъ-то все затрудненіе. Мало повелѣвать: надо, чтобы приказанія исполнялись — а въ минуты революціи, когда она торжествуетъ, они не исполняются, потому что одинъ общій духъ охватываетъ и штатскихъ, и военныхъ. 4-го сентября мнѣ пришлось видѣть тому блестящій примѣръ.

Около двухъ часовъ площадь Согласія значительно опустѣла; большинство публики перевалило черезъ мостъ къ палатѣ депутатовъ, къ которой доступъ былъ теперь совершенно свободенъ. Осталось насъ человѣкъ не болѣе пятисотъ-шестисотъ. Кто-то вдругъ замѣтилъ, что флагъ, увѣнчанный большимъ орломъ, который развѣвался на фронтонѣ палаты, спущенъ; вскорѣ тотъ же трехцвѣтный флагъ былъ поднятъ, но на этотъ разъ уже безъ орла. Ясно было, что съ ненавистной палатой депутатовъ было покончено; оставалась послѣдняя цитадель династіи—Тюльерійскій дворецъ, съ охраняющими его войсками. Мы быстро направились къ монументальной рѣшеткѣ, отдѣляющей площадь отъ Тюльерійскаго сада. Ворота, обыкновенно раскрытыя настежь, были, разумѣется, заперты; въ нѣсколько минутъ десятки рукъ стали расшатывать чугунные затворы; еще усиліе — и тяжелыя ворота отворятся. Но тутъ вдругъ явился не вѣсть откуда пикетъ гвардейскихъ зуавовъ, который сталъ противъ рѣшетки съ очевиднымъ намѣреніемъ защищать входъ въ садъ. Совершенно безоружная толпа въ паническомъ страхѣ быстро подалась назадъ; минута была весьма критическая. Еслибы эта дюжина солдатъ дала залпъ, очевидно нѣсколько человѣкъ было бы убито или ранено, но зато разсвирѣпѣвшая толпа, отворивъ окончательно ворота, не оставила бы ни одного изъ солдатъ въ живыхъ. Нѣсколько смѣльчаковъ бросились впередъ съ крикомъ: „Бросайте

оружіе!“ Несчастные зуавы, вдалекѣ отъ всякой помощи, быть-можетъ даже не имѣя никакихъ опредѣленныхъ инструкцій, бросили свои ружья и куда-то необыкновенно быстро исчезли.

Въ то время, какъ ворота уступали дружному напору, нѣсколько совсѣмъ молодыхъ мальчиковъ вскарабкались, никѣмъ незамѣченные, на верхъ рѣшетки, гдѣ красовались позолоченные орлы, и принялись ихъ снимать. Одна изъ этихъ чугунныхъ птицъ, вѣроятно съ проржавѣвшими винтами, шлепнулась о земь, придавивъ до смерти молодого рабочаго: это былъ единственный убитый 4-го сентября и тотъ убитъ былъ не военнымъ, а штатскимъ манеромъ.

Ворота, наконецъ, открылись и мы вошли въ садъ; но идти дальше представлялось совершенно безразсуднымъ. Въ концѣ аллеи, которая идетъ отъ рѣшетки къ Тюльерійскому дворцу, виднѣлись орудія и довольно многочисленная пѣхота; очевидно было, что при первомъ движеніи впередъ насъ искрошатъ нѣсколькими картечными выстрѣлами. Кому-то пришла счастливая мысль послать парламентера. Тотчасъ же вызвался идти молодой унтеръ-офицеръ мобильной гвардіи, только-что сформированной въ Парижѣ; онъ взялъ въ руки развернутый носовой платокъ и быстрыми шагами пошелъ по направленію къ дворцу. Признаюсь, мы были всѣ не безъ боязни и провели нѣсколько тревожныхъ минутъ; кто знаетъ! его могутъ задержать, а пожалуй и разстрѣлять. Но вотъ онъ возвращается назадъ и кричитъ намъ издали: „дѣло улажено!“ Толпа громко ему апплодируетъ.

Вотъ что онъ разсказалъ намъ. Подойдя къ войскамъ и махая платкомъ, онъ спросилъ у перваго встрѣчнаго, кто тутъ командуетъ; ему указали на стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ генерала Меллинэ. Это былъ старый герой севастопольской и итальянской кампаній, весьма извѣстный огромнымъ количествомъ ранъ и крайне преданный Наполеоновской династіи. Нашъ посланный тотчасъ подошелъ къ нему, сдѣлалъ подъ козырекъ и почтительно объявилъ, что посланъ „народомъ“, который требуетъ, чтобы войска были немедленно уведены. Бѣдный народъ! въ революціонное время всѣ говорятъ отъ его имени, а онъ только отдувается своими боками. Нашъ молодой сержантъ прибавилъ, что палата разсѣяна, что Наполеоновское правительство болѣе не существуетъ и что, слѣдовательно, всякое кровопролитіе было бы безцѣльнымъ преступленіемъ. Старый боецъ колебался: видно, горько ему было отступать безъ боя. Но время терять было нечего; онъ могъ быть совсѣмъ окруженъ толпой, которая все болѣе и болѣе возрастала на набережной и на улицѣ Rivoli. Наконецъ онъ рѣ-

шился и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ сказалъ: „Черезъ полчаса войска уйдутъ отсюда, но чтобы никто до того времени не подходилъ къ дворцу“. Нашъ парламентеръ посмотрѣлъ на свои часы, почтительно поклонился и направился въ обратный путь.

Соблюдая условія этого неожиданнаго перемирія, по прошествіи срока, наша кучка, въ которой теперь было не болѣе двухсотъ человѣкъ, двинулась впередъ, но не гурьбой, а въ разсыпную, опасаясь какой-нибудь непредвидѣнной засады. Лично я былъ вполнѣ убѣжденъ, что ничего такого не будетъ. Я зналъ генерала Меллинэ, бывшаго гросмейстера французскаго масонства, къ которому я тогда принадлежалъ и въ іерархіи котораго я нѣсколько лѣтъ спустя занималъ третье мѣсто. Я зналъ, что это былъ человѣкъ безупречной честности и что на его слово можно было положиться вполнѣ. Но толпу убѣдить было нельзя: она смотрѣла на всякаго слугу имперіи, безъ различія, какъ на врага, способнаго на всякія вѣроломства.

Когда мы подошли ко дворцу, отъ войска, тутъ столь недавно бывшаго, не осталось другого слѣда, кромѣ массы валявшихся окурковъ папиросъ и сигаръ. Мы быстро вошли въ самый дворецъ, двери котораго были открыты настежь. Тутъ поразило насъ совершенно невѣроятное зрѣлище: дворецъ былъ пустъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ немъ мы не нашли не только ни одного изъ всѣхъ многочисленныхъ чиновниковъ, адъютантовъ, ординарцевъ, вѣстовыхъ, но ни одного лакея. Вездѣ, начиная съ помѣщенія швейцара и кончая будуаромъ императрицы, видны были явственные слѣды поспѣшнаго бѣгства обитателей дворца; въ какой-то комнатѣ стоялъ еще неубранный столъ съ остатками завтрака; въ спальнѣ императрицы на полу валялась какая-то шаль, на одномъ изъ стульевъ лежала открытая шляпная картонка. Потомъ мы узнали, что императрица оставила Тюльери за нѣсколько минутъ до нашего прихода; покинутая всѣми своими приверженцами, она чуть было не осталась совсѣмъ одинокой, съ своей фрейлиной Лебретонъ. Нашелся только одинъ человѣкъ, который сжалился надъ падшимъ величіемъ, да и тотъ былъ иностранецъ — итальянскій посланникъ Нигра; онъ провелъ императрицу черезъ Лувръ до площади St.-Germain l'Auxerrois и посадилъ ее въ случайно попавшуюся закрытую извозчичью карету. Боясь, вѣроятно, накопившейся противъ нея народной злобы, она не посмѣла искать убѣжища у кого-нибудь изъ французовъ и провела послѣдній день въ Парижѣ у американскаго дантиста Ивенса.

Такъ кончилась эта негодная династія, которая во второй разъ привела къ нашествію враговъ: Наполеонъ—въ плѣну, жена его—въ бѣгахъ. Послѣдняя депеша, пришедшая въ Тюльери, подписанная гувернеромъ молодого принца—она была потомъ напечатана въ числѣ бумагъ, найденныхъ во дворцѣ—заключала въ себѣ три слова: „Filons sur Belgique“. Пала имперія не отъ внѣшняго усилія, не на баррикадахъ, не подъ громъ пушекъ и ружейныхъ выстрѣловъ, а подъ тяжестью всеобщаго презрѣнія. Тотъ, кто не былъ въ эти дни въ Парижѣ, не можетъ себѣ представить, до какой степени было единодушно настроеніе публики. Бонапартистовъ не было нигдѣ, даже въ самыхъ консервативныхъ кварталахъ, какъ напр. Елисейскія-Поля, или если они гдѣ и были, то тщательно скрывались. Военные и штатскіе, богатые и бѣдные, буржуазія и рабочіе—всѣ въ одинъ голосъ кричали: „да здравствуетъ республика!“

Покончивъ съ осмотромъ Тюльери, мы призвали первую попавшуюся на rue de Rivoli роту національной гвардіи, которая заперла всѣ двери и разставила повсюду часовыхъ. Согласно традиціямъ всѣхъ предыдущихъ революцій, сейчасъ же появились на всѣхъ стѣнахъ внутреннихъ корридоровъ надписи мѣломъ или углемъ, смотря по цвѣту стѣнъ: „смерть ворамъ!“ И дѣйствительно, ничего не было украдено, не смотря на то, что вошедшая съ нами толпа была самая разношерстная и въ богатыхъ залахъ было много очень цѣнныхъ вещей. Въ эти торжественныя минуты, когда рѣшается судьба цѣлаго общественнаго строя, когда прошедшее вдругъ исчезаетъ и рождаются свѣтлыя надежды на будущее, въ душѣ самыхъ безнравственныхъ людей всплываютъ давно забытыя чувства чести и добра.

До обѣда оставалось еще немало времени, и я пошелъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими пріятелями, шляться по разнымъ кварталамъ Парижа. Температура энтузіазма мѣнялась, смотря по кварталамъ, но общій характеръ былъ вездѣ одинаковъ: всеобщая радость и желаніе какъ можно скорѣе стереть послѣдніе слѣды такъ неожиданно скоро исчезнувшаго политическаго режима. Вездѣ снимались или, лучше сказать, срывались наполеоновскіе гербы, и—странное дѣло—этимъ занимались съ особеннымъ рвеніемъ солдаты. Быть можетъ, апплодисменты, которыми ихъ награждала за это публика, льстили ихъ самолюбію; но, вѣроятно, имъ болѣе, чѣмъ кому бы то ни было, было горько убѣдиться, что они такъ долго безпрекословно и преданно служили такому слабому, такому неспособному правительству. Народная радость слагалась тоже изъ двухъ весьма раздичныхъ элементовъ: во-

первыхъ, изъ очень естественнаго удовольствія праздновать побѣду, и притомъ столь легкую, надъ правительствомъ, которое на-дняхъ еще казалось несокрушимымъ; во-вторыхъ—и, прибавлю, это было главное,—надежда, чтобы не сказать увѣренность, что война кончится немедленно. Король Вильгельмъ въ своей прокламаціи объявилъ, что воюетъ противъ Наполеона, а не противъ французскаго народа; съ низверженіемъ Наполеона и его династіи война, слѣдовательно, теряла всякій смыслъ.

Таковы были первые медовые дни республики. Но миролюбивымъ, очень наивнымъ надеждамъ не суждено было осуществиться: непріятель, заперевъ Базена въ Мецѣ и освободивъ свою армію изъ-подъ Седана, шелъ прямо на Парижъ. 7-го или 8-го можно было безошибочно предсказать, черезъ сколько дней онъ подойдетъ къ намъ на пушечный выстрѣлъ. А между тѣмъ Парижъ былъ совершенно беззащитенъ; его бастіоны были на самомъ мирномъ положеніи, безъ орудій, безъ пороховыхъ погребовъ, безъ казематовъ, безъ амбразуръ; на нихъ по-прежнему шумно играли уличные мальчишки. Въ фортахъ, окружавшихъ городъ, не было гарнизоновъ; національная гвардія не была вооружена, настоящаго войска былъ всего одинъ корпусъ—13-ый, какимъ-то чудомъ спасшійся изъ Седана и пришедшій въ самомъ жалкомъ состояніи, разстроеннымъ, деморализованнымъ. Новый 14-ый корпусъ только-что формировался подъ начальствомъ Рено. Ему недоставало всего: и кадровъ, и военной опытности, и въ особенности, какъ мы скоро увидимъ, военной дисциплины.

Все это бросалось въ глаза тѣмъ, кто не совсѣмъ потерялъ хладнокровіе; а между тѣмъ мы и тутъ, въ эту критическую минуту, находили самыя утѣшительныя соображенія. Мы всѣ были убѣждены, что ни обложить, ни бомбардировать Парижъ невозможно; подъ всѣми я разумѣю не только некомпетентныхъ штатскихъ, но и спеціалистовъ военнаго дѣла. Я очень хорошо помню, какъ, разъ, въ послѣднихъ числахъ августа, возвращаясь на дачу, я встрѣтилъ въ вагонѣ знакомаго инженернаго полковника, который сталъ насъ очень убѣдительно успокоивать.

— Помилуйте,—говорилъ онъ,—периметръ площади, находящейся подъ огнемъ нашихъ фортовъ, болѣе двухсотъ километровъ. Чтобы занять такое огромное пространство, надо по меньшей мѣрѣ милліонное войско. Что касается бомбардированія, будьте увѣрены—оно немыслимо. Если даже дальность боя непріятельскихъ орудій болѣе семи тысячъ метровъ, его снаряды едва достигнутъ бастіоновъ внѣшней ограды Парижа.

Увы! и на этотъ разъ намъ пришлось перенести горькое

разочарованіе. Не прошло и мѣсяца, какъ непріятель насъ обложилъ, не употребивъ на это болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ, и когда ему вздумалось насъ обстрѣливать, его гранаты падали почти во всѣхъ кварталахъ южной части города. Что дѣлать! Мы съ начала и до самаго конца осады жили въ какой-то искусственной, непривычной атмосферѣ, были окружены какими-то фантастичными иллюзіями, которыя не позволяли намъ ясно видѣть дѣйствительность.

Около половины сентября, когда окончательно выяснилось, что непріятель идетъ къ намъ и съ юга, и съ сѣвера, братъ мой съ своимъ пріятелемъ уѣхалъ не безъ труда, такъ какъ всѣ поѣзда были переполнены. Мнѣ самому пришлось переселиться въ Парижъ. Удалось мнѣ это только 17-го числа, когда я за баснословную цѣну могъ нанять небольшой фургонъ, въ которомъ перевезъ только часть своей мебели: остальную оставилъ я на произволъ судьбы. Спѣшу прибавить, что послѣ капитуляціи я все нашелъ на своемъ мѣстѣ.

Два дня спустя, въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ моей дачи, около недоконченнаго Шатильонскаго редута завязался бой, который окончился самымъ постыднымъ образомъ.

Генералъ Дюкро, назначенный главноначальствующимъ надъ всѣми регулярными войсками въ Парижѣ, рѣшился, 19-го сентября, атаковать непріятеля, шедшаго фланговымъ маршемъ въ Версаль черезъ высокое плато, которое господствуетъ надъ южными фортами. Мысль откинуть непріятеля какъ можно дальше отъ города и занять крѣпко плато, на которомъ было нѣсколько неоконченныхъ редутовъ, была несомнѣнно прекрасная. Но, къ несчастью, достоинство военныхъ плановъ обусловливается не столько теоретическими соображеніями, лежащими въ ихъ основаніи, сколько примѣненіемъ практическихъ средствъ для ихъ осуществленія. Средствъ этихъ у генерала Дюкро не было. 14-ый корпусъ, который онъ пустилъ въ дѣло, былъ составленъ изъ самыхъ разношерстныхъ элементовъ, между собою вовсе не сплоченныхъ. Съ первыхъ же непріятельскихъ выстрѣловъ нѣкоторые батальоны дрогнули, другіе вовсе разбѣжались. Дѣло, начатое въ шесть часовъ, было къ восьми часамъ утра окончательно проиграно и обратилось въ безцѣльное выпусканіе зарядовъ. Нѣсколько позже одинъ изъ генераловъ безъ всякаго приказанія увелъ въ величайшемъ безпорядкѣ свою дивизію и вернулся въ городъ.

На другой день, утромъ, мы могли прочесть оффиціальную реляцію сраженія, подписанную генераломъ Шмицемъ, началь-

никомъ штаба Трошю, и заканчивавшуюся такъ: „къ несчастью, часть войска отступила съ прискорбной поспѣшностью“. Не смотря на весь трагизмъ положенія, надъ этой „прискорбной поспѣшностью“ парижане долго смѣялись. А какова была эта поспѣшность, я сейчасъ разскажу. 19-го сентября, часа въ четыре пополудни, я былъ на сѣверѣ Парижа, въ кварталѣ Батиньоль, т.-е. верстъ за двѣнадцать по прямой линіи отъ поля сраженія. Тамъ я встрѣтилъ бѣжавшихъ солдатъ и въ одиночку, и небольшими кучками, полупьяныхъ, кричавшихъ во все горло: „генералы измѣнники! они повели насъ на убой!“ А между тѣмъ ихъ ружья не носили слѣдовъ пороха и въ ихъ сумкахъ всѣ патроны были цѣлы. Ожесточенная публика стала было тащить ихъ въ Лувръ, гдѣ была главная квартира губернатора Парижа, но потомъ махнула рукой: ихъ было слишкомъ много и ихъ находили вездѣ, во всѣхъ кварталахъ.

Грустное это было зрѣлище и мало утѣшительное для будущей обороны Парижа. Проигранная баталія на Шатильонскихъ высотахъ опредѣляетъ начало осады, которая кончилась капитуляціей 28-го января 1871-го года.

Хотя я перечиталъ много всякихъ нѣмецкихъ сочиненій о войнѣ 1870-го года, я никогда не могъ понять, и теперь еще не понимаю, отчего прусаки не вошли въ городъ 19-го сентября по слѣдамъ бѣгущихъ войскъ генерала Дюкро. Быть-можетъ, они хотѣли намѣренно продолжать кампанію, исходъ которой не подлежалъ никакому сомнѣнію, чтобы предъявить при заключеніи мира болѣе тяжелыя условія—или они думали, что найдутъ въ Парижѣ вторую Сарагоссу. Но изнѣженные парижане не уподоблялись полудикимъ арагонцамъ, и Трошю не былъ Палафоксомъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что въ этотъ день непріятель могъ занять Парижъ почти безъ выстрѣла, захватить все правительство и разомъ покончить войну. Дѣйствительно, 19-го сентября Парижъ не могъ защищаться. Никакихъ баррикадъ не было—ихъ настроили совершенно безцѣльно гораздо позже; національная гвардія не была вооружена, а если и были ружья у нѣкоторыхъ батальоновъ, то ни у кого не было патроновъ, современное же ружье безъ патрона хуже простой палки. На бастіонахъ стояли тамъ и сямъ нѣсколько орудій стараго образца, но порохъ и снаряды еще не были подвезены.

Въ послѣдніе передъ этимъ дни я былъ занятъ отчасти своими личными дѣлами, отчасти устройствомъ выѣзда изъ Парижа

Литтре, съ его семействомъ, и престарѣлой больной вдовы О. Конта. При замѣчательномъ умѣ и необычайной эрудиціи, семидесятилѣтній Литтре страдалъ отсутствіемъ всякой энергіи; это былъ въ практическихъ дѣлахъ жизни совершенный ребенокъ, для котораго всякое измѣненіе житейскаго обихода представлялось чѣмъ-то совершенно непостижимымъ; его жена и дочь были созданы по его образу и подобію. Надо сказать, что въ это время отъѣздъ былъ сопряженъ съ большими затрудненіями; поѣзда ходили еще только по направленію къ сѣверу и западу; дебаркадеры были переполнены народомъ, большею частью довольно зажиточнымъ, объятымъ какимъ-то паническимъ страхомъ. Билеты надо было брать за два-три дня, проталкиваясь черезъ густую толпу, свирѣпую, какъ всѣ сборища запуганныхъ людей. Еще труднѣе было размѣщеніе въ вагонахъ, нагруженныхъ до-нѣльзя. Помню, что я съ двумя пріятелями, пріѣхавшими со мной провожать нашего патріарха, едва-едва успѣлъ усадить совершенно растерянное семейство, тащившее съ собой, какъ всѣ неопытные путешественники, цѣлую массу коробовъ, свертковъ, узелковъ. Еще бо́льшихъ усилій стоило мнѣ устроить „исходъ“ бѣдной вдовы Конта, которая едва могла ходить.

Когда все это уладилось, когда положеніе выяснилось и я окончательно убѣдился, что мы будемъ обложены и притомъ очень скоро, надо было подумать о ближайшемъ будущемъ. Оставаясь въ Парижѣ, въ которомъ я давно рѣшился окончательно основаться и который, слѣдовательно, сталъ для меня „своимъ“ городомъ, я считалъ своей прямой обязанностью принять участіе въ его защитѣ, хотя, въ качествѣ иностранца, я не имѣлъ въ немъ никакихъ политическихъ правъ. Но какъ лучше всего использовать свои знанія, свою энергію и добрую волю? Надо было осмотрѣться, посовѣтоваться съ друзьями. Но гдѣ они? За исключеніемъ немногихъ, оставшихся за штатомъ, всѣ они размѣстились болѣе или менѣе на удачу, какъ это всегда бываетъ въ первое время революціонной перетасовки. Я пошелъ ихъ отыскивать по разнымъ казеннымъ учрежденіямъ.

Прежде всего я направилъ свои шаги въ префектуру полиціи, въ томъ предположеніи, что по природѣ своей она должна быть всевѣдущей. Тамъ грязь была невообразимая и царствовалъ полный хаосъ; очевидно было, что новое „начальство“ не могло, да вѣроятно и не умѣло привести все это въ порядокъ, тѣмъ болѣе, что всѣ подначальные остались прежніе. Префектомъ оказался либеральный депутатъ Кератри, котораго я лично не зналъ, но за то его начальникомъ канцеляріи былъ нашъ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

молодой сотрудникъ А. Дюбостъ (теперешній предсѣдатель сената, а въ будущемъ, пожалуй, президентъ республики). Поговоривъ съ нимъ о томъ, о семъ и получивъ кое-какія справки объ административномъ персоналѣ, я его спросилъ кстати, не можетъ ли онъ мнѣ показать имѣющіяся обо мнѣ полицейскія свѣдѣнія. Онъ расхохотался: „Это, по крайней мѣрѣ, двадцатый знакомый, который задаетъ мнѣ тотъ же вопросъ. Извольте, съ большимъ удовольствіемъ". И онъ позвонилъ. Принесли мое „дѣло". Спросилъ я его вовсе не изъ празднаго любопытства: мнѣ совершенно безразлично было знать мнѣніе обо мнѣ наполеоновскихъ агентовъ. Я интересовался имъ по особому обстоятельству.

Въ концѣ 1869-го года, когда общіе выборы послали въ законодательное собраніе человѣкъ тридцать республиканцевъ всѣхъ оттѣнковъ, нѣкоторые изъ этихъ новыхъ депутатовъ довольно усердно посѣщали мои четверги, поучиться уму-разуму у старика Литтре, который на нихъ всегда присутствовалъ. Какъ-то разъ одинъ изъ гостей сообщилъ мнѣ, что на улицѣ передъ моими окнами расхаживаетъ какой-то подозрительный субъектъ, который пристально оглядываетъ всѣхъ приходящихъ въ домъ. Когда всѣ разошлись, я посмотрѣлъ въ окно: довольно неприглядный субъектъ дѣйствительно ходилъ взадъ и впередъ по противоположному тротуару. День былъ дождливый, холодный; я сжалился надъ бѣднымъ агентомъ и послалъ за нимъ, поручивъ передать ему, что имѣю сдѣлать важное сообщеніе. Прозябшему и нѣсколько сконфуженному „агенту" я тотчасъ же предложилъ стаканъ вина, чокнулся даже съ нимъ за здоровье Наполеона, прибавивъ, однако, что онъ дѣлаетъ дрянное дѣло и что есть болѣе приличныя занятія. Несчастный, женатый и семейный человѣкъ, какъ оказалось, получалъ 120 франковъ въ мѣсяцъ. Можно ли было на него сердиться! Я далъ ему золотой, только просилъ не писать обо мнѣ вздора. Вотъ этотъ-то „рапортъ" я и читалъ въ кабинетѣ Дюбоста. Это были листки, написанные крупнымъ, почти дѣтскимъ почеркомъ и необыкновенно безграмотнымъ языкомъ; всѣ свѣдѣнія были, очевидно, почерпнуты изъ разсказовъ моего консьержа, бывшаго полицейскаго и яраго бонапартиста. Какъ я потомъ отъ души смѣялся, когда послѣ 4-го сентября мой консьержъ, боясь республики и въ особенности республиканцевъ, сталъ за мной подобострастно ухаживать!

Изъ префектуры пошелъ я въ разныя министерства искать друзей-пріятелей. Ихъ особенно много было въ министерствѣ

внутреннихъ дѣлъ, гдѣ властвовалъ Гамбетта, съ своими диктаторскими замашками уволившій сразу чуть ли не всѣхъ чиновниковъ и замѣнившій ихъ юными республиканцами, не всегда опытными и смышленными, за то весьма „преданными“. Правду сказать, отъ этого дѣло вовсе не страдало, такъ какъ—за исключеніемъ первыхъ дней, когда Парижъ сообщался еще кое-какъ съ остальной Франціей,—никакого дѣла не было, хотя и тутъ не обходилось безъ курьезовъ.

Директоромъ личнаго состава былъ химикъ Накэ, впослѣдствіи депутатъ, потомъ сенаторъ и очень извѣстный авторъ закона о разводѣ. Этотъ милѣйшій и умнѣйшій человѣкъ былъ тутъ совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ; чистый теоретикъ, онъ помимо кое-кого изъ ученаго міра никого не зналъ.

Когда я вошелъ въ его изящный кабинетъ, „господинъ директоръ“ сидѣлъ за огромнымъ письменнымъ столомъ и писалъ депеши, смѣнявшія старыхъ и назначавшія новыхъ префектовъ въ разныхъ департаментахъ. Онъ очень обрадовался мнѣ, и мы съ нимъ разговорились о положеніи военныхъ и гражданскихъ дѣлъ.

— А, вотъ кстати, нѣтъ ли у васъ кого на примѣтѣ? Я не нахожу никого для префектуры департамента Вандеи.

У меня подходящаго человѣка не оказалось. Въ эту минуту приносятъ карточку нашего общаго пріятеля, химика Гримо, который потомъ былъ членомъ Академіи Наукъ и пострадалъ за Дрейфусовское дѣло.

— Вотъ вамъ настоящій совѣтчикъ! жена его изъ Вандеи, и онъ тамъ всѣхъ знаетъ.

Гримо ему дѣйствительно тотчасъ же указалъ „надежнаго“ кандидата; депеша была тутъ же написана и немедленно отослана, вмѣстѣ съ другими, составленными вѣроятно по тому же способу. Такъ дѣлались тогда назначенія! Что же удивляться, послѣ этого, если они оказывались, въ большинствѣ случаевъ, крайне неудачными и если приходилось замѣнять новыхъ чиновниковъ всѣхъ родовъ еще новѣйшими.

Иначе и быть не могло. Во все время восемнадцатилѣтняго правленія Наполеона III-го республиканцы всѣхъ оттѣнковъ, даже самыхъ умѣренныхъ, систематически отстранялись отъ всякихъ политическихъ и административныхъ дѣлъ. Имъ предоставлялась область безплодной оппозиціи, и притомъ оппозиціи чисто словесной, у которой не было никакой реальной почвы. Старые дѣятели 1848-го года продолжали пережевывать свои несбыточныя теоріи. Молодое народившееся поколѣніе но-

сило на себѣ клеймо своего постыднаго происхожденія: оно представляло собою имперію наизнанку, политику отрицанія, въ которой люди исчезали передъ величіемъ принциповъ—а практическое осуществленіе великихъ идей должно было совершиться само собою. Можно сказать безошибочно, что девять десятыхъ людей, ставшихъ во главѣ движенія и правительства 4-го сентября, были люди теоріи, безъ всякой подготовки къ общественной дѣятельности. Что они были люди умные, благонамѣренные, честные—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но всего этого недостаточно, чтобы управлять кораблемъ въ такое бурное время. Ихъ единственное извиненіе—въ томъ, что не было никого другого, кто бы могъ взять въ свои руки, съ бо̀льшими шансами на успѣхъ, тяжелое наслѣдство павшаго режима. Правительство „народной обороны“ составилось совершенно случайно: оно всплыло вдругъ, въ какіе-нибудь полчаса, на поверхность народной волны. Въ немъ не было ни единомыслія, ни единодушія; у него не было никакой опредѣленной программы кромѣ смутнаго представленія о необходимости защищаться. Но какъ организовать защиту? Какъ сдѣлать ее возможной при отсутствіи всякой военной подготовки и при полномъ разстройствѣ всѣхъ органовъ управленія? Объ этомъ никто изъ правящихъ не помышлялъ, отдѣлываясь громкими рѣчами и трескучими прокламаціями. Удивляться тутъ нечего. Члены правительства народной обороны были все знаменитые адвокаты, писатели, памфлетисты; никто изъ нихъ не имѣлъ, не могъ имѣть ни малѣйшаго понятія о сложной администраціи осажденнаго города. Даже предсѣдатель, генералъ Трошю, былъ избранъ не столько за свои военные подвиги, о которыхъ въ сущности никто не зналъ, сколько за его книгу, дѣйствительно увлекательно написанную, которую всѣ республиканцы съ восторгомъ читали, потому что она была направлена противъ наполеоновскаго режима. Все это были люди крайне талантливые, пока они оставались въ сферѣ своей обычной дѣятельности—и оказавшіеся совершенно бездарными, какъ только обстоятельства ихъ перенесли въ чуждую имъ область. Всѣ тѣ, которые не совсѣмъ потеряли критическое чутье, очень ясно видѣли съ самаго начала, что съ такими элементами никакая раціональная защита невозможна. И мы дѣйствительно не защищались, а такъ себѣ сиднемъ сидѣли, пока не досидѣлись до послѣдняго куска хлѣба, все ожидая, что кто-нибудь или что-нибудь выведетъ насъ изъ бѣды...

Посовѣтовавшись съ тѣмъ и другимъ, я рѣшился записаться въ національную гвардію; но такъ какъ въ этомъ болѣе гра-

жданскомъ, чѣмъ военномъ войскѣ, которое должно было оставаться въ предѣлахъ городской черты, свободнаго времени, вѣроятно, должно было быть очень много, то я намѣревался поступить вмѣстѣ съ этимъ въ походные лазареты Краснаго Креста. Такимъ образомъ я могъ быть полезенъ и intra, и extra muros.

Изъ трехъ родовъ оружія, составлявшихъ національную гвардію, я предпочелъ артиллерію, которая требуетъ хоть нѣкотораго примѣненія умственныхъ способностей и которой командовалъ въ чинѣ полковника старый Шельшеръ — извѣстный защитникъ негровъ въ 1848-мъ году. Къ нему свелъ меня Брисонъ, теперешній предсѣдатель палаты депутатовъ, служившій самъ подъ его начальствомъ. Старикъ принялъ меня очень вѣжливо, но въ просьбѣ категорически отказалъ, такъ какъ принялъ за неизмѣнное правило въ свое „отборное войско“ иностранцевъ не принимать. Какъ ни страненъ былъ этотъ артиллерійскій національзмъ, возражать было нечего и пришлось волей-неволей поступать въ „инфантерію“, куда меня тотчасъ же приняли безъ всякихъ затрудненій.

Національную гвардію того времени можно было раздѣлить на двѣ очень неровныя и несхожія части. Батальоны №№ 1—60 существовали еще при имперіи; они были составлены главнымъ образомъ изъ средней буржуазіи, были прилично обмундированы, и если въ нихъ не было военнаго духа, то все же была нѣкоторая военная выправка, нѣкоторое знаніе маневровъ пѣхоты, коекакая дисциплина. Слѣдующіе номера 61 — 250 были новаго образованія, начавшагося тотчасъ послѣ 4-го сентября и еще не завершившагося къ концу мѣсяца. Въ нихъ преобладали рабочіе и мелкіе буржуа; мундиры у нихъ были самые разнообразные и подчасъ самые фантастическіе; ни военной выправки, ни дисциплины не было слѣда; за то въ нихъ царствовалъ, по крайней мѣрѣ въ первыя недѣли, „духъ унынія и празднословія“. Батальонъ моего квартала, 84-ый, былъ изъ новыхъ, и я предпочелъ батальонъ сосѣдняго квартала, 16-ый, слѣдовательно изъ старыхъ, вовсе не потому, что тамъ былъ болѣе буржуазный характеръ—я и до сихъ поръ буржуазіи терпѣть не могу,—а потому, что тамъ у меня были знакомые, а въ томъ числѣ отставной сержантъ зуавовъ, который продѣлалъ и Севастопольскую, и Итальянскую кампаніи, и могъ направлять мои первые шаги на военномъ поприщѣ. 24-го сентября я былъ совсѣмъ обмундированъ, вооруженъ англійскимъ скорострѣльнымъ штуцеромъ вмѣсто одного изъ тѣхъ довольно плохихъ ружей, которыя раздавались національной гвардіи; въ семь часовъ утра я былъ на

сборномъ пунктѣ моей 7-ой роты. Въ первый разъ нашъ батальонъ долженъ былъ нести гарнизонную службу на 72-мъ бастіонѣ. Это воинственное похожденіе мнѣ очень памятно, потому что оставило по себѣ самое грустное впечатлѣніе. Во-первыхъ, сборы продолжались очень долго: кто проспалъ, кто допивалъ свой кофе, а кто просто забылъ; раза два посылали нашего барабанщика бить тревогу по сосѣднимъ улицамъ. Наконецъ, около восьми часовъ перекличка дала удовлетворительные результаты: почти всѣ были въ сборѣ, и мы двинулись впередъ въ сравнительномъ порядкѣ.

Оказалось, что наша рота назначена въ резервъ, и потому насъ помѣстили, довольно впрочемъ удобно, въ зданіи, занимаемомъ обыкновенно весьма извѣстной тогда іезуитской школой, за нѣсколько дней передъ тѣмъ распущенной. Вездѣ еще висѣли распятія, образа, посудины съ святой водой, но ужъ пыли накопилось много, и мы первымъ дѣломъ стали нѣсколько обчищать наше случайное жилище. Не успѣли мы позавтракать изъ дому захваченными припасами, какъ пришло приказаніе идти на рекогносцировку черезъ деревню Исси и Медонъ къ берегу Сены: кто-то донесъ, что тамъ появились кавалерійскіе разъѣзды непріятеля. Вызвали охотниковъ; насъ собралось человѣкъ пятьдесятъ; розданы были патроны, и самъ капитанъ повелъ насъ въ „походъ“.

Но прежде всего надо сказать два слова о нашихъ офицерахъ. Въ первые же дни послѣ 4-го сентября появился декретъ правительства, вводившій въ батальоны національной гвардіи выборное начало для всѣхъ начальниковъ, начиная съ капраловъ. Декретъ этотъ былъ принятъ всѣми, за исключеніемъ двухъ голосовъ: генерала Трошю и генерала Лефло, стараго республиканца 1848-го года, т.-е. единственныхъ военныхъ членовъ совѣта. Офицеры старыхъ батальоновъ, назначенные наполеоновскимъ правительствомъ конечно не за ихъ военныя способности, которыя въ то время были совсѣмъ ненужны, а за ихъ политическую „благонадежность“, большею частью остались на своихъ мѣстахъ и послѣ выборовъ. Такимъ образомъ командиромъ моей роты остался помощникъ столоначальника министерства финансовъ — нѣкій Прадье-де-Шевремонъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, весьма представительной и даже воинственной наружности, носившій свое кепи на бекрень, огромную саблю, большой походный бинокль и за поясомъ два револьвера. Но воинственность его высказывалась только въ его внѣшности; о военномъ дѣлѣ, даже самомъ элементарномъ, онъ не имѣлъ

ни малѣйшаго понятія и храбрость его, какъ потомъ оказалось, была самаго сомнительнаго достоинства. Къ счастью, между остальными офицерами было двое старыхъ военныхъ, и между прочимъ мой пріятель, бывшій зуавъ.

Такъ вотъ этотъ штатскій капитанъ повелъ насъ искать непріятеля. День былъ солнечный, теплый; внѣ города мы шли какъ на обыкновенную прогулку — шумно, въ безпорядкѣ, съ незаряженными ружьями, безъ всякихъ обязательныхъ предосторожностей, которыя я успѣлъ вычитать въ книжкахъ о „внутренней“ и „полевой“ службѣ. Это было первое, что меня удивило. Но еще гораздо болѣе удивился я, когда, пройдя версты двѣ, капитанъ нашелъ, что надо отдохнуть, и, благо тутъ случился кабачокъ, предложилъ намъ „прохладиться“.

Въ это время мы находились на длинной, узкой улицѣ, вдоль которой по обѣимъ сторонамъ шли дома или каменныя стѣны, такъ что достаточно было десяти всадниковъ, чтобы смять въ нѣсколько минутъ нашу нестройную толпу. Однако мы благополучно вышли на равнину, и нашъ капитанъ сталъ смотрѣть въ бинокль, нѣтъ ли гдѣ непріятельскаго пикета. Никакихъ пикетовъ не оказалось; за то, дойдя до Сены, мы встрѣтили какого-то страннаго господина, съ зрительной трубой въ рукахъ, очень прилежно осматривающаго окрестности; онъ едва говорилъ по-французски и оказался грекомъ. Мы его приняли за шпіона и очень торжественно привели въ штабъ. Увы! это былъ безобидный туристъ, котораго черезъ нѣсколько часовъ пришлось выпустить не безъ подобающихъ извиненій.

Я привелъ этотъ первый мой военный эпизодъ, который потомъ повторялся не разъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, потому что онъ живо характеризуетъ тогдашнюю организацію и тогдашнее настроеніе: полное незнаніе самыхъ основныхъ военныхъ пріемовъ и общую манію видѣть вездѣ шпіоновъ и сваливать на нихъ всѣ наши невзгоды. Незнаніе военнаго искусства въ обширномъ смыслѣ этого слова было, впрочемъ, всеобщее: имъ страдали записные военные всѣхъ категорій и всѣхъ чиновъ. Артиллеристы изобрѣли такія пушки, снаряды которыхъ не долетали до непріятельскихъ батарей; инженеры построили укрѣпленія, которыя обстрѣливались и съ фланговъ, и съ горжи; пѣхоту водили постоянно густыми массами, въ которыхъ картечь производила ужасныя опустошенія. Какая же возможна была защита противъ арміи, представлявшей собою послѣднее слово военной организаціи! Да никто и не вѣрилъ въ возможность успѣха. Когда въ началѣ октября вполнѣ выяснились всѣ изъяны

нашихъ укрѣпленій и нашего войска, энтузіазмъ первыхъ дней быстро смѣнился двумя совершенно противоположными чувствами: желаніемъ скораго мира, что̀ преобладало въ буржуазіи и въ либеральныхъ профессіяхъ—и желаніемъ борьбы до крайности для „спасенія чести Парижа“, что̀ встрѣчалось въ особенности въ рабочемъ классѣ, живущемъ всегда гораздо болѣе сентиментальными и метафизическими соображеніями, чѣмъ реальными условіями каждодневной жизни. Эти два чувства образовали двѣ политическія партіи, и можно сказать, что вся исторія парижской осады—не что иное, какъ исторія ихъ постоянной борьбы. Что касается до правительства, то оно, по какой-то неожиданной логикѣ, совмѣщало въ себѣ эти два повидимому несовмѣстимыя стремленія. Многіе изъ его членовъ, быть можетъ даже всѣ—я говорю, впрочемъ, только о тѣхъ, которыхъ лично зналъ и съ которыми случалось встрѣчаться, притомъ довольно часто—были убѣждены въ необходимости заключить перемиріе какъ можно скорѣе, созвать учредительное собраніе и сложить съ себя тяжелую отвѣтственность; но какъ только они собирались въ ратушѣ на общія засѣданія, никто изъ нихъ не смѣлъ выступить поборникомъ прекращенія войны, сдѣлавшейся очевидно безцѣльною. По мѣрѣ того, какъ осада подвигалась, средства истощались, они все болѣе возбуждали другъ друга, въ угоду уличнымъ ораторамъ, которыхъ они принимали за большинство населенія, потому что тѣ громко кричали и писали ультравоинственныя прокламаціи. Особенно миролюбивыми наклонностями отличалось высшее военное начальство, начиная съ Трошю, потому что оно, стоя ближе къ дѣлу, лучше понимало всю безвыходность нашего положенія.

Мой второй служебный выходъ не былъ успѣшнѣе перваго. На этотъ разъ насъ помѣстили въ палаткахъ на самомъ бастіонѣ и заставили копать землю подъ руководствомъ сапернаго офицера, для устройства казематовъ. За работу мы всѣ принялись съ большимъ рвеніемъ и заработались до того, что, не смотря на свѣжій день, должны были снять съ себя мундиры; но отъ этого усердія получился только одинъ результатъ—мы натерли себѣ на рукахъ очень непріятныя мозоли. Послѣ этой неудачной попытки, начальство поставило настоящихъ землекоповъ, которые въ нѣсколько дней вырыли намъ подземное помѣщеніе. Это еще разъ доказываетъ, какъ неумѣло, какъ безтолково пользовались тѣми огромными средствами, которыя заключалъ въ себѣ Парижъ.

Въ національной гвардіи я скоро разочаровался. Я скоро понялъ, что въ этой совершенно безопасной гарнизонной службѣ,

на которую національная гвардія была обречена, я только теряю попусту время и не приношу никакой пользы, и сталъ рѣже отвѣчать на созывы своей роты. Но на ученья я ходилъ довольно усердно, въ надеждѣ—которой не суждено было осуществиться,—что мы когда-нибудь увидимъ непріятеля. Но и тутъ я ничему не научился. Капитаны остальныхъ ротъ были такіе же въ военномъ дѣлѣ совсѣмъ невѣжественные, какъ Прадье-де-Шевремонъ. Нашъ батальонный командиръ, очень умный и храбрый человѣкъ, нѣкій Кризнуа, отставной морской офицеръ, можетъ-быть умѣлъ отлично управлять кораблемъ, но несомнѣнно не имѣлъ надлежащей практики для маневрированія батальономъ, въ которомъ было около 2.000 человѣкъ: повороты дѣлались невпопадъ, роты сталкивались, самыя противорѣчивыя команды слѣдовали одна за другой — словомъ, происходило всякій разъ нѣчто невообразимо безпорядочное.

Все это вмѣстѣ побудило меня сосредоточить свою главную дѣятельность въ Красномъ Крестѣ. Въ первыхъ числахъ октября я былъ записанъ во 2-й походный лазаретъ, въ которомъ и оставался до самой капитуляціи Парижа. Тутъ по крайней мѣрѣ можно было дѣлать полезное дѣло. Лазареты эти, въ числѣ двѣнадцати, поочередно дежурили въ Palais de l'Industrie на Елисейскихъ-Поляхъ, теперь уже не существующемъ. Въ составъ каждаго изъ нихъ входилъ медицинскій персоналъ изъ четырехъ-пяти врачей, десяти санитаровъ и четырехъ каретъ однообразнаго типа, очень удобныхъ и вмѣщавшихъ каждая до пяти человѣкъ тяжело раненыхъ; къ нимъ прибавлялось, смотря по надобности, большее или меньшее число каретъ самыхъ разнообразныхъ формъ. Въ обыкновенное время походные лазареты занимались перевозкой раненыхъ и больныхъ съ аванпостовъ въ городскія больницы и временные госпитали, открытые въ огромномъ множествѣ на частныя средства; въ дни вылазокъ они шли на поле сраженія, поднимали, перевязывали и увозили раненыхъ.

Умѣстно тутъ будетъ сказать кое-что о помощи больнымъ и раненымъ въ военное время; болѣе подробно я объ этомъ поговорю въ своихъ воспоминаніяхъ о войнѣ 1877-го года, потому что и тутъ, и тамъ вся принятая система страдала тѣми же капитальными недостатками и привела къ тѣмъ же печальнымъ результатамъ. Во-первыхъ, отсутствіе единоначалія. На основаніи международной Женевской конвенціи въ каждой странѣ долженъ былъ быть одинъ Красный Крестъ, съ особымъ оффиціальнымъ делегатомъ, назначеннымъ военнымъ министромъ. Таковой и былъ

у насъ въ лицѣ графа Серюрье, но его власть не распространялась на цѣлый рядъ учрежденій, которыя развились рядомъ съ оффиціальнымъ Краснымъ Крестомъ, между прочимъ — на Ambulances de la presse, которые созданы были парижскими газетами и путемъ колоссальной рекламы, не смотря на свои сравнительно ничтожныя матеріальныя средства, чуть было совсѣмъ не затмили настоящій, очень богатый Красный Крестъ. Всѣ эти большія и малыя организаціи имѣли свое начальство и дѣйствовали самостоятельно, по своимъ собственнымъ соображеніямъ, что̀ вело постоянно къ разнымъ весьма нежелательнымъ столкновеніемъ. Во-вторыхъ, всѣ эти общества, безъ исключенія, считали себя совершенно независимыми отъ военныхъ начальниковъ и ревниво охраняли свое право иниціативы. Результатомъ этого явились самыя натянутыя отношенія съ главнымъ штабомъ, который, не имѣя надъ ними никакой власти и, слѣдовательно, никакого контроля, не считалъ возможнымъ сообщать имъ диспозиціи войскъ, предполагаемый планъ атаки, а давалъ только неопредѣленныя указанія: „выходить походнымъ лазаретамъ утромъ такого-то числа, черезъ такія-то городскія ворота“. Мы выходили, направлялись на удачу, каждый лазаретъ по своему усмотрѣнію, и попадали зачастую въ такія мѣста, гдѣ раненыхъ вовсе не было, тогда какъ гдѣ-нибудь по близости были сотни несчастныхъ, ждавшихъ по нѣскольку часовъ перевязочныхъ и перевозочныхъ средствъ. Мнѣ пришлось испытать всѣ неудобства такой системы въ первый же мой выходъ на поле сраженія.

Это было въ четвергъ 21-го октября. Мы получили утромъ приказъ двумъ походнымъ лазаретамъ немедленно выступать черезъ Neuilly къ крѣпости Mont Valérien. Генералъ Дюкро атаковалъ непріятеля на западномъ фронтѣ Парижа, около знаменитаго Мальмезона, гдѣ умерла первая жена Наполеона I-го и гдѣ онъ самъ провелъ въ 1815-мъ году свои послѣдніе дни свободы. Зачѣмъ Дюкро направился сюда, а не въ какое-нибудь другое мѣсто — это такъ же необъяснимо, какъ всѣ остальныя вылазки парижскаго гарнизона. Дрались направо и налѣво, на сѣверѣ и на югѣ, всякій разъ, когда „общественное мнѣніе“ слишкомъ настойчиво того требовало, лишь бы не имѣть большихъ потерь и съ почетомъ отступить: о возможной побѣдѣ никто и не думалъ.

На этотъ разъ однако мы, повидимому, должны были выйти побѣдителями. Съ самаго начала кампаніи намъ постоянно и на всѣ лады объясняли, что нѣмцы насъ бьютъ только потому что

у нихъ больше пушекъ. У Дюкро было около 12.000 человѣкъ отборнаго войска и 100 орудій, т.-е. двойная пропорція противъ обыкновенной нормы. И что же! мы опять были отбиты съ урономъ и потеряли двѣ пушки съ лошадьми и прислугой. Это былъ единственный случай во все время осады Парижа; онъ убѣдилъ насъ, что дѣло не въ пушкахъ, а въ людяхъ, которые не умѣютъ съ ними справляться.

Поравнявшись съ Mont Valérien, мы не знали, куда идти дальше, не получивъ никакихъ на то указаній и не слыша выстрѣловъ. Офицеры встрѣчавшихся войсковыхъ частей не могли намъ дать никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній; наконецъ, какой-то генералъ указалъ намъ рукой по направленію огромной фермы съ разнообразными постройками, въ которой теперь устроенъ конскій заводъ. Мы туда и поѣхали. Не успѣли мы приблизиться къ первымъ домамъ фермы, какъ раздался пушечный выстрѣлъ; затѣмъ началась страшная, оглушительная канонада и стали появляться прежде гдѣ-то спрятанныя войска. Тому, кто въ первый разъ видитъ сраженіе, о цѣли и планѣ котораго онъ ничего не знаетъ, совершенно непонятны не только общія, очень сложныя движенія, происходящія на полѣ битвы, но и тѣ мелкіе эпизоды, которые совершаются вокругъ него. Батальоны, то въ скученномъ строю, то въ разсыпную, передвигаются не вѣсть зачѣмъ съ одного мѣста на другое, люди стрѣляютъ куда-то въ даль, въ какого-то совершенно невидимаго непріятеля; артиллерія посылаетъ свои снаряды то направо, то налѣво, подвигается впередъ или отступаетъ. Словомъ, неопытному глазу профана вся эта картина представляется въ видѣ чего-то необыкновенно безпорядочнаго. Одно только ясно и производитъ, признаюсь, очень непріятное впечатлѣніе, это—свистъ непріятельскихъ пуль и трескъ разрывныхъ снарядовъ. Странное дѣло! всѣ мы очень хорошо знали, что пули въ тысячу разъ опаснѣе, а между тѣмъ зловѣщій „винтообразный“ звукъ гранаты дѣйствуетъ на нервы неизмѣримо сильнѣе. Но человѣкъ такъ созданъ, что онъ ко всему мало-по-малу привыкаетъ, и военная храбрость—за исключеніемъ тѣхъ весьма немногихъ типовъ, которые не только выносятъ, но и любятъ опасность,—въ сущности не что̀ иное, какъ постепенное приспособленіе къ извѣстнымъ непривычнымъ обстоятельствамъ. Это мнѣ не разъ приходилось наблюдать на другихъ и самому испытать.

Слѣдуя указаніямъ случайно встрѣченнаго генерала, мы попали, какъ оказалось, на самый крайній лѣвый флангъ, гдѣ въ продолженіе всего дня была только артиллерійская стрѣльба.

Мы выбрали для перевязочнаго пункта довольно удобный большой каменный сарай и водрузили на его крышу флаги Краснаго Креста. Было два походныхъ лазарета—слѣдовательно десятокъ врачей, съ обиліемъ хирургическихъ припасовъ; а раненыхъ не было или были только единичные случаи. Раненые стали появляться только около трехъ часовъ пополудни; большая ихъ часть принадлежала къ центральной колоннѣ, которая была въ жаркомъ дѣлѣ при атакѣ замка Buzenval, гдѣ потеряла, какъ я сказалъ выше, два орудія подъ начальствомъ Мирибеля (впослѣдствіи извѣстнаго ультра-клерикальнаго начальника главнаго штаба). Но главная атака, какъ мы потомъ узнали, выпала на долю праваго фланга, верстахъ въ четырехъ отъ насъ, при которомъ не было нашихъ лазаретовъ, а были только лазареты военные; между тѣмъ во всѣхъ арміяхъ, и въ особенности въ тогдашней французской, перевязочныя и перевозочныя средства совершенно недостаточны и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи. Тамъ потери были довольно значительныя—свыше трехсотъ человѣкъ раненыхъ; а у насъ ихъ было всего человѣкъ пятьдесятъ, такъ что къ шести часамъ, черезъ часъ по прекращеніи огня, всѣ были перевязаны, необходимыя операціи сдѣланы и наши кареты тронулись въ путь. Около девяти часовъ вечера всѣ раненые были размѣщены по городскимъ госпиталямъ и мы вернулись домой, усталые и голодные. Такова была моя первая баталія; за ней слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ мелкихъ вылазокъ, о которыхъ говорить не стоитъ, потому что это было повтореніе той же самой безтолковщины: мы легко сбивали непріятельскую передовую линію, встрѣчали непреодолимое сопротивленіе во второй линіи и возвращались назадъ въ большемъ или меньшемъ безпорядкѣ. Этой безплодной тратой людей ограничивалась вся военная дѣятельность осажденнаго Парижа. Наше штатское правительство все упрекало военныхъ, что они ничего серьезнаго не предпринимаютъ; наши военные начальники, убѣжденные въ невозможности успѣха, дрались нехотя, вяло, безъ всякой опредѣленной цѣли. Да и какая могла быть цѣль? Развѣ окруженный со всѣхъ сторонъ укрѣпленный городъ можетъ спастись безъ вспомогательной арміи, которая пришла бы къ нему на выручку? Развѣ наша армія, еслибъ она и прорвалась черезъ непріятельскія линіи, могла держаться въ чистомъ полѣ, безъ возможности возобновлять свои съѣстные и боевые запасы въ мѣстностяхъ, занятыхъ врагомъ? Тогда эти простыя, элементарныя соображенія, которыя въ обыкновенное время бросаются въ глаза, ни на кого не имѣли

вліянія. Всякій разъ, какъ слышны были кругомъ Парижа артилерійскіе залпы, публика воображала себѣ, что генералъ Дюкро, или генералъ Винуа, или даже самъ Трошю идетъ на соединеніе съ провинціальными арміями, о которыхъ впрочемъ ни мы, профаны, ни само правительство ничего опредѣленнаго не знали.

Но тутъ вдругъ случилось происшествіе, которое чуть было не обратилось въ катастрофу, не свергнуло наше бездарное правительство и не замѣнило его еще болѣе бездарными крикунами революціонныхъ клубовъ.

Въ послѣдніе октябрьскіе дни пришли два печальныя извѣстія: на югѣ наши войска потерпѣли пораженіе подъ Орлеаномъ и городъ былъ занятъ непріятелемъ; на востокѣ Базенъ сдался въ плѣнъ со всей своей арміей. Ко всему этому присоединилось еще прискорбное событіе около самаго Парижа. Одному изъ генераловъ, командовавшему на сѣверовосточной части периметра, пришло вдругъ въ голову занять довольно далеко отъ нашей линіи лежащую большую деревню Бурже. Кругомъ нея было расположеніе прусской гвардіи, и сама она была занята, въ видѣ аванпоста, небольшимъ непріятельскимъ отрядомъ. Рано утромъ 28-го числа, послѣ короткой стычки, два наши слабые батальона вытѣснили непріятеля, заняли всю деревню и укрѣпились въ ней; вечеромъ пруссаки пытались взять ее обратно, но, благодаря прибывшимъ подкрѣпленіямъ, были довольно легко отбиты. Этотъ успѣхъ, объявленный населенію въ напыщенныхъ фразахъ, произвелъ необыкновенный энтузіазмъ. Наконецъ-то нашелся смѣлый военачальникъ! Наконецъ-то мы научились драться съ отборными войсками непріятеля! Генералъ Бельмаръ, наканунѣ никому неизвѣстный, сталъ вдругъ героемъ дня.

29 го октября нашъ лазаретъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, послали въ Бурже за ранеными. Мы тотчасъ же увидѣли, что дѣло было сильно преувеличено, что это была удачная аванпостная стычка, какихъ бывало нѣсколько съ начала осады; раненыхъ, большею частью непріятельскихъ, оказалось всего человѣкъ тридцать, такъ что большинство нашихъ многочисленныхъ каретъ возвратилось пустыми. Прусскія батареи стрѣляли медленно, какъ бы нехотя, и по улицамъ деревушки можно было прогуливаться безъ особой опасности. Съ военной точки зрѣнія очевидно было, что тутъ представлялась чрезвычайно простая дилемма: или занятіе Бурже было для насъ полезно въ томъ или другомъ отношеніи—тогда надо бы сохранить его во что бы то ни стало и, въ виду качества и количества близъ стоящихъ непріятельскихъ войскъ, притянуть къ нему значительныя силы;

или въ общей системѣ защиты эта деревня не могла играть никакой серьезной роли—тогда надо было немедленно отступить. Для того или другого рѣшенія времени было за глаза довольно.

Наши генералы удовольствовались какимъ-то среднимъ положеніемъ: они остались, но не укрѣпились.

Результаты такой странной тактики сказались скоро. На разсвѣтѣ 30-го числа цѣлая пѣхотная дивизія, съ многочисленной кавалеріей и артиллеріей, внезапно атаковала Бурже. Наши малочисленныя войска защищались упорно, но около полудня они должны были отступить въ безпорядкѣ, потерявъ около 800 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ и столько же плѣнныхъ. Вечеромъ того же дня Парижъ узналъ о катастрофѣ изъ оффиціальныхъ депешъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ объясняли намъ, что эта передовая позиція не имѣла для будущей защиты никакого значенія. Зачѣмъ же мы пошли атаковать ненужную позицію и зачѣмъ такъ громко возвѣщали о нашей побѣдѣ? Нервы двухъмилліоннаго города, и безъ того разстроенные цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ невзгодъ, не выдержали. Развилось вдругъ какое-то эпидемическое сумасшествіе, раздались со всѣхъ сторонъ безцѣльныя, безсмысленныя проклятія всѣмъ и всему, и стало несомнѣннымъ, что не сегодня, такъ завтра совершится что-то неладное.

31-го октября вечеромъ, часовъ въ 8, я шелъ по улицѣ Риволи, направляясь на бульваръ Madeleine, съ намѣреніемъ сѣсть въ омнибусъ, идущій въ Пасси, гдѣ жилъ слѣпой старикъ д'Альтонъ-Ше, бывшій пэръ временъ Людовика-Филиппа. Я довольно часто ходилъ на его „понедѣльники“, не только потому, что онъ былъ очень интересный человѣкъ, чрезвычайно характерный обломокъ стараго времени, въ молодости возмущавшій консервативную палату пэровъ своими республиканскими и антирелигіозными выходками,—но и потому, что въ его гостепріимномъ салонѣ, въ которомъ встрѣчались и члены правительства, и представители крайней оппозиціи, можно было узнать новости изъ первыхъ рукъ и составить себѣ понятіе о положеніи и политическихъ, и военныхъ дѣлъ.

Улица Риволи, обыкновенно столь оживленная, была совершенно пустынна и скудно освѣщена рѣдкими керосиновыми фонарями. Едва я поравнялся съ Лувромъ, какъ услыхалъ быстрымъ маршемъ мнѣ на встрѣчу идущее войско. Въ темнотѣ я его могъ съ трудомъ распознать, и велико было мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что это батальонъ національной гвардіи, мой батальонъ. Ясно было, что онъ шелъ въ ратушу, гдѣ засѣдало правительство „національной обороны“. Я спрятался въ густой

тѣни и пропустилъ мимо себя своихъ сослуживцевъ, вовсе не желая принимать участіе въ этомъ походѣ. Насколько я полагалъ своей обязанностью стать въ ряды защитниковъ Парижа противъ чужеземнаго врага, настолько же я не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ междоусобную борьбу политическихъ партій. У д'Альтонъ-Ше я узналъ, что взбунтовавшіеся батальоны бельвильскаго округа около полудня ворвались въ ратушу, и съ тѣхъ поръ правительство у нихъ въ плѣну. Нашъ батальонъ шелъ его выручать и вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ 106-мъ въ два часа ночи его выручилъ. Подробности этого блистательнаго „дѣла" узналъ я на другой день. Оба батальона вошли въ ратушу безъ выстрѣла и мало-по-малу вытѣснили непріятеля, забившагося маленькими кучками въ разные закоулки, отчасти увѣщеваніемъ, отчасти угрозой, а главнымъ образомъ благодаря тому, что имъ указали всѣ многочисленные ходы и проходы огромнаго зданія. Все это произошло безъ малѣйшаго кровопролитія, не смотря на то, что у всѣхъ были боевые патроны—и все это ясно доказывало, что, въ сущности, и революціонный пылъ однихъ, и военная отвага другихъ были чѣмъ-то искусственнымъ, напускнымъ. Говорить, ораторствовать, кричать до потери голоса—на это всѣ были горазды, но драться никто не хотѣлъ; всѣ смутно сознавали, что тратить другъ противъ друга снаряды, которыхъ и безъ того не было въ излишкѣ, и глупо, и преступно.

Послѣ этого прискорбнаго приключенія наступаетъ длинный періодъ полнѣйшаго бездѣйствія. Правительство, заботясь только о томъ, какъ бы укрѣпить свою въ основаніи потрясенную власть, употребляло всѣ свои усилія на борьбу съ безпрестанно повторяющимися уличными безпорядками; генералы занимались совершенно ненужнымъ переформированіемъ различныхъ частей арміи и передвиженіемъ дивизій съ одного мѣста на другое. О непріятелѣ никто не помышлялъ и какъ будто всѣ привыкли къ мысли, что онъ стоитъ тутъ около насъ. Правду сказать, что и непріятель бездѣйствовалъ, но его положеніе было совсѣмъ иное: онъ получалъ постоянно все нужное, а мы безцѣльно истощали свои запасы. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ.

За все это время я акуратно исполнялъ свои двойныя обязанности: какъ національный гвардеецъ, ходилъ на бастіоны и на всякіе внутренніе караулы, а съ походнымъ лазаретомъ привозилъ съ аванпостовъ больныхъ, число которыхъ быстро увеличивалось. Гарнизонная служба была до невѣроятія скучна, потому что ясно сознавалась ея полная ненужность: тамъ, гдѣ было за глаза достаточно 50-ти человѣкъ, посылали всю нашу роту, въ которой

ихъ было 200. На мѣсто двухъ-трехъ часовыхъ разставляли цѣлую дюжину; приходилось стоять попусту, подъ холоднымъ дождемъ, и съ непривычки получать насморкъ и бронхитъ. Въ тѣсныхъ, плохо вентилированныхъ казематахъ мы были набиты какъ сельди въ боченкѣ, и буквально задыхались; приходилось прогуливаться цѣлый день, а иногда и часть ночи, на платформѣ бастіона, гдѣ была непролазная грязь и лилъ иногда ливнемъ дождь. Внутренніе караулы были столь же безполезны и еще болѣе несносны. Посылали цѣлый взводъ, когда пяти-шести человѣкъ было вполнѣ довольно, то въ угольные склады, откуда мы послѣ 24 часовъ возвращались настоящими трубочистами, то въ муниципальные мясные склады, гдѣ была такая вонь, что потомъ нужно было въ продолженіе нѣсколькихъ дней провѣтривать мундиръ.

Неизмѣримо полезнѣе была лазаретная дѣятельность. За послѣднія недѣли заболѣваемость стала весьма значительна, какъ въ войскѣ, такъ и въ остальномъ населеніи; оспа, брюшной тифъ, дизентерія въ самыхъ тяжелыхъ формахъ приняли скоро повальный характеръ; смертность увеличилась противъ обыкновенной въ три раза, а нѣсколько позднѣе въ пять разъ; однихъ оспенныхъ умирало въ недѣлю до 500 человѣкъ. Конечно, не совсѣмъ-то раціонально было скопленіе въ городѣ всѣхъ этихъ разнообразныхъ больныхъ, и гораздо лучше было бы устроить временные госпитали extra muros. Къ несчастью, это было совершенно невыполнимо: все, что находилось внѣ городскихъ стѣнъ, было подъ непріятельскими выстрѣлами. Сколько сотенъ этихъ больныхъ пришлось мнѣ вывозить изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ окрестностей и возить иногда въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и въ холодную погоду по городскимъ больницамъ! При тогдашней неурядицѣ никто не зналъ, гдѣ свободныя мѣста и сколько таковыхъ.

Послѣ междоусобицы 31-го октября правительство, не смотря на свою легкую побѣду, потеряло всякій авторитетъ и должно было прибѣгнуть къ самому скверному политическому пріему— къ плебисциту, противъ котораго нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ всѣ его члены такъ сильно ратовали. Съ этого дня они попали, сами того не подозрѣвая, въ когти анонимнаго звѣря, который называется „общественнымъ мнѣніемъ“. Никакого общества тутъ нѣтъ, а есть нѣсколько клубныхъ ораторовъ и хлесткихъ журналистовъ, обо всемъ говорящихъ и ничего не знающихъ, а за ними толпится еще болѣе невѣжественная публика.

Въ концѣ ноября это пресловутое „общественное мнѣніе“

громогласно требовало большого сраженія. Зачѣмъ, съ какой цѣлью, съ какой стороны нашего укрѣпленнаго лагеря — это было безразлично, ибо люди, выражавшіе этотъ воинственный азартъ, сами въ огонь не шли, и имъ было все равно, какъ и гдѣ будутъ убивать людей. Долго наши штатскіе и военные главари не соглашались на такой очевидно нелѣпый подвигъ, но, наконецъ, сдались, и мы пошли, сломя голову, съ стотысячной ярміей на проломъ непріятельскихъ линій съ восточнаго фронта.

Если и былъ какой-нибудь шансъ успѣха, то мы его потеряли съ самаго же начала. Атаку, назначенную на 29-ое ноября, пришлось отложить до слѣдующаго дня, потому что, вслѣдствіе прибыли воды въ Марнѣ, мосты не могли быть во-время наведены. Непріятель, зорко слѣдившій за всѣми нашими движеніями, успѣлъ пододвинуть свои резервы, и мы лишились всѣхъ выгодъ нечаяннаго нападенія. Въ дѣлѣ этомъ, самомъ кровопролитномъ изъ всѣхъ дѣлъ около Парижа и продолжавшемся три дня, мы потеряли безъ всякой нужды десять тысячъ человѣкъ.

Утромъ 30-го числа всѣ наши лазареты, съ огромнымъ числомъ всевозможныхъ повозокъ, были направлены на поле сраженія. Повторилось тутъ то же, что я уже видѣлъ 21-го октября. Лазареты шли на удачу, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, куда будетъ направлено главное усиліе и гдѣ всего нужнѣе медицинская помощь.

Дѣло началось, какъ всегда, громкой прокламаціей, которая очень понравилась парижанамъ; главноначальствующій генералъ Дюкро объявилъ въ ней, что онъ возвратится „или побѣдителемъ, или мертвымъ“. Такія прокламаціи писать очень опасно: онѣ слишкомъ часто опровергаются событіями: Дюкро былъ побѣжденъ и остался живъ. Недавно узналъ я изъ газетъ, къ великому моему удивленію, что онъ даже живъ до сихъ поръ и 93-хъ лѣтъ, всѣми давно забытый, доканчиваетъ свои дни въ какомъ-то предмѣстьѣ Версаля.

Послѣ долгихъ странствованій по дорогамъ, загроможденнымъ пѣхотой и артиллеріей, нашъ лазаретъ попалъ, наконецъ, часовъ въ девять утра въ большое селеніе Бри, за часъ передъ тѣмъ занятое нашими войсками безъ особеннаго сопротивленія. Мы тотчасъ же устроили перевязочный пунктъ въ двухъ довольно просторныхъ домахъ, подобрали убитыхъ, лежавшихъ еще на улицахъ, и стали перевязывать раненыхъ. Ихъ было немного, въ большинствѣ саксонскіе солдаты. Мы собирались-было отправить ихъ въ Парижъ, какъ вдругъ около полудня раздалась вблизи насъ страшная канонада; гранаты сыпались вокругъ насъ.

Саксонцы значительными силами атаковали селеніе. Случилось тутъ то, что̀ случалось всякій разъ: при первомъ серьезномъ натискѣ нашемъ непріятель оставлялъ намъ почти безъ боя свои передовыя позиціи—и потомъ отбиралъ ихъ у насъ, вводя въ дѣло нужное количество войска. Разница на этотъ разъ была только въ томъ, что саксонцы были отбиты, хотя и съ большими потерями съ нашей стороны. Черезъ очень короткое время перевязочный пунктъ нашъ былъ переполненъ и пришлось искать новое помѣщеніе.

Положеніе нашего лазарета было весьма затруднительное. Термометръ опустился къ вечеру до — 15°; ни у кого изъ насъ не было достаточно теплой одежды, топлива не имѣлось, о горячей пищѣ нечего было и помышлять. А между тѣмъ пришлось перевязывать и оперировать цѣлый день и добрую часть ночи.

На другой день, утромъ, наше положеніе съ военной точки зрѣнія вполнѣ выяснилось. Высоты, которыя господствовали надъ Бри, составлявшимъ лѣвый флангъ всего поля сраженія, остались въ рукахъ непріятеля; то же самое повторилось и на правомъ флангѣ, противъ Шампиньи. Въ результатѣ оказалось, что мы 1-го декабря, послѣ весьма кровопролитной битвы, стояли внизу подъ навѣсными выстрѣлами непріятеля, который находился наверху. При такихъ условіяхъ съ разстроенной, до крайности утомленной арміей не было никакихъ шансовъ на успѣхъ, и продолженіе сраженія было совершеннымъ безуміемъ. Таково было мнѣніе всѣхъ начальниковъ, съ которыми мнѣ случилось говорить въ этотъ день; всѣ они были увѣрены, что, пользуясь бездѣйствіемъ непріятеля, тоже довольно обезсиленнаго, наши войска отойдутъ на свои прежнія безопасныя позиціи. Не смотря на это, было рѣшено возобновить атаку на другой день, 2-го декабря, совпадавшаго съ годовщиной Аустерлица и, увы! злодѣйскаго наполеоновскаго переворота 1851-го года.

Только гораздо позднѣе узнали мы причины такого страннаго извращенія самаго элементарнаго здраваго смысла. Всѣ высшіе генералы, начиная съ Трошю и кончая корпусными командирами, которые были созваны на военный совѣтъ, высказывались за немедленное отступленіе. Но гражданское правительство „народной обороны“, боявшееся общественнаго мнѣнія гораздо болѣе, нежели непріятельскихъ гранатъ, которыя не долетали до ратуши, было другого мнѣнія: оно приказало генераламъ продолжать безцѣльную битву. Но не мы ее возобновили. Съ разсвѣтомъ, 2-го числа, непріятель атаковалъ насъ на всемъ фронтѣ. На лѣвомъ флангѣ Бри все было засыпано артиллерійскими снарядами,

а скоро и градомъ пуль; въ 7 часовъ утра не было ни одного мѣста, гдѣ можно было бы безопасно выйти на улицу. Къ счастью, почти всѣ наши раненые были уже увезены.

Отчаянныя атаки слѣдовали одна за другой, но всѣ были отбиты и мы удержали селеніе; оно было наканунѣ сильно укрѣплено, вездѣ были пробиты бойницы, устроены баррикады и траншеи. Раненыхъ можно было начать подбирать только около полудня, когда огонь нѣсколько утихъ; ихъ скоро набралось такое множество, что подавать имъ помощь съ нашими истощенными средствами оказалось совсѣмъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что насъ осталось только двое—остальные уѣхали наканунѣ, сопровождая транспортъ раненыхъ 30-го ноября. Положеніе было въ самомъ дѣлѣ ужасное; въ первый разъ мнѣ приходилось испытать весь трагизмъ безсилія среди сотенъ несчастныхъ, стонущихъ отъ боли и окоченѣвшихъ отъ холода, который доходилъ почти до — 20°. Не смотря на мое природное хладнокровіе, признаюсь, мнѣ было очень тяжко. Но и къ такимъ страшнымъ зрѣлищамъ быстро привыкаетъ податливая человѣческая натура...

Вернулся я на другой день поздно вечеромъ, съ послѣднимъ транспортомъ и съ послѣднимъ арьергардомъ; вернулся я усталымъ, разбитымъ послѣ трехъ безсонныхъ ночей, и проболѣлъ цѣлыхъ десять дней. Впрочемъ, въ декабрѣ дѣлать было нечего; настало полное затишье, прерванное только несчастнымъ дѣломъ 21-го числа, когда мы атаковали, неизвѣстно зачѣмъ, сильно укрѣпленный Бурже, который не могли удержать ровно два мѣсяца тому назадъ. Всѣ эти неуспѣшныя вылазки, страшный, небывалый холодъ, плохая пища сильно дѣйствовали на духъ войска; въ городѣ запасы быстро истощались, смертность до крайности увеличилась. Все доказывало, что наступилъ послѣдній актъ драмы. Въ самомъ концѣ декабря ко всѣмъ нашимъ невзгодамъ прибавилось новое неожиданное бѣдствіе.

27-го числа непріятель началъ бомбардированіе сначала восточныхъ фортовъ, потомъ южныхъ и сѣверныхъ, наконецъ бастіоновъ городской ограды и самого Парижа. Бомбардированіе фортовъ весьма понятно: разрушивъ эти старомодныя постройки, которыя давно уже не соотвѣтствовали успѣхамъ артиллерійскаго искусства, непріятель значительно подвинулся бы къ городской стѣнѣ и, слѣдовательно, ускорилъ бы необходимость капитуляціи. И тутъ, впрочемъ, его ожиданія не оправдались: всѣ форты, не смотря на огромное количество попадавшихъ въ нихъ снарядовъ большого калибра, держались до конца и могли еще долго держаться. Но съ какой цѣлью тратилась такая масса пороха и чугуна на

бомбардированіе Парижа? Не могъ же непріятель надѣяться разрушить городъ, окружность котораго—болѣе тридцати верстъ? Быть-можетъ, онъ думалъ напугать населеніе, произвести всеобщую панику и тѣмъ побудить правительство къ сдачѣ? Или цѣломудренная Германія настойчиво требовала наказать новый Вавилонъ?

Какъ бы то ни было, бомбардированіе не произвело никакого впечатлѣнія; съ первыхъ же дней всѣ къ нему привыкли и только очень немногіе, черезчуръ первные и пугливые, переѣхали на другую сторону рѣки, куда гранаты не долетали. Помню, какъ-то разъ въ первыхъ числахъ января, опоздавъ на сборъ своей роты, шедшей на бастіонъ, я сѣлъ въ омнибусъ, который не измѣнилъ своего маршрута, не смотря на то, что проходилъ по кварталамъ, находившимся въ сферѣ непріятельскаго огня. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ по дорогѣ встрѣтилъ я вереницы женщинъ, иногда съ младенцами на рукахъ, которыя ожидали у мясныхъ лавокъ свою скромную порцію мяса; гранаты падали неподалеку съ ужаснымъ трескомъ—никто не обращалъ на нихъ вниманія. Когда послѣ осады провинціалы и иностранцы любопытствовали осматривать слѣды бомбардированія, парижане показывали имъ какъ рѣдкость нѣсколько отбитыхъ карнизовъ и продырявленныхъ стѣнъ.

Конечно, не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ, но онѣ были весьма незначительны — около трехсотъ убитыхъ и раненыхъ за всѣ три недѣли днемъ и ночью продолжавшагося бомбардированія. Были и весьма трагическіе эпизоды; одинъ изъ нихъ мнѣ очень памятенъ. Какъ-то разъ, въ первыхъ числахъ января, проходилъ я черезъ совершенно пустынную, слоемъ снѣга покрытую площадь Пантеона. Вдругъ слышу характерное шипѣніе: граната падаетъ и разрывается шагахъ въ пятидесяти отъ меня. Дымъ отъ взрыва не успѣлъ разсѣяться, какъ откуда-то выползла цѣлая толпа мальчугановъ, которые бросились поднимать еще не остывшіе осколки: они тогда продавались, какъ воспоминаніе осады. По какой-то невѣроятной случайности—непріятель стрѣлялъ очевидно на удачу съ восьмиверстнаго разстоянія—вторая граната упала недалеко отъ первой, между столпившимися мальчуганами; двое изъ нихъ были разорваны на части, трое опасно ранены и вѣроятно всѣ умерли. Но такіе необычайные случаи представляютъ рѣдкое исключеніе; обыкновенно гранаты, по крайней мѣрѣ тогдашнія, дѣйствуютъ болѣе психически, чѣмъ физически—и, на основаніи личнаго опыта, я кончилъ тѣмъ, что питалъ къ нимъ полное презрѣніе.

Въ концѣ декабря національная гвардія до того раскуражилась, клубные ораторы до того восхваляли ея воинственный духъ, что правительство рѣшилось организовать маршевые батальоны. Эти батальоны, съ своими выборными офицерами, громко требовали, чтобы ихъ вели противъ непріятеля.

— До сихъ поръ,—говорили они,—вы употребляли только регулярное войско и были вездѣ побиты; мы покажемъ вамъ, какъ „вооруженные граждане“ умѣютъ побѣждать.

Къ несчастью, правительство послушалось ихъ и предприняло вылазку 19-го января, въ которой приняли участіе болѣе тридцати тысячъ національныхъ гвардейцевъ. Это было, по выраженію главнокомандующаго, генерала Трошю, „сраженіе отчаянія“. Какъ всѣ дѣйствія, вызванныя отчаяніемъ, оно было совершенно безразсудно и по замыслу, и по исполненію. Безразсудно было, въ самомъ дѣлѣ, атаковать непріятеля съ той именно стороны, гдѣ онъ болѣе всего укрѣпился; безразсудно было скучивать стотысячную армію на пятиверстномъ пространствѣ и подвергать, такимъ образомъ, ея густыя колонны непріятельскому огню; безразсудно было, наконецъ, предпринимать такое трудное дѣло съ войскомъ, треть котораго никогда не была въ огнѣ. Детали исполненія были еще хуже общаго плана. Во-первыхъ, одновременный подходъ всѣхъ колоннъ былъ абсолютно невозможенъ, потому что существовали для нихъ только два моста; во-вторыхъ — мы это узнали потомъ — главнокомандующій прибылъ на поле сраженія часомъ позже назначеннаго; по недоразумѣнію въ его отсутствіе сигналъ атаки былъ данъ, когда весь правый флангъ былъ еще верстъ на семь позади...

Наши лазареты пріѣхали на мѣсто еще наканунѣ вечеромъ. Предполагаемое поле сраженія было то же самое, что и 21-го октября, и мы его хорошо знали; только тогда войска было въ десять разъ меньше. Мы устроили перевязочный пунктъ въ небольшомъ трактирѣ, стоявшемъ на дорогѣ, которая вела къ редуту Монтрету. Редутъ этотъ, неоконченный до обложенія Парижа, былъ теперь занятъ непріятелемъ, и намъ долженствовало имъ прежде всего овладѣть.

Хотя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, по другую сторону дороги, установились военные лазареты, которые должны были лучше насъ знать, гдѣ организовать помощь раненымъ, нашъ выборъ перевязочнаго пункта оказался крайне неудачнымъ. Какъ только туманъ нѣсколько разсѣялся, мы съ ужасомъ увидѣли, что саженяхъ въ пятидесяти отъ насъ, направо и налѣво отъ дороги, стояли двѣ батареи, которыя скоро начали отчаянно

стрѣлять. Непріятель, разумѣется, сталъ тотчасъ же отвѣчать, и мы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ были окружены цѣлымъ роемъ лопавшихся гранатъ. Раненыхъ было въ первое время очень немного: снаряды вбивались глубоко въ размокшую землю и осколки летѣли почти вертикально. Намъ стали приносить раненыхъ позже, когда редутъ Монтрету былъ взятъ и войска наши пошли впередъ по направленію къ Сенъ-Клу; почти всѣ раны были пулевыя. Помню только совсѣмъ молоденькаго артиллерійскаго подпоручика, которому маленькій осколокъ попалъ въ колѣно; въ то время, когда я его перевязывалъ, влетѣлъ въ окошко довольно большой обломокъ взорвавшейся гранаты, ударилъ его въ голову и убилъ наповалъ; этотъ кусокъ чугуна я сохраняю до сихъ поръ, какъ воспоминаніе о послѣднемъ боѣ подъ Парижемъ. Впрочемъ несчастному и безъ того оставалось мало шансовъ избѣжать смерти; тогдашняя хирургія не умѣла лечить ранъ колѣннаго сустава. Пришлось бы прибѣгнуть къ ампутаціи, а въ то время ампутація бедра сопровождалась смертностью выше 80%.

Наступательное движеніе нашихъ войскъ продолжалось недолго. Какъ всегда, послѣ перваго успѣха они встрѣтились съ непреодомыми препятствіями, должны были перейти въ оборонительное положеніе и послѣ двухъ-трехъ часовъ безцѣльной перестрѣлки рѣшиться на отступленіе. Въ лѣвой колоннѣ, при которой находился нашъ лазаретъ, что это было за отступленіе! Сначала появились смѣшавшіеся батальоны національной гвардіи—они не столько шли, сколько бѣжали, бросая ружья и ранцы; за ними слѣдовали регулярныя войска не во много бо̀льшемъ порядкѣ; артиллерія съ трудомъ двигалась по грязной, изрытой дорогѣ, на которой колеса врѣзывались по ступицу. Эта нестройная толпа, объятая какимъ-то совсѣмъ безпричиннымъ страхомъ — убитыхъ и раненыхъ было не болѣе 4%,—потерявшая всякую дисциплину, всякое чувство собственнаго достоинства, представляла печальное зрѣлище даже для штатскаго глаза. Къ счастью, непріятель не преслѣдовалъ; артиллерія его стрѣляла вяло и вскорѣ даже совсѣмъ затихла. Въ проходившихъ батальонахъ національной гвардіи оказалось нѣсколько знакомыхъ.

— Вотъ вы все хотѣли сразиться съ непріятелемъ, — сказалъ я одному изъ нихъ,—что же, довольны вы этой попыткой?

— Помилуйте, я никогда не выражалъ воинственныхъ чувствъ и всегда былъ убѣжденъ, что національная гвардія не можетъ быть серьезнымъ войскомъ.

Я обратился ко второму, третьему, десятому — все та же пѣснь: никто не хотѣлъ драться, всѣ шли какъ бы противъ

воли. Ясно было, что первое столкновеніе съ опасностью окончательно охладило воинственный азартъ. Тѣ, которые еще нѣсколько дней назадъ на митингахъ, подъ громъ рукоплесканій, кричали эффектныя фразы о необходимости „защиты до послѣдней крайности“ и замѣнѣ регулярныхъ войскъ „вооруженнымъ населеніемъ“, думали теперь только о томъ, какъ бы поскорѣе уйти съ поля сраженія и покончить всякія военныя дѣйствія.

Съ нашимъ лазаретомъ случилось въ этотъ день непріятное приключеніе. Часовъ въ семь вечера мы нагрузили всѣ имѣвшіяся у насъ повозки, которымъ приказано было возвратиться какъ можно скорѣе, такъ какъ на перевязочномъ пунктѣ оставалось еще около сотни раненыхъ. Но повозки не возвратились; пробраться черезъ густую толпу отступавшихъ въ безпорядкѣ войскъ оказалось совершенно невозможнымъ. Насъ оставили на произволъ судьбы, какъ тотъ батальонъ, находившійся на передовой линіи, которому „забыли“ послать приказаніе отступать и который, изстрѣлявъ всѣ свои патроны, долженъ былъ сдаться. Еслибы сраженіе возобновилось на другой день, какъ это первоначально было предположено,—мы очутились бы между двухъ огней. Только около четырехъ часовъ утра военное интендантство сжалилось надъ нами и послало очень неудобныя фуры, въ которыхъ мы могли увезти благополучно, хотя и не безъ затрудненій, всѣхъ нашихъ раненыхъ. Таковы были тогда порядки.

Послѣ 19-го января военныя и политическія дѣла полетѣли подъ гору. 22-го нѣсколько радикальныхъ батальоновъ опять атаковали ратушу и, хотя были легко отбиты—на этотъ разъ съ убитыми и ранеными,—но волненіе не угомонилось. Трошю, еще такъ недавно считавшійся чуть не геніемъ-спасителемъ, вдругъ оказался никуда не годнымъ генераломъ и былъ замѣщенъ старикомъ Винуа, котораго держали до тѣхъ поръ въ черномъ тѣлѣ за его антиреспубликанскія убѣжденія. Правда, на бѣднаго Трошю нашло какое-то умопомраченіе: вечеромъ 19-го онъ послалъ текстъ прокламаціи, въ которой объяснялъ публикѣ, что сраженіе потерялъ, не смотря на то, что „усердно молился святой покровительницѣ Парижа“. Къ счастью, Жюль Фавръ успѣлъ остановить печатаніе этого страннаго документа. Вмѣстѣ съ прокламаціей онъ послалъ депешу, которая на другой день появилась на стѣнахъ города и сильно озаботила населеніе; въ ней онъ просилъ немедленно заключить перемиріе для уборки убитыхъ и раненыхъ и прислать возможно большее число лазаретныхъ фуръ. Все это было совершенно ненужно; потери наши

не превышали 4.000 человѣкъ и, благодаря небольшому пространству, на которомъ разыгралось сраженіе, всѣ убитые и раненые были подобраны имѣвшимися подъ руками средствами къ утру 20-го числа.

Съ другой стороны и само правительство „народной обороны“ раскололось на двѣ партіи. Меньшинство хотѣло продолжать обороняться; большинство, въ виду почти полнаго истощенія жизненныхъ припасовъ, стояло за немедленное перемиріе. А непріятель бомбардировалъ все сильнѣе и сильнѣе. Всѣмъ становилось ясно, что наступали послѣдніе дни.

Эти послѣдніе дни были для меня особенно тяжелы и физически, и нравственно. Нашъ лазаретъ посылали почти каждый день, а иногда и ночью, на сѣверный фронтъ, гдѣ 80 огромныхъ непріятельскихъ орудій усиленно стрѣляли по укрѣпленному лагерю Сенъ-Дени, т.-е. по городу и защищавшимъ его тремъ фортамъ. Никто не вѣрилъ въ возможность такого бомбардированія, и многочисленные городскіе госпитали и лазареты, переполненные ранеными и еще болѣе больными, не были эвакуированы. Въ первый же день нѣсколько такихъ несчастныхъ было убито и ранено, и пришлось ихъ спѣшно перенести въ подвалы, гдѣ было и тѣсно, и темно, и холодно. Тутъ видѣлъ я трагическіе эпизоды. Пожилой человѣкъ, съ одной рукой на перевязи, другою обнималъ молодого человѣка въ острома періодѣ оспы.

— Какъ же вы лежите рядомъ съ этимъ заразнымъ больнымъ?

— На прошлой недѣлѣ, переходя улицу, я былъ раненъ осколкомъ гранаты, а это—мой сынъ; его вчера сюда принесли безъ памяти.

Нѣсколько далѣе лежала женщина съ ампутированной ногой и рядомъ съ ней умиралъ ея грудной ребенокъ, потому что, не смотря на всѣ поиски, не могли достать молока. Въ другомъ углу—два молодца, два брата, раненые тѣмъ же осколкомъ, оба въ бреду, оба очевидно приговоренные къ смерти. Такого рода сцены повторялись каждый день. Вывозить этихъ страдальцевъ представляло немало затрудненій; тѣ, которыхъ надо было выносить на носилкахъ, легко укладывались въ повозки, но тѣ, которые сами выходили изъ подземелья, при первой по близости упавшей гранатѣ быстро спускались назадъ, и надо было ихъ силой вытаскивать. Стоны, неистовые крики, ржаніе лошадей, напуганныхъ постоянными взрывами—все это составляло такую обстановку, среди которой не такъ-то легко было сохранять

должное хладнокровіе. Но намъ какъ-то особенно везло; за всѣ эти семь дней у насъ былъ раненъ только одинъ санитаръ, убита лошадь и нѣсколько поврежденъ одинъ фургонъ. Это доказываетъ, какъ, въ сущности, безобидны были тогдашніе артиллерійскіе снаряды даже самыхъ крупныхъ калибровъ.

28-го января — въ послѣдній день осады — отправили насъ вывозить убитыхъ и раненыхъ изъ трехъ фортовъ, окружавшихъ Сенъ-Дени. На сѣверномъ, съ горжи открытомъ укрѣпленіи, на которое нѣмцы какъ-то особенно ожесточились, былъ сущій адъ. Все тамъ было изрыто снарядами, казематы для людей едва держались, пороховымъ погребамъ грозила опасность, но эскарпы были цѣлы, защитники не унывали и комендантъ, храбрый артиллерійскій маіоръ, увѣрялъ, что можетъ еще долго защищаться. На двухъ остальныхъ фортахъ было потише, но и тамъ было невесело. Когда мы выѣзжали изъ послѣдняго, восточнаго форта, лежащаго среди совершенно открытой равнины, непріятель сталъ стрѣлять по нашимъ повозкамъ. Мы всѣ были убѣждены, что цѣлыми въ Парижъ не вернемся; однако и тутъ намъ посчастливилось—никто изъ насъ не былъ раненъ.

Въ полночь огонь прекратился по всей линіи; послѣ статридцати-дневной, хотя и далеко не блестящей защиты, дойдя до послѣдняго куска хлѣба, огромный парижскій укрѣпленный лагерь капитулировалъ.

Все пережитое въ эту тяжелую зиму 1870—1871 г. оставило по себѣ очень опредѣленное впечатлѣніе: всѣ мы, сколько насъ ни было, только играли въ солдаты, а настоящими солдатами не были. Военный духъ исчезъ во Франціи; его послѣдніе слѣды унесла съ собою плѣненная подъ Мецемъ армія. Быстрое возрастаніе народнаго богатства, развившаяся потребность роскоши, развращеніе нравовъ, примѣръ которому давало само наполеоновское правительство—все это вмѣстѣ мало-по-малу уничтожало чувство долга, самопожертвованія, повиновенія, безъ чего невозможна никакая армія. Храбрыхъ было много—истыхъ военныхъ не существовало; а на такой почвѣ военные таланты не рождаются. Послѣднее поколѣніе способныхъ военачальниковъ, образовавшихся на поляхъ сраженій начала XIX-го вѣка, сошло со сцены еще при Людовикѣ-Филиппѣ; его смѣнило поколѣніе алжирскихъ „героевъ“, которые умѣли вести только партизанскую войну. Затѣмъ пошло еще хуже: явились придворные генералы, весьма преданные династіи, но практически и теоретически совершенно невѣжественные въ военномъ искусствѣ. Съ такими элементами не было, конечно, никакихъ шансовъ побѣдить про-

тивника, если не геніальнаго, то, по крайней мѣрѣ, акуратно знавшаго свое дѣло. Въ этомъ — причина всѣхъ неудачъ, малыхъ и большихъ, съ самаго начала кампаніи. У нашихъ генераловъ не было ни опредѣленной цѣли, ни общаго плана дѣйствій, а только, какъ у генерала Оффенбаховской „Герцогини Герольштейнской", смутное желаніе разбить непріятеля на всѣхъ пунктахъ. Съ этимъ далеко не уйдешь, и наши генералы вездѣ — въ Седанѣ, Мецѣ, Парижѣ — попадали въ очень незатѣйливыя ловушки.

Отсутствіе военнаго воспитанія поставило защиту Парижа въ весьма странное положеніе. Опытомъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ дознано, что въ осажденномъ городѣ вся власть должна быть сосредоточена въ рукахъ одного отвѣтственнаго начальника; въ Парижѣ всѣ приказывали и никто не повиновался. Даже теперь, послѣ столькихъ лѣтъ и столькихъ полемикъ, трудно сказать, на комъ лежала главная отвѣтственность. Трошю увѣрялъ, не безъ основанія, что правительство противодѣйствовало всѣмъ его предпріятіямъ; правительство упрекало Трошю, тоже не совсѣмъ голословно, въ систематическомъ бездѣйствіи. Это была постоянная междоусобная война между военными и штатскими, среди которой борьба съ внѣшнимъ врагомъ все болѣе и болѣе отодвигалась на задній планъ. И необычайная форма капитуляціи не выражаетъ ли всю ненормальность положенія: она была подписана не военнымъ начальникомъ, а Ж. Фавромъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Но не одно военное безсиліе поставило насъ въ безвыходное положеніе; наши гражданскіе властители оказались столь же неспособными. Какъ политическіе дѣятели и какъ администраторы, не смотря на свою несомнѣнную честность и очевидное доброжелательство, они были ниже всякой критики и надѣлали цѣлый рядъ грубыхъ ошибокъ. Самой крупной, самой вредной изъ нихъ было присутствіе въ осажденномъ городѣ этого слабаго, разногласнаго правительства, которое имѣло претензію управлять всей Франціей — и могло сноситься съ провинціей только посредствомъ воздушныхъ шаровъ. Правда, часть правительства, съ Гамбеттой во главѣ, находилась внѣ города; но это только усугубляло вредъ, увеличивая всеобщій безпорядокъ. Обѣ части, не имѣя возможности правильно сообщаться между собой, дѣйствовали каждая порознь, на свой страхъ, большею частью въ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ, стѣсняя, парализуя другъ друга.

Что случилось бы, еслибы наши правители, оставивъ городъ

еще въ сентябрѣ, поѣхали организовать въ провинціи вспомогательныя арміи и еслибы наши военные строго примѣнили артикулы устава для осажденныхъ городовъ? Могли бы мы продержаться долѣе и съ меньшими потерями? Никто, конечно, знать этого не можетъ. Но въ такіе трагическіе моменты, когда всякій часъ дорогъ, самая элементарная логика требуетъ точнаго примѣненія давно опытомъ установленныхъ правилъ и воспрещаетъ погоню за какими-то новыми, неизвѣданными принципами.

Послѣ всего видѣннаго и пережитаго, таково, мнѣ кажется, нравоученіе, которое прямо вытекаетъ изъ событій 1870—1871 гг.

Г. Вырубовъ.

Парижъ.
Августъ 1910 г.

ДЕДАЛЪ и ИКАРЪ

(Изъ Овидія, съ латинскаго подлинника.)

Странникъ Дедалъ, заточенный на островѣ дальномъ,
Долго тоскою томился по свѣтлымъ Аѳинамъ.
Бѣгствомъ онъ бредилъ. И мысль озарила безумца:
„Все ли подвластно тюремщику злому? а небо?“
Небо!—и вотъ онъ увлекся невиданнымъ дѣломъ:
Перья, одно къ одному, подобралъ, разложилъ ихъ
Такъ, чтобы каждое новое было длиннѣе
(Какъ составляютъ свирѣль изъ неровныхъ тростинокъ),
Крѣпкой связалъ ихъ веревкой, спаялъ желтымъ воскомъ—
Крылья готовы; онъ ихъ изогнетъ, какъ у птицы.

Узникъ трудился, а рядомъ Икаръ шаловливый,
Чуждый и мысли, что шутитъ своею же смертью,
Трогалъ тѣ перья, смотрѣлъ, какъ колеблетъ ихъ вѣтеръ,
Мялъ теплый воскъ, забавляясь, и шумнымъ весельемъ
Только мѣшалъ вдохновенной работѣ отцовской.
Вотъ уже крылья Дедалъ укрѣпилъ за плечами;
Вотъ развернулъ ихъ; однимъ напряженнымъ усильемъ,
Взмахомъ широкимъ и смѣлымъ поднялся на воздухъ,
Крылья опять распасталъ—и поплылъ по лазури.

Къ сыну вернувшись потомъ, онъ сказалъ ему: „Слушай!
Мы улетимъ. Только помни: во время полета
Не подлетай слишкомъ близко ни къ морю, ни къ солнцу.
Слѣдуй за мной; и невѣрною ночью надъ моремъ
Самъ не ищи въ небесахъ ни звѣзду Оріона,
Ни золотую Медвѣдицу,—слѣдуй за мною“.

Сдѣлалъ Дедалъ и Икару могучія крылья.
Долго его обучалъ онъ искусству полетовъ,—
Дивной, опасной наукѣ! У старца катились
Слезы отъ счастья, и блѣдныя руки дрожали.
Обнялъ онъ сына; и, въ воздухъ съ нимъ вмѣстѣ поднявшись,
Самъ впередъ полетѣлъ, неувѣренъ въ Икарѣ,
Глядя назадъ, ободряя его,—такъ, какъ птицы
Учатъ впервые летать своихъ птенчиковъ малыхъ.

Кто могъ ихъ видѣть? Рыбакъ, запоздавшій на ловлѣ,
Или пастухъ, что стоялъ, опираясь на палку,
Видѣлъ—и думалъ: „Крылатые, вѣчные боги!“

Вотъ уже цѣпь острововъ позади. Вотъ налѣво
Островъ Юноны—Самосъ, а направо—Калимна.
Тутъ, опьяненный полетомъ, Икаръ отдѣлился.
Къ солнцу, одинъ, полетѣлъ онъ, все выше и выше,
Ближе къ палящимъ лучамъ...
Горе! воскъ золотистый,

Гибкія перья скрѣплявшій, на солнцѣ растаялъ.
Крылья распались. Онъ машетъ однѣми руками,—
Гибнетъ Икаръ! онъ стремительно падаетъ въ волны.
Крикнулъ: „Отецъ!“—тотъ не слышитъ,—упалъ и погибъ онъ.

Но навсегда безыменному синему морю
Имя свое передалъ онъ, безсмертное имя!

Ив. Тхоржевскій.

ПРОРЫВЪ ВЪ ВѢЧНОСТЬ

ПОВѢСТЬ

„Geburt und Grab,
„Ein ewiges Meer,
„Ein wechselnd Weben,
„Ein glühend Leben..."
Göthe („Faust").

„O, genus attonitum gelidae formidine mortis!"
. . . . . .
„Omnia mutantur, nihil interit".
Овидій („Метаморфозы", XV, 153, 165).

I.

Въ кабинетѣ стоитъ голубоватый свѣтъ отъ абажура лампы. Хозяинъ его — Егоръ Ивановичъ Кашинцевъ — только что проводилъ обоихъ гостей своихъ и, вернувшись изъ передней, сѣлъ въ кресло у камина, гдѣ потрескивали уголья, закрылъ глаза и такъ оставался съ минуту недвижимо.

Въ кабинетѣ разлита мягкая теплота. Немного пахнетъ, кромѣ кокса, и сафьянными переплетами книгъ, уставленныхъ въ образцовомъ порядкѣ.

Во всемъ — чистоплотность и аккуратность пожилого холостяка, прожившаго такъ полвѣка, по тихой, размѣренной программѣ теоретика, безъ семьи, въ нѣкоторомъ отчужденіи даже отъ своихъ коллегъ.

Отъ него ушли двое его недавнихъ знакомыхъ, и уже пріятелей.

Прежде, онъ съ *такимъ* народомъ не водился.

Оба—ученые богословы, спеціалисты по экзегетикѣ и „сектовѣдѣнію“; одинъ уже пожилой, другой еще совсѣмъ молодой человѣкъ, но уже съ именемъ по своей спеціальности.

Бесѣда ихъ шла о новыхъ трудахъ по Апокалипсису — заграничныхъ и русскихъ. Всего больше говорили они о недавней книжкѣ, надѣлавшей много шума, и о ея авторѣ, который пріѣзжалъ и сюда читать на эту тему.

Разумѣется, никто изъ нихъ не могъ согласиться съ его утвержденіемъ — будто „Откровеніе“ Іоанна написано совсѣмъ другимъ лицомъ, и триста лѣтъ позднѣе.

Приводился тотъ фактъ, что уже во второмъ вѣкѣ у отцовъ церкви есть упоминанія объ „Откровеніи“ патмосскаго узника.

Но молодой спеціалистъ по сектовѣдѣнію привелъ мнѣніе одного нѣмца-экзегета, который доказываетъ, что „якобы“ весь этотъ документъ—изъ апокрифической еврейской литературы, и написанъ *до* христіанской эры; и только обращеніе къ разнымъ церквамъ, съ чего начинается „Откровеніе—позднѣйшая приставка, а также и намёки на Римъ и Нерона, съ его „звѣринымъ числомъ“.

Самъ Егоръ Ивановичъ не желалъ вдаваться въ эту „хлябь“ экзегетики. Для него превыше всего—основныя тайны, дающія ему чувство „*живаго* бога“.

Не даромъ же онъ—человѣкъ точнаго знанія—такъ искренно и убѣжденно вступаетъ теперь, съ момента своего „просвѣтленія“, въ научную *апологію* всѣхъ коренныхъ догматовъ вѣры.

Оба его новые пріятеля такъ на него и смотрятъ; но изъ нихъ экзегетъ почему-то держится съ нимъ добродушно-шутливаго тона.

Вотъ и сейчасъ, уходя, онъ подмигнулъ своему молодому коллегѣ и, указывая на него, сказалъ:

— Егоръ-то Иванычъ... боюсь я, въ такое рвеніе войдетъ, что будетъ для россіянъ въ родѣ какъ Ѳома Аквинатъ для латинянъ!..

И оба вразъ засмѣялись.

— Куда намъ!—отшутился и онъ.—Мы свою скромную линію будемъ гнать.

И этой „линіи“ онъ будетъ держаться безъ всякаго „страха іудейска“.

Знаетъ онъ прекрасно, что его товарищи — и онъ сейчасъ же вспомнилъ объ одномъ профессорѣ біологіи — будутъ

возмущаться тѣмъ, что онъ выступаетъ теперь съ такими апологіями.

Будь тотъ теперь здѣсь — онъ бы уже учуялъ, что его когда-то закадыка ушелъ въ ненавистный ему станъ „черной братіи“.

Нѣтъ, это не вѣрно! Глубоко не вѣрно!

Ни къ чему *черному* онъ не уходилъ. „Братія“ для него совсѣмъ не символъ такого благочестія, какого взыскуетъ его духъ, оскудѣвшій въ холодныхъ пустыряхъ безпросвѣтнаго механическаго міропониманія.

„Клерикаломъ“—хотя бы и въ россійскомъ вкусѣ—онъ никогда не будетъ.

Его душа взыскуетъ просвѣтленія всѣхъ подъ сѣнью одной „Благой Вѣсти“. И чтобы никакая церковная власть — римскаго ли первосвященника, или, еще менѣе, чиновничьяго синедріона—не накладывала, въ дѣлѣ вѣры, своей гнетущей лапы.

Вѣдь самое слово „religio“ — по-русски „связь“, „единеніе“ — и есть выявленіе высшей и чистѣйшей свободы человѣческаго „я“.

Но она не должна быть только обрядовымъ благочестіемъ, хотя въ древнемъ обрядѣ и заключенъ всегда глубокій смыслъ.

Чего жаждала его душа передъ тѣмъ, какъ произошло его „возвращеніе“, это — чувства *живаго* Бога, наполняющаго все ваше существо, до забвенія всякой личной жизни, всякихъ прельщеній, и плоти, и духа.

Но не холодной *нирваны* буддистовъ, ни той „атараксіи“, которою кончали мудрецы древности.

Погоня за личнымъ счастьемъ — уже позади. Это миражъ... если не грѣховный, то все-таки обманчивый, съ горькимъ осадкомъ.

Богу не угодно было, чтобы онъ создалъ семью, чтобы любовь женщины согрѣла его одинокую долю.

Теперь уже поздно!

Въ передней раздался звонокъ.

Это заставило Егора Ивановича встрепенуться.

Онъ самъ пошелъ отпирать. Его прислуга отпросилась до восьми часовъ. Онъ зналъ, кто этотъ гость.

Въ переднюю вошелъ, въ шинели съ мѣховымъ воротникомъ и въ высокой мерлушковой шапкѣ, нестарый еще блондинъ, съ бородой.

— Семенъ Николаичъ! Спасибо за посѣщеніе! — встрѣтилъ его хозяинъ.—А супруга?

— Что-то хохлится.

— Душевно сожалѣю.

Кашинцевъ помогъ гостю снять съ себя шинель и ввелъ его, поддерживая подъ локоть, въ кабинетъ, гдѣ и усадилъ на диванъ; а самъ сѣлъ около него, въ кресло.

Гость—Семенъ Николаевичъ Бойцовъ—смотрѣлъ моложе его, лѣтъ сорока, съ свѣтло-русыми длинноватыми волосами, худой, съ пріятнымъ оваломъ лица — блѣднаго и благообразнаго. Изъ глубины орбитъ смотрѣли темные глаза, съ затуманеннымъ выраженіемъ. Ротъ складывался въ добрую улыбку, съ оттѣнкомъ какой-то сладкой печали.

Рядомъ съ гостемъ хозяинъ смотрѣлъ болѣе „отъ міра сего“, тѣмъ, что онъ и былъ — человѣкомъ какой-то интеллигентной профессіи. Фигура у него—плотная, складъ тѣла—коренастый, голова — съ небольшой просѣдью — совсѣмъ не мистика; глаза красивые, съ быстрымъ, пытливымъ выраженіемъ. И тонъ — простой, дѣльный, съ чуть-чуть замѣтнымъ юморомъ.

Но къ этому гостю его влечетъ все больше и больше, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ искать людей хорошей, проникновенной вѣры.

Этотъ Семенъ Николаевичъ—совсѣмъ не изъ модныхъ „богоискателей“, а тихій, вдумчивый христіанинъ, вѣрный завѣтамъ той церкви, въ которой родился, но безъ всякаго изувѣрства и съ большой долей терпимости.

Онъ опредѣляетъ его про себя такъ: „хорошій православный *піэтистъ*“.

У него собирается изрѣдка цѣлый кружокъ для бесѣдъ и даже рефератовъ.

Но самъ онъ туда еще ни разу не попадалъ. Онъ не любитъ сборищъ, даже и у такого вотъ человѣка, какъ этотъ Бойцовъ.

Въ немъ сидитъ особая стыдливость, не позволяющая ему никакихъ „выступленій“.

Платное слово — дѣло другое. Тамъ онъ обращается, какъ въ Римѣ говорятъ: „urbi et orbi“; а „кружокъ“ можетъ незамѣтно перейти въ говорильню и выродиться въ особаго рода дилетантство.

II.

Они сидѣли въ тѣсноватой столовой, за самоваромъ.

Кашинцевъ самъ заварилъ чай.

Никто изъ нихъ не курилъ. Гость и раньше не былъ курильщикомъ; а Егоръ Ивановичъ бросилъ недавно, и это ему досталось нелегко.

Бойцовъ сидѣлъ, подавшись впередъ, съ локтями на столѣ, и смотрѣлъ на Кашинцева съ кроткимъ и ласковымъ выраженіемъ своихъ затуманенныхъ глазъ.

— Егоръ Иванычъ — говорилъ онъ, и слабый голосъ его вздрагивалъ, — вы всѣмъ намъ доставили несказанную радость своимъ единеніемъ съ тѣми, кто такъ же, какъ и вы теперь, носятъ въ себѣ „Бога живаго“ — выговорилъ онъ съ условнымъ церковнымъ произношеніемъ послѣднихъ двухъ слоговъ.—И для меня лично было бы великимъ утѣшеніемъ знать—какъ именно произошелъ въ васъ этотъ поворотъ.

Глаза Кашинцева блеснули. Онъ тихо усмѣхнулся и повелъ головой, точно кто его окликнулъ, отъ двери.

— Я никогда не былъ удовлетворенъ тѣмъ, что есть въ механическомъ разумѣніи міра... всего космоса... И еще менѣе тѣмъ, къ чему грубый матеріализмъ сводитъ нашу психику.

— Такъ, такъ — точно про себя повторялъ Бойцовъ, сидя съ полузакрытыми глазами.

— Въ студентахъ и позднѣе, на каѳедрѣ, я носилъ извѣстнаго рода мундиръ такъ называемаго свободомыслія. Но въ душѣ царилъ холодъ. И я не находилъ никакого отвѣта на самые завѣтные запросы—ни свободы воли, ни возмездія на высшемъ судилищѣ, ни бытія въ потустороннемъ мірѣ...

— Гдѣ ни печали, ни воздыханія — промолвилъ Бойцовъ, опять точно про себя.

— Именно, дорогой Семенъ Николаичъ, ни печали, ни воздыханія.

— А жизнь безконечная.

Это было похоже на какое-то молитвенное чередованіе тихихъ возгласовъ.

— Къ тому времени — продолжалъ неторопливо Кашинцевъ, послѣ глотка очень крѣпкаго чая — раздались голоса о банкрутствѣ науки. Это было и для меня предостереженіемъ. Но я и въ настоящую минуту не считаю полезнымъ отрицать точное знаніе.

— Не считаете?—остановилъ Бойцовъ и взглянулъ на своего собесѣдника вопросительно.

— Не считаю, Семенъ Николаичъ. Напротивъ... проникать въ природу и ея законы — это только укрѣплять въ себѣ вѣру въ то, что нѣтъ ничего въ нашемъ знаніи такого, что не было бы въ соотвѣтствіи съ божественнымъ откровеніемъ.

— Чему вы теперь такъ сильно и талантливо и отдаете всѣ свои досуги, Егоръ Иванычъ?

— Хотя и знаю, что немало мнѣ за это придется всякихъ терній.

— А кто сказалъ: „претерпѣвый до конца—спасется“?

Они тихо разсмѣялись оба.

— Мое возрожденіе, Семенъ Николаичъ, не произошло внезапно, въ родѣ одного удара свыше... какъ случилось съ фарисеемъ Савломъ на пути въ Дамаскъ. Нѣтъ! Я сталъ читать какъ разъ такихъ писателей, которые смотрятъ на Спасителя міра какъ на простого смертнаго, на еврейскаго начетчика, увѣровавшаго въ себя, какъ въ Мессію — искупителя грѣховъ Израиля.

— Да, да—подсказывалъ Бойцовъ.

Онъ опять полузакрылъ глаза и сидѣлъ съ опущенной головой.

— И эти чтенія повели меня къ новымъ думамъ, къ такимъ бесѣдамъ съ самимъ собою, которыя не могли найти другого исхода, какъ въ прозрѣніе... *живаго* Бога, сквозь всѣ эти мудрствованія, придирки, разсудочныя толкованія. Тутъ мозгъ нашъ безсиленъ, тутъ вступаютъ въ свои права высшіе запросы души. Но я не повторю вмѣстѣ съ латинскимъ отцомъ церкви: „credo quia absurdum est“. Для меня нѣтъ ничего нелѣпаго. Все ясно, стройно, въ очевидномъ согласіи съ тѣмъ, что и безстрастное знаніе говоритъ моему разсудку.

Вышла пауза.

Бойцовъ поднялъ голову и долго смотрѣлъ на Кашинцева.

— Сердечное вамъ спасибо, Егоръ Иванычъ, за эту краткую, но полную глубины исповѣдь. Я смотрю на нее, какъ на высокую честь для меня.

— Полноте! Я бы и въ печати разсказалъ все это. Но я не хочу выступать ни съ чѣмъ личнымъ... Я буду держаться такой области, гдѣ откровеніе и разсудочное знаніе стоятъ другъ противъ друга и требуютъ примиренія.

Онъ привсталъ.

— Не перейдемъ ли въ кабинетъ?—спросилъ онъ гостя.— Или угодно еще стаканъ?

— Благодарю... Больше не буду.

Въ кабинетѣ они сѣли опять у камина, гдѣ уголь еле тлѣлъ.

Кашинцеву было очень легко излиться. Въ этомъ тихомъ и ласковомъ „піэтистѣ“ онъ не только видѣлъ родственную душу, но и такого „брата“, который многихъ можетъ обратить отъ холодящаго невѣрія къ исканію „живаго“ Бога.

Но ему хотѣлось бы остеречь его отъ излишняго потакательства разнымъ юродствамъ моднаго „богоискательства“.

— У васъ бываетъ Свиридѣевъ? — спросилъ онъ Бойцова, когда они перешли въ кабинетъ.

— Сергѣй Сергѣичъ? Бываетъ, но рѣдко. А что?

— Да вы какъ на него смотрите, Семенъ Николаичъ?

Брови Кашинцева немного сдвинулись и по губамъ проскользнула усмѣшка.

— Прекрасно говоритъ, и полонъ вдохновенія.

— Можетъ-быть. Но такіе искатели—мнѣ не по вкусу.

— Что же въ нихъ находите непріемлемаго?

— Это все—игра ума, „плѣнной мысли раздраженье“. Для нихъ религія—не дѣло всей жизни, не та *благодать*, безъ какой вѣрующему не познать божественной истины, а измышленія собственнаго издѣлія. И восторженность—напускная. А у другихъ, которые вкривь и вкось толкуютъ Апокалипсисъ — что-то прямо кликушеское...

Онъ тихо разсмѣялся.

— Они, рано или поздно, кончатъ своего рода хлыстовщиной... Помяните мое слово!

— Богъ съ ними, Егоръ Иванычъ... только бы чувствовали духовную жажду.

— Въ ея подлинность-то я плохо и вѣрю! Простоты нѣтъ, той, младенческой, на которую указалъ нашъ Спаситель.

— И вотъ еще о чемъ я хотѣлъ васъ спросить... да объ этомъ надо бы особо побесѣдовать, а мнѣ нельзя засиживаться. Вы вѣдь были на послѣднемъ миссіонерскомъ съѣздѣ?

— Былъ.

— Ну, и какое вынесли настроеніе?

— Самое печальное.

— Я такъ и думалъ!

— Это — царство если не полнаго мрака, то превращенія глагола любви чуть не въ полицейскій сыскъ.

— Да, да! И я такъ разумѣю.

— Если я вернулся въ лоно единой церкви, хранящей древнее преданіе христіанъ, то не къ этимъ чиновникамъ въ вицъ-мундирахъ и ихъ подчиненнымъ—съ панагіями и звѣздами на груди! Все это чревато раздоромъ и духовной враждой... какъ и вездѣ, во всемъ крещеномъ мірѣ. Вотъ я вамъ покажу новые снимки съ разныхъ іерусалимскихъ видовъ. Не хотите ли взглянуть?

Онъ подвелъ гостя къ столу и развернулъ альбомъ.

— Видите, какія все мѣста! Вотъ храмъ гроба Господня. И сколько у подножія алтаря ненависти и вражды среди всѣхъ этихъ греческихъ и латинскихъ служителей церкви! Я потому-то и не собираюсь туда... Боюсь! Да вѣдь я еще пока — совсѣмъ не церковный. Не потому, что отрицаю церковь, а потому, что не считаю еще себя достойнымъ приступить къ трапезѣ Искупителя.

Бойцовъ, въ тихомъ волненіи, ничего не отвѣтилъ на это.

III.

— Ты еще не готова?—спросилъ мужской голосъ изъ пріотворенной двери.

Передъ зеркаломъ шкафа стояла молодая женщина и поправляла что-то на груди.

— Погоди! Еще рано!—откликнулась она, продолжая оглядывать себя.

Этой дамѣ лѣтъ за тридцать; она рослая, съ роскошной грудью блондинка, и прическа у нея громадная, вся въ букляхъ и косахъ.

Шея—полуоткрытая и рукава—короткіе. Платье изъ тонкой шелковой матеріи книзу захвачено широкимъ галуномъ такъ, что надо ступать мелкими шажками.

Но дама эта, какъ выражается ея мужъ, „подвержена модѣ“.

Между ею и имъ разстояніе „какъ небо отъ земли“ — онъ самъ такъ опредѣляетъ. Онъ весь тамъ гдѣ-то, въ „потусторонникъ пространствахъ“; а она на землѣ, любитъ жизнь, туалеты, выѣзды, зачитывается романами, гдѣ трепещетъ страсть, и ѣздитъ на рефераты и пренія, гдѣ идетъ рѣчь исключительно о вопросахъ *пола*.

Ея Глѣбъ Петровичъ давно уже „не отъ міра сего“.

Это случилось съ нимъ года четыре назадъ.

Они жили сначала въ усадьбѣ, но тамъ пошли погромы, и они перебрались въ губернскій городъ.

Тамъ онъ сталъ запираться у себя въ кабинетѣ, читать, читать, а главное—писать.

Сначала бредилъ все Буддой, а потомъ вернулся опять къ Евангелію; но ни въ какое церковное усердіе не вдался, а все сочинялъ свое собственное ученіе.

И, запершись, все писалъ.

А ее тянуло въ Москву, гдѣ она и родилась. Когда она, пріѣхавъ сюда, въ прошлую зиму, попала на „Трехъ сестеръ“, въ Художественный театръ — она чуть не заплакала, заслышавъ возгласъ сестеръ: „Въ Москву, въ Москву!“

И добилась того, что они переѣхали на зиму сюда. А ея Глѣбъ Петровичъ собирался-было на Кавказъ, къ какимъ-то сектантамъ, которые—по его соображеніямъ—всего скорѣе „восприняли бы“ его ученіе.

Онъ пробовалъ и ей читать свои тетрадки. Но она впускала въ одно ухо, а въ другое выпускала.

Онъ наконецъ „поставилъ на нее крестъ“, послѣ того, какъ она ему сказала.

— Послушай, Глѣба... Не мечи бисера. Я еще не созрѣла для всего этого. Пробьетъ, быть-можетъ, и мой часъ. Подожди.

Онъ самъ пускай отыскиваетъ „вѣчную правду“. Только бы онъ не нажилъ себѣ какую-нибудь душевную болѣзнь.

И то сказать — теперь пошла мода на богоискательство. Пускай его проповѣдуетъ. Только бы не смотрѣли на него какъ на юродиваго.

Ей за него было бы обидно. Онъ вѣдь стараго дворянскаго рода, служилъ въ гвардіи, былъ на прекрасной дорогѣ. И собою былъ молодецъ. Теперь и узнать нельзя—весь высохъ и совсѣмъ собою не занимается.

Она шла за него по любви; да и она ему нравилась. Онъ ею не побрезговалъ, хоть она и купеческаго рода, и не польстился на одно ея приданое.

Теперь онъ ее любитъ „какъ братъ въ духѣ“, и даже слишкомъ „въ духѣ“. Они точно братъ и сестра, еслибъ кто зналъ всю подноготную по этой части.

По крайней мѣрѣ, надъ ней нѣтъ никакого ревниваго надзора, ни ворчанья, ни кислыхъ минъ. На нее онъ смотритъ какъ на „оглашенную“ и надѣется, что — рано или поздно — свѣтъ истины озаритъ ее и она изъ „хаоса“ перейдетъ въ „предвкушеніе“ вѣчнаго блаженства.

Но до этого еще немало воды утечетъ.

Мирится онъ временно и съ тѣмъ, что она такъ любитъ „рядиться“. Что же! Она его не раззоряетъ. У нея свой доходъ и ей всегда хватаетъ. Онъ, все равно, отъ нея ничего бы не бралъ. Это она настояла на томъ, чтобы расходы по содержанію дома были пополамъ.

Здѣсь они живутъ въ меблированной квартирѣ и взяли ее на весь зимній сезонъ.

Вотъ онъ везетъ ее на вечеръ въ какой-то кружокъ, гдѣ читаютъ и бесѣдуютъ о божественности, къ какимъ-то Бойцовымъ. Мужа она видѣла—онъ приходилъ съ визитомъ къ Глѣбу Петровичу. Тихій, почтенный господинъ, съ такимъ сладкимъ говоромъ и лицомъ, что похожъ на монаха въ штатскомъ платьѣ.

У нихъ—какъ слышно—собираются всякіе „народы“. Бываютъ и писатели, и тѣ... какъ бишь — теософки. А она еще ни съ одной не встрѣчалась. Можетъ, и съ интереснымъ мужчиной познакомится.

Богоискательство—богоискательствомъ; но не всѣ же они тамъ на лампадномъ маслѣ? Навѣрно, также какъ и всѣ прочіе, и влюбляются, и грѣшатъ, и всякія дѣлишки обдѣлываютъ.

— Надя! Готова? — окликнулъ еще разъ мужъ и растворилъ пошире дверь изъ своей комнаты.

Его высокая, худая фигура выступила на полутемномъ фонѣ. Длинноватый сюртукъ сидѣлъ на немъ мѣшковато. Голову держалъ онъ немного назадъ. Еще не сѣдые, темные волосы курчавились на вискахъ. Высокій, узковатый лобъ желтѣлся. Глубоко сидящіе красивые глаза точно таились подъ выпуклыми бровями. Онъ носилъ усы и брилъ бороду и въ немъ осталось что-то военное—въ посадкѣ и въ выраженіи взгляда.

За мистика его врядъ-ли бы кто принялъ, по первому впечатлѣнію.

— Ну, не сердись, Глѣба, видишь, и я готова!

Надежда Павловна еще разъ оглянула себя въ зеркало и прошлась холеными, наливными руками по бедрамъ, привычнымъ жестомъ, какъ бы отряхивая платье.

— Ну и слава Богу!—полушутливо выговорилъ онъ.—Поздно туда нельзя. Вѣдь будетъ чтеніе.

— Здѣсь вездѣ поздно собираются. Поди, и въ такихъ домахъ.

Она подошла къ нему близко, поглядѣла на его сюртукъ—нѣтъ ли гдѣ пятна, и, взявшись за пуговицу, спросила:

— Ты не будешь тамъ выступать?

Онъ очень серьезно взглянулъ на нее.

— Съ чѣмъ выступать?

— Ну, читать что ли?..

— Меня не просили. Тамъ будетъ свой референтъ.

— То-то... Можетъ, пренія будутъ? Безъ преній нынче нельзя. Даже на афишахъ каждый разъ стоитъ, что оппонентомъ будетъ такой-то и такой-то.

— Не знаю.

— Ты бы сразу не рисковалъ, Глѣба... Сначала надо присмотрѣться—какой народъ. А то какая же радость...

— Напрасно ты безпокоишься. Зря я говорить не стану. Я и не знаю, о чемъ будетъ чтеніе. Но если выйдетъ бесѣда, то почему же мнѣ уклоняться? Это не честно!—выговорилъ онъ съ удареніемъ.

— Ну хорошо, ну хорошо.

— Тебѣ за меня стыдиться не слѣдуетъ, Надя. И потомъ, мы ѣдемъ къ людямъ, которые ищутъ пути туда же, куда всѣ должны придти, если не хотятъ уподобиться четвероногимъ.

— Ну, хорошо! Идемъ! Только ты меня пожалуйста не торопи. Ты знаешь, я долго одѣваюсь и затыкаюсь.

Она очень весело засмѣялась, уходя первая въ переднюю.

Онъ лѣнивой поступью пошелъ за ней.

IV.

Въ тѣсной прихожей деревяннаго особняка Бойцовыхъ Надежда Павловна долго разоблачалась, и мужъ ея терпѣливо выжидалъ конца ея охорашиванья передъ небольшимъ зеркальцемъ, висѣвшимъ надъ столикомъ, уже покрытымъ мужскими шапками и платками дамъ.

Стѣнная лампочка уныло горѣла, оставляя переднюю въ полутемнотѣ.

Глѣбъ Петровичъ вошелъ первымъ, такъ какъ онъ долженъ былъ представить жену хозяевамъ.

Въ небольшой зальцѣ, гдѣ было все приготовлено для чтенія, его встрѣтилъ Бойцовъ, а за нимъ показалась и высокая, полная фигура его жены, съ открытымъ, широкимъ лицомъ, съ простой прической сѣдѣющихъ волосъ, въ свѣтло-сѣромъ платьѣ.

Она очень радушно поздоровалась съ новыми гостями и тотчасъ же увела Надежду Павловну въ слѣдующую комнату—столовую, гдѣ уже, за столомъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ—мужчинъ и дамъ.

Глѣбъ Петровичъ оставался нѣкоторое время въ залѣ, съ хозяиномъ.

Они присѣли на угловой диванчикъ, позади двухъ рядовъ стульевъ.

— На какую же тему будетъ собесѣдованіе?—спросилъ Глѣбъ Петровичъ, указавъ движеніемъ головы на столикъ, въ противоположномъ углу.

На немъ стояли двѣ свѣчи и графинъ воды со стаканомъ.

— А вотъ я васъ сейчасъ познакомлю съ нашимъ сочленомъ. Авенировъ, Юрій Александровичъ, поэтъ—знаете, въ новомъ родѣ.

— Символистъ, кажется?

— Именно. Но онъ—нашъ душой. Онъ любитъ считать себя стоящимъ внѣ всякаго „толка", какъ онъ выражается.

Наклонившись къ гостю, хозяинъ продолжалъ вполголоса:

— Его считаютъ немножко и теософомъ.

— Это которые насчетъ „кармы"?

— Да и новѣйшій есть у нихъ учитель. Штейнеръ... не изволите знать?

— Что-то слышалъ; но книжекъ его еще не читалъ.

— Эти уже пріемлютъ догматы христіанскаго ученія... тогда какъ прежде эта вѣра была совсѣмъ внѣ христіанской догмы. Юрій Александровичъ и у тѣхъ бываетъ. Онъ, какъ пчела—со всего умѣетъ собирать медъ. Всѣ пути ведутъ къ одному.

— Безусловно! Только бы побороть животненный хаосъ.

— Прекрасно сказано! Побороть хаосъ.

Степановъ опять поглядѣлъ въ тотъ уголъ, гдѣ столъ со свѣчами.

— На какую же тему будетъ господинъ Авенировъ бесѣдовать?

— На литературную... на сей разъ.

Бойцовъ кротко усмѣхнулся.

— На литературную?—переспросилъ Степановъ.

— Нельзя, Глѣбъ Петровичъ, не откликаться на злободневные вопросы и вѣянія. Вотъ теперь одна пьеса волнуетъ чрезвычайно, особенно женскую публику.

— Какая это?

Хозяинъ привелъ заглавіе.

— А! Это все двойственная игра. Подъ этимъ нѣтъ настоящаго стремленія къ тому, чтобы убить въ себѣ звѣря и пріобщить себя къ вѣчности.

— Именно! Именно! И вотъ такую именно мысль и будетъ развивать Юрій Александровичъ. Это все какая-то игра въ облыжныя настроенія.

— Своего рода кощунство.

— Позвольте. Обвиненіемъ въ кощунствѣ нынче злоупотребляютъ власть имѣющіе. Чуть что—и сейчасъ запретъ, чиновничій, полицейскій сыскъ. Мы этимъ не занимаемся! Мы хотимъ полной свободы! Наша борьба съ ложью и заблужде-

ніемъ—безъ всякаго призыва къ насилію. Но мы должны стоять на стражѣ чистыхъ религіозныхъ идеаловъ и разоблачать всякую игру и поддѣлку, какъ бы онѣ ни были талантливы. Вы увидите. И, навѣрно, останетесь довольны.

— И пренія будутъ?—спросилъ Степановъ.

— Вѣроятно. У насъ всегда есть желающіе, и нѣкоторые—съ настоящимъ даромъ слова. И вы, можетъ-быть, пожелаете?

— Не знаю. Но у меня вѣдь всегда одна, неизбытная, исконная тема. И я ищу такого поля, гдѣ сѣмена попадутъ не въ плевелы, а въ добрую почву.

— Будемъ сердечно рады... Все, что вамъ угодно. Никакой у насъ нѣтъ кружковой цензуры. Выберите сами вопросъ и обозначьте вкратцѣ предметъ вашего доклада.

— Доклада?—глаза Степанова блеснули, когда онъ обернулся къ своему собесѣднику.—Ахъ, не люблю я этого слова! Оно отзывается досужимъ просвѣтительствомъ. Не докладывать нужно, а жечь сердца глаголомъ.

— Чего же лучше! Но знаете, глубокоуважаемый Глѣбъ Петровичъ, не надо сразу отпугивать, особенно женщинъ. Ихъ надо умѣть заинтересовывать. Имъ еще трудно идти съ нами въ ногу. Я этого не говорю о моей женѣ. Меня Господь наградилъ подругой, проникнутой исканіемъ живаго Бога. Но это, увы! далеко не большинство!

Бойцовъ сказалъ это не по его адресу; но Глѣбъ Петровичъ невольно подумалъ о своей супругѣ.

Хозяйка посадила ее у самовара. Рядомъ съ ней сидѣлъ поэтъ-референтъ; а дальше—немолодая дама, съ остатками красоты, очень изящная, въ черномъ, съ легкой просѣдью въ темныхъ волосахъ. По другую сторону сидѣло человѣкъ до десяти, больше все дамъ.

Хозяйка разговаривала съ какимъ-то страннымъ господиномъ, съ цѣлой копной взъерошенныхъ черныхъ волосъ, инородческаго типа, въ бородѣ, очень нервнаго въ тонѣ и жестахъ.

Это былъ какой-то заѣзжій „хиліастъ“, вѣрующій въ ближайшее наступленіе тысячелѣтняго царства божьяго на землѣ.

Но Надежда Павловна ничего этого еще не знала.

Про сосѣда хозяйка успѣла ей шепнуть—кто онъ.

И она сейчасъ же вспомнила, что ей попала въ руки книжка журнала, гдѣ была его какая-то „фантасмагорія“, какъ она тогда сама опредѣлила эту вещь.

Она въ ней ровно ничего не поняла, но что-то въ нее какъ

будто и запало, и языкъ былъ совсѣмъ особенный, какого она ни у кого, до тѣхъ поръ, не встрѣчала.

И вотъ это самъ авторъ.

Онъ поговорилъ немного съ той немолодой дамой, повернулся къ ней, и она сразу нашла, что онъ „очень интересный".

Она думала, что авторъ той „фантасмагоріи" долженъ быть какой-нибудь „физикусъ"; а на нее смотрѣло милое лицо ласковыми глазами, лицо художника. Небольшіе усики, маленькая бородка, пріятный овалъ, красиво лежащіе на вискахъ волосы; одѣтъ безъ всякой претензіи и говоритъ молодымъ, вибрирующимъ баритономъ.

„Вотъ ты какой!"—вымолвила она, про себя, и сейчасъ же спросила его:

— Вы будете читать?

— Я.

— Какъ я рада!

V.

Рефератъ кончился. Лекторъ допилъ воду изъ стакана и приложилъ платокъ къ немного влажному лбу.

Надежда Павловна Степанова сидѣла близко отъ него, и ей голова его была, все время, видна въ профиль.

Этотъ профиль она находила очень тонкимъ. Голосъ также дѣйствовалъ на нее. Онъ ласкалъ слухъ, и она смаковала отдѣльныя фразы, не стараясь углубляться въ ихъ смыслъ.

Той пьесы, о которой всѣ такъ кричатъ здѣсь—она еще не видала. Ея мужъ не любитъ театровъ, а одной ѣздить скучно.

Выходитъ—насколько она поняла—что такія вещи только извращаютъ религіозное чувство, и что вся эта пьеса—какъ онъ выразился—„взмылена" и представляетъ собою „доморощенную" попытку создать нѣчто въ родѣ „Россійскаго Фауста".

И онъ долго разбиралъ все съ „эстетической" стороны, такъ что божественное уже отошло совсѣмъ на задній планъ, а пошли разныя тонкости, въ которыхъ онъ очень силенъ.

„Какой онъ однако умница!"—нѣсколько разъ подумала она.

Ея мужъ сидѣлъ у другой стѣны, наискосокъ отъ нея.

Раза два она взглянула на него — въ началѣ реферата и передъ самымъ концомъ.

Глѣбъ Петровичъ сидитъ съ опущенной головой и нѣтъ-нѣтъ, да и встряхнетъ ею.

Врядъ-ли ему очень занимательно слушать все это. Не такихъ бесѣдъ жаждетъ онъ. Для него все это слишкомъ литературно.

Она боится, какъ бы онъ вдругъ не поднялся и не сталъ проповѣдывать въ своемъ восторженномъ тонѣ. И выйдетъ что-нибудь „несуразное“—какъ она частенько выражается про себя.

Дамы о чемъ-то стали перешептываться; но ни одна не заговорила.

Поднялся молодой еще господинъ, котораго Надежда Павловна примѣтила въ столовой. И тамъ онъ много говорилъ, и все такъ красно и многословно, безпрестанно вставляя словечки и цитаты на иностранныхъ языкахъ—даже и по латыни.

И тутъ онъ сталъ также, на ея оцѣнку, „разводить разводы“—и опять пошли словечки и цитаты, не только по латыни, но, кажется, и по гречески, о чемъ она только догадывалась, потому что *какъ* произносятъ по гречески—еще никогда не слыхала.

Онъ не нападалъ на лектора; напротивъ, соглашался съ нимъ и въ главномъ, и въ подробностяхъ; но ему хотѣлось показать, что онъ самъ все до тонкости понимаетъ и можетъ обо всемъ этомъ говорить сколько угодно, хоть до пѣтуховъ.

И насчетъ божественнаго онъ прошелся; но слегка.

Надежда Павловна замѣтила, что мужъ ея нервно повелъ плечами, поднялъ голову и оглянулъ всю залу.

„Батюшки!—воскликнула она про себя.—Глѣбъ накатилъ на себя духу!“

Послѣ сладкорѣчиваго оппонента никто что-то не поднимался.

Глаза хозяина обратились въ сторону того взъерошеннаго брюнета, который поразилъ Надежду Павловну своимъ видомъ въ столовой.

Но онъ что-то не поднимался.

И она „не взвидѣлась“, какъ Глѣбъ Петровичъ уже выпрямился во весь ростъ.

Она зажмурила глаза.

„Вотъ, вотъ сейчасъ разразится“.

— Господа! — началъ онъ, оглядывая залу возбужденными глазами. — Неужели стоитъ столько заниматься... такими вотъ измышленіями суемудрія, какъ эта пресловутая пьеса? Простите! Для того, кто ищетъ вѣчной правды, истиннаго богоподобія, даже и на землѣ—для того все это—кимвалъ бряцаяй и мѣдь звеняща!

— Это вѣрно — тихо отозвался изъ своего угла хозяинъ дома.—Но нельзя не откликаться на то, что увлекаетъ толпу своей поддѣлкой подъ настоящее исканіе истины.

Степановъ развелъ широко руками, выйдя уже на самую середину залы.

— Человѣкъ долженъ стать богочеловѣкомъ! — восторженно

воскликнулъ онъ, весь отдавшись неудержимой потребности призвать всѣхъ къ уразумѣнію той истины, которая открылась только ему, Глѣбу Петровичу Степанову.

И точно боясь, что ему не дадутъ говорить, онъ ринулся потокомъ отдѣльныхъ возгласовъ, дѣлая между ними еле уловимыя остановки.

„Ну, такъ и есть! — воскликнула про себя Надежда Павловна. — Прорвалось!“

Она знала — хоть и не очень твердо — эти изреченія, выученныя имъ наизусть.

Но вѣдь если онъ все здѣсь „выложитъ“, то это возьметъ добрый часъ.

И съ тѣмъ, что читалъ интересный писатель — это не имѣетъ никакой прямой связи.

Она полузакрыла глаза и сидѣла въ неподвижной позѣ.

Всѣ притихли, заинтересованные и фигурой Глѣба Петровича, и его тономъ. Такихъ они встрѣчали только развѣ на собраніяхъ сектантовъ.

— Зловонныя испаренія человѣка-звѣря душатъ его самого! Онъ долженъ бѣжать!

И онъ почти крикнулъ:

— Бѣги, коли хочешь спастись! Или ужасъ небытія, или блаженство безсмертія! Какъ его достичь? Бери примѣръ съ силача. Вѣчность есть воплощенное терпѣніе! Нѣтъ тайнъ въ вселенной! И передъ нами встаетъ міровая сущность въ блескѣ своей божественной красоты! И шагъ за шагомъ совершается превращеніе хаоса въ высшій разумъ!

Дамы стали переглядываться. Хозяинъ сидѣлъ съ опущенной головой, испытывая, должно-быть, нѣкоторое смущеніе.

Референтъ тихо улыбался; но безъ всякой ироніи во взглядѣ. Ему, кажется, нравился этотъ внезапный „прорывъ“:

Отчего же и на простой вечеринкѣ не излиться въ такомъ вотъ тонѣ?

А что же дѣлали христіане первоначальной церкви? Тѣ даже говорили на неизвѣстныхъ языкахъ и этотъ даръ считался прямымъ воздѣйствіемъ духа, вселившагося въ нихъ.

И какъ бы желая его ободрить, онъ вполголоса воскликнулъ:

— Да! Изъ хаоса прообразуется *Логосъ!*

Но Глѣбъ Петровичъ не слыхалъ этихъ словъ.

Онъ понесся дальше. И каждое свое изреченіе онъ отбивалъ ритмически, въ родѣ какъ это дѣлаютъ при возглашеніяхъ службы:

— Слава неумолимому закону бытія, слава началу міросданія въ его безпредѣльности! Это и есть Богъ!

— Пантеизмъ!—обронилъ кто-то изъ мужчинъ.

Но и этого слова не разслышалъ Глѣбъ Петровичъ.

Онъ быстро взялъ стулъ, поставилъ его передъ собою, оперся на его спинку одной рукой и продолжалъ дѣлать другою широкіе жесты.

— Но все сущее—безъ идеи невозможно. Богъ и есть центръ и сущность всего сущаго! Но въ чемъ заключается цѣль сущаго?

Онъ сложилъ руки на груди и вызывающе оглядѣлъ аудиторію.

— Вся цѣль сущаго — въ самосовершенствованіи. И оно вѣщаетъ устами человѣка: „Я живу, я—сила, я—Богъ".

— Браво!—раздалось откуда-то.

Неловкость слушателей пропадала. Но большинство ихъ все-таки считало это вступленіемъ къ чему-то болѣе фактическому.

И точно говорившій видѣлъ передъ собою кого-то, когда онъ воскликнулъ:

— Человѣкъ! Ты—грань между безсознательнымъ состояніемъ матеріи и началомъ сознанія въ самомъ Божествѣ. Оно богатѣетъ твоимъ разумомъ и прославляется въ созданіяхъ твоего разума! Оно—безъ тебя—одна только механическая, бездушная сила, не больше!

VI.

Надежда Павловна взглянула — въ эту минуту — туда, гдѣ сидѣлъ брюнетъ страннаго вида, который смущалъ ее, у самовара.

Онъ все какъ-то отряхивался и, при послѣднихъ словахъ Глѣба Петровича, немножко привсталъ на своемъ стулѣ.

Что-то онъ, кажется, возразилъ, но точно про себя. Мужъ ея не обратилъ на это никакого вниманія. Онъ опять вышелъ на средину круга, оставивъ позади себя свой стулъ.

Всѣ слушали его въ такомъ же молчаніи и дамы уже больше не переглядывались между собою.

Голосъ его крѣпчалъ, глаза горѣли, жестъ правой руки дѣлался все значительнѣе.

— И ты—воскликнулъ онъ, какъ-бы обращаясь къ кому-то, кто стоитъ передъ нимъ—и ты безъ Бога—нуль! Но ты—часть міровой души. Пойми же твое предназначеніе. Вникни только въ то — какая цѣль у Божества! Иной цѣли нѣтъ, кромѣ той, чтобы тебя—частицу міра—перевести изъ бездушнаго, хаотическаго состоянія въ богоподобное. И у тебя нѣтъ иной цѣли,

какъ участвовать въ міровой работѣ. А эта работа дастъ тебѣ безсмертіе, твое личное безсмертіе!

Онъ глубоко перевелъ духъ и, вернувшись опять на прежнее мѣсто, сталъ за стуломъ и оперся сначала обѣими руками о его спинку.

— Вотъ, люди-братья, и рѣшеніе того, что̀ философы называютъ этикой! Другого нѣтъ и быть не можетъ! Нравственность—законъ перехода въ богоподобіе! Совѣсть—голосъ самого Бога! Передъ каждымъ изъ насъ выборъ: или оставаться какимъ-то удобреніемъ, механической единицей, или принять участіе въ одухотвореніи всего міра, во вселенскомъ строительствѣ. Или ты—неразумное животное, или ты долженъ стать богочеловѣкомъ... Не закрывай глазъ передъ драгоцѣнностями! Алмазы, чистые алмазы разсыпаны передъ тобою. Не хватай ихъ зря, какъ неразумное дитя, вдумайся въ ту могучую силу, которая разсыпаетъ эти драгоцѣнности передъ каждымъ изъ насъ. Но эти алмазы недоступны простому зрѣнію. Что̀-жъ изъ того! Не смущайтесь этимъ! Поразмыслите только о томъ, что вы вѣдь не видите глазами атомовъ, а ученые заставили васъ вѣрить въ нихъ, какъ въ нѣчто несомнѣнное. Также точно и за предѣлами видимаго хранятся сокровища, какихъ мы и вообразить себѣ не можемъ! И коли вашъ глазъ не видитъ атомовъ, то какъ же онъ распознаетъ высшія сочетанія міровой силы? Пять чувствъ не могутъ дать намъ пониманія божественной сущности, но высшій разумъ проникаетъ въ вѣчность. Чтобы познать сущее—мало разсудка: для этого есть высшее наитіе, то чувство, которое достигаетъ лицезрѣнія невидимаго. Можно все понимать и загубить свою душу! Не погибнетъ лишь тотъ, кто достоинъ быть богочеловѣкомъ!

Послѣднія слова Глѣбъ Петровичъ произнесъ болѣе взволнованно и, замолчавъ, опустился на стулъ.

Хозяинъ оглянулъ всю залу и обратился въ сторону нервнаго брюнета.

— Вамъ, кажется, угодно было сдѣлать какое-то замѣчаніе?—пригласилъ онъ.

— Да... я имѣю нѣчто очень существенное.

Страннаго вида брюнетъ тряхнулъ головой и завозился на стулѣ.

Надежда Павловна пришла въ волненіе и оглянулась на мужа. Ей показалось, что онъ сидитъ точно на скамьѣ подсудимыхъ и вотъ сейчасъ его начнутъ донимать цѣлымъ рядомъ вопросовъ, одинъ другого ехиднѣе.

Онъ сидѣлъ блѣдный и отиралъ влажный лобъ.

И она не понимала, какъ это неглупый человѣкъ — а вѣдь онъ считаетъ себя чуть не пророкомъ!—можетъ не чувствовать, что̀ умѣстно, и что̀ неумѣстно? Съ какой стати было держать всѣхъ точно на проповѣди въ церкви? Положимъ, всѣ здѣсь собрались „разводить разводы“ насчетъ божественнаго. Но все-таки къ *такой* проповѣди никто изъ нихъ приготовленъ не былъ.

Брюнетъ началъ говорить.

— Противъ общаго духа того, что̀ вы сейчасъ сказали—я не стану возражать. Основная идея, которую вы формулировали подъ конецъ—вѣрна.

Тутъ только Глѣбъ Петровичъ посмотрѣлъ на своего оппонента затуманеннымъ взглядомъ.

— Безъ сомнѣнія,—продолжалъ брюнетъ,—нашихъ органовъ чувствъ недостаточно, чтобы проникать въ потусторонній міръ. И ваше указаніе на такія умозрительныя гипотезы, какъ существованіе атомовъ—весьма удачно. Но я не могу не указать на то... слишкомъ смѣлое, иной бы сказалъ — почти кощунственное утвержденіе...

— Кощунственное?—остановилъ Глѣбъ Петровичъ и сдѣлалъ жестъ правой рукой, точно онъ хотѣлъ что-то оттолкнуть отъ себя.

— Сколько я васъ понялъ—и вѣроятно всѣ слушавшіе васъ поняли именно такъ—вы развиваете ту мысль, что человѣкъ какъ бы помогаетъ Богу своимъ разумомъ, дѣлаетъ Божество какъ бы продуктомъ своего собственнаго духовнаго совершенства. Такъ это или нѣтъ?

И онъ оглядѣлся направо и налѣво.

— Такъ и не такъ,—выговорилъ Глѣбъ Петровичъ довольно спокойно. — Если цѣль человѣческаго существованія быть богочеловѣкомъ, то ясно, что онъ можетъ достичь такого именно сотрудничества съ источникомъ всего сущаго—съ Богомъ.

— Да, но всетаки нельзя позволить себѣ утверждать, что Богъ чѣмъ-нибудь можетъ быть обязанъ человѣку, даже и достойному высшаго прозрѣнія.

— Позвольте, — остановилъ Глѣбъ Петровичъ. — Божество сознало себя, такъ сказать, въ созданіи человѣческой души, т.-е. въ человѣкѣ самоопредѣлимомъ: иначе и воплощеніе Божества въ человѣческомъ образѣ—недопустимо!

— Вы, стало-быть,—уже нервнѣе возразилъ оппонентъ,—сводите это къ христіанскому догмату о Богочеловѣкѣ?

— Нѣтъ-съ,—твердо и рѣшительно выговорилъ Глѣбъ Це-

тровичъ.—Я, быть-можетъ, не такъ выражаюсь... Я разумѣю не Богочеловѣка, въ смыслѣ христіанскаго ученія...

— А *человѣко-бога!*—вставилъ, съ своего мѣста, Авенировъ.

Надежда Павловна поглядѣла на него и подумала:

„Онъ милый! Онъ не будетъ такъ придираться къ Глѣбу!“

— Вы, стало-быть, созидаете свое толкованіе сущаго внѣ догматическаго ученія нашей церкви?

Вопросъ звучалъ уже допросомъ; но Глѣбъ Петровичъ не смутился и выговорилъ такъ же твердо:

— Еслибъ было для меня достаточно держаться буквы, я бы не сталъ искать путей, какіе открываются каждому изъ насъ—въ достиженіи того совершенства, какое присуще Богочеловѣку... или, какъ они назвали сейчасъ,—онъ кивнулъ въ сторону Авенирова,—*человѣко*-богу. Я о словахъ спорить не буду.

Авенировъ сдѣлалъ знакъ рукой хозяину, исполнявшему какъ бы обязанности руководителя преній.

— Всего нѣсколько словъ,—началъ онъ тихимъ, ласковымъ тономъ, который очень нравился Надеждѣ Павловнѣ, какъ и вся наружность поэта-символиста.

— Быть-можетъ, уважаемый Глѣбъ Петровичъ утомился?—спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, что же!.. Всякое свободное мнѣніе почтенно.

— Мнѣ кажется,—продолжалъ Авенировъ,—въ томъ, что Глѣбъ Петровичъ высказалъ о человѣкѣ, какъ сотрудникѣ Божества—нѣтъ ничего кощунственнаго. Напротивъ! Если идея *человѣко*-бога, какъ хотите называть вы—и онъ обернулъ голову въ сторону брюнета—заключаетъ въ себѣ высокое pium desiderium всѣхъ проникающихъ духомъ по ту сторону механическаго міра, то она весьма и весьма можетъ быть согласована съ тѣмъ, что сказалъ Глѣбъ Петровичъ.

— Спасибо на добромъ словѣ! — добродушно выговорилъ Степановъ.

„Какой онъ милый!“ — воскликнула, про себя, его жена и послала Авенирову благодарный взглядъ.

Дальше пренія не пошли, и хозяйка стала приглашать гостей—„закусить“ въ столовую.

VII.

— Позвольте чокнуться!—сказала Надежда Павловна Авенирову за ужиномъ, гдѣ вдругъ стало очень шумно отъ разговоровъ.

И она протянула къ нему рюмку съ какимъ-то виномъ.

— Mercі!—отвѣтилъ онъ и прищурилъ на нее свои продолговатые глаза, съ матовымъ блескомъ.—Ваше здоровье!

— Я не спроста,—сказала она, улыбнувшись ему глазами.—Вы меня тронули.

— Чѣмъ?

— Какъ вы отнеслись къ мужу! Это было очень благородно съ вашей стороны.

Онъ, про себя, усмѣхнулся. Эти слова: „съ вашей стороны“ отзывались чѣмъ-то купеческимъ.

Да и вся она была въ русскомъ вкусѣ: и бюстъ, и обликъ, и осанка, что-то простонародно-породистое, что̀ слишкомъ рѣдко встрѣчается въ интеллигенціи.

И вся она дышала чѣмъ-то жизненнымъ, кажется—безъ всякаго порыванія въ „потустороннюю“ область.

Его удивило бы, еслибъ она была ученицей своего мужа, способной не только проникнуться его ученіемъ, въ которомъ не было ничего особенно новаго, но и пойти слѣдомъ за нимъ, проповѣдывать эту „благую вѣсть“.

Ему захотѣлось немножко позондировать ее на эту тему; но—какъ онъ дѣлаетъ все—деликатно, съ неуловимымъ оттѣнкомъ.

— Благодарить меня не за что...

Онъ остановился и спросилъ вполголоса:

— Ваше имя-отчество?

— Надежда Павловна.

Она слегка покраснѣла.

— Я нахожу пониманіе *человѣко*-бога у вашего мужа очень вѣрнымъ и вовсе не одному ему принадлежащимъ. Я и сказалъ только то, что̀ хотѣлъ сказать.

— Вотъ за это я вамъ благодарна. Вы его поддержали. А я, признаться сказать...

„И это „признаться сказать“—купеческое“—отмѣтилъ онъ про себя.

— Очень побаивалась за Глѣба. Онъ такой нервный. И всякое возраженіе ужасно волнуетъ его.

И, переведя дыханіе, она усмѣхнулась.

— Но вотъ то, что вы сейчасъ сказали насчетъ его вѣры—что оно не ему одному принадлежитъ—это бы его обидѣло.

И она игриво поглядѣла въ тотъ конецъ стола, гдѣ высилась голова ея мужа.

„Нѣтъ, она не исповѣдница его ученія!“—подумалъ Авениpовъ, и нашелъ, что такъ тому и быть слѣдовало.

— А чѣмъ Глѣбъ Петровичъ считаетъ свое ученіе? — понизивъ еще тонъ, спросилъ онъ.

— Сегодня онъ и половины не сказалъ еще того, что составляетъ его... какъ-бы это назвать?...

— Символъ вѣры?

— Да, въ родѣ какъ катехизисъ—добавила она, съ веселой усмѣшкой.—Это было-бы ужасно много. И безъ того, навѣрно, не всѣмъ понравилось, что Глѣбъ такъ выступилъ неожиданно. И совсѣмъ изъ другой оперы.

Она тихо разсмѣялась и ея роскошная грудь вздрогнула.

„Она, навѣрно, купчиха!“—уже окончательно рѣшилъ онъ.

— Позвольте одинъ вопросъ: вашъ мужъ — сколько я понялъ — не считаетъ себя принадлежащимъ къ господствующей церкви?

Она опустила глаза и ея лицо стало сейчасъ же серьезно.

— Церковникомъ онъ себя не считаетъ, по его выраженію. Только христіаниномъ... и не простымъ, какъ другіе прочіе, а особеннымъ, новымъ... У него есть на это также свое словечко.

— Да? Особый терминъ?—подсказалъ онъ.

— Я даже диву далась, что онъ его сразу не пустилъ, въ самомъ началѣ своего поученія.

— Для меня было бы чрезвычайно цѣнно побесѣдовать съ Глѣбомъ Петровичемъ... съ глазу-на-глазъ.

— Какъ говорится—по душамъ?

— Да.

— Чтожъ! Милости просимъ. Знаете, по просту говоря, его хлѣбомъ не корми, только дай высказаться передъ стоющимъ человѣкомъ.

— Вы долго еще пробудете здѣсь?

— Да мы — на всю зиму. Больше это онъ меня балуетъ. Ужъ очень я изнывала въ провинціи. Но и для него здѣсь куда же больше возможности дѣйствовать.

Глядя на нее вбокъ, Авенировъ, все такъ же тихо, спросилъ ее:

— Въ васъ онъ врядъ-ли имѣетъ пламенную послѣдовательницу? Простите за этотъ нескромный вопросъ.

— Почему нескромный? Спасибо за вашу откровенность. Я еще не проникла въ самую суть. Но то, что мой Глѣбъ считаетъ высшимъ долгомъ человѣка — вѣдь этому и я должна вѣрить, какъ христіанка?

— Безъ сомнѣнія!

— У меня не такая голова. Не могу проникать въ то, что

стоитъ надъ нашей грѣшной землей. Жизнь слишкомъ люблю!— вырвался у нея сдержанный возгласъ.

— Это — не порокъ! Но сладко признавать, какъ вашъ мужъ — и въ этомъ я съ нимъ безусловно солидаренъ — что и въ міръ, недоступный нашимъ чувствамъ, мы можемъ проникать.

— Хорошо бы, да я не берусь, ха, ха!

Онъ указалъ ей на тотъ край, гдѣ рядомъ съ ея мужемъ сидѣла дама съ сѣдѣющими волосами, которую Надежда Павловна уже замѣтила за чаемъ.

— Видите, та особа, которая говоритъ съ Глѣбомъ Петровичемъ...

— Очень интересна... Она какого „толка“ держится, какъ раскольники говорятъ?

— Она теософка.

— Я только слово слыхала, а въ чемъ суть — не знаю. Простите! Дайте срокъ... здѣсь я поумнѣю.

— И она, и всѣ, кто держится съ нею однихъ вѣрованій— также, какъ и Глѣбъ Петровичъ, стремятся въ потусторонній міръ.

— Потусторонній! — повторила Надежда Павловна и задумалась.

— Среди нихъ мужъ вашъ найдетъ, навѣрно, немало сочувствователей.

— Ахъ, ужъ не знаю! Боюсь, какъ бы у него голова не пошла кругомъ... А эти теософки—онѣ какъ къ нашей русской вѣрѣ относятся?

— Нѣкоторыя—не разрываютъ ни съ православіемъ, ни съ другими вѣроисповѣданіями.

— Мой Глѣбъ, значитъ, смѣлѣе ихъ. Онъ христіанинъ; но съ церковными не водится.

И, протягивая ему руку, она сказала:

— Вотъ вы бы меня просвѣтили. Позвольте и мнѣ ваше имя-отчество.

— Юрій Александровичъ.

— Просвѣтите... и мнѣ будетъ такъ пріятно и поучительно—послушать ваши бесѣды съ Глѣбомъ. Я знаю, что вы съ нимъ поладите.

Они встали разомъ изъ-за стола. Надежда Павловна крѣпко пожала его руку и сказала съ удареніемъ:

— Не забудьте свое обѣщаніе... Вы вѣдь, навѣрно — на разрывъ?

Когда Авенировъ пробирался въ залу, его остановила та дама, о которой онъ говорилъ съ Надеждой Павловной.

— Вы у насъ будете въ субботу? — спросила она его замедленно и какимъ-то особеннымъ тономъ.

— Непремѣнно!

Подавая ему руку, она тѣмъ же звукомъ выговорила:

— Всего свѣтлаго!

VIII.

Авенировъ не забылъ обѣщаніе быть у Анны Сергѣевны Прокофьевой — теософки, сказавшей ему на прощанье свое обычное: „всего свѣтлаго“!

Онъ съ ней сталъ встрѣчаться въ послѣдніе два сезона и ему было извѣстно—хотя и не въ подробностяхъ—ея прошлое.

Она пережила большое горе.

Скоропостижно умеръ ея молодой другъ, съ которымъ она сошлась послѣ тяжелаго супружества.

Душа ея жаждала уйти во что-нибудь такое, гдѣ она могла бы обрѣсти не избитое утѣшеніе въ туманныхъ обителяхъ загробной жизни, а вѣру въ возможность *еще при жизни* оставлять тѣлесную оболочку и пріобрѣтать „астральное“ тѣло, а потомъ достигать такого всевидѣнія и всезнанія, какихъ не даетъ никакая другая религія.

Но еще до знакомства съ Анной Сергѣевной Авенировъ присматривался и прислушивался къ тѣмъ, кого объединяетъ эта „богомудрость“, если буквально перевести греческій терминъ.

Еще подросткомъ онъ былъ вхожъ въ домъ одной свѣтской дамы—матери его товарища по школѣ. Она была ревностная поклонница той русской дамы, которая вывезла изъ Индіи ученіе, вначалѣ совсѣмъ чуждое христіанству, даже и простому евангелизму.—Блаватской.—

Эта барыня давала ему уроки англійскаго языка, чтобы онъ изъ первыхъ рукъ могъ впитать въ себя эту „великолѣпную“ вѣру, какъ она выражалась.

Онъ и тогда, и позднѣе, уже студентомъ съумѣлъ разобраться въ этомъ ученіи, видѣлъ въ немъ смѣсь браманизма съ буддизмомъ, вѣры въ переселеніе душъ пиѳагорейцевъ съ философіей Платона, а въ самомъ буддизмѣ усматривалъ рѣзкое противорѣчіе ученія о „кармѣ“ съ тѣмъ, чего ни самъ Будда, ни его первые ученики *не признавали*: ни „души“ въ обычномъ смыслѣ, ни Единаго Божества. Впослѣдствіи ученые комментаторы объяснили ему, что „карму“ Будда удержалъ, какъ одно

изъ самыхъ коренныхъ вѣрованій браманизма, съ которымъ онъ не хотѣлъ явно бороться.

Но барыня форменнаго теософа изъ него не сдѣлала.

Его чрезвычайно привлекала, да и до сихъ поръ плѣняетъ, высокая мораль Будды, отсутствіе всякой загробной кары; и „нирвану“ онъ—какъ и всѣ тѣ, кто серьезно изучалъ буддизмъ,—не считалъ вовсе идеей всемірной *смерти*, общаго уничтоженія, а только *освобожденіемъ* отъ всякихъ себялюбивыхъ, страстныхъ вожделѣній, *просвѣтленіемъ* въ высочайшемъ смыслѣ слова, безстрашнымъ состояніемъ духа, а вовсе не бездушно-равнодушнымъ его настроеніемъ.

Иначе, *любовь* ко всякой живой твари такъ не проникала бы проповѣдь того принца *Гаутамы*, который получилъ всемірную извѣстность подъ родовымъ своимъ именемъ: „Саккіа-Муни“.

Въ Авенировѣ жило—и до сихъ поръ живетъ—нѣжное чувство къ вѣрѣ своего младенчества. Онъ не разрывалъ съ преданіями и съ духомъ народнаго богоисканія и закрывалъ глаза на то, во что превратилась, въ его отечествѣ, свободная вселенская церковь.

Онъ воспитывалъ въ себѣ то „Оправданіе Добра“, которымъ русскій исповѣдникъ философскаго богопониманія освѣтилъ путь къ общенію съ грядущей истинно-вселенской церковью.

Есть у него одинъ другъ, который подтруниваетъ надъ нимъ за его „религіозный эклектизмъ“. Но онъ — прежде всего — поэтъ, ищущій откровеній изъ „потусторонняго“ міра, и онъ не можетъ съ нетерпимостью сектанта отворачиваться отъ какой бы то ни было живой вѣры.

Вотъ почему онъ, на дняхъ, искренно поддержалъ мысль—въ наивной проповѣди того заѣзжаго вѣроучителя,—которая его первому оппоненту показалась чуть не „кощунственной“.

Для него важнѣе всего то, что теперь, всюду, во всѣхъ, зародилось стремленіе подниматься „горѣ“, уходить за механическую оболочку міра, сливаться со всѣмъ „сущимъ“—отъ мятежной козявки до душъ, преображенныхъ духомъ, витающихъ въ безвоздушныхъ пространствахъ.

Поэтому-то онъ, не кривя душой, понимаетъ теософовъ и радуется за нихъ. Ихъ ученіе—не суровое, не грозящее, а свѣтлое, безплотное и всеобъемлющее, даже если и признать его только плодомъ человѣческой творческой фантазіи.

Когда онъ, вотъ черезъ эту Анну Сергѣевну Прокофьеву, сталъ вхожъ въ ея кружокъ — онъ съ особой отрадой увидалъ, что среди нихъ нѣтъ уже такихъ исповѣдницъ индійской вѣры, какъ та барыня, выучившая его по-англійски.

Противъ христіанства, даже и въ формѣ католичества или восточной церкви, онъ уже не распознаетъ въ ихъ средѣ ничего не только враждебнаго, но и индифферентнаго.

Произошла, съ тѣхъ поръ, дальнѣйшая эволюція въ томъ же самомъ ученіи. Другое имя — нѣмецкаго реформатора „оккультизма“ — стало произноситься, какъ высшій авторитетъ очень многими, въ особенности женщинами.

И пропаганда пошла гораздо успѣшнѣе потому именно, что каждый и каждая могутъ хранить „вѣру отцовъ“, не разрывая съ нею, какъ съ чѣмъ-то несовмѣстимымъ съ истинами „богомудраго“ ученія.

Тайны откровенія получили тутъ какъ бы новую санкцію и слились съ тѣмъ, что Брама и Будда завѣщали избранному человѣчеству.

Для него порывы къ вѣчности—всѣ равны, если не по сути своей, то по запросамъ. Все для него—*символъ* и подобіе. И безъ этой тяги по ту сторону онъ не могъ бы прожить и одного дня.

Нужды нѣтъ, что надъ нимъ смѣются въ печати тѣ, кому ничто такое недоступно. Онъ находитъ всегда трепетныхъ слушателей, когда выступаетъ передъ публикой.

Тѣ же забавники прохаживаются насчетъ его дѣйствія на „прекрасный полъ“. За такими успѣхами онъ никогда не гонялся, и будь онъ менѣе нервенъ, сдерживай онъ себя — онъ такъ не рисковалъ бы, не давалъ бы пищи газетнымъ ищейкамъ и даже каррикатуристамъ.

Кого его писанія не вразумляютъ—на тѣхъ онъ не въ претензіи. Онъ только жалѣетъ объ этихъ „слѣпорожденныхъ“. У нихъ онъ ничему научиться не можетъ, кромѣ самаго низменнаго „здраваго смысла“.

Его ему не надо. Пускай лучше его считаютъ „безумненькимъ“.

Но тамъ, куда онъ вечеромъ поѣдетъ, его такимъ не считаютъ.

IX.

Все тонуло въ полусвѣтѣ низковатой гостиной, гдѣ только-что происходило какое-то чтеніе.

Но Авенировъ—по своему обыкновенію—опоздалъ и вошелъ тогда, когда происходилъ тихій обмѣнъ отдѣльныхъ фразъ.

Посреди, на диванѣ, сидѣлъ тотъ членъ кружка, который только-что читалъ родъ лекціи.

Съ нимъ Авенировъ былъ пріятельски знакомъ; но не считалъ его способнымъ играть роль настоящаго властителя думъ.

Кажется, ему вѣрятъ, и вотъ сейчасъ какой-то студентикъ просилъ его разъясненія по вопросу объ одномъ „пути“ для достиженія совершенства, о томъ пути, которымъ можетъ служить и оккультизмъ, въ его самыхъ крайнихъ формахъ.

И какая-то старушка—лично незнакомая Авенирову—тоже попросила разъясненія по части „астральнаго“ тѣла.

У всѣхъ тонъ искренній и необыкновенно серьезный; но они держатъ себя больше какъ новопосвященные, чѣмъ какъ достигшіе уже извѣстныхъ степеней своего искуса.

Хозяйка встрѣтила его въ первой комнатѣ, небольшой зальцѣ, гдѣ на столѣ еще стоялъ самоваръ.

Она показалась въ дверяхъ и, когда бесѣда перестала быть общей, взяла его за руку и подвела къ молодой брюнеткѣ въ черномъ, съ худенькимъ миловиднымъ лицомъ, очень изящной, въ модной прическѣ. Отъ нея шелъ тонкій запахъ духовъ.

— Вотъ, милый Юрій Александровичъ, наша новая сотрудница, Агнеса Ѳедоровна Дишъ. Но вы не думайте, что она нѣмка. Она совсѣмъ русская... и наша москвичка.

Онъ сейчасъ же подумалъ, что она не дама, а дѣвица.

— Она прямо изъ Берлина... И много вамъ поразскажетъ очень интереснаго. Я васъ оставляю.

Брюнетка сидѣла въ уголкѣ, за экраномъ, и Авенирову было очень удобно примоститься къ ней.

Въ гостиной шелъ, по группамъ, негромкій разговоръ, подъ который имъ еще удобнѣе будетъ бесѣдовать.

— Такъ вы изъ Берлина?—спросилъ онъ ее своимъ вибрирующимъ голосомъ.

— Да, я тамъ пробыла половину сезона.

— И много слышали *доктора*?

Онъ произнесъ слово „докторъ“ съ особымъ выраженіемъ глазъ, и она его тотчасъ же поняла.

— Да, была на всѣхъ его публичныхъ лекціяхъ и на бесѣдахъ, въ болѣе ограниченномъ кругу.

— Такъ что и лично знакомы съ нимъ?

— Знакома.

— Вамъ это легко. Вы, конечно, прекрасно владѣете нѣмецкимъ языкомъ.

Она усмѣхнулась.

— Говорю... но, знаете, меня въ Германіи вездѣ принимаютъ за русскую. Акцентъ сейчасъ выдаетъ.

— А я вотъ никакъ не могу... хотя читаю свободно и даже всякія мудрыя книги. Еслибъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ докторомъ...

— А вы собираетесь?

— Не знаю. Мнѣ Москва все такъ же дорога. Я прожилъ одну зиму въ Парижѣ. На что уже столица міра... а подъ конецъ затосковалъ. Такъ вотъ мнѣ было бы не легко объясняться съ нимъ по-нѣмецки.

— Можете по-французски. Онъ и по-англійски знаетъ.

Авенировъ подался къ ней съ жестомъ, какъ бы желая взять ее за руку.

— Вы какъ къ нему относитесь? Какъ вѣрующая въ него послѣдовательница... или иначе?

— Для меня всего дороже свобода моего я—выговорила она тихо звукомъ, но очень твердо.

— И вы неспособны слѣпо вѣрить?

— Въ то, что признаю истиной, хотя бы она и казалась сразу нелѣпостью—я буду вѣрить... но не слѣпо, не безусловно—замедленно выговорила она.

— Если такъ, то вы на то, что онъ печатаетъ и говоритъ—посмотрите все-таки сначала съ полной свободой критики?

— Конечно!

— Я былъ бы счастливъ слышать отъ васъ, какъ отъ русской интеллигентной дѣвушки, вполнѣ свободную оцѣнку.

— Видите... Я не скрою отъ васъ того, что онъ на меня очень дѣйствуетъ всѣмъ обаяніемъ своей личности...

— Родъ внушенія! — остановилъ Авенировъ и прищурилъ глаза.—Долженъ вамъ сообщить,—онъ сталъ говорить тише,—что здѣсь есть одна изъ его послѣдовательницъ.

Онъ оглянулся кругомъ.

— Здѣсь сейчасъ ея нѣтъ. Но про нее говорятъ, что будто она и сама загипнотизирована, и на другихъ такъ дѣйствуетъ.

— Ничего такого я не видала тамъ.

— Но вѣдь докторъ въ своей послѣдней книжкѣ — и онъ привелъ ея нѣмецкое заглавіе — говоритъ о всѣхъ ступеняхъ, черезъ которыя можетъ пройти неофитъ не иначе, какъ подъ руководствомъ *учителя*. Развѣ это не такъ?

— Да, совершенно такъ.

— Кто же тамъ играетъ роль такого учителя, какъ не онъ самъ?

— Вѣроятно...—съ усмѣшкой выговорила она и повела плечами.—Но я еще то, что въ русской церковной службѣ называютъ „оглашенная“.

Они оба тихо разсмѣялись.

— Доктору—продолжала она оживленно—принадлежитъ великая заслуга...

— Я знаю, что̀ вы хотите сказать! То, что онъ ввелъ христіанство и его самыя великія тайны въ кругъ теософическаго міропониманія.

— Именно! Вы угадали то, что̀ я хотѣла сказать.

— А какъ же онъ, говорятъ, на тѣхъ бесѣдахъ, которыя онъ имѣлъ съ рабочимъ классомъ—я слышалъ здѣсь отъ кого-то, кто самъ былъ на такомъ чтеніи—очень ловко обходитъ слово „Богъ“ или „Христосъ“... Такъ ли это?

Она повела своимъ хорошенькимъ ртомъ.

— Это, пожалуй, и такъ. Онъ знаетъ то, что всѣ соціалъ-демократы стали невѣрующими матеріалистами. Зачѣмъ же онъ станетъ выкладывать передъ ними свои карты? Онъ подходитъ совсѣмъ съ другой стороны. Ему какъ бы нѣтъ никакого дѣла до того, чему они вѣрятъ и что̀ отрицаютъ. Онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что всѣ ученія, всѣ тайны должны слиться въ одно.

— И еще вопросъ—вы лично сохраняете... и до сихъ поръ то, что̀ называется вѣрой отцовъ?

— Никакой ломки не нужно!—негромко воскликнула она.— Мой отецъ былъ нѣмецъ родомъ; мать—русская, православная... Я—просто христіанка... такая же, какъ и самъ докторъ!

X.

Хозяйка неслышными шагами подошла къ нимъ.

— Юрій Александровичъ, милый... Меня просятъ уговорить васъ. Хотятъ васъ послушать... вотъ теперь... еще не поздно.

Авенировъ всталъ.

— У меня нѣтъ ничего съ собою... увѣряю васъ!

— Вамъ ничего не стоитъ выбрать тему.

Она указала головой на его собесѣдницу.

— Вотъ Агнеса Ѳедоровна, вѣроятно, разсказала вамъ много о Берлинѣ. Можетъ, и она сдѣлала бы сообщеніе.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не сегодня. И я совсѣмъ не ораторша. Мнѣ надо ставить вопросы, вотъ какъ дѣлалъ сейчасъ Юрій Александровичъ.

— Милый—вы въ послѣдній разъ, говоря со мною, бросили одну чудную мысль... помните, о томъ—какъ нашъ видимый міръ

можетъ быть проникнутъ элементомъ, доступнымъ для безплотныхъ существъ.

— А-а... по поводу „четвертаго измѣренія“?

— Вотъ, вотъ!

— Но эта тема покажется слишкомъ сухой... хотя она и должна интересовать каждаго сторонника теософіи.

— У васъ ничего не можетъ выйти сухо.

— Согласитесь!—ласково попросила и дѣвица Дишъ.

— Спасибо... Большое!

Хозяйка крѣпко пожала его руку и пошла пригласить въ гостиную тѣхъ, кто сидѣлъ въ залѣ...

— Право... мнѣ будетъ совѣстно—заговорилъ сконфуженно Авенировъ.

— Отчего же?

— Мнѣ совсѣмъ не хочется превращаться въ какого-то... помните, въ комедіи Пальерона „Le monde où l'on s'ennuie“?...

— Я ее видала... но въ русской передѣлкѣ.

— Есть такой краснобай, un conférencier... прозванный „le Bellac des dames“, и дамы умоляютъ его тутъ же усладить ихъ своимъ краснорѣчіемъ.

— Меня ваша тема очень интригуетъ... Четвертое измѣреніе... Я объ этомъ читала. И, мнѣ кажется, тутъ есть какая-то связь...

— Съ потустороннимъ міромъ?—подсказалъ онъ.

— Именно.

— Позвольте мнѣ... удалиться на нѣсколько минутъ. Тамъ есть такой фонарикъ.

— Идите, идите!

Онъ проскользнулъ незамѣтно въ маленькую угловую комнатку, освѣщенную голубымъ фонаремъ, вынулъ записную книжку и сталъ записывать.

Ему не хотѣлось отказать милой хозяйкѣ. Передъ холоднымъ ужиномъ надо было занять гостей. Онъ могъ бы и заупрямиться. Но вѣдь это тоже была бы поза, рисовка. А онъ ничего такого не хочетъ. И вовсе не бѣгаетъ за популярностью. Если къ нему относятся симпатично—особенно женская публика,—онъ въ этомъ не виноватъ.

Тема, предложенная ему—новая, и онъ съумѣетъ слить ее съ тѣмъ, что для всѣхъ этихъ искателей потусторонніхъ міровъ стоитъ въ лучезарной высотѣ.

Изъ его слушателей эта барышня, вѣроятно, будетъ самая подготовленная. Она ему нравится, но онъ не чуетъ въ ней на-

стоящей „проникновенности“. Въ ней играетъ больше умъ, чѣмъ внутренняя интуиція, чѣмъ то, что̀ ему даетъ особое чувство сліянія съ вселенной.

Когда онъ подошелъ къ двери въ гостиную—всѣ уже разсѣлись.

Онъ искалъ глазами того, кто нынче читалъ до его пріѣзда, но его уже не было, и это его успокоило. Тому, быть-можетъ, было бы непріятно видѣть и его въ качествѣ какъ бы „учителя“, на что онъ совсѣмъ не претендовалъ.

— Юрій Александровичъ — объявила хозяйка — такъ добръ, хочетъ побесѣдовать на одну очень интересную тему.

Его всегда слушали прекрасно. И на этотъ разъ онъ сейчасъ же овладѣлъ своей маленькой аудиторіей.

Онъ сдѣлалъ это въ видѣ простой бесѣды—указавъ на хозяйку, съ которой у него былъ недавно разговоръ о „четвертомъ измѣреніи“, на которомъ двое ученыхъ—русскій Лобачевскій и нѣмецъ Риманнъ—основали совсѣмъ особую геометрію.

— Вамъ покажется, быть-можетъ, страннымъ, что я, не имѣющій никакой претензіи на математическую ученость, буду говорить на такой сюжетъ! Но видите ли... Всѣ, кто считаетъ возможнымъ существованіе *другого, не нашего пространства*, гдѣ не три, а четыре измѣренія — представляетъ себѣ другой міръ, надъ нашимъ, и называетъ его міромъ „сверхъ пространства“, допуская, что только оттуда, изъ этого міра, можно настоящимъ образомъ понимать и то, что̀ дѣлается въ нашемъ видимомъ мірѣ. И я спрошу: развѣ такая совсѣмъ не противонаучная гипотеза не любезна вашему пониманію міра? Вѣдь что̀ она предполагаетъ? А то, что могутъ быть существа безплотныя, неосязаемыя, невѣсомыя, которыя проникаютъ туда, куда мы проникнуть не можемъ, пока мы въ плѣну у нашего тѣла!

— Да, да!—раздался откуда-то женскій голосъ.

— Не правда ли? Я не физикъ и не химикъ; но могу утверждать, что если существуетъ *эѳиръ*—а безъ него нельзя многаго понимать, и прежде всего то, какъ распространяется свѣтъ,—то вѣдь этотъ невѣсомый эѳиръ, имѣющій однако упругость стали, проникаетъ въ наше пространство трехъ измѣреній. На немъ все держится, какъ на своей подпоркѣ! И уже—быть можетъ—и есть элементъ, связующій насъ съ пространствомъ, гдѣ не три, а четыре измѣренія. Это кажется мечтой! Это какъ бы нарушаетъ незыблемость того, что̀ точная наука считаетъ своимъ евангеліемъ. Но припомните: вѣдь и неуничтожаемость матеріи была краеугольнымъ камнемъ точной науки! И что̀ же? Всѣмъ

вамъ извѣстно, какую пертурбацію вызвали явленія такъ-называемой радіоактивности! Вотъ вамъ тѣло, простое тѣло, которое переходитъ въ другое тѣло. Но этого мало. Оно издаетъ отъ себя частицы, которыя заставляютъ другія тѣла свѣтиться. И уже есть ученые, которые доказываютъ, что матерія подлежитъ уничтоженію, переходитъ если не въ ничто, то, быть-можетъ, въ тотъ же самый эѳиръ!

Отпивъ воды, онъ сдѣлалъ передышку.

— Если оно такъ и возможенъ міръ четырехъ измѣреній— тѣ вѣрованія, которыя озаряютъ ваше духовное я, пріобрѣтаютъ еще новую поддержку. Ни наука, ни здравый смыслъ ничего не знаютъ о существованіи высшихъ существъ, до высоты которыхъ каждый и каждая изъ васъ жаждете подняться. И вотъ, идея „сверхъ-пространства“ можетъ открыть къ этому еще новый путь. Этотъ міръ—то, что нашъ разумъ и наша душа по отношенію къ матеріи, къ тѣлу, мѣшающему намъ, въ своей грубой формѣ, проникать въ тайны вселенной.

— Браво!—тихо крикнулъ какой-то мужской голосъ.

— Побѣда разума, который не сегодня-завтра получилъ бы увѣренность въ возможности сверхъ-пространства, помогла бы ему выйти изъ той пещеры, о которой гдѣ-то есть у Платона...

Онъ оглянулся кругомъ и сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы приглашая что-то припомнить.

— Да, это есть у Платона... только я забылъ, въ какомъ именно діалогѣ. Мы—по его образному сравненію—все еще сидимъ въ пещерѣ, откуда мы видимъ только *тѣни* отъ предметовъ, находящихся внѣ ея. Но самыхъ предметовъ намъ не дано видѣть. Не дано видѣть обыкновенными очами. Но мы всѣ здѣсь вѣримъ, что познать истинную суть вещей можно—только не нашими ограниченными чувствами. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать.

Ему долго и горячо хлопали.

XI.

Двое молодыхъ мужчинъ спѣшили куда-то черезъ площадь, гдѣ, со всѣхъ концовъ, шныряли вагоны трамвая.

Воскресный день стоялъ свѣтлый, сухой, съ легкимъ морозцемъ.

— Это гдѣ же?—спросилъ высокій, рослый блондинъ, съ длинной бородой, въ сѣрой барашковой шапкѣ, короткомъ кафтанчикѣ на мѣху и высокихъ сапогахъ.

— Еще минутъ пять ходьбы.

Спутникъ его былъ небольшого роста, черноватый, въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и валенкахъ.

— И мы найдемъ самый развалъ?

— Да, да. Тамъ рано собираются. Часовъ съ десяти.

— Такъ, прямо съ улицы входи?

— И заказывай себѣ двѣ пары чаю!—весело подсказалъ брюнетъ.

— Значитъ, начальство до поры, до времени терпитъ?

— Была уже заминочка, еще прошлой зимой. Тогда собирались въ другомъ трактирѣ. Было очень интересно. Я постоянно захаживалъ. И запретили, такъ, зря. Потомъ вотъ сюда перебрались...

— Навѣрно, есть тутъ какая-нибудь казенная подкладка?— остановилъ блондинъ звонкой нотой своего сильнаго баритона.

— Не безъ того, понятное дѣло. Каждое воскресенье обсуждается какая-нибудь тема. А ставитъ ихъ начетчикъ изъ господствующей церкви, или добровольцъ, или прямо миссіонеръ на жалованьѣ.

— Вотъ оно что!

— Ну, да это все равно. Пускай хоть такъ. Этакая пропаганда никакихъ вѣдь результатовъ не даетъ. Совсѣмъ даже напротивъ. Собираются все сектанты. И много есть не только курьезнаго народа, но и прямо дйву даешься—какъ говорятъ, какой тонъ, какая убѣжденность.

Брюнетъ—по фамиліи Никаноровъ—велъ въ трактиръ-чайную своего знакомаго Сумбулова, ученаго агронома, лѣсовода, работающаго теперь надъ диссертаціей.

Сумбуловъ живетъ на выселкахъ, за Институтомъ, и рѣдко попадаетъ въ городъ.

Зная, что Никаноровъ, какъ газетный репортеръ, слѣдитъ съ особеннымъ интересомъ за мистическимъ движеніемъ, онъ сговорился съ нимъ отправиться вотъ на такое воскресное собесѣдованіе.

Сумбуловъ въ послѣднее время и самъ прислушивался къ разнымъ „исканіямъ“, но съ совершенно особенной цѣлью. Онъ стоялъ, по своему умственному складу, въ сторонѣ отъ всякихъ такихъ порываній въ „потусторонній міръ“.

Они поднимались по улицѣ, въ сторону почтамта.

— Вотъ завернемъ за уголъ—пояснилъ репортеръ—и первая дверь и будетъ эта самая „Яма“—какъ ее, по прежнему, зовутъ завсегдатаи. Самый обыкновенный трактиръ-чайная, а

окна огромныя, съ зеркальными стеклами. И когда сидите тамъ, посрединѣ первой комнаты—передъ вами паперть сосѣдней церкви, съ византійскими столбами крыльца. Своего рода символическій образъ!

Они вошли въ первую комнату трактира-чайной, и мальчикъ бросился снимать съ нихъ верхнее платье. Репортеръ снялъ свое пальто, а Сумбуловъ остался какъ былъ, въ тулупчикѣ.

За столомъ сидѣло довольно много народа; но еще набитѣе была комната налѣво, куда Никаноровъ и повелъ своего спутника.

— Мы туда; тамъ, я слышу, идетъ уже перепалка.

Они помѣстились около стола, гдѣ у репортера были знакомые.

— Садитесь, садитесь!—приглашалъ ихъ коренастый, пожилой мужчина, съ лысымъ черепомъ, въ сѣрой поддевкѣ и въ pince-nez.

— Это человѣкъ „третьяго царства“—шепнулъ Никаноровъ Сумбулову.—А вонъ тотъ, что говоритъ—доброволецъ-начетчикъ, званіемъ приказчикъ изъ Зарядья.

И половому, въ бѣлой, не первой чистоты рубашкѣ, онъ заказалъ:

— Три пары чаю.

Кругомъ всѣ пили только чай; но никто не закусывалъ и спиртныхъ напитковъ тутъ не имѣлось.

Сумбуловъ оглядѣлъ комнату. Все сѣрая публика—мастеровые, мелкіе лавочники, дворники, но есть и очень характерныя головы. За однимъ столомъ сидѣло нѣсколько молодыхъ людей, по одеждѣ—изъ простого званія, но по выраженію лицъ—изъ интеллигенціи.

Его бы удивило, еслибы это были какіе-нибудь сектанты.

— А тѣ кто такіе?—шепотомъ спросилъ онъ своего спутника, указывая ему на тотъ столъ.

— Не могу точно опредѣлить, и въ лицо никого не знаю.

— Сектанты?

— Врядъ-ли. Это молодцы изъ другого совсѣмъ міра.

— Соглядатаи?

— Нѣтъ. Наоборотъ. Тутъ пахнетъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Вотъ увидимъ. А пока прислушаемся.

Начетчикъ-доброволецъ—видомъ настоящій лавочникъ—уже кончалъ свои толкованія по вопросу о „благодати“ или о чемъ-то въ этомъ родѣ.

Онъ говорилъ увѣренно, витіевато, довольно задорно, дѣ-

лалъ безпрестанныя сноски на тексты, и если его кто останавливалъ, онъ безцеремонно кричалъ ему:

— Ваша рѣчь впереди! Обождите маненько!

Когда-то — еще студентомъ — Сумбуловъ попадалъ на такія вотъ собесѣдованія съ старообрядцами. И всегда уходилъ, возмущенный тономъ миссіонеровъ.

Здѣсь это было немножко получше; но изъ-за такихъ „рацей“ онъ конечно бы не отправился сюда.

— Скоро онъ кончитъ?— спросилъ онъ репортера довольно громко.

— Пущай ихъ!—откликнулся на этотъ вопросъ тотъ лысый господинъ въ pince-nez, котораго репортеръ назвалъ „человѣкомъ третьяго царства“.

— Возражать будутъ... вонъ изъ той группы—пояснилъ ему репортеръ.—Тамъ все „свободные христіане“.

— Другимъ словомъ—евангелисты?

— Да... но съ нѣкоторымъ новымъ оттѣнкомъ. Самые настоящіе россійскіе раціоналисты.

Онъ оглянулся.

— Есть кое-кто и изъ братчиковъ; но они не выступаютъ, не рѣчисты. У нихъ есть свои собранія.

Дѣлалось очень жарко и душно. Сумбуловъ разстегнулъ свой кафтанчикъ. Пока, занимательнаго было мало, и всего непріятнѣе было то, что это похоже на замаскированное миссіонерство, а не на вольную бесѣду только тѣхъ, кто ищетъ духовной истины—внѣ государственнаго исповѣданія.

Но вотъ поднимается худощавый малый, видомъ мастеровой, въ поддевкѣ, остриженный въ кружало—и начинаетъ говорить, немножко запинаясь, нервно, высокимъ теноркомъ.

— Братцы! — слышитъ этотъ тенорокъ Сумбуловъ, у себя за спиной. — Ни въ какія разсужденія я не желаю входить съ господиномъ толкователемъ по существу вопроса. Всякій понимаетъ эту самую „благодать“ по своему и какъ ему говоритъ его совѣсть и разумѣніе.

— Мало ли что! — остановилъ его начетчикъ. — И еретики такъ поступаютъ.

— Положимъ, я—еретикъ! Вы меня этимъ нимало не сконфузили.

Раздался кругомъ сдержанный смѣхъ.

— Для такихъ, какъ вы, не только я, многогрѣшный, но и всѣ почти христіане, которые здѣсь собрались—тоже жестокіе еретики. И даже удивительно—какъ вы еще съ ними бесѣдуете.

А просто бы скрутить покрѣпче, на лобное мѣсто и живьемъ сжечь.

— Безъ лишнихъ разговоровъ! — добавилъ кто-то, тоже за спиной Сумбулова.

— Слышите — шепталъ ему репортеръ — какъ здѣсь говорятъ? И какой здѣсь общій уровень настроенія?

Сумбуловъ кивнулъ головой.

— А къ чему вы все это ведете?— спросилъ начетчикъ.— По моему, вы совсѣмъ изъ другой оперы.

Никто отъ этой остроты не засмѣялся.

XII.

— Вы насъ все текстами изъ Писанія пужаете — продолжалъ возражатель. — Но это вы напрасно. Мы не хвастаемъ знаніемъ Писанія. Но всѣ мои братья во Христѣ, какъ и я многогрѣшный, знаемъ „Благую Вѣсть“ не хуже господъ консисторскихъ и синодальныхъ миссіонеровъ, охочихъ добровольцевъ или находящихся на дѣйствительной службѣ, за мзду.

— Личностей не задѣвать!—крикнулъ начетчикъ.

— Никто васъ и не задѣваетъ. Я говорю просто и ясно: текстами вы насъ не пужайте, и кто сюда приходитъ, чувствуя жажду просвѣтленія своего духа—тому лестно и занимательно слушать исповѣдь другой души, какъ кто понимаетъ истину и раскрываетъ ее. Не такъ ли, братцы?—окликнулъ онъ всѣхъ.— А тутъ насъ все вразумляютъ, какъ малыхъ дѣтей, и сейчасъ припечатываютъ текстомъ. Да текстъ-то я совсѣмъ по другому понимаю. Намъ не буква нужна, а духъ! Такъ ли я говорю?— погромче окликнулъ онъ.

И въ отвѣтъ раздался одобрительный гулъ.

— Всѣ, которые зовутъ и считаютъ себя здѣсь свободными христіанами, давно стряхнули съ себя всякую мертвящую букву и дерзаютъ стоять въ сторонѣ отъ многаго такого, что̀ обязательно для церковныхъ.

— Еще бы!—вырвалось у кого-то по близости.

— А коли оно такъ, то съ какой же стати меня хотятъ урезонить своимъ катехизизомъ, коли у меня есть свой? Бесѣды вести съ толкомъ возможно только на такомъ грунтѣ, гдѣ всѣ равны, всѣ ищутъ живаго Бога и, первѣе всего, правды, душевнаго просвѣтленія—къ какому бы толку или тамъ согласію что-ли ни причисляли себя. Такъ ли, братцы?

— Такъ, такъ!—послышалось изъ разныхъ угловъ.

— Такъ какое же это будетъ собесѣдованіе на опредѣленный вопросъ источниковъ вѣры? — возразилъ начетчикъ, быстро поднявшись съ мѣста.—Это одно суесловіе.

— И еретическая продерзость?—спросилъ его возражатель.— Мы и знали, что вы такъ все это назовете. Но я такой вѣры, что всѣ почти, кто здѣсь собравшись—желаютъ того же: чтобы на полной волѣ выражать свою духовную сущность.

Изъ дальняго угла, отъ стола, гдѣ сидѣли Сумбуловъ и репортеръ, поднялась неизвѣстная никому изъ присутствовавшихъ фигура, видимо желавшая попросить слова.

Оба они переглянулись.

— Не знаю кто!—шепнулъ Никаноровъ.

И остальные за ихъ столомъ выразили то же на своихъ лицахъ.

Это былъ Глѣбъ Петровичъ Степановъ, попавшій сюда въ первый разъ.

— Вы позволите — обратился онъ къ говорившему — или имѣете еще что сказать?

— Я главное сказалъ и съ радостью уступаю вамъ слово.

Глѣбъ Петровичъ прошелся правой рукой по головѣ, а потомъ сдѣлалъ обѣими широкій жестъ, какъ бы желая ихъ всѣхъ обнять.

— Отзываюсь на призывъ говорившаго сейчасъ. Выше всего— исповѣданіе своей вѣры, не той, которая держится на запорѣ, подъ замкомъ—подъ текстами; а той, что исходитъ изъ высшаго разумѣнія человѣческой и божественной мудрости.

И, сдѣлавъ передышку, онъ продолжалъ, съ нервной вибраціей въ голосѣ:

— Спрашиваю я васъ всѣхъ, люди-братья: что надо проявить первѣе всего? Надо, чтобы познаніе истины сидѣло въ чувствѣ, которое тождественно съ чувствомъ живаго Бога. И нашъ разумъ воплощаетъ въ себѣ чувство добра, слитое съ силою ума нашего. Въ этомъ все совершенство человѣка, въ этомъ его богоподобіе, не только тамъ—онъ поднялъ руку—но и здѣсь, на землѣ.

— Изъ какихъ этотъ—не знаю. Можетъ толстовецъ, можетъ теософъ, можетъ и другой какой — успѣлъ шепнуть Сумбулову репортеръ.

— Можно быть учености палатой и не имѣть ни единой капли любви. И мы видимъ, какъ тѣ, кто кичатся знаніемъ— живутъ только для своего животнаго себялюбія.

— Что-то отзывается Ясной Поляной — шепнулъ и Сумбуловъ.

— Богочеловѣкъ, какъ его должно понимать, воплощаетъ собою міровую сущность въ ея высшемъ смыслѣ. Онъ терпѣливъ, какъ терпѣлива сама вѣчность! Онъ кротокъ духомъ и всегда готовъ на слова ласки и любви, ибо онъ отражаетъ на себѣ сіяніе божества. Онъ—воплощеніе добра. И мы всѣ должны изъ глубины души воскликнуть: Слава Богочеловѣку!

— Какому?—раздался басокъ начетчика.

Степановъ даже не обернулся къ нему и громче повторилъ:

— Слава Богочеловѣку! И тамъ, въ безплотныхъ высяхъ, зиждется чертогъ грядущаго просвѣтленія разума. Тамъ его жилище! Тамъ самъ Богъ дожидается его къ своей блаженной трапезѣ, какъ своего сотрудника... какъ свое возлюбленное чадо.

И обернувшись какъ разъ въ ту сторону, гдѣ сидѣли молодые люди, которыхъ репортеръ считалъ не тѣми, на кого они походили по одеждѣ, Степановъ, поднявъ еще голосъ, воскликнулъ:

— Ты говоришь: быть-можетъ, безсмертія нѣтъ? Такъ вѣдь и козлы, и бараны могутъ выкрикнуть то же и броситься въ пучину разврата. Подымись на гору истиннаго познанія. Весь міръ трубитъ о личномъ безсмертіи. И я хочу вѣрить, что здѣсь врядъ-ли кто будетъ его отрицать. Да, но глухихъ и слѣпыхъ—цѣлая масса! Они не слышатъ, что весь міръ потрясаетъ голосъ Единаго Сущаго. Въ нашемъ „я“, въ нашемъ мозгу, еще въ утробѣ матери зарождается новое существо, новый организмъ, если выразиться по книжному. И этотъ зародышъ, если онъ хорошо разработанъ — по существу своему не подлежитъ уничтоженію: онъ безсмертенъ. Поэтому я и взываю къ тебѣ, братъ мой въ духѣ: храни безсмертный зародышъ своего безсмертнаго „я“. Не обрекай его на гибель! Не обрекай его и ни на что одноформенное, безличное, развивай его во всѣ стороны, и чѣмъ богаче будетъ твой умъ, а сердце—полнѣе чувствомъ добра, тѣмъ ты скорѣе достигнешь собственной своей человѣческой сущности.

Онъ вынулъ платокъ и отеръ лобъ.

— Богъ расчленился вѣдь на два вида въ моментъ возникновенія идеи... идеи всего Бытія — на двѣ силы: одну — движеніе, другую — сопротивленіе. И ихъ взаимодѣйствіе дало Божеству третій видъ единой міровой силы. Первыя двѣ силы порождены для торжества третьей.

Онъ провелъ правой рукой въ воздухѣ.

— Это—величайшая тайна Бытія! Безъ ея признанія нѣтъ просвѣта холодному уму человѣка. И всякій изъ насъ, кто воз-

растить въ себѣ этого Новаго Человѣка — будетъ непремѣнно тяготѣть къ средоточію вселенной, гдѣ пребываетъ вѣчное, безусловное господство силы свѣта — третьей силы единой міровой сущности.

— Темна вода во облацѣхъ небесныхъ! — раздался насмѣшливый басокъ начетчика.

Онъ поглядѣлъ на сидѣвшихъ съ нимъ за однимъ столомъ съ такимъ выраженіемъ: „что-де это за выспренняя околесица?“

Сумбуловъ наклонился къ репортеру и шепнулъ:

— Субъектъ! Въ родѣ какъ нѣкій древній магъ!

Тотъ улыбнулся и кивнулъ головой.

— Вѣчность движенія — вокругъ центра. Оно происходитъ по кругу, и въ центрѣ его—Богочеловѣкъ!

Какъ бы подъ тяжестью своего душевнаго волненія, Степановъ, садясь, сказалъ упавшимъ голосомъ:

— И мнѣ да позволено будетъ повторить: „Имѣющій уши слышать—да слышитъ“!

XIII.

Всталъ опять тотъ сектантъ, который возражалъ начетчику.

— Братцы! — возбужденно окликнулъ онъ. — Мы сейчасъ вотъ выслушали ихъ — онъ указалъ на Степанова — ихнее къ намъ обращеніе... насчетъ того, какъ человѣкъ можетъ и здѣсь, на землѣ, сдѣлаться Богочеловѣкомъ. Это такъ сказать—въ аллегоріи; а для насъ—свободныхъ христіанъ—Богочеловѣкъ одинъ—Спаситель міра, въ котораго мы, по крайней мѣрѣ, вѣримъ, какъ во вторую ипостась Божества.

— Слава тебѣ, Господи! — крикнулъ, съ своего мѣста, начетчикъ.—И за то спасибо!

— Но не въ этомъ дѣло... Каждый вѣруетъ, какъ умѣетъ и какъ можетъ. Суть въ томъ, что въ этомъ самомъ обращеніи къ намъ вы слышали—какъ бы сказать?—подлинный крикъ души, свободной души, которая ищетъ истины и не боится на чистоту излить себя, все равно, какъ на духу. И хоша мы напримѣръ—я говорю о своихъ одновѣрцахъ—мы и не знаемъ доподлинно, къ какому исповѣданію причисляетъ себя говорившій сейчасъ, однако мы чувствуемъ въ немъ брата по духу. Чего онъ жаждетъ — того жаждемъ и всѣ мы. Чего же именно? А того, чтобы нашъ разумъ былъ за-одно съ чувствомъ, съ любовью, съ милостью къ ближнему, и чтобы мы не пугались — въ то же

время — и ума нашего, не считали грѣховнымъ навожденіемъ того, что дѣлаетъ человѣка подобнымъ, если и не равнымъ нашему Создателю. А то вѣдь самозванные праведники—чуть что—сейчасъ поднимаютъ гвалтъ, кричатъ: „Это ересь! Это кощунство! Это продерзость!“

Одобрительный гулъ прошелся по всей комнатѣ.

— Вотъ что во мнѣ, братцы, вызвали слова нашего новаго гостя.

И обернувшись въ сторону Глѣба Петровича, онъ поклонился ему и спросилъ:

— Такъ ли я понялъ ваше обращеніе? А ежели несовсѣмъ уразумѣлъ—не обезсудьте меня.

Степановъ тотчасъ же поднялся.

— Напротивъ! Превосходно поняли. И я въ высшей степени счастливъ тѣмъ, что мое слово—плодъ всей моей жизни—нашло сразу, въ вашей средѣ, такой сочувственный откликъ. Бью вамъ челомъ, съ глубокой благодарностью.

И, видимо взволнованный, онъ низко поклонился на три стороны, прежде чѣмъ сѣсть.

Протянулся маленькій перерывъ.

Репортеръ что-то шепнулъ Сумбулову. Тотъ усмѣхнулся и махнулъ рукой.

Въ эту минуту поднялся одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ „сумнительныхъ“ сектантовъ, какъ опредѣлилъ ихъ Никаноровъ.

Это былъ высокій, красивый, черноватый молодой человѣкъ, въ бородѣ, въ пальто, какія носятъ болѣе чистые мастеровые или фабричные.

Онъ прищуренными глазами обвелъ всю комнату и взялъ тотчасъ же посадку опытнаго оратора, уперъ лѣвую руку въ бокъ и немного откинулъ голову назадъ.

— Товарищи! — началъ онъ пріятнымъ, низковатымъ голосомъ—не въ первый разъ я присутствую на этихъ бесѣдахъ и до сихъ поръ ни я, ни мои ближайшіе товарищи не вступали здѣсь ни въ какія пренія.

На него разомъ воззрились—съ разныхъ концовъ—и Глѣбъ Петровичъ, и Сумбуловъ съ репортеромъ.

— За кого принимаете?—успѣлъ шепнуть Никаноровъ.

— Ужъ конечно не братчикъ и не какой-нибудь мистикъ-сектантъ—отвѣтилъ также тихо Сумбуловъ.

— И позвольте мнѣ прямо, безъ всякихъ оговорокъ, высказать наше мнѣніе. Я — *внѣисповѣдный*... Не только еретикъ, а

прямо невѣрующій. Свободой слова и мысли мы, положимъ, въ этой странѣ пользуемся въ весьма гомеопатическихъ дозахъ; но пока еще можно гдѣ-нибудь — какъ вотъ здѣсь — говорить безъ утайки, надо пользоваться моментомъ. Вотъ я и объявляю вамъ, что я ни къ какому религіозному толку не принадлежу.

Репортеръ толкнулъ Сумбулова подъ бокъ и глазами указалъ ему на дверь, гдѣ показалась коротенькая фигурка трактирщика.

Должно-быть и тотъ что-то зачуялъ такое... особенное.

— Навѣрно... явятся и блюстители порядка—шепнулъ Никаноровъ.

— И вотъ что я вамъ скажу на чистоту, рискуя, что если вы меня не побьете камнями, то сочтете слова мои за немалую продерзость! Вы здѣсь препираетесь каждое воскресенье — поучаете слову Божьему, кидаете другъ другу въ лицо текстами, ищете спасенья, вѣрите кто во что гораздъ—вплоть до того, что вы, въ такой-то день и часъ, вдругъ сдѣлаетесь безсмертными: вѣдь и такіе здѣсь есть! И при этомъ у васъ на губахъ все христіанская благодать и милосердіе, и всякая такая елейная сладость. А намъ слышится, что внутри у васъ вражда. Каждый смотритъ на другихъ какъ непогрѣшимый праведникъ. Никакой любви! Никакого единенія! Это кое-кто изъ васъ чувствуетъ. Но однихъ словъ недостаточно. Нужно дѣло! А какое можетъ быть выше дѣло, какъ не сплотиться всѣмъ во имя одной великой, святой идеи! Идея эта — борьба, безпощадная и неумолимая, съ тѣмъ зломъ, что царитъ вездѣ—въ каждомъ обществѣ, въ каждой странѣ, даже самой образованной. Трудовой человѣкъ, пролетарій — вездѣ рабъ, вездѣ онъ въ цѣпяхъ, его придавила глыба всякихъ узъ, препонъ и твердынь: и государство, и капитализмъ, и барская наука, и утонченная культура, пригодная только на то, чтобы закрѣпощать тѣхъ, кто самъ не хочетъ быть хищникомъ и кому бабушка не ворожитъ!..

— Что это?—раздался зычный окликъ начетчика.—Отъ какого писанія? Отъ Маркса, или прямо отъ того, какъ бишь... отъ анархиста Бакунина?

— Съ вами я не разговариваю!—сурово обрѣзалъ его ораторъ. — Вы этого вмѣстить не можете. Я обращаюсь ко всѣмъ моимъ товарищамъ и братьямъ, призывая ихъ къ великому единенію во имя уничтоженія всѣхъ узъ и препонъ, въ которыхъ пребываютъ пролетаріи всѣхъ странъ. Больше я ничего не скажу.

И онъ сѣлъ.

Въ первой комнатѣ промелькнула фигура въ формѣ околоточнаго. Хозяинъ засуетился, и не прошло минуты, какъ гово-

рившаго и его товарищей за тѣмъ столомъ попросили удалиться.

Это сейчасъ же было замѣчено. Тѣ поднялись съ мѣстъ; но громкихъ протестовъ не было. Среди внезапнаго гула разговоровъ тотъ сектантъ, что возражалъ начетчику и обращался къ Степанову, крикнулъ:

— Братцы! Не расходитесь! Позвольте всего два слова!

Онъ вскочилъ на свободный стулъ, блѣдный и вздрагивающими звуками заговорилъ:

— Вы видѣли!.. Произошло насильственное удаленіе и того, кто сейчасъ говорилъ, и его товарищей. Мы на это не согласны, и я знаю, что вы въ такихъ же чувствахъ.

— Еще бы!—крикнулъ кто-то, около него.

— И намъ здѣсь впредь нельзя, значитъ, собираться для свободнаго слова! Это—насиліе!

И съ этими словами онъ соскочилъ со стула. Всѣ уже тронулись съ мѣстъ; но комната не сразу очистилась. Хозяинъ и околоточный куда-то исчезли.

XIV.

Сумбуловъ и его спутникъ сидѣли все еще за тѣмъ же столомъ. Съ ними возбужденно заговорилъ лысый господинъ, котораго репортеръ назвалъ „человѣкомъ третьяго царства“.

И тутъ же сидѣли еще двое: одинъ совсѣмъ молодой малый, въ шведской курткѣ и съ кудельнымъ вихромъ на лбу, и пожилой человѣкъ, похожій всего больше на дворника въ неважномъ обывательскомъ домѣ. Одѣтъ онъ былъ въ потертую сибирку, съ вязанымъ шарфомъ на шеѣ, подслѣповатый и съ рябинками на загорѣломъ, морщинистомъ лицѣ. Сѣрые глазки смотрѣли вопросительно и благодушная усмѣшка то и дѣло появлялась на широкомъ ртѣ. Вмѣсто бороды росла какая-то мездра.

Репортеръ говорилъ съ нимъ по пріятельски и его перваго познакомилъ съ Сумбуловымъ.

— Вотъ у насъ Елизаръ Лазаревичъ всѣхъ насъ считаетъ оглашенными, достойными всякой жалости.

— Что такъ?—окликнулъ тотъ.—Я этого вамъ никогда не говорилъ.

— А то какъ же? И вы, и вотъ Богомиръ Ѳедоровичъ Наботъ,—указалъ онъ Сумбулову на лысаго господина—хотя и къ одному толку принадлежите, оба—безсмертники.

— Безсмертники?—повторилъ Сумбуловъ.

— Богомиръ Ѳедоровичъ—какъ я уже вамъ сказалъ—христіанинъ третьяго царства.

Лысый господинъ весь встрепенулся.

— Кто имѣетъ глаза и не видитъ, имѣетъ уши и не слышитъ—тотъ самъ на себя пеняй! — выговорилъ онъ съ напряженной улыбкой, которая такъ и не сходила съ его лица.

— Оба разсчитываютъ на свое личное безсмертіе, но каждый по своему—продолжалъ полушутливо репортеръ.—А намъ хоть бы на ушко сказали—когда же оно именно наступитъ, хотя бы для нихъ однихъ, а не для насъ, многогрѣшныхъ?

Лысый господинъ повелъ плечами.

— Я это въ точности знаю... и вамъ могу сообщить. И каждый это можетъ найти въ прообразахъ Писанія.

— Гдѣ же именно?—полюбопытствовалъ Сумбуловъ.

— И въ Старомъ, и въ Новомъ Завѣтѣ. А особенно въ Откровеніи Іоанновомъ.

— А вы какъ предсказываете, Елизаръ Лазаревичъ?—спросилъ репортеръ.

Тотъ прищурился и повелъ голову въ сторону.

— Коли мы—еще на землѣ—не будемъ имѣть безсмертнаго бытія,—началъ онъ спокойнымъ, размѣреннымъ тономъ—то къ чему же и жить? Небось у апостола прямо это говорится. Лучше, чѣмъ мы съумѣемъ сказать... Коли не будетъ воскресенія во плоти... такъ, какъ мы есть...

— Позвольте, Елизаръ Лазаревичъ... вѣдь апостолъ говоритъ, кажется, о воскресеніи мертвыхъ; а вы до своей земной кончины желаете прямо перейти въ безсмертіе.

— Мертвые мертвыми — вмѣшался лысый господинъ,—но когда раздастся звукъ небесной трубы, то не одни мертвые возстанутъ изъ могилъ, а преобразятся и всѣ живые, еще не подвергшіеся тлѣнію.

— Такъ и по вашему выходитъ, Елизаръ Лазаревичъ?

Репортеръ потрепалъ его по плечу.

— Не совсѣмъ... а въ родѣ того самаго.

Онъ указалъ головой на лысаго господина.

— Богомиръ-то Ѳедоровичъ съ нами кое въ чемъ разнствуетъ. У него все это впередъ разсчитано... что въ такой-то, молъ, день и часъ и секунду оно совершится. Вотъ какъ, примѣрно, звѣздочеты высчитываютъ, что должна, молъ, явиться такая-то звѣзда... или тамъ комета что-ли... А мы—дня и часа не знаемъ; но вѣруемъ, что такъ оно будетъ.

И онъ широко улыбнулся.

— Значитъ, я правъ былъ — подтвердилъ репортеръ.—Вы должны на насъ смотрѣть какъ на несчастныхъ козявокъ?

— Это почему? Всѣ будутъ безсмертны!

— Будутъ, будутъ! — повторилъ лысый господинъ, быстро вставая.—Только не такъ, какъ разсчитываетъ господинъ Кисельный.

Сумбуловъ вопросительно поглядѣлъ на обоихъ.

— Это, батюшка, мое прозвище. Фамилія моя—Кисельный.

— Въ родѣ какъ символъ—подхватилъ репортеръ—что будутъ течь рѣки молочныя въ берегахъ кисельныхъ!

Всѣ разсмѣялись. Лысый господинъ со всѣми простился и торопливо вышелъ.

Въ первой комнатѣ былъ еще народъ. Пришли съ мужьями и двѣ-три женщины, въ платкахъ на головѣ.

— А вы не торопитесь, господинъ Кисельный? — спросилъ его Сумбуловъ, дотронувшись рукой до его рукава.

— Нѣтъ. Я вѣдь человѣкъ шляющійся. У меня всегда есть на все досугъ. Вотъ вы, я вижу, новый здѣсь человѣкъ, и мнѣ очень бы желательно было покалякать съ вами. А поди, сюда уже ходу не будетъ.

— Запретятъ бесѣды?—спросилъ Сумбуловъ.

— Видѣли... какое воздѣйствіе произошло?

— Вы на это что скажете?

— Тутъ и говорить нечего! Но все это вѣдь только до извѣстнаго момента... И тогда сразу—стопъ машина — царству князя міра сего—крышка!

И онъ тихо разсмѣялся.

— Однако... Елизаръ Лазаревичъ, развѣ тотъ молодой малый, который произвелъ полицейское вмѣшательство, не правъ, что всѣ вы здѣсь препираетесь все насчетъ истинной вѣры, а не хотите сплотиться между собою, какъ одинъ человѣкъ?

— Извѣстное дѣло... правъ. Только и онъ, и другіе прочіе... хотятъ сразу... нахрапомъ. Одни на другихъ и злобствуютъ.

— А по вашему какъ, Елизаръ Лазаревичъ? — подмигнулъ ему репортеръ.

— Коли я сподоблюсь безсмертія — а сподобиться всѣ могутъ, то что же мнѣ тогда всякая житейская сухота?

— Прекрасно! — откликнулся Сумбуловъ.—Но вѣдь и при безсмертіи—разъ вы вѣрите, что человѣкъ останется какимъ онъ есть теперь, ему и тогда надо будетъ питаться. И трудовой народъ также будетъ биться и изнывать, какъ и теперь.

— Неизвѣстно, въ какую мы ипостась облечемся, хоша и будемъ оставаться на этой землѣ. Это вѣдь тотъ же апостолъ говоритъ.

— А какими же гроздьями питаться будете? — дурачливо спросилъ репортеръ.—Вѣдь не однимъ же райскимъ благоуханіемъ? То на небѣ, а не на землѣ, добрѣйшій господинъ Кисельный.

— Не затѣмъ, милый человѣкъ, мы сподобимся земнаго безсмертія, чтобы терпѣть муку мученическую и кусочка чернаго хлѣба не имѣть.

Сумбуловъ всталъ и протянулъ Кисельному руку. Тотъ придержалъ ее въ своей рукѣ и, глядя на него своими добрыми, дѣтски-радостными глазами, сказалъ замедленно:

— Коли позволите... я бы къ вамъ отъявился. У меня есть кое-что и написанное... Только ужъ не взыщите за малую грамотность.

— Милости прошу... Я въ самомъ городѣ не живу.

— А имъ — Кисельный указалъ жестомъ головы на Никанорова—мѣсто пребыванія вашего извѣстно?

— Какъ же.

— Вотъ и превосходно!

Они вышли втроемъ на улицу. На углу стоялъ извозчикъ. Сумбуловъ окликнулъ его и простился съ репортеромъ.

— Спасибо вамъ большое!

— А пока вамъ достаточно?

Кисельный вернулся къ нимъ и вполголоса сообщилъ:

— Посылали мы въ Ясную Поляну — поспрошать насчетъ безсмертія.

— И что же?—заинтересованно спросилъ репортеръ.

— Послѣ смерти, говорятъ, душа переходитъ въ горнюю обитель... А насчетъ тѣла—нѣтъ.

— И вамъ этого мало?

— Извѣстное дѣло—мало!

И онъ еще разъ подалъ имъ руку.

П. Боборыкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧЕТА

Онъ былъ гробовщикъ... Повитухой
Она, по призванью, была;
И жили старикъ со старухой,
Не зная ни горя, ни зла.

Холодное счастье вѣнчало
Спокойную пару сердецъ.
Она сторожила Начало,
А *онъ* караулилъ Конецъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ проснулись ихъ силы
И жизни зардѣлась весна,
Онъ кротко стоялъ у могилы;
У люльки стояла она.

Жизнь смерти навстрѣчу бѣжала,
И каждый прихода ихъ ждалъ:
Она, безъ восторговъ, встрѣчала,
А онъ, безъ тревогъ, провожалъ.

Тамъ... гдѣ-то... свѣча загоралась,
Тамъ—робкая гасла свѣча...
Ей, въ грезахъ, пеленка являлась,
Ему—молотокъ и парча.

Стояли они у порога
Двухъ граней, двухъ тайнъ вѣковыхъ.
И ждали... И злая тревога
Не жгла и не мучила ихъ.

А. Мейснеръ.

СТРАНИЧКА КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ
О
Л. Н. ТОЛСТОМЪ

Всякій, на долю котораго выпало великое счастье придти въ соприкосновеніе съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, при выполненіи желанія внести свою лепту въ сокровищницу воспоминаній о немъ, долженъ совершенно стушеваться передъ личностью Льва Николаевича и, оставаясь строго объективнымъ, сказать лишь то, что о немъ знаетъ.

Приготовляя настоящія замѣтки къ печати, я былъ вполнѣ проникнутъ этимъ сознаніемъ. Но если въ нижеслѣдующихъ строкахъ мнѣ и не удалось быть вполнѣ вѣрнымъ первой изъ поставленныхъ себѣ задачъ, то это объясняется исключительно однимъ обстоятельствомъ: съ Львомъ Николаевичемъ судьба меня свела не какъ многихъ другихъ людей, а какъ врача — и эта спеціальная роль лишила меня возможности исключить изъ настоящихъ воспоминаній свою личность въ той мѣрѣ, какъ я бы этого желалъ.

Еще одна оговорка. Говоря ниже о Львѣ Николаевичѣ, я почти не касаюсь бывшей у него въ 1902 г. болѣзни, такъ какъ описаніе ея могло бы быть только спеціальнымъ, и къ тому же въ настоящее время оно не представило бы интереса.

Левъ Николаевичъ Толстой, во время пребыванія на южномъ берегу Крыма, въ Гаспрѣ (имѣніи гр. С. В. Паниной, въ ко-

торое онъ, по приглашенію графини, изъ Ясной Поляны переѣхалъ для поправленія здоровья), въ началѣ января 1902 г. заболѣлъ. Въ разгаръ тревожныхъ извѣстій, циркулировавшихъ въ Россіи и за границей о здоровьѣ Льва Николаевича, отъ одного изъ наиболѣе близкихъ его друзей и моего паціента, Павла Александровича Буланже, проживавшаго въ Москвѣ, 14-го января я получилъ письмо слѣдующаго содержанія: „Если бы я могъ, то сейчасъ бы полетѣлъ къ вамъ, чтобы умолять васъ поѣхать къ Л. Н. Толстому... Посылаю вамъ письмо его жены Софіи Андреевны. Получилъ это письмо только-что и хорошо сознаю горькое положеніе Толстыхъ. Левъ Николаевичъ настолько деликатный человѣкъ, что не возьметъ на себя иниціативы пригласить васъ. . . . . П. Б.“

Въ указанномъ письмѣ Софія Андреевна говоритъ:

„Сегодня утромъ Левъ Николаевичъ съ досадой мнѣ сказалъ, что лечиться больше ни за что не будетъ... А одышка, стѣсненіе въ груди, перебои, все это опять было очень сильно. Три дня Левъ Николаевичъ лежалъ въ постели. Одну ночь онъ не спалъ и очень тосковалъ, и физически, и нравственно. Сегодня онъ сидитъ въ креслѣ, читаетъ и кое-что пишетъ, но слабъ. Отвратительная погода, морозъ, снѣгъ—все это также повліяло на Льва Николаевича дурно...

„Теперь о Бертенсонѣ: Левъ Николаевичъ вѣроятно не согласится непосредственно, самъ отъ себя, вызвать его. Сдѣлать же это намъ безъ согласія Льва Николаевича — его разсердить! Если же Бертенсонъ согласенъ помочь Льву Николаевичу, то, по моему, болѣе чѣмъ когда-либо необходимо это сдѣлать теперь, и пусть онъ самъ, своей волей, пріѣдетъ прямо сюда къ намъ въ домъ,—и я знаю навѣрное, что Левъ Николаевичъ будетъ ему радъ“.

„Перешлите сейчасъ же, хоть съ кондукторомъ, это мое письмо Бертенсону; — изъ него онъ ясно пойметъ и состояніе здоровья Льва Николаевича, и наше общее отношеніе къ его, Бертенсона, пріѣзду. . . . . С. Т.“

Хотя на основаніи приведеннаго письма гр. Софіи Андреевны мнѣ ничего не оставалось, какъ рѣшить вопросъ о поѣздкѣ къ Л. Н. въ положительномъ смыслѣ, хотя, конечно, я самъ жаждалъ быть хоть сколько-нибудь ему полезнымъ и при первой возможности собрался въ дорогу, но, зная объ отрицательномъ отношеніи Л. Н. къ медицинѣ и врачамъ, я вплоть до момента свиданія съ нимъ переживалъ большое волненіе. Но радости моей не было предѣла, когда, при первой же нашей встрѣчѣ,

Л. Н., со свойственной ему обаятельностью, разсѣялъ всѣ мои опасенія и сомнѣнія.

22-го января, въ 9-мъ часу вечера, граф. Софьей Андреевной я былъ введенъ въ спальню Льва Николаевича, гдѣ засталъ его сидящимъ на диванѣ, передъ небольшимъ столомъ съ письменными принадлежностями. Съ привѣтливой, ласковой улыбкой Левъ Николаевичъ протянулъ мнѣ обѣ руки и сказалъ:—Какъ мнѣ васъ благодарить! Жаль только, что вамъ со мной ничего не подѣлать, такъ какъ пришла мнѣ пора умирать! Смерти я не боюсь и жду ее. Я—тотъ „старинушка, котораго пора подъ холстинушку". А знаете ли вы стишки изъ русской пѣсни, которые недавно привелъ Буренинъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ?

„Зачалъ онъ, старинушка, покряхтывать,
Зачалъ онъ, старинушка, покашливать,
Время старинушкѣ подъ холстинушку,
Подъ холстинушку время, да и въ могилушку".

Сказавъ эти стихи съ видимымъ волненіемъ, Левъ Николаевичъ прослезился и замѣтилъ: — Не думайте, что слезы мои вызваны нежеланіемъ умереть,—стихи ужъ больно жалостливы. Смерть—лишь пробужденіе отъ томительнаго сна, который есть жизнь, и врачи не должны мѣшать умирать.—

Эти слова я не могъ оставить безъ отвѣта и позволилъ себѣ, не безъ волненія, замѣтить, что врачи не для того существуютъ, чтобы обнадеживать къ смерти и помогать ей, и что я явился исключительно для того, чтобы въ предѣлахъ возможности сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, для поправленія здоровья Льва Николаевича.

— Мнѣ довольно жить, и не нужно—снова замѣтилъ Левъ Николаевичъ.

— Люди же,—отвѣтилъ я,—которымъ вы дороги—а этимъ эгоистамъ нѣсть числа—другого мнѣнія: они жаждутъ, чтобы вы жили, и долго жили.—Къ этому я прибавилъ, что по письмамъ и слухамъ я считалъ Л. Н. очень больнымъ, теперь же, по первому впечатлѣнію, полагаю, что сколько-нибудь тяжелаго недуга Л. Н. не имѣетъ и что это сознаніе мнѣ даетъ смѣлость не предпринимать врачебнаго изслѣдованія тотчасъ же (этотъ разговоръ велся около 9 ч. вечера), а отложить его на слѣдующее утро, когда Л. Н. будетъ бодрѣе.

Мои слова о „первомъ впечатлѣніи", по видимому, понравились Льву Николаевичу и, согласившись на перенесеніе изслѣдованія на утро, самъ онъ перешелъ на другой разговоръ, сказавъ:—Довольно

о болѣзни, лучше скажите, что у васъ дѣлается въ Петербургѣ? Говорятъ, очень много шуму надѣлалъ фельетонъ NN, напечатанный въ газетѣ X, которую изъ-за-того закрыли. Я этого фельетона еще не читалъ, но сегодня мнѣ его прочтутъ. Не люблю я NN. Онъ несомнѣнно талантливъ, но талантъ его грубый и непріятный. Вотъ Дорошевича люблю,—очень даровитъ и хорошо пишетъ.—

Тутъ же, по желанію Л. Н., княгиней Оболенской (матерью его зятя) былъ прочитанъ вслухъ упомянутый фельетонъ. Во время чтенія Л. Н. молчалъ, ни разу не улыбнулся, и только когда услыхалъ характеристику одной очень высокопоставленной особы, которую авторъ фельетона назвалъ „двоеженцемъ, не попавшимъ подъ судъ только по причинѣ смерти“, Л. Н. поморщился и сказалъ:—Это ужасно!—

По окончаніи чтенія, на мой вопросъ—не усталъ ли Л. Н. и не пора ли ему въ постель, онъ отвѣтилъ: — Кажется, пора. Но и вамъ пора отдохнуть, вы вѣдь устали съ дороги.—

На другой день, въ $8^1/_2$ ч. утра, Л. Н., узнавъ отъ прислуги, что я уже всталъ и одѣтъ, позвалъ меня къ себѣ и предложилъ не дожидаться графини Софьи Андреевны и членовъ семьи и отправиться въ столовую пить кофе. Такъ какъ я выразилъ желаніе подождать хозяйку дома, то Л. Н. оставилъ меня у себя и, замѣтивъ, что изслѣдованіе можно произвести послѣ кофе, вступилъ со мной въ разговоръ.

Спросивъ меня, кого изъ русскихъ литераторовъ я знаю и кого лечилъ, Л. Н. заинтересовался болѣзнью Н. С. Лѣскова и ближайшей причиной его смерти. Онъ зналъ, что Лѣсковъ умеръ въ припадкѣ грудной жабы, и, предполагая у себя болѣзнь сердца и разспрашивая меня подробно о проявленіяхъ болѣзни у Н. С., Левъ Николаевичъ, повидимому, сравнивалъ свое состояніе съ бывшимъ у Н. С. [1])

Желая перевести разговоръ на другую тему, я разсказалъ, что Лѣсковъ, подаривъ мнѣ запрещенный въ свое время 6-й томъ своихъ сочиненій, съ описаніемъ архіерейской жизни, сдѣлалъ на немъ слѣдующую забавную надпись: „Божіимъ попущеніемъ книга сія сочтена вредной и уничтожена мстивостью чревонеистоваго Ѳ. подлаго ради угожденія Лампадоносцеву“. По этому

[1]) Что Л. Н. безпокоился о своемъ сердцѣ, можно было судить еще и потому, что, по словамъ окружающихъ, онъ часто щупалъ у себя пульсъ и тревожился, замѣчая перебои. Когда, въ отвѣтъ на жалобу Л. Н. на перебои, я сказалъ, что они нервнаго происхожденія и у меня, здороваго, часто бываютъ, онъ взялъ меня за пульсъ и сталъ его считать.

поводу Л. Н. расхохотался и тутъ же меня спросилъ:—А знали ли вы Григоровича, большого мастера на злыя шутки? Не могу забыть,—прибавилъ онъ,—какъ Г. однажды, съ забавной серьезностью, увѣрялъ меня, что у одной очень высокопоставленной особы оловянные глаза и что въ этомъ легко убѣдиться по находящейся на нихъ сзади надписи: „Гостиный дворъ, № такой-то, продажа искусственныхъ глазъ".—Тутъ Л. Н. снова разсмѣялся и закончилъ разговоръ предложеніемъ идти пить кофе.

Въ теченіе дня, въ короткіе промежутки времени между медицинскимъ изслѣдованіемъ, совѣщаніемъ врачей и часами отдыха Льва Николаевича, когда онъ оставался одинъ въ спальной комнатѣ, мнѣ нѣсколько разъ пришлось съ нимъ бесѣдовать, и каждый разъ Л. Н. переходилъ къ разговорамъ объ общихъ нашихъ знакомыхъ.

Съ особой симпатіей онъ отозвался о В. В. Стасовѣ:—Люблю его сердечность и искренность, считаю его большимъ знатокомъ въ искусствѣ, но не вѣрю въ его компетентность въ оцѣнкѣ музыкальныхъ дѣятелей.

— Изъ художниковъ, къ славѣ которыхъ первый толчокъ далъ Стасовъ, назову Рѣпина и Антокольскаго, — замѣтилъ Л. Н., — но первый сталъ бы великимъ художникомъ и безъ Владиміра Васильевича и самъ сдѣлался бы тѣмъ, чѣмъ онъ есть, а вотъ насчетъ Антокольскаго сомнѣваюсь, не считаю его заслуживающимъ той репутаціи, которую онъ имѣетъ.—

Относительно высокодаровитаго композитора М., имѣвшаго слабость къ спиртнымъ напиткамъ, Л. Н. сказалъ:—Не люблю я талантливыхъ пьяницъ, или пьяныхъ талантовъ, — особенно пьяныхъ писателей, и нѣтъ между пьяницами дѣйствительно выдающихся людей!—

Когда, пытаясь возразить, я назвалъ писателя Помяловскаго, онъ отвѣтилъ:

— Ну что-жъ,—и онъ не многаго стоитъ!

— Слыхали ли вы Оленину д'Альгеймъ и Шаляпина? — спросилъ Л. Н. На мой отвѣтъ, что объ Олениной д'Альгеймъ много слыхалъ, но ея не слышалъ, а Шаляпинымъ восторгаюсь, Л. Н. замѣтилъ: — Не нравится мнѣ концертный репертуаръ Шаляпина: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ", „Возвратился ночью мельникъ", „Блоха",—это мелодекламація, а не музыка.—

Тутъ принесли почту, и когда Л. Н. выразилъ желаніе разобрать ее въ постели, я удалился въ свою комнату.

Вскорѣ послѣ того гр. Софья Андреевна, по порученію Л. Н., передала мнѣ для прочтенія № парижской газеты „Matin", съ

отчетомъ о судебномъ процессѣ одного французскаго солдата, который, вѣруя въ основанное на заповѣди „Не убій“ ученіе Толстого, отказался отъ несенія воинской службы и отъ повиновенія своему начальству и за это былъ приговоренъ къ двухъ годамъ тяжелаго тюремнаго заключенія.

Я тотчасъ же, конечно, прочелъ газету, и когда вернулся, какъ было условлено, къ Л. Н., для производства медицинскаго изслѣдованія, онъ спросилъ меня:—Прочли „Matin“? Не правда ли, ужасно?! А каково мнѣ сознавать себя виновникомъ суроваго и несправедливаго приговора?! — Эти слова, произнесенныя съ большимъ волненіемъ и со слезой въ голосѣ, произвели на меня такое впечатлѣніе, что въ первый моментъ я не могъ ничего сказать. Только спустя нѣкоторое время, когда Л. Н. спросилъ меня:—Хотите меня осмотрѣть?—я отвѣтилъ:—Позвольте!

Во время изслѣдованія, длившагося довольно долго, Л. Н., не смотря на слабость, ни разу не выказалъ нетерпѣнія и нѣсколько разъ, когда я пріостанавливалъ осмотръ, онъ пріободрялъ меня словами:—Не бойтесь, я не усталъ.—Интересовался Л. Н. и результатами постукиванія и выслушиванія и, не дождавшись конца изслѣдованія, спросилъ меня:—Что сердце?

По окончаніи осмотра, Л. Н. мнѣ сказалъ:—Полагаю, что непорядокъ въ моемъ пищевареніи такой, какъ у травояднаго!—

Отвѣчая на это, я воспользовался случаемъ коснуться вопроса о питаніи, которое у Л. Н. въ то время оставляло многаго желать, и сказалъ:—А было бы хорошо, Левъ Николаевичъ, если бы вы, въ виду слабости, хотя бы временно прибавили къ вегетаріанскому столу яйца и зернистую икру.—На это послѣдовалъ лаконическій твердый отвѣтъ:—Нѣтъ, не могу.—

Передъ обѣдомъ состоялось совѣщаніе между пользующими врачами и мной. По окончаніи его, я вернулся къ Льву Николаевичу, чтобы окончательно сговориться съ нимъ относительно режима и леченія. Выслушавъ съ большимъ терпѣніемъ мое довольно длинное наставленіе, Л. Н. ласково сказалъ:

— Вы все такъ прекрасно—обстоятельно и убѣдительно—изложили, что мнѣ ничего не остается, какъ васъ благодарить и все исполнить въ точности. Все это нужно записать,—вотъ тутъ и папка-бюваръ съ бумагой для дневника, въ который я кое-что записываю. Прекрасная и удобная вещь, подаренная мнѣ моей belle-fille, женой Андрея.—

Когда послѣ этого я всталъ, чтобы уйти, Л. Н. меня спросилъ: — Что вы теперь будете дѣлать? — и на мой отвѣтъ, что собираюсь зайти по сосѣдству къ графинѣ К., Л. Н. сказалъ:

— А вѣдь это сестра писателя N... И въ кого это онъ уродился, когда вся семья N. такая порядочная?

При уходѣ отъ Л. Н. я получилъ отъ него разрѣшеніе зайти вечеромъ, но этого мнѣ не пришлось сдѣлать, такъ какъ Л. Н., видимо ободренный благопріятнымъ отзывомъ объ его здоровьѣ совѣщанія врачей, къ великой радости всего дома, совершенно неожиданно, съ бодрымъ видомъ и въ хорошемъ настроеніи, явился въ столовую во время вечерняго чая. Поздоровавшись съ сидѣвшими за столомъ, Л. Н. сѣлъ играть въ винтъ съ сыномъ Сергѣемъ Львовичемъ, племянницей, княгиней Оболенской, и г. Классеномъ, управляющимъ имѣніемъ графини Паниной. Во время игры Л. Н. неоднократно дѣлалъ замѣчанія по поводу того, что говорилось за чайнымъ столомъ, и когда я выразилъ удивленіе, что, играя въ карты, онъ хорошо слышитъ посторонніе разговоры, онъ отвѣтилъ:—Какъ не слышать то, что интересно!—

Говорили между прочимъ о проф. Захарьинѣ, и Л. Н. замѣтилъ про него:—Выдающійся былъ врачъ и обладалъ замѣчательной памятью: чрезъ пятнадцать лѣтъ вспомнилъ, какіе у меня были симптомы болѣзни.—

Это замѣчаніе совпало съ окончаніемъ игры въ карты, и Л. Н., обращаясь ко мнѣ, сказалъ:—Врачей, какъ людей, я высоко цѣню, но наука ихъ слабая, потому что экспериментъ на животныхъ далеко не даетъ всего того, что нужно для познанія болѣзненныхъ процессовъ въ человѣкѣ.—

Когда я замѣтилъ, что медицинская наука съ каждымъ днемъ идетъ впередъ, что теперь, благодаря ей, врачъ много дѣлаетъ и много можетъ сдѣлать, и что его совѣтами пренебрегать не слѣдуетъ, Л. Н. отвѣтилъ:—Не отрицаю этого и въ доказательство обѣщаю исполнить совѣты, преподанные вами.—

При этомъ Л. Н., смѣясь, разсказалъ, что какъ-то онъ получилъ отъ одного нѣмецкаго доктора (фамилія названа не была) письмо, съ просьбою, чтобы Л. Н., въ виду выздоровленія отъ бывшей въ Москвѣ болѣзни, выразилъ печатно свою благодарность врачамъ, излечившимъ его, и заявилъ при этомъ, что онъ отказывается отъ прежняго неблагопріятнаго о медицинѣ и врачахъ мнѣнія.—

Въ 10½ ч. вечера Л. Н. простился со всѣми и, обратившись ко мнѣ, попросилъ не уѣзжать, не повидавшись съ нимъ:

— Вы уѣдете завтра въ девять утра, а я встану въ восемь: непремѣнно зайдите ко мнѣ.—

Я, конечно, точно исполнилъ желаніе Л. Н. и ровно въ восемь

былъ у него въ спальнѣ. Выпускаю глубоко запечатлѣвшіяся въ моей душѣ милыя слова, обращенныя при прощаніи лично ко мнѣ, но не могу умолчать о слѣдующемъ. Когда я сказалъ Л. Н., о своей увѣренности, что, исполняя совѣты врачей, онъ будетъ себя чувствовать бодрымъ и здоровымъ и проживетъ еще по крайней мѣрѣ лѣтъ десять, Л. Н. сказалъ:—А все-таки я старинушка! — На это я возразилъ, что нехорошо обижать гостя-врача возвращеніемъ къ тяжелой темѣ русской пѣсни, и Л. Н., взявъ меня за руку, промолвилъ:—Ну, не буду!—

Когда я, приближаясь къ двери, чтобы уйти, низко поклонился Льву Николаевичу, онъ, съ необыкновенно добрымъ выраженіемъ въ глазахъ, послалъ мнѣ рукой поцѣлуй.

Въ этихъ замѣткахъ былъ бы чувствительный пробѣлъ, если бы я не упомянулъ, что на обратномъ пути изъ Гаспры, при проѣздѣ моемъ черезъ Москву, на курскомъ вокзалѣ меня ожидала огромная толпа почитателей Льва Николаевича, и по ея настоянію я долженъ былъ разсказать во всѣхъ подробностяхъ, что̀ узналъ о здоровьѣ Льва Николаевича.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда Левъ Николаевичъ заболѣлъ, какъ извѣстно, острымъ воспаленіемъ легкаго и подреберной плевы. Бурныя и опасныя явленія сравнительно скоро прошли, но воспалительный процессъ разрѣшался медленно, и состояніе здоровья Л. Н., по свѣдѣніямъ, которыя я имѣлъ отъ пользовавшихъ его врачей и графа Льва Львовича, снова стало внушать опасенія. Вслѣдствіе этого, въ концѣ февраля, я обратился къ Л. Н. съ предложеніемъ навѣстить его снова, и, въ отвѣтъ на предложеніе, получилъ за его подписью письмо слѣдующаго содержанія:

„Дорогой Левъ Бернардовичъ, получилъ сегодня ваше милое письмо и очень благодаренъ за него, также какъ и за готовность помочь мнѣ. Къ счастью, мнѣ теперь ничего не нужно, и болѣзнь моя идетъ нормальнымъ ходомъ къ улучшенію. Я просилъ пользующаго меня врача Волкова написать вамъ подробности. Его описаніе вы найдете на послѣдней страницѣ этого письма“.

„То что теперь нѣтъ надобности въ вашей помощи—не мѣшаетъ мнѣ быть вамъ въ высшей степени благодарнымъ и за тотъ пріѣздъ и за вашу внимательную заботливость обо мнѣ.

Я все еще такъ слабъ, что не могу ворочаться самъ на постелѣ и не могу писать. Но мнѣ все-таки не хотѣлось оставить письма вашего безъ отвѣта и я диктую женѣ".

„Желаю вамъ всего лучшаго, искренно благодарный вамъ Левъ Толстой".—

Приведенное письмо было отъ 3 марта 1902 г., а въ іюнѣ того же года на мою долю выпало счастье снова увидѣть Льва Николаевича. На этотъ разъ я его навѣстилъ по его собственному желанію.

1-го іюня, по вызову тяжко заболѣвшаго проф. В. М. Тарновскаго, я пріѣхалъ въ Ялту и вскорѣ получилъ отъ графини Софіи Андреевны изъ Гаспры письмо, въ которомъ она передавала о желаніи Льва Николаевича меня увидѣть.

Прибывъ 3-го іюня, въ 11½ ч. утра, въ Гаспру, я уже выходя изъ экипажа издали увидѣлъ Л. Н., сидящаго въ креслѣ около дома, подъ большимъ тутовымъ деревомъ, погруженнаго въ письменную работу. Только когда я приблизился къ столу, Л. Н. замѣтилъ меня и послѣ милаго, сердечнаго привѣтствія усадилъ около себя. Первый нашъ разговоръ коснулся, конечно, здоровья Льва Николаевича, и когда онъ былъ исчерпанъ, Л. Н., какъ и въ первый мой пріѣздъ, спросилъ:

— Ну, что у васъ въ Петербургѣ? Что Плеве? Что о немъ говорятъ? Возлагаютъ ли на него какія-нибудь надежды? Что побудило Плеве удалить З. (директора департамента полиціи) и кн. Ш. (начальника главнаго управленія по дѣламъ печати)?—

Когда я отвѣтилъ, что̀ зналъ, и между, прочимъ, высказалъ предположеніе, что означенныя лица замѣнены другими въ цѣляхъ установленія большей закономѣрности дѣйствій, то Л. Н. возразилъ:

— Не думаю, чтобы это было такъ; во всякомъ случаѣ полагаю, что замѣститель кн. Ш. не будетъ лучше! Вѣдь не успѣлъ Плеве сдѣлаться министромъ, какъ пріостановилъ двѣ или три газеты!—

— Удалитъ ли Плеве генерала ф. В.? Онъ — нехорошій человѣкъ.—

Л. Н., ведя со мной этотъ разговоръ, былъ, по видимому, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ незадолго передъ тѣмъ полученныхъ и лежавшихъ на столѣ писемъ, перебирая которыя, онъ съ волненіемъ сказалъ:

— Вотъ одинъ выражаетъ глубокую печаль и возмущеніе по поводу того, что̀ творится въ Россіи, и утѣшаетъ себя мыслью, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше; другой жалуется на правительство,

негодуетъ на него и замѣчаетъ, что правительство держится пословицы: „пить—умереть, не пить—умереть, лучше пить—умереть!“—

— А какъ ужасны эти казни—воскликнулъ Л. Н., со слезами на глазахъ, и, промолчавъ нѣкоторое время, прибавилъ:

— Не хорошо дѣйствуютъ помощники Государевы и ведутъ они Россію къ бѣдѣ. Злоба и насиліе сѣютъ только злобу и насиліе!—

Выслушавъ сказанное мною въ отвѣтъ, Л. Н. заинтересовался правительственнымъ проектомъ о сложеніи съ крестьянъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, и когда я сообщилъ, что этому проекту, уже одобренному Государственнымъ Совѣтомъ, не будетъ, кажется, дано хода, Л. Н. покачалъ головой и съ печальнымъ выраженіемъ въ лицѣ замѣтилъ:—Это для крестьянъ скверно во всѣхъ отношеніяхъ, и нехорошо, что крестьяне будутъ продолжать жить съ сознаніемъ, что выкупныхъ платежей можно не платить.—

На этомъ нашъ политическій разговоръ прекратился, и Л. Н. самъ предложилъ мнѣ перейти къ медицинскому осмотру.

Когда, довольный результатомъ изслѣдованія, я сообщилъ объ этомъ Л. Н., онъ, улыбаясь, сказалъ:—Ну, вотъ вы и видите хорошіе результаты исполненія мною предписаній врачей.—

— Надѣюсь, что мы съ вами еще когда-нибудь увидимся,—сказалъ Л. Н., сердечно прощаясь со мной; но, къ несчастью для меня, этой надеждѣ не суждено было осуществиться.

Л. Бертенсонъ.

ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКАГО АЛЬБОМА

На зноѣ.

I.

Сквозь сонъ едва звенятъ цикады,
На пальмахъ замеръ пышный листъ...
Въ лучахъ, какъ кровь, горятъ гранаты!
Зеркаленъ воздухъ и душистъ—
Дыханьемъ лавровъ, розъ, магнолій
Въ немъ каждый атомъ напоенъ,
И ослѣпительно—до боли
Онъ солнцемъ весь раззолочёнъ!

II.

Сверкаютъ мирты у фонтана
Жемчужно-радужнымъ дождемъ! —
Поетъ огромный водоемъ,
Какъ голосъ мощнаго органа...
У звучныхъ водъ царитъ прохлада,
Здѣсь дышетъ свѣжесть даже въ зной!
А за стѣной зеленой сада
Жжетъ городъ полдень огневой!
Какъ все безмолвно, неподвижно!—
Природу жарко сны гнетутъ...
Но арфы свѣтлыхъ водъ поютъ—
Безсмертью гимнъ немолчный слышно!

Н. Шрейтеръ.

ВИКТОРЪ СТОЙНИЦКІЙ

I.

Еще остается нѣсколько минутъ ѣзды.

Уже пассажиры покинули свои насиженныя мѣста, глядятъ съ нетерпѣніемъ въ окна поѣзда, толпятся въ проходахъ.

Уже вытаскиваютъ вещи на площадки и, переставляя ихъ съ мѣста на мѣсто, въ томительномъ ожиданіи разминаютъ руки и ноги, словно упражняютъ мускулы, чтобы въ давкѣ, когда поѣздъ подлетитъ къ перрону и стрѣлой вонзится въ призрачный, туманный городъ, каждый первымъ очутился бы тамъ, въ немъ.

И, точно охваченный людскимъ нетерпѣніемъ, еще быстрѣе мчится поѣздъ. Безъ остановокъ, съ пронзительнымъ свистомъ пролетаетъ онъ мимо дачныхъ мѣстъ, пригородовъ столицы.

Пробѣгаютъ мимо, быстро-быстро смѣняя другъ друга, лѣса и поля, мелькаютъ строенія.

Скользитъ взоръ по нимъ, проносятся въ догонку мысли, но не задерживаются долго въ головѣ — на клочки разрываются быстрой смѣной впечатлѣній, говоромъ людей вокругъ, ихъ волненіемъ. Разрываются на клочки, какъ облако дыма и пара, несущееся вслѣдъ, и опадаютъ, исчезаютъ изъ памяти, оставляя длинный тягучій слѣдъ—тоску...

И наконецъ, судорожно сотрясаясь, останавливается поѣздъ и тяжело еще дышетъ, освобождая себя отъ паровъ...

А люди поспѣшно выскакиваютъ на перронъ, второпяхъ забываютъ проститься другъ съ другомъ и, легко разрывая случайныя знакомства, завязавшіяся въ пути, какъ муравьи изъ потревоженнаго муравейника разсыпаются въ разныя стороны,

суетятся, возвращаются обратно, толкаются въ однѣ двери вокзала и выбѣгаютъ въ другія...

Викторъ Стойницкій и м-ль Сигуръ, его случайная спутница изъ Парижа, сошли на перронъ и въ замѣшательствѣ остановились. Нужно разстаться и имъ, но неловко сдѣлать первый шагъ и, пожавъ руки, разойтись въ противоположныя стороны, разойтись навсегда.

— Monsieur, — говоритъ она, смѣясь и глядя въ его смущенное лицо — если я васъ когда-нибудь увижу, я буду очень рада.

— Mademoiselle, я—тоже.

— Вы вѣдь зайдете ко мнѣ посмотрѣть, какъ живется мнѣ въ вашей странѣ?

— Непремѣнно...

Носильщикъ несетъ за ними вещи, они выходятъ на улицу. Сидя на извозчикѣ, м-ль Сигуръ ласково киваетъ ему головой.

Викторъ снимаетъ шляпу, низко ей кланяется.

— До свиданія.

— До свиданія.

На вокзалѣ теперь пусто—прошелъ потокъ людей и въ ожиданіи новаго время замедляетъ свой темпъ, даетъ передышку людямъ, течетъ тихой, медленной струей.

Проходятъ, не торопясь, кондуктора съ чайниками, лѣниво перекликаются багажные; носильщики, въ бѣлыхъ передникахъ, прислонившись къ стѣнамъ бѣлыми пятнами, дѣлятся впечатлѣніями по поводу пришедшаго поѣзда...

Въ пустомъ вокзалѣ Викторъ собираетъ свой багажъ, а потомъ ѣдетъ длинными улицами, запруженными ломовыми, трамваями, извозчиками и тачками.

Осеннее, холодное утро.

Слякотно; мороситъ мелкій дождикъ, вызываетъ частую, мелкую дрожь въ тѣлѣ.

Въ спящей квартирѣ раздался звонокъ, сначала одинъ, негромкій, потомъ другой, такой же робкій, и третій, еще болѣе тихій.

И эти тихіе звонки пробудили всѣхъ.

Сонная Аннушка вышла отворять двери и застряла въ передней, громко приглашая войти кого-то, кто говорилъ такъ тихо, что въ спальную къ Степану не доносился ни одинъ звукъ его голоса. И у Степана со сна мелькнула мысль: „Не телеграмма ли отъ мамы?“—Но переговоры тянулись слишкомъ долго; стало

ясно, что пришелъ кто-то и не рѣшается войти, боясь потревожить хозяевъ.

„Этотъ не изъ нашихъ обычныхъ гостей—подумалъ онъ:—никто изъ нихъ, придя къ намъ, не сталъ бы стѣсняться сномъ моимъ или Лизочки".

Разсмѣявшись про себя, онъ крикнулъ весело:

— Кто пришелъ? Въ чемъ дѣло, Аннушка?

— Да это я!—раздался голосъ у двери. — Такъ неудачно рано пріѣхалъ...

— Викторъ, голубчикъ! Вотъ кого не ждалъ. Минутку, одну минутку!—заволновался Степанъ.—Аннушка, скорѣе самоваръ!

Второпяхъ натягивая брюки, онъ насвистывалъ что-то бравурное и кричалъ Виктору:

— Вотъ отлично сдѣлалъ, что пріѣхалъ, вотъ молодецъ!

— Наконецъ-то собрался!—говорилъ онъ черезъ минуту, обнимая Виктора.—Ужъ надоѣло получать отъ тебя письма: „на-дняхъ пріѣзжаю"—писалъ ты около полугода и больше ни слова о себѣ.—Что жъ дѣлалъ тамъ въ Парижѣ и почему такъ долго собирался? Если бы не Вѣра, которая урывками, бывало, прошепчетъ про тебя, такъ и не зналъ бы, что ты думаешь заняться здѣсь медициной. Эхъ, ты!

— Погоди немного, — смѣялся и Викторъ, — все разскажу, ничего не скрою... Но ты уютно живешь. Что это у тебя — квартира или комнату снимаешь?

— Квартира, собственная квартира инженера Боровскаго. Не могу я скитаться по меблирашкамъ, отвыкъ...

Наступило молчаніе. Воспоминаніе сжало сердце и передъ глазами пронесся образъ жены Степана, умершей два года тому назадъ. Съ тѣхъ поръ они еще не видались.

„Умерла жена,—подумалъ Викторъ,—но привычка къ семейной обстановкѣ осталась... Вотъ коверъ съ красными листьями... Ея коверъ..."

— Я не одинъ, — прервалъ молчаніе Степанъ. — У меня живетъ наша Лизочка—сестра. Ты помнишь ее? Стала большой, барышней.

— Она учится на курсахъ?

— Да, учится. Такъ, съ грѣхомъ пополамъ учится—на какихъ-то архитектурныхъ курсахъ. Сейчасъ разбужу ее!—и онъ постучалъ кулакомъ въ стѣну.

— Я встаю, Степа, что случилось? Больше получаса не сплю—но лѣнь вставать.

— Вставай, дѣвочка. Еслибъ ты знала, кто къ намъ пріѣхалъ!

— Кто?

— Викторъ.

— Да неужели? Я сейчасъ! — смѣялась она въ сосѣдней комнатѣ.—Когда онъ пріѣхалъ?

Викторъ прислонился къ спинкѣ дивана. Кружилась голова и чувствовалась усталость.

— Отдохну немного и пойду къ Вѣрѣ, — сказалъ онъ. — Далеко ли она отсюда живетъ? А вещи у тебя оставлю?

— Конечно, но я тебя не отпущу. Два года не видались— ни о чемъ не поговорили... Да вотъ что, братъ, мы Вѣру сюда позовемъ. Сейчасъ же пошлю за ней.

— Аннушка!—крикнулъ онъ прислугѣ:—дайте намъ чаю, а потомъ пойдете къ Вѣрѣ Петровнѣ, скажете ей: „Стойницкій пріѣхалъ и мы просимъ ее къ намъ“.—Вотъ и улажено!

— Прекрасно,—согласился Викторъ,—я полежу, а ты разскажи о себѣ, Степанъ. Какъ живешь теперь?

— Да такъ. Мѣста не ищу, новыхъ знакомствъ не завожу— все со старыми, нашими. Ихъ теперь много здѣсь. Всѣ, кого зналъ въ Парижѣ, Швейцаріи, провинціи—всѣ собрались сюда... Все, какъ было, такъ и есть, только вотъ *ея* нѣтъ... Немного трудно, да ничего... Перебиваюсь случайными заработками: то уроки, то техническіе переводы, то такъ что-нибудь перепадетъ— но служить инженеромъ не хочу и не буду.

И онъ упрямо встряхнулъ головой и сталъ еще выше и шире.

— Почему?

— Не хочу, да и только. Конечно, это глупо, непрактично и всѣ смѣются. Особенно мать докучаетъ: „скоро могли бы быть у него внуки — а онъ все еще не пристроился!“ А я плюю. Не хочу устраиваться! Дѣтей нѣтъ, жены нѣтъ — не для кого.

Опять наступило молчаніе.

Но, замѣтивъ его, Степанъ расхохотался своимъ громкимъ смѣхомъ и, ударивъ Виктора по плечу, сказалъ:

— Ну, да что ты такъ пріунылъ и впрямь повѣрилъ мнѣ. Не печалься, братъ. На самомъ дѣлѣ я очень весело живу. Эй, Лизочка, весело намъ съ тобой или нѣтъ?

— Очень весело!—крикнула Лизочка еще изъ своей комнаты и вдругъ быстро вбѣжала къ нимъ, съ полотенцемъ черезъ плечо, и протянула Виктору влажныя отъ мытья руки.

— Здравствуйте, Викторъ, здравствуйте! Но какъ вы измѣнились!—смѣялась она, оглядывая его со всѣхъ сторонъ. — А костюмъ! Тебѣ бы такой, Степа. Совсѣмъ новаго покроя... Но

почему ты такъ смотришь? Что?—еще не причесалась? Но какъ могла я успѣть. Что? — Не застегнула ботинокъ? Но я вѣдь опять лягу спать. Вставать такъ рано—это невозможно...

— Не ожидалъ такого чуда?—спрашивалъ Степанъ. Виктору дѣйствительно съ трудомъ вѣрилось, что эта дѣвушка, стройная и красивая, какъ день, съ золотой косой и карими глазами, могла быть той маленькой, неуклюжей дѣвочкой, которую онъ видѣлъ въ послѣдній разъ, правда—нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но которую онъ такъ часто, будучи мальчикомъ, носилъ на рукахъ и забавлялъ сказками.

А всѣ его сегодняшнія впечатлѣнія—грязный, мрачный городъ и плачущее утро, слова Степана и его затаенное горе—такъ не вязались съ этой смѣющейся дѣвушкой, съ ея блестящими глазами и красными кораллами въ ушахъ...

— Лизочка, любите ли вы по прежнему слушать сказки?

— Нѣтъ, я люблю теперь только жизнь,—засмѣялась она. И закружилась на одномъ мѣстѣ, сверкая кораллами.

— Для Лизочки нѣтъ разницы между сказкой и жизнью,—съ любовью глядя на сестру, говорилъ Степанъ.—Раньше она слушала короткія сказки, а иногда длинныя, но всѣ съ концомъ, а теперь она слушаетъ длинную, длинную чудную сказку, которой не будетъ конца...

— Не будетъ конца,—смѣялась она.

Степана уже не было—онъ ушелъ хлопотать о завтракѣ, а Викторъ сидѣлъ возлѣ Лизочки и слушалъ ее.

— На курсы я рѣдко хожу. Когда я поступила туда, я думала, что буду много и усердно учиться, а оказалось, что нѣтъ... Конечно, вы мнѣ не повѣрите, но дни проходятъ такъ быстро, что я не успѣваю ничего сдѣлать.

— Что же нужно вамъ дѣлать?

— Конечно, многое. Многое для моего будущаго; такъ говоритъ Степанъ, такъ говорятъ всѣ. Такъ говоритъ и наша Вѣра. Нужно много работать теперь, много учиться. А я, стыдно вамъ объ этомъ разсказывать, ничего не дѣлаю, ничего не читаю и кромѣ учебника по архитектурѣ давно книги въ руки не брала.

— Повѣрь ей, Викторъ, — сказалъ Степанъ, возвращаясь въ комнату. — Повѣрь, что ничего не дѣлаетъ. Цѣлые дни сидитъ дома, зажигаетъ лампы и печи и только вечеромъ выходитъ на улицу, въ театры, на балы. Куда дѣвается ея энергія? думаю я часто, глядя на нее. Куда уходятъ ея дни? Живетъ, какъ пташка.

— Это хорошо,—замѣтилъ Викторъ,—такъ и нужно жить.

Чтобъ незамѣтно проходили дни и ночи и чтобъ не думать о томъ, что въ жизни нужно что-то совершить.

— Я не люблю осени и потому...

— Пойдемте лучше чай пить, друзья мои. Ты не хозяйка, Лизокъ: гостей занимаютъ не только разговорами, но и ѣдой.

Пили чай и весело болтали, вспоминая прошлое, старыхъ знакомыхъ. Иногда Степанъ спрашивалъ, прерывая свои разсказы о здѣшнихъ друзьяхъ:

— Каковы же планы твои?

Но Виктору не хотѣлось еще разсказывать о себѣ, и онъ отмахивался рукой.

— Послѣ, послѣ разскажу.

— Скоро наступитъ зима, — сказала Лизочка, выглядывая въ окно.—Яркая, бѣлая, ослѣпительная, и это я люблю больше всего.

Послѣ чаю Лизочка пошла опять спать, а Викторъ, уступая долгимъ уговариваніямъ Степана, тоже согласился отдохнуть на диванѣ.

Ему казалось, что онъ не уснетъ отъ сильной усталости и ломоты въ тѣлѣ; но неожиданно быстро, какъ только голова его опустилась на подушку, онъ крѣпко уснулъ.

Когда онъ проснулся, въ комнатѣ было совершенно темно. Лежа еще и соображая, который можетъ быть теперь часъ, онъ услышалъ, какъ Лизочка постучала къ Степану.

— Степа, Вѣрочка пришла.

— Правда ли, что пріѣхалъ Викторъ? — спросила Вѣра, и ея спокойный, неторопливый голосъ тутъ, гдѣ-то близко, рядомъ съ нимъ, сразу пробудилъ Виктора отъ дремоты и, вскочивъ на ноги, онъ громко сказалъ:

— Войдите, пожалуйста.

Вошла сначала Вѣра Томова, а за нею Лизочка, съ зажженной лампой въ рукахъ, а Викторъ, взволнованный встрѣчей съ Вѣрой и ослѣпленный лампой, не находилъ нужныхъ словъ и только цѣловалъ ея руки, протянутыя къ нему.

— Аннушка не застала меня дома, и вотъ какъ поздно я пришла. Давно ли вы пріѣхали?

— Сегодня утромъ,—отвѣтила за него Лизочка.

Сидѣли всѣ вчетверомъ за круглымъ столомъ: Викторъ, Вѣра, Лизочка и Степанъ.

Обѣдали, разговаривали, перебивая другъ друга, и чувство-

вали себя необычно хорошо и тепло. Отъ времени до времени Викторъ и Вѣра пристально глядѣли другъ на друга и думали каждый свое:

„То же лицо, тѣ же черты, но весь другой... какой-то потухшій. Стройный, высокій, но какъ придавленный...“

„Что-то новое въ ней. Большіе синіе глаза, задумчивые и серьезные, но что это бѣгаетъ въ нихъ тревожное, неспокойное? Что случилось съ ней за это время? Но милая, милая!“

— Почему вы на меня такъ смотрите? — спросилъ онъ ее вдругъ.

— Развѣ?

— Я постарѣлъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила она, все больше смущаясь.

— Свѣжій человѣкъ появился, вотъ и глядитъ — пришелъ на помощь Степанъ. — Старые надоѣли такъ, что лучше и не видѣть бы ихъ, не правда ли?

Викторъ сказалъ, пристально глядя ей въ глаза:

— Вы помолодѣли, Вѣра. Какъ странно: когда вы вошли въ комнату, я былъ пораженъ. Вы очень измѣнились, но какъ и въ чемъ—я не знаю.

Послѣ обѣда Вѣра разливала всѣмъ чай, улыбалась, отвѣчала на вопросы и не столько думала, сколько чувствовала одно: что съ пріѣздомъ Виктора пришелъ конецъ ея тоскѣ, ея одиночеству и наступаетъ пора ея счастья. Не спрашивала себя о томъ, что, можетъ быть, она ошибается, не задумывалась, любитъ ли Викторъ ее, какъ думала часто, замѣчая въ себѣ любовь къ нему, скрытую глубоко, глубоко на днѣ души, какъ жемчужина— но вся, безъ опредѣленныхъ мыслей, отдавалась радости, что онъ здѣсь, и она его видитъ и слышитъ, и что теперь будетъ хорошо.

— Вотъ видите, вы стали разсѣянной и не слышите, какъ Лизочка проситъ васъ о чаѣ! — смѣялся Викторъ. — А раньше вы не бывали разсѣянной. Почему такъ?

— Рады ли вы мнѣ?—говорилъ онъ ей тихо, но, не ожидая отвѣта, продолжалъ:

— А ваши занятія? Я увѣренъ, что и вы теперь такая же бездѣльница, какъ и всѣ?

— Ошибся, братъ, ошибся!—сказалъ Степанъ.—Она—самое прилежное и работящее существо не только среди курсистокъ, но во всемъ мірѣ. Не правда ли, Лизокъ? — подмигнулъ онъ сестрѣ, которая инстинктивно не любила трудолюбія и насмѣшливо называла Вѣру „femme savante“.

— Я, дѣйствительно, много работаю, — отвѣтила Виктору Вѣра, и теперь даже улыбнулась.—Конечно, работа не такого рода, какъ прежде. Вѣдь все, что я теперь дѣлаю, я дѣлаю только для себя, и оттого, что я слушаю лекціи и учусь, никому ни холодно, ни тепло... Можетъ-быть, даже тогда, когда я кончу юридическій, тоже отъ меня никто не будетъ имѣть пользы... Но я не бездѣльница... Впрочемъ, разскажите лучше о вашей жизни и какъ вы устроитесь здѣсь,—сказала она, смущаясь тѣмъ, что долго говорила о себѣ.

— А вамъ не скучно такъ—задумчиво спрашивалъ Викторъ:—всегда работать?..

— Да, да!—воскликнулъ Степанъ:—разскажи о себѣ, а то все послѣ, послѣ.

Освобождаясь отъ тяжелой задумчивости, Викторъ отвѣтилъ:

— Трудно разсказать въ двухъ словахъ то, о чемъ думаешь годы, упорно думаешь. Какъ устроюсь я здѣсь—вотъ вопросъ, на который трудно отвѣтить. И если я вамъ скажу, что хочу заняться медициной, только медициной, нанять квартиру, повѣсить табличку и принимать больныхъ, то это вѣдь не дастъ вамъ понятія о томъ, что я хочу дѣлать!

Покинувъ мѣсто за столомъ, онъ сталъ ходить по комнатѣ, весь во власти нахлынувшихъ мыслей, воспоминаній о послѣднемъ годѣ, тяжеломъ и безъисходномъ. Но наступившая тишина напомнила ему, что ждутъ его отвѣта. И тогда, продолжая вслухъ то, о чемъ думалъ уже сегодня, онъ сказалъ:

— Когда, утромъ, я подъѣзжалъ къ городу и всѣ вокругъ меня волновались, и въ этомъ волненіи чувствовалось дыханіе города, манящаго сложной и стремительной жизнью—мнѣ вдругъ показалось, что когда-то давно все такъ уже случалось: мчались поѣзда и волновались люди, а среди нихъ былъ одинъ, который ждалъ отъ жизни больше всѣхъ другихъ. И случалось это не однажды. Подъѣзжали люди къ городу, полные силъ и способностей и еще ничего не достигнувшіе, съ пустыми карманами, голодные и неизвѣстные, съ жадностью предчувствовали свои побѣды, лавры, славу...

— Вы знаете, конечно, откуда это?—прибавилъ Викторъ.—Романы Мопассана, герои Бальзака, Золя...

И онъ продолжалъ:

— Но поразило другое. Поразила странная разница между мной и ими, этими надѣющимися. Какъ они, я мчался къ столицѣ—но, какъ они, полный силъ, молодой и способный, я почувствовалъ себя такимъ чужимъ всему, что движется, надѣется

и стремится... И страннымъ, уродливымъ показался мнѣ мой въѣздъ сюда, не для побѣдъ, какъ у тѣхъ, а для чего-то совсѣмъ противоположнаго... Для того, чтобы въ гущѣ жизни поглубже спрятаться и укрыться отъ себя... Яркимъ свѣточемъ горѣлъ девизъ тѣхъ предпріимчивыхъ: „изъ ряду вонъ скорѣе, съ плечъ на плечи быстрѣе и выше всѣхъ и дальше!“ А мой....

Еще непонятно было, въ чемъ дѣло, но не отрывали отъ Виктора глазъ и слушали его, каждый по своему воспринимая слова его.

Прильнувъ мыслью къ нему, улавливала Вѣра его тоску. Лизочка, которая не интересовалась ихъ предыдущимъ разговоромъ, шумѣла и, смѣясь, опрокидывала солонки и стаканы съ чаемъ, теперь сидѣла смирно и напряженными глазами слѣдила за нимъ, за его движеніями.

— А твой девизъ?—спросилъ Степанъ.

— Я задумалъ большое дѣло—продолжалъ Викторъ, и глаза его загорѣлись, и каждое слово онъ произносилъ рѣзко, чеканно.—Я задумалъ одно дѣло, для васъ, можетъ-быть, смѣшное, но для меня трудное — я дѣлаюсь маленькимъ, обыкновеннымъ врачомъ, и всѣ желанія, всѣ мечты о бо̀льшемъ я оставляю въ сторонѣ!.. Мой девизъ, спрашиваешь ты? У меня нѣтъ девизовъ и даже не должно ихъ быть. Безъ доспѣховъ, безъ девизовъ и безъ громкихъ, прекрасныхъ словъ, которыя намъ дороже всего, безъ надеждъ на будущее... Маленькій врачъ, живущій изо дня въ день... Всю жизнь я выходилъ изъ ряда вонъ—теперь же хочу стать въ рядъ со всѣми... Стать въ рядъ со всѣми—вотъ мой девизъ, если хочешь.

Онъ умолкъ; всѣ сидѣли молча, и въ этомъ молчаніи Виктору вдругъ почудилось, что онъ слышитъ, какъ осыпается земля на крышку гроба, какъ засыпается постепенно чья-то могила—его могила.

Спустя немного, Степанъ сказалъ:

— Я не вижу ничего дурного и мелкаго въ томъ, что ты дѣлаешься врачомъ. У каждаго должно быть дѣло: прежде ты былъ революціонеромъ, теперь ты усталъ, или же, можетъ-быть, не чувствуешь въ себѣ достаточно силъ для этого. Нужно обладать могучимъ духомъ, чтобы въ наше застойное время горѣть и проявлять революціонную энергію. И ты берешься за другое дѣло, которое не требуетъ души. Но почему же оно мелко? Притомъ же оно на время только, только чтобъ какъ-нибудь переждать проклятую пору...

Была ли это усталость, или же рѣчь Виктора привела его

въ такое настроеніе, но говорилъ Степанъ съ трудомъ, подавленнымъ, тусклымъ голосомъ, и говорилъ только потому что нужно было что-нибудь сказать.

Викторъ стоялъ у окна, глядѣлъ въ темную улицу и барабанилъ по стеклу. Накоплялась злоба отъ словъ Степана, отъ мысли, что его не такъ поняли, хотѣлось ужъ крикнуть:

„Не въ этомъ дѣло, и ложь—то, что усталость временная“... И онъ отошелъ отъ окна, но, встрѣтясь со взглядомъ Степана, оторопѣлъ.

„Зачѣмъ прихожу я, нищій, къ этому нищему и ищу у него помощи? Вотъ стоитъ онъ, обмокшій и весь продрогшій, тоже мокнетъ и зябнетъ, какъ я. Вѣтеръ свищетъ, хлещетъ дождь—всего человѣка уже потрепало, а я наваливаюсь на него со своей тяжестью!...“

Полный, но рыхлый, съ обвисшими черными большими усами, которые казались мокрыми, съ обрюзгшими щеками и блестящими, какъ бы влажными глазами, Степанъ показался ему сейчасъ, дѣйствительно, такимъ: будто шелъ когда-то сильный дождь, и Степанъ попалъ подъ него, и теперь, сидя въ сухой комнатѣ, не можетъ просохнуть, обмокъ на всю жизнь.

— Дѣлай какъ я,—продолжалъ Степанъ,—живи какъ я, изо дня въ день. Сегодня хорошо—значитъ, и завтра будетъ хорошо.

И Викторъ не возразилъ ему.

Только сказалъ:—Благія пожеланія—и сѣлъ за столъ опять, какой-то тихій, спокойный.

Чтобы нарушить томительное настроеніе и дать исходъ безотчетной радости, накопившейся неизвѣстно откуда и не хотѣвшей знать о страданіяхъ,—чтобъ очутиться, наконецъ, наединѣ съ Викторомъ, Вѣра встала и, улыбаясь, начала прощаться.

— Я пойду, уже поздно.

— Я провожу васъ—поднялся и Викторъ.—Туда и обратно на извозчикѣ, это немного времени отниметъ.

Они ушли, а Лизочка еще долго лежала на диванѣ и подъ мѣрный шумъ шаговъ Степана думала о рыцарѣ безъ доспѣховъ и девизовъ, о печальномъ рыцарѣ...

Когда Викторъ вернулся домой, Лизочка съ открытыми глазами все еще лежала на диванѣ.

— Лизочка,—спросилъ онъ ее шутливо,—вы все-таки мнѣ не сказали, что̀ дѣлаете вы помимо баловъ и театровъ?

— Лежу на этомъ диванѣ.

— И только?

— Но это очень занятно... когда я одна...

— Что же тогда?

— Когда я одна, Степанъ занятъ, Аннушка не входитъ— тогда все исчезаетъ, уплываютъ стѣны, нѣтъ этого ковра... а я одна на зеленомъ лугу, среди красныхъ цвѣтовъ. Кружусь въ лучахъ...

— Почему я здѣсь?—глядѣла она растерянно поверхъ Виктора, закинувъ руки за голову.—Скажите, Викторъ, почему завели меня сюда, къ этимъ скучнымъ людямъ, друзьямъ Степана, когда я ненавижу все сѣрое? Почему сковали мнѣ руки и ноги всякими запретами, когда я такъ люблю движеніе и свободу, цвѣты и лѣса, ярко освѣщенные залы, смѣхъ и красивыхъ людей, и все яркое, все желтое, синее, красное?..

И вдругъ, поднявшись съ дивана, склонилась къ Виктору, какъ къ старому другу, и шепнула съ тоской:

— Еслибъ вы знали, какъ я люблю жизнь! И яркое, рѣзко яркое въ ней!

II.

На слѣдующій день всѣ поздно встали, долго болтали за утреннимъ чаемъ, и когда Викторъ, послѣ завтрака, вышелъ изъ дому, было два часа пополудни.

Онъ намѣревался навѣстить своего дядю, страхового агента Кондрашева, думалъ зайти еще къ старому знакомому, теперь приватъ-доценту, Замятину. Но дождливая, пасмурная погода, улицы, застроенныя каменными шестиэтажными домами въ перемежку съ низенькими, деревянными, опять, какъ вчера, навѣяли на него тоску, и онъ, незамѣтно для себя, пошелъ не по той улицѣ, которая вела къ его дядѣ. Совсѣмъ уклонясь отъ цѣли, онъ сталъ бродить по городу, переходя изъ одной улицы въ другую, съ удивленіемъ вглядываясь въ причудливый стиль его: помѣсь Европы и слободы, окрашенную въ сѣрыя и кроваво-красныя краски. Сѣрыя—такія гармоничныя и подходящія къ чиновничьему характеру города, ко всему, что онъ зналъ о немъ. И красныя, кроваво-красныя, прорѣзывающіяся, какъ безумный, душу раздирающій крикъ посреди ночи, на фонѣ сѣверной природы, замкнутой и суровой, сдержанной, чопорной.

Не хотѣлось уже идти ни къ дядѣ, ни къ Замятину, и въ

душныхъ комнатахъ говорить тѣ обыкновенныя слова, которыя всегда говорятся послѣ долгой разлуки, а хотѣлось бродить и присматриваться къ городу и подъ шумъ его жизни, подъ шелестъ дождя, думать о себѣ, додумывать до конца свои мысли и планы.

А когда стемнѣло, онъ поѣхалъ къ Вѣрѣ и засталъ ее и еще ея сокурсницъ: Марію Филиппову, которую онъ хорошо зналъ и съ которой часто встрѣчался въ одномъ южномъ провинціальномъ городѣ, и Ксенію Васнецову, ему незнакомую.

По разложеннымъ на столѣ литографированнымъ лекціямъ Викторъ понялъ, что своимъ приходомъ онъ помѣшалъ ихъ занятіямъ. И дѣйствительно, онѣ скоро стали собираться домой, подъ предлогомъ, что нужно еще многое успѣть сдѣлать къ завтрашнему семинарію.

Чтобы что-нибудь сказать, Викторъ спросилъ:—Развѣ вамъ не скучно учиться?

Сказалъ—и, не ожидая отвѣта, обратился къ Вѣрѣ:

— Сегодня я много гулялъ и...

Но Филиппова, которой не хотѣлось уходить, не поговоривъ съ Викторомъ, перебила его насмѣшливо:

— Почему же намъ должно быть скучно учиться?

— Простите, я такъ спросилъ... знаете, зря.

— Но почему подходятъ къ намъ, женщинамъ, всегда съ недовѣріемъ?

— Простите...

— Вы извиняетесь, но я вижу здѣсь глубокое недовѣріе... и по моему лучше быть искреннимъ и прямо это говорить.

Ея маленькіе глаза, выпуклые, съ черными зрачками, рѣзко обведенными каримъ ободкомъ, искоса глядѣли на Виктора, немного злые и задорные въ своемъ желаніи поспорить и доказать, что на все, что бы ей ни сказали, она всегда сумѣетъ еще лучше отвѣтить. И въ то же время въ ея движеніяхъ и въ фигурѣ Виктору почудилось что-то растерянное.

— Я имѣю въ виду не женщинъ,—сказалъ Викторъ,—а всѣхъ вообще. Я лично усталъ отъ книгъ и отъ книжнаго, и иногда мнѣ кажется, что наука мнѣ ничего не дала, а, наоборотъ, отняла многое.

Онъ виновато и кротко улыбнулся и прибавилъ:

— Боюсь, чтобъ это разочарованіе не наступило и у васъ.

— Мы въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ вы—вмѣшалась въ ихъ разговоръ Ксенія. Ея ровный голосъ, высокая, крѣпкая фигура, простое лицо расположили къ ней Виктора.—Мы

приступили къ наукѣ болѣе трезво, чѣмъ многіе другіе до насъ, и ждемъ отъ нея—какъ это сказать?—полезныхъ свѣдѣній, пользы матеріальной, но не блага для всего человѣчества, какъ думали раньше, а если не думали, то мечтали...

— Мы трезво относимся къ нашимъ занятіямъ и не думаемъ, что совершаемъ этимъ геройскіе поступки—повторила Филиппова слова Ксеніи.—Вообще, геройство...

— А ваши прежніе идеалы? Или же теперь ихъ нѣтъ у васъ? — спросилъ Викторъ, удивленный бодростью и энергіей этихъ дѣвушекъ.

— Вы какъ будто смѣетесь надо мной!—воскликнула Филиппова.—Развѣ мы не служимъ тѣмъ же идеаламъ, что и раньше, образуя собой первый пластъ людей будущаго, практичныхъ, дѣятельныхъ. и не мечтателей?

— Практичныхъ дѣятелей и не мечтателей — какъ это хорошо сказано! — воскликнулъ Викторъ. — И ничего для души — какъ это хорошо!

— Вѣдь душа — пустой звукъ. Такихъ словъ не слѣдуетъ даже говорить.

— У васъ нѣтъ души? Вотъ здѣсь—онъ указалъ на сердце—и вотъ здѣсь, въ груди—нигдѣ? Нигдѣ у васъ не болитъ что-то и не требуетъ отъ васъ невозможнаго? Далекаго и прекраснаго — чего нельзя заполнить никакой дѣятельностью и работой?

— Я не могу понять васъ — сказала она, какъ Виктору показалось, почти съ жалостью къ нему. И, взявъ шляпу, стала одѣвать ее.

— Пойдемъ, Ксенія, а не то въ пустыхъ разговорахъ мы проведемъ весь вечеръ.

— Я васъ понимаю, — сказала Виктору Ксенія, пожимая ему руку на прощанье.—Что-то болитъ въ груди и проситъ невозможнаго. Но сильные должны умѣть покорять въ себѣ это.

И онѣ ушли.

— Вѣра,—спросилъ онъ—почему вы молчали?

— Я думала о васъ и о вашей тоскѣ. Ваши письма и то, что вы мнѣ вчера говорили у Степана, провожая меня... Въ каждомъ вашемъ словѣ такъ много...

— Чего?

— Я не могу назвать... Это даже не тоска... а что-то другое, мнѣ незнакомое. У меня тоже бываетъ тоска, но не такая... Я тоскую отъ того, что жду чего-то, каждый день жду, съ утра

и до вечера... Что бы я ни дѣлала и о чемъ бы я ни думала,— мнѣ все кажется: вотъ раздастся звонокъ у двери и случится что-то негаданное и неизвѣстное. А вотъ вы какъ будто ничего не ждете...

— Не будемте говорить обо мнѣ—сказалъ онъ, поморщившись.—Я разскажу лучше вамъ о томъ, какъ я гулялъ сегодня, о Парижѣ, о новыхъ книгахъ и теченіяхъ во французской литературѣ, о чемъ-нибудь безличномъ, бездушномъ, что отвлекаетъ насъ отъ себя и даетъ иллюзію, будто мы живемъ одной жизнью съ цѣлымъ міромъ и его интересами. Слушайте...

Онъ говорилъ, а она, прислушиваясь къ его словамъ, съ замирающимъ сердцемъ и затаивъ дыханіе, глядѣла внутрь себя, гдѣ, легко журча, жила любовь, еще укрытая и неизвѣстная, и, переливаясь въ крови, и въ сердцѣ, и въ мозгу, пробивалась наружу вспыхивающимъ румянцемъ и блескомъ въ глазахъ.

— Почему вы покраснѣли, Вѣра?—спросилъ Викторъ, останавливаясь на полусловѣ.—Вѣдь я же вамъ разсказываю только о новой философіи французовъ?

А Вѣра сидѣла на краю постели, положивъ руки на спинку ея, и, полуприкрывъ рѣсницами глаза, мечтательно смѣялась, сама не зная чему, безотчетно и весело, тихимъ смѣхомъ, легкимъ и беззвучнымъ, какъ ея любовь, долгимъ и счастливымъ.

— Какой счастливый смѣхъ!—сказалъ Викторъ, наклоняясь и заглядывая ей въ глаза. И, вдругъ увидѣвъ въ нихъ что-то знакомое, что онъ видѣлъ не разъ въ глазахъ женщинъ, отшатнулся... Смутился, отошелъ отъ нея и сталъ перелистывать какую-то книгу на столѣ.

— Странныя дѣвушки, подруги ея, и она... Непонятныя. Мелькнули въ памяти строгія лица всѣхъ трехъ, ленточки въ ихъ волосахъ, рѣзкія, бодрыя слова, которыя только-что здѣсь говорились, растерянные взгляды Филипповой и робкіе, печальные глаза Ксеніи...

— Сегодня у меня такое настроеніе, точно я маленькая... Не знаю, чему смѣюсь—говорила между тѣмъ Вѣра.—Вы вѣрно соскучились со мной. Но я просто не въ состояніи слушать о философіи.

Ихъ долгая дружба, длившаяся ужъ много лѣтъ и основанная на странномъ влеченіи другъ къ другу, никогда не закрѣплялась словами и клятвами. Но обоимъ было ясно, что, что бы ни случилось въ будущемъ, тѣ невидимыя, интимныя нити, которыя связали ихъ вмѣстѣ, никогда ужъ не оборвутся. Частыя встрѣчи сначала, а потомъ, когда ихъ разбросало въ разныя

стороны, переписка поддерживали ихъ отношенія изъ года въ годъ. И странно: чѣмъ больше проходило времени, съ каждымъ годомъ, приносившимъ снова неудачи и утраты, вмѣстѣ съ возрастающимъ опустошеніемъ души, все чаще и упорнѣе возвращалась мысль къ другу, живущему за тысячи верстъ. Ихъ письма, за недостаткомъ матеріала, дѣлались короче и скучнѣе, но все ярче выдѣлялся образъ каждаго и сулилъ надежды одному и отдыхъ другому.

„Теперь, когда я хочу устроиться и зажить мелко, какъ всѣ, я долженъ буду и жениться“—думалъ Викторъ, возвращаясь къ Степану.—„Вѣра могла бы меня полюбить, и мнѣ она нравится... Такая милая, милая. За чѣмъ же дѣло стало?“

III.

Первая недѣля прошла безтолково, въ сутолокѣ, разговорахъ и хожденіи къ старымъ друзьямъ и знакомымъ. Вѣсть о пріѣздѣ Виктора быстро распространилась въ ихъ узкомъ кругу, и не проходило ни одного вечера, чтобы въ домѣ у Степана не было гостей и чтобы Виктора куда-нибудь не звали. Собирались, пили чай, ѣли, шумѣли, смѣялись, и въ разсказахъ о томъ, что многіе изъ товарищей поженились, иные стали видными дѣятелями, иные покончили съ жизнью быстро и просто, развертывалась длинная лента событій, мелкихъ и незначительныхъ по виду, но важныхъ и полныхъ смысла для нихъ и для Виктора.

— Такой-то женился и счастливъ!—

— У такого-то хорошая практика!—

— А тотъ весь ушелъ въ занятіе химіей!—

И, какъ припѣвъ, звучали слова:

— Вы бы его не узнали, до того онъ измѣнился!

Говорили вокругъ, и, какъ въ зеркалѣ, какъ въ десяткѣ зеркалъ, Викторъ видѣлъ себя: меланхоличные и веселые, умные и глупые, большіе и маленькіе, они всѣ еще были растеряны, всѣ еще не могли оправиться отъ страшнаго пораженія.

„Прошло уже нѣсколько лѣтъ,—думалъ Викторъ, а они, прежніе бойцы—пусть даже рядовые—не могутъ оправиться отъ пораженія. Пусть даже рядовые, но каждый изъ нихъ имѣлъ свое мѣсто, и тамъ, на его посту, никто не могъ его замѣнить. И этимъ онъ былъ великъ... Борьба, не знавшая ни вождей, ни рядовыхъ... А сейчасъ что̀ стало съ ними! Живые и не погибшіе, но люди ненужные и не у мѣста, уставшіе...“

Онъ узнавалъ въ нихъ себя.

Но теперь, когда нужно было собрать всѣ свои силы и сосредоточить ихъ на себѣ, когда нельзя было даже мыслью отдаваться другимъ, онъ не задумывался долго надъ этимъ и, испытывая какую-то отчужденность отъ нихъ, старался думать о болѣе близкомъ: о себѣ, о Вѣрѣ и о своемъ устройствѣ.

Но дѣло устройства его подвигалось туго.

Покамѣсть Викторъ жилъ у Степана: такъ было рѣшено на семейномъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ четырехъ членовъ: Виктора, Вѣры, Степана и Лизочки. И каждый день Викторъ съ жаромъ увѣрялъ Степана и Вѣру, которая жила по сосѣдству и бывала у нихъ по нѣскольку разъ въ день, что ему необходимо какъ можно скорѣе найти квартиру, потому что, если медлить, кончится сезонъ, и тогда ужъ будетъ поздно устраиваться въ этомъ году.

Но Степанъ неизмѣнно ему отвѣчалъ:

— Погоди, не торопись. Вѣдь не горитъ!

— Почему годить?

— Въ дѣлахъ не нужно торопиться—таковъ мой принципъ.

— Все-таки ты и съ принципами не далеко ушелъ,—смѣялся Викторъ.

— Мало ли что! А безъ принциповъ, братъ, не проживешь. Главное, въ мелочахъ нужны принципы, вотъ что. Самые стойкіе, самые прочные!

Когда же Степанъ, соглашаясь наконецъ, созывалъ всю ихъ семью и они выходили изъ дому съ твердымъ намѣреніемъ помочь Виктору, то ходили по улицамъ вяло, какъ бы стыдясь чего-то, осматривали квартиры, заходили въ лавки, а Викторъ ни на что не рѣшался. И быстро, черезъ часъ, кончались ихъ поиски, и устройство Виктора откладывалось со дня на день, не клеилось, не ладилось, почему—неизвѣстно.

Такъ бывало тогда, когда въ поискахъ и покупкахъ принимали участіе Вѣра и Степанъ. Тускнѣли планы Виктора и казались безсмысленными; вещи, квартира казались ненужными, и не хотѣлось Виктору дѣлать усилій, чтобы превозмочь свою апатію, свое безволіе.

Но иногда его сопровождала только одна Лизочка, и тогда въ странствованіяхъ изъ лавки въ лавку, въ выборѣ и покупкѣ вещей сказывалась неожиданная прелесть, появлялось нѣчто забавное.

Уже одно ея присутствіе не давало думать, потому что говорила она много, забрасывала словами, требовала всегда отвѣта,

и нельзя было съ нею молчать. Но было еще что-то, что не позволяло отдаваться своимъ мыслямъ: ея наружность. Гибкая, съ яркимъ цвѣтомъ лица и красными кораллами въ ушахъ, она была такъ хороша на улицѣ, на свѣжемъ воздухѣ, что трудно было не смотрѣть на нее, не идти за ней туда, куда она хотѣла. Конечно, неудобно было на улицѣ держать голову повернутой къ ней, неудобно было заглядывать ей въ лицо; но неотразимо хотѣлось еще и еще глядѣть на нее, на ея походку, такую очаровательную, когда она шла, какъ-то странно покачиваясь, неровно, неплавно, точно танцуя танецъ, ей одной извѣстный, подъ музыку, которой никто, кромѣ нея, не зналъ.

— Почему вы идете позади меня?—оглядывается Лизочка, когда онъ немного отстаетъ, чтобы лучше видѣть, какъ она ходитъ-танцуетъ. И хохочетъ—такъ смѣшонъ Викторъ въ своемъ восторгѣ.

— Развѣ я—картина?

Въ тѣ дни, когда они ходили вдвоемъ, они долго, до самаго вечера, бродили по лавкамъ, и было тогда много смѣха, веселаго и безпричиннаго. И закупали они вещи красивыя и некрасивыя, потому что трудно было выбрать лучшее, такъ все рядомъ съ ней получало отблескъ ея, заражалось ея красотой и весельемъ. И закупали они много вещей нужныхъ, а можетъ-быть и ненужныхъ, потому что не было еще квартиры и неизвѣстно было, что пригодится потомъ и что нѣтъ.

„Это хорошо,—радовался Викторъ.—Чѣмъ больше вещей, тѣмъ больше онѣ меня опутаютъ. Создастся груда вещей, создадутся условности и отовсюду прорвутся источники жизни. И тогда, наконецъ, захватитъ и меня эта жизнь и понесетъ въ своемъ потокѣ, какъ носитъ всѣхъ... Веселая жизнь, бурная и шумная въ своей стремительности. То поднимаются волны, то опускаются. Милліарды мелкихъ брызгъ, маленькихъ мгновеній, и черезъ все сквозитъ солнце, черезъ всѣ мгновенія пробивается жизнь—прекрасная въ своей повторности, въ своей повседневности. Всегда одна и та же, и потому прекрасная...“

Однажды они покупали мебель для гостиной-пріемной. Предлагали маленькую мебель и большую, веселую, крытую яркими тканями, и солидную, темныхъ цвѣтовъ—но трудно было остановиться на какой-нибудь изъ нихъ, когда Лизочка садилась въ кресло, темное или свѣтлое, и спрашивала, смѣясь:

— Нравится ли вамъ это?

Поочередно она садилась то тамъ, то тутъ, кидалась на диваны и кушетки и все спрашивала:

— А это? А это?

Но невозможно было думать серьезно о покупкѣ и продажѣ, потому что всѣ, и служащіе, и другіе покупатели, и Викторъ, смотрѣли на нее и думали о ней.

Когда же Викторъ, чтобы прекратить это, выбралъ, наконецъ, какую-то мебель и оставилъ за нее задатокъ, она на улицѣ, съ виноватымъ личикомъ извиняясь передъ нимъ, говорила:

— Викторъ, простите меня, будьте добры, но мы купили чепуху. Вѣдь это не гостиная, а будуаръ—будуаръ для дамы, а не пріемная врача! Что я надѣлала, какъ допустила васъ купить такой хламъ! Миленькій!—просила она—пойдите обратно, скажите, что это вамъ не годится.

— Неудобно; я не пойду. Не стоитъ огорчаться, мебель красива, право.

— Нѣтъ, такъ нельзя! Почему вамъ понравился отвратительный цвѣтъ „saumon“?—передразнила она продавца.—Цвѣтъ семги, дохлой рыбы, можетъ протухшей. Если у васъ въ квартирѣ будетъ такая мебель, я къ вамъ не приду—заявила она рѣшительно.

— Что-жъ дѣлать, Лизочка. Мнѣ очень жаль, но я не могу вернуться, чтобы начать канитель наново.

Она разсердилась на него за его отказъ. Онъ ей почти никогда ни въ чемъ не уступалъ и такъ мягко, вѣжливо, но ускользалъ отъ нея, когда хотѣлъ. И чутьемъ она угадывала за этимъ больше, чѣмъ упрямство, больше, чѣмъ стойкость, а что-то неясное и неуловимое, отъ чего дѣлалось тоскливо и жутко.

— Какой вы!..—глядитъ она на него.—Васъ стѣсняетъ то, что вы дали обѣщаніе купить... Я васъ не понимаю. Ваши слова васъ связываютъ. Имѣть некрасивую мебель, отъ которой больно глазамъ—по-моему, это ужасно. Ежедневно видѣть ее—по-моему, это страшно. А для васъ слово важно. Вы—человѣкъ слова... Мое желаніе всегда больше и важнѣе всего, потому что мое желаніе—это я, а что такое слово?—Птичка...

Она захотѣла презрительно улыбнуться и отвернуться отъ него, но, обрадовавшись своему образу, уже смѣялась:

— Поймайте птичку,...

— Ваши желанія также птички.

— Да, да, но они летаютъ только стаями. У меня никогда не бываетъ одного желанія, а много, много... и такія неопредѣленныя... Но какіе у васъ будутъ обои въ гостиной?

— У меня вѣдь нѣтъ еще квартиры—смѣялся онъ. И опять ей было весело, опять они ходили по лавкамъ, а она не уставала

смотрѣть и трогать руками все, что имъ показывали, ощупывать и восторгаться или огорчаться по поводу всего, что попадалось на глаза.

Но утомляла болтовня Лизочки съ шалостями, покупки второпяхъ и безъ толку, и онъ опять ходилъ по лавкамъ съ Вѣрой.

— Пойдемте со мной за покупками!—говорилъ онъ Вѣрѣ сегодня.

Она застѣнчиво улыбнулась.

— Вы вѣдь знаете, сколько я во всѣхъ такихъ дѣлахъ смыслю. Притомъ у меня лекція скоро.

— Вы всегда чѣмъ-нибудь заняты, всегда торопитесь.

— Который теперь часъ? Три? Такъ я пойду, Викторъ, но не надолго.

Лизочка крикнула имъ вслѣдъ:

— Викторъ, не покупайте безъ меня. Только присмотритесь.

Но все равно они никогда ничего не покупали. Приходили въ лавки, смотрѣли другъ на друга, на выставленные товары, и неловко было передъ служащими.

— Что, собственно, вы хотите купить?—спрашиваетъ Вѣра и прячется за его спиной отъ надменно-привѣтливаго приказчика.

— Лизочка говоритъ, что нуженъ большой шелковый абажуръ для той лампы, что мы вчера купили.

Смотрѣли абажуры, смотрѣли другъ на друга и удивлялись каждый про себя тому, что стояли здѣсь и покупали что-то ненужное и лишнее для нихъ.

— Къ чему мнѣ этотъ колпакъ?—шепчетъ онъ ей.

— Я тоже объ этомъ думаю. И стоитъ онъ десять рублей. Знаете что? Я лучше куплю вамъ дешевый, ихъ много продаютъ на улицѣ. Куплю бумажный.

— Конечно, пойдемте.

Какъ воры, съ опущенными глазами, пробираются они по лавкѣ. Кажется, что всѣ тычутъ въ нихъ пальцами:

— Посмотрите, идутъ нелѣпые люди, покупаютъ ненужныя имъ вещи, только безпокоятъ насъ.

У входа стоитъ управляющій. Онъ хорошо знаетъ, что они уходятъ, ничего не купивши, но низко кланяется, и его иронически-высокомѣрное лицо и его поклонъ значатъ:

„Простите, но не мы виноваты, что вы не можете у насъ купить. У насъ прекрасная лавка, и товары наши перваго качества, необходимые всѣмъ порядочнымъ людямъ. Но къ чему они вамъ? Мнѣ жаль васъ...“

Взоръ его скользитъ по платью Вѣры, по ея гладкой прическѣ... У двери они сталкиваются съ элегантной дамой, и Викторъ, хотя уже не видитъ управляющаго, ясно себѣ представляетъ, какъ тотъ опять низко кланяется и широкимъ жестомъ привѣтствуетъ ее:

— Чѣмъ могу служить, сударыня?

„Въ насъ онъ не чувствуетъ покупателей,—думалъ Викторъ, выйдя на улицу, и ему смѣшно: зачѣмъ мы пришли къ нему? И онъ правъ. Пришла та дама, и вовсе не важно, купитъ ли она у него или нѣтъ, а важно то, что ей необходимо купить извѣстную вещь. А мысль, что если она не у него купитъ, то обязательно купитъ у другого, что для нея купля—такое же дѣло, какъ для него продажа, сближаетъ его съ ней, и когда она будетъ уходить съ пустыми руками, ничего не купивши, то его поклонъ будетъ такъ же почтителенъ, какъ и прежде“.

Они шли, и улица казалась безконечной отъ вереницы домовъ и лавокъ, отъ людской толпы, которая двигалась все впередъ. Страшно было въ этомъ водоворотѣ, гдѣ все сплетено между собой, и только онъ одинъ стоитъ въ сторонѣ, все видитъ, но самъ не можетъ принять участія въ этой пляскѣ. Не можетъ, потому что не хочетъ.

— Пойдемте куда-нибудь! — предложилъ онъ Вѣрѣ. — Пойдемте къ вамъ.

— Я бы пошла, но вы знаете—мнѣ нужно идти на лекцію.

— Оставьте лекцію, побудьте со мной. Пойдемте, мы напьемся чаю.

И Вѣра не могла ему отказать.

IV.

Они сидѣли у нея въ комнатѣ и пили чай. Стемнѣло, но не зажигали лампы и только изрѣдка, когда на улицѣ пробѣгалъ трамвай, комната озарялась бѣлымъ свѣтомъ.

— Сегодня я опять не пошла изъ-за васъ на лекцію—говоритъ Вѣра.

— Тѣмъ лучше. Развѣ вамъ не скучно и не надоѣдаетъ всегда работать?

Когда онъ бываетъ въ ея комнатѣ, тихой какъ монашеская келья, и видитъ груду книгъ на этажеркахъ и столахъ, онъ кстати и некстати спрашиваетъ ее:

— Вамъ не скучно такъ всегда работать?

А она не обижается и улыбается ему кротко:

— Нѣтъ, не скучно.

И на этотъ разъ она отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не скучно.

— Думали ли вы когда-нибудь, Вѣра,—говоритъ онъ, еще подъ впечатлѣніемъ сегодняшнихъ мыслей въ лавкѣ,—о томъ, что съ нами, со мной, и съ вами, и со многими, какъ мы, случилась страшная вещь—что мы оторваны отъ жизни, что мы не живемъ, какъ всѣ остальные люди, и что мы не дѣти жизни?

Она вопросительно взглянула на него, а онъ продолжалъ:

— Вотъ сегодня—въ лавкѣ, а потомъ на улицахъ, длинныхъ и широкихъ, гдѣ все бѣжитъ, толпится и шумитъ,—мнѣ было странно: будто я, какъ деревенскій парень, какъ провинціалъ, очутился въ толпѣ невиданныхъ звѣрей, и боюсь ея, и бѣгу отъ нея. Хотѣлось ходить по краю панели, точно боясь, что раздавятъ меня; хотѣлось завернуть въ тихія боковыя улицы и такъ тайкомъ, ползкомъ пробраться куда-нибудь и скрыться... Вотъ къ вамъ—въ вашу келью... Иногда я боюсь жизни.

— Городской шумъ дѣйствуетъ на нервы,—сказала Вѣра,—оттого вы и не выносите его.

— Такъ вы думаете, что въ деревнѣ, въ глуши мнѣ было бы лучше? Нѣтъ, дѣло вѣдь не въ толпѣ и шумѣ и не въ моихъ нервахъ, а въ другомъ. И притомъ, какой я провинціалъ, я, изъѣздившій всю Европу! Нѣтъ, я нѣчто худшее: провинціалъ быстро освоится съ окружающимъ, сольется съ нимъ, но я, но вы—мы всегда будемъ стоять въ сторонѣ отъ другихъ, обособленные... И вотъ это ужасно. Вы понимаете меня—мнѣ часто кажется, что я какой-то особый, совсѣмъ иной, чѣмъ другіе, и это оттого, что я не живу, не жилъ до сихъ поръ, какъ другіе, просто и растительно, не заглядывая впередъ...

Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно. Вѣра сидѣла на диванѣ въ уголку, а Викторъ шагалъ, то приближаясь къ ней, то удаляясь.

— Но кто же вамъ мѣшаетъ такъ жить, какъ вы хотите?

— Вы спрашиваете, кто виноватъ въ этомъ? Всѣ и все, все!—воскликнулъ онъ, уже волнуясь.—Всѣ и все, но только не я. Правда, былъ моментъ, когда мнѣ казалось, что виноватъ во всемъ я—моя дурная воля, мой темпераментъ... И еслибы это было такъ, то было бы не страшно: себя вѣдь легче всего побороть... Но вскорѣ я понялъ, что я такой же, какъ всѣ. Потому что всѣхъ насъ черезчуръ рано оторвали отъ пуповины жизни, и жизнь эта не успѣла разлиться по нашему тѣлу

и мозгу. Да, я понялъ теперь, что мы всѣ одинаковы, мы, неприспособленные... Вы спрашиваете, кто виноватъ въ томъ? Всѣ и все: культура и просвѣщеніе, наука и люди, эпоха и все, что вы хотите...

— Викторъ,—пыталась прервать его Вѣра,—вы меня не...

— Поняли, — перебилъ онъ ее, договаривая ея фразу и весь горя желаніемъ высказаться.—Но мы всѣ другъ друга не понимаемъ и, мало того, мы не понимаемъ ничего въ томъ, что вокругъ насъ и въ насъ! Понимаемъ ли мы, что зло нашего существованія коренится еще въ дѣтствѣ нашемъ? Знаете ли вы объ этомъ? Привыкли винить во всемъ теперешнее безвременье! Но глядите глубже, вспомните ваше дѣтство, вашихъ друзей, вашу юность и ваши интересы! Уже тогда не было настоящаго, а было будущее; уже тогда мы перескакивали черезъ все дѣтское, забрасывали игрушки, уходили отъ дѣйствительности и, зарывшись въ книжки, мечтали о будущемъ. А книжки, всѣ книжки, и маленькія и большія, талантливыя и бездарныя, хрестоматіи и учебники по исторіи, говорили намъ о широкихъ задачахъ, рисовали заманчивые образы героевъ... Наша юность... Въ наукѣ мы двигались семимильными шагами, а въ жизни еле умѣли ступать, убѣгая отъ нея, скрываясь въ мірѣ идей, гдѣ нѣтъ пошлости и грязи, нѣтъ рамокъ и преградъ, гдѣ манятъ такія дали... Законченные люди къ двадцатому году, достойные того, чтобы быть борцами за большое дѣло, но съ глазами и мозгомъ, устроенными такъ, чтобы вдаль глядѣть, и только вдаль, и никогда себѣ подъ ноги...

Викторъ уставалъ, но въ этой темнотѣ и тишинѣ хотѣлось высказывать самое тайное, затаенное и говорить, говорить безъ конца...

— Хотите ли вы знать, что было дальше? Проходили годы: мы не знали праздниковъ и буденъ, мы не знали временъ года и связанныхъ съ ними перемѣнъ, и мы жили, не признавая мелочей окружающаго, какъ-то внѣ всего и выше всего. Да, въ пору революціи все обстояло прекрасно. Вѣдь такіе люди, какъ мы, были нужны, и сама судьба насъ ограждала отъ гибели. Но на другой день послѣ пораженія, когда у насъ отняли мечъ—развѣ все не преобразилось? Сняли съ насъ доспѣхи, и что же оказалось? Что подъ этой броней, такой страшной для врага, сидѣли мы, маленькіе люди, почти дѣти, великовозрастныя дѣти! Какъ неоперившіеся птенцы, мы забарахтались въ огромномъ океанѣ жизни. А теперь, безъ пристанища и безъ завтрашняго дня, почти безъ надежды на лучшія времена, мы силимся войти

въ жизнь, стучимся къ ней—но поздно уже!.. Для насъ, для меня, ужъ нѣтъ мѣста въ ней... Жизнь огромная, многогранная и безконечная, жизнь—то, что не поддается словамъ, то, чего никогда нельзя понять, то, чего нельзя остановить и опутать словами—она не можетъ насъ принять къ себѣ, потому что не она насъ вскормила, а вскормили насъ лишь мысли и книжки, книжки...

Онъ говорилъ и такъ страдалъ, какъ будто впервые выступалъ передъ нимъ такъ ясно этотъ ужасъ. Но рядомъ съ этимъ пробивалась почти незамѣтно, почти несознанно, какъ въ полудремѣ, какая-то радость освобожденія и облегченія...

Вотъ еще звенѣло и дрожало въ комнатѣ отъ его словъ, отъ затаенныхъ, подавленныхъ криковъ, но появлялось спокойствіе... Вотъ мысль билась безпомощная и искала опоры, но наступало уже странное самоотдаленіе, самоотчужденіе...

— Викторъ, Викторъ...—звала его Вѣра.

И снова появился страхъ, что она не поняла его, что она вдругъ скажетъ: „не отчаявайтесь—это временно".

— Не приходите ко мнѣ только съ утѣшеніемъ!—воскликнулъ онъ.—Не приходите только съ жалкими словами о неизбѣжности, о томъ, что придутъ другія времена...

— Викторъ, — говорила Вѣра гдѣ-то въ глубинѣ комнаты, прерываясь на каждомъ словѣ — почему вы, въ вашей повѣсти о насъ, забыли наши прежніе восторги, забыли о томъ, что мы, мы съ вами, пережили тѣ дивные годы, которыхъ другимъ не увидѣть? Вспомните недавнее — оно еще передъ глазами... И развѣ вы не отдали бы и солнце, и жизнь, за ту мощь, за ту силу, которою насъ надѣлили тогда? Я, я отдала бы все, я готова ждать еще безъ конца, пройти черезъ всѣ мытарства, только чтобъ снова увидѣть это...

— Такъ вотъ что вы мнѣ предлагаете—жить какъ любовникъ, утратившій свою возлюбленную, жить воспоминаніемъ и дожидаться ночи, чтобы во снѣ снова увидѣть ее... Но если ночь, то безъ сновидѣній, если ночь, то темная и вѣчная... Я согласенъ на это, да, на темную ночь... Объ этомъ я уже думалъ... А вамъ я не вѣрю. Не вѣрю не въ то, что вы—хорошая и терпѣливая, — нѣтъ, вы такая, я знаю — но не вѣрю вамъ, вообще вамъ. Скажите мнѣ, — и голосъ его зазвучалъ мягко и вкрадчиво,—почему теперь ваша рѣчь не тверда, взглядъ не прямой и почему вы не высказываетесь до конца? Скажите мнѣ, почему нѣсколько лѣтъ тому назадъ я повѣрилъ бы вамъ во всемъ, такъ вы были тверды, даже еслибы вы говорили неправду, и почему теперь ваша правда меня не завораживаетъ, не гип-

нотизируетъ, а ваши взгляды всегда переломляются на полпути, не достигаютъ цѣли и быстро прячутся во внутрь, къ вамъ обратно?.. Шепните мнѣ о себѣ!—и голосъ Виктора дѣлался все болѣе мягкимъ, все болѣе вкрадчивымъ и тихимъ.—Я никому объ этомъ не разскажу. Откройте мнѣ вашу живую душу, не ту, которую вы носите и показываете столько лѣтъ, покрытую толстой пеленой словъ, чужихъ словъ, прекрасно усвоенныхъ и переваренныхъ, покрытую толстой паутиной условностей...

Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлалъ, весь охваченный чувствомъ жалости къ ней и къ себѣ, онъ подошелъ къ Вѣрѣ, сѣлъ рядомъ и положилъ къ ней на колѣни голову...

Она гладила ласково его волосы:

— Какъ вы измучены! Кто могъ это знать!

— Вѣра, я васъ люблю... Вѣдь и вы бредете въ потьмахъ и ощупью, какъ я... Вы понимаете меня, вы близки, кровно близки мнѣ—будто я перелилъ себя въ васъ, слился съ вами... Посмотрите, какъ бьется ваше сердце... Приласкайте меня опять... Вотъ такъ...

Она водила рукой по волосамъ его, по лбу, по лицу, а ему казалось, что струйки воды, чистой, нѣжной воды, свѣжія капельки льются изъ ея рукъ на его пылающій мозгъ...

— Вѣра, а вы?—шепталъ онъ.

Но она молчала.

„Что, если его любовь—это любовь старой нашей дружбы, не больше того? Тогда что будетъ со мной?“

И изъ боязни спугнуть свое хрупкое счастье, еще не смѣла вѣрить въ его слова. Осторожно, положивъ его голову на подушку, она встала и зажгла лампу, чтобы разсѣять призраки, витавшіе въ темнотѣ: неясные, неопредѣленные.

V.

Нѣсколько дней спустя Викторъ пришелъ по обыкновенію къ Вѣрѣ, но она, одѣтая, стояла въ передней, собираясь куда-то.

— Почему вы сегодня такъ поздно?—спросила она:—я сейчасъ ухожу.

— Куда?

— Къ Ксеніи Васнецовой.

Онъ скрылъ свою досаду и разочарованіе, потому что создалась уже привычка каждый вечеръ сидѣть у нея въ комнатѣ, глядѣть на нее и говорить съ ней, не о томъ, о чемъ гово-

рилъ съ другими, а о важномъ и печальномъ—но не попросилъ ее остаться и сказалъ равнодушно:

— Въ такомъ случаѣ я пойду къ Замятину. Можетъ-быть, намъ по пути.

— Да, часть дороги мы можемъ проѣхать вмѣстѣ.

Они сидѣли въ трамваѣ и шутя спорили.

— Еще нѣсколько станцій, и я сойду—говорилъ Викторъ.—Пойдемте лучше со мной. Я не надолго, вы подождете меня и потомъ я провожу васъ къ Ксеніи.

— Поѣзжайте вы лучше со мной—смѣялась она. И хотя она могла отложить свою поѣздку къ Ксеніи, но хотѣлось почему-то сегодня дразнить его, упрямиться и настаивать на своемъ.

Она сидѣла возлѣ него и, въ бѣлой пушистой мѣховой шапкѣ и такой же горжеткѣ, смѣялась, обернувшись къ нему, показывая ослѣпительный ровный рядъ зубовъ:

— Ни за что!

А потомъ, отвернувшись, дѣлала видъ, что не слышитъ, какъ онъ шепчетъ:

— Рѣшайте скорѣе, мнѣ сейчасъ слѣзать. Вотъ еще три станціи, и я сойду.

Всунувъ руки въ карманы своего пальто, она взглянула на господина, который стоялъ у двери и не сводилъ съ нея глазъ. Намѣренно-равнодушно спросила:

— Когда вы опять ко мнѣ придете?

— Вѣра, еще одна станція!

Всѣ пассажиры въ трамваѣ наблюдали эту сцену. Гадали:

— Пойдетъ или не пойдетъ?

И рѣшили:

„Не пойдетъ! Шалишь, братъ, не пойдетъ!“

— Вотъ я и пріѣхалъ!—поднялся Викторъ и спокойно, немного насмѣшливо, и даже не прощаясь, прошелъ мимо нея къ выходу.

Онъ стоялъ на площадкѣ и сквозь стекло наблюдалъ, какъ на лицѣ ея выразилось сначала недоумѣніе, а потомъ появилась смущенная улыбка. Мгновеніе она оглядывалась вокругъ себя, какъ будто хотѣла что-то обдумать—и увидѣла, что всѣ глядятъ на нее и улыбаются. Но вся во власти чувства досады и боязни, что вотъ-вотъ онъ уйдетъ, она быстро поднялась и пошла по вагону, опустивъ глаза, стыдясь чего-то и нагоняя его.

Въ тотъ вечеръ Викторъ узналъ, что Вѣра его любитъ, и никакія слова не могли бы его увѣрить такъ въ ея любви, какъ то, что онъ видѣлъ сквозь стекло. И даже впослѣдствіи,

когда онъ сомнѣвался въ томъ, дѣйствительно ли ея чувство къ нему было любовью, онъ вспоминалъ ея лицо въ трамваѣ, ея глаза и что-то уязвленное въ походкѣ и говорилъ себѣ:

„Да, она меня любила!“

Въ тотъ вечеръ никто изъ нихъ не пошелъ туда, куда намѣревался идти.

Долго они ходили по улицамъ, прижавшись другъ къ другу и почти безъ словъ, почти молча прислушивались, какъ крѣпнутъ звенья, ихъ связывающія, какъ нарождается и крѣпнетъ любовь, давно зачатая и долго жданная.

Гуляли по улицамъ, доходили до дверей ея дома и не могли разстаться, доходили до дверей его дома и обратно къ ней, и все не могли разстаться.

Потомъ сидѣли у Вѣры въ комнатѣ, а она, зарумянившись отъ мороза и словъ, которыя ей нашептывалъ Викторъ, говорила:

— Мнѣ ужъ казалось, что я никогда не узнаю любви, любви реальной, высказанной въ словахъ, любви вдвоемъ, потому что такъ, про себя, я тебя люблю давно...

— Но почему же въ тотъ вечеръ ты холодно ушла отъ меня?

— Я боялась спугнуть свое счастье... Ахъ, это одиночество на людяхъ, пустыня въ толпѣ—такъ страшны. Годы проходили въ занятіяхъ, въ работѣ, и какъ будто было не до любви. Но тоскливо, тоскливо... Повсюду разлита радость, и только одна... въ любви. Жажда привязанности, хоть къ собачонкѣ... Дружба съ людьми, почти влюбленность, со всякими, съ ничтожными часто—но только не одиночество...

— Но почему такъ, почему?

— Не знаю, но если бы не ты и воспоминанія о тебѣ, я давно бы вышла замужъ за Коломейцева, даже за урода, за кого угодно, только чтобъ избавиться отъ мечтаній и грезъ любви, которой не знаешь, но которая мерещится, какъ что-то сказочное и неземное.

— Такъ ты никого не любила, Вѣрочка, до меня? И я явился тебѣ—единственный и не повторяемый, какъ Тристанъ Изольдѣ?

— Да, представь себѣ... Это смѣшно?

— И никто не цѣловалъ тебя, только я одинъ?—говорилъ онъ, осыпая ее поцѣлуями.

Она засмѣялась.

— Нѣтъ, еще одинъ... нѣсколько лѣтъ тому назадъ...

— Скажи, скажи.

— Однажды, но ты знаешь его...

— Скажи, скажи!—настаивалъ Викторъ.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на одной вечеринкѣ ты поцѣловалъ меня...

— Не помню!—разсмѣялся онъ.

— Да, ты не помнишь, но я объ этомъ не забывала... Ты тогда много пилъ и товарищи шутили надъ тобой: „Онъ никогда еще не цѣловалъ женщинъ—онъ боится ихъ". И ты подошелъ ко мнѣ,—я сидѣла на подоконникѣ, окно было открыто, была весна и разсвѣтало,—и пьяный, съ блуждающими глазами, ты поцѣловалъ меня вдругъ въ губы... Дома я плакала, оскорбленная такой шуткой, почти ненавидѣла тебя... Ты вскорѣ уѣхалъ, и нѣсколько мѣсяцевъ мы не встрѣчались... Но по ночамъ ты снился мнѣ, а днемъ мысли о тебѣ такъ сладко измучивали...

— Вотъ и все мое прошлое—улыбнулась она.

VI.

Съ этихъ поръ Вѣра стала явственно различать въ своей жизни три этапа: дѣтство, всю остальную жизнь и любовь къ Виктору.

И странно: самый длинный этапъ, тотъ, который она привыкла цѣнить и который цѣнили всѣ ея окружающіе, о немъ она почти забыла, а когда вспоминала, то удивлялась, она ли эта Вѣра—та Вѣра?

Но дѣтство—и каждый день съ тѣхъ поръ, какъ Викторъ, тогда ночью, положилъ къ ней на колѣни голову, стояли передъ глазами и переплетались настроеніями и чувствами.

Маленькая дѣвочка съ русой косой, дочь обѣднѣвшихъ мѣщанъ, одна изъ многочисленныхъ дочерей. Провинціальный городокъ... Загорѣвшія босыя ножки поднимаютъ клубы пыли, бѣгутъ смотрѣть на проѣзжающую свадьбу...

...Въ знойные дни играетъ въ жмурки, въ холодномъ, страшномъ погребѣ. Говорятъ, тамъ турка зарыли.

— Ай!—кричитъ она, вся въ холодномъ поту отъ объятій мертвеца: но то Петька, товарищъ игръ, въ потьмахъ наткнулся на нее и держитъ крѣпко, чтобъ не убѣжала...

...У матери братъ — иконописецъ. Подъ вечеръ послѣ игръ сидитъ у него въ комнатѣ и смотритъ на лики: трещитъ лампада, жужжатъ мухи, дядя вышелъ на крыльцо, по комнатѣ

проходятъ сквозняки — колеблютъ огоньки лампадъ. Вѣра безъ страха глядитъ на Божьи лики, потому что знаетъ, что она — избранница Божья...

Часто снятся такіе сны: все вымерло и она одна, праведная, осталась на землѣ. Но приходитъ ангелъ за ней и ведетъ въ обитель къ Богу, а тамъ уже всѣ умершіе, погибшія души, дожидаются Страшнаго Суда. И когда она входитъ, Спаситель беретъ ее за руки и говоритъ отцу, который колотилъ ее, и матери, дававшей пинки, и сестрамъ-обидчицамъ:

„Радуйтесь—ею, Вѣрою, спасаетесь".

Тайкомъ убѣгаетъ каждый день Вѣра въ костелъ — онъ по сосѣдству съ ихъ домомъ,—тайкомъ, потому что большой грѣхъ ходить въ чужую церковь, и, осѣняя себя запретнымъ знаменіемъ, молится голубой Царицѣ, съ трепетомъ слушаетъ органъ, небесную музыку. Молится не заученными молитвами — ихъ не пойметъ чужая богиня—а, припавши къ ея алтарю, вся растворяется въ одномъ моленіи: быть хорошей, быть лучше всѣхъ и имѣть лучезарные глаза, которые бы всѣхъ людей манили къ ней...

Это дѣтство такъ не вязалось со всей послѣдующей жизнью—какъ будто нарочно трезвой, не созерцательной, а только дѣятельной,—что воспоминанія дѣтства были глубоко зарыты и давно не выходили на просторъ.

А теперь услышаны были моленья маленькой Вѣры, и приманили лучезарные глаза весь міръ—Виктора—къ ея ногамъ.

Пришла любовь и сплелись двѣ Вѣры: маленькая и большая, теперешняя, и, зарывши трезвую Вѣру, будто не было ея, закружились въ любви.

Такъ съ двухъ концовъ: отъ ненависти къ жизни и отреченія, отъ радости, что наконецъ пришло оно, счастье, полюбили другъ друга Викторъ и Вѣра.

VII.

Издалека, когда Викторъ былъ еще въ Парижѣ, его планъ устройства жизни, мелкой и обыденной, казался ему хорошимъ и нужнымъ. Но по мѣрѣ приближенія къ цѣли, по мѣрѣ того, какъ закупались вещи, разыскивалась подходящая квартира и вырисовывалось яснѣе его будущее—карьера врача, увѣренность какъ-то слабѣла и осуществленіе замысла отодвигалось все дальше...

Прошло три мѣсяца со дня его пріѣзда: онъ посѣщалъ

больницы и лечебницы, возстановлялъ забытыя знанія, но уже теперь, когда только изрѣдка приходилось сталкиваться съ врачами и больными, оправдывались старыя опасенія, что онъ оторванъ отъ всего и что не найдется той связи любви и интереса, которая соединила бы его съ людьми, ему посторонними. Такъ чужды были больные съ ихъ страданіями, такъ чужды были врачи-коллеги, сплоченные въ одно профессіональной недоброжелательностью, переплетенные другъ съ другомъ общими нуждами и заботами, корнями, глубоко пущенными въ землю...

Но онъ дѣлалъ громадное усиліе воли и говорилъ:

„Нужно стать въ рядъ съ другими“.

Онъ опять ходилъ къ знакомымъ врачамъ, совѣтовался съ ними о своемъ устройствѣ и старался себя убѣдить, что и онъ таковъ же, какъ и они, и что для него практика и деньги, хорошая сытая жизнь и карьера—цѣль, къ которой онъ стремится. А не наоборотъ, что все это—и люди, съ которыми онъ соприкасается, и жизнь ихъ—наводитъ на тяжелыя размышленія, всегда оскорбляетъ и больно ранитъ его... Принуждая себя, ходилъ къ Замятину, ко всѣмъ, кто ему казался устойчивымъ и увѣреннымъ, приглядывался къ ихъ жизни, но все еще никакъ не могъ понять, откуда у этихъ людей берется такая бодрость и увѣренность.

„Стать въ рядъ съ другими!—мечталъ онъ.—Жить какъ всѣ, быть какъ всѣ! Жить жизнью всѣхъ!“

Бывая у нихъ, почти не разговаривалъ, слушалъ и впитывалъ въ себя ихъ мнѣнія, ихъ рѣзкія слова, твердые жесты.

„Мнѣ бы такъ!“

И точно они — врачи, Замятинъ и многіе другіе—были не людьми, а заведенными механизмами, онъ осматривалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, смотрѣлъ имъ за спины и искалъ тамъ секретъ этого механизма, секретъ бодрости и умѣнія жить спокойно, безъ размышленій, безъ оглядыванья назадъ въ прошлое и безъ заглядыванія въ будущее.

Прошло три мѣсяца со дня пріѣзда Виктора. Стояли холодные зимніе дни, и въ теплой, уютной квартирѣ Степана, въ комнатѣ Вѣры, въ дружескихъ разговорахъ и нѣжной, мягкой любви къ ней, неощутимо накоплялись и такъ легко иногда протекали эти дни и часы.

Такъ вдругъ, вмѣстѣ съ холодомъ, тишиной, бѣлизной, иногда появлялось спокойствіе. Такъ вдругъ, вмѣстѣ съ Вѣрой, съ любовью, иногда являлся душевный покой и предыдущее, все придуманное имъ, стушевывалось и растворялось въ драгоцѣнныхъ

мгновеніяхъ, рѣдкихъ и кратковременныхъ, но желанныхъ, какъ высшее счастье...

...„Покой!“...

Какъ тяжело-больной, который отдыхаетъ послѣ мучительныхъ приступовъ болѣзни и боится двинуть рукой и ногой, чтобъ не вернулось прежнее, такъ Викторъ боялся всего, считалъ весь міръ врагомъ, который можетъ ворваться къ нему и нарушить, украсть эти мгновенія.

Тогда онъ избѣгалъ друзей, разговоровъ и не ходилъ въ больницу.

„Къ чему мнѣ это?“—говорилъ онъ себѣ.

Въ такіе холодные зимніе дни, когда бѣло вокругъ, и одноцвѣтно, и одинаково, хотѣлось быть только возлѣ Вѣры, и долго гулять, укрывшись въ любви, за городомъ, въ пустынныхъ бѣлыхъ паркахъ. Хотѣлось быть легкимъ, безъ бремени мыслей...

На улицѣ, наединѣ съ ней, онъ забывалъ обо всемъ и, отдаваясь во власть ея любви, говорилъ:

— Веди меня.

И она его вела.

Ходили они рядомъ, держась за руки, такъ плавно и легко, будто не касались земли, безъ всякихъ усилій. Будто ноги ихъ были не изъ мускуловъ и нервовъ, не могли причинять боли и уставать. Будто не они шли, а ихъ несло. Становились на подставку, не видную для глазъ, и, мѣрно покачиваясь, уплывали въ даль...

Но такія настроенія выпадали рѣдко, и съ новой силой опять выползало старое, мучительное...

Поздно ночью какъ-то остались Степанъ и Викторъ вдвоемъ. Разошлись гости, Лизочки не было дома; стало тихо и нужно было подумать о снѣ.

— Наконецъ-то! — сказалъ Степанъ, громко зѣвая и потягиваясь.—Не знаю, какъ ты, а я такъ просто ошалѣлъ отъ стрекотни. Ложись спать, Викторъ.

Но Викторъ, стиснувъ руками виски, возбужденно шагалъ по комнатѣ. Его волненіе не могло улечься. Только-что здѣсь, за этимъ столомъ, среди друзей, онъ молчалъ. Шелъ споръ о томъ, что̀ нужно сейчасъ дѣлать и какъ нужно пережидать наступившую полосу безвременья и реакціи. И споръ задѣлъ его больно, разбередилъ его раны. Но онъ не вмѣшался въ него; его сковывала мысль, что слова превратятся въ крики, прозвучатъ черезчуръ громко и его не поймутъ.

„Какое мнѣ дѣло, въ сущности, до всего этого!“—пытался онъ себя увѣрить, и заставилъ себя думать о чемъ-нибудь другомъ: о Вѣрѣ, о близкомъ...

Но вотъ онъ остался наединѣ со Степаномъ и явилась вдругъ неудержимая потребность говорить, вознаградить себя за долгое молчанье и въ громкихъ словахъ выразить муки. Забывъ объ усталости своей и Степана, онъ удержалъ его за руку:

— Степанъ, послушай меня... Мнѣ нужно съ тобой поговорить. Ты иной, чѣмъ я, у тебя большій опытъ и больше настоящаго, дѣйствительнаго горя, но я убѣжденъ, что ты, именно ты, поймешь меня, и не скажешь, что все, что я говорю и отъ чего страдаю, выдумано и не настоящее... Погоди... То, что здѣсь сегодня говорили, вѣдь не новость. И я все это знаю. Но эта ложь, эта самоувѣренность—она переворачиваетъ у меня все въ мозгу!.. Я спрашиваю тебя, что изъ того, что мы все знаемъ? Вѣдь намъ выходъ нуженъ, мнѣ выходъ нуженъ, и *его* я безпрестанно ищу, и *его* я найду, говорю я тебѣ. Погоди, ты сейчасъ поймешь меня—я буду спокоенъ... Передъ нами стоитъ задача: нужно взяться за дѣло, за простое, маленькое дѣло. И вотъ разница между мной и ими, нашими. Для нихъ рѣчь идетъ только о томъ, какое дѣло взять: то или иное, а я кричу, во мнѣ кричитъ: мы, я—ни на что уже не годимся! Они говорятъ: „каждый на своемъ посту пускай дѣлаетъ свое: одинъ—маленькое, другой—большое дѣло“. А вѣра въ себя у нихъ такъ велика, что они мечтаютъ еще о другомъ: „какъ тогда, какъ въ пору борьбы, каждый изъ насъ оказался вождемъ, такъ и потомъ окажется, что съ разныхъ концовъ, на разныхъ поприщахъ, мы дѣлали важное...“

— Погоди, не перебивай! Я скажу до конца! Оттого что я такъ долго думалъ надъ этимъ, такъ давно думаю я... Погоди... ...Да, значитъ существуетъ мысль, что мы—все еще переполненные сосуды? Что черезъ край у насъ льются жизненныя силы, энергія и что мы по прежнему имѣемъ что̀ щедрою рукой давать другимъ?.. Существуетъ мысль, что мы безъ конца можемъ творить изъ себя, наново творить!.. Всѣ вы, ну пускай не ты, Степанъ, а они, сидѣли здѣсь и притворялись, лгали другъ другу: „Случилось неизбѣжное, мы побѣждены, но мы — тѣ же прежніе: сильные, съ вѣрой и мечомъ въ рукахъ!“

А я тихо про себя смѣялся и хотѣлъ имъ шепнуть:

„Все это хорошо! Но сейчасъ-то, сейчасъ мечъ вашъ нужно промѣнять на соху для того, чтобы въ широкое поле пойти! И не для борьбы, къ которой вы привыкли, а для мелкихъ дѣлъ, просто

для того, чтобы жить какъ всѣ... Поймите же нашъ ужасъ—хотѣлось мнѣ кричать: вѣдь вы на это неспособны, вѣдь я на это неспособенъ... Безъ силъ, лишь съ безумной жаждой покоя"...

— Чего же ты хочешь, Викторъ?—говорилъ Степанъ.—Это правда—мы устали, но почему же ты такъ волнуешься? Развѣ не естественно такое желаніе, развѣ мы не имѣемъ права на временный отдыхъ?

— Но и это ложь!—кричалъ Викторъ.—Рѣчь идетъ не о временномъ отдыхѣ! Конечно, пройдутъ годы, придетъ новое поколѣніе, и дѣло, наше дѣло, будетъ сдѣлано, кѣмъ—безразлично, человѣчеству это не важно. Но мнѣ-то что сейчасъ дѣлать? Мнѣ, привыкшему только къ большому, глядящему только вдаль—мнѣ предлагаютъ маленькое дѣло! Но гдѣ гарантія, что я доживу до большихъ дѣлъ, гдѣ взять мнѣ эту вѣру? И какъ мнѣ жить покамѣсть въ мірѣ пошлости и лжи, какъ привить себѣ привычки и условности обычнаго прозябанія, если все во мнѣ кричитъ: „Не пріемлю пошлости и обыденщины"?! И если я безъ силъ и не имѣю не только, что̀ давать другимъ, но и для себя ничего уже не осталось! Посмотри же, наконецъ, на меня: я молодъ, еще совсѣмъ молодъ, не смотря на двадцать-восемь лѣтъ, потому что я еще почти не жилъ! Я здоровъ, я способенъ, у меня много знаній и я даже богатъ—однимъ словомъ, у меня есть все, что цѣнно въ жизни. Но вотъ стою я здѣсь и, какъ передъ лицомъ совѣсти, клянусь тебѣ—у меня ничего нѣтъ... Я потухъ, погасъ, руки виснутъ, какъ плети, и я ничего не хочу, ничего не могу...

Постоявъ мгновеніе передъ Степаномъ, онъ зашагалъ еще быстрѣе и спустя немного сказалъ:

— Но я еще не сдаюсь и я буду бороться. Хитростью и притворствомъ, но нужно сдѣлать такъ, чтобъ какъ-нибудь войти въ жизнь. Маленькимъ, обыкновеннымъ врачомъ я войду въ нее, все большое оставлю позади себя, и тогда мы посмотримъ... Вотъ моя попытка... А когда друзья наши узнали о ней—они, конечно, разочаровались во мнѣ и, вѣрно, подумали: „изъ него ничего хорошаго не выйдетъ. Это пустой орѣхъ. Хорошій, бѣлый орѣхъ снаружи, но пустой внутри, безъ обѣщаннаго ядра". И это правда, Степанъ, бѣлый орѣхъ снаружи, но съ изъѣденнымъ ядромъ...

Но Степанъ молчалъ, не зная что̀ сказать.

Въ его отношеніяхъ къ другу было столько нѣжности и жалости, душевной, доброй жалости, что хотя въ словахъ Виктора онъ находилъ сегодня много несправедливаго, онъ не воз-

ражалъ ему. Для него вовсе не важно было видѣть Виктора правымъ, а важно было то измученное и надломленное, что прорывалось сквозь всѣ его слова, правыя и неправыя. Но все-таки Степанъ не понималъ ясно, что̀ тяготитъ друга, и думалъ про себя:

„Что̀ я могу для него?“

Съ тѣхъ поръ, какъ Викторъ пріѣхалъ, онъ часто думалъ надъ этимъ; но онъ зналъ, что не можетъ ничего ему дать. Самъ заполоненный тупой тоской по женѣ, онъ, насилуя себя, дѣлалъ для друга то, что̀ для себя не любилъ дѣлать: прикидывался практичнымъ, интересовался мелочами въ устройствѣ Виктора. И не зная, чѣмъ еще помочь ему, испуганный одной навязчивой мыслью, притворялся даже веселымъ, удачливымъ, громко смѣялся, и часто повторялъ, похлопывая Виктора по плечу:

— Да мы вѣдь, братъ, съ тобой превесело живемъ, право!

А Лизочкѣ шепталъ:

— Ты смотри, съ нимъ осторожно! Ему теперь скверно.

И сейчасъ ему хотѣлось сказать Виктору: „брось ты, другъ, свое устройство и не думай о прошломъ, ну его къ чорту!“

Но вмѣсто этого только сказалъ:

— Все не такъ страшно, Викторъ, какъ тебѣ кажется. Нужно только взять себя въ руки и отбросить прочь нашу дурную привычку вѣчно копаться въ себѣ, задумываться о себѣ.

Сказалъ и, безнадежно махнувъ рукою, прибавилъ съ досадой:

— Ахъ, все это не то, не то!..

Нѣкоторое время онъ шагалъ съ Викторомъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, стараясь идти съ нимъ нога въ ногу, и вдругъ, вспомнивъ что-то, просвѣтлѣлъ лицомъ и, обхвативъ ласково Виктора за плечи, остановилъ его.

— Ахъ, ты мой милый бѣленькій мальчикъ! Что я сейчасъ вспомнилъ... Когда тебѣ было пятнадцать лѣтъ и ты былъ худенькимъ, тщедушнымъ и хилымъ, ты пришелъ ко мнѣ—ты прочелъ тогда какую-то книгу...

— Лаврова?

— Да, да, Лаврова—такъ ты помнишь это?—и сказалъ:

„Я отдамъ себя людямъ и счастью ихъ будущаго до послѣдней капли крови!“

Я же тебѣ отвѣтилъ:

— Всѣ такъ говорятъ—но кто это сдѣлаетъ?

Ты разсмѣялся:

— „Это сдѣлаю я. И если я когда-нибудь измѣнюсь, то

внѣ этого я все равно не смогу жить. Соціализмъ въ крови у меня".

— Я часто вспоминаю твои слова. Какая въ тебѣ была увѣренность! Ты былъ, знаешь, очень выдающимся мальчикомъ. Ха, ха!—расхохотался Степанъ.—Я думалъ, изъ него Лассаль выйдетъ, а теперь посмотрите на него! Да тебя людямъ показывать стыдно. Ну, Викторъ?..

Викторъ сидѣлъ на креслѣ и, испытывая сильную усталость, почти упадокъ силъ, отвѣтилъ съ трудомъ:

— Ты самъ не знаешь, до чего ты меня не понимаешь... Какъ видно, я сегодня глупъ и не сумѣю тебѣ сказать того, что̀ я думаю. Но мнѣ скверно, другъ, очень скверно. Еслибъ я былъ женщиной, то я вотъ такъ положилъ бы голову къ тебѣ на плечо и плакалъ бы...

— Ну, что ты, что ты! Вотъ баба! Ложись-ка спать, Викторъ. Это—самое лучшее, что мы сейчасъ съ тобой придумаемъ. А завтра ты встанешь бодрымъ, мы къ тебѣ приставимъ Лизочку и она тебѣ, братъ, покажетъ, что̀ значитъ жизнь!

— Люблю свою сестричку, — говорилъ онъ задумчиво. — Славная она, но я ея не понимаю.

— Что, она спитъ?—спросилъ Викторъ.

— Нѣтъ еще, представь себѣ, до сихъ поръ домой не вернулась, съ бала на курсахъ... Ну, спокойной ночи.

Онъ засыпалъ въ сосѣдней комнатѣ и сквозь сонъ слышалъ, какъ Викторъ кричалъ ему:

— Я забылъ тебѣ сказать, я вѣдь тоже думаю, что главное—это взяться за обычную, повседневную дѣятельность...

Его укачивало, но онъ все будто слушалъ Виктора. Захотѣлъ лучше слышать, вырвался изъ сна, захотѣлъ вспомнить всю фразу, но забылъ начало ея и только помнилъ одно: „повседневную дѣятельность, повседневную дѣятельность". Что за чушь? Что это значитъ?

Опять засыпалъ, но неспокойно, и не то на яву, не то во снѣ слышалъ: „повседневную дѣятельность", и думалъ: „Почему Лизочки нѣтъ такъ поздно?" Снились барабанные шумы, колокола, и только послѣ прихода Лизочки уснулъ крѣпко и онъ спокойно.

VIII.

„Мнѣ скверно, другъ, очень скверно!" — сказалъ Викторъ тогда ночью, и это были единственныя слова изъ всей его рѣчи, въ которыхъ вылилось то, что приводило его теперь въ отчаяніе

и измучивало больше, чѣмъ все другое до тѣхъ поръ. Тогда ночью, пронизанный этимъ страшнымъ и новымъ, онъ говорилъ много о друзьяхъ и о себѣ. А между тѣмъ явилось то, о чемъ онъ раньше не подозрѣвалъ, то, чего нельзя было ужъ никому разсказать: ни Степану, ни Вѣрѣ.

По пріѣздѣ сюда, вмѣстѣ съ планомъ устройства и встрѣчей съ Вѣрой, явилась мысль о женитьбѣ на ней, и показалась она простой и обычной: „человѣкъ устраивается, онъ осаживается, онъ и женится. Такъ просто и обычно! Такая старая пѣсня!“

— Пѣсня не твоя—шептало что-то.

Но мысли тянулись привычной чередой:

„Если все погибло и вымерло внутри, и спали однѣ иллюзіи за другими съ того, что̀ прежде было цѣнно, тогда остается еще одинъ исходъ, еще одна надежда, можетъ-быть нежеланная, но за то устойчивая, какъ свая, вколоченная въ землю, упорная.

„Если человѣкъ одинъ и не осталось для него ничего цѣннаго, и весь міръ его опустошился, тогда на помощь къ нему должна придти любовь, чтобъ связать его желѣзными нитями съ остальнымъ бытіемъ и своею требовательностью приковать его, какъ раба, какъ каторжника, но какъ одно изъ звеньевъ той цѣпи, что зовется жизнью!..

„Такъ будетъ и со мной. Придетъ любовь и бракъ, и вслѣдъ за ними ворвутся привязанность и необходимость, ворвутся всѣ законы бытія: инстинкты хищника, чувства отца, мужа и собственника...

„Такъ нужно для жизни, и это хорошо!

„Когда же я женюсь, я устрою большой пиръ, шумный пиръ, чтобы всѣ знали, что я серьезно это затѣялъ не на одинъ день, не на два, а на всю жизнь, на долгую жизнь. И чтобъ всѣ знали, что я беру на себя цѣлый рядъ обязательствъ, которыя клянусь выполнять. А послѣ свадьбы я пойду къ знакомымъ и увѣрю всѣхъ, что свою жену люблю больше чѣмъ себя, и что только ее, именно ее, могъ я такъ полюбить, потому что она—единственная, рѣдкая жемчужина!..

„И вовсе вѣдь не важно то, что это будетъ ложью и что я не буду, можетъ-быть, такъ чувствовать... А важно то, что я такъ долго буду твердить одно и то же, покамѣсть самъ, наконецъ, не повѣрю въ свои слова. А тогда, связанный, спутанный ими, заживу спокойно со своей женой; видя черное, буду твердить—а потомъ ужъ и видѣть—только бѣлое.

„Такъ хочетъ мой разумъ—вотъ законъ для моей жизни, и

по его велѣнію, наперекоръ самому себѣ, долженъ я творить ее".

Это были гордыя слова человѣка, еще увѣреннаго въ своей волѣ и еще надѣявшагося, что словами можно опутать всего себя.

Но пришла любовь и затуманила его разумъ и волю.

На первыхъ порахъ онъ не замѣчалъ этого. Счастливый тихими мгновеніями покоя, которыя рождались любовью, зачарованный лаской ея, счастливыми глазами Вѣры, онъ, не задумываясь еще, не пугаясь послѣдствій, взлелѣялъ свою красивую любовь... Любовь изъ словъ и нѣжныхъ ласкъ, любовь какъ сказка и мечта, но не активная, но не обычная,—любовь безъ будущаго, но легкая какъ сонъ послѣ рыданій...

Когда онъ опомнился, было уже поздно.

Будто кто-то взялся доказать ему: „смотри, и здѣсь не будетъ тебѣ исхода, и здѣсь, на дѣлѣ любви, явится во всемъ откровеніи твоя неприспособленность, твоя непригодность!"

Такъ вдругъ выступило то, что было настоящимъ Викторомъ, истиннымъ Викторомъ—безумная жажда только прекраснаго и исключительнаго. Безумное стремленіе, загнанное, попранное волей и здѣсь въ любви, наконецъ, поймавшее его цѣликомъ, побѣдное, ликующее.

И онъ, вѣрившій въ силу слова, думавшій, что словомъ можно все создать и все разрушить, обмануть себя и другихъ—здѣсь, въ любви, пересталъ обольщаться мечтами.

Еще дѣлалъ иногда попытки и говорилъ по прежнему:

„А все-таки я женюсь на Вѣрѣ и заживу какъ всѣ. Когда любятъ, тогда рождаютъ дѣтей—продолжаютъ любовь".

Но опутать своей любви не удавалось.

И то, что дѣлаетъ ее всегда прекрасной, зародыши жизни, которые пробиваются черезъ нее, стало вдругъ немыслимо въ его чувствѣ къ Вѣрѣ—такъ великъ былъ страхъ, что вслѣдъ за наслажденіемъ придетъ, должно будетъ придти, и отвращеніе, и то близкое, скверное, что губитъ ароматъ весны и неизвѣданнаго. Придетъ все то пошлое и обыденное, чего онъ хотѣлъ для жизни, но что было невыносимо теперь въ его любви и въ Вѣрѣ.

„Когда дѣло касалось моего устройства, какъ врача", — думалъ мучительно Викторъ однажды, послѣ свиданія съ Вѣрой, на которомъ она горячо говорила о ихъ будущемъ вдвоемъ, навсегда вдвоемъ,— „когда дѣло касалось моихъ мечтаній стать въ рядъ съ другими, еще возможно было бы, какъ это ни трудно,

побороть себя, чтобы такъ, шагъ за шагомъ, постепенно, какъ въ болотѣ, завязнуть и ужъ не вырваться оттуда, не взмахнуть больше крыльями... А такъ, оставшись навсегда прикрѣпленнымъ къ одному мѣсту, къ своему, къ мѣсту врача, любоваться міромъ... Надъ головой проходятъ весна и лѣто, солнце и дождь, радость и горе, осень, зима, проходитъ жизнь, прекрасная въ своей повторенности и обыденности, а ты стоишь, прикрѣпленный къ землѣ, твердо увѣренный, что ничто тебя не унесетъ отсюда, потому что ты—одно изъ звеньевъ цѣлаго... Стоишь и, запрокинувъ голову, слѣдишь, какъ проходитъ она, всегда одна и та же и потому прекрасная, точно стая птицъ въ небѣ—плавная, еле подвижная и будто покойная...

„Но опутать любви нельзя!“

„И теперь — думалъ Викторъ — одной рукой я хочу утвердить себя, другой—разрушаю, топоромъ рублю по ногамъ. Потому что любовь моя—это ужъ конецъ мой...“

Какъ врачъ, ставящій осторожно діагнозъ, онъ задумывался надъ собой и долго думалъ, боясь ошибиться, а потомъ, застывшій отъ внутренняго ужаса, не смѣлый и правдивый, на этотъ разъ, выражалъ все то, что не поддавалось ужъ словамъ, въ одномъ восклицаніи:

„Скверно!..“

Оставаясь наединѣ съ собой, уставшій отъ мыслей, которыя какъ тучи мошекъ шевелились въ головѣ, онъ сталъ теперь безсознательно повторять однообразно это слово „скверно“, и оно пошло за нимъ, какъ тѣнь, тѣсно сплетенное со всѣмъ его существованіемъ, со всѣми его мыслями и чувствами.

А Вѣра ни о чемъ не догадывалась еще.

Точно то, что она чувствовала до сихъ поръ къ Виктору—послѣдній годъ тоски по немъ и мечты о немъ — было узкой рѣчкой, затерянной гдѣ-то въ пескахъ, заглушенной водорослями и травами, а теперь, съ пріѣздомъ его, разлилось и впало въ море и унесло ее съ собой—такъ очутилась она теперь только во власти своей любви.

Точно она прежде не жила, не знала себя, границъ своихъ. Она вдругъ вся преобразилась и зажила какой-то странной жизнью, гдѣ не было ея, не было ни ея привычекъ, ни ея друзей, ни занятій, а было только одно громадное, безконечное,—и это громадное называлось Викторомъ.

Все, что было въ ней, было Викторомъ, потому что въ ней

уже ничего не было, кромѣ мыслей, прямыхъ и окольныхъ—о немъ, кромѣ чувствъ, сильныхъ и нѣжныхъ—къ нему.

Все, что было вокругъ нея, было Викторомъ,—и это было чудомъ, но это такъ: всѣ говорили только о Викторѣ, всѣ думали только о Викторѣ — потому что лишь слова о немъ достигали ея слуха. Всѣхъ влекло къ Виктору и всѣ любили Виктора, всѣ нуждались въ немъ; поэтому такъ полонъ людьми былъ домъ Степана, и Лизочка не сводила съ него глазъ, и Степанъ проводилъ съ нимъ свои дни, и даже Андрей Ѳедоровичъ Коломейцевъ, сухой и необщительный, и тотъ только думалъ и говорилъ о Викторѣ.

Всѣ говорили о немъ и думали о любви...

И когда онъ сидѣлъ у Вѣры въ комнатѣ и гасили огонь—онъ не любилъ свѣта—Вѣра слушала дивную музыку любви, и кто ее игралъ, она знала: то Викторъ легкимъ смычкомъ своихъ словъ, волшебнымъ смычкомъ, водилъ по ея струнамъ.

А онъ говорилъ: „Я тебя люблю, Вѣра, и моя любовь—это отдыхъ, моя любовь—это то, что не причиняетъ ни мукъ, ни радостей. Когда я тебя люблю, я ничего не хочу; я не хочу жизни, я не хочу смерти, я ничего не добиваюсь, ни за что не борюсь—я весь тихій и спокойный, будто я жилъ вѣчность и буду жить вѣчность, но не въ борьбѣ и не въ движеніи, а лишь въ покоѣ...“

Дивныя слова, какъ смычки, ходили по струнамъ, и Вѣра слушала свою музыку, свои пѣсни, которыя рождались въ ней.

„Нѣтъ больше морей и океановъ, манящихъ ширью, нѣтъ блеска, и радости, и солнца—я сижу съ тобой, Вѣра, на маленькомъ пароходѣ, на немъ только одинъ маленькій капитанъ... Разсвѣтъ... Начинается сѣрый, мглистый, однотонный, беззвучный день — я сижу съ тобой на палубѣ, на боковой скамьѣ, и мы одни, и мы прижались другъ къ другу — вотъ такъ... Мы въ плащахъ, я держу твои руки въ своихъ подъ плащомъ — вотъ такъ... Тихо, безшумно скользимъ мы по каналамъ... Вода черная, даль сѣрая, небо сѣрое—мы скользимъ по каналамъ...

„Опускаются шлюзы, шумитъ напоръ воды, поднимаются шлюзы—мы скользимъ по каналамъ...

„Поднимаются шлюзы, шумитъ напоръ воды, опускаются шлюзы—перекликаются люди на берегу, кричитъ нашъ капитанъ—мы скользимъ по каналамъ...

„Мороситъ мелкій дождикъ—я держу въ своихъ рукахъ твои...“

Р. Шенталь.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Одинокій мѣсяцъ на небѣ маячитъ,
Тихо и печально въ блѣдной вышинѣ.
Тамъ, въ странѣ далекой, кто-то горько плачетъ,
Кто-то, неутѣшный, плачетъ обо мнѣ.

Тихо льются слезы, чью-то грудь волнуя.
Равнодушный мѣсяцъ щеки серебритъ.
Тамъ уста безумно жаждутъ поцѣлуя,
Сердце изстрадалось отъ дневныхъ обидъ.

Курятся туманы, словно городъ дышетъ,
Легкое журчанье льется въ тишинѣ.
Но сквозь шумъ дыханья сердце чутко слышитъ,
Какъ въ странѣ далекой плачутъ обо мнѣ.

Обгоняя думы, заглушая муки,
Бродитъ гдѣ-то въ сердцѣ тусклая мечта.
Ночь подстерегаетъ чуждые ей звуки,
Слезы и рыданья гаситъ темнота.

Звонкое, какъ арфа, сердце многострунно,
Тронь его любовью—зазвенитъ оно.
Если жъ ночь пустынна, если ночь безлунна,
Не рыдаютъ струны и въ душѣ темно.

Тамъ, въ странѣ далекой, близкій мой рыдаетъ,
Будитъ скорбью сердца дремлющую тишь.
Все свѣтлѣй и ярче мѣсяцъ выплываетъ,
Серебря откосы побѣлѣвшихъ крышъ...

А. Рубакинъ.

НАЦІОНАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЖИЗНИ АВСТРІИ

Разношерстная по своему этнографическому составу австро-венгерская имперія—въ особенности и въ частности ея западная половина, Австрія,—представляетъ собою настоящую лабораторію современнаго національнаго строительства. Имѣются на земномъ шарѣ еще страны, въ которыхъ живутъ перемѣшанныя между собою національности, напримѣръ Швейцарія и Бельгія, Россія и Турція. Но въ то время, какъ въ первыхъ двухъ государствахъ національный вопросъ, благодаря своеобразію историческихъ и географическихъ условій, уже давно получилъ счастливое разрѣшеніе, а въ двухъ другихъ онъ еще до извѣстной степени заслоненъ вопросами общаго политическаго устройства, Австрія трепещетъ всѣми тревогами и заботами національной борьбы. Соотвѣтственно этому основному характеру политической жизни современной Австріи, особаго вниманія заслуживаетъ одна черта въ строеніи австрійскихъ политическихъ партій: это—совмѣщеніе въ немъ моментовъ политической и національной организаціи. Политическая сторона австрійскихъ партійныхъ теченій не представляетъ собою ничего особеннаго, специфически-австрійскаго; но этого далеко нельзя сказать о другомъ—національномъ теченіи. Австрія проявила здѣсь своеобразную эволюцію, чреватую практическими послѣдствіями и полную высокой поучительности для всѣхъ другихъ странъ съ разноплеменнымъ составомъ населенія.

Безъ малаго семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Адамъ Мицкевичъ, въ своихъ „лекціяхъ о славянской литературѣ“, изображая государственное устройство Австріи до революціи 48-го года, писалъ: „эта имперія насчитываетъ 34 милліона жителей; въ сущности же въ ней не болѣе 6 милліоновъ душъ, ибо 6 милліоновъ нѣмцевъ держатъ у себя въ подчиненіи 28 милліоновъ остальныхъ жителей“ [1]). Въ эпоху первоначальнаго государственнаго строительства Австрія не знала политическихъ правъ подданныхъ; ей была чужда мысль о народномъ представительствѣ. Надъ Австріей, какъ и надъ почти всей Европой, рѣяла мысль Вольтера, воплощенная въ слѣдующемъ, не лишенномъ остроумія афоризмѣ: „Если я уже долженъ служить, то я служу охотнѣе одному сильному льву изъ гордаго королевскаго рода, чѣмъ двумъ-стамъ мышамъ изъ своего собственнаго рода“. При господствѣ такихъ государственно-правовыхъ воззрѣній, національность и языкъ не могли играть никакой роли въ Австріи въ эту историческую эпоху. Австрійское государство мыслилось какъ централистическое, и притомъ нѣмецкое. Нѣмецкій языкъ долженъ былъ быть господствующимъ въ странѣ.

Въ зависимости отъ такого укоренившагося взгляда на политическую этнографію Австріи, государственный дѣятель первой половины прошлаго вѣка, Бахъ, утверждалъ, въ 1850-мъ году, что „черезъ 25 лѣтъ никто не будетъ говорить ни по-мадьярски, ни по-чешски“.

Есть еще болѣе разительный примѣръ аналогичныхъ предсказаній касательно этнографическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическаго характера будущей Австріи. Я разумѣю предсказаніе Карла Маркса. Около того же времени, касаясь изданнаго въ 1848-мъ году Бакунинымъ „Воззванія къ славянамъ“, Марксъ писалъ: „*Справедливость, человѣчность, свобода, равенство, братство, независимость* — до сихъ поръ мы не нашли въ этомъ панславистскомъ манифестѣ ничего кромѣ этихъ болѣе или менѣе этическихъ категорій, красиво звучащихъ, но въ историческихъ и политическихъ вопросахъ ровно ничего не доказывающихъ. *Справедливость, человѣчность, свобода* и т. д. могутъ тысячу разъ требовать того или другого; но если дѣло оказывается невозможнымъ, то оно не осуществится и останется, вопреки всему, пустымъ сновидѣніемъ“. „Сновидѣніемъ“, значитъ, Марксъ считалъ мечты австрійскихъ славянъ о національной независимости, ко-

[1]) Руд. Шпрингеръ, „Политическая эволюція національностей въ Австро-Венгріи“ въ сборн. „Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ“, изд. подъ ред. А. И. Кастелянскаго“, Спб., 1910, стр. 5.

торую, впрочемъ, онъ отождествлялъ съ независимостью государственной. По его словамъ, „кромѣ поляковъ, русскихъ и, пожалуй, турецкихъ славянъ, ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ будущности; у всѣхъ остальныхъ славянъ отсутствуютъ элементарныя историческія, географическія, политическія и промышленныя условія самостоятельности и жизнеспособности. Народы, которые никогда не имѣли своей собственной исторіи, которые съ самаго того момента, когда они достигли первобытной ступени цивилизаціи, уже находились подъ чужимъ господствомъ, или съ помощью чужого ига забрались на первую ступень цивилизаціи—такіе народы не обладаютъ никакой жизнеспособностью и никогда не сумѣютъ достигнуть какой-либо самостоятельности“ [1]).

Съ невольной улыбкой современный политикъ читаетъ всѣ эти пожелтѣлыя строки. Картина австрійско-нѣмецкихъ отношеній, нарисованная рукою Адама Мицкевича почти три четверти вѣка назадъ, теперь радикально измѣнилась, а рѣшительныя предсказанія Баха и Маркса—кто въ нихъ теперь вѣритъ? Не раздѣляютъ этихъ воззрѣній Маркса даже вѣрные его ученики, соціалдемократы. Касаясь совершенно аналогичнаго взгляда Энгельса, Бауэръ, напримѣръ, называетъ ошибочнымъ мнѣніе, что „націи, не имѣющія исторіи, прошлаго, не могутъ надѣяться на будущее. Этотъ взглядъ теперь окончательно опровергнутъ. Кого не убѣдила еще исторія австрійскихъ націй, того должна была убѣдить исторія русской революціи, поставившей латышей, эстовъ и малороссовъ въ авангардъ революціонной борьбы. И теперь мы, именно благодаря тому методу историческаго изслѣдованія, которому учили насъ Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ, въ состояніи понять причины пробужденія неисторическихъ націй къ исторической жизни, подъ вліяніемъ капитализма, революціи и демократіи“ [2]).

„Историческій методъ“ Маркса и Энгельса, очевидно, приводитъ ихъ изслѣдователей къ серьезнымъ историческимъ ошибкамъ всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о Россіи. Смѣшны, напримѣръ, разсужденія Бауэра о малороссахъ, какъ о націи, не имѣвшей исторіи. Въ сущности, однако, является вполнѣ правильнымъ взглядъ Бауэра на совершенно непредусмотрѣнный

---

[1]) „Der demokratische Panslavismus. Aus dem litterarischen Nachlass von K. Marx“, т. III, Штутгартъ, 1902, стр. 249—252.

[2]) Отто Бауэръ. „Національный вопросъ и соціалдемократія“, перев. съ нѣмецк., Спб., 1909, стр. 283.

Марксомъ фактъ пробужденія неисторическихъ націй, подъ вліяніемъ всей совокупности историческихъ условій новаго времени.

Какъ разъ текущій политическій моментъ рисуетъ картину, діаметрально противоположную той, которая была набросана старыми мыслителями и государственными дѣятелями. Данная минута характеризуется судорожными стремленіями нѣмецкихъ партій къ консолидаціи силъ, къ политическому объединенію, необходимому для успѣшной борьбы съ возрастающей силой славянъ. Разрозненныя нѣмецкія политическія партіи—или, вѣрнѣе, группы — пришли, наконецъ, къ рѣшенію осуществить давно лелѣемую ими мечту: образовать единый компактный національный союзъ. Теперь эта мечта стала совершившимся фактомъ. Три нѣмецкія группы—нѣмецкая прогрессивная партія, нѣмецкій національный союзъ и нѣмецкая радикальная партія—объединились въ одну организацію, подъ названіемъ: „нѣмецкій національный союзъ". Она обнимаетъ 77 депутатовъ.

Съ образованіемъ этого новаго союза, консолидировавшаго силы нѣмецкихъ партій на подобіе противостоящей славянской уніи, партійный составъ австрійскаго парламента выражается въ слѣдующихъ цифрахъ.

Всего въ парламентѣ полагается 516 депутатовъ; изъ нихъ замѣщено теперь 511 мѣстъ; остальныя мѣста остаются вакантными, за выбытіемъ депутатовъ по болѣзни, за неправильностью избранія и т. д.

По партіямъ депутаты распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Партіи правительственнаго большинства.

Христіанско-соціальная партія. . . .	96	голосовъ
Нѣмецкій національный союзъ . . .	77	„
Польскій клубъ	70	„
Латинская унія	19	„
Буковинскіе русины	5	„
Дикіе	2	„
Всего. . . .	269	голосовъ

Оппозиціонныя партіи.

Славянская унія	124	голоса
Соціалъ-демократы	89	„
Галиційскіе русины.	20	„
Еврейскій клубъ.	4	„
Дикіе	5	„
Всего. . . .	242	голоса [1])

[1]) Теперь, за смертью еврейскаго депутата Габеля и замѣщеніемъ его русин-

Даже поверхностнаго взгляда на приведенную табличку достаточно для убѣжденія въ томъ, что большинство партій австрійскаго рейхсрата организовано по національному принципу. Къ числу такихъ національныхъ организацій относятся всѣ партіи, за исключеніемъ соціалъ-демократіи на лѣвой сторонѣ и христіанско-соціальной партіи на правой сторонѣ парламента. При этомъ въ національныхъ организаціяхъ, особенно въ большихъ, взаимныя тренія составляющихъ ихъ частей, характеризуемыхъ соціально-экономическими и политическими признаками, оказываются весьма ощутительными, выступая зачастую наружу съ полною опредѣленностью и рельефностью. Что общаго, напримѣръ, между младочехами—и словенскими клерикалами, между чешскими реалистами и радикалами—и чешскими же или словенскими аграріями? Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что при постановкѣ отдѣльныхъ соціально-политическихъ проблемъ, при обсужденіи законопроектовъ въ области соціальной политики, составляющей важнѣйшій моментъ современной государственной и общественной жизни, мнѣнія, желанія и требованія отдѣльныхъ названныхъ группъ расходились между собою до безконечности. А между тѣмъ онѣ всѣ вмѣстѣ сидятъ въ парламентѣ, объединенныя въ одну славянскую унію, призванную защищать интересы всего австрійскаго славянства—или, по крайней мѣрѣ, славянскихъ элементовъ, входящихъ въ унію, — противъ посягательствъ и притязаній нѣмцевъ.

Въ польскомъ клубѣ идетъ или, по крайней мѣрѣ, недавно шла глухая борьба между крестьянскими элементами, руководимыми лидеромъ польской-„народной партіи“, депутатомъ Стапинскимъ, съ одной стороны, и остальными „національно-демократическими“, т.-е. попросту буржуазными и феодальными элементами, руководимыми лидеромъ польскаго клуба проф. Гломбинскимъ — съ другой стороны. Наконецъ, вновь образовавшійся нѣмецко-національный союзъ прямо организованъ на такихъ началахъ, что три составляющія его группы—нѣмецкая прогрессивная партія, нѣмецкій національный союзъ и нѣмецкая радикальная партія — выговорили себѣ свободу дѣйствій въ вопросахъ соціальной политики, не затрагивающихъ непосредственно національныхъ интересовъ. Между тѣмъ, въ живомъ организмѣ современной общественной жизни національные интересы, съ одной стороны, и экономическіе и политическіе интересы—съ другой, такъ тѣсно связаны и переплетены между собою, что

скимъ депутатомъ, численность еврейскаго клуба и группы галиційскихъ русинъ соотвѣтственно измѣнилась.

даже самому тонкому діалектику не удастся распутать узловъ, образуемыхъ ими на каждомъ шагу, на любомъ этапѣ государственной и общественной дѣятельности.

Такъ сложно положеніе дѣлъ въ средѣ австрійскихъ политическихъ партій, составленныхъ по типу широкихъ, многогранныхъ національныхъ союзовъ. Изъ партій, построенныхъ по національному принципу, христіанско-соціальная партія представляетъ собою наибольшую мѣшанину какъ въ національномъ, такъ и въ соціально-политическомъ отношеніи. Выступивъ въ моментъ своего возникновенія въ качествѣ вѣрнаго союзника чеховъ и словенцевъ, дававшихъ большое количество мелкихъ избирателей, партія эта къ концу жизни Люэгера стала, особенно въ нижне-австрійскомъ ландтагѣ, на сторону интересовъ нѣмецкаго народа противъ славянскаго „засилія“. Особенно характерны зигзаги этой популярной партіи въ области соціально-экономической, что̀ является логическимъ результатомъ ея смѣшаннаго соціальнаго состава. Партія выступила на сцену политической борьбы и общественнаго движенія какъ представительница интересовъ мелкой городской буржуазіи. Ремесленники, мелкіе торговцы, малосознательные рабочіе, многочисленные въ такой архи-бюрократической странѣ, какъ Австрія, мелкіе чиновники—таковы постоянные кадры этой партіи, ведущей „соціальную“, демократическую или, вѣрнѣе, демагогическую, политику, разсчитанную на психологію низшихъ городскихъ элементовъ. Но эта партія вмѣстѣ съ тѣмъ и „христіанская“. Проникающій ее клерикализмъ и въ особенности образующій ея подлинную соціальную душу антисемитизмъ привлекли въ партію много крестьянскихъ элементовъ. Борьба между среднимъ и отчасти крупнымъ крестьянствомъ, съ одной стороны, и городскими элементами партіи—съ другой, приводятъ къ неразрѣшимымъ конфликтамъ при обсужденіи соціальныхъ мѣропріятій. Многіе предсказываютъ, поэтому, неминуемый крахъ партіи. Отголосокъ такихъ опасеній прозвучалъ въ политическомъ завѣщаніи Люэгера, въ которомъ онъ увѣщаетъ партію не дѣлаться аграрной, а быть представительницей всѣхъ сословій. Совѣтъ вполнѣ основательный, но врядъ-ли осуществимый.

Желѣзной дисциплиной въ вопросахъ экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ отличается другая изъ не-національныхъ партій—австрійская соціалъ-демократія. Стоя на точкѣ зрѣнія интернаціональнаго соціализма, удачно примѣняемаго къ бытовымъ особенностямъ австрійской жизни, партія эта, въ смыслѣ единства воззрѣній и послѣдовательности дѣйствій, представ-

ляетъ собою настоящій оазисъ въ хаосѣ остальныхъ политическихъ группировокъ. Но какъ обстоитъ у этой партіи дѣло въ національной области? По остроумному замѣчанію годичнаго отчета парламентской фракціи соціалъ-демократической партіи, послѣдняя представляетъ собою маленькій мѣстный интернаціоналъ, федерацію національныхъ соціалъ-демократическихъ организацій: нѣмецкой, чешской, польской, русинской, южнославянской и итальянской [1]). Такая группировка соціалъ-демократической организаціи вполнѣ соотвѣтствуетъ національному составу габсбургской монархіи. По послѣдней переписи въ ней оказываются слѣдующіе народы: нѣмцы, чехи, поляки, русины (украинцы), словенцы, сербо-хорваты и румыны. Надо замѣтить, что словенцы, сербо-хорваты и румыны образуютъ одну южнославянскую соціалъ-демократическую организацію. Отношеніе этой организаціи къ общей австрійской соціалъ-демократической партіи еще не вполнѣ оформлено. Въ австрійской народной переписи учтены всевозможныя національности, не забыта даже маленькая румынская нація, образующая, въ общемъ, всего 0,9% общаго населенія—но совершенно опущены евреи. Чужестранцу, которому хотѣлось бы познакомиться съ этнографическимъ составомъ Австріи по оффиціальнымъ даннымъ народной переписи, могла бы придти въ голову мысль, что евреевъ въ Австріи вовсе нѣтъ—и только шумная агитація христіанско-соціальной партіи, дышущей и клокочущей антисемитизмомъ, напомнила бы ему объ ихъ существованіи. Секретъ заключается въ томъ, что вопреки очевиднымъ фактамъ австрійская бюрократія отрицаетъ наличность еврейской національности, усматривая въ евреяхъ лишь вѣроисповѣдную группу. Поразительнѣе всего то, что проникнутая сильными національными тенденціями австрійская соціалъ-демократія относится приблизительно такъ же къ своимъ еврейскимъ Genossen. Евреи живутъ сплошными, компактными массами главнымъ образомъ въ Галиціи и Буковинѣ. Составляя 4,68% населенія всей страны, они образуютъ въ Галиціи 11,4%, въ Буковинѣ 13,3%, достигая въ отдѣльныхъ городахъ 50—60% населенія. Главныя силы еврейской соціалъ-демократической партіи сконцентрированы въ Галиціи, гдѣ евреи долго входили составной частью въ польскую соціалъ-демократію. Но вотъ волны національнаго движенія, чрезвычайно распространеннаго въ Австріи, докатились до евреевъ. Подъ вліяніемъ авто-

[1]) См. „Die Tätigkeit des sozialdemokratischen Verbandes im Abgeordnetenhause. XVIII Session“. Вѣна, 1909.

номныхъ стремленій, свойственныхъ австрійской соціалъ-демократіи, въ 1905-мъ году изъ польской соціалъ-демократіи въ Галиціи выступила группа еврейскихъ товарищей и основала отдѣльную автономную группу: организацію еврейскихъ соціалъ-демократическихъ рабочихъ. Центральное правленіе интернаціональной австрійской соціалъ-демократіи, отрицая самостоятельность еврейской націи, не признало этой группы, и заявило, что еврейскіе соціалъ-демократы, выступивъ изъ польской соціалъ-демократіи, тѣмъ самымъ выступили изъ организаціи австрійскаго интернаціонала. Еврейскіе соціалъ-демократы не согласились съ этимъ рѣшеніемъ центральнаго правленія, и такимъ образомъ было положено основаніе отдѣльной партіи еврейскихъ „сепаратистовъ“ (австрійскаго „бунда“). Еврейскіе сепаратисты представляютъ нынѣ, вѣроятно — временно, единственную національную организацію, не входящую въ составъ австрійскаго интернаціонала. Прочія національныя организаціи, образующія это своеобразное цѣлое, въ національныхъ вопросахъ совершенно автономны, а въ вопросахъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ выступаютъ солидарно и совокупно, какъ единый союзъ. Такой организаціонный принципъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ программой національной автономіи, усвоенной австрійской соціалъ-демократіей въ поискахъ правильнаго разрѣшенія австрійской національной проблемы. Не смотря, однако, на эту правильную постановку всего партійнаго дѣла, внутри интернаціонала не разъ возникали разногласія въ области какъ разъ національныхъ вопросовъ.

Отъ буржуазныхъ національныхъ организацій, принадлежащихъ къ составу тѣхъ же національностей, соціалъ-демократы отмежевались рѣшительно и категорически. Наиболѣе рельефнымъ образомъ это сказалось въ образѣ дѣйствій чешскихъ соціалъ-демократовъ, объявившихъ борьбу противъ самаго дорогого завѣта чешскихъ буржуазныхъ круговъ — противъ требованія „чешскаго государственнаго права“ [1]).

Такъ, приблизительно, обстоитъ дѣло и въ соціалъ-демократическихъ организаціяхъ всѣхъ прочихъ національностей. Объединенная съ буржуазіей каждой данной національности общностью конечной цѣли національнаго движенія, соціалъ-демократія вноситъ въ это движеніе особое содержаніе, намѣчая новые пути и методы дѣятельности. Отдѣльныя соціалъ-демократическія организаціи раз-

[1]) См. Gustav Rolner, „Parlament u. Verfassung in Oesterreich“, т. VI, Вѣна и Лейпцигъ, 1910, стр. 209.

личныхъ національностей связаны между собою единствомъ національной программы и методовъ дѣйствія въ національномъ движеніи. Тѣмъ не менѣе внутри австрійскаго интернаціонала не разъ по національному вопросу возникали тренія. Приведу нѣсколько примѣровъ. Въ 1908-мъ году, по поводу предложенія депутата Вольфа объ учрежденіи нѣмецкой художественной академіи въ Прагѣ, славянскіе соціалъ-демократы выступили противъ предложенія, а нѣмецкіе соціалъ-демократы голосовали за него. Въ іюнѣ 1909-го года, по поводу рѣзкой рѣчи польскаго соціалъ-демократа Дашинскаго, направленной противъ неославянскаго движенія, чешская соціалъ-демократическая группа выразила несогласіе съ содержаніемъ этой рѣчи. Въ ноябрѣ того же года чешской соціалъ-демократіей въ Прагѣ была принята резолюція протеста противъ недостойнаго, по ея мнѣнію, поведенія нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ въ нижне-австрійскомъ ландтагѣ при обсужденіи закона о языкахъ, направленнаго противъ чешской націи. Въ мартѣ 1910-го года, при обсужденіи закона, касающагося огражденія интересовъ словенскаго языка, поляки, русины и всѣ славянскіе соціалъ-демократы высказались за предложеніе, а противъ него голосовали: нѣмецкій національный союзъ, христіанско-соціальная партія и... нѣмецкая соціалъ-демократія. Совсѣмъ недавно въ бюджетной коммиссіи, когда чешскимъ соціалъ-демократомъ Штанекомъ было внесено предложеніе о государственномъ субсидированіи въ Нижней Австріи чешскихъ школъ имени Коменскаго, чешскіе соціалъ-демократы, вмѣстѣ со всѣми чешскими буржуазными партіями, единодушно голосовали за предложеніе Штанека; противъ подали голосъ нѣмецкія буржуазныя партіи и... нѣмецкая соціалъ-демократія. По поводу предстоявшаго интернаціональнаго соціалистическаго конгреса въ Копенгагенѣ чешскій соціалъ-демократъ Немецъ, членъ интернаціональнаго соціалистическаго секретаріата, далъ на столбцахъ чешскаго соціалъ-демократическаго органа „Prawo Lidu“ жестокую отповѣдь нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ. „Нѣмецкіе товарищи въ Вѣнѣ“—читаемъ мы въ этомъ любопытномъ документѣ—„знаютъ только одинъ завѣтъ: или чешскіе соціалъ-демократы безусловно и во всемъ подчинятся и удовольствуются ролью платящаго дань и безвольнаго матеріала при голосованіи, или они будутъ съ нами бороться и уничтожать насъ“. Особенно ясно обрисовался конфликтъ между чешской и нѣмецкой соціалъ-демократіями на послѣднемъ копенгагенскомъ интернаціональномъ соціалистическомъ конгрессѣ, а также на послѣднемъ конгрессѣ австрійскихъ профессіональныхъ союзовъ, по вопросу объ организаціи профессіональнаго движенія:

чешскіе соціалъ-демократы стоятъ на точкѣ зрѣнія самостоятельнаго, „сепаратистскаго“ устройства чешскихъ профессіональныхъ союзовъ, въ то время какъ нѣмецкіе соціалъ-демократы энергично защищаютъ идею всеобщей имперской централизаціи профессіональнаго движенія.

Вопросъ о конфликтахъ между отдѣльными національными частями австрійской соціалъ-демократіи давно уже озабочиваетъ заинтересованныя сферы. Онъ былъ предметомъ обсужденія на послѣднемъ рейхенбергскомъ партейтагѣ австрійско-нѣмецкой соціалъ-демократіи. Одинъ изъ имѣющихся въ этой, въ общемъ стоящей на ревизіонистской почвѣ, партіи ортодоксовъ, соціалъ-демократъ Штрассеръ, замѣтилъ по этому поводу: „По доброму старому соціалъ-демократическому воззрѣнію не существуетъ никакихъ противорѣчій въ интересахъ пролетаріевъ различныхъ національностей. Рабочіе, поэтому, могутъ и должны вести интернаціонально свою освободительную борьбу. Это воззрѣніе существуетъ и въ настоящее время; оно еще никѣмъ не было оспорено. Мы, однако, видимъ, что рядомъ съ этимъ воззрѣніемъ выплываетъ другое, стоящее съ нимъ въ противорѣчіи: воззрѣніе, что между различными національностями существуютъ противорѣчія“. Ораторъ указываетъ на статью въ „Arbeiter-Zeitung“, какъ на примѣръ появленія этого „новаго“ воззрѣнія, и продолжаетъ: „можно говорить о противорѣчіяхъ между опредѣленными слоями одной національности и опредѣленными слоями другой національности, но не о противорѣчіяхъ между цѣлыми націями, противорѣчіяхъ, которыя должны овладѣть также пролетаріатомъ. Насъ касается только вопросъ о томъ, какъ обстоитъ дѣло съ пролетаріатомъ— и тутъ мы должны констатировать, что въ средѣ пролетаріата различныхъ націй и въ національномъ отношеніи не можетъ существовать никакихъ противоположностей. Между буржуазіей различныхъ націй могутъ развиваться національныя противорѣчія, но не между рабочими; рабочіе одной націи нисколько не заинтересованы въ томъ, чтобы выступать противъ національныхъ интересовъ рабочихъ другой націи“.

Таковы разсужденія одного изъ ортодоксальныхъ австрійскихъ марксистовъ, разсужденія стараго типа, въ духѣ коммунистическаго манифеста. Это одинокое мнѣніе не встрѣтило никакого отклика въ средѣ товарищей на партейтагѣ. Наоборотъ, выдающіеся дѣятели и теоретики партіи высказались самымъ категорическимъ образомъ противъ устарѣлаго взгляда Штрассера. Признанный лидеръ партіи, много поработавшій на своемъ вѣку для объединенія національныхъ частей разноплеменной австрій-

ской соціалъ-демократіи, Викторъ Адлеръ, сказалъ по этому поводу: „Никто не питаетъ бо̀льшаго уваженія къ старымъ традиціямъ партіи, чѣмъ я; но мы въ Австріи имѣемъ проклятую обязанность къ нашимъ традиціямъ прибавить кое-что новое. О тѣхъ задачахъ, которыя предъ нами здѣсь стоятъ, ничего не знали наши старыя преданія. Мы не можемъ удовольствоваться указаніями общихъ положеній, такъ какъ теперь имѣются на лицо факты, которые въ эпоху, изъ которой товарищъ Штрассеръ заимствуетъ свои взгляды, вовсе не существовали".

По словамъ знатока національнаго вопроса, Отто Бауэра, произнесеннымъ на томъ же партейтагѣ, „буржуазный міръ на тысячѣ языковъ старается соблазнить" австрійскую соціалъ-демократію, „чтобы она отказалась отъ священнаго положенія объ интернаціональной солидарности". Это буржуазіи, по мнѣнію Бауэра, не удастся. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставитъ такое положеніе: „Пока существуетъ экономическая эксплоатація, до тѣхъ поръ будутъ существовать противорѣчія между націями. Мы не должны отрицать противоположность интересовъ, но мы должны сказать, что знаемъ путь, ведущій къ общественному законодательству и государственному порядку, при которыхъ интересы гармонически сливаются, и желаемъ идти по этому пути и вести по нему націю".

Точку зрѣнія Бауэра всецѣло раздѣлилъ истинный духовный творецъ нынѣшней автономно-національной программы австрійской соціалъ-демократіи, Карлъ Реннеръ (Шпрингеръ). По словамъ делегата Аустерлица, самое „понятіе интернаціональности" австрійская соціалъ-демократія позаимствовала изъ области такихъ отношеній, которыя имѣютъ „только внѣшнее сходство" съ австрійскими.

Таковъ пестрый конгломератъ австрійскихъ партій какъ въ непосредственно политической, такъ и въ національной области. Ситуація создается сложная, уничтожающая возможность опредѣленныхъ политическихъ предсказаній, вносящая въ политику страны и парламента элементы неизвѣстности и запутанности. Внѣшнимъ политическимъ результатомъ спутанности партійныхъ отношеній оказывается довольно грозное явленіе, представляющее собою больное мѣсто въ современномъ австрійскомъ парламентаризмѣ: отсутствіе прочнаго, компактнаго парламентскаго большинства. Мы видѣли, что 269-ти голосамъ правительственнаго большинства въ австрійскомъ рейхсратѣ противостоитъ оппозиція въ 242 голоса. Нормальное, такъ сказать формальное большинство равняется, такимъ образомъ, 27 голосамъ. Но это формальное

большинство не даетъ истиннаго представленія о томъ дѣйствительномъ большинствѣ, съ которымъ обычно работаетъ австрійскій рейхсратъ. Достаточно принять во вниманіе установившееся за послѣднее время оппозиціонное выступленіе польской группы Стапинскаго, чтобы убѣдиться въ эфемерности большинства.

Къ уничтоженію этого основного дефекта парламентской жизни направлены теперь всѣ усилія, объ этомъ теперь неумолчно говорятъ какъ въ правительственныхъ, такъ и въ партійныхъ сферахъ. У славянской оппозиціи на этотъ счетъ существовалъ планъ весьма широкій. Она мечтала о томъ, чтобы съ помощью Стапинскаго передвинуть 70 голосовъ польскаго клуба въ оппозицію, послѣ чего шансы правительственнаго большинства рушились бы окончательно. Мало-по-малу мечты простерлись дальше. Возникъ проектъ, чтобы польскій клубъ, въ числѣ всѣхъ 70 членовъ, вмѣстѣ съ 20 русинами (галицкими), примкнулъ къ славянской уніи: послѣдняя, вмѣстѣ съ соціалъ-демократіей, стоящей, вообще говоря, на сторонѣ справедливыхъ притязаній славянъ, составила бы тогда славянское большинство, которое могло бы вступить въ успѣшную борьбу съ нѣмецкими партіями. Проекты смѣлые, для славянъ весьма заманчивые, но осуществимы ли они?

Весною 1910-го года вождь младочеховъ, хорошо извѣстный въ Россіи Крамаржъ, произнесъ въ рейхсратѣ рѣчь, содержавшую въ себѣ отчетъ о его поѣздкѣ въ Петербургъ по неославянскимъ дѣламъ. Надо было видѣть, какъ скромно выступаетъ въ австрійскомъ парламентѣ этотъ человѣкъ, вершающій за границей грандіозное дѣло объединенія славянъ всего міра. Скромность была неслучайная. Находясь подъ впечатлѣніемъ несомнѣннаго краха новѣйшей всеславянской авантюры, Крамаржъ обнаружилъ крайнюю сдержанность, чрезвычайную умѣренность въ выраженіяхъ и оборотахъ мысли. Онъ объяснилъ, что неославянское движеніе преслѣдуетъ исключительно цѣли экономическія и культурныя, но отнюдь не политическія. Политически Крамаржъ даже не желалъ бы, чтобы Австрія стала славянскимъ государствомъ. Это — замѣчаетъ Крамаржъ — означало бы, что между западными и восточными славянами образовалась большая пропасть, а такое явленіе въ свою очередь представляло бы большую опасность для культурнаго движенія славянства. Славянизировавшаяся Австрія вызвала бы нѣмцевъ на путь рискованныхъ предпріятій, — а это было бы большимъ несчастіемъ для славянскаго дѣла.

Таково, надо полагать, искреннее, составившееся подъ впе-

чатлѣніемъ внушительныхъ событій послѣдняго времени, мнѣніе лидера одной изъ крупнѣйшихъ славянскихъ націй въ Австріи, лидера младочешской партіи, буржуазно-шовинистическія воззрѣнія которой въ области національнаго вопроса достаточно извѣстны. Но, помимо указанныхъ Крамаржемъ большихъ и отдаленныхъ опасеній, существуютъ непосредственныя затрудненія для консолидаціи славянскихъ силъ въ Австріи. Когда говорятъ объ австрійскихъ славянахъ, то немедленно мерещится картина борьбы славянъ съ нѣмцами. Нельзя, однако, забывать, что въ Австріи есть области, гдѣ борьба между нѣмцами и славянами отступаетъ на задній планъ, совершенно стушевываясь предъ внутренней борьбой славянъ между собой. Такъ, напримѣръ, „Галиція, Буковина и Далмація остались странами, лежащими внѣ сферы нѣмецкихъ интересовъ“ [1]). Особенное вниманіе обращаетъ на себя въ этомъ отношеніи Галиція, арена издавна разыгрывающейся борьбы между поляками и украинцами. Эта борьба до того овладѣла интересами населенія, настроеніемъ страны, что, какъ правильно замѣчаетъ одинъ авторъ, въ Галиціи долго даже не знали о существованіи несомнѣнно имѣющихся тамъ нѣмцевъ [2]). Польскій клубъ, заинтересованный въ утвержденіи своего господства, надъ Галиціей, не сталкивается непосредственно съ нѣмцами, съ которыми живетъ въ полномъ мирѣ и согласіи. Оттого польскій клубъ и занимаетъ въ парламентѣ мѣсто въ рядахъ правительственнаго большинства; оттого предсѣдатель польскаго клуба, проф. Гломбинскій, успѣлъ занять въ разыгравшихся въ послѣднее время нѣмецко-чешскихъ распряхъ нейтральное положеніе, систематически служа—вполнѣ, впрочемъ, безуспѣшно — посредникомъ, примирителемъ между обѣими сторонами. Разсчитывать при такихъ обстоятельствахъ на присоединеніе къ славянской уніи польскаго клуба, индифферентнаго или даже болѣе или менѣе благорасположеннаго къ интересамъ нѣмцевъ и въ то же время непримиримо враждующаго съ русинами, значитъ игнорировать стремленіе поляковъ къ реальной политикѣ. Правда, съ явнымъ расположеніемъ къ русинамъ относится одна часть польскаго общества въ Галиціи—польскіе соціалъ-демократы. Въ нескончаемой исторической распрѣ между поляками и русинами польскіе соціалъ-демократы, отдѣлавшіеся отъ націоналистическихъ предразсудковъ и стоящіе на

[1]) Dr. Heinisch, „Einige neue Zahlen zur Statistik der Deutschösterreicher“, Вѣна и Лейпцигъ, 1909, стр. 13.

[2]) Dr. Wiessner, „Einführung in die deutschoesterreiche Politik“, Дрезденъ и Лейпцигъ, 1910, стр. 152.

демократической почвѣ защиты русинскаго трудового населенія отъ гнета польской феодальной аристократіи, разъ навсегда заняли весьма благородную позицію. Они систематически выступаютъ защитниками угнетеннаго русинскаго населенія, сплошь демократическаго по своему составу. И въ томъ самомъ засѣданіи рейхсрата, въ которомъ исповѣдался Крамаржъ, а предсѣдатель польскаго клуба, проф. Гломбинскій, произнесъ рѣчь о насущныхъ нуждахъ Галиціи, польскій соціалъ-демократъ Дашинскій опредѣленнымъ образомъ выступилъ противъ свойственной господствующимъ польскимъ элементамъ „ненависти къ русинамъ“ и высказалъ мысль, что польскій клубъ лишь тогда выиграетъ въ силѣ, когда прекратится вѣчная, дикая борьба его съ русинами. Расположеніе польскихъ соціалъ-демократовъ къ русинамъ и оппозиціонное отношеніе ихъ къ польскому клубу не можетъ, однако, вліять на конструкцію славянской уніи, къ которой сами соціалъ-демократы не принадлежатъ. Съ другой стороны, помимо отсутствія непосредственнаго интереса для польскаго клуба къ вступленію въ славянскую унію, существуютъ въ этомъ отношеніи непреодолимыя препятствія и для русинъ. Непосредственно не заинтересованные въ перипетіяхъ борьбы прочихъ австрійскихъ славянъ съ нѣмцами, вѣчно занятые своими сложными, непріязненными отношеніями къ полякамъ, русины не имѣли до сихъ поръ реальныхъ побужденій къ вступленію въ славянскую унію и оставались все время внѣ ея. Впрочемъ, съ недавняго времени, именно съ конца лѣта прошлаго года, въ политическомъ настроеніи русинъ произошла кардинальная перемѣна. Какъ неоднократно объясняли въ своихъ рѣчахъ лидеры галиційскихъ русинъ, Романчукъ, Левицкій и другіе, русины считаютъ политической ошибкой свое воздержаніе отъ участія въ славянской уніи. Лишенные поддержки прочихъ славянъ, русины оказались изолированными въ своей борьбѣ съ поляками, съ польскимъ клубомъ, который, опираясь на поддержку благорасположенныхъ къ нему нѣмецкихъ сферъ и австрійской бюрократіи, мало-по-малу сдѣлался полнымъ хозяиномъ въ Галиціи. Вступленіе русинъ въ славянскую унію было принципіально рѣшено. Возникаютъ, однако, серьезныя практическія затрудненія. Дѣло въ томъ, что русины естественно ставятъ необходимымъ условіемъ своего вступленія въ унію извѣстныя гарантіи со стороны послѣдней, въ смыслѣ огражденія ихъ національно-политическихъ интересовъ въ Галиціи. Но эти интересы находятся въ самой гущѣ польскихъ интересовъ и отношеній. Поэтому, вступленіе на путь огражденія русинскихъ интересовъ въ

Галиціи означало бы для славянской уніи созданіе ряда конфликтовъ съ польскимъ клубомъ, въ симпатіяхъ котораго чехи—главный составной элементъ славянской уніи—особенно въ послѣднее время прямо заинтересованы. Врядъ-ли, поэтому, возможно серьезно надѣяться на скорое пополненіе рядовъ славянской уніи нынѣ не входящими въ ея составъ славянами.

Въ этой плоскости лежатъ вѣроятные пути ближайшей эволюціи австрійскихъ политическихъ отношеній. Славянство въ Австріи не представляетъ собою въ настоящее время единаго цѣлаго, и мысль о раздѣленіи всей габсбургской монархіи на два рѣзко противоположныхъ политическихъ лагеря—славянскій и нѣмецкій—по самому существу своему неосуществимо. Консолидація политическихъ силъ страны, созданіе прочнаго, обезпеченнаго парламентскаго большинства, крайне необходимаго для проведенія въ жизнь соціальнаго законодательства, ради котораго цѣною столькихъ жертвъ массъ народа купленъ парламентъ всеобщаго избирательнаго права—все это будетъ достигнуто другимъ, болѣе доступнымъ, при наличныхъ буржуазныхъ условіяхъ, путемъ. Нѣмцы и поляки постигли секретъ мирнаго сосуществованія. Теперь очередь за чехами. Отношенія къ нимъ нѣмцевъ сложнѣе, запутаннѣе, острѣе. Но рядомъ уступокъ, на которыя вынуждены пойти правительство и нѣмецкія партіи, къ тому же терпящія безпрерывныя контръ-преслѣдованія со стороны чеховъ въ Богеміи, будетъ наконецъ сломлена чешская оппозиція, по крайней мѣрѣ оппозиція господствующихъ чешскихъ партій. Слишкомъ неестественно и ненормально объединеніе, подъ вліяніемъ національнаго гнета, чешскихъ и словенскихъ клерикаловъ, чешскихъ и словенскихъ аграріевъ съ соціалъ-демократами! И въ противовѣсъ правительственному большинству, состоящему изъ нѣмецкихъ, чешскихъ, польскихъ и, пожалуй, словенскихъ буржуазныхъ партій, останутся на полѣ политической борьбы истинно демократическіе и соціалистическіе элементы, въ союзѣ съ маленькими, угнетенными національностями, шагъ за шагомъ отстаивающими свои національно-политическія права. Всего вѣроятнѣе, что изъ двухъ типовъ политическихъ союзовъ, существующихъ въ настоящее время въ Австріи—объединенія всѣхъ политическихъ и соціально-экономическихъ элементовъ народа и народовъ въ одинъ національный союзъ, по типу славянской уніи, или же объединенія въ одно цѣлое всѣхъ однородныхъ политическихъ и соціально-экономическихъ элементовъ всѣхъ живущихъ въ странѣ національностей, по типу соціалъ-демократическаго интернаціонала—уцѣлѣетъ послѣдній, какъ наи-

болѣе удовлетворяющая жизненнымъ интересамъ политической борьбы форма организаціи. И борьба какъ въ политической, такъ и въ національной области будетъ идти между господствующимъ большинствомъ—и бьющимся за свои права и за общую справедливость угнетеннымъ меньшинствомъ.

Таковъ вѣроятный, на мой взглядъ неминуемый выходъ изъ переживаемой современною Австріей тяжелаго парламентскаго кризиса. Таковы естественные этапы политическаго развитія въ современномъ государствѣ, испытывающемъ борьбу народившагося капиталистическаго режима съ дряхлѣющимъ феодальнымъ строемъ—борьбу, осложненную наличностью одиннадцати національностей, находящихся въ вѣчномъ антагонизмѣ между собою.

М. Ратнеръ.

ЭТЬЕНЪ МЭЙРАНЪ

Отрывки изъ романа Ипполита Тэна.

H. Taine. Étienne Mayran. Fragments. Avec une préface par Paul Bourget.

Первыя восемь главъ романа, задуманнаго Ипполитомъ Тэномъ, были написаны осенью 1861-го или въ началѣ 1862-го года, когда авторъ пользовался уже извѣстностью какъ ученый, философъ и историкъ литературы. Тэна тянуло къ художественному творчеству, и по свойствамъ своего дарованія онъ имѣлъ всѣ данныя къ тому, чтобы сдѣлаться выдающимся беллетристомъ натуралистической школы. Не разъ останавливался онъ надъ вопросомъ, какъ примирить свою страсть „къ яркимъ впечатлѣніямъ, словамъ и образамъ“ съ стремленіями мыслителя, имѣющаго дѣло съ „рядами идей“. „Складъ моего ума—писалъ онъ въ октябрѣ 1862-го года—напоминаетъ скорѣе художника, чѣмъ писателя. Я борюсь между двумя тенденціями... По принципу я стараюсь устанавливать ряды идей, въ родѣ Маколея, и въ то же время я хочу имѣть живую образность Стэндаля, поэтовъ и художниковъ“. Тэнъ и началъ писать романъ въ духѣ Стэндаля, выбравъ интересную тему—изображеніе литературно-педагогической богемы сороковыхъ годовъ въ Парижѣ; но онъ ограничился описаніемъ первыхъ лѣтъ ученія въ одномъ изъ пансіоновъ, подготовлявшихъ дѣтей къ конкурснымъ экзаменамъ, и не пошелъ дальше. Онъ забросилъ свою рукопись и отказался отъ мысли о беллетристикѣ.

Въ двухъ книжкахъ „Revue des deux Mondes“ за 1909-ый годъ были впервые напечатаны сохранившіяся главы романа Ипо-

лита Тэна, съ обстоятельнымъ вступительнымъ этюдомъ Поля Буржé. Осенью 1910-го года эти „отрывки“, вмѣстѣ съ статьею Бурже, вышли отдѣльною книгою въ изданіи Гашеттъ. Въ замѣткѣ „отъ издателей“ указывается на ошибочность предположенія, что очерки Тэна имѣютъ характеръ автобіографіи. „Очевидно, — говорятъ издатели, — что авторъ широко пользовался личными воспоминаніями для возстановленія обстановки и жизни парижскаго учебнаго пансіона приблизительно 1845-го года и для анализа умственнаго пробужденія юноши подъ вліяніемъ изученія классиковъ, его вступленія въ міръ идей и зачатковъ общаго образованія. Но, какъ легко убѣдиться изъ фактическихъ свѣдѣній, заключающихся въ первомъ томѣ біографіи Тэна, изданной въ 1902-мъ году (H. Taine, sa vie et sa correspondance), ни по условіямъ обстановки, ни по событіямъ юности, нѣтъ ничего общаго между Тэномъ и Этьеномъ Мэйраномъ: Этьенъ Мэйранъ является въ этомъ отношеніи только героемъ романа“.

I.

Катастрофа.

Первое точное воспоминаніе Этьена Мэйрана относится ко дню, когда ему исполнилось четырнадцать лѣтъ; но оно возставало въ его памяти такъ ясно, такъ сильно, что пятнадцать лѣтъ спустя онъ представлялъ себѣ малѣйшія подробности этого дня, всю обстановку, физіономіи людей, ихъ жесты, съ такой опредѣленностью, какъ будто все это происходило сейчасъ.

Было приблизительно два часа утра. Старая служанка растолкала Этьена, чтобы заставить его подняться съ постели. Онъ открылъ глаза, перепуганный этой растрепанной, растерянной фигурой, рѣзко выступавшей передъ нимъ при тускломъ свѣтѣ огарка: „Господинъ Этьенъ, вашъ отецъ очень боленъ“ — и вдругъ она разрыдалась. „Одѣвайтесь поскорѣе, священникъ уже тамъ“. Этьенъ машинально, торопливо сталъ одѣваться, при чемъ служанка помогла ему натянуть рукава. „Что, онъ очень плохъ?“ — спросилъ онъ. Этьенъ не представлялъ себѣ ясно, что означали эти слова, и спустился внизъ, какъ человѣкъ, котораго толкаютъ въ воду и который не знаетъ, куда онъ упадетъ.

Внизу комната показалась ему вдругъ ярко освѣщенною. По серединѣ — приходскій священникъ въ бѣломъ стихарѣ и рядомъ съ нимъ маленькій пѣвчій, одной рукой державшій флягу съ

масломъ, другою протиравшій глаза, такъ какъ и его разбудили внезапно. Этотъ сельскій священникъ, этотъ мальчикъ въ большихъ сапогахъ и съ грязными руками, были пятномъ въ нарядной комнатѣ. Отецъ Этьена просилъ аббата не печалиться такъ, указалъ ему на кресло, предлагая погрѣться, и поговорилъ съ нимъ о погодѣ. Затѣмъ онъ позвалъ Этьена и, нѣжно улыбаясь ему, сказалъ: „Этьенъ, нужно стараться не очень грустить. Это ни къ чему не служитъ и притомъ пачкаетъ платки. Работай прилежно, мой бѣдный мальчикъ: это дастъ тебѣ возможность покупать бифштексы и избѣгнуть чахотки. Господинъ аббатъ, позвольте мнѣ поступить невѣжливо: мнѣ хотѣлось бы остаться вдвоемъ съ Этьеномъ въ послѣдній мой часъ. Ступай, Катерина, ты можешь идти въ типографію и заказать извѣщенія“.

Со своей изысканной вѣжливостью онъ имѣлъ такой повелительный видъ, что всѣ его послушались. Онъ велѣлъ мальчику взять книжку Вольтера, „Задигъ“, и читать вслухъ. Это продолжалось полчаса; каждый разъ когда Этьенъ переворачивалъ страницу, онъ взглядывалъ на отца и видѣлъ, какъ дыханіе слегка колебало одѣяло. Онъ читалъ безъ особеннаго трепета, потому что въ этой комнатѣ не было ничего особенно грустнаго. Душистыя лепешки догорали на подставкѣ. Красные и голубые цвѣты граціозно свѣшивались съ камина, въ которомъ ярко горѣлъ огонь.

Когда Этьенъ дошелъ до исторіи грифовъ, онъ замѣтилъ, что одѣяло не колеблется болѣе и что глаза отца закрыты, а ротъ раскрытъ. Этьенъ умолкъ, изъ боязни разбудить отца. Въ это время вошла служанка и сказала съ рыданіемъ: „Онъ умеръ“. Не то чтобы она была очень огорчена,—она всего годъ какъ у нихъ служила,—но ничтожнѣйшія волненія свои она выражала очень шумно, какъ это бываетъ у людей изъ простонародья. Тѣмъ не менѣе она была очень ласкова съ мальчикомъ и, видя его неподвижнымъ, съ широко раскрытыми глазами, проводила Этьена въ его комнату и оставалась съ нимъ, пока онъ не уснулъ.

У Этьена были странныя сновидѣнія и нѣсколько разъ онъ вскрикивалъ во снѣ. Утромъ, одѣваясь, онъ вздрагивалъ, какъ будто его лихорадило. Служанка, изъ сочувствія, выбрала ему самую большую котлетку, и не пила, какъ всегда, вино прямо изъ бутылки. Но горло у Этьена точно было сдавлено: онъ не пытался даже что-нибудь съѣсть или выпить. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ дверямъ комнаты, гдѣ лежалъ его отецъ, но ноги подкашивались, какъ только онъ доходилъ до порога; онъ не осмѣливался повернуть ручку, дрожа при мысли о шумѣ, который

при этомъ произведетъ. Долго разсматривалъ онъ полоски треснувшаго дерева, маленькія щелки облупившейся политуры, думая о томъ, какъ отецъ нѣсколько разъ говорилъ, что слѣдуетъ подкрасить дверь, но не сдѣлалъ этого, боясь запаха. Потомъ онъ невольно перевелъ взглядъ на рѣзные квадратики, окаймлявшіе дверь, и слѣдилъ за ними съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, что ему показалось, будто дверь движется сама собою и рама извивается какъ червякъ. Онъ поднимался и спускался нѣсколько разъ въ теченіе утра. Черезъ часъ Катерина пришла, чтобы отвести его къ учителю школы, въ которой онъ учился. Человѣкъ этотъ обратился къ нему съ нѣсколькими банальными фразами и наконецъ догадался оставить его одного въ углу сада. Этьенъ пробовалъ искать раковинъ въ пескѣ аллеи и разставлялъ ихъ рядами на скамейкѣ. Онъ чертилъ также цифры и какъ идіотъ провелъ такимъ образомъ все послѣобѣденное время. Прекрасное голубое небо сіяло надъ его головой, осенніе лучи солнца косо падали на влажную траву; но онъ былъ взволнованъ и удрученъ, ему такъ же было не по себѣ, какъ во время бури въ ненастный день, когда громъ гремитъ и черныя тучи низко опускаются на землю. Этьенъ подумалъ, не побѣгать ли—и ужаснулся одной этой мысли. Онъ хотѣлъ поговорить съ учителемъ, но мысль эта причинила ему еще бо̀льшую боль, чѣмъ предыдущая. Хотѣлъ заплакать, но не могъ. Вечеромъ его проводили домой, и опять служанка уложила его спать. Тяжесть туманныхъ сновъ и тоскливый страхъ, мучившій его въ теченіе всего дня, были слишкомъ сильны для его хрупкаго организма.

Около десяти часовъ утра восемь или десять почетныхъ лицъ, которымъ Мэйранъ послалъ свою карточку, когда поселился въ этой мѣстности, вошли въ маленькую залу, находившуюся рядомъ съ комнатой покойника. Этьена привели, и онъ увидѣлъ нѣсколько скучающихъ фигуръ, которыя видимо не желали казаться равнодушными. Они поздоровались съ нимъ, что̀ показалось ему страннымъ, такъ какъ онъ былъ еще слишкомъ малъ, чтобы съ нимъ здоровались. Этьенъ изъ приличія не садился и не разговаривалъ. Отъ времени до времени кто-нибудь изъ присутствовавшихъ откашливался, чтобы поддержать свое достоинство. Паркетъ трещалъ отъ тяжести тѣлъ, когда переминались съ ноги на ногу. Мэръ, толстый, только-что побрившійся господинъ, съ шрамами отъ бритвы, хотѣлъ обратиться къ нему съ рѣчью и даже высморкался, чтобы лучше собраться съ мыслями; но, не зная, что̀ можно сказать мальчику, онъ довольствовался тѣмъ, что еще сильнѣе откашлялся, очищая рукавъ

своего сюртука, къ которому присталъ комокъ грязи. Это продолжалось три четверти часа. Этьенъ, неподвижно стоявшій у угла камина, опустилъ наконецъ глаза, не смѣя взглянуть на этихъ людей, такихъ большихъ и мрачныхъ. Онъ все-таки старался быть спокойнымъ, потому что чувствовалъ, что на немъ лежитъ какая-то обязанность. Среди столькихъ физическихъ впечатлѣній это было его первое душевное волненіе.

Вскорѣ послышалось бормотаніе пѣвчихъ и процессія тронулась въ путь. Школьный учитель изъ жалости взялъ Этьена за руку. Въ церкви онъ пассивно становился на колѣни и поднимался, какъ ему указывали. Онъ чувствовалъ, что съ нимъ случилось что-то необыкновенное, такъ какъ всѣ глаза были устремлены на него. Онъ говорилъ себѣ: „Отецъ мой умеръ“—и упрекалъ себя, что недостаточно горюетъ. Онъ понималъ, что долженъ былъ плакать и что всѣ смотрятъ на его глаза, желая увидѣть въ нихъ слезы. Этьенъ подумалъ, что надо взять носовой платокъ и сдѣлать видъ, что вытираетъ глаза; но ему стало противно такое притворство. Къ тому же въ этомъ моментъ, помимо его воли, мысли его далеко уходили отъ покойника. Ему казалось, что серебристые лучи свѣта, дрожавшіе на подсвѣчникахъ, проникаютъ ему до дна глазъ. Шумъ отъ духовыхъ трубъ органа дѣйствовалъ на него ужасающимъ образомъ, и запахъ сырости хваталъ его за горло. Тѣмъ не менѣе онъ довольно хорошо держался на ногахъ и шелъ за гробомъ до того момента, когда приблизились къ кладбищу; но тамъ вѣтеръ, шумѣвшій въ его ушахъ, слился въ такую мрачную гармонію съ шумомъ шаговъ кортежа, съ отрывочными разговорами, съ дрожащими голосами пѣвчихъ, что нервы его не выдержали. Онъ громко заплакалъ и замѣтилъ, что сосѣди смотрѣли на него съ большею жалостью, чѣмъ раньше. Тогда ему стало стыдно, такъ какъ въ глубинѣ души онъ не чувствовалъ себя болѣе огорченнымъ, чѣмъ прежде, въ церкви. Онъ назвалъ себя лжецомъ и старался умолкнуть, но физическій припадокъ становился все сильнѣе, и онъ противъ воли испускалъ крики, спотыкаясь объ камни. Большой ключъ пономаря завизжалъ въ замкѣ, и перекладина, придерживавшая дверь, съ шумомъ упала на землю. Острый этотъ звукъ рѣзалъ ему уши, зубы его стучали—и, дойдя до ступенекъ входа, онъ упалъ въ обморокъ.

II.

Пробужденіе.

Слѣдующіе десять дней онъ провелъ у школьнаго учителя, гдѣ за нимъ ухаживали довольно хорошо; ему предоставлена была свобода бродить въ саду и мечтать сколько угодно. Между тѣмъ мировой судья, уполномоченный судомъ просмотрѣть бумаги о наслѣдствѣ, за неимѣніемъ родственниковъ, старался устроить съ сосѣдями нѣчто въ родѣ семейнаго совѣта. Впрочемъ, нельзя сказать, что Этьенъ мечталъ: онъ размышлялъ. Это внезапное сильное потрясеніе заставило его мысли сбросить съ себя окутывавшую ихъ пелену. Первый разъ въ жизни онъ судилъ и разсуждалъ, и, совершенно о томъ не думая, становился человѣкомъ.

Отецъ его, очень умный эгоистъ, думалъ только, какъ бы пріятнѣе провѣсть свое состояніе; такъ онъ поступалъ до конца, не считая, потому что счеты причиняютъ головную боль, и не особенно безпокоясь о сынѣ, потому что безпокойство разстраиваетъ нервы. Въ дни, когда просыпалась совѣсть, онъ убѣждалъ себя, что нужно же жить и что въ концѣ концовъ всякій человѣкъ всегда съумѣетъ выпутаться. Такъ какъ у него было отвращеніе къ педантизму, то онъ остерегался сдѣлаться наставникомъ своего сына, не смотря на свои большія познанія. На его взглядъ наставникъ — только ремесленникъ, который очищаетъ умъ подобно тому, какъ савояръ чиститъ сапоги. Отецъ передалъ Этьена школьному учителю, какъ образованному слугѣ, оплачиваемому тридцатью франками въ мѣсяцъ. Въ концѣ каждаго мѣсяца онъ заставлялъ мальчика приходить къ своему креслу, велѣлъ ему открывать Цезаря, который, какъ извѣстно каждому, былъ такимъ выдающимся мошенникомъ и тѣмъ завоевалъ себѣ симпатіи всѣхъ честныхъ людей. Отецъ требовалъ отъ Этьена, чтобы тотъ сразу читалъ ему по-французски латинскую страницу; онъ высмѣивалъ его, когда Этьенъ ошибался въ переводѣ, и говорилъ ему съ своею обычною серьезной ироніей: „Цезарь сдѣлался маршаломъ Франціи, потому что онъ никогда не допускалъ безсмыслицы въ своихъ переводахъ“. Иногда онъ смѣялся, слушая описанія славныхъ битвъ великаго полководца, и говорилъ, что ничто такъ не восхищаетъ людей, какъ расточаемые имъ палочные удары. Впрочемъ, тонъ его былъ мягкій, и самое непріятное для него было — возвышать голосъ. Ему казалось тогда, что онъ среди извозчиковъ или въ провинціальномъ трактирѣ; даже со своимъ сыномъ онъ испытывалъ

потребность быть вѣжливымъ. Къ тому же онъ вовсе не принуждалъ Этьена быть пригвожденнымъ къ пюпитру и считалъ нужнымъ, чтобы онъ искалъ здоровья и впечатлѣній на воздухѣ. Этьенъ пользовался предоставленной ему свободой, и такъ какъ отъ природы онъ склоненъ былъ къ одиночеству и жилъ отчасти дикаремъ, онъ остался первобытнымъ, свободнымъ отъ разсчетовъ и корыстныхъ притязаній. Ему было не по себѣ въ обществѣ другихъ дѣтей, и самымъ большимъ его удовольствіемъ было плескаться ногами въ водѣ, стоя на гладкихъ камняхъ рѣчки, или подкарауливать кроликовъ, которые вечеромъ, вытянувъ хвосты, возвращались въ кусты.

Когда подведены были итоги и уплачены всѣ долги, оказалось, что отъ всего отцовскаго наслѣдія Этьену осталось 1.417 франковъ съ сантимами. По этому случаю онъ наслушался всякихъ судебныхъ терминовъ и дѣловыхъ рѣчей, продолжавшихся цѣлый часъ. Онъ замѣтилъ, что въ этихъ рѣчахъ повторялось тридцать или сорокъ разъ одно и то же. Говорили при немъ громко, но не спрашивая его, потому что, судя по его равнодушному виду и молчанію, думали, что онъ спитъ. Поставщики бранились по поводу задержки въ платежахъ. Школьный учитель говорилъ своимъ сиплымъ голосомъ: „Вы дадите мнѣ сорокъ су въ день, за постель, комнату, топливо и свѣчи; онъ пьетъ вино наравнѣ съ нами и хотя онъ кажется маленькимъ, но ѣстъ какъ большой; право, это немного, спросите у матушки Миронъ, хозяйки постоялаго двора, которая беретъ двадцать пять су за одну ночь, и безъ свѣчи“. И жена его, размахивая шумовкой въ видѣ подтвержденія, говорила съ обычной торопливостью кумушекъ: „Совершенно вѣрно, господинъ судья, съ сорока су мы едва только справимся. Я не ставлю вамъ въ счетъ время, которое я потрачу на штопку его чулокъ и стирку воротничковъ. Эти дѣти богатыхъ людей страшно много стоютъ; но теперь, когда онъ уже не богатъ, что онъ теперь будетъ дѣлать? Нужно будетъ отдать его въ ученье. Къ краснодеревцу Шодрону или къ часовщику Пьеро? Вотъ спокойныя занятія и, притомъ, не слишкомъ тягостныя для маленькихъ ручекъ. И будетъ еще хорошо, если съ этими 1.400 франками онъ сможетъ дотянуть до конца свое ученье. Тѣмъ болѣе, что нужно отсюда покрыть издержки по утвержденію въ правахъ наслѣдства, а правительство поглощаетъ много, какъ и гробовщики и духовенство, люди церкви и кладбища. Когда ему исполнится двадцать лѣтъ, навѣрное ему нечѣмъ будетъ платить за свое содержаніе. У него, пожалуй, нѣтъ столько имущества, сколько у моего Франсуа.

Право, я не знаю, почему даютъ ему теперь носить его куртку изъ тонкаго сукна и ботинки; для него теперь это слишкомъ дорого; лучше было бы давать ему блузу. Что вы скажете на это, господинъ судья? Если хотите, мы сойдемся насчетъ его красивыхъ новыхъ вещей; онѣ годятся нашему малышу, который какъ разъ на годъ моложе его; изъ этого можно соорудить платье для перваго причастія, придется только укоротить рукава. Мы просимъ дать намъ предпочтеніе, господинъ судья: мужъ мой дѣлаетъ письменныя работы для господина мэра и для священника, такъ что, если вамъ угодно, онъ будетъ имѣть на своей сторонѣ весь семейный совѣтъ. Мы хорошо заплатимъ, такъ какъ онъ намъ уже долженъ, и это соотвѣтственно сократитъ его расходы. Ну, пожалуйста, мой мальчикъ, не нужно такъ таращить глаза; все, что я теперь говорю—для твоей же пользы. Я увѣрена, что ты будешь настоящимъ рабочимъ, и хотя ты до сихъ поръ былъ бариномъ, такъ же исправно будешь дѣйствовать рубанкомъ, какъ и другіе. Вотъ мой супъ закипѣлъ. Къ вашимъ услугамъ, господинъ судья, мы поговоримъ еще объ этомъ".

Съ этого вечера Этьенъ вдругъ узналъ, что онъ бѣденъ. Когда отецъ былъ живъ, его называли „господинъ Этьенъ"; со времени погребенія, его просто называли Этьеномъ; говорили ему „ты" и за столомъ ему подавали послѣднему, даже послѣ маленькаго Франсуа. Послѣ обѣда хозяйка велѣла ему снять на минутку курточку и одѣла ее на Франсуа, приказавъ пройтись по комнатѣ. Франсуа, со своимъ красноватымъ лицомъ, ушами въ видѣ вѣера и носомъ въ видѣ трубы, походилъ на одѣтую обезьяну; мать хлопала въ ладоши, выкрикивая: „онъ положительно имѣетъ видъ барина". Между тѣмъ отецъ, кладя перо за ухо, смотрѣлъ на своего сына съ гордостью, и оба забыли объ Этьенѣ, который усѣлся въ углу и чувствовалъ холодъ.

Въ это время вошелъ большой, толстый человѣкъ, съ важнымъ видомъ, одѣтый въ просторный сюртукъ, высоко поднявъ голову. У него былъ желчный цвѣтъ лица, носъ, выпачканный табакомъ; что-то тупое, нездоровое, выражалось во всемъ его существѣ, но маленькіе сѣрые бѣгающіе глазки лукаво блестѣли, какъ у жаднаго и хитраго негоціанта. Въ мигъ всѣ были на ногахъ, чтобы принять его не только съ почтеніемъ, но съ благоговѣніемъ. Притащили желтое бархатное кресло съ подушками, которое возвышалось посреди маленькой парадной залы. Его помѣстили противъ огня, подкинули охапку дровъ на потухавшія головешки, торопились освободить его отъ шляпы и палки,

предлагали всевозможныя прохладительныя, начиная съ воды, переходя къ сидру и доходя до вина. Школьный учитель, согнувъ спину, стоялъ около него съ нѣжной улыбкой, а жена учителя порхая по комнатѣ, пыталась убѣдить его, что онъ вовсе не обѣдалъ въ гостинницѣ и что онъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы согласился отвѣдать заячьяго фрикасэ. Они оба постоянно говорили ему: „мой кузенъ", и какъ будто находили въ этомъ словѣ особую прелесть. Наконецъ, завидя Франсуа, забившагося куда-то подъ столомъ, они схватили его за шиворотъ, поставили передъ важной персоной и насильно толкнули его къ нему, сказавъ: „Это твой кузенъ. Мой кузенъ, это вашъ маленькій Франсуа, который такъ радъ васъ видѣть". А кузенъ, спокойный подобно Гомеровскому богу, отстранилъ Франсуа, скрестилъ обѣ руки на животѣ, вертѣлъ своими большими пальцами и принималъ весь этотъ потокъ предупредительности съ равнодушіемъ человѣка, который не препятствуетъ теченію воды.

Наконецъ, онъ заговорилъ, и конечно никто не былъ такъ смѣлъ, чтобы прервать его. Говоря по правдѣ, онъ въ этотъ моментъ разговаривалъ самъ съ собою и вслухъ приводилъ въ порядокъ свои мысли, совершенно не безпокоясь о четѣ, слушавшей его съ разинутымъ ртомъ: „Отвратительная, пакостная страна. Зачѣмъ я пріѣхалъ въ это индюшечье царство? Ничего у священниковъ, никого въ школахъ, 300 франковъ путевыхъ издержекъ; никого для составленія афишъ, и некому даже присмотрѣть за кухней; мое возвращеніе будетъ неудачно. Марруа, мой соперникъ, это неутомимое существо со своимъ школьнымъ руководителемъ, мечется какъ бѣсъ передъ заутреней".

Онъ повернулся къ бѣдному школьному учителю, сухо, величественно, съ авторитетомъ парижанина, главы учебнаго заведенія, богатаго, съ большимъ животомъ и брелоками, и сказалъ ему только одно:

— Есть у тебя кто-нибудь?

— Что потребовалось бы вамъ, мой кузенъ?

— Старательный мальчикъ, тринадцати-четырнадцати лѣтъ, прилежный, съ хорошей памятью, знающій латынь, готовый учиться греческому, безъ родныхъ въ Парижѣ; безъ отпуска по воскресеньямъ, безъ каникулъ. Если онъ получитъ двѣ награды на конкурсѣ въ концѣ года, то съ моей стороны полный пансіонъ; за вторую награду сверхъ того, отъ меня костюмъ и десять су въ недѣлю. Наградныя книги останутся ему; я дамъ бумагу, перья, чернила и книги.

— Это вѣдь великолѣпно. Если угодно, Франсуа будетъ какъ разъ для васъ.

— Франсуа—гусь.

— О, кузенъ!

— Франсуа въ своего отца. Никого другого нѣтъ у тебя? Прощай.

Онъ взялъ свою трость, сдѣлалъ величественный жестъ рукой въ знакъ прощанія и вышелъ въ сопровожденіи женщины, которая, съ фонаремъ въ рукѣ, проводила его съ подобающей почтительностью до гостинницы.

Этьенъ принужденъ былъ взять обратно свою куртку, потому что уже не думали ее возвращать; онъ взялъ ее машинально, до того голова его была полна и какъ бы подавлена новыми и тревожными мыслями. Онъ чувствовалъ какъ бы удары бича отъ жесткихъ словъ своихъ хозяевъ, и понялъ, что судебные чины или дѣльцы смотрятъ на него только какъ на помѣху или какъ на добычу. Уши его раздражались криками женщины; ему казалось, что эти восемь дней онъ жилъ среди собакъ и кошекъ, ворчливыхъ и злыхъ. Эти скрюченныя руки, ищущія барыша, эта низкая льстивость, эти замашки, то грубыя, то раболѣпныя, эти лица, искаженныя заботами ремесла, это постоянное господство кухни и денегъ—все это казалось ему тяжелымъ, нездоровымъ сномъ. Онъ думалъ о красивой комнатѣ своего отца, обитой голубымъ, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампы, объ этой тонкой, насмѣшливой фигурѣ, объ этомъ спокойномъ голосѣ, объ этихъ хорошо сказанныхъ словахъ, которыя онъ съ удовольствіемъ слушалъ, даже когда они его высмѣивали. Онъ представлялъ себѣ выходки учениковъ-краснодеревцевъ, которые вечеромъ, при выходѣ изъ мастерской, угощали другъ друга пинками и сквернословили на улицѣ—и рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы стать такимъ человѣкомъ, какъ его отецъ, и впослѣдствіи жить съ иными людьми, чѣмъ школьный учитель и мастеровые.

Онъ не спалъ всю ночь. Утромъ, въ шесть часовъ, онъ одѣлся какъ можно быстрѣе, вышелъ, не говоря никому ни слова, и направился въ гостинницу, чтобы освѣдомиться о толстомъ господинѣ, котораго онъ видѣлъ наканунѣ вечеромъ. Сильно билось его сердце, когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ тотъ завтракалъ, развалившись въ креслѣ и закутанный въ халатъ. Онъ приблизился къ нему, не зная, будетъ ли въ состояніи говорить, потому что стѣны комнаты колебались передъ нимъ и слова застревали въ горлѣ. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ усиліе и ска-

залъ:—Меня зовутъ Этьеномъ; отецъ умеръ десять дней тому назадъ; я хочу поѣхать въ Парижъ, въ большой пансіонъ; я слышалъ, что вы вчера говорили. Хотите меня взять къ себѣ?

— Гм! Другъ мой, знаешь ли ты что-нибудь?

— Я буду учиться.

— Какъ онъ это говоритъ! Съумѣешь ли ты въ десять мѣсяцевъ пройти по-гречески столько, чтобы получить первую премію на конкурсѣ?

Этьенъ подумалъ; онъ не хотѣлъ сказать ничего ошибочнаго или такого въ чемъ онъ не былъ увѣренъ. Черезъ минуту онъ отвѣтилъ:—Знаете ли вы такого, кто изучилъ бы греческій языкъ въ десять мѣсяцевъ?

— Да! Роллэ, изъ заведенія Баррэ, первый ученикъ, поступившій одновременно въ нормальную школу и въ политехническую. Сдѣлаешь ли ты столько же?

— Я это сдѣлаю.

— Какъ это ты можешь знать?

— Потому что я больше его буду работать.

Въ отвѣтъ на эти слова Карпантье внимательно взглянулъ на Этьена, который держался прямо, поднявъ голову; капли пота просачивались у корней его волосъ, голосъ его дрожалъ какъ у лунатика. „У этого мальчика есть характеръ“, сказалъ себѣ Карпантье и подумалъ, что можно принять предложеніе; поэтому онъ сдѣлалъ видъ, что предложеніе совсѣмъ непріемлемо.

— Это очень легко сказать, но мнѣ знакомы такія фразы. Что ты знаешь?

— Отецъ заставлялъ меня читать Цезаря; у меня книга въ карманѣ, я переведу, если хотите.

Карпантье взялъ книжку, удостовѣрился, что между строчками ничего не вписано, открылъ одну изъ главъ, которыхъ обыкновенно не объясняютъ, и указалъ пальцемъ одно мѣсто. Этьенъ сразу прочелъ это мѣсто по-французски съ такой легкостью, какой у него никогда не было; ему казалось, какъ будто кто-то потихоньку ему подсказываетъ. Два или три раза Карпантье бралъ книгу и выбиралъ другой отрывокъ, чтобы увѣриться, что тутъ нѣтъ обмана. Этьенъ все такъ же бѣгло переводилъ, сразу схватывалъ связь мыслей, угадывая значеніе, давая вѣрный тонъ и удареніе; первый разъ въ своей жизни онъ почувствовалъ то внезапное, непроизвольное сосредоточеніе и напряженіе силъ, которое называется вдохновеніемъ. Сначала тотъ думалъ, что Этьенъ отвѣчаетъ заученный урокъ, но интонаціи были такъ естественны,

что нельзя было ошибиться; никакого не могло быть сомнѣнія, что онъ придумывалъ фразы по мѣрѣ того какъ говорилъ ихъ. Это было удивительно для человѣка, привыкшаго къ монотонному, подобно шарманкѣ, чтенію учениковъ. „Вотъ вмѣстилище премій!“ сказалъ онъ себѣ—и, заранѣе предвкушая громкія рекламы, которыя онъ пуститъ въ газеты, готовъ былъ расцѣловать Этьена. Но дѣловой человѣкъ долженъ себя сдерживать. Вмѣсто того, чтобы вскочить со своего кресла, онъ молча развалился въ немъ и очень замѣтно началъ зѣвать.

— Это недурно, но есть небрежность во французскомъ языкѣ. У меня много расходовъ, а премія всегда сомнительна; можно найти учениковъ изъ крестьянъ, которые берутъ награды не хуже стипендіатовъ. Мое правило: избѣгать риска.

— Вы ничѣмъ не рискуете. Мировой судья сказалъ вчера, что у меня 1.417 франковъ.

Дѣло становилось выгоднымъ. Карпантье скрылъ блескъ своихъ сѣрыхъ глазъ, высморкался не спѣша и заговорилъ опять отеческимъ тономъ:

— Мой юный другъ, очень хорошо, что вы любите науку. Что касается меня, я ее обожаю. Куда бы я ни направлялся, у меня всегда въ карманѣ какой-нибудь классикъ; вечеромъ я кладу его на мой ночной столикъ, чтобы прочесть страничку передъ сномъ. Вы меня слышали вчера: вы знаете, что я расположенъ поощрять успѣшныя занятія, и я не отказываюсь отъ жертвъ, если вы будете благодарны.

— Я не буду вамъ благодаренъ, и я не прошу жертвъ. Вы хотите двѣ преміи за годъ пансіона — онѣ у меня будутъ, и если я ихъ не получу, я вамъ заплачу; это просто обмѣнъ услугъ.

— Такимъ образомъ вы думаете явиться ко мнѣ какъ на базаръ?

— Какъ на базаръ; я не хочу милостыни.

Карпантье широко раскрылъ глаза; никогда съ нимъ не говорили въ такомъ тонѣ. Онъ не зналъ что отвѣтить, потому что умѣлъ обращаться только съ извѣстнымъ классомъ людей и совсѣмъ былъ сбитъ съ толку Этьеномъ. Съ своей стороны Этьенъ говорилъ какъ во снѣ, не слыша звуковъ своего собственнаго голоса, ничего не видя кругомъ, весь поглощенный своимъ проектомъ, возбужденный столкновеніемъ мыслей, не замѣчая, что Карпантье — человѣкъ грузный, большой, пожилой, уважаемый и полный уваженія къ самому себѣ. Въ этотъ моментъ онъ какъ бы чувствовалъ себя равнымъ принцу и обращался

съ нимъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ. Вдругъ онъ подошелъ къ Карпантье и протянулъ ему руку:—Такъ это рѣшено?—сказалъ онъ.

Жестъ его былъ такъ мужественъ, что тотъ отбросилъ всѣ свои ухищренія и подалъ ему руку, повторяя просто:—Это рѣшено.

Они сейчасъ же пошли обратно къ школьному учителю, чтобы подумать о приготовленіяхъ къ отъѣзду.—Господинъ Перро,—сказалъ ему Этьенъ, — благодарю васъ за пожатіе руки послѣ похоронъ. Госпожа Перро, я пробылъ у васъ десять дней, съ сегодняшнимъ днемъ будетъ одиннадцать; по сорока су, это составитъ двадцать два франка. Франсуа, я отдаю тебѣ свою куртку; если ты хочешь броситься мнѣ на шею, то сначала высморкайся.—Послѣ заката солнца, онъ вышелъ одинъ и хотѣлъ отправиться на кладбище; но когда онъ дошелъ, его охватила прежняя тоска. Онъ остановился; сторожъ взглянулъ на него, и Этьенъ не захотѣлъ устроить изъ себя зрѣлище. Онъ повернулъ къ дому своего отца, вошелъ въ комнату; ничего еще не было продано, все было на мѣстѣ. Онъ сѣлъ, не робко и съ спутанными, неясными мыслями, какъ прежде; онъ что-то сдѣлалъ и ясно сознавалъ свою волю. Онъ подумалъ о своемъ отцѣ, котораго онъ больше уважалъ, чѣмъ любилъ, находилъ его по сравненію съ другими добрымъ—и вдругъ полюбилъ его на разстояніи. Вечерній свѣтъ падалъ на выцвѣтшіе обои; сверчки стрекотали на туманной лужайкѣ. Онъ почувствовалъ на глазахъ слезы, когда замѣтилъ Карпантье. Почтенный человѣкъ хотѣлъ посмотрѣть, что̀ сталось съ его товаромъ. Этьенъ кашлянулъ и вышелъ твердымъ шагомъ, насвистывая пѣсенку.

III.

Путешествіе.

Около одиннадцати часовъ вечера они сѣли въ дилижансъ. Этьенъ захотѣлъ влѣзть на козлы. Карпантье не возражалъ, разсчитывая остаться одинъ въ купэ и спать поудобнѣе.

Этьенъ, усѣвшись на скамейкѣ рядомъ съ кондукторомъ, немного ошеломленный, прислушивался къ щелканію бича, скрипу колесъ, грохоту разбитой мостовой на ихъ пути. Стекла дребезжали, собаки лаяли, мальчишки цѣплялись сзади, служанки выбѣгали на порогъ и глазѣли. Кондукторъ трубилъ въ трубу; Этьенъ, сидя рядомъ съ нимъ, пристально разглядывалъ на-

прягавшіяся у него на шеѣ жилы и лицо его, становившееся краснымъ. Но онъ только глядѣлъ. Весь шумъ этотъ былъ для него такъ непривыченъ, что онъ забывалъ грустить.

Мало-по-малу холмы, къ очертаніямъ которыхъ онъ привыкъ, и послѣднія изгороди, съ которыхъ онъ нѣкогда доставалъ оставшійся отъ уборки виноградъ, исчезли. При лунномъ свѣтѣ онъ видѣлъ только незнакомый пейзажъ, терявшійся вдали. Монотонный и рѣзкій стукъ колесъ, запахъ кожи и пакетовъ уже не такъ его раздражали. Онъ могъ мечтать вволю, такъ какъ кондукторъ молча курилъ свою трубку и не думалъ заговаривать съ нимъ. Тогда онъ почувствовалъ себя одинокимъ и грустнымъ. Ему казалось, что, удаляясь отъ всѣхъ лицъ и предметовъ, которые онъ зналъ, онъ теряетъ лучшую часть самого себя и какъ будто голымъ брошенъ въ пустынѣ. Безмолвные темные лѣса, тянувшіеся справа и слѣва, казались ему полными чудесъ и ужасовъ; завидя издали на дорогѣ тѣнь дерева, болѣе крупнаго, чѣмъ другія, онъ уже чувствовалъ стѣсненіе въ груди, какъ будто отъ прикосновенія невѣдомаго существа. Экипажъ съ большимъ грохотомъ проѣхалъ черезъ нѣсколько сонныхъ деревень; дома, съ длинными покатыми крышами, появлявшіеся вдругъ на подобіе стада по обѣимъ сторонамъ дороги, имѣли видъ живыхъ существъ, внезапно пробужденныхъ отъ сна. Фонари, косо освѣщая лошадей, бросали на дорогу фантастическія тѣни, и громадная махина, освѣщенная и катящаяся посреди неподвижной деревни, походила на большое свирѣпое животное, пущенное среди мирнаго населенія, чтобы его напугать.

Эти сильныя ощущенія постепенно улеглись. Этьенъ смотрѣлъ на легкій паръ, стлавшійся въ выбоинахъ луговъ, и на луну, освѣщавшую широкое блѣдное небо. Этотъ свѣтъ мирно ложился на прогалины; ни одно дуновеніе вѣтерка не колебало листьевъ, даже листья березы не шевелились. Тонкіе серебристые стволы смутно выдѣлялись въ темнотѣ; склоненные подъ своими сѣроватыми вѣтвистыми шапками, они были такъ нѣжны, такъ красивы, что ихъ можно было принять за ночныхъ фей. То тутъ, то тамъ, между кустарниками, могущественно возвышались крѣпкіе дубы. Прохлада и благоуханіе исходили отъ травъ близлежащихъ лощинъ, и этотъ неподвижный міръ казался счастливѣе міра людей.

Слѣва блѣднѣли звѣзды; слабый свѣтъ проникалъ съ края неба, расширялся, становился ярче. На горизонтѣ прозрачное небо сдѣлалось столь же яснымъ, какъ перламутровая раковина. Едва замѣтная краснота ложилась на край облаковъ, тянув-

шихся, какъ казалось, всего на полфута отъ земли; полоска разгоралась, какъ золото отъ жара въ горнилѣ, и мелкія разсыпчатыя тучки блестѣли среди лазури какъ рубины. Огненная точка вдругъ появилась на краю равнины; снопомъ брызнули лучи, косо ложась вдоль вспаханнаго поля, касаясь верхушекъ холмовъ, серебря нити паутины, сотканной пауками наканунѣ на всѣхъ выступахъ почвы. Широкая деревня ликовала; жаворонки распѣвали во все горло, поднимаясь вверхъ при слабомъ вѣткѣ. Яркій свѣтъ проходилъ сквозь рядъ деревьевъ, будя все населеніе насѣкомыхъ, спрятанныхъ между растеніями. Даже старые мхи, порыжѣвшіе лѣтомъ, казалось, еще разъ хотѣли насладиться новымъ солнцемъ и всосать послѣдніе соки изъ почвы. Это солнце, эти травы, эти поля были такія же, какими ихъ всегда видѣлъ Этьенъ, и казались такими же благодатными, такими же радостными. Исключая людей, ничто кругомъ не измѣнилось, и онъ почувствовалъ себя бодрымъ при мысли, что гдѣ бы онъ ни очутился, повсюду онъ останется въ томъ же мірѣ.

Экипажъ катился такимъ образомъ до вечера, но обиліе предметовъ притупило наконецъ вниманіе Этьена. Онъ смотрѣлъ теперь только глазами, а не душой. Пейзажи проходили передъ нимъ, не останавливая его вниманія; онъ мечталъ, чувства бездѣйствовали, голова была полна.

Около шести часовъ онъ замѣтилъ, что повозокъ стало больше и онѣ тянулись рядами. Деревья были настолько покрыты пылью, что не казались уже зелеными. Стада быковъ двигались по боковымъ аллеямъ; поля съ грядами капусты и овощей тянулись безъ конца. Каменоломни пробивали почву съ разныхъ сторонъ; колеса медленно двигались, какъ круглая паутина трудолюбиваго паука. Дома, трактиры начинали показываться направо и налѣво, въ сотнѣ мѣстъ, безъ порядка, среди развороченной почвы, какъ стая испуганныхъ птицъ, ищущихъ свой кормъ. На поворотѣ дороги, Этьенъ смутно замѣтилъ нѣчто, о чемъ онъ раньше не имѣлъ понятія: огромную, безформенную сѣроватую смѣсь, зубчатую и бугристую, покрывавшую равнину, долину и всѣ ихъ углубленія, поднимавшуюся надъ холмами, достигая своей грязной бахромой красноватаго края неба. Все было захвачено, до малѣйшаго уголка; ни одного дерева, ни одного луга; почва исчезала подъ этой каменной растительностью, которая, нагромождаясь, простирала свои зловредные наросты на поля, остававшіяся еще свободными, до края горизонта. Начинали зажигать огни; прохожіе торопились; экипажъ, достигнувъ заставы, круто спустился на большую мрачную улицу.

Уже совсѣмъ смерклось; мерцавшій свѣтъ газа падалъ на человѣческій муравейникъ. Возгласы, грохотъ скрипящихъ колесъ, пробивались сквозь неясный всеобщій говоръ. Озабоченныя лица, торопливыя движенія, высокіе дома съ безчисленнымъ количествомъ оконъ, объявленія и вывѣски, сверкающія лавки, около которыхъ двигалась взадъ и впередъ черная толпа, скопленіе колясокъ, снующихъ и перекрещивающихся—вся эта спѣшная и повсюду видимая работа показалась Этьену чѣмъ-то чуждымъ и ужаснымъ: онъ вспомнилъ сосѣда, котораго онъ видѣлъ больнымъ, кричащимъ въ бреду, съ глазами, воспаленными лихорадкой.

Постоянно выступали новыя улицы и перекрещивались передъ экипажемъ. Кишѣло людьми. Этьенъ не думалъ, что на свѣтѣ существуетъ такъ много людей, и чувствовалъ себя затеряннымъ, какъ человѣкъ, очутившійся на баркѣ одинъ среди шумнаго моря. Грязная, черноватая мостовая, полоски свѣта, отражавшіяся въ лужицахъ грязи, сгущенный воздухъ, какъ бы разгоряченный людскимъ дыханіемъ, огни газа, выдѣлявшіеся пятнами среди душной ночи—все это дало ему новый толчокъ, и онъ чувствовалъ себя почти такъ же возбужденнымъ, съ такимъ же напряженіемъ воли, какъ и наканунѣ, въ теченіе того часа, когда онъ одинъ на одинъ со своимъ хозяиномъ рѣшилъ свою судьбу. Они сѣли въ фіакръ и черезъ полчаса очутились въ одной изъ пустынныхъ улицъ, квартала Marais, подъ длиннымъ навѣсомъ, у запертой рѣшотки. Карпантье, какъ человѣкъ распорядительный, тотчасъ же приказалъ снести вещи Этьена въ гардеробную и спальную, далъ ему номеръ и проводилъ въ классъ. „Г. Сервэ,—сказалъ онъ руководителю занятій,—вотъ новый ученикъ, который поступитъ въ третій классъ; дайте ему книги и все что нужно и найдите ему мѣсто“. На второй скамейкѣ было пустое мѣсто. Этьенъ, не говоря ни слова, пошелъ и сѣлъ туда, и учитель, ничего не говоря, принесъ ему словари и классиковъ. Какъ разъ оказался готовый подборъ книгъ: больной ученикъ, взятый своими родителями, оставилъ все свое имущество. „Очень вамъ благодаренъ!“—сказалъ Этьенъ. Такъ какъ эти слова онъ произнесъ мягко и съ поклономъ, какъ онъ это привыкъ дѣлать у своего отца, то увидѣлъ, что оба его сосѣда посмотрѣли на него сбоку съ лукавымъ видомъ. Минуту спустя онъ услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ тихо: „хорошъ пѣтушокъ, разговариваетъ совсѣмъ какъ дѣвица“.

Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя и увидѣлъ безпокойныя, пасмурныя, недовольныя лица. Одни устроили себѣ ширму изъ словарей, другіе прятали головы за крышкой парты; нѣкоторые ножи-

ками скоблили столы; остальные, опираясь грудью и локтями, съ отвращеніемъ читали старыя книжки, у которыхъ они загибали углы. Большинство имѣло видъ обманывающихъ и въ то же время боящихся быть пойманными на обманѣ. Отъ времени до времени молчаніе прерывалось шушуканіемъ или скрипомъ пера по бумагѣ, или потрескиваніемъ разрѣзываемаго дерева. Учитель кротко поднималъ глаза, какъ будто выжидая чего-то. Раздался звонокъ—и всѣ вскочили, нахлобучивая свои фуражки и однимъ прыжкомъ перепрыгивая черезъ скамейки. Они съ шумомъ открыли двери; нѣкоторые вскакивали на спины товарищей, толпились у дверей; друзья обмѣнивались тумаками, чтобы позабавиться и расправить члены. Этьенъ дошелъ до столовой, гдѣ ему указали мѣсто на концѣ длиннаго, большого стола, покрытаго клеенкой, залитой виномъ и въ жирныхъ пятнахъ. Онъ поѣлъ супа сомнительнаго качества, потомъ пожевалъ, насколько могъ, кусочекъ мяса, мало сочнаго, но за то очень жесткаго. Вдругъ у него сперло дыханіе отъ какого-то крѣпкаго запаха: это произошло отъ только что поданныхъ селедокъ, приправленныхъ горчицей. Онъ посмотрѣлъ на свою селедку, не имѣя ни малѣйшаго желанія тронуть ее своей вилкой; кто-то изъ сидѣвшихъ противъ него сказалъ: „мясо за горчишникъ“. Никто не отвѣтилъ; но любитель горчишниковъ, видя что Этьенъ не прикасается къ своей тарелкѣ, проворно схватилъ селедку, которую проглотилъ въ одно мгновеніе, посылая взамѣнъ кусокъ мяса. Черезъ четверть часа, учитель пробормоталъ сквозь зубы латинскую молитву, которую торопился прочитать какъ можно скорѣе, пока его слушатели клали въ карманъ куски хлѣба или складывали свои салфетки. Поднялись въ спальныя; на лѣстницѣ любитель мѣны сказалъ Этьену: „если ты не любишь сливы, я ихъ беру; ты получишь мое варенье“. Онъ отыскалъ свою постель № 169 и улегся спать. Ему казалось страннымъ и непріятнымъ спать въ обществѣ другихъ. Двѣ лампы, помѣщенныя на концахъ спальни, бросали лучи свѣта, освѣщавшіе всѣ головы, а кровать учителя, поставленная на возвышеніи, давала ему возможность замѣтить малѣйшее движеніе. Покамѣсть онъ прогуливался, дѣлая свой обходъ, и его сапоги стучали по полу. Какое-то шушуканье раздалось съ двухъ кроватей направо отъ Этьена; учитель услыхалъ его и сурово заставилъ умолкнуть обоихъ нарушителей тишины. „Это какъ въ тюрьмѣ“, — сказалъ себѣ Этьенъ, и ему стало грустно. Черезъ минуту онъ сказалъ себѣ опять: „можетъ-быть грустно для нихъ, но не для меня, потому что я самъ захотѣлъ попасть

сюда, и я отлично знаю, что и теперь хочу этого". Этотъ гордый порывъ придалъ ему бодрость; онъ почувствовалъ себя дома, на этой узкой постели, въ этой общей комнатѣ, подъ наблюденіемъ этихъ любопытныхъ или враждебныхъ глазъ, и, вдругъ успокоившись, заснулъ.

IV.

Пансіонъ.

Первыя недѣли ему показались менѣе печальными, чѣмъ онъ предполагалъ, по крайней мѣрѣ въ часы занятій. Онъ работалъ сколько хватало силъ, прежде всего по собственной волѣ, потому что онъ обязался къ тому предъ самимъ собою, но также по страсти и въ силу какого-то страха при мысли, что учитель посмотритъ на него сердито или презрительно. Во время перемѣнъ приходили мучительныя мысли. У него совсѣмъ не было охоты играть; впрочемъ товарищи его и не играли; въ настоящее время школьники любятъ больше разговаривать, чѣмъ бѣгать. Три тополя, еще зеленые и не высохшіе, составляли контрастъ съ высокими стѣнами и правильными, какъ въ казармѣ, рядами оконъ. Этьенъ долго смотрѣлъ на ихъ колеблющіяся верхушки и слѣдилъ за всѣми желтыми листьями, которые, падая, кружились въ воздухѣ. Тамъ и сямъ, группами, ученики въ грязныхъ мундирахъ вертѣлись по окружавшимъ зданіе панелямъ. Нѣкоторые садились на южной сторонѣ двора, между двухъ стѣнъ, чтобы грѣться въ осеннемъ солнцѣ, не заботясь о грязи и пыли. Они какъ будто хвастали тѣмъ, что не щадили своихъ костюмовъ и пачкали ихъ чернилами, думая этимъ отличаться отъ изнѣженныхъ фатовъ и придать себѣ видъ взрослыхъ. Другіе тайкомъ отправлялись курить отвратительныя сигары въ еще болѣе отвратительномъ мѣстѣ, откуда они приносили тошнотворный запахъ. Посреди двора была ниша съ крышей, и въ нишѣ сидѣла старая женщина, съ маленькимъ лоткомъ, краснолицая, сморщенная какъ старое яблоко, съ погасшими глазами, окоченѣвшая отъ долгихъ стоянокъ въ зимнее время, почти идіотка и нѣмая, потерявшая способность говорить что бы то ни было кромѣ словъ, которыя нужны были для обозначенія цѣнъ и для требованія уплаты. Ее называли „женщиной":—„Женщина, мнѣ нуженъ мячикъ; — женщина, дайте мнѣ въ долгъ ячменнаго сахара". Она протягивала черезъ рѣшотку свою загорѣлую руку,

изуродованную толстыми, разбухшими жилами. Этьенъ удивлялся, что рѣшались ѣсть яблоки, поданныя такой рукой.

Два раза въ день отправлялись въ коллежъ; колонна дефилировала передъ глазами маленькаго человѣчка, проворнаго и чисто одѣтаго, который каждый день въ теченіе пятнадцати лѣтъ, въ дождь, при солнцѣ, подъ снѣгомъ и во время каникулъ ступалъ однимъ и тѣмъ же шагомъ, подгибая колѣни, въ скромной шляпѣ и вычищенномъ платьѣ. Черезъ пятнадцать дней Этьенъ зналъ всѣ дома и всѣ вывѣски. Какъ бы онъ ни разсуждалъ, все-таки ему казалось страннымъ видѣть ихъ постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Бодрый, подвижной учитель, бакалейный торговецъ на углу, озабоченный среди своихъ сливъ, портной на поворотѣ съ поджатыми подъ себя ногами, постоянно орудующій своей иглой, казались ему машинами изъ картона; онъ разсматривалъ ихъ съ страстнымъ вниманіемъ, постоянно ожидая встрѣтить въ ихъ лицахъ и въ ихъ позахъ какую-нибудь перемѣну, которая однако не приходила. Онъ всегда слышалъ около себя однѣ и тѣ же шутки на ихъ счетъ; портного звали Фритцель, и сосѣдъ его, проходя мимо, пробовалъ каждый разъ съ помощью свиста произнести его имя. Четыре раза въ день онъ это продѣлывалъ и свистъ продолжался пять минутъ; чрезмѣрная скука заставляетъ людей повторять одно и то же движеніе, какъ бѣлка въ колесѣ. Когда ученикъ мѣнялъ костюмъ, въ теченіе трехъ дней сыпались замѣчанія; жадные глаза оглядывали эту обновку. Сосѣдъ Этьена занялся счетомъ заплатокъ на голубой курткѣ, марширующей передъ нимъ; отъ времени до времени новая дырка появлялась на матеріи—они тогда тыкали въ нее пальцемъ, говоря: „еще одна звѣзда на небѣ“. Глаза бѣгали направо, налѣво, чтобы найти себѣ занятіе. Приходили въ коллежъ; раздавался барабанный бой; потокъ мундировъ двигался, каждый пансіонъ на своемъ мѣстѣ и со своимъ наставникомъ; долго слышался подъ сводами смѣшанный гулъ. Нѣсколько неясныхъ фигуръ, въ черномъ одѣяніи съ отворотами, проходили черезъ дворъ, двигая руками подобно воронамъ, машущимъ крыльями. Потомъ муравейникъ раздѣлялся и каждый отрядъ проходилъ въ свой классъ; тѣла нагромождались на скамейкахъ, стиснутыя сзади между ногъ сосѣдей; начиналась рутина уроковъ и упражненій. Почти всѣ покорно переносили ихъ, съ хладнокровнымъ видомъ, какъ терпятъ дождь на улицѣ, когда нѣтъ зонтика. Единственнымъ развлеченіемъ для любителей было стремленіе развалиться на скамейкѣ такъ, чтобы имѣть удовольствіе опираться спиной на другихъ и держать свои ноги на свободѣ.

Между тѣмъ всѣ, какъ лѣнивые, такъ и работящіе, съ страстнымъ любопытствомъ относились къ малѣйшему событію; молодые люди этого возраста живутъ глазами и внѣшними впечатлѣніями. Однажды мышь пробѣжала по паркету, и классъ, наблюдавшій за нею въ теченіе четверти часа, бросился со своихъ скамеекъ какъ лавина. Не было ни одного ученика, который не зналъ бы возраста тоги и шапки учителя и не замѣтилъ бы, когда онъ выбрился; всѣ, не исключая самыхъ глупыхъ, могли передразнить его тонъ и его жесты. Къ концу урока тетради складывались, книги увязывались, куртки застегивались, уши настораживались, считая минуты; при первомъ ударѣ звонка, каждый рядъ соскакивалъ, бросаясь впередъ со скамеекъ; шумъ возобновлялся, затѣмъ дефилированіе и шествіе, и долго, долго, до безконечности, недѣля за недѣлей являлась въ сопровожденіи однѣхъ и тѣхъ же скучныхъ обязанностей и непріятностей.

Въ воскресенье, въ девять часовъ, послѣ большой уборки, они отправлялись въ церковь; ихъ старались разставить вдоль стѣны какъ овецъ, чтобы помѣшать имъ сообщаться съ посторонними. Нельзя было, конечно, помѣшать тому, чтобы то тутъ, то тамъ не проходили женщины, при чемъ старшіе изъ учениковъ застегивали свои перчатки и старались придать себѣ привлекательный видъ. Остальные зѣвали, съ опасностью вывихнуть себѣ челюсти; нѣкоторые трудились надъ тѣмъ, чтобы расплести сѣтку своихъ сидѣній. Самые мирные, съ сокрушеніемъ сердца, сосали палочки ячменнаго сахара; двое или трое, любители чтенія, вмѣсто молитвенника, приносили другія книги, и однажды учитель со скандаломъ поймалъ сочиненія Раблэ. Этьенъ пытался слушать проповѣдь, но обыкновенно проповѣдникъ занимался словопреніемъ и метафизикой, въ тонѣ пастырскихъ посланій и въ стилѣ плохихъ газетъ, такъ что молодые люди ничего не могли запомнить, кромѣ того, что онъ потѣлъ и что платокъ у него былъ батистовый. Пѣніе шло на латинскомъ языкѣ, котораго ученики терпѣть не могли; къ тому же латынь эта была настолько плохая, что они сами отмѣчали смѣшныя мѣста. Мистическія чувства и библейскія идеи, которыя выражались на этомъ языкѣ, были слишкомъ далеки отъ ихъ трезвыхъ и насмѣшливыхъ взглядовъ. Непріятныя выкрикиванія пѣвчихъ и жалобный монотонный тонъ псалмопѣній, подходившій развѣ для чахоточныхъ монахинь, не были способны трогать молодыхъ людей, живыхъ и смѣтливыхъ мальчиковъ. Этьенъ проводилъ время въ томъ, что разсматривалъ смѣлую картину Шассеріо, которая, охватывая полукругъ около алтаря, изображала величественные

пейзажи, туманные и фіолетовые горизонты, смѣшанную группу нагихъ, обнаженныхъ, окровавленныхъ тѣлъ подъ ихъ плащами.

Около декабря мѣсяца, учениковъ группами повели къ исповѣди. Треть класса исполнила этотъ обрядъ довольно приличнымъ образомъ; другіе же брали книжку о грѣхахъ и оттуда списывали свою исповѣдь; двадцать человѣкъ позаботились въ точности списать одно и то же. Выслушивая восьмого, священникъ, раздраженный, вышелъ изъ исповѣдальни и выгналъ ихъ всѣхъ вонъ. Этьенъ не хотѣлъ сдѣлать ни какъ тѣ, ни какъ другіе; онъ совѣтовалъ бунтовщикамъ, которые хотѣли завербовать его въ свою шайку, оставить его въ покоѣ, а учителю, который увѣщевалъ его быть послушнымъ, отвѣтилъ, что въ этомъ случаѣ онъ поступитъ по своему пониманію, а не по взглядамъ другого. Послѣ этого онъ показался подозрительнымъ обѣимъ сторонамъ. Впрочемъ, и вообще многое въ немъ не нравилось, и нѣсколько разъ онъ всѣхъ приводилъ въ смущеніе. Однажды, будучи очень занятъ, онъ нечаянно произвелъ шумъ ногой и прежде всего самъ объявилъ объ этомъ, не извиняясь, и получилъ за это выговоръ. „Дурачина,—сказали ему его сосѣди, — ты долженъ былъ наплесть что-нибудь“.—Я подумалъ объ этомъ, но не захотѣлъ.—„Почему? Здѣсь всѣ выдумываютъ“.—Только лакеи врутъ.—Два или три такихъ поступка создали ему репутацію святоши и простофили. Однажды послѣ обѣда, когда онъ проходилъ черезъ дворъ, ему бросили нѣсколько мячиковъ въ спину. Его даже освистали; онъ ничего не сказалъ, терпѣливо удалился и постарался найти маленькое мѣстечко, гдѣ бы онъ могъ остаться въ покоѣ. Взрослый ученикъ второго класса, который почувствовалъ себя въ ударѣ, подошелъ и началъ его вышучивать, спрашивая его, не изъ Понтуаза ли онъ, и такъ какъ Этьенъ не препятствовалъ ему, то онъ вздумалъ вытереть ему носъ, какъ это дѣлаютъ ребятишкамъ: „Неправда ли, мы умники, блѣдненькое дитятко мое, съ нашей мамой?“ Въ ту же секунду Этьенъ закатилъ ему такую оплеуху, что всѣ пять пальцевъ отпечатлѣлись на щекѣ; потомъ съ необыкновеннымъ проворствомъ проскользнулъ подъ его руку, далъ ему тумака въ бокъ, бросилъ его на земь, подставивъ ему ножку, и схватилъ его за горло, придавивъ колѣнями животъ. Тотъ приподнялся и хотѣлъ возобновить драку; но у Этьена были такіе глаза, что онъ испугался и отошелъ съ ругательствами, ничего не сдѣлавъ. Оба драчуна были записаны, и Этьенъ, на котораго до тѣхъ поръ смотрѣли какъ на глупую деревенщину, сталъ считаться бѣшенымъ дикаремъ.

Онъ пробовалъ завязать знакомство со всѣми выдающимися

въ какомъ бы то ни было отношеніи: таковъ былъ его умственный складъ, что его влекло только ко всему ярко опредѣлившемуся. По разсчету, а потомъ по влеченію, онъ обратился сначала къ Луи Депретцу, первому изъ работящихъ; товарищи называли его книжникомъ, и не безъ основанія. Это былъ коренастый малый, тяжеловѣсный, съ видомъ мужика, близорукій, безъ шеи, съ большой головой и маленькимъ лбомъ, съ сережками въ ушахъ, гладкими, прилизанными волосами и смѣшными ногами. У него былъ красный, какъ бы разгоряченный цвѣтъ лица; онъ имѣлъ привычку грызть ногти, пока они не исчезали. Никакого другого развлеченія. Въ продолженіе всего дня, вечеромъ и утромъ, по четвергамъ и воскресеньямъ, его видѣли уткнувшимъ носъ въ книги; во время перемѣнъ онъ мало говорилъ, совсѣмъ не игралъ, сознавая свою неуклюжесть. Такъ какъ его неловкость возрастала по его собственной винѣ, то въ концѣ концовъ онъ почти совсѣмъ пересталъ выходить на дворъ и въ часы досуга одиноко бродилъ по классу. Онъ былъ бретонецъ, сынъ крестьянина; его взялъ къ себѣ священникъ, потомъ онъ два года пробылъ въ семинаріи, съ длинными, большими волосами, угрюмымъ взглядомъ, копаясь въ латыни, какъ раньше копался въ землѣ. Отъ своего происхожденія и воспитанія онъ пріобрѣлъ упорство и терпѣніе насѣкомаго. Была въ немъ и зависть, зависть деревенскаго жителя, недоброжелательнаго къ землевладѣльцу, всегда недовольнаго, не устающаго трудиться и постничать, пока не пріобрѣтетъ облюбованнаго имъ клочка земли. Для Депретца этимъ клочкомъ была награда, въ особенности конкурсная; онъ уперся въ эту идею и внутренно укрѣплялъ ее въ себѣ въ долгіе часы молчанія. Отсюда этотъ странный, лукавый взглядъ, который иногда просвѣчивалъ сквозь высохшія вѣки. Но по недостатку пониманія онъ не успѣвалъ. Онъ могъ только нагромождать урокъ на урокъ, дѣлать лишнія задачи, списывать хорошія изреченія, заучивать наизусть массу латинскихъ стиховъ. Никакой у него не было изобрѣтательности; каждый годъ онъ спускался въ классѣ на одну ступень, въ особенности въ работахъ, требовавшихъ воображенія. Все же онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, благодаря большимъ запасамъ провѣренныхъ цитатъ, которыми онъ нагрузилъ свою память. Учитель иногда хвалилъ его за это, одобрялъ также его поведеніе. Никогда не нарушалъ онъ правилъ; вещи его всегда были въ порядкѣ, къ назначенному часу платье его было вычищено; ученики потѣшались надъ этимъ старинным платьемъ и надъ этой четырехугольной спиной, неподвижной, которая геометрически обрисовывалась подъ синимъ сукномъ. Любители математики, разгля-

дывая его тѣло и голову, говорили про него: „это шаръ, вписанный въ цилиндръ“. Онъ съ недовѣріемъ отнесся къ Этьену, думая, что тотъ хочетъ у него украсть какое-нибудь изъ его побѣдоносныхъ выраженій. Онъ смотрѣлъ на Этьена своимъ лукавымъ и въ то же время тупымъ взглядомъ, какъ бы желая показать ему, что онъ вовсе не такъ глупъ и что нельзя такимъ образомъ выхватывать у людей изъ-подъ носу нужные стихи. Онъ пробормоталъ себѣ что-то подъ носъ о необходимости учить урокъ, ушелъ къ своей партѣ съ недоброй улыбкой и уткнулся въ пюпитръ, откуда еще два или три раза поднималъ голову, чтобы тайкомъ взглянуть на нескромное животное, пожелавшее засунуть свою лапу въ его нору.

По части шалостей Арманъ Фаваръ былъ главаремъ. Онъ былъ худой, блѣдный, съ горящими глазами и несчастнымъ преждевременнымъ развитіемъ. Въ придачу къ темпераменту явилось тщеславіе и, подстрекаемый этими двумя стимулами, онъ шелъ дальше по пути къ саморазрушенію, какъ настоящій фанфаронъ порока. Чаще всего онъ удалялся въ какой-нибудь уголокъ двора и курилъ, стараясь и умѣя проглатывать дымъ или пропускать его внутрь платья, чтобы такимъ образомъ надуть надзирателей. Когда онъ имѣлъ возможность улизнуть, идя въ коллежъ, онъ отправлялся пить водку и гордился тѣмъ, что могъ выпить столько-то стаканчиковъ подрядъ. У него въ головѣ былъ цѣлый репертуаръ грязныхъ пѣсенъ, находившихъ себѣ слушателей: половая склонность довольно сильно уже развита въ этомъ возрастѣ, и плодъ, даже гнилой, кажется привлекательнымъ, потому что онъ неизвѣстенъ и запрещенъ. Къ тому же смѣлый, наглый какъ пажъ, безстыдный лгунъ, находчивый въ отвѣтахъ и дерзостяхъ, онъ отличался обиліемъ мыслей и даже талантливостью; у него была удивительная способность къ рисованію и онъ непрерывно рисовалъ каррикатуры. Много разъ учитель рисованія, видя легкость рисунка, поощрялъ его, но изъ благородной античной статуи онъ дѣлалъ смѣшную фигурку; скелеты съ оскаленными зубами или въ неприличной позѣ естественно выходили изъ-подъ его пера; онъ дошелъ до того, что только и рисовалъ вздутые животы или впалыя груди, игралъ всякими ужасами, но могъ теперь играть только съ промежутками: не хватало вдохновенія, какъ у изсякшаго источника, въ которомъ остались только капли. Много часовъ проводилъ онъ, положивъ голову на руку и съ отвислой губой; жесты его были отрывистые, голосъ пискливый или хриплый. Два или три раза Этьенъ, который восхищался его рисунками и чувствовалъ остроту въ его выходкахъ,

пытался завести съ нимъ разговоръ, но тотъ оставался мраченъ и отвѣчалъ: „Тебѣ хочется шутовского представленія—такъ дай мнѣ шесть су на покупку табака“. Въ другой разъ онъ коротко оборвалъ разговоръ оригинальной фразой: „Милый мой, друзьями становятся только люди, которыхъ вмѣстѣ рвало“. Послѣ всего этого искать идей въ подобныхъ бесѣдахъ было все равно, что отыскивать монеты въ ручьѣ. Въ другой разъ Фаваръ хотѣлъ возобновить съ нимъ отношенія, но Этьена тошнило отъ прежняго и онъ ничего не могъ отвѣтить. Онъ его увидѣлъ опять, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ лазаретѣ, блѣднаго, съ воспаленіемъ мозга. Это было ночью; въ бреду онъ вскочилъ съ постели, качаясь на голыхъ ногахъ, съ открытымъ ртомъ, съ безсмысленными глазами, дѣлая попытки смѣяться и двигая рукой какъ при куреніи трубки. Этьенъ съ изумленіемъ вслушивался въ странныя полуидіотскія, полузвѣрскія слова, выходившія заикаясь изъ этого судорожнаго горла; минуту спустя, ноги подкосились и кости стукнулись объ полъ съ сухимъ трескомъ, какъ кусокъ дерева. Онъ, однако, не умеръ, родители забрали его; но, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ окончилъ жизнь въ домѣ умалишенныхъ.

Самымъ лучшимъ ученикомъ былъ мальчикъ шестнадцати лѣтъ, Максимъ Бернаръ, маленькій, худенькій, подвижный какъ обезьяна, съ приплюснутымъ носомъ и фигурой сатира, всегда возбужденный, легко вскакивавшій, постоянно торчавшій у оконной рѣшотки, бѣгавшій по столамъ и знавшій все не уча. То, что сначала видѣли въ немъ, нравилось, и дѣйствительно онъ былъ очень популяренъ у всѣхъ; всѣ считали его услужливымъ, добрымъ малымъ; онъ платилъ вмѣсто каждаго, кто хотѣлъ, за пирожки и ячменный сахаръ; лѣнивымъ онъ не разъ диктовалъ переводы и даже дарилъ хорошее латинское стихотвореніе Депретцу, когда видѣлъ того уткнувшимся въ книгу надъ заданной работой. Сверхъ того, онъ придумывалъ игры, предлагалъ разныя шалости и храбро становился во главѣ маленькихъ возмущеній. Наконецъ, онъ сыпалъ остроумными словечками и заставлялъ всѣхъ смѣяться на счетъ тѣхъ, кто этого заслуживалъ. Онъ говорилъ о Депретцѣ: „это говорящій волъ“, о Фаварѣ—„это ходящая курильня“.—„А ты—спросилъ кто-то—кто таковъ?“—„Прыгающій мячикъ“. Это было очень вѣрно; его доброта, какъ и его остроуміе, всегда проявлялись внезапно и самопроизвольно; ему хотѣлось позабавиться—и больше ничего. Когда кончикомъ глаза онъ видѣлъ, какъ Депретцъ дѣлаетъ ошибку, съ устъ его сама собою сходила надлежащая

фраза; эпиграммы и мысли зарождались въ немъ и выскакивали изъ него такъ же неожиданно и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же побужденій. Пока люди его разлекали, онъ ихъ любилъ; какъ только кто переставалъ быть интереснымъ для него или былъ уже имъ использованъ, онъ тотчасъ отворачивался въ другую сторону.

Онъ переходилъ, такимъ образомъ, отъ одного къ другому, слегка коснувшись каждаго, пріятный для всѣхъ, заживляя своимъ добродушіемъ маленькія царапины, которыя онъ могъ нанести своимъ непостоянствомъ. Въ концѣ концовъ онъ доставлялъ каждому маленькое пикантное удовольствіе, въ которомъ нуждаются и находятъ удовлетвореніе люди въ общественной жизни. Онъ всегда его доставлялъ и никогда не портилъ. Притомъ онъ никого не безпокоилъ, какъ это дѣлаютъ натуры страстныя и глубокія. Онъ не былъ ни сосредоточенъ, ни озлобленъ; когда онъ занимался, онъ въ то же время ловилъ мухъ. Если онъ былъ первымъ, то только въ силу точности и быстроты природнаго ума; мгновенно схватывая смыслъ изложенія и весь ходъ мыслей, онъ на лету завоевывалъ первое мѣсто, ни съ кѣмъ не споря и никого не раздражая. Въ довершеніе всего, каждый отправлялся къ нему, какъ въ лавку за ячменнымъ сахаромъ; нѣтъ ничего пріятнѣе палочки такого сахара, получаемой безъ хлопотъ за одинъ су. Видя, что Этьенъ идетъ ему на встрѣчу, онъ его обслѣдовалъ, потомъ оставилъ, находя его слишкомъ жесткимъ. Съ этихъ поръ объ Этьенѣ составилось опредѣленное мнѣніе; рѣшили, что онъ не зловреденъ, но его слѣдуетъ оставлять въ покоѣ, потому что съ нимъ нельзя имѣть дѣло. Онъ отличался отъ другихъ, что̀ всегда опасно. Не зная, какъ опредѣлить его однимъ словомъ, его назвали „чернильной бутылью“. На его сторонѣ не было никого ни изъ прилежныхъ, ни изъ жизнерадостныхъ, ни изъ остроумцевъ. Трудолюбивые часто видѣли его въ классѣ безъ занятій; онъ не дѣлалъ переводовъ и упражненій сверхъ обязательныхъ работъ. Мальчишки казались ему грязными и онъ совсѣмъ не смѣялся надъ ихъ грубыми словечками. У него не было дара блестящей, насмѣшливой болтовни; онъ не умѣлъ отшучиваться. Въ общемъ онъ чувствовалъ себя чужимъ при господствѣ этихъ нравовъ. Они были для него слишкомъ грубы, въ особенности слишкомъ лживы и слишкомъ циничны; трактирные мальчики въ его маленькомъ городкѣ, по его мнѣнію, подобнымъ же образомъ насмѣхались надъ физическими недостатками, такъ же безцеремонно разсказывали непристойныя приключенія и изворачивались столь же неблаговидно, когда требовалось говорить правду, а сказать ее было опасно. Скудная пища и дурной

воздухъ въ школѣ во время занятій не способствовали оживленію Этьена; щеки его блѣднѣли, онъ говорилъ себѣ, что ему предстоитъ еще пять или шесть лѣтъ провести между этими людьми, вертѣть этотъ жерновъ—и онъ долженъ еще быть очень счастливъ, если съ помощью наградъ онъ пріобрѣтетъ право вертѣть его.

V.

Ученье.

Этьенъ налегъ на работу и старался пристраститься къ задачамъ, переводамъ и ко всему остальному, но никакъ не могъ этого достигнуть. Когда утромъ, въ пять часовъ, помывъ свои потрескавшіяся руки въ холодной водѣ, онъ спускался съ лѣстницы и садился на свою скамейку, испачканную чернилами, онъ долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы не остаться бездѣятельнымъ, подперевъ голову руками и ничего не читая. Онъ прислушивался къ шипѣнію печки и чувствовалъ запахъ этой переполненной залы, потомъ внезапно встряхивался, открывалъ свои учебники и начиналъ готовить урокъ.

Онъ совершенно не зналъ, куда онъ идетъ и по какой дорогѣ. „Когда я рѣшу еще триста задачъ и сдѣлаю триста переводовъ и когда я слово въ слово объясню всю Энеиду, что я буду знать?“ На этомъ вопросѣ онъ остановился, не зная, что отвѣтить. Очевидно это былъ странный вопросъ: никто изъ окружающихъ не задавалъ его себѣ. Депретцъ все шелъ впередъ ровнымъ шагомъ, исполняя одну работу за другой, ни о чемъ другомъ не размышляя. Бернаръ схватывалъ идею, заинтересовывался ею на полчаса, былъ первымъ, а потомъ думалъ о другомъ. Одинъ только Этьенъ страдалъ отъ безсмысленности своихъ занятій; ему хотѣлось знать, для чего онъ дѣлаетъ каждую работу; въ особенности ему хотѣлось самому выбрать то, что всего полезнѣе было бы сдѣлать. Онъ пробовалъ читать впередъ учебники исторіи, и отъ времени до времени находилъ въ нихъ интересныя описанія казней, да три или четыре фразы, взятыя изъ памятниковъ и дѣйствительно поразительныя; но книга была лишь обзоромъ генеалогій, сраженій и трактатовъ, украшеннымъ кое-гдѣ громкими и звучными словами: „Пьеръ убилъ Жана, который убилъ Павла, который убилъ Жака, который обокралъ Андрея, который ограбилъ Томаса, который выгналъ Іосифа“: послѣ восемнадцати дней чтенія, вотъ къ какому итогу

онъ пришелъ. Онъ набросился на сочиненіе Массильона, узнавъ изъ предисловія, что это — выдающееся сочиненіе. Когда онъ прочелъ двѣсти страницъ, ему показалось, что онъ проглотилъ двѣсти стакановъ довольно теплой и чистой воды. Навѣрное—думалъ онъ,—„маленькій принцъ, которому читали все это, былъ порядочно глупъ, потому что ему двадцать разъ повторяли одно и то же; къ тому же онъ былъ очень терпѣливъ, потому что онъ двадцать разъ подрядъ выслушивалъ одно и то же. Здѣсь только Депретцъ былъ въ состояніи продѣлать то же самое". Буало понравился ему больше, благодаря подробностямъ въ описаніи нравовъ. „Жаль, что онъ пишетъ стихами—ихъ понимаешь гораздо хуже, чѣмъ прозу; онъ говоритъ, что это лучше, я бы не повѣрилъ этому; это то же самое, что прыгать на одной ногѣ—подвигаешься гораздо медленнѣе, но оно красивѣе".

Этьенъ пробовалъ читать двухъ или трехъ классиковъ, между прочими Виргилія и Цицерона; но идеи ихъ были слишкомъ далеки отъ его возраста, и, плохо зная языкъ, онъ разбиралъ ихъ какъ загадки, довольный тѣмъ, что понимаетъ значеніе, но неспособный оцѣнить мысль. Вдобавокъ нѣкоторые уроки его утомляли, особенно латинскіе стихи; онъ съ огорченіемъ училъ наизусть поэтическія перифразы и раздражался, когда долженъ былъ дѣлать выборки изъ разныхъ стихотвореній. Въ этомъ не было ничего живого; ему набивали голову множествомъ словъ, множествомъ названій и терминовъ; его учили терпѣнію, работѣ, кротости, молчанію; онъ былъ какъ солдатъ въ казармѣ, котораго учатъ движеніямъ правой ноги, лѣвой ноги, большого пальца, локтя, и больше всего—уваженію къ приказамъ. Онъ съ грустью вспоминалъ уроки своего отца, такіе плодотворные, такіе занимательные. Какъ все, благодаря ему, становилось яснымъ! Какъ, при помощи старой гравюры, по поводу какого-нибудь маленькаго современнаго событія или сосѣдняго пейзажа, отецъ заинтересовывалъ его сраженіями Цезаря и прекрасными сказками Овидія! „Что̀ долженъ я изучать и какъ изучать?" Этьенъ постоянно возвращался къ этому вопросу и не могъ отвѣтить на него.

Однажды вечеромъ, во время перемѣны, онъ подошелъ къ группѣ, собравшейся около потухшей печки. Депретцъ, сдвинувъ брови, сосалъ свой палецъ и не говорилъ ни слова; Бернаръ сѣлъ верхомъ на единственный стулъ, находившійся въ классѣ, и ловко раскачивался, держась одной рукой за столъ; Фаваръ сидѣлъ по-турецки, спиной къ печкѣ, и забавлялся тѣмъ, чтобы какъ можно дальше бросать свои плевки, окрашенные табакомъ; другой сладострастно обхватилъ трубу и, закрывъ глаза, теръ

свою щеку объ ея полированную поверхность. Нѣкоторые, прислонившись другъ къ другу, ни о чемъ, повидимому, не думали и зѣвали. Тѣмъ временемъ потушены были три лампы изъ четырехъ; послѣдняя освѣщала своимъ жалкимъ дрожащимъ свѣтомъ груду грустныхъ фигуръ и грязныхъ одеждъ. Они были одни, если не считать класснаго наставника, который въ другомъ концѣ залы, на своей каѳедрѣ, усердно писалъ какое-то латинское сочиненіе въ стихахъ для экзамена.

— Для чего нужны латинскіе стихи? — вдругъ спросилъ Этьенъ.

Депретцъ широко раскрылъ глаза: онъ не понималъ. Бернаръ засмѣялся, а Фаваръ, глядя на него съ нѣкоторымъ презрительнымъ сожалѣніемъ, отвѣтилъ ему:

— Развѣ это тебя касается, большой чижикъ?

— А для чего они тебѣ?

— Я съ ними не вожусь; это годится только для ученыхъословъ какъ Депретцъ.

Депретцъ кашлянулъ, но не двинулся.

— А на что они Бернару, который—не оселъ?

— Ни къ чему; а для чего мы въ коллежѣ?

— Хорошо, пусть такъ, но для чего служитъ пребываніе въ коллежѣ?

— Твоему отцу наскучило видѣть, какъ ты возишься съ его трубками; онъ тебя сунулъ туда на храненіе и тебя здѣсь занимаютъ.

Проговоривъ эти слова, Фаваръ опять спустилъ свои ноги и сталъ жевать табакъ, съ мутными стеклянными глазами, какъ бы отдыхая отъ усилія. Послѣ того Бернаръ поднялся и сказалъ:

— Милый Этьенъ, я тебѣ очень благодаренъ за то, что ты не захотѣлъ зачислить меня въ табунъословъ; въ награду я готовъ потрудиться надъ твоимъ образованіемъ. Для чего нуженъ учебный пансіонъ? Чтобы доставлять тридцать тысячъ франковъ въ годъ почтенному Карпантье. Для чего нужны латинскіе стихи? Чтобы способствовать сбыту руководствъ по стихосложенію и словоударенію. Для чего нужны мѣста надзирателей? Чтобы давать занятіе бѣднымъ простофилямъ, которые поступили бы гораздо лучше, еслибы выбрали себѣ карьеру чистильщиковъ улицъ. Для чего нужны овцы? Чтобы изъ нихъ дѣлать котлеты. Почему я пишу латинскіе стихи? Потому что это не скучнѣе, чѣмъ играть на билліардѣ. Почему я работаю? Потому что я предпочитаю заниматься, чѣмъ жевать табакъ подобно Фавару, который выплевы-

ваетъ свою табачную слюну и кончитъ тѣмъ, что выплюнетъ свои легкія.

Прозвучалъ звонокъ, и они поднялись въ дортуары.

„Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ себѣ Этьенъ,—они находятся въ тюрьмѣ и разсуждаютъ, какъ заключенные въ тюрьмѣ. Не ихъ нужно спрашивать. Посмотримъ, что скажутъ учителя".

Что касается классныхъ наставниковъ, то о нихъ нечего было и думать. Бѣдняги были простыми надзирателями, болѣе стѣсненными чѣмъ сами ученики; они были презираемы, сознавали это пренебреженіе и пребывали въ постоянномъ страхѣ, такъ какъ обязаны были не особенно досаждать молодымъ людямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать порядокъ. Нѣкоторые изъ нихъ занимались для себя, но урывками, внимательно слѣдя за тѣмъ, чтобы захватить запрещенную книгу или помѣшать недозволенному разговору. Какъ разъ въ серединѣ какой-нибудь хорошей мысли, ученикъ стучалъ пальцами, прося позволенія выйти, или начиналъ повторять урокъ. Другіе читали плохой романъ, который они скрывали между страницами учебника, или смотрѣли въ пространство, или чинили перья, или забавлялись тѣмъ, что двадцать разъ подрядъ писали свое имя, совершенствуя свой росчеркъ. Большею частью они едва ли были баккалаврами, такъ что хорошіе ученики насмѣхались надъ ними вполнѣ откровенно. Единственный, пользовавшійся авторитетомъ, былъ человѣкъ лѣтъ сорока, очень хорошо одѣтый, съ красивой бородой и блестящими волосами. Говорили, что онъ служилъ охотникомъ у какой-то графини, и что онъ былъ на содержаніи у одной госпожи. Дѣйствительно, запонки его были великолѣпны и каждый мѣсяцъ видѣли у него новое кольцо. Его самоувѣренный видъ, громкій голосъ, его вспыльчивость, внушали всѣмъ уваженіе; никто не болталъ у него на урокѣ. Впрочемъ, невѣжественный какъ карпъ, онъ съ трудомъ читалъ или совсѣмъ не умѣлъ читать по-гречески; всѣ пользовались этимъ; ему подавали книги, говоря: „кай, кай, кай", и включая между этими звуками кучу непонятныхъ словъ. А онъ дѣлалъ видъ, что слѣдитъ, и потѣлъ изо всѣхъ силъ. „Хорошо, — говорилъ онъ черезъ пять минутъ, — я вижу, что вы знаете, садитесь".

Репетиторы, наоборотъ, были людьми довольно знающими. Три раза въ недѣлю Этьенъ и ученики его класса отправлялись на полтора часа въ маленькую, узенькую залу, гдѣ г. Делаге исправлялъ латинскія и французскія работы. Съ нимъ совсѣмъ не воевали; все происходило весьма дружески. Это былъ человѣкъ тридцати-восьми лѣтъ, довольно высокій и худощавый, хо-

рошо сложенный, немного педантичный и щеголеватый. Онъ очень ухаживалъ за своими руками; его синій сюртукъ съ золотыми пуговицами, хотя и не совсѣмъ новый, былъ всегда безукоризненно чистъ. Онъ очень красиво зачесывалъ свои волосы и обладалъ способностью нравиться. Этьенъ подолгу, съ любопытствомъ, наблюдалъ его размѣренные, изящные жесты, палку, которою онъ игралъ, вышитую рубашку, которую онъ разглаживалъ рукой. Его поднятый палецъ, движущійся равномѣрно въ пространствѣ, приковывалъ вниманіе и подчеркивалъ ударенія въ произносимыхъ фразахъ. Онъ столько разъ тонко улыбался, что кожа его вся сложилась въ складки и испещрена была мелкими, тонкими морщинами. Больше всего его красили ротъ и глаза, полузакрытые, прищуренные; его тѣло, его шея и склоненная голова, выдаваясь впередъ, всегда казались готовыми выкинуть какую-нибудь пріятную шутку. Онъ далеко не былъ глупъ и въ молодости усердно работалъ. Но у многихъ людей хватаетъ силы воли только до двадцати пяти лѣтъ; они теряютъ бодрость вмѣстѣ съ молодостью и садятся, когда слѣдовало бы двигаться. Хорошій латинистъ и ловкій говорунъ, онъ почти сейчасъ по выходѣ изъ коллежа устроился на довольно хорошемъ мѣстѣ и нашелъ въ себѣ ровно настолько мужества, чтобы сдать одинъ или два экзамена и потомъ успокоиться. Такъ сладко утромъ лежать въ постели, а вечеромъ прогуливаться, раскуривая сигару. Къ тому же, куря и оставаясь въ постели, можно мечтать; являются литературныя фантазіи и даже по временамъ слагаются стихи. Почему бы не сдѣлаться писателемъ, великимъ поэтомъ? Образованіе, полученное въ коллежахъ, пріучаетъ считать произведенія ума единственными, которыми стоитъ заниматься; каждый годъ, поэтому, является множество геніевъ, которые, перепачкавъ массу бумаги, кончаютъ тѣмъ, что становятся экспедиторами, писцами или приказчиками. Онъ остался репетиторомъ, на жалованьѣ въ тысяча восемьсотъ франковъ; такъ какъ сверхъ того онъ имѣлъ готовый столъ и квартиру, а потребности его были очень скромны, то онъ вовсе не былъ несчастенъ, спокойно лѣнился, читалъ немного, иногда риѳмовалъ и охотно велъ научныя бесѣды. Много людей, найдя такимъ образомъ свой укромный уголокъ, приспособляются къ нему и, затѣмъ, свѣсивъ ноги, довольствуются тѣмъ, что слѣдятъ за полетомъ мухъ. Четверть часа тратилъ онъ каждый разъ на то, чтобы заставить раскрыть книги и подать тетради, другую четверть часа — на то, чтобы приготовить вступительныя остроты; третью четверть часа выслушивалъ уроки, ничего не говоря,

играя брелоками или зубочисткой; потомъ, замѣтивъ мимоходомъ одну или двѣ нелѣпости, онъ придумывалъ эпиграмму, отдѣлывалъ ее, подчеркивалъ, закруглялъ, повторялъ ее еще разъ, пока она не становилась для всѣхъ ясною. Тогда на скамейкахъ кричали: „О! О!“—и своей рукой въ перчаткѣ онъ пытался успокоить шумный восторгъ; но ученики знали, что онъ доволенъ, и ему устраивали овацію. Молодые люди и даже дѣти всегда умѣютъ удивительно быстро подмѣтить въ человѣкѣ слабую струнку. Иногда ученики, въ видѣ насмѣшки, явно преувеличивали свое одобреніе; между собою они называли его маркизомъ де-Маскариль. А онъ, довольный успѣхомъ даже въ ущербъ авторитету, иногда дозволялъ выудить у себя ненапечатанные отрывки стихотвореній и такимъ образомъ, съ разными оговорками и съ несомнѣнною скромностью, на живомъ примѣрѣ и по собственнымъ образцамъ, училъ искусству прилагать надлежащіе эпитеты и разлагать перифразы. Древнихъ писателей, такихъ простыхъ и важныхъ, онъ комментировалъ въ томъ же духѣ, съ шутками и прибаутками. Этьенъ пробовалъ смѣяться, но почувствовалъ въ головѣ непріятную пустоту, и про себя сравнивалъ репетиціи съ работой маленькихъ дѣвочекъ, которыя, съ помощью проволоки, булавокъ, клея и розовыхъ тряпокъ, воображаютъ себѣ, что дѣлаютъ цвѣты.

Когда онъ съ грустнымъ видомъ выходилъ послѣ репетиціи, Бернаръ сказалъ ему:

— Мой бѣдный Мэйранъ, у тебя видъ осла на лугу; ты недоволенъ—твой вопросъ застрялъ у тебя въ горлѣ, какъ шипъ.

— Какой вопросъ?

— Твой знаменитый вопросъ: для чего нужна латынь? Для чего служитъ коллежъ? Въ концѣ концовъ ты хорошо сдѣлалъ: этотъ напомаженный дуракъ повторилъ бы тебѣ прошлогоднія фразы. Развѣ ты ихъ не знаешь?

— Нѣтъ.

— Какъ, неужели ты не читалъ его рѣчь при раздачѣ наградъ,—эту остроумную рѣчь, эту блестящую рѣчь, этотъ шедевръ сочинительства, этотъ образецъ стиля, эту великую страницу въ литературѣ, которая... и такъ далѣе? Но, милый мой, она у него всегда съ собою въ карманѣ, онъ спитъ съ нею, ее раздаютъ родителямъ, ее облекли въ кожаный переплетъ, ее помѣстили въ библіотеку. Онъ не спалъ изъ-за нея три мѣсяца: онъ внезапно просыпался, соскакивалъ съ постели, чтобы записать фразу; я видѣлъ, какъ онъ за столомъ бросалъ котлетку, чтобы карандашомъ сдѣлать поправку. Рѣчь начинается такъ: „Если когда-

нибудь, милостивые государи, торжество было въ одно и то же время значительно и трогательно...“ — и фраза шла дальше на протяженіи одиннадцати строчекъ, съ эпитетами, съ перемѣнами интонацій, съ подчеркиваніями. Первую страницу я переложилъ въ стихи. Я прочту тебѣ ее, это тебя убѣдитъ; оно озаглавлено: „О пользѣ патоки для кондитера“.

— Я не люблю патоки.

— Развѣ тебя спрашиваютъ, любишь ли ты ее? Ее нужно ѣсть, потому что нѣтъ ничего другого. Какой ты смѣшной! Послушай, теперь часъ, я пойду на урокъ музыки,—странный урокъ, ты увидишь. Учитель мой—мечтатель какъ и ты, искатель идей, рыцарь печальнаго образа. У него въ головѣ вѣтряныя мельницы. Это все-таки нѣчто; здѣшніе почтенные люди обладаютъ только вѣтромъ безъ мельницъ. Вы поболтаете, а я вамъ буду акомпанировать на роялѣ. Это составитъ самый прекрасный музыкально-литературный винигретъ. Мы пріятно проведемъ три четверти часа и вмѣстѣ съ тѣмъ поупражняемся въ искусствѣ“.

Они поднялись въ шестой этажъ и въ концѣ пыльнаго коридора нашли еще болѣе пыльную комнату. Навѣрное ее никогда не выметали. Въ видѣ мебели въ ней находилась только кровать безъ занавѣсокъ, простой деревянный столъ, въ углу рояль и три стула; все это—сѣроватое, пожелтѣвшее, обтертое, выцвѣтшее, какъ лицо учителя, который, сидя у своей печки, курилъ, не произнося ни слова. Нездоровая жара отягчала воздухъ; труба, согнутая и разогнутая, какъ червякъ, жалко и уродливо тянулась вдоль потолка. И тощій, обшарпанный человѣчекъ выглядѣлъ такимъ же грустнымъ, какъ и его комната.

Бернаръ вошелъ подпрыгивая: — Представляю вамъ Этьена Мэйрана. Это не училищный сторожъ, хотя у него и видъ такой. Какъ разъ наоборотъ, это—будущій великій человѣкъ. Онъ приступилъ къ изслѣдованію о пользѣ патоки съ соціальной и философской точекъ зрѣнія; онъ будетъ здѣсь въ своемъ кругу, дорогой и знаменитый учитель, и это меня и побудило привести его къ вамъ.

— Къ роялю, юная обезьяна, и поберегите свои фразы для вашего коллежа.

Онъ указалъ Этьену на стулъ и сталъ вновь курить, наклонивъ голову, не имѣя вида слушающаго, неподвижно и не открывая рта. Наконецъ онъ произнесъ: „Пру!“ — и Бернаръ пересталъ играть.

— Господинъ Этьенъ Мэйранъ, урокъ стоитъ двадцать су. Неправда ли, я укралъ эти двадцать су?

Этьенъ подскочилъ.

— Я не исполнилъ ни одной изъ моихъ обязанностей, я—смѣшной преподаватель. Я ниразу не сказалъ Бернару: „Сольдіэзъ, милостивый государь, оттѣняйте сильнѣе повтореніе; больше чувства въ варіаціяхъ; нѣжнѣе“. Двадцать су за „прру“—право это слишкомъ много!

— Браво!—вскричалъ Бернаръ—представленіе начинается.

Учитель опустилъ голову и умолкъ. Минуту спустя молодые люди увидѣли, какъ двѣ большія слезы потекли вдоль щекъ его, потомъ еще и опять еще; въ концѣ концовъ онѣ текли подобно дождю, падали на край печки, на пепелъ отъ трубки: онъ какъ будто забылъ о присутствіи постороннихъ людей. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ человѣкъ, который давно уже началъ опускаться и теперь совсѣмъ опустился. Хромой столъ, ветхіе стулья, весь безпорядокъ разоренной комнаты, и больше всего его растрепанные волосы, пожелтѣвшія отъ табака руки, высохшіе виски, указывали на постепенную агонію, которая приходила къ концу. Этьенъ понялъ это сразу, и, при видѣ двухъ бороздъ, образовавшихся отъ слезъ на землистыхъ щекахъ учителя, готовъ былъ заплакать.

Бернаръ поднялся въ сильномъ смущеніи.

— Прошу васъ извинить меня; даю вамъ честное слово, что у меня не было никакого дурного намѣренія. Можете ли вы простить меня?

— Мнѣ не въ чемъ тебя прощать, дитя мое; ты сдѣлалъ мнѣ больно, но ты объ этомъ не думалъ. Ты забавлялся, вотъ и все; ты всегда будешь забавляться, это у тебя инстинктивно. Умъ твой рожденъ для насмѣшекъ. Тѣмъ лучше для тебя; ты никогда не дойдешь до того, до чего дошелъ я. Это — мой послѣдній урокъ, другъ мой; я завтра покидаю пансіонъ; еще одинъ этапъ оставляю я за собою; предполагаю, что слѣдующимъ будетъ госпиталь. Но прежде чѣмъ уйти, нужно заработать свои двадцать су; ты хорошо знаешь, что я люблю платить свои долги. Дай же мнѣ докончить свой урокъ и выслушай меня. У тебя гибкіе пальцы, но ты не музыкантъ, и никогда имъ не будешь. Нужно быть несчастнымъ, чтобы понимать музыку; ты слишкомъ веселъ, и твои огорченія, если они у тебя будутъ, будутъ только поверхностными. Оставь сонаты и запомни только ихъ номера: это тебѣ послужитъ при разговорѣ съ молодыми женщинами. Научись играть пьесы для танцевъ; ты заставишь подъ ихъ звуки танцовать молодыхъ свѣтскихъ барышень и гризетокъ въ Латинскомъ кварталѣ. Забавляйся и за-

бавляй другихъ—вотъ твой удѣлъ, хорошій удѣлъ, и ты не нуждаешься въ томъ, чтобы тебя поощряли въ этомъ направленіи. И поэтому я обращаюсь не къ тебѣ, а къ твоему другу. Бернаръ мнѣ говорилъ уже о васъ, Этьенъ; я знаю, что вы бѣдны и можете разсчитывать только на себя самого, бѣдное дитя мое. Итакъ, посмотрите поближе, на какой вы дорогѣ и, главное, по какому пути хотятъ васъ вести. Я ломалъ себѣ голову надъ своими тетрадями по гармоніи, какъ вы надъ своими словарями. Чего я достигъ? Я настолько основательно истрепался, что не имѣю уже силъ сердиться и говорю съ вами обо всемъ этомъ совершенно спокойно. И намъ также вдали показывали награды и отличія, и всѣ открытыя передъ нами карьеры; а теперь у меня есть друзья-математики, которые толкутъ всякую дрянь въ задней комнатѣ аптеки или разъѣзжаютъ повсюду, чтобы пристроить товары своихъ хозяевъ. Мои консерваторскія награды дали мнѣ возможность получить мѣсто органиста, съ жалованьемъ въ шесть сотъ франковъ, въ провинціи; но черезъ полтора года епископъ смѣстилъ меня, потому что я не говѣлъ на Пасху. Я жилъ уроками; это былъ краденый хлѣбъ: три ученика изъ четырехъ не въ состояніи ихъ понимать. Кончилось тѣмъ, что я объ этомъ открыто говорилъ, и родители отказывали мнѣ какъ болвану. И вотъ теперь я капельмейстеръ въ веселомъ домѣ за заставой. Я буду наслаждаться каждый вечеръ запахомъ лампъ и плохого жаркого, и мой талантъ будетъ выражаться въ томъ, чтобы производить своей игрой какъ можно болѣе шума и оживлять танцы дѣвицъ и кавалеровъ. Другой мой товарищъ сталъ секретаремъ великаго человѣка, который за восемь часовъ работы давалъ ему сорокъ-два су въ день. Онъ сдѣлалъ карьеру: на прошлой недѣлѣ я его нашелъ въ сѣтяхъ Сенъ-Клу. Человѣкъ быстро опускается на дно въ этомъ мірѣ. Сосѣди и не подозрѣваютъ этого. Раздается маленькое клокотаніе, потомъ одной головой меньше на поверхности воды, и потомъ опять полное спокойствіе. Нужно умѣть плавать, дѣти мои—а здѣсь, да и повсюду, вамъ показываютъ только, какъ плясать на канатѣ. Вы изощряетесь въ томъ, чтобы подпрыгнуть какъ можно выше; вы похваляетесь, если вамъ удается продержаться немного дольше, чѣмъ вашимъ сосѣдямъ, на правой ногѣ или на лѣвой. Развѣ для обладанія искусствомъ плаванія достаточно умѣть дѣлать скачки вверхъ? Вотъ что я открылъ во время долгихъ часовъ ожиданія учениковъ; но я не знаю, что будетъ дальше. Я не съумѣлъ себѣ помочь, и чувствую, что проваливаюсь. Теперь ваша очередь учиться плавать и найти къ тому здѣсь возмож-

ность. Будьте осторожны, не довѣряйте пустомелямъ, ищите и судите своимъ собственнымъ умомъ. Вы молоды, у васъ есть силы. Что касается меня, я усталъ и плыву по теченію.

Они хотѣли обнять его; но онъ тихо отстранилъ ихъ, говоря:

— Представленіе кончено. Спокойной ночи, Бернаръ, я сегодня выступаю на первомъ моемъ балѣ, мнѣ нужно вдохновеніе; довольно жалкихъ словъ. Пожатія руки достаточно.

Послѣ этого они вышли. Даже Бернаръ былъ серьезенъ; они вошли въ классъ, не произнося ни слова.

VI.

Наука.

Пятнадцать дней спустя, въ четвергъ, день отпуска, когда Этьенъ почти былъ одинъ во дворѣ, репетиторъ исторіи Спренгель подозвалъ его къ себѣ. Это былъ человѣкъ очень уважаемый, считавшійся однимъ изъ столповъ пансіона. „Невозможно поддѣть его,—говорили ученики.—Эта обезьяна Бернаръ потратилъ недѣлю, набивая себѣ голову всевозможными числами и датами, именами султановъ, фатимитовъ, эдрисситовъ, газневидовъ, сельджукидовъ и т. д.—и въ теченіе четверти часа выкладывалъ ему все что̀ зналъ, сдѣлавъ нарочно три ошибки. Тотъ спокойно слушалъ, сдѣлалъ три отмѣтки и потомъ въ концѣ передалъ ихъ ему: это были его три ошибки“. Нельзя было себѣ представить болѣе точнаго склада свѣдѣній. По всѣмъ исторіямъ—древней, греческой, латинской, азіатской, средневѣковой, новой и современной, — во всѣ часы дня, передъ большими и малыми слушателями, въ четырехъ или пяти классахъ, онъ былъ всегда готовъ. Онъ былъ, притомъ, старательный, добросовѣстный человѣкъ, всегда охотно помогавшій занимающимся.

— Мэйранъ, мой мальчикъ, — сказалъ онъ Этьену, — вотъ вы часто бываете первымъ; пойдемте сегодня со мной прогуляться. Я знаю, что у васъ нѣтъ никого, и г. Карпантье далъ мнѣ отпускъ для васъ.

Этьенъ, весь красный, пошелъ почистить себѣ платье, спрашивая себя, долженъ ли онъ будетъ принять обѣдъ, за который уплатить не можетъ. Онъ чувствовалъ, что платить за свое содержаніе въ пансіонѣ, и въ своей непреклонности никому не хотѣлъ быть обязанъ. „Это ему будетъ стоить три франка,—говорилъ онъ себѣ,—какое право имѣю я на эти три франка?“

Онъ спустился, почти рѣшившись сказаться больнымъ, но лицо Спренгеля было такое открытое и добродушное, что не было возможности отказаться.

— Возьмите меня подъ-руку, мы пойдемъ по набережнымъ— сказалъ Спренгель.

Яркое солнце освѣщало рѣку; голубые круги вращались около арокъ; тамъ и сямъ показывались маленькія волны. Весна наступила раньше, чѣмъ это могъ замѣтить Этьенъ въ своей темницѣ. Ивы и тополи раскрывали надъ водой свои гирлянды почекъ. Чистое, ясное небо, радостный свѣтъ, игравшій на свободномъ воздухѣ, внушительный фасадъ стараго Лувра, толпа, изящество экипажей, нарядныя женщины, богатыя дѣти — все это опьяняло Этьена послѣ долгихъ недѣль однообразнаго, принудительнаго прозябанія. Въ обычной обстановкѣ безцвѣтныхъ, печальныхъ или грязныхъ предметовъ онъ утратилъ чувство красоты, представленіе о красивыхъ и великихъ вещахъ. Это чувство вдругъ вернулось къ нему, и стало слишкомъ сильнымъ, прибывая одновременно со всѣхъ сторонъ.

Когда они усѣлись на скамейкѣ въ Тюльерійскомъ саду, и предъ нимъ раскрылась, при роскошномъ солнечномъ освѣщеніи, перспектива пестрыхъ лужаекъ, кустарниковъ, фонтановъ, съ виднѣвшейся издали Тріумфальною аркою, съ массою движущихся людей, ему казалось, что всѣ предметы, вплоть до малѣйшихъ, входили въ его голову и толкали его въ грудь; онъ чувствовалъ, что его точно поднимало со скамейки, и онъ стиснулъ губы, чтобы не закричать.

— Сидите, Этьенъ! — обратился къ нему Спренгель, вытирая себѣ лобъ.—Вы вѣроятно устали; мы шли быстро какъ скороходы. Что тамъ такое? Вы смотрите на солнце? Вы правы: еслибы мы были здѣсь въ пять часовъ, вы увидѣли бы его какъ разъ надъ обелискомъ; это очень любопытно, похоже на бильбокэ съ шаромъ. Но у васъ совсѣмъ растерянный видъ. Отдохните, мой милый мальчикъ, у насъ достаточно времени. Славный денекъ, неправда ли? Мы можемъ здѣсь поболтать; намъ здѣсь удобно.— Э! э! нужно глядѣть впередъ и смотрѣть куда слѣдуетъ. Не такъ; это метафора, а вы принимаете ее буквально. Я хочу сказать, что вы должны думать о томъ, что будетъ черезъ пять мѣсяцевъ. А что случится тогда? Конкурсъ. Да, другъ мой. Вотъ гдѣ нужно держать ухо востро. Вы чувствуете это? — и онъ потянулъ его за ухо самымъ шутливымъ и дружескимъ образомъ. — Что вы скажете на это?—произнесъ онъ, потирая руки.—Не стоитъ ли подумать объ этомъ? Вы хорошо сочиняете, у васъ есть память,

вы работящій человѣкъ; чего же вамъ не хватаетъ? Извѣстныхъ пріемовъ дѣйствія. Хорошо, я вамъ ихъ укажу. 815—конецъ Карла Великаго, основателя первой имперіи. 1815—конецъ царствованія Наполеона, основателя второй имперіи. Теперь нѣтъ никакой возможности забыть эти двѣ даты. Погодите, вотъ вамъ нѣчто еще болѣе интересное. 1215—Англія получаетъ Великую Хартію вольностей; 1415 — англичане-побѣдители при Азенкурѣ; 1515 — вступленіе на престолъ Франциска I, самаго знаменитаго изъ дома Валуа; 1715—смерть Людовика XIV, самаго знаменитаго изъ Бурбоновъ; 815 и 1815, 1215 и 1415, 1515 и 1715—это составляетъ рядъ. Посмотрите, какъ вотъ это—и онъ взялъ маленькіе камешки, которые попарно разложилъ на скамейкѣ.—Вы видите оба первые—815 и 1815, раздѣленные тысячелѣтіемъ; нужно прибавить только единицу, это само собою запоминается. Теперь другія: 1215, 1415, четныя цифры столѣтій, отдѣленныхъ двумя стами лѣтъ. 1515, 1715—нечетныя цифры столѣтій, отдѣленныхъ двумя стами лѣтъ. Вы понимаете? Повторите теперь.—Этьенъ машинально повторилъ.—Вотъ, вы видите: нѣтъ ничего легче; остается только повторять себѣ цифры два или три дня подрядъ, вечеромъ и утромъ, вставая и ложась спать. И такъ, другъ мой, и въ остальномъ. 1689, 1789; 453, 1453. Черезъ три мѣсяца они будутъ у васъ на кончикахъ пальцевъ. Вотъ это для чиселъ. Теперь событія. Передайте мнѣ мою трость!—и онъ началъ рисовать на пескѣ.—Прежде всего я провожу большую черту и пишу надъ нею: царствованіе Карла Великаго. Хорошо. Теперь я ставлю подъ этимъ первую рубрику *A*—дѣла внутреннія, и вторую, такую же, *B*—дѣла внѣшнія. Затѣмъ, въ первой три меньшія скобки: маленькое *a*, маленькое *b*, маленькое *c*—администрація, религія, литература,—и во второй три скобки одной и той же величины—войны на югѣ, войны на востокѣ, войны на западѣ, каждая съ болѣе мелкими подраздѣленіями для подробностей. Понимаете? Крупныя событія—большими буквами, съ подчеркиваніемъ и красными чернилами; я скажу въ пансіонѣ, чтобы вамъ ихъ дали. Постарайтесь написать чисто и четко, чтобы легко было перечесть кончикомъ глаза. Вы приклеите это къ спинкѣ вашего пюпитра или къ обложкѣ вашего словаря, чтобы каждый день имѣть эти данныя передъ глазами. Невозможно не заучить ихъ. Вы держите пятьдесятъ рубрикъ въ головѣ, вы орудуете съ ними, какъ на шахматной доскѣ: это точно математика. И черезъ пять мѣсяцевъ вы садитесь въ маленькой залѣ рядомъ съ Сорбонной; вы хорошо выспались наканунѣ, у васъ свѣжая голова, вы пишете

шестнадцать страницъ, память не измѣняетъ вамъ, весь планъ составленъ, и въ результатѣ—первая награда по исторіи Этьену Мэйрану.

Спренгель поднялся. Онъ снялъ шляпу, засучилъ рукава и съ увлеченіемъ рисовалъ на пескѣ; большой животъ его колыхался взадъ и впередъ, съ влажнаго лба струился потъ, голосъ звучалъ громко. Онъ испытывалъ радость въ порывѣ дѣйствія, убѣжденія, могущества, какъ генералъ въ самый славный день битвы, въ день побѣды. Онъ подпрыгивалъ, не смотря на весь свой объемъ, съ проворствомъ молодого человѣка, отмѣчая рубрику, подчеркивая слово, похлопывая Этьена по плечу, съ горящими глазами, съ вдохновеннымъ лицомъ, сопровождая свои объясненія порывистыми и выразительными жестами. Вокругъ нихъ образовалась толпа. „Насъ принимаютъ за шарлатановъ,—сказалъ про себя Этьенъ, — и я имѣю видъ сообщника". Но Спренгель не былъ человѣкомъ, смущающимся такими пустяками; онъ ничего не видѣлъ, онъ слѣдилъ за своей идеей. Когда чьи-либо ноги ему мѣшали, онъ отстранялъ ихъ своей палкой; окончивъ свои доказательства, онъ, также не замѣчая окружающихъ, опять вытеръ себѣ лобъ, взялъ Этьена за руку и, растолкавъ удивленную толпу, громко сказалъ:—Пойдемъ обѣдать.

Когда обѣдъ кончился, Спренгель продолжалъ объяснять всѣ свои пріемы, идя съ Этьеномъ обратно по бульварамъ до улицы Сенъ-Луи, гдѣ онъ жилъ. „Поднимитесь ко мнѣ, я покажу вамъ мои карточки, мы заваримъ кофе и пріятно закончимъ день. Это и ваше мнѣніе, неправда ли? Э, выпадаютъ иногда веселые дни; жизнь вообще—славная вещь. Вотъ мы и пришли. Не двигайтесь, чтобы не стукнуться о мебель. Я живу одинъ, и мнѣ нужно зажечь свѣчку. О, это не долго: я знаю, гдѣ все лежитъ; я съ закрытыми глазами могу положить руку на тетрадь о Гогенштауфенахъ. Вотъ свѣтъ, садитесь. Неправда ли, хорошо быть дома? Какъ видите, двѣ комнаты съ кухней, хорошенькій пятый этажъ, приличный домъ, видъ на сады, отсутствіе всякаго шума. Я здѣсь чувствую себя какъ король, когда одѣну халатъ и туфли. Посмотрите, пока я приготовляю чашки (онъ показалъ ему полную книгъ библіотеку): все это мое, содержимое и содержащее, текстъ и переплеты. Переплетчики не понимали меня, я изучилъ ихъ ремесло,—это занимаетъ мое воскресенье. Вы увидите мои инструменты въ кухнѣ, у меня есть передвижныя буквы, всевозможные клеи и всякія необходимыя чернила. Возьмите тетрадь изъ зеленаго ряда, это—средніе вѣка. Третья? Хорошо, это короли англійской геп-

тархіи,—трудный періодъ; они много убиваютъ другъ друга, и это вноситъ путаницу въ генеалогическое дерево. Но все-таки съ этимъ можно справиться, вотъ такъ, напримѣръ: окружая каждое имя фигурой, ставя то красный кружокъ, то квадратъ изъ желтыхъ звѣздъ и другіе знаки и прикрѣпляя таблицу къ стѣнѣ. Тогда факты у насъ передъ глазами и они сами собою запоминаются. Въ день урока мнѣ нужно только утромъ взглянуть на мои таблицы. Сдѣлавъ это, нельзя уже ошибиться, а вѣдь нужно быть увѣреннымъ, что не сдѣлаешь ошибки передъ такими плутами, какъ вы и ваши товарищи. Ахъ, Бернаръ славно попался, когда думалъ поймать меня. Я не сержусь на него: онъ былъ въ своемъ правѣ. Это славный малый, онъ далеко пошелъ бы, еслибы захотѣлъ потрудиться написать таблицы. Не говорите, я видѣлъ немало такихъ; въ двадцать пять лѣтъ я былъ принятъ первымъ для приготовленія къ профессурѣ, за сочиненіе объ островахъ Средиземнаго моря; я составилъ исторію семнадцати острововъ древнихъ и современныхъ. Славная это вещь—исторія. Дайте свою чашку, кофе готовъ".

Разговаривая все время, Спренгель надѣлъ свой знаменитый халатъ и сдѣлалъ все нужное по хозяйству съ удивительной ловкостью и проворствомъ. Онъ былъ доволенъ, изливалъ свои чувства и сталъ вдаваться въ дружескія откровенности. „Да, мой мальчикъ,—заговорилъ онъ опять,—славная это вещь—исторія. Я всего достигъ черезъ нее. Что мѣшаетъ вамъ сдѣлать то же самое? Двадцать пять лѣтъ тому назадъ братъ Карпантье выудилъ меня въ семинаріи въ Кольмарѣ; я сдѣлалъ свою карьеру, какъ видите, и я счастливъ какъ принцъ. Чего мнѣ недостаетъ? Я знаю свое дѣло, всѣ мои курсы основательно закрѣплены въ моей памяти; я имѣю двѣ тысячи франковъ въ пансіонѣ, уроки въ городѣ и маленькія сбереженія, которыя увеличиваются. Разсчетъ мой сдѣланъ: въ пятьдесятъ лѣтъ я буду жить какъ рантье, заложивъ руки въ карманы. Здѣсь я ничѣмъ не стѣсненъ; каждую недѣлю приходитъ женщина, чтобы все починить и привести въ порядокъ; портье ведетъ мое хозяйство и одобряетъ меня, потому что я каждый день возвращаюсь въ девять часовъ. Вотъ уже десять лѣтъ я обѣдаю за однимъ и тѣмъ же столомъ и обо мнѣ заботятся. По воскресеньямъ я переплетаю; каждый вечеръ я играю свою партію въ шахматы, или какой-нибудь добрый мальчикъ, какъ вы, придетъ поговорить. Нѣтъ дѣтей, жены, нѣтъ никакихъ хлопотъ; я долженъ думать только о себѣ,—все катится здѣсь какъ на колесахъ. Что можетъ человѣкъ желать большаго?

Работайте твердо, и черезъ десять лѣтъ вы сможете имѣть то же самое".

Онъ проводилъ его обратно до пансіона, который находился по сосѣдству, и сдалъ его швейцару, говоря: „Это рѣшено, неправда ли? Награда по исторіи на конкурсѣ, не вторая, а первая, и мы стойко будемъ трудиться ради этого". Минуту спустя, Бернаръ, который также только-что возвратился, присоединился къ нему.

— Папа Спренгель съ тобою пошелъ гулять?

— Да, это славный человѣкъ.

— Онъ повелъ тебя обѣдать въ ресторанъ?

— Да.

— Въ какой ресторанъ?

— Въ Палэ-Рояль.

— Хорошо, сорокъ су. Онъ далъ что-нибудь гарсону?

— Да.

— Сорокъ и два составляютъ сорокъ два су. Вы поѣхали въ омнибусѣ?

— Да, на обратномъ пути.

— Шесть и сорокъ два составляютъ сорокъ восемь су.

— Что это ты считаешь?

— Я подсчитываю твой счетъ. Ты найдешь эти сорокъ восемь су въ счетѣ издержекъ, который тебѣ предъявятъ въ концѣ года.

— Какимъ образомъ?

— Папа Спренгель—человѣкъ очень либеральный, но только не въ томъ что касается денегъ.

— Тогда зачѣмъ же онъ меня взялъ гулять?

— Потому что Карпантье ему предложилъ это и предупредилъ, что ему вернутъ издержки.

— Но онъ со мной обращался какъ съ другомъ.

— У него дружба для всѣхъ одинаковая.

— Тогда чего же онъ хочетъ отъ меня?

— Награды по исторіи. Я держу пари, что онъ училъ тебя фабрикаціи табличекъ.

— Да.

— Очень хорошо. Ты начнешь заготовлять таблички фактовъ?

— Да.

— Еще лучше. Трудныя имена ты будешь подчеркивать разноцвѣтными чернилами?

— Да.

— Прекрасно. Ты все это будешь заучивать утромъ и вечеромъ, чтобы укрѣпить въ своей памяти?

— Да.

— Вотъ мы и попались. Итакъ, мой другъ, поздравляю тебя, ты будешь сидѣть въ клѣткѣ для птицъ.

— Какая клѣтка?

— Отецъ Карпантье въ эту минуту отдаетъ приказаніе не выпускать тебя по четвергамъ и воскресеньямъ раньше какъ черезъ два часа послѣ ухода всѣхъ.

— Почему?

— Чтобы дать тебѣ возможность составить вышесказанныя таблицы и выучить ихъ.

— Но если я откажусь?

— Слишкомъ поздно—дверца клѣтки закрыта. Папа Спренгель, изъ Страсбурга, кладетъ гусей въ клѣтку, откармливаетъ ихъ и дѣлаетъ изъ нихъ паштеты, которые составляютъ славу дома заведенія Карпантье и К°. Спокойной ночи, мой милый гусь.

VII.

Испытаніе.

Дѣйствительно, въ слѣдующее воскресенье, около восьми часовъ утра, когда всѣ ученики уходили, учитель сказалъ Этьену: „Мэйранъ, вы теперь будете уходить не раньше одиннадцати часовъ: это для вашихъ занятій по исторіи“. Первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ на себѣ оковы и вздрогнулъ. Ученики, стоявшіе кругомъ, глядѣли на него и смѣялись. „Паштетъ изъ жирныхъ гусиныхъ печенокъ перваго сорта.—Депретцъ, томъ второй.—Этьенъ, набирайся храбрости.—Внимательно слѣди за Хильдебертами и Этельредами. Мы вернемся къ тебѣ съ извѣстіями о погодѣ и о солнцѣ“. Пять минутъ спустя залъ былъ пустъ и Этьенъ облокотился надъ своими учебниками.

Онъ долго сидѣлъ неподвижно, съ напряженными мускулами; грудь его вздымалась, онъ походилъ на звѣря въ клѣткѣ. Черезъ часъ надзиратель сказалъ ему: „Что же, Мэйранъ, вы не работаете?“ „Нѣтъ“—отвѣтилъ онъ такимъ рѣзкимъ голосомъ, что у того пропала охота дальше разспрашивать. Въ Этьенѣ поднимался глухой ропотъ и чувствовался какъ бы рой необыкновенныхъ ощущеній. Возникали самыя рѣшительныя намѣренія покинуть пансіонъ, пойти все равно куда—искать мѣста, даже

ремесла. Два или три романа сложились такимъ образомъ въ его головѣ—и воображеніе его истощилось. По мѣрѣ успокоенія мысль стала проясняться. Когда онъ услышалъ бой второго часа, онъ показался себѣ смѣшнымъ: „Измѣнить свой образъ жизни изъ-за лишнихъ пяти часовъ занятій въ недѣлю!"—Дѣло не въ пяти часахъ,—подсказала гордость,—дѣло въ несправедливости. Нужно защищаться".—Онъ сказалъ надзирателю: „мнѣ нужно поговорить съ господиномъ Карпантье".

Карпантье былъ въ своемъ парадномъ кабинетѣ,—очень красивой комнатѣ, предназначенной для пріема родителей учениковъ, украшенной греческими и римскими бюстами, обставленной по стѣнамъ весьма солидною библіотекою и таблицами съ надписями. На немъ былъ одѣтъ халатъ гораздо болѣе яркій, чѣмъ первый, и такъ какъ онъ былъ у себя дома, въ новомъ креслѣ, то у него былъ болѣе самоувѣренный видъ, чѣмъ когда-либо.

— Вы поступили со мной — сказалъ Этьенъ, — какъ съ человѣкомъ въ чемъ-то провинившимся; не можете ли вы объяснить мнѣ, что я сдѣлалъ дурного и чѣмъ заслужилъ наказаніе?

— Другъ мой, это для вашего блага; мы хотимъ заставить васъ работать.

— Очень вамъ благодаренъ, но я гораздо лучше буду работать по своей собственной охотѣ.

— Дитя мое, мы лучше знаемъ, что для васъ лучше.

— Я прошу васъ снять это запрещеніе.

— Другъ мой, мы никогда не измѣняемъ своихъ рѣшеній.

— Вы больше выиграете, предоставивъ мнѣ свободу.

— Дитя мое, черезъ шесть мѣсяцевъ вы согласитесь съ нами.

— Вы употребляете неправильный пріемъ.

— Другъ мой, не довѣряйтесь своему сужденію и будьте скромны.—

Ничего нельзя было подѣлать; человѣкъ былъ изъ дерева. Этьенъ умолкъ, и Карпантье заговорилъ, съ отеческимъ видомъ:

— Милый другъ мой, я заступаю для васъ мѣсто отца; вотъ почему я даю вамъ средства работать, не развлекаясь. Вы будете одинъ въ классѣ; никто не будетъ шумѣть около васъ; точныя письменныя работы—и этотъ славный m-r Спренгель для провѣрки вашихъ успѣховъ. Вотъ видите, мы вамъ преподносимъ премію по исторіи. Вы ее получите волей или неволей. Вы насъ будете благодарить, потому что разсудите хорошенько вотъ что: жаловаться своимъ родителямъ вы не можете, у васъ

ихъ нѣтъ; вы не можете призвать своего опекуна, онъ за сто миль отсюда и желаетъ главнымъ образомъ, чтобы вы его оставили въ покоѣ. Вы будете работать свои три часа, потому что если вы будете заниматься ловлей мухъ, то будете оставлены еще на три часа. Вы не станете бунтовать, потому что вы должны заработать свой пансіонъ и не захотите быть чистильщикомъ сапогъ на улицѣ. Все къ лучшему, какъ видите, и мы разсчитываемъ на васъ.—

Этьенъ стоялъ прислонившись къ стѣнѣ; онъ чувствовалъ, какъ всѣ эти слова свинцовымъ дождемъ падаютъ на него; мысли его кружились. Внезапно ему все стало ясно, и онъ выпрямился, улыбаясь.

— Хорошо,—сказалъ Карпантье,—вотъ вы стали теперь благоразумны. Вы останетесь въ школѣ?

— Да, это необходимо.

— Вы будете заниматься въ школѣ?

— Да, это въ моихъ интересахъ.

— И вы получите премію?

— О!—съ странной усмѣшкой произнесъ Этьенъ и вдругъ возвысилъ голосъ:—вы сказали мнѣ, чтобы я былъ скроменъ.

Послѣ этихъ словъ онъ поклонился и вышелъ.

Онъ вернулся въ классъ и принялся за работу съ такимъ подъемомъ силъ, котораго онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ. Онъ составилъ первую табличку и легко ее выучилъ. Очертаніе словъ, весь видъ написанной страницы сразу врѣзались въ память, какъ это всегда бываетъ при возбужденіи. Когда на второй день онъ ее повторилъ наизусть, Спренгель былъ въ восторгѣ: ни одной ошибки, безъ запинки. Этьенъ начиналъ съ любого мѣста, съ начала, съ конца; во всѣхъ пробахъ память оказывалась одинаково точною и быстрою. Спренгель хотѣлъ обнять его, но съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣтилъ, что тотъ отступаетъ, заслоняясь руками, и ко всѣмъ похваламъ остается равнодушенъ. Еще бо́льшая странность: Этьенъ, приглашенный вторично въ Палэ-Рояль, наотрѣзъ отказался и съ этихъ поръ избѣгалъ въ разговорахъ всего, что не касалось конкурса и преміи по исторіи. Спренгель на минуту задумался, стараясь угадать, что это значитъ; но такъ какъ эти размышленія были даромъ потраченнымъ временемъ и не могли принести пользы ни урокамъ, ни переплетнымъ занятіямъ, онъ быстро оборвалъ ихъ, увѣривъ себя, что это образцовый мальчикъ, что онъ зажегся священнымъ огнемъ и нарочно избѣгаетъ развлеченій, которыя могли бы его отвлечь отъ главной цѣли. Таблички слѣдовали одна за

другой, очень хорошо составленныя, очень хорошо заученныя; Этьенъ не хотѣлъ пропустить ни одного уголка въ исторіи, какъ бы сухъ или скученъ онъ ни былъ, не разобравъ и не усвоивъ его наравнѣ съ другими. Онъ бралъ спеціальныя книги, читалъ многое и кромѣ учебниковъ, ни разу не терялъ перваго мѣста при занятіяхъ въ коллежѣ, и Карпантье, узнавъ о благотворномъ вліяніи своей политики, потиралъ руки.

Время шло; Этьенъ дѣлалъ все бо́льшіе успѣхи, въ особенности по предметамъ, гдѣ требовался сносный французскій языкъ; но наибольшіе успѣхи были все-же по исторіи. Наконецъ великій день насталъ. Въ половинѣ шестого часа утра, фіакръ, заказанный еще съ вечера по распоряженію Карпантье, пріѣхалъ взять его и Этьена вмѣстѣ съ другимъ ученикомъ, участвовавшимъ въ конкурсѣ, и Спренгелемъ. Карпантье самъ просмотрѣлъ корзинки съ провизіей, чтобы быть увѣреннымъ, что взято достаточно для поддержанія силъ и не такъ много, чтобы обременять желудокъ.

Онъ велѣлъ приготовить двѣ чашки чернаго кофе; въ фіакрѣ онъ пощупалъ пульсъ Этьена, который показался ему удовлетворительнымъ; потомъ онъ передалъ его для послѣднихъ указаній Спренгелю. „Мэйранъ,—сказалъ Спренгель,—двѣнадцать страницъ, не болѣе; на тринадцатой судьи устаютъ. Маленькое вступленіе, чтобы указать сюжетъ и приготовить вниманіе; это производитъ хорошее впечатлѣніе. Черезъ каждыя двѣ страницы, маленькое сплетеніе общихъ идей: это нужно, чтобы подчеркнуть слишкомъ сухія событія. Пустите въ ходъ анекдоты, вы ихъ много знаете; что касается чиселъ, то ставьте ихъ сбоку; въ этомъ отношеніи все готово; если вамъ попадутся арабы, вы отлично отдѣлаетесь пятью-десятью датами и двумя фразами о солнцѣ Востока.—Добрую четверть часа Спренгель продолжалъ въ такомъ родѣ, со свойственной ему легкостью рѣчи и съ обычною добросовѣстностью. Въ это время фіакръ двигался среди криковъ и утреннихъ зловоній Парижа. Высадились па площади Сорбонны. Карпантье, закутанный въ свое прекрасное коричневое пальто, съ красной ленточкой въ петлицѣ, въ перчаткахъ, двигался съ достоинствомъ среди толпы учениковъ и репетиторовъ, появлявшихся со всѣхъ сторонъ. Ему, повидимому, доставляло удовольствіе дѣлать наблюденія, думать съ ироніею о своихъ соперникахъ, которые предоставляли случаю или наемникамъ веденіе такого дорогого и важнаго дѣла. Поглядывая на Этьена, онъ въ умѣ какъ будто говорилъ своимъ неудачнымъ конкуррентамъ: „пріучайтесь сами приготовлять свои выпуски

и знайте, что можно хорошо вести дѣло только тогда, когда ведешь его самъ и доводишь до конца".

Младшіе учителя почтительно раскланивались съ нимъ; а онъ подносилъ свою руку къ краю шляпы, не поднимая ее ни на вершокъ и ничего не говоря: онъ чувствовалъ цѣну своихъ словъ и сохранялъ ихъ для рѣшительнаго момента. Перекличка началась; когда Этьенъ проходилъ въ дверь, Карпантье положилъ ему руку на плечо и тономъ полководца произнесъ: „Мэйранъ, знайте, что я на васъ разсчитываю".

Этьенъ усѣлся взволнованный, хотя рѣшеніе его было непоколебимо. Онъ замѣтилъ, что у него есть стулъ—вещь неизвѣстная въ пансіонѣ и въ коллежѣ и предназначенная какъ будто для того, чтобы внушить ему высокое мнѣніе о конкурсѣ. Особая бумага большого размѣра, которая раздавалась имъ, еще болѣе возвышала это мнѣніе. Между тѣмъ, на возвышеніи, въ верхней части зала, профессора тѣснились около предсѣдателя, который поднялъ вверхъ, на виду у всѣхъ, запечатанный краснымъ пакетъ, чтобы показать, что печать не тронута. Онъ вскрылъ его; водворилась полная тишина. При первыхъ словахъ раздался тихій, взволнованный шопотъ, потомъ все умолкло, и слышенъ былъ только шумъ отъ двадцати четырехъ перьевъ, двигающихся по бумагѣ. Первая фраза не была еще продиктована, какъ Этьенъ уже почувствовалъ нѣчто въ родѣ торжествующей радости. Онъ былъ увѣренъ въ себѣ, и вся работа сразу сложилась въ его головѣ. Два или три раза приходила ему на умъ мысль о томъ поступкѣ, на который онъ рѣшился. Онъ зналъ, что черезъ восемь часовъ ему предстоитъ совершить трудное дѣло, но онъ зналъ это, а не чувствовалъ. Все теченіе его мысли сосредоточивалось на одномъ пунктѣ; всѣ тревожныя предвидѣнія не имѣли уже значенія; въ эту минуту онъ всецѣло былъ поглощенъ мыслью о работѣ и удачѣ.

Онъ началъ писать, и какъ ни силенъ былъ подъемъ его сознанія, онъ не упустилъ ни одной изъ обычныхъ предосторожностей; онъ провѣрилъ свой планъ, опредѣлилъ размѣръ, возстановилъ въ памяти таблицы Спренгеля, подробности фактовъ и лучшія идеи изъ прочитанныхъ книгъ. Все это развертывалось съ необыкновенной ясностью подъ его перомъ; въ пылу увлеченія у него явилось даже нѣсколько счастливыхъ оборотовъ, нѣсколько разсужденій, выразительность и вѣрность которыхъ были выше его воспитанія и возраста. Въ теченіе шести часовъ онъ писалъ, ничего не слыша и не видя около себя; онъ не ѣлъ и не пилъ, но не былъ утомленъ. Закончивъ послѣднюю строчку,

онъ прочелъ свою работу, старательно взвѣшивая слова, провѣряя памятью каждое событіе и каждую дату такъ же легко и съ такою же увѣренностью, какъ будто его книги были у него передъ глазами. Не было ни одной ошибки, ни одной помарки. Въ эту минуту усталость взяла свое. Онъ сдѣлалъ чрезвычайное усиліе, перечелъ пять или шесть разъ указанія, напечатанныя въ заголовкѣ бумаги, чтобы удостовѣриться, что онъ ихъ всѣ исполнилъ, что онъ подписался въ надлежащемъ мѣстѣ, что не было въ его работѣ ни одного нарушенія поставленныхъ условій; онъ даже слишкомъ много разъ перечитывалъ, настолько что наконецъ потерялъ способность соображать. Тогда онъ сложилъ свое сочиненіе и держалъ его наготовѣ; затѣмъ поѣлъ и уснулъ.

Когда онъ проснулся, ему оставалось не болѣе получаса. Наступилъ моментъ, когда онъ далъ себѣ слово быть человѣкомъ и дѣйствовать какъ человѣкъ. Доводы противоположнаго свойства появлялись во множествѣ. Онъ былъ менѣе свѣдущъ и менѣе увѣренъ въ себѣ по другимъ предметамъ; еслибы онъ разорвалъ это сочиненіе, получитъ ли онъ въ другомъ мѣстѣ необходимыя двѣ преміи? Если онъ ихъ не получитъ, онъ заплатитъ за годъ и покинетъ пансіонъ; онъ не хотѣлъ никоимъ образомъ даромъ ѣсть хлѣбъ Карпантье въ теченіе слѣдующаго года; это твердо было рѣшено въ его умѣ, даже еслибы Карпантье и предложилъ ему остаться. Выйдя изъ пансіона, куда онъ дѣнется? И воображеніе его, доходя всегда до крайностей, взвѣшивало всѣ шансы: „Изъ тысячи четырехъ сотъ франковъ останется четыреста; конецъ ученью, какъ говорила жена школьнаго учителя; нужно будетъ жить рабочимъ, пойти въ мастерскую“. И онъ представлялъ себѣ жизнь въ мастерской: маленькіе наборщики въ бумажныхъ колпакахъ, гасильщики извести у каменщиковъ, съ ихъ караваями хлѣба подъ мышкой, какими онъ ихъ только что видѣлъ на улицѣ. Въ эту минуту съ эстрады раздался надтреснутый голосъ: „господа, остается только четверть часа“. Сосѣди его, заткнувъ пальцами уши, чтобы не развлекаться, перечитывали съ лихорадочнымъ вниманіемъ свои работы. Двое или трое сдали свои сочиненія, спрашивали другъ друга о сомнительныхъ мѣстахъ; они не сдѣлали ошибки, и Этьенъ замѣтилъ ихъ блестѣвшіе глаза, полные надеждъ. Другой, вернувшись на мѣсто, спросилъ его, доволенъ ли онъ. На него смотрѣли съ безпокойствомъ, знали, что онъ „силенъ“, и видѣли его пишущимъ безостановочно, съ особымъ увлеченіемъ. Нѣкоторые изъ „слабыхъ“ указывали на него пальцами, говоря: „вотъ первая премія по исторіи“.

Онъ невольно представлялъ себѣ раздачу наградъ, апплодисменты, положеніе, которое крупный успѣхъ создалъ бы ему въ пансіонѣ и у самого Карпантье. Стрѣлка подвигалась; онъ съ удивительною ясностью слышалъ тиканіе часовъ, находившихся довольно далеко отъ него. Тотъ же надтреснутый голосъ повторилъ: „господа, осталось всего пять минутъ“. Грудь его вздымалась, онъ чувствовалъ, что блѣднѣетъ, ему стало стыдно за свою слабость. „Черезъ двѣ минуты я долженъ принять рѣшеніе; позже не будетъ выхода“. Въ эту минуту онъ подумалъ о фигурѣ раздраженнаго Карпантье, объ его голосѣ, который будетъ гремѣть, о недоумѣніи репетиторовъ. „Можетъ-быть, онъ велитъ мнѣ сегодня же оставить пансіонъ“. Это его оживило, онъ внутренно почувствовалъ какъ бы дуновеніе битвы. Глаза его все еще напряженно слѣдили за стрѣлкой. Когда она придвинулась къ предпослѣдней минутѣ, онъ мысленно вновь увидѣлъ деспотическое, упрямое выраженіе, съ которымъ Карпантье объявилъ ему свое рѣшеніе. „Онъ былъ несправедливъ; нужно защищаться противъ несправедливости; у меня нѣтъ иного средства кромѣ этого; оно причиняетъ мнѣ боль—тѣмъ хуже для меня“. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ себя бодрымъ. Съ спокойнымъ видомъ онъ попросилъ у своего сосѣда ножикъ, разрѣзалъ свое сочиненіе на четыре части и положилъ его въ карманъ.

Одинъ изъ учителей пришелъ встрѣтить его у дверей. Этьенъ пошелъ за нимъ скорымъ и твердымъ шагомъ; онъ совсѣмъ не раскаявался; онъ испытывалъ даже нѣчто въ родѣ жестокой радости. Мысли его болѣе не кружились—онѣ нашли себѣ исходъ. Такими бываютъ очень молодые люди, когда они въ первый разъ, хорошо или дурно, но сами собою доходятъ до сознанія мужества и справедливости. Спренгель ждалъ его въ швейцарской и прежде всего спросилъ у него черновикъ. Этьену на минуту стало непріятно и у него появилось почти раскаяніе; онъ причинитъ непріятность этому славному человѣку, который ничего дурного ему не сдѣлалъ. Но Спренгель ушелъ уже, читая рукопись на ходу, по дорогѣ въ кабинетъ Карпантье. Полчаса спустя, Этьена позвали въ кабинетъ. Карпантье прохаживался одинъ вдоль и поперекъ по кабинету, веселый, сіяющій, размахивая сочиненіемъ, разговаривая самъ съ собою. Какъ только онъ завидѣлъ Этьена, онъ подошелъ къ нему, простирая руки съ величественнымъ жестомъ актера и съ какимъ-то царственнымъ благодушіемъ: „Вотъ маленькій хитрецъ, у котораго талантъ больше, чѣмъ онъ самъ! А! мосье Этьенъ Мэйранъ, вы не хотѣли имѣть премію по исторіи? Вы ее будете имѣть противъ воли, другъ

мой. Эти молодые люди, они воображаютъ, что знаютъ, какъ нужно вести себя, дѣлаютъ возраженія и протестуютъ, точь въ точь какъ какая-нибудь палата депутатовъ. Ну что же, теперь вы сердитесь на меня за обязательныя добавочныя занятія? Молодой человѣкъ, молодой человѣкъ, всегда довѣряйтесь своимъ учителямъ. Дисциплина, видите ли, только одна спасаетъ. Только мнѣ, мнѣ одному вы обязаны своей премiей по исторіи. Спренгель только что прочелъ мнѣ ваше сочиненіе: нѣтъ ни одного слова, которое можно было бы вычеркнуть или поправить. Мы увидимъ, что̀ сдѣлаетъ Марруа со своими учеными попугаями; мы посмѣемся надъ разочарованіемъ тѣхъ, которые такъ надѣялись на премію по исторіи. Да что! Это только начало; въ будущемъ году, неправда ли, будетъ то же самое? А по риторикѣ—большую премію, назначенную Историческимъ Обществомъ! Боже ты мой! Какой вы молодецъ! И ни одной помарки въ черновикѣ, какая легкость! Можно было думать, что это не черновикъ, а сочиненіе, начисто переписанное.

— Мосье, это и есть мое сочиненіе.

— Что вы говорите?

— Я говорю, что вотъ это и есть мое сочиненіе и что я его не сдалъ.

— Вы не отдали сочиненія?

— Нѣтъ.

— Значитъ, вы отдали черновикъ?

— Я писалъ прямо начисто.

— Тогда вы ничего не отдали?

— Ничего рѣшительно.

— Но этому нѣтъ названія. Вы сошли съ ума.

— Не думаю.

— Но вы не подумали объ этомъ, это невозможно! Вы не получите преміи, теперь слишкомъ поздно. Мы не получимъ преміи!

— Я это хорошо знаю.

— Но у васъ нѣтъ сердца: вѣдь тогда Марруа получитъ премію, у него—знающіе ученики.

— Весьма возможно; я знаю двоихъ, которые отлично знали вопросъ.

— Какъ же это такъ? Что же это? Никогда не видано было ничего подобнаго. Вы шутите, навѣрное! Вы сочинили: вы не стали бы писать начисто. Это вашъ интересъ; почему вы могли бы отказаться отъ передачи сочиненія?

— Потому что я не собака и не желаю быть на привязи.

Карпантье понялъ наконецъ. Задыхаясь, онъ забылъ все свое достоинство и сдѣлалъ шагъ къ Этьену, чтобы ударить его. Но у молодого человѣка былъ такой гордый видъ, въ его глазахъ и во всей его фигурѣ выражалось такое сознаніе своего права, что властелинъ вдругъ остановился и могъ только произнести фразу:—Несчастный, вы употребили во зло мое довѣріе!

— Нѣтъ, потому что вы не оказали мнѣ никакого довѣрія.

— Я вамъ далъ возможность работать, а вы ничего не сдѣлали.

— Да, но вы меня запирали, и я вспомнилъ объ этомъ.

— Вы были отданы въ мои руки, я имѣю надъ вами право и я заступаю вамъ отца.

— Нѣтъ, между мной и вами была только торговая сдѣлка.

— Премія принадлежала мнѣ, вы мнѣ должны были доставить ее взамѣнъ пансіона... Вы обокрали меня.

— Нѣтъ; у мирового судьи лежатъ мои тысяча четыреста франковъ; вы получите свою плату за всѣ крохи, которыя я съѣлъ у васъ.

— Я имѣлъ право оставлять васъ на лишніе часы.

— Да, если бы я провинился.

— Не было другого способа заставить васъ работать.

— Можетъ-быть былъ.

— Другіе знающіе ученики всегда этому подчинялись.

— Тѣмъ хуже для нихъ.

— Вы самымъ смѣшнымъ образомъ повредили себѣ.

— Это мое дѣло.

— Вы раскаетесь въ этомъ!

— Увидимъ.

— Это неслыханно. Кто-нибудь вамъ это посовѣтовалъ? Кто именно? Кто? Навѣрное Марруа, или его руководитель занятій; онъ все вертѣлся возлѣ васъ—это онъ?

— Вы сами, когда совѣтовали мнѣ быть скромнымъ.

Административная голова Карпантье рисковала лопнуть; онъ никогда не встрѣчалъ такого логичнаго и упорнаго сопротивленія. Онъ покраснѣлъ, стиснулъ зубы и, скрестивъ руки на подобіе Наполеона, произнесъ сдавленнымъ голосомъ:

— Убирайтесь, милостивый государь! Никогда больше нога ваша не переступитъ этого порога.

— М-г Карпантье—отвѣтилъ Этьенъ—благодарю васъ.

Онъ просто поклонился и вышелъ. Дверь свирѣпо захлопнулась за нимъ, брошенная сильной рукой Карпантье. Второй ударъ кулакомъ, еще болѣе сильный, сбросилъ бумаги со стола

и заставилъ дрожать ящики въ конторкѣ. Издали Этьенъ слышалъ залпъ грубыхъ ругательствъ, которыхъ нельзя было ожидать изъ такихъ почтенныхъ устъ.

. . . . . .

VIII.

Первыя идеи.

На этотъ разъ Этьену пришлось быть болѣе счастливымъ, чѣмъ благоразумнымъ. Онъ получилъ преміи, которыя должны были покрыть его содержаніе, и даже съ нѣкоторымъ излишкомъ. „Я зарабатываю свою жизнь“ — сказалъ онъ себѣ съ сильнымъ приливомъ сдержанной гордости; — „теперь у меня годъ впереди; потомъ мы увидимъ“. Но зато при раздачѣ наградъ онъ остался равнодушенъ и даже грустенъ. Эта шумная гласность произвела на него впечатлѣніе слишкомъ яркаго дня; къ тому же онъ имѣлъ глупость заранѣе нарисовать въ своемъ воображеніи эту сцену, — и былъ въ положеніи автора, который, явившись смотрѣть представленіе своей пьесы, видитъ, что идетъ чужая пьеса. Три дня спустя пансіонъ опустѣлъ. Осталось всего три или четыре ученика на каникулы — все иностранцы или прибывшіе изъ колоній. Надзоръ былъ слабѣе, ученики были заняты только въ теченіе половины дня: каждый день можно было въ два часа закончить назначенную работу. Пять воспитанниковъ бо́льшую часть времени употребляли какъ имъ заблагоразсудится. Одинъ изъ нихъ проводилъ послѣобѣденное время въ бѣльевой комнатѣ, куда онъ отдалъ на сохраненіе варенье и сласти: завѣдующая бѣльемъ, огромная женщина, съ сострадательнымъ видомъ смотрѣла на него, когда онъ ѣлъ, и вѣшала ему на шею маленькія ладанки. Другой обладалъ способностью спать сколько угодно, — драгоцѣнный талантъ, которымъ учителя уже не препятствовали пользоваться. Третій сверлилъ своимъ ножомъ землю, четвертый воспитывалъ мышь, и оба, въ ожиданіи лучшаго, зѣвали до опасности вывихнуть себѣ челюсти.

Что касается Этьена, то сначала онъ чувствовалъ себя весьма счастливымъ, благодаря внезапно наступившей большой тишинѣ. Нервы отдыхали; онъ охотно отправлялся во второй дворъ, который былъ пустъ, и это одиночество казалось ему купаньемъ въ тихой теплой водѣ. Онъ не уставалъ созерцать три высокихъ тополя и нескончаемое дрожаніе ихъ листьевъ; вѣтеръ доходилъ до перваго

дерева, затѣмъ до второго, потомъ до третьяго, и для него было чрезвычайнымъ удовольствіемъ предусматривать вызываемое имъ движеніе—хлопаніе вѣтвей, шелестъ листьевъ, мимолетныя полосы свѣта между деревьями. Однажды онъ замѣтилъ, что колебанія верхушки сообщались стволу, постепенно ослабѣвая почти у самой земли; и для него это былъ моментъ высшаго наслажденія. Ему доставляло также удовольствіе смотрѣть, какъ течетъ прозрачная вода изъ крана; бассейнъ изъ камней придавалъ ей голубоватый видъ, и пріятно было видѣть, какъ струя закруглялась при паденіи.

Въ восемь дней онъ покончилъ со всѣми работами, заданными на каникулы. Наконецъ, послѣ десяти мѣсяцевъ занятій, онъ былъ хозяиномъ своего времени. Безъ сомнѣнія, онъ пріобрѣлъ привычку къ труду и лишеніямъ и не жалѣлъ своихъ усилій; онъ охотно соглашался читать классиковъ и словари, но по опыту онъ зналъ, что съ этимъ онъ далеко не пойдетъ. Изъ всего, что онъ проходилъ въ теченіе года, ничто его не занимало, исключая только развѣ классификаціи Спренгеля; очевидно, это было полезно и была извѣстная прелесть въ подобномъ порядкѣ. Маленькій лучъ свѣта, казалось, прорывался съ этой стороны; но какое употребленіе могъ онъ сдѣлать изъ этого? Однажды онъ замѣтилъ, что его сосѣдъ, испанецъ изъ Манильи, читалъ книгу на своемъ родномъ языкѣ совершенно бѣгло, безъ справокъ въ словарѣ, и читалъ по собственной охотѣ, съ видимымъ интересомъ. Это поразило Этьена, и онъ пришелъ къ заключенію, что для того, чтобы читать съ интересомъ книгу, написанную на чужомъ языкѣ, не нужно трудиться выискивать слова, т.-е. нужно ихъ знать. Какъ ни проста была эта мысль, но онъ нашелъ ее самъ, и она волновала его. Какъ знать слова? Этотъ огромный словарь изъ восьмисотъ страницъ слишкомъ обширенъ, и никогда нельзя будетъ наполнить имъ голову. Онъ безпокойно перелистывалъ его въ теченіе двухъ дней, какъ вдругъ замѣтилъ, что слова тамъ были двухъ родовъ, и слова второго рода, безконечно болѣе многочисленныя, составлены изъ первыхъ, такъ что, изучая первыя, знаешь и вторыя. Это было ему сказано еще въ коллежѣ, но такъ какъ замѣчаніе не ему принадлежало и не было обставлено доказательствами, то оно совсѣмъ не пустило корней въ его сознаніи. На этотъ разъ оно тамъ принялось, и онъ началъ составлять такія же таблицы, какъ у Спренгеля, чтобы обозначить каждое слово и его производныя.

Онъ проработалъ надъ ними пятнадцать дней съ увлеченіемъ и надеждой, потомъ пробовалъ читать книгу, но не съ

большей легкостью, чѣмъ раньше. Онъ съ трудомъ разобралъ страницу, и чтобы понять ее, долженъ былъ написать карандашомъ около сорока словъ между строками; между тѣмъ половина этихъ словъ была на его табличкахъ, но они выскользнули изъ его памяти. Это его обезпокоило: „такимъ путемъ мнѣ потребуется три-четыре года; въ моей головѣ имѣется отверстіе, и когда я вкладываю четыре слова, два изъ нихъ выпадаютъ“. Однако онъ не падалъ духомъ, и на вечернихъ занятіяхъ про себя повторилъ свои таблицы. Внезапно онъ замѣтилъ, что слова, приходящія ему на уста, были изъ разобранной утромъ страницы. Вся страница вспомнилась сразу; видя, какъ она развертывается у него въ умѣ, безъ малѣйшаго усилія съ его стороны, онъ „почувствовалъ“ ее, и ему показалось, что онъ слышитъ не напечатанныя слова, а сказанныя вслухъ. Книга обладала голосомъ, и голосъ этотъ достигалъ его ушей. „Теперь я не таблицы буду изучать, а книгу; какая странная книга!“ Онъ держалъ въ рукахъ діалогъ Платона, который онъ получилъ въ награду и который раскрылъ ради новизны и изъ-за переплета. Въ первый разъ его затронуло нѣчто, соотвѣтствующее его разумѣнію и являвшееся для него чѣмъ-то живымъ. Строгая перегородка, отдѣляющая книги взрослыхъ людей отъ умственнаго кругозора дѣтей, рушилась въ одномъ пунктѣ.

Въ этотъ моментъ тѣ пять или шесть идей, которыя онъ съ такимъ трудомъ выяснилъ для себя въ теченіе пятнадцати дней, мгновенно собрались въ его головѣ и образовали группу. Онъ увидѣлъ всю свою задачу, цѣль и средства, и безъ оглядки приступилъ къ дѣлу, какъ бы движимый внутренней пружиной. Въ книгѣ дѣло шло о людяхъ, которые разговаривали между собою, какъ это дѣлается и въ коллежѣ. И у нихъ были свои гимназіи, но не было классовъ; они входили во дворъ, выходили, свободно двигались между колоннами, разсуждали другъ съ другомъ и съ учителями, сколько имъ хотѣлось; нѣкоторые играли въ бабки, другіе чертили геометрическія фигуры на пескѣ. Книга показывала ихъ жесты и позы, какъ они тѣснились вокругъ Сократа, чтобы лучше слышать, и какъ они пятились задомъ до конца вестибюля, чтобы не спускать глазъ съ устъ Протагора. Были отмѣчены мелкія подробности дружескихъ разговоровъ, раскаты голоса, взрывы смѣха, маленькія вспышки, неразумная увѣренность въ себѣ, правдивыя признанія своего незнанія, внезапное удовольствіе при сдѣланномъ открытіи. Однажды мѣстомъ бесѣды былъ берегъ маленькой рѣчки; они сняли свою обувь, чтобы пройтись по водѣ; маленькія волны освѣжали ихъ

ноги, а для чтенія и бесѣды они улеглись въ высокой травѣ у подошвы платана. Этьенъ вспомнилъ рѣку своей родины, вблизи которой онъ такъ часто бродилъ одинъ; онъ видѣлъ въ своемъ воображеніи голубые водовороты, зеркальную поверхность воды между бѣлыми песчаными берегами, вѣтви шуршащихъ ивъ рядомъ съ маленькимъ озеромъ и всю окрестность — мирныя деревни и поля, уснувшія въ лѣтней тишинѣ. Первый разъ въ жизни онъ мысленно дополнялъ напечатанное, заканчивалъ начатые отвѣты, угадывалъ краски и формы; каждая фраза падала на имѣющійся уже опытъ, возбуждая не сухую идею, а цѣлую группу ощущеній, предчувствій и воспоминаній. Что еще больше привязывало его къ книгѣ—это то, что онъ все въ ней понималъ, до такой степени слова и обороты были въ ней просты: вещи назывались тамъ своими именами и многія фразы были вполнѣ похожи на тѣ, которыя употребляются въ обыкновенномъ разговорѣ; онѣ были даже гораздо яснѣе. Когда кто-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ становился веселымъ, или сердился, или чего-нибудь желалъ, то читатель видѣлъ его веселость, его гнѣвъ и его желаніе, какъ видны камешки подъ водой горнаго источника. Но больше всего привлекало Этьена природное благородство молодыхъ людей; они разговаривали другъ съ другомъ какъ школьники на улицѣ, но у нихъ совсѣмъ не было жаргона, они не были ни язвительны, ни грубы, ни дерзки, ни лживы; они совсѣмъ не походили на цѣпныхъ собакъ, склонныхъ или кусаться, или прятаться въ своей будкѣ. Они свободно высказывали свои мысли, и съ ихъ мнѣніями считались; ихъ сужденіе касалось существующихъ взглядовъ, они не стѣснялись признаваться въ своихъ затрудненіяхъ или ошибкахъ; наконецъ, они ничего не принимали на вѣру безъ разслѣдованія. Они справлялись другъ у друга о вещахъ, которыми съ давнихъ поръ интересовался Этьенъ, не имѣя возможности самъ доискаться отвѣта или получить его отъ другихъ; они старались узнать, что̀ такое справедливость, красота, наука, и разсуждали объ этомъ при помощи мелкихъ примѣровъ, почерпнутыхъ изъ повседневной жизни. Несомнѣнно, нѣкоторыя изъ этихъ разсужденій оставались для него темными и иныя черты нравовъ ему казались странными; но онъ чувствовалъ себя среди этихъ молодыхъ людей какъ въ обществѣ новыхъ друзей, поведеніе которыхъ можно будетъ вполнѣ понять впослѣдствіи. Ему казалось, что еслибы онъ жилъ съ Лизисомъ, Хармидомъ и въ особенности съ Тэстетомъ, онъ былъ бы вполнѣ счастливъ.

Все это достигалось не легко и не скоро. Онъ занимался

сколько могъ, и все же ему казалось, что онъ не подвигается впередъ. Онъ разбиралъ и разгадывалъ, но каждый мѣсяцъ только уменьшалъ густоту тумана, который незнаніе языка создавало между нимъ и текстомъ; все еще оставалось достаточно, чтобы смущать его взоръ. Какая-нибудь фраза, иногда въ пять или шесть строчекъ, становилась для него прозрачною и живою. Это занимало его на одинъ день; затѣмъ приходилось опять пробираться по проторенной дорожкѣ. Занятія возобновились, и кругъ обязательныхъ работъ отнялъ у него половину времени. Сосѣди считали его чудакомъ, и Депретцъ начиналъ относиться къ нему съ ненавистью, убѣжденный, что онъ хочетъ вытѣснить его въ области греческихъ темъ. Онъ продолжалъ, однако, заниматься и иногда придумывалъ, какъ усовершенствовать свою память. Онъ пробовалъ внушить себѣ бодрость, сдѣлавъ разсчетъ, сколько словъ ему приходится искать на какой-нибудь страницѣ, взятой случайно; потомъ, черезъ мѣсяцъ онъ сосчиталъ такія слова на другой страницѣ, взятой такимъ же образомъ, и нашелъ, что имъ сдѣланъ нѣкоторый шагъ впередъ. Тѣмъ не менѣе онъ страдалъ отъ нетерпѣнія; слишкомъ ясно видѣлъ онъ цѣль, силою воображенія представлялъ себѣ будущее какъ настоящее, переносился въ это будущее, сживался съ нимъ—и потомъ, придя въ себя, удивлялся, что онъ еще не тамъ. Онъ былъ наиболѣе свободенъ во время вечернихъ занятій. Онъ садился и раскрывалъ свои книги; минуту спустя, ламповщикъ приходилъ, чтобы зажечь стѣнную лампу, которая помѣщалась надъ его головой; онъ поднималъ глаза на тусклое лицо этого человѣка, на его куртку, запятнанную масломъ, на его машинальный увѣренный жестъ, и находилъ нѣкоторый интересъ въ томъ, чтобы слѣдить за маленькимъ синимъ пламенемъ, которое сначала желтѣло, потомъ блѣднѣло, захватывало край фитиля и наконецъ вытягивалось и закруглялось. Затѣмъ онъ погружался въ свой словарь. Сколько разъ читалъ онъ его предисловіе! Оно совсѣмъ не было занимательно, но авторъ его разсказывалъ о своихъ долгихъ изысканіяхъ, о своемъ терпѣніи, о своихъ больныхъ глазахъ — и подобно узнику, который видитъ въ углу, какъ паукъ ткетъ свою паутину, Этьенъ чувствовалъ нѣчто въ родѣ симпатіи къ автору. Два или три ученика, его предшественники, оставили на обложкѣ свою подпись съ росчеркомъ; онъ задумывался, пускаясь въ догадки, какого рода это были люди, и долженъ ли онъ былъ желать ихъ знакомства. Въ этотъ моментъ онъ приходилъ въ себя; онъ упрекалъ себя, что потерялъ двадцать минутъ, и начиналъ сомнѣваться въ своей силѣ.

Минуты эти были для него самыя тяжелыя, потому что онъ вносилъ въ нихъ обычное преувеличеніе заключенныхъ и одинокихъ и ничего не умѣлъ прощать самому себѣ. Онъ судилъ о себѣ по даннымъ одной минуты, и думалъ совершенно искренно: „я существо безъ воли, маленькая дѣвочка“,—когда утромъ, дуя на свои пальцы и затыкая уши, весь погружался въ работу, которая его отталкивала.

Около апрѣля мѣсяца у него было всего больше основаній къ тому, чтобы усомниться въ себѣ. Весна заставляла соки подниматься въ деревьяхъ. Почки на тополяхъ сочились, прорывая свои оболочки; ласточки щебетали по краямъ стѣнъ. Прошло восемнадцать мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ онъ бѣгалъ свободно по деревнѣ; онъ очень выросъ, а скудная пища въ столовой не могла укрѣпить его нервы. Какое-то разслабленіе напало на него. Все трудное казалось еще болѣе тягостнымъ, все пріятное теряло для него свой вкусъ. Даже Платонъ не трогалъ его больше; самые живые образы его діалоговъ тускнѣли на ряду съ яркими воспоминаніями и мечтами, которыя помимо его воли разростались въ его мозгу. Иногда мысль о далекой деревнѣ поднималась въ немъ съ чувствомъ сладостнаго возбужденія, и комната отца рисовалась ему раемъ. Предметы, которыхъ онъ не зналъ, еще болѣе волновали его; случайные разсказы двухъ испанцевъ, брошенныя ими слова о морѣ, о накренившихся корабляхъ, о морскихъ чайкахъ, летающихъ вокругъ утесовъ, приводили его въ болѣзненный экстазъ. Онъ принуждалъ себя читать, но едва наполовину улавливалъ смыслъ словъ, иногда совсѣмъ переставалъ понимать, и мысли его уходили вдаль, унесенныя какъ бы порывомъ вѣтра. Онъ плохо справился съ нѣсколькими работами; явныя въ нихъ ошибки вызвали очень рѣзкіе и заслуженные упреки. Учителя думали, что онъ опустился, а ученики смотрѣли на него съ лукавымъ видомъ. Сверхъ обыкновенія, онъ не замѣчалъ ни насмѣшекъ, ни упрековъ; жесткія или острыя слова доходили до него, но не задѣвали. Онъ обвинялъ себя, разсуждая самъ съ собою, но всѣ его разсужденія висѣли въ воздухѣ, какъ простыя измышленія фантазіи, и ему казалось, что они не имѣли къ нему никакого отношенія. Онъ думалъ объ обязательствѣ уплатить за содержаніе въ пансіонѣ, о постоянномъ своемъ разладѣ съ Карпантье, о трудной работѣ, которую онъ совершилъ безъ всякой для себя пользы—и къ своему великому удивленію и великой тревогѣ нашелъ, что эти мысли, прежде для него столь значительныя, теперь не имѣли для него значенія. Правда была для него какъ свѣтлый лучъ, но безъ тепла; да и этотъ свѣтъ

являлся рѣдко. Онъ спалъ тяжелымъ сномъ, если сновидѣнія не захватывали его. Въ моменты здраваго мышленія онъ говорилъ себѣ, что сошелъ съ ума, и еще чаще, что онъ — трусъ; это опять заставляло его вернуться къ книгамъ, но тѣмъ не менѣе все оставалось попрежнему.

Одна только жилка не ослабѣла въ немъ: онъ не занимался софистикой самъ съ собою и больше не оправдывалъ себя. Вмѣсто того, чтобы разсѣять непріятные внутренніе упреки, онъ углублялся въ нихъ съ какимъ-то горькимъ удовлетвореніемъ. Что могло бы дѣйствовать на него наиболѣе благотворно — это умный, дружественный разговоръ, толковое разсужденіе, исходящее изъ другихъ устъ, спокойная бесѣда, какъ, напримѣръ, Сократа или Кефаля. Онъ страстно мечталъ объ этомъ; онъ представлялъ себѣ спокойную душу и позу; ему казалось, что искренній тонъ точнаго и обдуманнаго слова могъ бы спасти его. Онъ чувствовалъ себя какъ измученный пловецъ, ослѣпленный бушующими волнами и ожидающій человѣческаго голоса, чтобы узнать, съ какой стороны земля. Онъ нуждался въ помощи; но скорѣе онъ заговорилъ бы со скамейками и стѣнами, чѣмъ со своими учителями и товарищами. Чувства его были слишкомъ сильны, интимны, исключительны; они вызвали бы удивленіе, насмѣшки или непониманіе — а это значило бы для заживленія раны предоставлять ее дальнѣйшимъ уколамъ. За неимѣніемъ друга онъ попробовалъ записать свои мысли, отнестись къ себѣ какъ къ матеріалу для французскаго сочиненія. Но онъ далекъ былъ отъ необходимаго для такой работы безпристрастія. Онъ изложилъ на бумагѣ доводы, способные заставить его выйти изъ своей неподвижности, и хотя обыкновенно онъ сочинялъ съ чрезвычайной легкостью, ему понадобились громадныя усилія, чтобы закончить эту простую и скудную страничку. Прочитавъ страницу, онъ нашелъ, что она написана вѣрно, одобрилъ ее головой, убѣдился, что точки и запятыя стоятъ на мѣстѣ, но не почувствовалъ себя измѣнившимся. Онъ не могъ придумать ничего другого, и утромъ, съ тупымъ упрямствомъ, какъ бы съ холоднымъ отчаяніемъ, принимался за работу, какъ пловецъ, который, истощивъ свои силы, чувствуетъ, что идетъ ко дну, но все-таки до послѣдней минуты продолжаетъ двигать ногами и руками. Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы управлять человѣческой машиной, и умѣлъ только десять разъ, сто разъ и еще сто разъ повторять то же самое усиліе.

Однажды, во время большой перемѣны, въ пять часовъ, онъ вошелъ въ пустую залу и остановился, прислонившись къ стѣнѣ,

съ устремленными впередъ глазами, ничего не видя. Голова непомѣрно работала во время занятій въ классѣ, и самымъ большимъ желаніемъ Этьена было найти темный уголокъ, гдѣ онъ могъ бы оставаться безъ движенія. Бернаръ явился со своимъ бодрымъ видомъ, снялъ рапиры и началъ бранить учителя фехтованія, который не пришелъ еще. — Это животное, вѣроятно, встрѣтило земляка и пьетъ водку. Это ты, Этьенъ? Что ты тамъ дѣлаешь въ своемъ углу? У тебя видъ паука, прилѣпившагося къ стѣнѣ. Передай мнѣ, пожалуйста, маски; онѣ надъ твоей головой. Хорошо, теперь—нагрудники. Теперь моя очередь снарядить тебя. Оставь, не надо возражать—это развлечетъ насъ на полчаса. Ничего, милая барышня, безъ ломаній, прошу тебя; смотри, я умоляюще складываю руки; нужно развѣ стать на колѣни? Вотъ я у вашихъ ногъ. Позвольте мнѣ одѣть на васъ эту красивую шляпу изъ желѣзныхъ проволокъ, это подниметъ ваши волосы; и это полукафтанье изъ буйволовой кожи, которое топорщится на таліи,—развѣ вы думаете, что оно не прибавитъ вамъ красоты? Всѣ женщины одѣваютъ бумажное, вы одѣваете буйволовое. Посмотрите, онъ почти такъ же хорошъ, какъ и завѣдующая бѣльемъ. Позвольте вашему покорному слугѣ предложить вамъ руку и повести васъ къ мѣсту, гдѣ вы наилучше сможете выказать всѣ свои прелести. Вотъ такъ; втяните грудь, правую ногу впередъ, съ согнутымъ колѣномъ, какъ для танцевъ. Станьте въ оборонительную позицію. Вотъ онъ защищается. Пафъ, пифъ! Какъ, мой хитрецъ, ты умѣешь держать рапиру? Впередъ — два, крестъ-на-крестъ! Вотъ такъ. Но онъ знаетъ правила! И развѣ ты и этому научился у Платона?

— Нѣтъ, но три года тому назадъ я фехтовалъ съ отцомъ.

— Отлично. Поздравляю его, твоего отца. Не дурно, идетъ. Рука у васъ еще не совсѣмъ твердая, но это придетъ. Фритъ, фратъ, фритъ, прататракъ! Однако, у него легкая рука. Знаешь ли, ты гораздо интереснѣе моего пьянчуги? Старый хрычъ этотъ пропитанъ водкой внутри и снаружи; это мѣшаетъ мнѣ наступать открыто. Слишкомъ ужъ пахнетъ отъ него. А, ты шевелишься! Ну, впередъ! По крайней мѣрѣ, имѣешь удовольствіе драться не съ чурбаномъ. Тронутъ. Нѣтъ. Еще разъ? Нѣтъ. Твоя очередь. Развернись же, это вѣдь не урокъ. Моя очередь. Это опьяняетъ! Они всѣ повторяютъ, что нужно спокойствіе—у насъ его достаточно въ классѣ. Но здѣсь—это день бала. Я ходилъ бы на головѣ. Браво! Ура! пуфъ, пататра, пифъ, пафъ!—И онъ вдругъ остановился, отскакивалъ направо, налѣво, почти распласты-

вался, дѣлалъ столько движеній, какъ четыре крыла четырехъ мельницъ.

Они были оба въ поту и пошли умыться къ фонтану. Вечеромъ, за ужиномъ, Этьенъ пожиралъ куски хлѣба—единственное, что̀ давалось вволю. „Еслибы отецъ Карпантье видѣлъ тебя, онъ закрылъ бы фехтовальный залъ. Мы съѣдимъ на пять су больше въ день“. И на слѣдующій день: „Идемъ, Этьенъ, сегодня опять нужно съѣсть у Карпантье на пять су“. Послѣ завтра: „Ты опускаешься; мы съѣдимъ только всего на три су у Карпантье“.—„Этьенъ, еслибы у тебя было чувство долга, ты проглотилъ бы все вмѣстѣ съ корзиной“.—„Этьенъ, Платонъ утверждаетъ, что пища въ себѣ—это пища во мнѣ“.—„Этьенъ, философъ долженъ проникаться субстанціей вещей“. И все шутя, онъ въ каждую перемѣну уводилъ его въ залу, напяливалъ на него латы и кидался на него съ пыломъ подпоручика. Этьенъ молчаливо отражалъ его и бился съ такимъ удовольствіемъ, какого онъ никакъ не ожидалъ. Внутреннее раздраженіе, наполнявшая его скорбь, находили въ этомъ выходъ; онъ былъ даже неблагоразуменъ, и Бернаръ удивлялся, видя его, такого холоднаго и сдержаннаго, неистово кидающимся, со стиснутыми зубами, и думающимъ только о нанесеніи удара. Въ то же время бродившая въ немъ животная сила развивалась; мускулы окрѣпли и дѣйствовали другъ на друга своимъ напряженіемъ; странное, пріятное чувство ихъ взаимодѣйствія охватывало его, грудь дышала свободно, кровь приливала къ щекамъ, краска здоровья оживляла трепещущую кожу. Когда онъ возвращался въ классъ, его мозговые порывы были слабѣе; вниманіе только изрѣдка прерывалось и равномѣрно останавливалось на предметахъ безъ особенныхъ усилій. Весна приходила къ концу; прекрасные дни, къ которымъ онъ уже привыкъ, болѣе не вызывали въ немъ такихъ сильныхъ ощущеній. У него вернулось довѣріе къ себѣ и онъ постепенно достигъ прежняго умѣнья управлять своимъ вниманіемъ и работой.

Когда умственная дѣятельность его вошла въ обычную колею, она оказалась все-таки другою. Этьенъ долго не могъ дать себѣ отчета въ этой перемѣнѣ. Онъ, однако, старался это сдѣлать; въ длинные часы одиночества замѣтными становятся малѣйшія обстоятельства, и легче вникать въ собственныя дѣйствія и побужденія. Во всякомъ случаѣ очевидно было: то, что прежде наводило на него скуку, теперь занимало его. Онъ оставлялъ въ сторонѣ веселые прологи своего Платона, описанія, насмѣшки, всѣ оживленныя и живописныя мѣста, которыя прежде исклю-

чительно интересовали его, и углублялся въ самую сущность діалога. Онъ проникался ходомъ разсужденій и кончилъ тѣмъ, что овладѣлъ всѣми звеньями его, какъ составными частями геометрической задачи. Онъ удивился, замѣтивъ, что очень крупныя заключенія, весьма отдаленныя, выводятся постепенно изъ маленькихъ, простыхъ и общедоступныхъ истинъ, и часто онъ проводилъ часы въ созерцаніи связи, соединяющей ихъ. Онъ пытался угадать, какъ слагалась чудесная цѣпь, но это ему не удавалось. Между тѣмъ и въ его собственномъ мозгу выковывались подобныя же цѣпи; онъ усвоилъ себѣ привычки своего автора, и идеи его также устанавливались въ рядъ. Многія работы стали для него исполнимы, между прочимъ легче алгебраическія задачи; нѣкоторые предметы являлись предъ нимъ въ новомъ освѣщеніи, въ особенности геометрія и грамматика. Онъ обработывалъ различными способами теоремы и правила, доискивался, почему выбранъ такой порядокъ, а не иной, противорѣчилъ, оспаривалъ, отказывался отъ своего мнѣнія и кончалъ тѣмъ, что признавалъ и понималъ. Началось общеніе между нимъ и понятливыми умами, способными группировать мысли. Онъ самъ дошелъ до первыхъ широкихъ обобщеній. Таблицы Спренгеля, которыя онъ употреблялъ какъ ящикъ съ деревянными перегородками, какъ нѣчто въ родѣ рамки и полезнаго орудія, открыли предъ нимъ извѣстныя перспективы. Онъ достигъ того, что могъ обозрѣвать періоды, чувствовать ихъ связь, твердо устанавливать послѣдствія, слѣдить за нитью разсужденія, поддерживать утвержденіе доказательствами. Великая, крѣпкая сѣть, связывающая между собою всѣ предметы и всѣ идеи, начинала становиться для него ясною. Но это было только чувствованіе и глухое предвидѣніе; онъ протягивалъ по привычкѣ руку отъ одной петли къ другой, дѣйствуя ощупью, какъ человѣкъ, находящійся въ погребѣ. Онъ выхватывалъ то тутъ, то тамъ нѣсколько обрывковъ изъ цѣпи и останавливался на этомъ. Иногда бывали у него продолжительныя разочарованія, но не было больше унынія и слабости. Всѣ силы души его были напряжены, какъ вновь закаленная пружина, основательно испытанная, напрасно сгибаемая, неутомимо разгибающаяся обратно и опять поднимающаяся, какъ бы ни была велика положенная на нее тяжесть, и какъ ни медлительно дѣйствовала бы сила подъема.

Однажды вечеромъ, послѣ нѣсколькихъ безцвѣтныхъ дней, когда онъ тщетно утомлялъ себя поисками болѣе широкаго примиренія, онъ какъ бы взмахомъ губки стеръ у себя въ мозгу всѣ свои разсужденія и сталъ въ двадцатый разъ перечитывать восхи-

тительнаго Гиппіаса. Тонкая иронія Сократа доставила ему больше удовольствія, чѣмъ обыкновенно. Онъ вспомнилъ о тонкой улыбкѣ своего отца, особенно во время политическихъ бесѣдъ, напримѣръ когда мэръ, красивый, богатый мужчина, приходилъ съ визитомъ, позволялъ себя допрашивать и насмѣшки принималъ за комплименты. Бѣдный мэръ, какъ и Гиппіасъ, былъ совершенно сбитъ съ толку, когда отецъ Этьена, какъ и Сократъ, примѣнялъ общія разсужденія къ маленькимъ событіямъ текущаго дня, къ фактамъ изъ жизни мѣстныхъ фермъ, лавокъ и конторъ. Этьенъ замечтался обо всемъ этомъ, какъ вдругъ остановился на словахъ: „маленькіе простые примѣры“. Въ ту же минуту для него стало ясно, что всѣ вопросы Сократа начинались маленькими простыми примѣрами и многими однородными. Минуту спустя передъ его умственнымъ взоромъ прошли алгебра, геометрія и грамматика, и онъ увидѣлъ, что и онѣ начинаютъ съ маленькихъ простыхъ примѣровъ. Тутъ онъ вспомнилъ встрѣченное имъ недавно затрудненіе. Онъ только смутно понималъ нѣкоторые алгебраическіе термины и сказалъ себѣ теперь, что вѣроятно книги не даютъ достаточнаго количества простыхъ примѣровъ. Онъ сталъ ихъ искать, и когда нашелъ, то неопредѣленность перешла въ полную ясность. Радость его не знала границъ. Въ сильномъ порывѣ онъ пересмотрѣлъ эти прояснившіеся термины и нашелъ, что они были гораздо проще послѣдующихъ. Все сразу освѣтилось этими словами: болѣе простые. Болѣе простые, то-есть болѣе похожіе на предметы, которые мы видѣли и осязали, которые мы держимъ подъ руками, которые можно опять увидѣть и осязать по желанію, завтра и даже сегодня.

Это объяснило ему многое: онъ увидѣлъ порядокъ во всѣхъ изысканіяхъ. Съ той вершины, до которой онъ добрался, онъ быстро сдѣлалъ три или четыре экскурсіи въ сторону предметовъ, казавшихся ему трудными въ предшествующіе мѣсяцы. Преграды всѣ рушились; разумъ его какъ будто пріобрѣлъ теперь свободу двигаться съ полною увѣренностью въ безграничномъ пространствѣ. Послѣ ужина онъ очутился въ спальнѣ, не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета. Онъ сидѣлъ на своей кровати и забылся въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока надзиратель не пришелъ напомнить ему о необходимости ложиться спать. Онъ долго не могъ заснуть, но на утро, просыпаясь, не чувствовалъ утомленія. Правильное теченіе занятій, призывы звонка, всѣ автоматическія грани жизни казались ему удобными, тогда какъ раньше онѣ представлялись ему невыносимыми. Пансіонъ былъ меха-

нически приспособленъ къ тому, чтобы сообщать уму познаніе вещей необходимыхъ и снять съ него заботу о вещахъ безполезныхъ. Карпантье и преподаватели были превосходными служителями, предназначенными вести и сдерживать животное въ человѣкѣ. Множество мелкихъ непріятностей и ежедневныхъ уколовъ проходило мимо него незамѣтно; онъ всецѣло былъ внѣ дѣйствія ихъ.

Онъ уже не сознавалъ себя одинокимъ; онъ жилъ наединѣ съ живой мыслью, которая никогда не оставляла его безъ волненія. Холодный стоицизмъ, суровая покорность судьбѣ исчезли. Бурная и плодотворная волна великихъ желаній покрыла и потопила ихъ. Онъ больше не миндальничалъ; онъ дѣйствовалъ непрерывно, горячо, со всѣмъ пыломъ вдохновенія; начинала даже проявляться веселость. Онъ не отвѣчалъ больше молчаніемъ или сарказмомъ на грубости; выраженіе добродушія растягивало сжатыя черты его лица. Однажды вечеромъ слышали даже, какъ онъ напѣвалъ, и за столомъ онъ похвалилъ мясо, которое было тверже обыкновеннаго. „Этьенъ,—сказалъ Бернаръ,—отецъ Карпантье тебя подкупилъ, это вѣрно. За сколько вареныхъ сливъ ты продалъ свою совѣсть? Теперь ты начинаешь намъ доказывать, что помои въ твоей бутылкѣ — не что иное, какъ вино малага. Несчастный, когда ты сойдешь въ Елисейскія поля, что скажутъ тебѣ твои благородные предки? Вспомни прекрасное слово одного изъ королей Франціи: „Еслибы правда была изгнана со всѣхъ угловъ земли, она укрылась бы въ глубинѣ желудка“.—Этьенъ усмѣхнулся.—„Ты всегда, значитъ, останешься чернильною бутылкой?“—Этьенъ опять улыбнулся.—„Кукурику!—прокричалъ Бернаръ.—Милый мой, у тебя видъ курицы, собирающейся снести яйцо“. Онъ торжественно простеръ руки, какъ бы благословляя Этьена, и потомъ, поворачиваясь къ присутствующимъ, сказалъ: „Кукурику! уходите всѣ остальные; мать и маленькій чувствуютъ себя хорошо“.

IX.

Борьба.

Идея Этьена совсѣмъ не была нова, но она была нова для него, что̀ выходитъ на одно. Какъ всѣ молодые люди, онъ слишкомъ сильно вѣрилъ въ нее и, использовавъ ее, преувеличилъ ея значеніе. Въ своемъ первомъ порывѣ онъ вообразилъ, что всякое изслѣдованіе будетъ даваться ему легко и что, разъ

плотина прорвана, волна открытій потечетъ какъ въ первые дни. Онъ не принималъ въ разсчетъ ни времени, ни обстоятельствъ, ни внутренней работы животныхъ силъ; онъ считалъ, что всегда остается хозяиномъ своихъ силъ и можетъ во всякое время, по желанію, думать и хотѣть. Онъ становился нетерпѣливымъ, удивлялся своей медленности и своимъ неудачамъ. Онъ слишкомъ мало еще плавалъ въ жизни, чтобы знать, какъ часто трещитъ и уклоняется съ пути бѣдная барка, въ которой мы гребемъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ начиналъ оглядываться вокругъ себя и, наполовину успокоенный работой и ученьемъ, невольно желалъ сломать старую преграду, которая раздѣляла его отъ другихъ. Но его первые шаги въ этомъ направленіи были отвергнуты съ жестокостью, даже съ горечью, учителями еще больше, нежели учениками, и въ коллежѣ еще больше, чѣмъ въ пансіонѣ. У него составилась извѣстная репутація; въ теченіе долгаго времени онъ не заботился о ней, и теперь онъ долженъ былъ терпѣть ея послѣдствія...

. . . . . .

Съ французскаго Ф. С.

ПРИЧИНЫ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ

1905—6 гг.

Въ 1908-мъ году Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ издана была книга о крестьянскихъ движеніяхъ 1905-06 гг. [1]), заключающая сводъ данныхъ, полученныхъ отъ 700 корреспондентовъ въ отвѣтъ на предложенные имъ вопросы, направленные къ выясненію хода самыхъ движеній, ихъ причинъ и послѣдствій, какъ они рисуются въ представленіи мѣстныхъ жителей. Книга эта заключаетъ богатый матеріалъ для характеристики различныхъ сторонъ быта и психологіи крестьянскихъ массъ. Въ 1909-мъ году въ „Вѣстникѣ Европы“ (№ 5) помѣщена была нами статья, рисующая, на основаніи этого матеріала, нѣкоторыя стороны самаго движенія. Мы воспользуемся теперь данными этого изданія, чтобы провѣрить господствующіе въ обществѣ взгляды на условія, вызвавшія то настроеніе народныхъ массъ, которое нашло себѣ исходъ въ недавнихъ крестьянскихъ волненіяхъ.

I.

Основной причиной крестьянскихъ волненій 1905—1906 гг. было, конечно, недовольство крестьянъ своимъ положеніемъ въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Условіями, пріурочившими массовое выраженіе этого недовольства къ опредѣ-

[1]) „Аграрное движеніе въ Россіи въ 1905—1906 гг.“.

ленному моменту, были тѣ самыя обстоятельства, которыя вызвали взрывъ освободительнаго движенія въ прочихъ слояхъ русскаго общества. Неудачная защита страны отъ внѣшняго врага привела даже умѣренные слои русскаго общества къ открытому выраженію недовольства порядками господствующаго строя и къ требованію ихъ преобразованія. Представители власти оказались лишенными всякой нравственной опоры, и это не могло не усилить того смущенія, которое овладѣло ими послѣ всѣхъ пораженій въ японской войнѣ. Власть растерялась и оказалась безсильною противодѣйствовать натиску освободительнаго движенія, съ такою силою проявившагося въ 1904—1905 годахъ. Освободительное движеніе, въ свою очередь, было слишкомъ мало подготовлено и организовано для того, чтобы вынудить у правительства реальныя уступки. Растерянность власти облегчила лишь обнаруженіе движенія въ тѣхъ формахъ, какія были ему по силамъ. Въ различныхъ слояхъ общества оно проявлялось неодинаково, подчиняясь, однако, общему закону развитія въ направленіи наибольшей потребности и наименьшаго сопротивленія. Въ культурныхъ слояхъ общества это привело къ фактическому осуществленію свободы собраній, устнаго и печатнаго слова; въ массахъ рабочаго класса повышенное настроеніе выразилось, главнымъ образомъ, политическими и экономическими забастовками и организаціей профессіональныхъ союзовъ; крестьянская среда, помимо попытокъ организаціи крестьянскаго союза, выражала свое возбужденіе по преимуществу явленіями, связанными съ ея хозяйственнымъ бытомъ.

Основныхъ факторовъ недовольства крестьянъ, вызвавшихъ движеніе 1905 — 1906 гг. и давшихъ ему тотъ или другой его характеръ въ различныхъ раіонахъ Россіи, слѣдуетъ искать прежде всего въ порокахъ организаціи крестьянскаго хозяйства, зависящихъ не отъ личной воли земледѣльцевъ, а отъ общихъ причинъ, не подлежащихъ ихъ воздѣйствію. Правительственная политика въ крестьянскомъ вопросѣ, направляемая не столько серьезными заботами о хозяйственномъ благоустройствѣ основного ядра русскаго населенія, сколько попеченіями объ интересахъ крупнаго землевладѣнія, соображеніями политическаго и финансоваго характера, была однимъ изъ этихъ факторовъ, уже съ момента крестьянской реформы заложившимъ сѣмена разстройства крестьянскаго быта въ большей половинѣ Европейской Россіи и ничего не сдѣлавшимъ впослѣдствіи для исправленія недостатковъ реформы. Общая экономическая эволюція страны по типу просвѣщенныхъ государствъ западной Европы,

но безъ ихъ политическихъ, хозяйственныхъ и культурныхъ предпосылокъ, особенно неблагопріятно отразилась на положеніи спеціально земледѣльческихъ раіоновъ и явилась вторымъ факторомъ разстройства крестьянскаго быта.

Положеніе крестьянскаго хозяйства, однако, было не вездѣ одинаково. Европейскую Россію (исключая Польшу и Прибалтійскій край) можно раздѣлить, съ этой точки зрѣнія, на три области: великороссійскую нечерноземную, великороссійскую и малороссійскую черноземную и западную, обнимающую бѣлорусскія, литовскія и юго-западныя губерніи. Послѣдняя область, состоя изъ шести нечерноземныхъ и трехъ черноземныхъ губерній, представляетъ, единое цѣлое въ отношеніи порядковъ аграрной реформы начала 60-хъ годовъ и рѣзко отличается въ этомъ отъ двухъ первыхъ. Расчлененіе же великой и малой Россіи на двѣ области покоится на различіи характера хозяйственной дѣятельности населенія (промышленно-земледѣльческой и чисто-земледѣльческой) и устойчивости земледѣльческаго хозяйства крестьянъ.

Въ западныхъ губерніяхъ правительство Александра II имѣло противъ себя враждебный классъ польскихъ землевладѣльцевъ. Чтобы найти опору въ народѣ, оно разрѣшило крестьянскій вопросъ въ интересахъ массы населенія, не только передавъ крестьянамъ земли, находившіяся въ единственномъ ихъ владѣніи во времена крѣпостного права, но и увеличивъ площадь этихъ земель на счетъ помѣщичьей земли и сохранивъ за крестьянами сервитутное право на кормовыя угодья помѣщика. Въ губерніяхъ юго-западныхъ, литовскихъ и Минской, послѣ повѣрки отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ особыми коммиссіями, площадь крестьянскихъ земель была увеличена въ 1866-мъ году болѣе чѣмъ на 20%, и около 60% домохозяевъ получили, кромѣ того, сервитутныя права въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, главнымъ образомъ — право выгона скота. Путемъ сервитутовъ площадь крестьянской земли въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ была увеличена на 20—25%. Въ мирной Россіи, великой и малой, политика правительства была иная. Оберегая интересы дворянскаго сословія, правительство отвело освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости крестьянамъ не всю площадь земли, находившуюся въ единственномъ владѣніи крѣпостного населенія, и лишило ихъ права пользованія угодьями, не состоявшими въ ихъ единственномъ владѣніи. Въ двадцати черноземныхъ губерніяхъ крестьянскіе надѣлы уменьшились послѣ освобожденія болѣе, чѣмъ на 20%. Крестьяне нечерноземныхъ губерній пострадали главнымъ образомъ вслѣдствіе лишенія ихъ права пользованія угодьями, находившимися

внѣ крестьянской земли, ибо такое пользованіе имѣло здѣсь особенно широкое распространеніе. Этими мѣрами реформа 19-го февраля поставила крестьянъ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерній, съ первыхъ же шаговъ ихъ свободнаго состоянія, въ хозяйственную зависимость отъ помѣщиковъ, владѣвшихъ тѣми угодьями, которыя составляли органическую, съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія, принадлежность крестьянскихъ надѣловъ. Нѣкоторой части крестьянъ, преимущественно въ нечерноземной полосѣ, удалось освободиться отъ этой зависимости, путемъ пріобрѣтенія въ собственность необходимыхъ имъ кормовыхъ и лѣсныхъ угодій. Но огромное большинство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ вынуждено до сихъ поръ пріобрѣтать недостающія имъ угодья путемъ арендованія крупныхъ землевладѣльцевъ, постоянно рискуя лишиться, вслѣдствіе измѣненія хозяйственныхъ плановъ помѣщика, земли, поддерживающей ихъ хозяйственную самостоятельность.

Въ черноземныхъ губерніяхъ зависимость крестьянскаго хозяйства отъ аренды частновладѣльческихъ земель сдѣлалась съ теченіемъ времени еще болѣе выраженною. Теряя, вслѣдствіе развитія крупной промышленности, подсобные домашніе и промысловые заработки, крестьяне этихъ губерній силою вещей вынуждались стремиться къ расширенію земледѣльческаго хозяйства, а размноженіе сельскаго населенія—при отсутствіи достаточнаго спроса на трудъ со стороны промышленности и городовъ—приводило, въ то же время, къ сокращенію единичныхъ крестьянскихъ участковъ. Эта комбинація обстоятельствъ имѣла послѣдствіемъ увеличеніе спроса крестьянъ на владѣльческія угодья, громадное возвышеніе арендныхъ цѣнъ, сокращеніе доходности крестьянскаго хозяйства, пониженіе состоятельности мелкихъ арендаторовъ, изъятіе изъ ихъ рукъ раньше сдававшихся имъ угодій. Окончательнымъ итогомъ всего перечисленнаго было разрушеніе хозяйства одной части крестьянъ и сознаніе приближенія такого же конца другою, большею половиной крестьянскаго населенія. Какое значеніе имѣетъ арендная земля въ хозяйствѣ крестьянина даже промышленнаго раіона, открывающаго широкое поле приложенія труда внѣ сельскаго хозяйства и освобождающаго, казалось бы, крестьянина отъ тяжелой зависимости въ аграрныхъ отношеніяхъ — доказательствомъ тому служитъ Московская губернія. Новѣйшее, весьма тщательное изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства, произведенное московскимъ земствомъ, показываетъ, что крестьяне этой промышленной губерніи арендуютъ 377 т. дес. частновладѣльческой земли, при чемъ 95% арендуемой площади составляютъ кормовыя угодья, и $^2/_3$ ея снимается цѣлыми общи-

нами; къ арендѣ кормовыхъ угодій вынуждена прибѣгать цѣлая половина московскихъ общинъ; арендуемая крестьянами земля составляетъ около 1/4 части всей надѣльной площади Московской губерніи и около половины площади надѣловъ арендующихъ домохозяевъ; путемъ аренды крестьяне увеличиваютъ общую площадь своихъ кормовыхъ угодій болѣе чѣмъ двое, а если отнести арендуемую землю къ площади надѣла только дворовъ арендующихъ, то отношеніе арендованныхъ кормовыхъ угодій къ надѣльнымъ повысится еще болѣе.

Тщательная разработка матеріаловъ, выполненная, правда, лишь относительно трехъ, но за то типическихъ уѣздовъ Московской губерніи (Бронницкаго, Волоколамскаго и Московскаго) рисуетъ значеніе аренды въ крестьянскомъ хозяйствѣ еще болѣе яркими чертами. Если имѣть дѣло не со всѣми наличными домохозяевами, а лишь съ тѣми, которые не бросаютъ сельскаго хозяйства, то окажется, что только четвертая ихъ часть довольствуется надѣльной землей, а 75% пользуются кромѣ того арендованной или купленной (значительно преобладаетъ, однако, пріобрѣтеніе кормовъ для скота путемъ аренды, а не покупки земли). Крестьяне, арендующіе землю, по хозяйственному оборудованію стоятъ гораздо выше тѣхъ, кто пользуется лишь надѣльной землей. Если существеннымъ признакомъ земледѣльца считать личную обработку всего надѣла, то окажется, что только 18% мелкихъ сельскихъ хозяевъ ограничиваются эксплуатаціей своихъ надѣльныхъ участковъ, а 82% истинныхъ земледѣльцевъ сохраняютъ свое положеніе лишь благодаря арендѣ частновладѣльческихъ или надѣльныхъ угодій [1]).

При такомъ значеніи аренды для поддержанія крестьянскаго хозяйства, арендуемыя угодья поступаютъ къ крестьянамъ Московской губерніи по краткосрочнымъ условіямъ. При общественной арендѣ, въ которой крупное значеніе имѣетъ съемка выпасовъ для скота, аренда опредѣленнаго участка земли представляется большею частью фиксированной за однимъ и тѣмъ же селеніемъ, надѣльныя угодья котораго граничатъ съ арендуемымъ участкомъ. Хотя такіе земельные участки нерѣдко находятся въ арендѣ одного и того же селенія со времени выхода на волю, но арендный договоръ возобновляется, бо́льшею частью, ежегодно; по долгосрочнымъ контрактамъ нанимаютъ помѣщичьи земли лишь 14% арендующихъ общинъ [2]).

[1]) „Московская губернія по мѣстному изслѣдованію 1898—1900-го годовъ“, т. III, вып. 1-й.

[2]) Ibid. т. IV, вып. 1, стр. 65.

Итакъ, фактически селенія Московской губерніи снимаютъ изъ года въ годъ одни и тѣ же необходимыя для нихъ угодьи съ момента упраздненія крѣпостного права. Но вѣдь сохраненіе такого положенія зависитъ отъ доброй воли собственниковъ снимаемой земли. Эта воля въ отдѣльныхъ случаяхъ обращалась, конечно, противъ крестьянъ. Если, въ общемъ итогѣ, московскіе крестьяне сохраняютъ въ данномъ отношеніи старыя позиціи, то нужно имѣть въ виду, что крупные собственники нечерноземной полосы не особенно стремятся къ организаціи на своихъ земляхъ батрацкихъ хозяйствъ, и въ ихъ разсчеты не входитъ пока отбираніе въ собственное пользованіе сдаваемыхъ крестьянамъ угодій, доставляющихъ имъ порядочные доходы.

Въ иномъ положеніи находится крестьянское хозяйство въ черноземныхъ губерніяхъ. Помѣщичья земля здѣсь еще болѣе нужна крестьянамъ, потому что внѣ земледѣлія они почти не находятъ поля для приложенія своего труда. Но коммерческія соображенія побуждаютъ многихъ помѣщиковъ отъ сдачи земли крестьянамъ переходить къ собственной ея обработкѣ, и всякій такой переходъ является драмой для одного или нѣсколькихъ окрестныхъ селеній. Выбитые изъ колеи крестьяне, не пристроившіеся, въ большинствѣ случаевъ, ни къ какому другому обезпечивающему ихъ занятію, влачатъ жалкое существованіе полу-пауперовъ, относясь съ ненавистью къ сосѣду-землевладѣльцу и лелѣя идею о возвращеніи, тѣмъ или другимъ путемъ, въ свое пользованіе отобранной у нихъ земли. Крестьяне, еще сохраняющіе хозяйственную самостоятельность, но обезсиленные борьбою за землю и рядомъ пагубныхъ вліяній со стороны всего окружающаго, со страхомъ предвидятъ возможность ликвидаціи ихъ хозяйствъ и страстно лелѣютъ ту же идею о закрѣпленіи за ними той частновладѣльческой земли, съ помощью которой они сохраняютъ еще тѣнь хозяйственной самостоятельности и возможность не вполнѣ голоднаго существованія.

II.

Идея правомѣрности обращенія всей земли въ пользованіе лицъ, обрабатывающихъ ее своимъ трудомъ, вообще легко находитъ доступъ въ сознаніи трудящихся массъ, не имѣющихъ собственной земли. Эта идея естественнымъ образомъ возникла и въ средѣ крѣпостного населенія Россіи, размѣры землепользованія котораго зависѣли отъ доброй воли помѣщика. „Мы—ваши,

а земля наша"—это выраженіе, приписываемое, кажется, крестьянамъ декабриста Якушкина, хорошо рисуетъ взгляды на данный предметъ крѣпостного населенія. Такое настроеніе крестьянъ предопредѣлило и направленіе крестьянской реформы, въ принципѣ построенной на началѣ сохраненія за крестьянами тѣхъ земель, коими они пользовались въ крѣпостномъ состояніи. Фактически осуществлено было, однако, совершенно иное. Законъ былъ построенъ съ разсчетомъ сохраненія за помѣщиками земель не только ихъ единственнаго, но и общаго съ крестьянами пользованія, и притомъ безъ слишкомъ большого сокращенія помѣщичьей собственности вообще. Въ силу перваго условія крестьяне (великороссійскихъ и малороссійскихъ губерній) потеряли право на угодья общаго ихъ пользованія съ владѣльцами; въ силу второго милліоны крестьянскихъ душъ потеряли при освобожденіи и часть земли, находившейся въ ихъ единственномъ владѣніи. Безъ этихъ земель крестьяне, однако, вовсе не могли оставаться самостоятельными земледѣльцами, а задача возвращенія ихъ въ свои руки путемъ аренды поставила ихъ хозяйственную самостоятельность въ весьма шаткое положеніе. Пореформенныя условія аграрнаго быта неизбѣжно, поэтому, поддерживали въ сознаніи крестьянъ старую идею обращенія всей земли въ пользованіе трудящихся; они даже оживляли эту идею, давали ей особую привлекательность; мало того—они врѣзали ее въ сознаніе массъ неизгладимыми чертами, потому что она не выражала въ данномъ случаѣ вожделѣнія ненасытимаго своекорыстія, а отражала съ фотографической точностью дѣйствительное положеніе вещей. Тѣмъ же отраженіемъ дѣйствительности были и упорно проповѣдывавшіеся прогрессивной интеллигенціей идеи о необходимости новыхъ государственныхъ мѣръ, хотя бы лишь для исправленія недостатковъ аграрной реформы 19-го февраля. Одно только правительство не видѣло или не желало видѣть того, что творилось передъ его глазами. Оно всячески стѣсняло переселеніе малоземельныхъ крестьянъ, дабы не лишить крупныхъ собственниковъ дешевыхъ рукъ и выгодныхъ арендаторовъ. Учрежденіе крестьянскаго банка вызвано было не столько дѣйствительными заботами о крестьянахъ, сколько сознаніемъ необходимости показать народу, что правительство печется о его интересахъ, и надеждой, что водвореніе полной крестьянской собственности послужитъ противоядіемъ отъ заразы тяготѣнія крестьянскихъ массъ къ идеѣ овладѣнія помѣщичьими землями.

Учрежденіе крестьянскаго банка обнаруживаетъ полное пренe-

бреженіе власти къ тому, въ чемъ заключается недостатокъ крестьянскаго хозяйства. Зависимость послѣдняго отъ помѣщичьей земли составляетъ не частное, а всеобщее явленіе. Уничтожить эту зависимость въ большинствѣ случаевъ возможно лишь путемъ передачи общинамъ угодій изъ владѣній ближайшаго собственника — угодій, которыми они пользовались въ крѣпостномъ состояніи и которыя арендуютъ въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ. Такая передача, въ видѣ общаго правила, осуществима лишь при условіи принудительнаго отчужденія необходимыхъ для крестьянъ участковъ, а не путемъ добровольныхъ сдѣлокъ, на которыя могутъ вѣдь и не пойти собственники земель, самыхъ важныхъ для крестьянъ. Землевладѣльцамъ даже невыгодно заключать такія сдѣлки, потому что земельный голодъ крестьянъ обезпечиваетъ и высокія арендныя цѣны сдаваемыхъ имъ участковъ, и дешевыя руки для обработки другихъ помѣщичьихъ земель. Необходимость принудительнаго отчужденія признана, поэтому, всѣми прогрессивными партіями, и въ этомъ отношеніи интеллигентская мысль солидарна съ народной.

Идея принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ угодій, какъ средство, безъ котораго немыслимо поддержать разрушающееся крестьянское хозяйство, въ сознаніи народныхъ массъ укрѣпляется, однако, не тѣмъ путемъ, какимъ приходятъ къ нему интеллигенты. Для крестьянина это—не только логическій выводъ, но и непосредственное чувство; усвояется оно его разумомъ не наблюденіями и размышленіями, а прежде всего матеріальными недохватками, голодовками, заботами о пріобрѣтеніи клочка земли, страхомъ упустить изъ рукъ этотъ клочокъ, перебиваемый другими нуждающимися или преуспѣвающими крестьянами и, наконецъ, тѣмъ, что въ продолженіе десятковъ лѣтъ съемщики обработываютъ изъ года въ годъ землю того же владѣльца, выдерживаютъ постоянное повышеніе арендныхъ за нее цѣнъ, какъ бы сростаются съ нею и естественно приходятъ къ мысли, что пріобрѣли нѣкоторыя на нее права. Постоянныя опасенія потерять необходимую аренду, съ теченіемъ времени усиливающіяся, а не ослабѣвающія, приводятъ крестьянина въ болѣе и болѣе нервное состояніе. Сокращеніе арендуемаго имъ участка и непомѣрное возвышеніе арендной за него платы является уже не простымъ опасеніемъ, а осуществленіемъ того, чего онъ такъ боялся. Крестьянину становится труднѣе и труднѣе выжидать, когда государственная власть удосужится пойти на встрѣчу его нуждамъ. Многіе мелкіе земледѣльцы сохраняютъ еще хозяйственную самостоятельность только благодаря тому, что пріобрѣтаютъ воров-

скимъ способомъ копну сѣна, нѣсколько бревенъ и т. п. А во время неурожаевъ воровскіе пріемы навязываются сами собою для сохраненія самой жизни пострадавшаго. Потравы и порубки вошли въ обиходъ крестьянскаго хозяйства нѣкоторыхъ раіоновъ. Далеко не всегда это объясняется распущенностью сельскаго населенія. Часть крестьянъ прибѣгаютъ къ этому въ силу крайней необходимости, и притомъ постояннаго, а не временнаго характера. Естественная эволюція крестьянскаго хозяйства дошла до того момента, когда добровольными сдѣлками съ частными собственниками множество крестьянъ уже не въ состояніи получить въ свои руки необходимыя имъ угодья, и они фатально толкаются на путь самовольнаго пользованія ими. При обычномъ теченіи жизни это происходитъ тайно, воровски; но разъѣдающая крестьянское хозяйство язва малоземелья и безработицы все болѣе и болѣе увеличиваетъ кадры несостоятельныхъ мелкихъ хозяевъ, ярче и ярче рисуетъ взору хозяевъ, еще борющихся за существованіе, разверзающуюся передъ ними пропасть, усиливаетъ и распространяетъ чувство необезпеченности этого существованія, возбуждаетъ работу мысли о способахъ выхода изъ такого состоянія, обостряетъ ненависть его къ порядкамъ, обусловливающимъ данное положеніе вещей. При извѣстной комбинаціи обстоятельствъ это чувство получаетъ массовое выраженіе, сопровождаемое смутной надеждой на возможность опредѣленнымъ образомъ дѣйствій радикально измѣнить положеніе вещей. Такимъ взрывомъ народнаго нетерпѣнія были крестьянскія волненія въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ въ 1902 г. Это было какъ бы предупрежденіе власти, предуказаніе того, чего можно ожидать въ этой области въ не очень отдаленномъ будущемъ. Будущее не заставило себя долго ждать, и въ 1905—1906-мъ годахъ крестьянскія волненія охватили уже почти всю Россію.

III.

Анкета Вольнаго Экономическаго Общества даетъ много иллюстрацій къ мыслямъ, развитымъ выше. Мы ограничимся данными, относящимися къ черноземному раіону, и изложимъ ихъ отдѣльно для юго-западныхъ и для всѣхъ прочихъ губерній.

Большинство корреспондентовъ Вольнаго Экономическаго Общества видятъ причину крестьянскихъ движеній, главнымъ образомъ, въ малоземельѣ вообще и въ недостаточности кормовыхъ угодій—въ частности. Всѣ, напримѣръ, сообщенія изъ Харьков-

ской губерніи „указываютъ на крайній недостатокъ у крестьянъ угодій: нѣтъ луговъ, сѣнокосовъ, нѣтъ выгоновъ". Изъ 67 описаній крестьянскихъ волненій въ Полтавской губерніи двѣнадцать прямо говорятъ о недостаткѣ у крестьянъ луговъ и выгоновъ; но бѣдность крестьянъ этими угодьями скрывается и подъ терминомъ „малоземелья", называемаго причиной движенія въ 38 сообщеніяхъ. Страдаютъ, конечно, недостаткомъ названныхъ угодій и тѣ крестьяне, волненія коихъ вызваны „притѣсненіемъ со стороны экономій въ пастьбѣ и землѣ" (6 сообщеній). О недостаткѣ выгоновъ, какъ причинѣ движенія, говорится въ 14 корреспонденціяхъ. Изъ Черниговской губерніи о недостаткѣ лѣса идетъ рѣчь въ 13 сообщеніяхъ; но 47 корреспондентовъ этой губерніи говорятъ о малоземельѣ вообще, а 16—о крайней нуждѣ вслѣдствіе недостатка земли и отчасти вслѣдствіе недородовъ. Изъ десяти корреспондентовъ Екатеринославской губерніи, сообщающихъ о причинѣ крестьянскихъ движеній, восемь считаютъ таковою малоземелье, изъ нихъ пять упоминаютъ спеціально о недостаткѣ у крестьянъ луговъ и выгоновъ. Изъ 18 сообщеній по тому же вопросу изъ Херсонской губерніи на малоземелье вообще указываютъ 14, изъ нихъ спеціально на недостатокъ кормовъ для скота—5. Изъ 12 отвѣтовъ на этотъ вопросъ изъ Таврической губерніи о малоземельѣ говорятъ 11, спеціально о недостаткѣ кормовъ—три. Недостатокъ кормовыхъ угодій упоминается, какъ причина крестьянскихъ волненій, въ корреспонденціяхъ изъ шести центральныхъ черноземныхъ губерній: изъ числа 72 корреспондентовъ этого раіона, 52 видятъ причину волненій въ малоземельѣ и недостаткѣ кормовыхъ угодій. Изъ 20 корреспондентовъ Самарской губерніи, указавшихъ на малоземелье волновавшихся крестьянъ, 9 останавливаются особо на недостаткѣ луговъ, выгоновъ и лѣса. Изъ 74 корреспондентовъ пяти средневолжскихъ губерній (Казанской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Саратовской) малоземелье волновавшихся крестьянъ констатируютъ 39.

При оцѣнкѣ всѣхъ этихъ показаній слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что признаніе малоземелья крестьянъ мы находимъ преимущественно въ отзывахъ корреспондентовъ-крестьянъ и лицъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ мѣстныхъ аграрныхъ отношеній. Корреспонденты-помѣщики, тѣмъ болѣе—потерпѣвшіе отъ движенія, склонны умалить значеніе этого фактора. Отсюда можно вывести заключеніе, что земельная нужда крестьянъ центральныхъ черноземныхъ губерній, изъ которыхъ въ Вольное Экономическое

Общество корреспондировали по преимуществу крупные землевладѣльцы, обрисована въ анкетѣ этого общества далеко не полно.

Корреспондентами Вольнаго Экономическаго Общества ярко иллюстрируется и другая, выше развитая мысль: о широкомъ распространеніи и крайней важности, въ раіонахъ волненій, аренды крестьянами внѣнадѣльныхъ угодій. Необходимость такой аренды можно, впрочемъ, вывести уже изъ сообщеній корреспондентовъ о малоземельѣ вообще и о недостаткѣ кормовыхъ угодій, въ частности, въ надѣлахъ волновавшихся крестьянъ. „Въ большинствѣ нашихъ сообщеній,—пишетъ В. С. Голубевъ (сводившій матеріалы Вольнаго Экономическаго Общества относительно малороссійскихъ губерній)—хозяйственныя отношенія между помѣщиками и крестьянами Черниговской губерніи складываются какъ арендныя отношенія, при чемъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ крупныя имѣнія сдаются одному арендатору, который уже отъ себя передаетъ землю крестьянамъ"; а эта система ведетъ къ особенному повышенію цѣны крестьянской аренды. Въ большей части имѣній, гдѣ возставали крестьяне Полтавской губерніи, хозяйство ведется частью батрацкимъ трудомъ, частью путемъ сдачи земли въ аренду крестьянамъ, очень часто—за отработки. Изъ 38 сообщеній о способахъ веденія помѣщичьяго хозяйства въ новороссійскихъ губерніяхъ, 15 свидѣтельствуютъ, что въ имѣніяхъ, противъ которыхъ направлено было неудовольствіе крестьянъ, преобладаетъ батрацкое хозяйство, 9 говорятъ о сдачѣ земли крестьянамъ, 14—объ обѣихъ этихъ системахъ. Насколько можно судить по описанію крестьянскихъ волненій въ центральной черноземной и средне-волжской земледѣльческой полосахъ, и здѣсь часть владѣльческой земли обрабатывается наемнымъ трудомъ, а часть сдается крестьянамъ за деньги, за отработки или исполу.

При такой зависимости крестьянскаго хозяйства земледѣльческихъ губерній отъ аренды внѣнадѣльныхъ земель, всякія измѣненія въ площади сдаваемыхъ крестьянамъ угодій или въ условіяхъ аренды отражаются существеннымъ образомъ на положеніи ихъ хозяйства и на ихъ благосостояніи. Въ этомъ отношеніи въ разсматриваемыхъ полосахъ происходили въ послѣднее время очень важныя измѣненія, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ быстромъ и непомѣрномъ возвышеніи арендныхъ платъ, въ измѣненіи условій аренды не въ пользу крестьянъ, въ сокращеніи площади сдаваемыхъ крестьянамъ угодій и въ расширеніи эксплуатаціи помѣщичьихъ земель путемъ обработки ихъ наемнымъ трудомъ.

Передъ крестьянскимъ движеніемъ—такъ резюмируетъ И. В.

Чернышевъ сообщенія корреспондентовъ Вольнаго Экономическаго Общества изъ средне-волжскихъ губерній,—„замѣчается стремительный ростъ арендныхъ цѣнъ за землю и увеличеніе платы за пользованіе выгономъ". Систематическій ростъ арендныхъ цѣнъ наблюдается во всѣхъ пяти губерніяхъ этой полосы. О постепенномъ возвышеніи арендной платы сообщаютъ изъ Кобелякскаго уѣзда Полтавской губ., Бобровскаго уѣзда Воронежской губ., Херсонскаго уѣзда (за послѣдніе годы она здѣсь чрезвычайно возрасла), Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губерніи (выросла за послѣдніе четыре года вдвое). Громадное имѣніе (13.600 дес.) въ Липовской волости Самарскаго уѣзда, разгромленное крестьянами, сдавалось въ аренду крестьянамъ по 20—30 р. за десятину, а въ половинѣ девятисотыхъ годовъ арендныя цѣны земли и продажная цѣна дровъ были еще повышены. Въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. арендная цѣна доходитъ до 25 р. за десятину пашни, въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губ.—до 32 р.; въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губ. десятина пахатной земли сдавалась по цѣнѣ 14—20 р. Особенно высоки были арендныя цѣны пахатной земли въ наиболѣе малоземельномъ, центральномъ черноземномъ раіонѣ. Въ имѣніяхъ, подвергшихся разгрому въ Обоянскомъ, Тимскомъ, Льговскомъ уѣздахъ Курской губ., арендная цѣна десятины доходила до 25—30 р., въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губ. до 25 р., въ двухъ уѣздахъ Тамбовской губ. до 25—30 р., въ пяти уѣздахъ Харьковской губ. до 25—30, даже 40 р., въ двухъ уѣздахъ Черниговской губ. до 22—30 р., въ Прилукскомъ уѣздѣ Полтавской губ.—до 36 р. Подобныя цѣны арендуемой крестьянами земли, не оправдываемыя ея доходностью, волновали крестьянъ, и корреспонденты, напр., Саратовскаго, Аткарскаго и Сердобскаго уѣздовъ Саратовской губ. высокимъ арендным цѣнамъ приписываютъ возникновеніе аграрныхъ движеній.

Вмѣстѣ съ быстрымъ возвышеніемъ арендныхъ платъ измѣняются, къ невыгодѣ съемщиковъ, и условія аренды земли. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать особенно на перенесеніе срока уплаты арендныхъ денегъ съ осени на весну и на замѣну испольной или отработочной аренды — не смотря на всю тяжесть условій доступной и безденежному крестьянину — сдачею земли за деньги. Аналогичныя, невыгодныя для крестьянъ измѣненія имѣютъ мѣсто и въ условіяхъ пріобрѣтенія топлива. Въ прежнее время во многихъ мѣстностяхъ дрова отпускались крестьянамъ въ уплату за чистку лѣса, а теперь за нихъ требуются наличныя деньги, которыхъ у крестьянъ нѣтъ. Невыгодна для кре-

стьянъ и распространенная въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сдача помѣщичьей земли крупнымъ арендаторамъ, которые уже отъ себя пересдаютъ ее по мелочамъ крестьянамъ. Такое посредничество между землевладѣльцемъ и крестьянами ведетъ къ повышенію цѣны земли, достающейся послѣднимъ. Эта система распространена преимущественно въ малороссійскихъ губерніяхъ.

Какъ бы тяжелы для крестьянина ни были описанныя выше явленія непомѣрнаго возвышенія арендныхъ цѣнъ и ухудшенія условій аренды, даже если вслѣдствіе этого сокращались доходы и понижалось благосостояніе земледѣльца,—но пока крестьянинъ арендуетъ землю, онъ сохраняетъ свой промыселъ и избавленъ по крайней мѣрѣ отъ опасности вынужденнаго бездѣлья и голодной смерти. Но въ раіонахъ крестьянскихъ волненій совершались и болѣе роковыя для крестьянъ явленія: сокращеніе сдачи крестьянамъ земли или полное прекращеніе аренды, подрѣзающее одинъ изъ корней, поддерживающихъ, если не питающихъ крестьянское хозяйство. Одна изъ причинъ этого явленія заключается въ разореніи крестьянъ, лишающихся возможности исправно уплачивать за аренду земли. Разореніе это было слѣдствіемъ многихъ причинъ, среди которыхъ немаловажную роль играла высота арендныхъ цѣнъ земель, въ сочетаніи съ краткосрочнымъ (погоднымъ) срокомъ аренды. Арендныя платы достигли такой высоты, что становились непосильными при господствующей системѣ хозяйства, а поднятію интенсивности земледѣлія, кромѣ общихъ условій, препятствовала краткосрочность аренды. По разсчету херсонской губернской земской управы, уже въ 80-хъ годахъ съемщикъ земли еле оплачивалъ свой трудъ, „въ послѣдніе же годы арендаторъ терпѣлъ одни убытки и долженъ былъ оплачивать изъ своихъ сбереженій за прежніе годы. Но необходимость примѣнять свой трудъ за плату, хотя бы низшую, чѣмъ при наймѣ (на работу), заставляетъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ поднимать цѣны до 18—20 р. за обыкновенное пахатное поле и до 25 р. за лучшую землю“. Арендная плата земли въ Днѣпровскомъ у. Таврической губ. окупается лишь при полномъ урожаѣ, бывающемъ разъ въ три—пять лѣтъ. По словамъ г. Шумилова, крестьяне волновавшихся раіоновъ Курмышскаго у. Симбирской губ. платили 25 р. за десятину земли, приносившей зерна всего на 15—18 р. [1])

Одногодная аренда удерживается землевладѣльцами, потому что даетъ имъ возможность постояннаго возвышенія платы за

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1909, № 12.

сдаваемую крестьянамъ землю. Благодаря этой арендѣ, — пишетъ корреспондентъ изъ Екатеринославской губ. — „земля истощена, родитъ мало; поэтому каждый, чтобы прокормиться, старается возможно больше нанять земли, идетъ захватъ ея. Отсюда вытекаетъ страшный и безполезный трудъ... Удобрять землю нѣтъ желанія, такъ какъ за удобренную землю помѣщикъ страшно подыметъ цѣну". „Такое положеніе не можетъ продолжаться безконечно"—говоритъ В. Г. Романъ, сводившій матеріалы Вольнаго Экономическаго Общества относительно новороссійскихъ губерній. „Средства производства съемщика постепенно таютъ. Разъ не хватаетъ продуктовъ производства—за вычетомъ львиной доли помѣщика—даже для прокормленія семьи работника, то крестьянинъ не можетъ воспроизводить и орудія труда: они проѣдаются. А когда процессъ хозяйственной деградаціи доходитъ до этой стадіи — крестьянинъ уже становится безвыгоднымъ арендаторомъ: абсолютная производительность его труда настолько ничтожна, что какъ бы ни велика была доля, которую онъ отдаетъ землевладѣльцу, ея величина (абсолютная) уже не удовлетворяетъ помѣщика. Крестьянинъ начинаетъ „давать дешево"—и помѣщикъ переходитъ къ батрачному труду и тѣмъ лишаетъ крестьянина, не попавшаго въ батраки, всякой возможности приложенія своего труда къ землѣ".

О сокращеніи сдачи земли крестьянамъ и развитіи вмѣсто того помѣщичьихъ запашекъ сообщается въ Вольное Экономическое Общество со всѣхъ концовъ земледѣльческой полосы. Въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. и въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губ. наемный трудъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ вытѣснялъ трудъ испольщика и арендатора за отработки. Въ Тимскомъ, Суджанскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ Курской губ. передъ 1905 г. „сдача земли въ аренду исподволь сокращалась (между прочимъ—подъ вліяніемъ культуры свеклы), что̀ гнало арендныя цѣны вверхъ". Въ Конотопскомъ уѣздѣ Черниговской губ. „помѣщики, сдавая землю подъ свеклу, отбираютъ ее изъ аренды крестьянъ, которые лишаются въ такихъ случаяхъ хлѣба". Въ крупныхъ экономіяхъ Козелецкаго уѣзда (той же губерніи), противъ которыхъ было направлено крестьянское движеніе, „послѣ освобожденія крестьянъ велось исключительно испольное хозяйство, но постепенно вводилась собственная запашка и уже лѣтъ десять, какъ всѣ эти экономіи не даютъ крестьянамъ земли, а обрабатываютъ ее наемными руками". Въ двухъ пострадавшихъ имѣніяхъ Сосницкаго уѣзда Черниговской губерніи земля первоначально сдавалась крестьянамъ исполу; но въ 1905 г. многимъ крестьянамъ отка-

зано въ арендѣ, и экономіи стали сами засѣвать свои поля. „За два-три года до аграрнаго движенія — сообщаютъ изъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи—большая часть имѣній раіона (въ 20 волостей), гдѣ сосредоточилось движеніе, перешла къ батрачному хозяйству". Въ раіонѣ крестьянскихъ безпорядковъ въ Кобелякскомъ и Константиноградскомъ уѣздахъ Полтавской губерніи сдача земли въ аренду сокращалась ежегодно. Крайне малоземельные крестьяне с. Натальина, Самарскаго уѣзда, громившіе въ 1905 г. экономію гр. О. Д., испытали до начала движенія сокращеніе площади сдававшейся имъ земли, вслѣдствіе расширенія экономической запашки. То же самое надлежитъ сказать и относительно крестьянъ-дарственниковъ Нижнедобринской волости, Камышинскаго уѣзда Саратовской губерніи. Въ сосѣднемъ съ ними имѣніи ген. Г., площадью въ 12.000 десятинъ, сдача земли крестьянамъ сокращалась изъ года въ годъ въ пользу помѣщичьей запашки. „Раньше больше сдавали земли исполу, давали чистить лѣсъ для дровъ, выпасъ за отработки. Передъ 1905 г. отработки смѣнились денежными платежами, исполье исчезло, за дрова надо было платить". Мѣстные крестьяне еще въ 1901—1902 гг. самовольно запахивали землю помѣщика. Въ Рѣчанской волости, Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи, волновавшейся въ 1905-мъ году, „за нѣсколько лѣтъ до аграрныхъ движеній была уничтожена сдача земли въ аренду и перешли къ батрачному хозяйству". То же явленіе наблюдалось и въ Волчанскомъ уѣздѣ, гдѣ были крупные безпорядки, и въ В. Историнской волости, Лебединскаго уѣзда той же губерніи. Въ волновавшемся селеніи Богдановкѣ, Прилукскаго уѣзда Полтавской губерніи, за годъ до волненія прекращена была сдача земли крестьянамъ. Сообщеніе изъ Богородицкой волости, Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губерніи, разгромъ мѣстной экономіи приписываетъ, между прочимъ, прекращенію сдачи крестьянамъ земли въ аренду.

IV.

Постоянное возвышеніе арендныхъ цѣнъ, ухудшеніе условій, сокращеніе и, мѣстами, полное прекращеніе сдачи крестьянамъ помѣщичьихъ земель—когда аренда частновладѣльческихъ угодій составляетъ жизненную необходимость для крестьянина—неизбѣжно приводятъ къ разстройству крестьянскаго хозяйства и пониженію урожайности крестьянскихъ полей. На этой почвѣ раз-

вивается земельная и денежная кабала крестьянъ, бѣдность ихъ и голодовки, и какъ вѣнецъ всего—ненависть къ господствующему хозяйственному строю и къ представителю его сильной стороны: помѣщику.

Изъ Терешковской волости, Сумскаго уѣзда, пишутъ, что „при крайне тяжеломъ экономическомъ положеніи нѣтъ никакой возможности ни купить земли, ни получить въ аренду", потому что мѣстныя экономіи сами обрабатываютъ землю и имѣютъ винокуренные и сахарные заводы. „Каждому домохозяину приходится корову все лѣто водить на веревочкѣ". Въ Комишевахской волости, Изюмскаго уѣзда, „даже капусты негдѣ посадить". Въ д. Губаровкѣ, Кобелякскаго уѣзда Полтавской губ., изъ-за недостатка пастбищъ рабочая скотина истощена до послѣдней степени. Крестьянамъ с. Погребы, Прилукскаго уѣзда Полтавской губерніи, не хватаетъ 1.000 дес. пашни и 500 дес. сѣнокоса, но нанять землю невозможно. „Вызвано движеніе (въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи) страшной нуждой въ землѣ прежде всего. Молодые хозяева, уже выдѣленные изъ отцовской семьи, кромѣ 1/4 или 1/8 части усадьбы подъ хату, почти ничего не имѣютъ. Аренды помѣщики не даютъ, а если нѣкоторые и даютъ, то по очень высокой цѣнѣ. Страшная нищета, придавленность отовсюду и невѣжество". Крестьяне волновались отъ голода—сообщаютъ изъ Херсонскаго уѣзда. Нѣкоторыя семьи имѣютъ 1/4 десятины надѣла. „Есть пашня, которая въ рукахъ богатыхъ, и есть нищій мужикъ, ничего не имѣющій, кромѣ своихъ четырехъ конечностей, и который принужденъ за какую угодно цѣну арендовать землю, чтобы не умереть съ голоду".

„Въ землѣ нужда ощущается огромная—пишетъ корреспондентъ изъ Макарьевскаго уѣзда,—потому что курамъ выйти некуда, не только скоту". „Окружили насъ помѣщики—сообщаетъ корреспондентъ изъ Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи,—обдираютъ насъ непомѣрно за аренду земли; срываютъ съ насъ штрафы за выходъ скота и на пустое поле, и на скошенные луга". „Земли мало, кругомъ земля помѣщиковъ и удѣловъ. Помѣщики и удѣлъ жмутъ и рвутъ штрафы за потравы". „Замаялись, живучи въ бѣдности и земельной тѣснотѣ"—сообщаютъ изъ Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи. „Нѣтъ у насъ ни луговъ, ни лѣсу, ни выгоновъ"—пишетъ корреспондентъ изъ Самарскаго уѣзда; „и прикащики, и управляющіе бросаются, какъ разъяренные львы".

Особенно тяжело положеніе такъ называемыхъ дарственныхъ крестьянъ, получившихъ 1/4 высшаго или указнаго надѣла. Дар-

ственная земля — сообщаетъ корреспондентъ изъ Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губерніи — „теперь вся подъ усадьбой, и окружена помѣщичьей. Крестьяне окутаны черезполосицей; нѣтъ ни прогона, ни проѣзда. Приходится арендовать землю хотя бы на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ“. Крестьяне-дарственники трехъ деревень Гадячскаго уѣзда (Полтавской губерніи) теперь почти всѣ нищіе, „нравственно испорченные, невѣжественные и одичавшіе“. У крестьянъ-дарственниковъ Нижнедобринской волости Камышинскаго уѣзда (Саратовской губерніи) „лѣса—ни прута, луговъ—ни сажня, подъ посѣвъ хлѣба—ни сажени“; нанимаютъ землю у своего бывшаго помѣщика; „мужику, чѣмъ-либо неугодному дворнѣ, ни за какія деньги не сдадутъ ни одной сажени“. Положеніе дарственниковъ въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи прямо безвыходное: „землевладѣльцы, въ полномъ смыслѣ слова, вольны въ животѣ и смерти ихъ; отказъ въ землѣ обрекаетъ крестьянина на голодную смерть“. Неудивительно, если „наиболѣе рѣзкое движеніе въ этомъ уѣздѣ проходило тамъ, гдѣ крупныя имѣнія окружали дарственныхъ крестьянъ“. Въ Конотопскомъ уѣздѣ Черниговской губ. особенно преслѣдовались помѣщики, нарѣзавшіе дарственный надѣлъ.

При томъ значеніи, какое для крестьянскаго хозяйства имѣетъ аренда владѣльческихъ земель, особенную ненависть возбуждаютъ въ крестьянахъ экономіи, прекратившія сдачу земли въ аренду. Хотя крестьяне имѣютъ въ такихъ экономіяхъ источникъ заработковъ, но во время аграрныхъ волненій они требовали отъ экономіи не столько возвышенія заработной платы, сколько возстановленія аренды. Крестьянинъ видитъ, что заработки въ экономіяхъ хороши какъ дополнительный доходъ къ главному, получаемому отъ собственнаго хозяйства, и стремится обезпечить послѣднее болѣе, чѣмъ первые.

Арендная земля составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства черноземной полосы; между тѣмъ арендный фондъ постоянно сокращается и абсолютно, и относительно. Абсолютно онъ сокращается вслѣдствіе расширенія запашекъ у крупныхъ владѣльцевъ и арендаторовъ, относительно—вслѣдствіе увеличенія числа мелкихъ земледѣльцевъ. Вмѣстѣ съ происходящимъ отъ того сокращеніемъ доходовъ, расходы крестьянина, напротивъ того, увеличиваются и отъ возвышенія арендныхъ цѣнъ, и отъ разрушенія натуральнаго хозяйства. Въ результатѣ является пониженіе народнаго благосостоянія, ускоряемое хроническими неурожаями, поражающими именно черноземныя губерніи, и тѣсно связанными съ процессомъ упадка крестьян-

скаго хозяйства. Пониженіе благосостоянія и безъ того малоимущихъ хозяевъ грозитъ полуголоднымъ существованіемъ его семьи, потерей живого инвентаря, залогомъ надѣльной земли. Все это—явленія, для предупрежденія которыхъ человѣкъ готовъ на многое, отъ чего отвернулся бы въ нормальномъ состояніи. Неурожай, а слѣдовательно обостреніе кризиса крестьянскаго хозяйства, посѣтилъ многія мѣстности черноземной полосы и въ 1905—1906 гг.

Описываемыя явленія крайняго упадка крестьянскаго благосостоянія обнаружились настолько ясно, что на нихъ ссылаются многіе корреспонденты Вольнаго Экономическаго Общества для объясненія безпорядковъ, происходившихъ передъ ихъ глазами. Главной причиной крестьянскихъ волненій въ средневолжскихъ губерніяхъ почти единогласно всѣ корреспонденты считаютъ малоземелье и крестьянскую нужду. „Нужда эта достигла крайней степени, и не вспыхни движеніе въ 1905-мъ году, оно должно было бы вспыхнуть въ ближайшемъ будущемъ“. „Крестьяне замаялись, живучи въ бѣднотѣ и земельной тѣснотѣ“; „людъ бѣдный обезсилѣлъ совсѣмъ, жить стало невозможно“. „Малоземелье и вѣчная жизнь впроголодь“ — такъ характеризуютъ положеніе крестьянъ корреспонденты изъ этого раіона. Причинами крестьянскихъ волненій въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи корреспондентъ Вольнаго Экономическаго Общества считаетъ „страшную матеріальную нужду, вытекающую изъ крайняго малоземелья и низкой урожайности“. Въ Керенскомъ уѣздѣ Пензенской губ. къ общей нуждѣ въ 1905-1906 г. присоединились голодъ и взысканіе податей. „Малоземельные крестьяне Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи говорятъ: „все равно, бунтовать—умирать и не бунтовать—умирать съ голоду“. Крестьянское движеніе въ Пензенскомъ уѣздѣ направлено было „противъ всѣхъ состоятельныхъ, на чей счетъ можно было уменьшить свою нужду“. Бывшіе удѣльные крестьяне Корсунскаго уѣзда Симбирской губерніи объясняютъ свое участіе въ порубкахъ удѣльныхъ лѣсовъ, говоря, что они голодаютъ „въ то время, какъ рядомъ съ ними гніетъ лѣсъ и пропадаютъ трава и жолуди“. Причину крестьянскаго движенія въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи корреспондентъ усматриваетъ въ малоземельѣ и въ крайней нуждѣ, происшедшей отъ неурожая. „Крестьяне погромнаго с. Натальина Самарскаго уѣзда, получивъ надѣлъ площадью не болѣе одной десятины на душу, находятся въ когтяхъ гр. О. Д. и терпятъ нищету, которая обострилась вслѣдствіе недорода“. Причины крестьянскихъ движеній въ Александрійскомъ уѣздѣ

Херсонской губерніи—страшная нужда въ землѣ и страшная нищета крестьянъ. Кое-гдѣ въ Херсонскомъ уѣздѣ крестьяне волновались „съ голоду“; вслѣдствіе тяжелыхъ условій труда и аренды „крестьянину некуда дальше жить, все равно, хоть живой лѣзь въ яму, хоть такъ пропадай“. Причины крестьянскихъ движеній въ Бердянскомъ и Евпаторійскомъ уѣдахъ Таврической губерніи—„малоземелье и крайняя нужда“. Движеніе въ Днѣпровскомъ уѣздѣ той же губерніи вызвано „малоземельемъ, вліяющимъ на сильную крестьянскую бѣдность“. „Хроническая нужда деревни“ фигурируетъ въ числѣ причинъ движенія и въ сообщеніи изъ Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи.

Итакъ, крестьянское хозяйство, въ естественной его эволюціи, обусловленной, съ одной стороны, системой аграрной реформы начала 60-хъ годовъ, съ другой—ходомъ событій въ теченіе слѣдующаго сорокалѣтія, подошло къ такому моменту своего распаденія, когда массѣ земледѣльцевъ предстояло или мириться съ утратою хозяйственной самостоятельности и обрекать свои семьи на положеніе голодныхъ бродячихъ пауперовъ, или выступить на борьбу за упроченіе своего хозяйственнаго положенія и за спасеніе семьи отъ голода, надвигающагося при каждомъ изъ часто повторяющихся недородовъ. Эта задача возникла давно и естественно должна бы разрѣшаться систематически и организованнымъ путемъ; но, по политическимъ и культурнымъ условіямъ страны, примѣненіе этого естественнаго пути было невозможно. Крестьянамъ приходилось дѣйствовать въ разбродъ, зачастую прибѣгая къ традиціоннымъ „собственнымъ средствамъ“. Хозяйственные результаты такихъ дѣйствій были, конечно, незначительны, и въ психикѣ крестьянъ только накоплялась ненависть къ господствующимъ экономическимъ порядкамъ и къ эксплуататорамъ крестьянской нужды; все рѣзче обозначалось противорѣчіе интересовъ землевладѣльцевъ и крестьянъ и упрочивалась мысль о выходѣ изъ гибельнаго положенія путемъ радикальнаго преобразованія земельныхъ отношеній. Корреспонденціи Вольнаго Экономическаго Общества содержатъ немало указаній на распространеніе въ крестьянскихъ массахъ враждебнаго отношенія къ помѣщикамъ. Причина крестьянскихъ движеній—„зависть и злоба къ помѣщикамъ, ведущимъ хорошо свои хозяйства“, пишетъ корреспондентъ изъ Тульской губерніи; „сословно-классовая вражда разжигается агитаціей“—высказываетъ другой; „движеніе было вызвано отчасти малоземельемъ, а особенно—ненавистью къ помѣщикамъ“—сообщаетъ третій. Десять (изъ семнадцати) корреспондентовъ Тамбовской губерніи указываютъ, что одной изъ при-

чинъ крестьянскаго движенія была вражда къ помѣщикамъ, вражда сословно-классовая. Въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи причиною разгрома экономій была „вражда къ помѣщику, вызванная отказомъ въ арендѣ и сдачей земли тремъ богатымъ крестьянамъ другого, отдаленнаго села. Помѣщикъ судился по всякому ничтожному поводу, постоянно оскорбляя крестьянъ, загонялъ скотину не только съ потравы, но и съ поля, покрытаго снѣгомъ". Въ Тамбовскомъ уѣздѣ рубка лѣса была вызвана „крайнимъ озлобленіемъ противъ владѣльца лѣса, безпощадно и безъ границъ эксплуатирующаго село", а поджогъ одной экономіи—„ненавистью къ помѣщику-пришельцу, сильно притѣснявшему крестьянъ". Въ числѣ причинъ движенія въ Рязанскомъ уѣздѣ, въ Сумскомъ и Лебединскомъ уѣздахъ Харьковской губерніи, указывается вражда къ владѣльцамъ, управляющимъ, приказчикамъ. Ненависть крестьянъ къ помѣщику въ волновавшемся селѣ Синевкѣ Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи, развилась послѣ неудачнаго исхода продолжительной тяжбы съ помѣщикомъ о возвращеніи отрѣзанныхъ у крестьянъ при освобожденіи 700 десятинъ земли. Бѣдняки Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи во время погрома помѣщичьихъ экономій „радовались, что наконецъ-то пришлось отплатить помѣщикамъ за то, что тѣ столько времени пили изъ нихъ кровь". „Крестьяне давно питали ненависть къ помѣщикамъ, беззаботнымъ и сытымъ", сообщаетъ корреспондентъ изъ Петровскаго уѣзда Саратовской губерніи. Въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи „вражда крестьянъ къ помѣщикамъ искони существуетъ за крѣпостное право, за захватъ панами лучшихъ угодій, озеръ, рѣкъ, луговъ, далекій, неподручный отводъ надѣловъ и сдачу земли въ аренду на такихъ условіяхъ, что крестьянину за труды ничего не останется, а при недородѣ—одно разореніе". „Большинство населенія (Мелитопольскаго и Днѣпровскаго уѣздовъ Таврической губерніи) если и не участвовало въ погромахъ экономій, то душой сочувствовало, такъ какъ на такое звѣрство вывели народъ помѣщики". „Злоба противъ сильныхъ, накопившаяся годами, вызвана произволомъ администраціи, безправіемъ, всевозможными обидами, неправосудіемъ, большими поборами, высокой арендной платой, которая окупается лишь когда бываетъ полный урожай—разъ въ 3—5 лѣтъ, сдачей земли посреднику-кулаку, который передаетъ ее крестьянамъ за двойную цѣну" (Днѣпровскій уѣздъ Таврической губерніи).

V.

Въ разсмотрѣнномъ раіонѣ аренда составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства и условіе сколько-нибудь сноснаго матеріальнаго состоянія земледѣльца. Въ земледѣльческомъ юго-западномъ раіонѣ хозяйственныя отношенія сложились иначе. Благодаря прекрасной почвѣ и климату, сравнительно продолжительному періоду земледѣльческихъ работъ и близости къ западной Европѣ, представляющей огромный рынокъ сбыта разнообразныхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній, доходность хозяйства здѣсь выше нежели въ остальной Россіи, и условія его интенсификаціи благопріятнѣе. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ помѣщичьи запашки въ крѣпостное время имѣли здѣсь широкое распространеніе, а послѣ освобожденія крестьянъ крупное хозяйство быстро пошло по пути интенсификаціи, въ основѣ которой лежало, главнымъ образомъ, распространеніе свеклы для сахароваренія. Существовалъ огромный спросъ на рабочую силу для обработки владѣльческихъ полей и для работы на сахарныхъ заводахъ. Условія освобожденія крестьянъ на основѣ сохраненія за ними всѣхъ земель, согласно инвентарямъ 1847 г., равно какъ и права участія въ пользованіи угодьями, отошедшими къ владѣльцамъ, поставили собственное хозяйство освобожденныхъ крестьянъ въ независимое отъ помѣщиковъ положеніе. Сельско-хозяйственная организація данной области сложилась, поэтому, по типу, значительно отличному отъ остальной Россіи. Границы индивидуальной хозяйственной дѣятельности совпадаютъ здѣсь съ границами землевладѣнія. Крестьяне ведутъ хозяйство почти исключительно на своей землѣ; крупные землевладѣльцы почти не сдаютъ земли въ мелкую аренду.

Благопріятныя условія сельско-хозяйственной дѣятельности позволяютъ крестьянамъ юго-западнаго края получать болѣе высокій доходъ или—что тоже—довольствоваться меньшей площадью земли сравнительно съ другими мѣстностями Россіи. Спросъ на свеклу со стороны сахарныхъ заводовъ открываетъ возможность культивировать это растеніе на крестьянскихъ поляхъ и повышать ихъ доходность. Обиліе заработковъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ доставляетъ крестьянамъ подсобные доходы, которые могутъ расти по мѣрѣ того, какъ сокращается собственное хозяйство земледѣльца. Если ко всему сказанному прибавить, что вслѣдствіе пониженія, при эмансипаціи, на 40 — 60% выкуп-

ныхъ платежей и отсутствія расхода на аренду земли, хозяйственные расходы крестьянъ юго-западнаго края были значительно ниже тѣхъ, которые лежали на крестьянахъ большей части Россіи, то намъ сдѣлается ясно, почему крестьянинъ юго-западныхъ губерній находился въ лучшемъ положеніи сравнительно съ своими собратіями въ прочихъ черноземныхъ областяхъ, почему онъ почти не накоплялъ недоимокъ и до послѣдняго времени не стремился выселяться на сторону.

Постепенно, однако, положеніе и здѣсь измѣнялось въ направленіи, общемъ для всей Россіи. Размноженіе населенія вело неизбѣжно къ развитію малоземелья; помѣщики ускоряли этотъ процессъ, стараясь разными способами ограничить и даже совершенно упразднить крестьянскіе сервитуты на своихъ земляхъ. И хотя интенсивное крупное хозяйство поглощало значительную часть освобождавшейся такимъ образомъ рабочей силы, но это лишь отдаляло, а не предупреждало наступленіе критическаго момента. Аграрный вопросъ въ юго-западныхъ губерніяхъ понемногу пріобрѣтаетъ такую же остроту, какъ и въ центральной черноземной Россіи, и на почвѣ малоземелья развиваются различныя формы эксплуатаціи крестьянъ. Подтвержденіе этому мы находимъ въ анкетѣ Вольнаго Экономическаго Общества.

Изъ 42 сообщеній о причинахъ волненій крестьянъ юго-западныхъ губерній, 26 указываютъ на малоземелье вообще, недостатокъ луговъ, выгоновъ и лѣса въ частности. „Двигающимъ факторомъ всего движенія нужно признать крайнюю земельную тѣсноту и вытекающую отсюда вражду къ помѣщикамъ-владѣльцамъ огромныхъ латифундій“,—пишетъ корреспондентъ Вольнаго Экономическаго Общества изъ Подольской губерніи. „Не говоря о нуждѣ въ пахатной землѣ, существуетъ еще нужда почти у всѣхъ обществъ южной части Кременецкаго уѣзда (Волынской губерніи) въ выгонахъ для скота, почему среди требованій крестьянъ требованіе выгона фигурировало весьма часто“. Въ Могилевскомъ уѣздѣ Подольской губерніи причиной движенія было „малоземелье, черезполосица и полное отсутствіе выгона, луговъ, лѣса и другихъ удобствъ“. Въ Брацлавскомъ уѣздѣ той же губерніи крестьянское движеніе вызвано „малоземельемъ, непомѣрной дороговизной лѣса, большимъ недостаткомъ въ пастбищахъ“. Въ Гайсинскомъ уѣздѣ (id.) „ближайшая причина движенія — избытокъ земледѣльческихъ рабочихъ силъ, не находящихъ приложенія ни въ ничтожномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, ни въ другихъ областяхъ труда, а вслѣдствіе такого избытка чрезмѣрное пониженіе поденной и сдѣльной платы. Малоземелье, созданное

при надѣленіи крестьянъ землею, есть безъ сомнѣнія коренная причина движенія. Не хватаетъ всѣхъ угодій, а лѣсныхъ совсѣмъ нѣтъ". Вездѣ въ Балтскомъ уѣздѣ (id.) движеніе возникло изъ-за малоземелья и безземелья... Лѣсовъ, луговъ, выпасовъ и прочихъ угодій нѣтъ".

Въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи движеніе вызвали „малоземелье, недостатокъ выпасовъ, тѣснота и низкая заработная плата, гнетъ капиталистическаго хозяйства вообще. Оно здѣсь возведено въ систему стойкую и крѣпкую, какъ хорошая машина; на этой почвѣ давно возникла классовая вражда". Въ Водотыйской волости Радомысльскаго у. Кіевской губ. „главными причинами движенія являются малоземелье, безземелье и безотвѣтное насиліе имущихъ надъ неимущими. Большинство крестьянъ, не имѣя ни кусочка земли, вынуждены поступать въ кабалу къ помѣщикамъ, которые, закабаливъ рабочаго, чинятъ надъ нимъ насиліе въ разныхъ родахъ". Въ Животовской волости Таращанскаго у., той же губерніи, „тѣснота страшная; не имѣютъ куска земли, гдѣ бы новые дворы могли строить хоть домикъ для своего семейства, не говоря уже о хлѣбопашествѣ". О малоземельѣ крестьянъ, какъ причинѣ крестьянскихъ волненій, сообщаютъ еще изъ Сквирскаго, Черкасскаго, Каневскаго, Васильковскаго уѣздовъ Кіевской губерніи, и изъ различныхъ уѣздовъ Волынской губерніи.

Этотъ порокъ крестьянскаго хозяйства въ юго-западномъ краѣ не можетъ смягчаться наймомъ частновладѣльческой земли, которая сдается въ мелкую аренду въ весьма ограниченномъ количествѣ, и всего менѣе въ центрѣ крестьянскихъ волненій — густо населенномъ свекло-сахарномъ раіонѣ. Такъ, въ Подольской губерніи, въ Третельницкой волости Проскуровскаго у., „сдача земли крестьянамъ нигдѣ не практикуется". Въ Брацлавскомъ у. „владѣльцы земли въ аренду крестьянамъ не сдаютъ, хотя спросъ громадный"; въ Кибличской волости Гайсинскаго у. „помѣщичья земля не сдавалась въ аренду крестьянамъ, не смотря на то, что послѣдніе готовы платить за нее больше, чѣмъ арендаторы, и это немало озлобляло и объединяло забастовщиковъ". Въ Маковской волости Каменецкаго у. въ аренду крестьянамъ земля сдается развѣ въ исключительныхъ случаяхъ. Корреспондентъ изъ с. Мурованое-Куриловцы, Ушицкаго у., сообщаетъ, что „во всей округѣ и, кажется, въ губерніи хозяйство ведется батраками, крестьянамъ не сдается": О развитіи сдачи земли крестьянамъ сообщаютъ изъ южной части Каменецкаго у. (сдача преимущественно исполу) и изъ Балтскаго у. Подольской губ.

Очень слабо мелкая аренда земли распространена въ Кіевской губерніи. Такъ наз. „Смѣлянщина“ въ Звенигородскомъ уѣздѣ — раіонъ господства гр. Бобринскихъ, имѣющихъ свыше 40.000 дес., и ни одна изъ нихъ не сдается крестьянамъ. То же самое слѣдуетъ сказать о крупныхъ имѣніяхъ Терещенко, Давыдовыхъ и др. Въ Телепинской волости, Чигиринскаго у., „помѣщики до движенія въ рѣдкихъ случаяхъ сдавали земли крестьянамъ; послѣ движенія почти каждый помѣщикъ отпускаетъ своему селу отъ 100 до 200 дес. подъ яровой и озимой посѣвъ“. Объ отсутствіи сдачи земли въ аренду сообщаютъ и изъ другихъ волновавшихся мѣстъ. Широко распространены крестьянскія аренды въ Коростышевской волости Радомысльскаго у., гдѣ сдача земли крестьянамъ составляетъ главное средство эксплуатаціи крупныхъ имѣній; въ меньшей степени, но всетаки довольно широко распространена аренда крестьянами удѣльныхъ земель въ Узинской волости, Васильковскаго у., частью непосредственно у удѣла, частью у крупныхъ арендаторовъ, не успѣвающихъ обработать собственными средствами всю нанимаемую ими землю. Приблизительно то же самое нужно сказать и о Волынской губерніи.

Благодаря тому, что аренда не играетъ крупной роли въ крестьянскомъ хозяйствѣ, указанія на то, что крестьянскія волненія въ юго-западныхъ губерніяхъ возникали на почвѣ недоразумѣній изъ-за арендной земли, встрѣчаются въ сообщеніяхъ Вольнаго Экономическаго Общества весьма рѣдко и относятся по преимуществу къ безземельному населенію. „Въ 1904 г.—сообщаютъ изъ дер. Катарищъ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губ.—когда помѣщикъ продалъ часть состоявшей въ нашемъ владѣніи (въ арендѣ у населенія) земли, и ее хотѣли отнять—было сопротивленіе властямъ. Вообще, волненія возникали, когда насъ, хлѣбопашцевъ, желали лишить земли, съ которой мы живемъ“. „Волненію (въ Коростышевской волости, того же уѣзда) всегда предшествовало повышеніе платежа и угроза прекращеніемъ аренды“ (населеніе, повидимому, не имѣетъ своей земли). Въ Балтскомъ уѣздѣ, Подольской губ., „движеніе возникло изъ-за того, что помѣщики отняли у крестьянъ арендуемую землю и передали ее въ аренду постороннимъ“, у которыхъ приходилось переснимать ее по возвышеннымъ цѣнамъ. Вызвано это было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣмъ, что мелкіе съемщики неаккуратно вносили арендную плату. Управляющимъ экономіей Беренса „были вспаханы всѣ тѣ мѣста, которыя раньше служили крестьянамъ пастбищами, вслѣдствіе чего послѣдніе, лишившись вы-

гоновъ, стали терять скотъ. Все это вмѣстѣ взятое страшно озлобило крестьянъ".

Вслѣдствіе отсутствія возможности дополнять недостающее количество собственной земли арендой частновладѣльческихъ угодій, развитіе крестьянскаго малоземелья быстро приводило въ этомъ краю къ его естественнымъ послѣдствіямъ — распространенію безскотныхъ хозяйствъ и сокращенію (относительному) поля приложенія труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Главнымъ источникомъ дохода безскотныхъ хозяйствъ и дополнительнымъ рессурсомъ для прочихъ крестьянъ стали служить заработки въ крупныхъ экономіяхъ, особенно при уборкѣ хлѣбовъ и на свекловичныхъ плантаціяхъ и заводахъ. До извѣстной степени крестьяне имѣютъ возможность соразмѣрять свое участіе въ обработкѣ помѣщичьихъ полей съ требованіями собственнаго хозяйства, отводя первому источнику дохода время, свободное отъ занятій на своей землѣ. Обработка помѣщичьихъ полей, однако, далеко не обезпечиваетъ крестьянъ, какъ потому, что не всѣ свободныя руки находятъ тамъ достаточное занятіе, такъ и по причинѣ весьма низкаго вознагражденія за трудъ, вслѣдствіе избытка предложенія труда. Средняя поденная плата женщинѣ на свекловичныхъ плантаціяхъ — 30 к., мужчинѣ въ періодъ молотьбы — 34 к., во время жатвы — 47 к., на своихъ харчахъ. Оттого-то матеріальное положеніе крестьянъ малоудовлетворительно и въ этомъ благодатномъ краю, и „нужда" играла немаловажную роль въ происхожденіи крестьянскихъ волненій.

Волненіе крестьянъ въ Смѣлянщинѣ, Кіевской губ., корреспондентъ Вольнаго Экономическаго Общества квалифицируетъ, какъ „возмущеніе противъ землевладѣльцевъ и богатыхъ вообще, возмущеніе угнетенныхъ и голодныхъ противъ угнетателей и сытыхъ". „Живя полуголодной жизнью, нуждаясь въ землѣ, мѣстные (Васильковскаго уѣзда, той же губерніи) крестьяне давно лелѣютъ мечты о землѣ". Въ Таганчевской волости, Каневскаго уѣзда, вслѣдствіе малоземелья (на три десятины надѣла приходится 24 человѣка) крестьяне живутъ преимущественно наемнымъ трудомъ; „но такъ какъ заработная плата очень скудная, отъ нея выходитъ крайность жизни и такъ какъ на хлѣбъ дороговизна, то скоро придется голодной смертью умирать". „Вся надежда на Государственную Думу", и „если въ Думѣ правая сторона не уступитъ земли" — народъ будетъ доведенъ до крайности. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губ. „движеніе крестьянъ органическое, какъ результатъ гнета и нужды". Въ Тетіевскомъ раіонѣ Таращанскаго уѣзда „причиною движенія была только

крайняя нужда, какъ въ землѣ, такъ и въ необходимости кормить тѣ лишніе рты, которые остались на шеѣ у родителей и родственниковъ послѣ ухода запасныхъ чиновъ на войну". Въ Сквирскомъ уѣздѣ „причиной движенія была крайняя нужда, происходящая отъ малоземелья", въ Орловской волости, Чигиринскаго уѣзда — „малоземелье и крайняя нужда безземельныхъ". Въ Водотыйской волости, Радомысльскаго уѣзда, работа безземельныхъ крестьянъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ „оплачивается такъ, что рабочій едва-ли можетъ ѣсть кусокъ хлѣба". Въ Узинской волости, Васильковскаго уѣзда, движеніе было вызвано, между прочимъ, „крайней нуждой вслѣдствіе плохихъ заработковъ". Въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губ., „движеніе началось отъ крайней нужды" и т. д.

Такъ рисуются условія, на почвѣ которыхъ возникли крестьянскія волненія, въ интересной анкетѣ Вольнаго Экономическаго Общества. Новѣйшія аграрныя мѣропріятія, съ ихъ ставкою на сильныхъ, не способны измѣнить эти условія къ лучшему для большинства земледѣльческаго населенія—и у насъ имѣется мало надежды на то, что они представляютъ радикальное средство для предупрежденія аграрныхъ „недоразумѣній" въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

В. В.

„ЗА РѢШЕТКОЙ“

(Изъ тюремныхъ воспоминаній періода ликвидаціи революціи.)

— Виноватъ! Позвольте васъ побезпокоить—обратился ко мнѣ какой-то галантнаго вида субъектъ, когда я только-что вынырнулъ изъ темнаго переулка окраины на ярко освѣщенную улицу, ведущую къ центру столицы.

Я остановился.

— Вы арестованы — продолжалъ „виноватый“, нѣсколько придвинувшись ко мнѣ и понижая голосъ. Услыхавъ въ то же время за собою какое-то сопѣніе, я быстро отклонился назадъ и оглянулся: близъ моихъ лопатокъ, „въ полной боевой готовности“, высились два дюжихъ молодца въ чуйкахъ.

— Мои помощники — любезно пояснилъ галантный господинъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, на углу, красовался постовой съ винтовкой въ рукахъ, а съ другой стороны улицы къ нашей группѣ быстро направлялся околоточный съ двумя городовыми. При такой обстановкѣ нечего было и думать „нарѣзать винтъ“ (т.-е. бѣжать). Пришлось покорно послѣдовать за околоточнымъ, которому я былъ переданъ раскланявшимся на прощанье агентомъ „охранки“.

— Не за эксъ ли будете? — полюбопытствовалъ по дорогѣ одинъ изъ моихъ конвоировъ, обнаруживая освѣдомленность по части спеціальной терминологіи.

— Нѣтъ... самъ еще не знаю за что... только не за эксъ...— отвѣтилъ я.

— Такъ значитъ, за партію... Это ничего: вышлютъ — не больше...—успокаивающе и уже позѣвывая, умозаключилъ городовой. И правда, по теперешнимъ временамъ какой-нибудь годъ-другой тюрьмы и затѣмъ высылка, хотя бы и въ Якутку—не болѣе какъ „ничего“... Вотъ „эксъ“ съ веревкой въ итогѣ—это еще, по мнѣнію унтера, заслуживало кое-какого вниманія.

При участкѣ, куда меня привели, имѣлся такъ называемый „полицейскій домъ“, но въ то время онъ ремонтировался, и я, пока что, по распоряженію дежурнаго околоточнаго, былъ водворенъ „за рѣшетку“.

„Рѣшетка“—необходимая принадлежность столичнаго участка; такое названіе это помѣщеніе получило потому, что верхняя часть двери, ведущей въ него—всегда рѣшетчатая. Находится такая „рѣшетка“ обыкновенно близъ мѣста, занимаемаго дежурнымъ околоточнымъ. За „рѣшетку“, въ обычное, мирное время, ввергается и мертвецки пьяный, поднятый на улицѣ, и буянъ, и назойливый нищій, воръ и грабитель; первый—„до вытрезвленія“, остальные—„до распоряженія“. Въ теперешнее „военное“, время, за отсутствіемъ вакансій въ другихъ мѣстахъ заключенія, здѣсь, за „рѣшеткой“, нерѣдко содержатся „впредь до распоряженія“ и революціонеры, взятые „за партію“, и даже экспропріаторы, которыхъ ждетъ военный судъ.

Протестовать противъ помѣщенія меня... „борца за свободу“... въ компанію пьяницъ и воровъ я не сталъ: во-первыхъ, потому что такой протестъ былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ безполезенъ; а во-вторыхъ, изъ этого непріятнаго сожительства я надѣялся извлечь кое-что очень важное для меня въ тотъ моментъ.

Камера — семь шаговъ въ длину и столько же въ ширину— была темна и грязна; единственное, съ двойной рѣшеткой, окно ея упиралось въ стѣну; асфальтовый полъ никогда не мылся и только отъ поры до времени подметался метелкой. Вдоль стѣнъ стояли три узкихъ, въ полъ-аршина шириною, скамейки и... „параша“... Больше ничего, никакихъ предметовъ обстановки. Ночью камера освѣщалась лампой, висѣвшей надъ столомъ дежурнаго.

Въ моментъ моего появленія за „рѣшеткой“, въ углу камеры, противъ двери, на двухъ составленныхъ вмѣстѣ скамьяхъ лежалъ богатырской комплекціи субъектъ, судя по почетному мѣсту, занимаемому имъ — камерный „иванъ“; подъ нимъ, на полу виднѣлся еще кто-то, спавшій „бариномъ“, на собственной подстилкѣ, подъ одѣяломъ и съ подушкой. Третья скамья была опрокинута на полъ и поперекъ ея, въ позахъ грѣшниковъ подъ

огненнымъ дождемъ, лежало два тѣла; такія же тѣла и въ тѣхъ же позахъ устилали собою полъ камеры и въ другихъ мѣстахъ ея. Не смотря на разбитое окно (былъ сентябрь), въ камерѣ стоялъ „тяжелый духъ“ отъ грязи и потныхъ тѣлъ, съ перегоравшей въ нихъ водкой.

При мнѣ было только то, что было на мнѣ. Оглядѣвшись, я сталъ размышлять о томъ, какъ бы принять положеніе болѣе удобное, чѣмъ стоячее. Задача была не изъ легкихъ.

— Ну что воткнулся, какъ гвоздь въ мѣсиво? Перекрестись, да спать ложись, а съ утра за работу...—прервалъ мои размышленія почтенный „иванъ“, какъ оказалось—не спавшій и наблюдавшій за мною.

— Перекреститься недолго, а вотъ лечь-то мудрено...

— Чего мудренаго? Сшвырни со скамейки храпоидоловъ-то, поставь ее къ стѣнѣ, да и ложись бочкомъ, а за стѣну придерживайся!—продолжалъ острить, позѣвывая, мой собесѣдникъ. Совѣтъ былъ неплохой. „Храпоидоловъ“ я оттащилъ въ сторонку, поставилъ скамейку, сѣлъ на нее и закурилъ папироску, предложивъ и „ивану“. Тотъ не отказался.

— Бывалъ въ передѣлкахъ-то? — полуспросилъ онъ, сразу уловивъ по моей манерѣ держаться, что я не новичокъ.

— Бывалъ.

— Политикъ?

— Да... за охранкой...

— Ну, здѣсь вашихъ долго не держатъ; куда-нибудь переведутъ.

Долго—не долго, а десять дней пришлось просидѣть за „рѣшеткой“.

Съ Матвѣемъ Цвѣтковымъ—такъ звали нашего „ивана“—у меня съ перваго же разговора установились отношенія, выгодныя для насъ обоихъ, особенно для меня. Ему импонировала прежде всего моя наружность—рослая, крѣпкая фигура и здоровые мускулы, а моя „бывалость“ и манера держаться убѣдили его въ томъ, что въ обиду я себя не дамъ. Онъ былъ убѣжденъ также и въ томъ, что я не буду подрывать его „жиганскаго“ авторитета передъ мелкой „шпаной“ (воришками), хотя не допущу и издѣвательства. Съ этимъ онъ мирился, дорожа моимъ расположеніемъ и зная, что, помимо возможныхъ матеріальныхъ выгодъ, оно можетъ оказаться нелишнимъ для него и во многихъ другихъ случаяхъ. Мнѣ Матвѣй нуженъ былъ прежде всего для того, чтобы черезъ него немедленно войти въ сношенія съ „во-

лей“, а затѣмъ и для того, чтобы сразу отгородиться имъ отъ обитателей „рѣшетки“, назойливыхъ и нерѣдко гнусныхъ.

Я былъ арестованъ безъ копейки въ карманѣ, и потому на очереди стоялъ вопросъ о деньгахъ: на безплатныя услуги здѣсь не слѣдовало разсчитывать. Поразмыслив, я рѣшилъ „пустить въ оборотъ“ свои новые штиблеты. Во дворѣ участка оказался отбывавшимъ мѣсячный арестъ въ каретникѣ (!) какой-то базарный маклакъ. Черезъ ключника Матвѣй вызвалъ его къ окну камеры, и не болѣе какъ черезъ полчаса, еще до выпуска изъ-за рѣшетки „протрезвившихся“, реализація восьми-рублевыхъ штиблетъ была закончена къ обоюдному удовольствію. Она выразилась въ двухъ рубляхъ деньгами, бутылкѣ водки и—въ видѣ „безплатнаго приложенія“—въ „смѣнкѣ“, то-есть опоркахъ, годныхъ, при экономной носкѣ, недѣли на двѣ.

Матвѣй облюбовалъ полу-босяка мастерового, горькаго пьяницу, далъ ему слегка „нюхнуть“ водки, посуливъ ему двугривенный на полную похмѣлку, если онъ исполнитъ порученіе—тотчасъ же по освобожденіи „летѣть стрѣлой“ съ заготовленной мною запиской на близкій къ участку адресъ и, получивъ условленную росписку, вернуться съ ней за двугривеннымъ обратно, подъ предлогомъ справки о паспортѣ, яко бы потерянномъ имъ при арестѣ.

Вся эта „ремузія“, какъ выразился Матвѣй, удалась какъ нельзя лучше: „рѣшетка“ имѣла и свои удобства.

Около восьми часовъ утра, послѣ окрика: „эй, пьяные! выходи!“, сначала выпустили гражданъ этой категоріи, а за ними—двухъ „стрѣлковъ“ (профессіональныхъ нищихъ). „Очистилось“ за рѣшеткой, какъ доложилъ ключникъ дежурному околоточному, пять человѣкъ.

Эти пять человѣкъ были:

Я — политикъ „старой школы“, уже много лѣтъ путешествующій по тюрьмамъ и этапамъ дорогого отечества.

Матвѣй—громила низшаго ранга, то-есть по преимуществу дачныхъ и нежилыхъ помѣщеній. Онъ уже два раза побывалъ въ ротахъ, а до того разъ десять сначала въ исправительныхъ пріютахъ, затѣмъ въ тюрьмахъ, начавъ свою уголовную карьеру лѣтъ съ десяти. „Работалъ“ онъ главнымъ образомъ въ провинціи, и эта провинціальность причиняла Матвѣю, когда онъ перенесъ свою дѣятельность въ столицу, немало огорченій: его спеціальность требовала дѣйствія шайкой, а здѣсь, въ столицѣ, ему обычно отводилась не первая роль „въ дѣлѣ“. Въ столичныхъ тюрьмахъ ему приходилось тушеваться передъ какимъ-

нибудь бойкимъ, хотя бы и „мало заслуженнымъ“ ширмачемъ (карманщикомъ).

Третій, занимавшій бель-этажъ подъ скамьей Матвѣя, обладатель собственной постели, отбывалъ мѣсячный арестъ „за вмѣшательство въ дѣйствія полиціи“, забиравшей на бульварѣ проститутку, при которой этотъ джентльменъ состоялъ въ качествѣ „кота“ (сутенёра) и аресту которой онъ пытался помѣшать. Гнусный, льстивый субъектъ, съ лоснящимся, упитаннымъ „ликомъ“, съ тщательно напомаженными рѣдкими волосами и съ такой же напомаженной душонкой.

Остальныхъ двухъ „пассажировъ“ каталажки, какъ они себя называли, трудно описать отдѣльно каждаго, настолько ихъ обликъ былъ слитенъ: одинъ дѣлалъ то же и точно такъ же, какъ и другой. Оба они были юркіе, упругіе, готовые въ каждый моментъ то сжаться въ комочекъ, то свиться спиралью, то выпрямиться какъ лопнувшая пружина. Если одному изъ нихъ удавалось избѣгнуть кары, то онъ обычно на время сидѣнія товарища бросалъ „домушничество“ и принимался за малярную работу, нанимаясь къ какому-то дядѣ—средней руки подрядчику. Друга онъ снабжалъ въ тюрьмѣ всѣмъ чѣмъ могъ и всякими правдами и неправдами добивался свиданій съ нимъ, а въ день освобожденія съ утра копошился у воротъ тюрьмы.

Въ составъ нашего „комитета“, какъ прозвалъ ключникъ наиболѣе постоянную часть обитателей „рѣшетки“, вошелъ еще одинъ, посаженный къ намъ вскорѣ послѣ очистки камеры отъ „ночлежниковъ“. Это тоже былъ „политикъ“, но политикъ особаго рода.

Отставной старшій унтеръ-офицеръ гренадерскаго полка, Филиппъ Строевъ, участникъ и герой турецкой кампаніи, шестидесятипятилѣтній бравый старикъ служилъ швейцаромъ въ одной первоклассной гостинницѣ и „подъ политику“ попалъ такъ.

„Въ дни свободъ“, когда обывателю приходилось „приписываться къ партіямъ“, Строевъ, жившій тогда въ Саратовѣ, „записался“, не за страхъ, а за совѣсть, въ образовавшуюся тамъ „народно-монархическую“ партію, но причисленіе къ черносотенцамъ считалъ для себя обиднымъ. Декабрьскіе дни застали его въ Москвѣ. Вліяніе этихъ дней на него было громадно, хотя внѣшне мало въ чемъ сказалось: онъ продолжалъ считать себя самымъ вѣрноподданнымъ царистомъ, но на самомъ дѣлѣ незамѣтно для самого себя пропитался тѣмъ особымъ демократизмомъ, который до поры до времени не мѣшаетъ многимъ носителямъ его считать себя даже правовѣрными „союзниками“, но въ которомъ

тлѣетъ „искра бунта“, и бунта болѣе страшнаго въ своихъ проявленіяхъ, чѣмъ революція, творимая сознательными борцами ея.

По сосѣдству съ мѣстомъ службы Строева жилъ его врагъ—старшій дворникъ, также гренадеръ, но молодой, послѣдняго выпуска въ запасъ. Вражда между ними возникла на почвѣ ухаживаній дворника за молодой женой Строева; старикъ былъ ревнивъ и, быть можетъ, не безъ основаній. Въ дальнѣйшемъ эта вражда осложнилась... политическимъ разномыслiемъ сосѣдей: дворникъ былъ, по увѣренію Строева, „кадетъ“, политическая терминологія стараго служаки была своеобразна и упрощенна. Подъ черносотенцами онъ разумѣлъ всѣхъ, кто „за то, что было“, „за старыя права“ (къ черносотенцамъ онъ упрямо причислялъ и старовѣровъ); „кадетами“ же звалъ тѣхъ, кто „гнулъ“ непонятно куда и непонятнымъ для него способомъ хотѣлъ достигнуть своей цѣли. Соціалъ-демократовъ Строевъ называлъ „забастовщиками“, и хотя забастовки рѣзко порицалъ, но къ рабочей партіи относился съ почтеніемъ; ему нравилась ея дисциплина, которую онъ, какъ старый солдатъ, высоко цѣнилъ.

Какъ-то дворникъ-„кадетъ“ „дерзко обошелся“ съ проходившей мимо него вечеромъ женой Строева, и она пожаловалась на обиду мужу. Тотъ вскипѣлъ и пошелъ объясняться съ обидчикомъ, котораго засталъ у воротъ охраняемаго имъ дома. „Объясненіе“ быстро завершилось призывнымъ свисткомъ дворника. Явившійся на зовъ городовой (по словамъ Строева—другъ и собутыльникъ дворника и тоже чуть ли не... „кадетъ“!) сразу занялъ враждебную старику позицію, и послѣ недолгой перебранки Строевъ, подъ конвоемъ городового и младшихъ дворниковъ, былъ препровожденъ въ участокъ „за оскорбленіе полиціи“. Какъ по пути, такъ и въ самомъ участкѣ онъ бурно протестовалъ противъ ареста, за что, въ концѣ концовъ, и былъ жестоко избитъ и брошенъ на ночь за ту самую „рѣшетку“, за которой теперь отбывалъ и наказаніе. Явившаяся въ участокъ „на выручку“ жена его была грубо оскорблена и осмѣяна побѣдителями.

Строева вообще недолюбливали въ околоткѣ за его чрезмѣрную склонность къ тому, чтобы все было „по закону“ и за назойливую требовательность. Уже находясь за „рѣшеткой“, Строевъ, избитый и глубоко оскорбленный въ своихъ чувствахъ вѣрноподданнаго и мужа, на вопросъ юнаго околоточнаго, какъ это онъ, „старый царскій служака“, ругаетъ царскихъ же слугъ, рѣзко отвѣтилъ, что это — слуги „не царя, а псаря“.

Такой, по своему смыслу и характеру совсѣмъ не крамольный отвѣтъ послужилъ основаніемъ для привлеченія Строева къ суду „за оскорбленіе Величества“, а „за оскорбленіе полиціи“ онъ уже черезъ недѣлю получилъ въ административномъ порядкѣ трехъ-мѣсячный арестъ и лишился службы.

Такихъ „усмиренныхъ“ и тѣмъ надлежаще подготовленныхъ къ воспріятію грядущихъ за усмиреніемъ „реформъ“ я, за десятимѣсячное передвиженіе по полицейскимъ тюрьмамъ столицы, встрѣчалъ десятки.

Первое время ареста Строевъ былъ прямо-таки оглушенъ и какъ бы не вѣрилъ всему случившемуся съ нимъ. Онъ осунулся, постарѣлъ, даже руки стали дрожать. Затѣмъ онъ постепенно примирился съ фактомъ и въ „полицейскомъ домѣ“, гдѣ я съ нимъ опять встрѣтился, уже сравнительно спокойно обсуждалъ такъ дорого ставшее ему выступленіе „вродѣ какъ по политикѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался сосредоточенно-злобенъ въ изысканіи той кáры, которая, по его твердому убѣжденію, должна постичь его обидчиковъ.

Нашъ „комитетъ“ началъ свою дѣятельность съ того, что установилъ кое-какой „внутренній распорядокъ“: ввелъ очередныя дежурства, распредѣлилъ „мѣста“ въ камерѣ, добылъ не безъ ругани воды и тряпокъ и немного подчистилъ камеру.

Достали кипятку и хлѣба и начали день.

Сказать про „рѣшетку“ и вообще про участокъ, что сутки въ нихъ начинаются съ утра, было бы невѣрно, ибо далеко не всегда утро здѣсь характеризуется тѣмъ, что люди пробуждаются, встаютъ, моются и т. д., ночь—тѣмъ, что тогда спятъ, отдыхая послѣ дневной дѣятельности. Намъ, наоборотъ, спать приходилось большею частью днемъ, а бодрствовать ночью, когда камера наполнялась пьяными.

Изъ-за „рѣшетки“ весь участокъ и его жизнь были какъ на ладони. Нѣсколько въ сторонѣ отъ нашего глаза находилась лишь канцелярія, но то была лѣтопись жизни, сама же жизнь начиналась, концентрировалась и завершалась какъ въ цѣломъ, такъ и въ большинствѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, у стола дежурнаго околоточнаго.

Пьяный, нищій, воръ, грабитель, проститутка притаскивались и приводились прежде всего къ дежурному околоточному и прежде всего передъ нимъ держали отвѣтъ за содѣянное; имъ же, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ или отчасти опредѣлялась и ихъ дальнѣйшая судьба. Обыватель, обиженный, обманутый или просто

недоумѣвающій, первый шагъ къ возстановленію своихъ попранныхъ правъ дѣлалъ и первое разъясненіе по поводу своего недоумѣнія получалъ у стола того же дежурнаго околоточнаго. Этотъ винтикъ въ центральномъ передаточномъ механизмѣ бюрократическаго аппарата былъ истиннымъ страстотерпцемъ.

Но каждый такой „винтикъ“—человѣческая личность, индивидъ, и, какъ таковой, имѣетъ свое особое обличіе, свой характеръ. Ранѣе, до революціи, обыватель весьма мало ощущалъ на себѣ разницу въ темпераментахъ и замашкахъ квартальныхъ. Правда, одинъ изъ нихъ бралъ много, но неумѣло, другой—мало, но умѣло, а третій—и много, и умѣло; одинъ пилъ, другой не пилъ; одинъ ругательски ругался, другой былъ болѣе приличенъ. Но всѣ они, въ большей или меньшей степени, были подведены подъ одинъ средній ранжиръ и рѣзкихъ уклоненій отъ средняго, „допущеннаго“ по традиціи квартальнаго ни начальство не терпѣло, ни обыватель не поощрялъ. Теперь не то: въ поощреніи обывателя современный чинъ полиціи мало нуждается — это двѣ воюющія стороны, а начальство „распылилось“, предоставивъ всѣмъ колесикамъ бюрократической машины вертѣться какъ имъ угодно, лишь бы общее направленіе держать въ сторону „усмиренія“ всѣхъ и всего.

Просторъ для проявленія индивидуальныхъ особенностей усмирителей въ періодъ ликвидаціи революціи оказался необъятнымъ. И это сказалось какъ нельзя болѣе ощутительно и на вольныхъ, и, особенно, на невольныхъ кліентахъ участка. Въ то время какъ одинъ околоточный неукоснительно ввергалъ „за рѣшетку“ каждаго пьянаго, доставляемаго въ участокъ,—другой, окинувъ его презрительнымъ взглядомъ, командовалъ:

— Благослови-ка его съ разумомъ!

И черезъ минуту слышенъ былъ шумъ на лѣстницѣ: то „благословляемый“ вылеталъ изъ участка. Одинъ засаживалъ за рѣшетку нищихъ, другой брезгливо распоряжался: „сказано, не водить этой рвани въ мое дежурство!“ Одинъ пускалъ въ ходъ кулаки за малѣйшій шумъ за „рѣшеткой“ и изводилъ насъ обысками, а другой, смѣнявшій его черезъ сутки, обращался къ намъ съ просьбой спѣть: „Вздумалъ нашъ Треповъ“—и самъ подпѣвалъ. И такъ далѣе—что ни околоточный, то и особое „усмотрѣніе“, и не только въ малыхъ дѣлахъ, но и въ большихъ. Правда, какъ околоточный-мордобой, такъ и любитель революціонныхъ пѣсенъ—оба вели одну и ту же линію „усмиренія“. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось начальству и, отчасти, имъ самимъ; но творили они свое дѣло не „съ чувствомъ, съ тол-

комъ, съ разстановкой", какъ подобаетъ увѣренному въ своей силѣ начальству, а такъ, какъ Богъ на душу положитъ, безъ вѣры въ творимое, словно въ пьяномъ угарѣ фонарные столбы выворачивали.

Памятенъ мнѣ одинъ такой „день дежурнаго", едва не закончившійся для меня пресловутой 279-ой статьею.

Начался этотъ злополучный день приводомъ какого-то пьянаго, окровавленнаго мастерового, учинившаго жестокую расправу надъ своей сожительницей: ее, всю изрѣзанную, отправили въ больницу, гдѣ—какъ сообщили по телефону въ участокъ — она часа черезъ два умерла. Извѣстіе это, переданное убійцѣ, не произвело на него никакого впечатлѣнія; онъ что-то лишь въ отвѣтъ невнятно пробормоталъ и по прежнему продолжалъ тупо смотрѣть въ полъ, себѣ подъ ноги. Только къ вечеру, протрезвившись, онъ сталъ тоскливо метаться по камерѣ и безтолково соваться къ дежурному съ объясненіями по поводу происшедшаго.

Затѣмъ за „рѣшетку" вереницей потянулась праздничная публика въ различныхъ степеняхъ опьяненія. Большая часть этой публики водворялась „до вытрезвленія" къ намъ, за рѣшетку, а меньшинство изъ тѣхъ, что выглядѣли „почище", послѣ составленія протокола или послѣ нѣкотораго нравоученія со стороны дежурнаго, отпускались, обычно подъ поруки болѣе трезваго спутника. На моихъ глазахъ, до сумерекъ, однихъ протоколовъ о всякаго родѣ буйствѣ и хулиганствѣ „страстотерпецъ" настрочилъ не менѣе дюжины. Кромѣ того привели нѣсколькихъ карманниковъ, съ церковныхъ службъ и съ трамвая, и „городушника" (магазиннаго вора), одѣтаго въ студенческую форму, пойманнаго съ кускомъ шелковой матеріи.

Въ то же время не давалъ покоя и добровольно являвшійся въ участокъ обыватель. Какая-то жалкая, изнеможенная женщина просила „распорядиться" не пускать къ ней на ночлегъ, а прибрать въ участокъ, пьющаго въ сосѣднемъ трактирѣ ея благовѣрнаго: „не то можетъ убивство быть". Ворвался, съ избитой физіономіей, весь истерзанный, какой-то „губернскій секретарь" и грозно потребовалъ немедленно арестовать его супругу и ея возлюбленнаго, которыхъ онъ гдѣ-то „накрылъ", а они избили и вытолкали его. Приходили еще и еще съ такими же или подобными требованіями.

Со всѣми нужно было говорить, въ чемъ-нибудь уговаривать, всѣмъ что-нибудь втолковывать на различныхъ языкахъ и въ различныхъ тонахъ. Немудрено, что къ вечеру дежурный, — къ

тому же все время подкрѣплявшійся изъ графинчика въ каморкѣ ключника,—былъ уже на грани невмѣняемости.

Въ сумеркахъ я былъ выпущенъ, въ сопровожденіи двухъ городовыхъ, во дворъ. Вскорѣ въ участокъ ввалила безпорядочная толпа городовыхъ, околоточныхъ, дворниковъ. Вся эта толпа кого-то, находившагося въ серединѣ ея, тащила.

— Експріаторовъ схватили...—повѣдалъ одинъ изъ бывшихъ со мною городовыхъ.

При возвращеніи въ камеру, помѣщающуюся во второмъ этажѣ, я замѣтилъ на лѣстницѣ слѣды крови. Еще снизу былъ слышенъ необычайный шумъ въ участкѣ, какъ при свалкѣ.

Расправы обычны, а въ послѣднее время прямо-таки обязательны въ каждомъ участкѣ. Постоянные посѣтители участковъ дѣлятъ ихъ на такіе, въ которыхъ „здорово бьютъ“, и такіе, въ которыхъ „не очень бьютъ“; но такихъ, въ которыхъ совсѣмъ не бьютъ — они не знаютъ. Расправы эти большею частью не шумливы: обычныя жертвы ихъ выносливы и привычны къ побоямъ. На этотъ разъ дѣло обстояло иначе: происходила отчаянная борьба и шумъ ея былъ далеко слышенъ.

Когда шедшій впереди меня конвоиръ открылъ дверь участка, то первое, что бросилось мнѣ въ глаза—это гвардейскаго вида городовой, занесшій винтовку надъ головой женщины, сидѣвшей на скамьѣ близъ двери. Въ чемъ было дѣло, я не зналъ, да и узнавать было некогда: я ударилъ по ложу винтовки. Эффектъ получился неожиданный: винтовка, описавъ въ воздухѣ дугу, ударилась штыкомъ о край стола дежурнаго и отколола кусокъ дерева.

Центръ вниманія сразу перенесся на меня. Я вырвался отъ схватившаго-было меня сзади городового.

— Въ приклады его! — загудѣлъ не своимъ голосомъ дежурный, выкатившіеся и налившіеся кровью глаза котораго говорили, что ему ничего бы не стоило скомандовать и „въ штыки!“.

Меня „приняли въ приклады“.

Я отпарировалъ попавшейся подъ руку табуреткой нѣсколько ударовъ и началъ-было удачно отступать къ канцеляріи, какъ уже на порогѣ ея тотъ городовой, изъ рукъ котораго я выбилъ винтовку, ловкимъ ударомъ въ колѣно сшибъ меня съ ногъ. Посыпались жестокіе удары, и первый пришелся по лицу. Табуреткой я прикрылъ голову. На мое счастье, почти въ тотъ же моментъ у одного изъ городовыхъ разрядилась винтовка. Произошло замѣшательство. На выстрѣлъ изъ кабинета, находившагося за канцеляріей, показался приставъ.

Расправа была прервана.

Приставъ оказался изъ приличныхъ. Тутъ же, „на полѣ брани“, онъ приступилъ къ дознанію. Я, пока что, былъ посаженъ или, вѣрнѣе, положенъ въ каморкѣ ключника.

По окончаніи дознанія, — менѣе чѣмъ черезъ часъ, — приставъ предложилъ мнѣ на выборъ: или формальное слѣдствіе по поводу происшедшаго, съ возможнымъ въ результатѣ его увольненіемъ отъ службы околоточнаго и съ несомнѣннымъ, по его словамъ, преданіемъ меня военному суду по неумолимой 279-ой ст., „за обезоруженіе и сопротивленіе полиціи“, — или же полное забвеніе мною происшедшаго, съ отказомъ „отъ помощи врача“.

Я принялъ болѣе выгодное для меня условіе капитуляціи — послѣднее, т.-е. „забвеніе“, и „записалъ все дѣло въ поминаніе“, какъ выразился Матвѣй.

Побудило пристава сдѣлать мнѣ это предложеніе, какъ потомъ оказалось, помимо его сравнительной порядочности, и то обстоятельство, что женщина, мое заступничество за которую вызвало всю эту кутерьму, настойчиво утверждала, что если бы не я — не быть бы ей живой (городовой же заявлялъ, что онъ „только попугалъ ее“). Оказалась она домовладѣлицей, не безъ связей, и къ забранной компаніи экспропріаторовъ не имѣла никакого отношенія, въ участокъ зашла по своему дѣлу и провинилась лишь въ томъ, что позволила себѣ что-то замѣтить по поводу происходившаго на ея глазахъ избіенія арестованныхъ.

Итогъ этого „недоразумѣнія“ для меня былъ невеселъ: недѣли черезъ двѣ, въ другомъ мѣстѣ заключенія, врачъ нашелъ, что одно изъ реберъ, поврежденное еще „въ дни свободъ“, теперь сильно „расхлябалось“, а другое „слегка повредилось“.

Не досчитался я и трехъ зубовъ. Матвѣй уступилъ мнѣ свой передній уголъ, гдѣ я трое сутокъ „отлеживался“. И отлежался, получивъ неоффиціально помощь отъ участковаго фельдшера.

До чего „рѣшетка“ бывала переполняемой, можно судить, напримѣръ, по послѣдней ночи, проведенной мною тамъ въ компаніи восемнадцати человѣкъ.

Размѣстилась вся эта публика такъ: я — на мѣстѣ Матвѣя, подо мною на полу — сутенёръ; на другой лавкѣ — Матвѣй, подъ нимъ — старикъ Строевъ; за печкой приткнулись два друга, Васька и Мишка. Остальные устлали собою полъ такъ, что буквально некуда было ступить. Какой-то пьяный, впихнутый въ камеру уже ночью, пробовалъ было шагнуть въ глубь ея, но тотчасъ свалился на спящихъ; тѣ глухо, не просыпаясь, запротестовали; онъ поднялся, покачнулся и улегся вдоль двери,

головой къ „парашкѣ“, задѣлъ и опрокинулъ ее. Разсвирѣпѣвшій Матвѣй наградилъ оплошавшаго нѣсколькими плюхами, и тотъ опять свалился тутъ же—больше было негдѣ—и черезъ минуту уже храпѣлъ.

И кого только хмѣль не загналъ въ эту ночь за „рѣшетку“!

Здѣсь были: два-три босяка, какая-то буянившая на улицѣ „свадьба“, попавшая сюда почти въ полномъ составѣ, со свахой и посажёными матерью и отцомъ во главѣ; какой-то „провинціальный актеръ-трагикъ Дольскій“ совалъ мнѣ для чего-то свою визитную карточку; мастеровой-сапожникъ, два извозчика, келейница (за „рѣшетку“ сажаютъ вмѣстѣ мужчинъ и женщинъ), и въ довершеніе всего—монахъ изъ подгороднаго монастыря. Онъ неумолчно, зычнымъ голосомъ громилъ революцію, а сапожникъ, въ отвѣтъ, распѣвалъ ему подъ носъ революціонныя пѣсни. Кончилось это состязаніе дракой.

Всѣ они, прежде чѣмъ успокоиться, нестерпимо ругались, орали пѣсни, слезно молили дежурнаго отпустить ихъ, дрались. Надъ всѣмъ этимъ хаосомъ царилъ кулакъ Матвѣя; онъ неустанно, съ остервенѣніемъ „водворялъ тишину и порядокъ“ тычками и плюхами, и получившій ихъ „кліентъ“ съ глухимъ рычаніемъ заваливался спать на грязномъ полу.

Утромъ, часовъ въ пять, я посмотрѣлъ на спящихъ.

Почти въ обнимку спали недавніе враги — монахъ и сапожникъ. Широко раскинувшись, богатырски храпѣлъ извозчикъ; на груди онъ покоилъ посажёную мать, около его ногъ раскинулась сваха; кто-то, очевидно умышленно, обнажилъ ее до пояса; почти на бедрѣ у нея спалъ трагикъ. Близъ окна съёжились босяки: они были почти голы. Послѣдній ночной пришелецъ плавалъ близъ „парашки“; мокрый, онъ дрожалъ и во снѣ плакалъ. Въ углу, прижавшись къ стѣнѣ, сидѣла на корточкахъ келейница; она только что очнулась и испуганнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ осматривала камеру и спящихъ въ ней братьевъ-людей.

Часа черезъ три всѣ они, дрожащіе, стыдливо-молчаливые, пошли въ свои семьи, на работу, къ казенкамъ.

„Рѣшетка“ была преддверіемъ, чистилищемъ въ моемъ „хожденіи“ по тюрьмамъ и этапамъ, и надо отдать ей должное: она какъ нельзя лучше, какъ нельзя полнѣе ввела меня „въ курсъ дѣла“...

А. Марусинъ.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ КИСТЯКОВСКІЙ

Въ январѣ 1910-го года исполнилось двадцать-пять лѣтъ со дня смерти извѣстнаго криминалиста А. Ѳ. Кистяковскаго, профессора Кіевскаго университета. Наука была для него общественнымъ служеніемъ, которому онъ посвятилъ свою жизнь цѣликомъ. Чтобы понять его значеніе, необходимо вставить его въ рамки современной ему общественной жизни.

Университетскіе годы А. Ѳ. составляютъ періодъ отъ 1853 по 1857 г.; первая самостоятельная его работа увидѣла свѣтъ въ 1862 г.; въ 1864 г. онъ защитилъ диссертацію pro venia legendi; съ 1864 по 1867 г. читалъ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента Кіевскаго университета; въ 1867 г. написана и защищена магистерская его диссертація. Ростъ духовнаго склада и научнаго міросозерцанія А. Ѳ. относится, такимъ образомъ, къ эпохѣ шестидесятыхъ годовъ. Не университетъ и даже не русская наука были его первыми воспитателями и наставниками. Если въ тридцатыхъ годахъ Бѣлинскій считалъ себя въ правѣ сказать, что у насъ нѣтъ литературы, не смотря на то, что у насъ были уже Державинъ, Жуковскій, Пушкинъ и др., то съ большимъ правомъ можно сказать, что у насъ въ дореформенное время не было науки, хотя были философски образованные люди и даже блестящіе ученые—Грановскій, Кудрявцевъ, Кавелинъ и др. Чтобы могла появиться литература, которая въ своихъ творческихъ произведеніяхъ отражала бы внутреннюю жизнь народа до сокровеннѣйшихъ ея глубинъ и біеній,—должно было образоваться общество, въ которомъ выразилась бы физіономія

русскаго народа. Наука имѣетъ своимъ назначеніемъ отвѣчать на вопросы, которые ставятся жизнью. Для ея существованія необходимо, слѣдовательно, свободное развитіе жизни народа, необходимъ свободный доступъ къ образованію, который далъ бы народу возможность проявить свои интеллектуальныя силы и способности. Этихъ условій не было въ дореформенной Россіи. Не было, прежде всего, никакихъ вопросовъ: все, по видимому, было ясно, просто, прочно и устойчиво. Къ простой казарменной архитектурѣ дореформенной Россіи не подходило образованіе, не подходило высокое развитіе наукъ и искусствъ. Правда, и въ сумеречную эпоху Николая I были у насъ ученые, стоявшіе на уровнѣ европейскаго образованія, но это были единицы, образовывавшія лишь тонкую струйку свѣжей воды на поверхности огромнаго, стоячаго болота. На ихъ трудъ не было „спроса“; просвѣщать народъ, демократизировать науку они не могли по условіямъ того времени. Отсюда — ихъ одиночество и затерянность. Отрѣзанные отъ народной массы, они дѣлались „лишними людьми“.

Меньше всего было тогда данныхъ для развитія науки права. Это станетъ яснымъ, если мы примемъ то опредѣленіе юриспруденціи, которое далъ Кистяковскій въ своей рѣчи о значеніи и цѣли юридическихъ обществъ. Цѣль юриспруденціи — способствовать раскрытію основныхъ началъ справедливости и распространенію въ сознаніи спеціалистовъ, а затѣмъ и въ сознаніи общества, наиболѣе правильныхъ понятій о лучшихъ способахъ устроенія общежитія. Такого правовѣдѣнія не могло быть тамъ, гдѣ изъ курса отечественной исторіи исключали Стеньку Разина, Пугачева, всякія сообщенія о народныхъ волненіяхъ и наполняли его прославленіями русской мудрости, величія, мужества и доблести. Истинное правовѣдѣніе однимъ существованіемъ своимъ было бы жестокимъ обличеніемъ той правовой системы, въ основѣ которой лежало крѣпостное право. Но и болѣе простая теоретическая юриспруденція, въ смыслѣ систематическаго изученія права, не могла, въ сущности, у насъ привиться, какъ это отчетливо показано А. Ѳ. въ указанной рѣчи и въ рецензіи на книгу Н. А. Неклюдова. Некуда было ей пустить болѣе широкіе корни: они наталкивались на каменистую и неуклюжую глыбу тогдашняго судоустройства и судопроизводства. Здѣсь все было такъ устроено, чтобы сдѣлать юридическое образованіе ненужнымъ для призванныхъ къ отправленію правосудія, начиная съ уѣздныхъ судей и кончая сенаторами. Въ уѣздныхъ судахъ засѣдали мелкіе дворяне-земле-

владѣльцы, проходившіе большею частью военную карьеру, и крестьяне, исполнявшіе жалкую роль посыльныхъ при судьяхъ. Гражданскія и уголовныя палаты были наполнены такими же спеціалистами, какъ и уѣздные суды и магистраты, только болѣе крупнаго ранга. И, наконецъ, сенатъ былъ мѣстомъ успокоенія для лицъ, изучившихъ всевозможныя спеціальности и функціи— кромѣ юридическихъ. Отставной прапорщикъ—говоритъ А. Ѳ.— былъ естественнымъ кандидатомъ въ члены или предсѣдатели уѣзднаго суда; полковникъ или штабсъ-капитанъ, асессоръ губернскаго правленія или чиновникъ особыхъ порученій при какомъ-нибудь управленіи считали себя естественными кандидатами въ предсѣдатели или члены палатъ. Боевой генералъ, губернаторъ, директоръ, напримѣръ, горнаго департамента, составляли ту среду, изъ которой выбирались кандидаты въ сенаторы и формировался сенатъ, рѣшавшій гражданскія и уголовныя дѣла. При такихъ условіяхъ, конечно, не было никакого запроса на теоретическую юриспруденцію. Жизнь вырабатывала убѣжденіе, что она и не нужна, что наука права—это какая-то схоластика. Ею она и была тогда въ дѣйствительности: оторванная отъ практической жизни, не имѣя доступа въ судопроизводство, абсолютно тайное, съ системой формальныхъ доказательствъ, наука обращалась, въ лучшемъ случаѣ, въ изложеніе свода законовъ, въ худшемъ — въ фарсъ. Кіевскій юридическій факультетъ—вспоминаетъ А. Ѳ. — былъ бѣденъ хорошими преподавателями. Профессоръ государственнаго права весьма обстоятельно излагалъ по своду устройство центральныхъ и губернскихъ учрежденій, законы о состояніяхъ, уставъ о службѣ гражданской, съ правилами о четырнадцати классахъ, мундирахъ и орденахъ. Профессоръ энциклопедіи права читалъ печатный курсъ Неволина. Курсъ гражданскихъ законовъ былъ курсомъ болтовни: преподаватель имѣлъ замѣчательную способность нелѣпо, полусмѣшнымъ, полупошлымъ образомъ передавать содержаніе X т. Св. Зак. Типичнымъ представителемъ лучшаго, наиболѣе научнаго тогдашняго правовѣдѣнія можно считать профессора уголовнаго права Богородскаго, обликъ котораго ярко очерченъ А. Ѳ. въ статьѣ, посвященной его памяти. Общая часть его курса отличалась отвлеченностью и „философичностью“ языка нѣмецкихъ учебниковъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ и испещрена была многочисленными цитатами. Онъ не признавалъ полезными гласность, публичность, судъ присяжныхъ и отдавалъ преимущество порядкамъ, противъ которыхъ въ сороковыхъ годахъ почти единодушно стали возставать его учители-нѣмцы. Онъ до-

бросовѣстно передавалъ философскія тонкости нѣмецкой науки, но слушатели не могли узнать отъ него, насколько необходимо удерживать въ законахъ и жизни тѣлесныя наказанія, наложеніе клеймъ, выставленіе къ позорному столбу. Изъ его лекцій слушатели могли познакомиться съ ученіями философовъ, отъ Платона до Гегеля, объ отвлеченной справедливости, но они выносили весьма смутное понятіе о томъ, какъ защищать обвиняемаго, насколько существовавшая тогда система наказаній удовлетворяла современнымъ требованіямъ. Воспитанный въ духовной академіи, гдѣ господствовала схоластика, а затѣмъ въ Германіи, въ то время классической странѣ кабинетнаго мышленія, оторванный затѣмъ отъ жизни у себя на родинѣ, профессоръ утратилъ способность понимать запросы этой жизни и не зналъ другой правды кромѣ той, какая заключалась въ законѣ. Но законъ мѣнялся; соотвѣтственно этому мѣнялась и правда Богородскаго. „Онъ плылъ за исторіей и сочувствовалъ только совершившимся фактамъ, какъ бы они ни были по характеру противоположны между собой. Что сдѣлано, то хорошо, что не успѣли сдѣлать—то дурно“. Лишенный твердыхъ убѣжденій, создаваемыхъ самостоятельнымъ, вдумчивымъ отношеніемъ къ окружающей жизни, онъ не могъ и не умѣлъ оцѣнивать факты, и слѣдовалъ за ними въ своихъ оцѣнкахъ подобно тому, какъ осенній листъ, оторванный отъ дерева, треплется вѣтромъ, его сорвавшимъ. Вполнѣ понятно, что курсы Богородскаго „не имѣли той привлекательной силы, какую всегда имѣютъ лекціи людей съ крѣпкими, опредѣленными и жизненными убѣжденіями“. Тѣмъ не менѣе онъ считался авторитетомъ; студенты его слушали больше, чѣмъ другихъ, въ надеждѣ, что профессоръ не на этой, такъ на слѣдующей лекціи, разрѣшитъ занимающіе ихъ общественные вопросы, разсѣетъ своимъ зрѣлымъ сужденіемъ мракъ ихъ невѣдѣнія или сомнѣнія.

Ясно, что не эта университетская наука вскормила Александра Ѳедоровича, если онъ такъ относился къ ней, такъ рисовалъ лучшаго ея представителя. „Ошибаются тѣ, — говоритъ онъ,—которые думаютъ, что профессоръ-юристъ, изложивъ тонкости науки и содержаніе свода законовъ съ нѣкоторыми историческими добавленіями, все сдѣлаетъ, что онъ обязанъ сдѣлать... Западная наука — дѣло великое, но она такъ громадна, въ ней столько схоластическихъ наростовъ и дуализма, что русскій профессоръ долженъ имѣть много здраваго смысла, чтобы не потеряться среди этого лабиринта и умѣть понять и преслѣдовать въ своемъ курсѣ существенное и необходимое для его отечества... Наука должна служить не для развитія только го-

ловы, не для оправданія существующаго: она должна стать свѣточемъ въ прогрессивномъ движеніи народа. Различныя опредѣленія закона, права, анализъ преступленія и его моментовъ, описаніе различныхъ способовъ наказанія, конечно въ наукѣ имѣютъ значеніе, но не главное: гораздо важнѣе для юриста критика учрежденій, какъ западныхъ, такъ и отечественныхъ". Въ этихъ словахъ трудно узнать ученика профессора Богородскаго, который не этому училъ своихъ слушателей. Здѣсь звучатъ новые мотивы новыхъ пѣсенъ. Такія пѣсни раздаются обыкновенно на зарѣ пробуждающейся жизни. Это — пѣсни будущаго, полнаго надеждъ.

Крымская трагедія была предметнымъ урокомъ, который дала намъ исторія. Въ результатѣ интенсивной критической работы, охватившей русское общество, среди пыли отъ разсыпающейся государственной пирамиды и дыма отъ столкновенія различныхъ направленій мысли, совершенно отчетливо вырисовался цѣлый рядъ практическихъ задачъ, формулировавшихся однимъ словомъ: „свобода". Въ отвѣтъ на требованія жизни создалась новая интеллектуальная сила изъ людей, принесшихъ съ собой правду народной жизни и ея горя, облекшихъ абстрактныя формулы „лишнихъ людей" плотью и кровью. Къ этой категоріи работниковъ-разночинцевъ принадлежалъ Кистяковскій.

Сынъ священника и внукъ крѣпостного крестьянина, онъ родился въ 1833 г. въ уголкѣ лѣвобережной Украйны (Черниговской губ., Сосницкаго уѣзда, село Городище). Грамотѣ онъ научился въ школкѣ своего отца, устроенной имъ съ цѣлью кое-что прибавить къ скуднымъ средствамъ сельскаго священника. Сущность этой домашней системы обученія заключалась въ „ученьѣ по церковной грамотѣ съ аза; оно продолжалось нѣсколько лѣтъ сряду, пока школьникъ не выучитъ грамотки, часословца и псалтыря, читать на клиросѣ часы, а посреди церкви псалтирь, катихизмы". Большимъ успѣхомъ считалось умѣнье читать апостола „якъ дьячокъ", съ подражаніемъ дьячку въ звукѣ и въ разстановкѣ словъ. Утомительная, безжизненная система, общепринятая въ то время, смягчалась въ данномъ случаѣ вдумчивостью учителя, который серьезно относился къ своей роли. Его взгляды на воспитаніе настолько глубоко запали въ душу А. Ѳ.,— тогда еще шести-семилѣтняго ребенка,—что онъ вспоминалъ о нихъ въ сорокапятилѣтнемъ возрастѣ. Очевидно, эти взгляды и были отцовскимъ завѣтомъ, впослѣдствіи вызвавшимъ у сына-криминалиста вниманіе къ дѣтской преступности и борьбу съ нею путемъ организаціи воспитательныхъ учрежденій. Свою мо-

нографію о молодыхъ преступникахъ А. Ѳ. посвящаетъ отцу, „глубоко благодарный и сердечно признательный за воспитаніе— это высшее благо въ жизни, это второе, высшее рожденіе". Въ посвященіи А. Ѳ. пользуется „этой минутой", чтобы воскресить память о незабвенной матери: „это была величайшая труженица и подвижница въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей. Это была одна изъ тѣхъ высокаго типа русскихъ женщинъ, которыя прежде времени умираютъ, истощивъ свои силы на рожденіе и воспитаніе дѣтей. Именъ ихъ свѣтъ не знаетъ, но ими зиждется и держится земля русская: онѣ много страдаютъ и много трудятся, чтобы другимъ было свѣтлѣе и лучше жить".

Слѣдующей ступенью образованія было черниговское уѣздное духовное училище, обычная бурса, судя по краткой замѣткѣ отца А. Ѳ.: „ученье въ училищѣ было устарѣлое; проходили часто классы на серебряныхъ колесахъ, или по протекціи, а хорошихъ учениковъ изгоняли по простому капризу смотрителя, инспектора или кого-либо изъ учителей".

Въ 1847 г. А. Ѳ. поступилъ въ черниговскую духовную семинарію и здѣсь въ теченіе четырехъ лѣтъ добывалъ средства къ существованію своему и своихъ подроставшихъ братьевъ инспекторствомъ. Это—оригинальный институтъ, о которомъ мы узнаемъ изъ автобіографическаго отрывка А. Ѳ. Лучшіе ученики старшихъ классовъ получали разрѣшеніе отъ смотрителя духовныхъ училищъ обучать учениковъ; они нанимали квартиру въ частномъ домѣ и принимали учениковъ на обученіе и содержаніе. Ежегодно въ концѣ августа и въ началѣ сентября, когда съѣзжались ученики, родители ихъ являлись къ такимъ инспекторамъ, осматривали квартиру, договаривались насчетъ денежнаго и натуральнаго довольствія и платы за инспекцію и обученіе. Ходячія условія такого содержанія и довольствія были въ тѣ времена такія: доставлялось натурою 12-ть пудовъ муки ржаной, пудъ муки гречневой, пудъ гречневыхъ крупъ или пшена, 20-25 фунтовъ сала, 5 фун. масла, 5 фун. свѣчей, нѣсколько квартъ коноплянаго масла. Деньгами платилось въ годъ: отъ 5 до 7 руб. за квартиру, отъ 5 до 7 руб. на приварокъ—говядину, картофель, капусту и проч.—и отъ 5 до 7 руб. за инспекцію и обученіе. Инспекторъ былъ хозяиномъ квартиры, распорядителемъ хозяйственной части, надзирателемъ за поведеніемъ учениковъ и ихъ репетиторомъ. Съ вечера онъ дѣлалъ съ ними переводы съ латинскаго и греческаго, рѣшалъ ариѳметическія задачи, а утромъ, очень рано, отправлялся на рынокъ съ корзиною за продуктами. Возвратившись съ рынка, онъ вы-

слушивалъ и провѣрялъ уроки учениковъ. Выпроводивъ ихъ въ классы, онъ отправлялся въ амбаръ, выдавалъ провизію и лишь послѣ этого самъ отправлялся въ классъ. Послѣ обѣда разлиневалъ тетради, чинилъ перья и опять принимался за переводы, ариѳметику и т. д. За такой трудъ инспекторъ пользовался безплатной квартирой, даровымъ содержаніемъ и небольшой денежной платой. Нельзя сказать, чтобы подобное положеніе было особенно благопріятно для собственныхъ занятій инспекторовъ; но нужда и обычай заставляли молодыхъ семинаристовъ браться за тяжелое дѣло. А. Ѳ. въ теченіе четырехъ съ половиной лѣтъ занимался инспекторствомъ.

Изъ того же отрывка мы узнаемъ, что А. Ѳ. въ первый годъ пребыванія въ богословскомъ классѣ былъ въ особенно религіозномъ настроеніи. Кромѣ установленныхъ постовъ онъ въ одинъ изъ дней недѣли совершенно воздерживался отъ пищи; ходилъ къ заутренѣ въ четыре часа ночи. „Это было не формальное исполненіе религіозныхъ обязанностей, а проявленіе религіознаго экстаза, полнаго религіозныхъ грезъ, слезъ умиленія и молитвъ“. Въ это время онъ проникнутъ былъ твердою рѣшимостью посвятить себя духовному званію и поступить въ академію. Вообще А. Ѳ., по отзыву одного изъ близкихъ товарищей по семинаріи, былъ человѣкомъ скромнымъ, интересовавшимся наукой, внимательнымъ къ товарищамъ, которымъ онъ никогда не отказывалъ въ просьбахъ. „Изъ сорока пяти душъ учениковъ всего класса это была выдающаяся, свѣтлая личность по добротѣ души, трудолюбію и справедливости“.

Но въ академію поступить ему не удалось: семинарское начальство не только не послало его въ академію на казенный счетъ, но даже отказало ему въ разрѣшеніи держать экзаменъ, чтобы поступить туда на свой счетъ. А. Ѳ. предвидѣлъ это и заранѣе рѣшилъ, если не удастся поступить въ академію, добиваться университетскаго образованія. „Отецъ мой — говорилъ онъ своему товарищу — не въ состояніи будетъ воспитывать меня въ университетѣ, но я непремѣнно поступлю: буду слугою, рабомъ у того, кто мнѣ въ Кіевѣ дастъ уголокъ и кусокъ хлѣба, пріютитъ меня и согрѣетъ“. Послѣ перваго отказа онъ просилъ допустить его къ экзамену для поступленія въ университетъ наравнѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей, который уже былъ допущенъ. Отказать въ этомъ „безъ лицемѣрія“ было невозможно. Экзаменъ былъ выдержанъ. Черезъ день А. Ѳ., вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, отправился на долгихъ въ Кіевъ и послѣ дополнительнаго экзамена, въ сентябрѣ 1853 г., былъ зачи-

сленъ студентомъ Кіевскаго университета. Этимъ были открыты новые горизонты, какъ для самого А. Ѳ., такъ и для его младшихъ братьевъ.

Въ Кіевѣ онъ устроился недурно; его приняли въ квартиру недостаточныхъ студентовъ, называвшуюся *штрафгаузомъ*, потому что генералъ Бибиковъ принудительно помѣщалъ туда провинившихся студентовъ изъ богатыхъ фамилій, преимущественно польскаго происхожденія. Здѣсь „за шесть рублей въ мѣсяцъ А. Ѳ. имѣлъ отличное помѣщеніе, чай утромъ и вечеромъ, очень хорошій обѣдъ, прислугу, мойку бѣлья и баню“, т.-е. полный пансіонъ. Въ концѣ перваго года онъ принятъ былъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ и, такимъ образомъ, матеріально былъ совершенно обезпеченъ; ему нечего было думать о завтрашнемъ днѣ, онъ могъ весь предаться занятіямъ наукою. „Для студента время пребыванія въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ было лучшимъ временемъ жизни вообще и студенческой въ частности“. Высоко поднявшаяся тогда волна общественнаго настроенія проникла и въ штрафгаузъ. Въ горячихъ дебатахъ его молодого населенія формировался умственный и нравственный обликъ „новаго, свѣжаго кряжа“ общественныхъ работниковъ. Не университетъ, а штрафгаузъ давалъ образованіе и былъ источникомъ свѣта. Тамъ, въ университетѣ, читалъ Богородскій, съ своими коллегами; здѣсь, въ штрафгаузѣ, читали лекціи Герценъ, Чернышевскій, позднѣе Добролюбовъ. Эти „профессора“ были властителями думъ учащейся молодежи. Двѣ новыя черты въ А. Ѳ. косвенно говорятъ объ этомъ: въ немъ исчезаетъ религіозность и появляется прямолинейность, способность врѣзываться въ вопросы, заслужившая ему кличку „клинообразнаго“.

Въ 1856-мъ году ему пришлось прервать университетскій курсъ: „за нарушеніе, выражавшееся въ словахъ, дисциплины по отношенію къ лицамъ университетской инспекціи“, А. Ѳ. былъ удаленъ изъ университета и назначенъ учителемъ приходскаго, затѣмъ уѣзднаго училища въ г. Козелецъ, съ окладомъ въ 14 рублей въ мѣсяцъ. Изъ Козельца онъ былъ переведенъ въ Кіевъ, въ дворянское училище, съ окладомъ въ 18 рублей. Въ 1857 г. онъ былъ возвращенъ въ число студентовъ, но не въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, а съ выдачею ему денежнаго содержанія по 14 рублей въ мѣсяцъ.

Весною 1857 г. произошла студенческая исторія изъ-за столкновенія студента съ офицеромъ. Перипетіи этой исторіи сильно отразились на душевномъ состояніи А. Ѳ.: его здоровье пострадало, нуженъ былъ отдыхъ и даже „удаленіе на нѣкоторое

время изъ среды, намозолившей душу". Но тутъ наступила пора экзаменовъ, пора усидчивыхъ занятій, которыя шли съ большимъ напряженіемъ и трудомъ, такъ какъ „больной духъ не въ состояніи былъ переваривать пищи духовной".

Экзамены были выдержаны. Изъ стѣнъ университета А. Ѳ. вышелъ усталымъ, душевно разбитымъ и нравственно неудовлетвореннымъ, безъ средствъ, но съ опредѣленными, сложившимися вкусами, съ большимъ запасомъ нравственныхъ цѣнностей. Въ то время, по словамъ Шелгунова, одною изъ особенностей провинціальной молодежи было тяготѣніе къ Петербургу, чтобы удовлетворить смутному стремленію къ чему-то, чего она не находила въ родной глуши: „точно люди чувствовали, что они тамъ понадобятся"! Потянулся въ Петербургъ и А. Ѳ., съ небольшимъ запасомъ средствъ, заработанныхъ на урокѣ во время лѣтнихъ вакацій. Петербургскій періодъ его жизни, въ особенности его начало, можно охарактеризовать слѣдующими фактами: А. Ѳ. служитъ въ сенатѣ безъ содержанія, живетъ въ „углу", на подоконникѣ пишетъ переводъ „Allgemeines Staatsrecht" Блюнчли, первой собственной его нѣмецкой книги, пріобрѣтенной на деньги, собранныя путемъ отказа отъ обѣда въ теченіе шести недѣль (онъ питался въ этотъ періодъ хлѣбомъ и чаемъ); по вечерамъ работаетъ въ публичной библіотекѣ. Затѣмъ онъ пишетъ „Очеркъ англійскаго уголовнаго процесса по Миттермайеру". Это работа не самостоятельная, но интересная, какъ отвѣтъ на запросы дня. Россія того времени „походила на ту девяностолѣтнюю бабу, которая во всю жизнь не выходила изъ своей деревни". Просвѣтить, научить темныхъ — такова была первая задача. Вотъ почему офицеры выходятъ тогда въ отставку и открываютъ книжную торговлю, лѣсничій (Шелгуновъ) пишетъ историческія статьи и вообще всякій, кто хоть что-нибудь знаетъ, спѣшитъ подѣлиться своими знаніями. Всѣ вѣрили, что какъ только люди узнаютъ объ образцовыхъ общественныхъ учрежденіяхъ, то и реформа отечественнаго строя будетъ облегчена и ускорена. Отсюда множество популярныхъ статей по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, наполненныхъ иногда одними чисто фактическими свѣдѣніями. Такой характеръ имѣютъ и первыя работы А. Ѳ. (кромѣ очерка англійскаго процесса— „Адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи", „Конференція парижскихъ адвокатовъ", „Международное общество для развитія общественныхъ наукъ и первый его конгрессъ въ Брюсселѣ", „Амвросій Рандю и французскій университетъ"). Самостоятельнымъ изслѣдованіемъ является „Характеристика русскаго

и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи", появившаяся, въ 1862 г., въ „Основѣ", помощникомъ редактора которой А. Ѳ. былъ съ половины 1861-го года. Въ этой статьѣ уже съ полной опредѣленностью вырисовывается тотъ „позитивный" методъ, которымъ впослѣдствіи А. Ѳ. оперировалъ въ своихъ трудахъ.

Въ процессѣ этой научно-литературной работы окончательно созрѣваетъ рѣшеніе А. Ѳ. посвятить себя научной дѣятельности и формируется взглядъ на науку правовѣдѣнія и на роль профессора этой науки. Объ этомъ взглядѣ мы можемъ вполнѣ опредѣленно заключить, a contrario, изъ отрицательной характеристики Богородскаго и его ученой дѣятельности, а также изъ замѣчаній, разбросанныхъ въ той же статьѣ. Нужно сказать правду, говоритъ А. Ѳ.: „нигдѣ не пишутся безжизненнѣе юридическія сочиненія и малоназставительнѣе не преподаются юридическія науки, какъ у насъ въ Россіи. Въ Германіи—странѣ одно время отрекшейся отъ міра, углубившейся въ полумистическое, полусхоластическое міросозерцаніе—и тамъ начали заботиться о „реализаціи" юридическихъ наукъ, внесеніемъ въ нихъ практическаго элемента, оцѣнкой не однѣхъ формулъ закона, но и связи его съ дѣйствительною жизнью. И нѣтъ сомнѣнія, что въ юридическихъ наукахъ должна произойти перемѣна въ этомъ духѣ, если только онѣ имѣютъ будущее. Догматизмъ, преобладаніе систематизаціи и широкихъ, далеко не соотвѣтствующихъ дѣйствительной жизни обобщеній превратили эти науки во что-то безжизненное, окаменѣлое, какъ будто не онѣ вытекли изъ жизни, не онѣ служатъ для человѣка, а жизнь и человѣкъ должны имъ безусловно подчиняться... Главное назначеніе науки — открытіе средствъ улучшить жизнь народа. Для этого профессоръ долженъ знать нѣсколько больше сухого закона; ему необходимо быть хорошо знакомымъ съ состояніемъ судовъ, съ практическимъ судопроизводствомъ—конечно, не съ его техникой, а съ его духомъ, съ устройствомъ отечественныхъ тюремъ. И если другіе народы убѣдились опытомъ, что справедливость въ судѣ возможна только при гласности и публичности судопроизводства, при адвокатской защитѣ, при участіи народныхъ судей или присяжныхъ, то для русскаго профессора все это не можетъ же быть чѣмъ-то безразличнымъ. Иначе наука его будетъ безжизненна, неприложима, схоластична и совершенно лишняя". Теперь трудно представить себѣ юриста, который держался бы иного взгляда на взаимоотношенія науки права и дѣйствительной жизни—но тогда этотъ взглядъ былъ прогрессивнымъ, способнымъ возродить юридиче-

скія науки. Приближеніе науки къ жизни, а чрезъ него—возрожденіе права, и было задачей научной дѣятельности А. Ѳ. съ первыхъ же ея шаговъ.

Въ 1863 г. А. Ѳ. выдержалъ кандидатскій экзаменъ, а въ 1864 г. защитилъ диссертацію pro venia legendi на тему „О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда по дѣйствовавшему до судебной реформы уголовному судопроизводству, въ особенности о предварительномъ тюремномъ заключеніи". Въ этой работѣ данъ тонкій юридическій анализъ соотвѣтствующихъ постановленій нашего законодательства и наглядно изображены тѣ послѣдствія, къ которымъ приводило примѣненіе этихъ постановленій въ дѣйствительной жизни. Въ результатѣ получилась строго научная, подкрѣпленная, гдѣ возможно, статистическими данными, сухая, пожалуй, но яркая картина безправнаго положенія подозрѣваемыхъ и обвиняемыхъ, безграничнаго произвола полиціи и администраціи. Диссертація молодого юриста представляла собою сильную филиппику противъ тогдашняго слѣдственнаго порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ заключала въ себѣ опредѣленныя указанія и для оцѣнки предполагаемой его реформы. Защита диссертаціи ярко обрисовала характеръ новой силы, вступавшей на научное поприще.

Еще одинъ шагъ впередъ—и эта новая сила обнаружила не только свои научные пріемы, но и свои нравственные идеалы. О содержаніи ихъ можно заключить изъ пробной лекціи, прочитанной А. Ѳ. въ 1864-мъ году. Она посвящена изложенію началъ уголовнаго права по наказу Императрицы Екатерины II. Выборомъ темы, напоминаніемъ о забытомъ литературно-философскомъ памятникѣ, лекторъ указываетъ своему времени, гдѣ нужно искать принциповъ, которые могли бы послужить основой для реформы у насъ уголовнаго права и правосудія. „Изученіе Наказа должно привести къ необходимости ближайшаго знакомства съ сочиненіями Беккаріи и Монтескье, изъ которыхъ первое есть превосходное руководство для начинающихъ, второе представляетъ осуществленіе самаго раціональнаго научнаго метода и можетъ предохранить изучающаго отъ научнаго схоластицизма и хитроумнаго философствованія". Идеи Беккаріи и Монтескье А. Ѳ. стремился привить къ нашей дѣйствительности: въ этомъ заключается сущность его общественнаго служенія, его научно-педагогическаго подвига. Онѣ были для А. Ѳ. не только теоретическими положеніями, не только научными истинами, но и правилами жизни, которыя онъ считалъ обязательными прежде всего для себя, въ повседневной личной и общественной жизни. Вотъ почему въ разрѣшеніи

всѣхъ вопросовъ, которые впослѣдствіи затрогивалъ А. Ѳ., кромѣ громаднаго научнаго аппарата, сказывающагося въ логическихъ построеніяхъ, всегда настойчиво звучатъ нотки гуманности, человѣколюбія, придающія всѣмъ его работамъ особый тембръ мягкости, доброты. „Изъ-за спины ученаго всегда во весь ростъ вырисовывается *человѣкъ*“.

Съ особой полнотой и яркостью сказалось и научное, и нравственное содержаніе личности А. Ѳ. въ его магистерской диссертаціи: „Изслѣдованіе о смертной казни“, которая была написана и защищена въ 1867 г. Эта работа, доставившая ему извѣстность и штатную доцентуру по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства, служитъ показателемъ окончательнаго сформированія А. Ѳ. въ большого ученаго, съ громадной нравственной силой, источникомъ обаянія, о которомъ свидѣтельствуютъ его друзья, враги и ученики. Далѣе, послѣ защиты въ 1868 г. докторской диссертаціи, давшей ему ординатуру и завершеніе оффиціальной академической карьеры, дѣятельность А. Ѳ. развертывается въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій тѣхъ или другихъ проблемъ, которыя выдвигала общественно-правовая жизнь. Сфера этихъ проблемъ чрезвычайно велика. Вопросу „о значеніи судебной реформы въ дѣлѣ улучшенія уголовнаго правосудія“ посвящена актовая рѣчь А. Ѳ., произнесенная 9-го ноября 1869 г. Въ ней авторъ знакомитъ слушателей съ сущностью новыхъ судебныхъ уставовъ, изученныхъ имъ не только теоретически, но и на практикѣ, во время командировки въ Петербургъ и Москву. Онъ выражаетъ убѣжденіе, что дальнѣйшій успѣхъ реформы зависитъ отъ самодѣятельности общества, отъ сознательнаго отношенія его къ дѣлу правосудія. „Нужно,—говоритъ А. Ѳ.,—чтобы оно, цѣня великія начала дѣйствующаго судоустройства и судопроизводства, умѣло указывать также и ихъ недостатки, а главное — не молчать, когда оно видитъ ненадлежащее примѣненіе этихъ началъ на практикѣ, стремленіе съузить планъ, начертанный законодателемъ для будущаго развитія правосудія“. Въ 1876, 1877 и 1878 гг. А. Ѳ. читалъ въ Кіевѣ рядъ публичныхъ лекцій о молодыхъ преступникахъ, съ цѣлью „привлечь вниманіе и вызвать содѣйствіе общественныхъ силъ, безъ участія которыхъ практическое разрѣшеніе вопроса немыслимо“. Теченіе „народничества“ 70-хъ годовъ, вылившееся въ Малороссіи въ форму „украйнофильства“, согласовалось съ тѣмъ значеніемъ, которое А. Ѳ. всегда придавалъ обычному праву. Онъ посвящаетъ много труда составленію программъ для собиранія юридическихъ обычаевъ, ихъ систематизаціи и обработки. Съ 1879 г. онъ без-

смѣнно предсѣдательствуетъ въ Кіевскомъ Юридическомъ Обществѣ, гдѣ имъ прочитано за шесть лѣтъ двѣнадцать докладовъ; предпринимаетъ историческія изысканія о „правахъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“; пишетъ отчеты и рецензіи на ученыя сочиненія; устраиваетъ для студентовъ практическія занятія въ формѣ судебныхъ засѣданій, послѣ которыхъ, по воспоминаніямъ одного изъ участниковъ, весь „процессъ у нихъ былъ какъ на ладони“. Вообще эта дѣятельность настолько широка и плодотворна, что для всесторонней ея оцѣнки, послѣ смерти А. Ѳ., понадобилось содѣйствіе не только юристовъ, но и историка и этнографа. Не даромъ онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ Русскаго Географическаго Общества, дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, почетнымъ членомъ Московскаго Юридическаго Общества, а также почетнымъ членомъ Московскаго и Петербургскаго университетовъ. Ко всему, за что только брался А. Ѳ., онъ относился съ большой серьезностью. „Все — говоритъ В. И. Модестовъ—что ни затрогивало его вниманіе, онъ подвергалъ анализу, вдумывался въ предметъ, оцѣнивалъ его и взвѣшивалъ съ большою строгостью. Таковъ былъ складъ его ума, ума научнаго, всюду вносившаго анализъ и оцѣнку“. Въ письмѣ изъ-за границы къ Модестову (1872 г.) А. Ѳ. говоритъ о своихъ занятіяхъ римскими классиками, которыя составляютъ для него „не только удовольствіе, но и необходимость“, въ виду желанія въ подлинникѣ прочесть средневѣковую и римскую литературу по уголовному праву. „Вотъ какимъ далекимъ путемъ—прибавляетъ онъ—мнѣ приходится идти къ моей главной цѣли, къ усовершенствованію моей спеціальности. Конечно, безъ этого можно было бы обойтись. Но не въ моей натурѣ та любовь къ догматикѣ, похожая на догматическое богословіе, которая самодержавно царствуетъ въ наукѣ уголовнаго права“. „Желалъ бы я знать, — прибавляетъ Модестовъ—кто другой изъ русскихъ юристовъ нашего времени находитъ въ чтеніи римскихъ классиковъ не только удовольствіе, но и необходимость, да и кто изъ нихъ, вообще, читаетъ ихъ въ видахъ усовершенствованія своей спеціальности“.

Поѣздки за границу, на короткій срокъ, были повторены А. Ѳ. четыре раза, въ 1875, 79, 80 и 81 гг. Онѣ вызывались нездоровьемъ. Та дѣятельность, которая окружила его общественнымъ почетомъ, уваженіемъ, любовью учениковъ, создала ему ожесточенную вражду. По словамъ Модестова, такой крупный человѣкъ, какъ А. Ѳ., гдѣ бы онъ ни появлялся, вездѣ выдви-

гался на первый планъ среди другихъ общественныхъ дѣятелей. Но такъ какъ завѣдываніе дѣлами вездѣ и постоянно находилось въ рукахъ партіи, дѣйствовавшей интригами, во имя солидарности матеріальныхъ выгодъ, то А. Ѳ. приходилось вездѣ стоять въ оппозиціи и отстаивать интересы: въ думѣ — городскіе, въ кредитномъ обществѣ—вкладчиковъ, въ университетѣ—интересы науки и т. д. Одной рукой ему приходилось дѣлать свое общественное дѣло, а другой — отмахиваться отъ доносовъ, клеветы и инсинуацій, къ которымъ имѣла возможность прибѣгать людская злоба, пользуясь реакціей 80-хъ годовъ. „Я съ радостью переношу невзгоды моего положенія“,—писалъ А. Ѳ. Модестову. „Жизнь моя—трудъ, непріятности и болѣзнь. Но я привыкъ къ этому отъ юности моея. Съ спокойной совѣстью готовъ я принять новые удары судьбы. Бѣда отовсюду. Такъ человѣку на роду написано. Эти мысли даютъ мнѣ мужество переносить непріятности жизни. Бѣжать не желаю отъ непріятеля и непріятностей, памятуя, что и то, и другое неизбѣжно и неминуемо“. Тѣмъ не менѣе вражда недруговъ стоила ему жизни. Въ ночь на 13-ое января 1885 г. А. Ѳ. умеръ отъ болѣзни печени. Еще за часъ до смерти, въ разговорѣ съ однимъ изъ друзей, онъ съ большимъ вниманіемъ разспрашивалъ о ходѣ дѣлъ въ текущей сессіи окружнаго суда. Услыхавъ характеристику нѣкоторыхъ дѣлъ и отношенія къ нимъ суда и присяжныхъ, онъ въ послѣдній разъ оживился, привсталъ на постели и громко произнесъ: „я всегда утверждалъ, что институтъ присяжныхъ—святое дѣло въ нашемъ отечествѣ“. Затѣмъ онъ склонилъ голову на подушку, и голосъ его сталъ все болѣе и болѣе слабѣть. Онъ умеръ съ обычнымъ своимъ нравственнымъ паролемъ на холодѣющихъ губахъ: „общественное благо“ и „святость человѣколюбиваго учрежденія“.

Смерть А. Ѳ. была неожиданной какъ для враговъ, которые склонны были видѣть даже „въ смерти этого безконечно добраго человѣка намѣреніе произвести демонстрацію“, такъ и для товарищей по наукѣ, которымъ онъ далъ статью „Новыя ученія о преступленіи и наказаніи“, появившуюся въ газетѣ „Заря“ наканунѣ его смерти. „Прощаясь въ послѣдній разъ съ тобой,— сказалъ одинъ изъ его друзей надъ его могилой — мы запечатлѣемъ въ душѣ своей тѣ завѣты, которые ты намъ оставилъ. Первый завѣтъ—видѣть во всякомъ человѣкѣ, кто бы онъ ни былъ, человѣческій образъ, любить его каковъ онъ есть, во всей наготѣ человѣческой природы, и идти къ нему на помощь со свѣтомъ знанія и науки. Второй завѣтъ—не забывать прошлаго, не забывать того мѣста, гдѣ впервые полюбили науку, не забы-

вать родины и трудиться для ея блага и счастья. Третій завѣтъ—жить просто".

Въ біографіи А. Ѳ. нѣтъ яркихъ драматическихъ моментовъ, нѣтъ богатства красокъ и положеній, но она близка намъ и дорога тѣмъ, что въ ней отражаются всѣ основныя черты русскаго просвѣщенія: тернистый путь, усѣянный злобой, клеветой, голодомъ и холодомъ, усилія приблизиться къ народу, служить ему, быть „свѣточемъ въ его прогрессивномъ движеніи".

Русская пословица сравниваетъ жизнь человѣка съ пѣсней. Пѣсня Александра Ѳедоровича Кистяковскаго не была пѣсней веселья, радости и счастья: она была пѣсней труда, борьбы и страданія. Но и ее не удалось ему допѣть до конца.

Евгеній Ефимовъ.

ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ ГОДОВЩИНА

Черезъ нѣсколько недѣль наступаетъ пятидесятая годовщина освобожденія крестьянъ. Когда исполнилась первая четверть вѣка со времени великаго событія, на чествованіе 19-го февраля былъ наложенъ правительственный запретъ. Теперь это, конечно, не повторится, по крайней мѣрѣ въ столь рѣшительной и прямолинейной формѣ; но отсюда еще не слѣдуетъ, что существенно инымъ является настроеніе правящихъ сферъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, измѣнилась скорѣе видимость, чѣмъ дѣйствительность.

Освобожденіе крестьянъ должно было привести къ улучшенію ихъ быта; въ этихъ видахъ оно было соединено съ надѣленіемъ ихъ землею. Значительно уменьшенный противъ первоначальныхъ предположеній, надѣлъ былъ оцѣненъ и обложенъ слишкомъ высоко—и цѣль реформы оказалась достигнутою далеко не вполнѣ. Частичное пониженіе выкупныхъ платежей, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, прошло почти безслѣдно. Каплей въ морѣ народной нужды оказалась и дѣятельность Крестьянскаго Банка, даже въ первые, лучшіе ея годы. Съ искусственной защитой общины шли въ разрѣзъ стѣсненія въ пользованіи важнѣйшими правами, вытекающими изъ существа общиннаго владѣнія. Ничего или почти ничего не предпринималось государствомъ для усовершенствованія общиннаго хозяйства. Мысль о новомъ, дополнительномъ надѣленіи землею, неискоренимо живущая въ народной массѣ, не встрѣчала ничего кромѣ рѣшительнаго, безповоротнаго отрицанія, поддерживаемаго репрессіями и угрозами репрессій. По мѣрѣ роста населенія все больше и больше чувствовалась скудость земельнаго обезпеченія крестьянъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ все яснѣе и яснѣе, особенно со времени неурожаевъ 1891 и 1892 гг., обнаруживалось обѣднѣніе народа. Къ началу XX-го вѣка терминъ: „оску-

дѣніе центра“ получилъ право гражданства даже въ оффиціальномъ языкѣ.

Въ 1861-мъ году былъ сдѣланъ смѣлый шагъ: бывшимъ крѣпостнымъ людямъ дано было, вмѣстѣ съ личной свободой, довольно широкое самоуправленіе, замыкавшее ихъ, правда, въ сословныя рамки, но ограждавшее ихъ, за то, отъ фактическаго гнета, въ который легко могла превратиться только что отмѣненная помѣщичья власть. Предполагалось, что за первой, временной ступенью сами собою откроются другія, поднимаясь по которымъ крестьянство войдетъ въ общій составъ непрерывно и нормально развивающагося народа. Случилось не то: черезъ двадцать восемь лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ они испытали своеобразную capitis deminutio, поставившую ихъ подъ опеку—и какихъ опекуновъ! Связанная по рукамъ и по ногамъ, деревня быстро покатилась внизъ по наклонной плоскости, развращаемая своими подневольными судьями, не столько управляемая, сколько задергиваемая своимъ малосвѣдущимъ, неумѣлымъ и самодовольнымъ начальствомъ. Само собою разумѣется, что время всетаки брало свое: черезъ всѣ загородки и рогатки въ „тихія села, глухія деревни“ прорывались новыя вѣянія, расшатывая послѣдніе остатки патріархальнаго строя, принося съ собою неизвѣстныя до тѣхъ поръ потребности и неслыханные раньше взгляды. Этимъ, однако, скорѣе ухудшалось, чѣмъ улучшалось положеніе крестьянства: для правильнаго усвоенія новизны, для безпрепятственнаго пользованія ею ему недоставало обезпеченности, хотя бы минимальной, недоставало самостоятельности и увѣренности въ своемъ правѣ, недоставало, наконецъ, развитія и знаній. Начальное образованіе распространялось въ его средѣ медленно и туго; благія, бо̀льшею частью, намѣренія земства въ значительной степени парализовались скудостью земскихъ средствъ, соперничествомъ духовнаго вѣдомства и недовѣрчивостью администраціи. Въ самомъ земствѣ положеніе крестьянъ было существенно измѣнено къ худшему однимъ изъ тѣхъ законодательныхъ актовъ, которые, въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девятидесятыхъ годовъ, не оставили камня на камнѣ въ зданіи „великихъ реформъ“. Гласные отъ сельскихъ обществъ сдѣлались, de facto, ставленниками начальства, да и самая численность ихъ подверглась явно тенденціозному сокращенію... Ходъ событій во всѣхъ областяхъ жизни оказался противоположнымъ тому, который намѣчался въ недолгіе моменты прогрессивныхъ настроеній. Вмѣсто сліянія сословій получилась обостренная ихъ отчужденность, вмѣсто равноправности—цѣпь ограниченій, приближающихся къ безправію. Имѣлось въ виду пойти еще дальше, углубить еще больше демаркаціонную линію, отдѣляющую крестьянство отъ другихъ классовъ населенія. Къ этому кло-

нился пересмотръ положеній 19-го февраля, задуманный еще гр. Д. А. Толстымъ, пущенный въ ходъ И. Н. Дурново и Д. С. Сипягинымъ и почти законченный при В. К. Плеве. Въ послѣднюю минуту, когда уже былъ готовъ цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ законопроектовъ, весь ходъ русской жизни получилъ другое направленіе. Появилась надежда, что на очередь станетъ не мнимое, а настоящее продолженіе дѣла, начатаго 19-го февраля 1861-го года.

Указомъ 12-го декабря 1904-го года было повелѣно „привести законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи", чтобы обезпечить за лицами этого сословія пользованіе „признаннымъ за ними царемъ-освободителемъ положеніемъ полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей". Другіе пункты указа предусматривали „введеніе должнаго единства въ устройствѣ судебной части, въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ сословій", и призывъ къ дѣятельности въ земскихъ учрежденіяхъ, „на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія". Пополненіе пробѣловъ указа взяла на себя общественная иниціатива, быстро достигшая своего апогея. Ею былъ поставленъ, во всемъ колоссальномъ его значеніи, земельный вопросъ. Не было, кажется, такой партіи, которая—въ теченіе перваго періода освободительнаго движенія—не включила бы этотъ вопросъ, такъ или иначе, въ свою программу. Смѣло и рѣшительно онъ былъ формулированъ въ отвѣтномъ адресѣ первой Государственной Думы. Безусловно возставая противъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, кабинетъ И. Л. Горемыкина, въ извѣстномъ заявленіи 13-го мая 1906-го года, все же выражалъ надежду на успѣшное разрѣшеніе земельнаго вопроса „широкимъ примѣненіемъ всѣхъ законныхъ къ тому способовъ и обширныхъ, далеко не исчерпанныхъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи государства". На другой путь вступило, послѣ роспуска первой Думы, министерство П. А. Столыпина. Въ сложный комплексъ комбинацій, имѣвшихъ цѣлью устраненіе земельнаго голода, врѣзалась попытка подойти къ задачѣ съ другого конца, перенести центръ тяжести ея съ размѣровъ владѣнія на юридическое его свойство. Къ достиженію этого результата была направлена, вслѣдъ за изданіемъ указа 9-го ноября 1906-го года, вся громадная сила, которою располагаетъ организованная власть. Пока дѣйствовалъ избирательный законъ 1905-го года, неустраненной и неустранимой оставалась формальная преграда, хотя и не останавливавшая, но все же стѣснявшая правительство: вторая Дума еще меньше первой была расположена отказаться отъ взгляда на землю, выработаннаго въ глубинѣ народной жизни. Только въ средѣ новаго представительства, построеннаго на совершенно иной основѣ, могло

образоваться большинство, превратившее указъ 9-го ноября въ законъ 14-го іюня. Въ крестьянскій міръ внесенъ именно тотъ ферментъ, разлагающаго дѣйствія котораго опасались составители законодательныхъ актовъ 1861-го года. Тогда имѣлось въ виду улучшеніе быта *всѣхъ* или, по меньшей мѣрѣ, *многихъ*, очень многихъ; теперь предметомъ усилій становится поднятіе благосостоянія однихъ, хотя бы цѣною перемѣны къ худшему въ положеніи другихъ. Тогда воздвигались плотины противъ обезземеленія крестьянъ; теперь для него настежь открыты двери. Тогда предполагалось, что хозяйственный прогрессъ будетъ совершаться на привычной почвѣ, безъ крутой ломки житейскихъ условій; теперь необходимой его предпосылкой считается тяжелая, трудная—и подчасъ рискованная—операція вырыванія корней, глубоко вросшихъ въ землю.

Когда въ народной жизни происходитъ радикальный переворотъ, исходъ его зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ степени зрѣлости, достигнутой народомъ, отъ степени сознанія имъ своихъ правъ, отъ размѣровъ свободы въ пользованіи ими. Кто привыкъ регулировать свою хозяйственную дѣятельность по собственному усмотрѣнію, а не по чужой указкѣ, тотъ нелегко поддастся внѣшнему вліянію, толкающему его на новый путь, не порветъ съ прошлымъ безъ всесторонняго обсужденія шансовъ, представляемыхъ будущимъ. Не таково положеніе русскаго крестьянства; не такова атмосфера, завѣщанная ему столѣтіями зависимости. Едва освѣженная вѣяніями шестидесятыхъ годовъ, она опять сгустилась подъ гнетомъ новыхъ формъ властной опеки. И такою, въ сущности, она продолжаетъ быть до сихъ поръ. Указъ 5-го октября 1906-го года, все еще не получившій силы закона, не принесъ никакихъ осязательныхъ результатовъ—и не могъ принести ихъ, разъ что надъ крестьянствомъ продолжаетъ тяготѣть судебно-административный строй, созданный реакціей конца вѣка. Въ чемъ бы ни заключалась новая аграрная политика, осуществленію ея должно было бы предшествовать коренное преобразованіе мѣстнаго суда, мѣстнаго управленія и самоуправленія. Дѣло было начато съ противоположнаго конца: законъ былъ измѣненъ—а главные исполнители остались тѣ же. Представители учрежденія, давно уже стоявшаго, по нѣмецкому выраженію, auf dem Aussterbeetat—предназначеннаго, по русской терминологіи, къ „оставленію за штатомъ“,—были подхвачены и вновь вынесены на верхъ „землеустроительною“ волною. Введеніе новыхъ земельныхъ порядковъ явилось для нихъ якоремъ спасенія, залогомъ долгой жизни. Они принялись за него съ усердіемъ людей, привыкшихъ творить волю пославшаго ихъ—усердіемъ, усиливаемымъ, въ данномъ случаѣ, опредѣленно поставленной альтернативой: благоволеніе или немилость. Двадцатилѣтняя школа, пройден-

ная земскими начальниками, не могла развить въ нихъ ни знанія нуждъ населенія, ни вниманія къ его интересамъ. И что же можетъ уравновѣсить вмѣшательство ихъ въ крестьянскую жизнь? Что можетъ послужить точкой опоры для крестьянства, въ переживаемую имъ переходную эпоху? Земство? Но оно, вопреки прямымъ указаніямъ, даннымъ съ высоты престола шесть лѣтъ тому назадъ, сохраняетъ сословный характеръ, недостаточно представляетъ собою мѣстное населеніе, остается зависимымъ отъ администраціи—и, въ добавокъ, фактически далеко уклонилось съ того пути, на которомъ ему удалось сослужить странѣ коекакую дѣйствительную службу. Земская реформа отложена въ долгій ящикъ; да если она и будетъ произведена по шаблону, намѣченному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и одобренному пресловутымъ преддумьемъ, то выигрышъ отъ этого для крестьянства получится весьма сомнительный. Мелкая земская единица, всесословная волость? Но ея устройство, хотя и предрѣшенное въ принципѣ, указомъ 12-го декабря 1904-го года, все еще не пошло дальше первыхъ ступеней законодательной лѣстницы. Ожидать отъ нея многаго не позволяетъ ни содержаніе относящагося къ ней законопроекта, ни настроеніе большинства законодательныхъ собраній, ни, наконецъ, реальное соотношеніе элементовъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть проведеніе ея въ жизнь.

Быть можетъ, однако, твердые устои для новыхъ земельныхъ правоотношеній, какъ и вообще для нормальнаго развитія народныхъ силъ, будутъ созданы ожидаемой реформой мѣстнаго суда? Еще недавно это могло казаться до извѣстной степени достижимымъ. Можно было мечтать о томъ, что съ упраздненіемъ сословнаго волостного суда, съ отмѣной судебныхъ функцій земскихъ начальниковъ, съ возстановленіемъ выборнаго и независимаго мирового суда въ народной жизни опять водворится правосудіе, о которомъ въ ней теперь осталось только смутное воспоминаніе. Конечно, большія опасенія внушалъ съ самаго начала Государственный Совѣтъ; но все же можно было думать, что законопроектъ, принятый Государственной Думой, будетъ лишь нѣсколько испорченъ, а не искаженъ въ главныхъ своихъ началахъ. Основаніемъ для такой надежды могъ служить тотъ фактъ, что иниціатива реформы мѣстнаго суда принадлежала министру юстиціи, до сихъ поръ сохраняющему свой портфель и постоянно дѣйствовавшему въ полномъ согласіи съ „объединеннымъ“ кабинетомъ. Правда, Государственный Совѣтъ посягалъ иногда на оппозицію министерству—но рѣчь шла, въ такихъ случаяхъ, о предметахъ несравненно менѣе важныхъ, чѣмъ реформа мѣстнаго суда. И что же? Вопреки всѣмъ ожиданіямъ, вопреки всякой вѣроятности, этой реформѣ грозитъ полное крушеніе — и первый шагъ къ нему сдѣланъ самимъ

кабинетомъ. Прежде, чѣмъ успѣла высказаться коммиссія Государственнаго Совѣта, предсѣдатель совѣта министровъ и министръ юстиціи (!) поспѣшили заявить, что правительство не настаиваетъ больше на упраздненіи волостного суда. Мотивомъ отступленія съ прежней позиціи выставлены измѣнившіяся обстоятельства. Въ чемъ же заключается эта перемѣна? Въ томъ, что одновременно съ реформой мѣстнаго суда разрабатывались шесть другихъ законопроектовъ, направленныхъ къ преобразованію мѣстной жизни, и предполагалось, что они всѣ быстро получатъ силу закона и вступятъ въ дѣйствіе; между тѣмъ, предположеніе это не оправдалось—а общій культурный уровень населенія не даетъ возможности начать реформу съ отмѣны волостныхъ судовъ.

Не нужно долгихъ размышленій, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей призрачности этихъ соображеній. Отъ правительства зависѣло ускорить разработку и разсмотрѣніе законопроектовъ, которые оно считало тѣсно связанными съ реформой мѣстнаго суда; оно могло не вносить ихъ въ „преддумье", ставшее ненужнымъ съ открытіемъ Думы, могло широко воспользоваться болѣе ранними работами на тѣ же темы, могло склонить послушное и преданное ему думское большинство къ постановкѣ на очередь всѣхъ вопросовъ, прямо касающихся переустройства мѣстной жизни, давъ имъ, напримѣръ, преимущество передъ вопросомъ о землеустройствѣ, обсужденію котораго было посвящено столько засѣданій въ теченіе третьей сессіи третьей Думы. Министерству, далѣе, не могло не быть извѣстно, что никакими усиліями нельзя достигнуть *одновременнаго* разсмотрѣнія и утвержденія семи крупныхъ законопроектовъ, что какой-нибудь одинъ изъ нихъ неизбѣжно долженъ опередить всѣ другіе. На это первое мѣсто оно рѣшилось поставить законопроектъ о мѣстномъ судѣ, признавая, тѣмъ самымъ, что онъ можетъ быть осуществленъ и отдѣльно отъ прочихъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни велика связь между различными сторонами мѣстной организаціи: земствомъ—губернскимъ, уѣзднымъ и волостнымъ,—городскимъ общественнымъ управленіемъ, полиціей, администраціей, губернской и уѣздной, и, наконецъ, ближайшими къ населенію судебными инстанціями,—тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ можетъ подвергаться и неоднократно подвергалась существеннымъ передѣлкамъ, исключительно пріуроченнымъ къ ней одной. Даже тогда, когда перемѣна должна была захватить многое, когда для нея были заранѣе намѣчены широкія рамки, она совершалась не вдругъ, а постепенно. Между устройствомъ крестьянскаго самоуправленія, шедшимъ рука объ руку съ освобожденіемъ крестьянъ, и созданіемъ земскихъ учрежденій прошло, напримѣръ, почти три года; мировой судъ былъ призванъ къ жизни еще позже; городовое

положеніе, заключившее собою этотъ циклъ реформъ, издано лишь въ 1870-мъ году. Не одновременно были осуществлены и контръ-реформы восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ. Всякому сложному дѣлу должно же быть когда-нибудь и гдѣ-нибудь положено начало. Необходимо только одно: чтобы въ серіи преобразованій, признанныхъ неотложными и затрогивающихъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, одну и ту же область государственной или народной жизни, не было слишкомъ длинныхъ перерывовъ. При соблюденіи этого условія вопросъ о порядкѣ, въ которомъ реформы должны слѣдовать одна за другою, имѣетъ весьма второстепенное значеніе.

Начать съ упраздненія волостного суда—говорятъ намъ дальше—мѣшаетъ общій культурный уровень населенія. Но развѣ степень высоты этого уровня не была извѣстна министерству, когда оно, четыре года тому назадъ, выдвинуло на первый планъ реформу мѣстнаго суда? Или за это время произошелъ регрессъ въ народной культурѣ? Вѣдь министерство приписываетъ себѣ заслугу „успокоенія“ страны—а съ успокоеніемъ развѣ можетъ идти рука объ руку пониженіе культурнаго уровня? Допустимъ, наконецъ, что этотъ уровень понизился; слѣдуетъ ли отсюда, что низшая судебная инстанція должна быть оставлена всецѣло въ рукахъ наименѣе просвѣщеннаго, наименѣе самостоятельнаго класса населенія? Гораздо правильнѣе было бы придти къ противоположному заключенію—и безотлагательно создать прочныя гарантіи истиннаго правосудія, какъ одного изъ самыхъ могучихъ факторовъ культуры... Поразительная слабость доводовъ, приведенныхъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, невольно приводитъ къ мысли, что невысказанными остались настоящіе мотивы неожиданной перемѣны правительственнаго курса. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, рѣшимость сохранить волостной судъ была компромиссомъ, цѣною котораго министерство надѣялось предупредить полное крушеніе своихъ предначертаній. Разсчетъ, повидимому, сдѣланъ безъ хозяина; весьма возможно, что Государственный Совѣтъ не удовлетворится первой жертвой и потребуетъ бо̀льшаго, гораздо бо̀льшаго. Правая группа верхней палаты высказывается за оставленіе въ силѣ судебной компетенціи земскихъ начальниковъ и противъ возстановленія выборныхъ мировыхъ судей. Споръ, въ средѣ этой группы, идетъ только о томъ, слѣдуетъ ли сдѣлать попытку „исправленія“ законопроекта — или всецѣло отклонить его. Существуетъ предположеніе, что къ правымъ присоединится часть центра и составитъ, вмѣстѣ съ ними, большинство, безусловно враждебное реформѣ. Невѣроятнымъ такой результатъ считать нельзя: о неустойчивости центра свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что представители его въ коммиссіи, кромѣ двухъ или трехъ, сразу послѣдовали за министерствомъ, какъ только оно

сдало противникамъ одну изъ важнѣйшихъ своихъ позицій. Отступленіе, однажды начатое, можетъ завести очень далеко и окончиться возвратомъ къ мертвой точкѣ, съ которой, казалось, сдвинулъ Россію указъ 12-го декабря 1904-го года.

Но, быть-можетъ, сохраненіе дѣйствующихъ судебныхъ порядковъ желательно для самихъ крестьянъ? Можетъ-быть, они дорожатъ отеческимъ попеченіемъ земскихъ начальниковъ и „близкимъ къ народу" спеціально-крестьянскимъ судомъ? Охотниковъ защищать эту точку зрѣнія, иногда—наивно убѣжденныхъ, чаще—притворно-народолюбивыхъ, всегда было и теперь найдется немало; но ихъ слащавымъ или лицемѣрнымъ рѣчамъ достаточно противопоставить заявленіе, съ которымъ выступили на дняхъ тридцать девять крестьянъ-членовъ Государственной Думы. Крестьяне—сказано въ этомъ заявленіи, чуждомъ всякаго партійнаго характера—„такіе же граждане въ имперіи, какъ и лица, принадлежащія къ другимъ сословіямъ, и потому въ существованіи особыхъ крестьянскихъ судовъ нѣтъ никакой надобности. Поэтому мы рѣшаемся просить членовъ Государственнаго Совѣта содѣйствовать проведенію въ жизнь общаго для всѣхъ гражданъ мѣстнаго суда—либо колегіальнаго, по образцу гминнаго (согласно нашему особому мнѣнію, приложенному къ докладу думской комисіи по судебнымъ реформамъ о преобразованіи мѣстнаго суда), либо выборнаго единоличнаго мирового суда, устанавливаемаго одобреннымъ Государственной Думой законопроектомъ, но не оставлять для насъ отжившій свое время сословный судъ, хотя бы и для самыхъ мелкихъ дѣлъ" [1]). Серьезныхъ возраженій противъ взгляда, выраженнаго въ этомъ заявленіи, быть не можетъ—но это, конечно, еще не значитъ, что онъ будетъ принятъ во вниманіе Государственнымъ Совѣтомъ. Подкоммиссія Совѣта, образованная послѣ декларації гг. Столыпина и Щегловитова, высказывается, по слухамъ, противъ какихъ бы то ни было, даже самыхъ незначительныхъ измѣненій въ нынѣшнемъ устройствѣ волостного суда...

Когда освободительное движеніе пошло на убыль, многіе продолжали вѣрить, что оно приведетъ, по меньшей мѣрѣ, къ двумъ положительнымъ результатамъ: къ упраздненію земскихъ начальниковъ и къ отмѣнѣ обособленнаго положенія церковно-приходскихъ школъ. Теперь одинаково сомнительно какъ то, такъ и другое. Правда, въ засѣданіи 29-го ноября Государственная Дума, послѣ продолжительныхъ, два раза возобновлявшихся преній, высказалась (большинствомъ

[1]) Странной, конечно, слѣдуетъ признать форму этого заявленія; членамъ одной палаты не подобаетъ обращаться къ другой съ *просьбою* о содѣйствіи. Но не свидѣтельствуетъ ли выборъ такого пути о громадной важности, придаваемой крестьянами правильному разрѣшенію жизненнаго для нихъ вопроса?

200 голосовъ противъ 119) за объединеніе начальныхъ школъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, противъ чего горячо ратовали представители духовнаго вѣдомства; но если припомнить, что сторону послѣднихъ все время держало министерство, то очень мало вѣроятной представляется осуществимость думскаго рѣшенія. Судьба реформы мѣстнаго суда удостовѣряетъ, что противъ Государственнаго Совѣта Государственная Дума можетъ оказаться безсильной даже при солидарности съ министерствомъ; чего же можно ожидать, когда въ противодѣйствіи Думѣ носители вліянія соединяются съ носителями власти?... А между тѣмъ, въ устраненіи ненормальнаго положенія церковно-приходской школы всего больше заинтересована народная масса. Если противъ этого до сихъ поръ и можно было спорить, то теперь для разумныхъ сомнѣній не остается мѣста: они устраняются заявленіемъ, сдѣланнымъ въ Думѣ отъ имени тридцати восьми депутатовъ-крестьянъ, изъ которыхъ только немногіе принадлежатъ къ оппозиціоннымъ партіямъ. „Мы будемъ голосовать"—сказано въ этомъ заявленіи, прочитанномъ членомъ Думы Лукашинымъ,—„за передачу всѣхъ церковно-приходскихъ школъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, вполнѣ вѣря, что только такая передача и поставитъ дѣло народнаго образованія на тотъ путь, который долженъ впослѣдствіи дѣйствительно поднять уровень развитія среди крестьянскаго населенія... Чтобы знали, кто подписалъ, я имѣю порученіе сказать съ трибуны Государственной Думы, дабы эти подписи вошли въ стенограммы Думы. Этимъ самымъ занесеніемъ мы можемъ оправдаться передъ нашими избирателями, которые насъ послали и которые въ точности намъ наказали данное порученіе". Въ заключеніе членъ Думы Лукашинъ объяснилъ, что депутаты-крестьяне, не подписавшіе заявленія, присоединяются къ нему всецѣло и докажутъ это при голосованіи. И дѣйствительно, только крестьянскіе голоса, отпавшіе, на этотъ разъ, отъ правыхъ и націоналистовъ, могли увеличить большинство, отрицательно отнесшееся къ церковно-приходской школѣ, до такой внушительной пропорціи, какъ 5:3. Свергнуть съ себя обычный партійный гнетъ, выступить прямо и открыто противъ одного изъ главныхъ пунктовъ реакціоннаго credo, крестьяне, принадлежащіе къ правымъ фракціямъ, могли только въ силу глубокаго убѣжденія, раздѣляемаго широкими кругами крестьянства въ самыхъ различныхъ концахъ Россіи. Не даромъ кто-то изъ правыхъ безтактно и грубо прервалъ чтеніе заявленія вопросомъ: „Кто подписалъ"? Онъ думалъ, очевидно, что дерзновенные отщепенцы не рѣшатся подписать мятежное заявленіе—и былъ, должно быть, крайне непріятно удивленъ, когда узналъ, что подписи не только даны, но и предназначены къ оглашенію въ стенографическомъ отчетѣ... Раз-

личіе политическихъ взглядовъ не мѣшаетъ крестьянамъ сходиться въ одномъ: въ признаніи, что не черезъ церковно-приходскую школу лежитъ истинный путь къ развитію народной массы. Лучше чѣмъ кому бы то ни было имъ извѣстно, какимъ тормазомъ искусственно водворяемая и поощряемая церковная школа, съ своимъ придаткомъ—школой грамоты, служила и служитъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Увеличивъ число учащихся, она понизила успѣшность ученья и направила значительную часть народныхъ средствъ не туда, гдѣ они могли найти наилучшее примѣненіе. Если, полвѣка спустя послѣ освобожденія крестьянъ, умственная темнота въ ихъ средѣ еще велика, этому немало способствовала раздвоенность, внесенная въ школьное дѣло правилами 13-го іюня 1884-го года.

Таковы условія, при которыхъ русское крестьянство встрѣчаетъ юбилейную годовщину великаго дня. Свѣтлаго, радостнаго въ нихъ очень мало. Ничто не предвѣщаетъ скораго конца или хотя бы облегченія земельной нужды. Искусственными мѣрами имѣется въ виду поднять хозяйственный уровень не столько массы, сколько отдѣльныхъ лицъ. Не устраненъ гнетъ, традиціонно тяготѣющій надъ крестьянами и мѣшающій росту ихъ правосознанія. По прежнему несовершенно устройство ячеекъ, внутри которыхъ проходитъ жизнь крестьянина. Только въ неопредѣленномъ и едва ли близкомъ будущемъ виднѣется всеобщее обученіе народа, сведенное, притомъ, къ скромнымъ размѣрамъ и поставленное въ тѣсныя, можетъ-быть плохо склеенныя, разрозненныя рамки. И что всего печальнѣе—трудно сказать, откуда можетъ придти, когда и какъ можетъ совершиться перемѣна къ лучшему въ положеніи крестьянства. При дѣйствіи избирательнаго закона 1905-го года крестьянамъ было отведено мѣсто хотя и не соотвѣтствовавшее значенію ихъ въ государствѣ, но все же обезпечивавшее за ними вліятельную роль въ Государственной Думѣ. Правила 3-го іюня 1907-го года значительно—слишкомъ вдвое—уменьшили число выборщиковъ-крестьянъ, увеличивъ, въ то же время, число выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ. До 3-го іюня изъ общаго числа выборщиковъ (въ 53 губерніяхъ) на долю крестьянъ приходилось около $43^1/_2$, на долю землевладѣльцевъ — около $33^1/_2{}^0/_0$; послѣ 3-го іюня первая цифра упала до $22^1/_3{}^0/_0$, вторая повысилась до $51^0/_0$! До 3-го іюня избраніе членовъ Думы спеціально отъ крестьянъ было предоставлено выборщикамъ-крестьянамъ, благодаря чему выборъ могъ падать на людей, готовыхъ и способныхъ защищать интересы своего класса; теперь избраніе ихъ производится *всѣми* выборщиками, преобладающее большинство которыхъ—не крестьяне. Отсюда появленіе въ третьей Думѣ, значительнаго числа депутатовъ-крестьянъ, примыкающихъ къ правымъ партіямъ, т.-е. къ систематическимъ противникамъ

крестьянскихъ интересовъ. Только теперь, на четвертомъ году дѣятельности третьей Думы, учащаются случаи возмущенія правыхъ крестьянъ противъ партійной дисциплины, когда затрогиваются вопросы, слишкомъ хорошо знакомые крестьянамъ и слишкомъ близкіе ихъ сердцу. И въ такихъ случаяхъ, однако, торжество мнѣнія, защищаемаго крестьянами, возможно только тогда, когда съ ними оказывается солидарной не только оппозиція, но и партія центра, если не вся, то хоть въ лѣвой своей части. А это бываетъ сравнительно рѣдко; во многомъ, слишкомъ многомъ октябристы, по своему сословному и классовому составу, по своему отношенію къ правящимъ сферамъ, такъ же мало расположены къ пониманію крестьянскихъ нуждъ и осуществленію крестьянскихъ пожеланій, какъ и болѣе правыя группы. Еще меньше крестьяне могутъ разсчитывать на Государственный Совѣтъ, большинству котораго чуждо настроеніе широкихъ народныхъ массъ. Руководимый дѣятелями стараго бюрократическаго режима и представителями „новоземскихъ"—въ сущности *антиземскихъ*—вѣяній, Государственный Совѣтъ можетъ только задерживать или искажать все предпринимаемое въ интересахъ крестьянства. Изъ правительственной программы исчезаетъ, мало-по-малу, все то, что было внесено въ нее первымъ періодомъ освободительнаго движенія. Кабинетъ П. А. Столыпина стоитъ, въ этомъ отношеніи, далеко позади министерства кн. Святополкъ-Мирскаго. И болѣе чѣмъ вѣроятно, что на пути реакціи еще не сдѣланъ послѣдній шагъ. Крестьянству, какъ и всей Россіи, предстоитъ, быть можетъ, эпоха еще болѣе тяжелыхъ испытаній.

Удручающее для всѣхъ, кто смотритъ впередъ, а не назадъ, значеніе настоящаго момента особенно живо чувствуется немногочисленными уже теперь свидѣтелями 19-го февраля 1861-го года, сознательно пережившими этотъ день и сохранившими о немъ ясную память. Передъ ними встаютъ образы того времени, его сомнѣнія и тревоги, его радости и восторги. Минувшее невольно сопоставляется съ настоящимъ—и при свѣтѣ былыхъ надеждъ еще больше сгущается мракъ современности. Полвѣка тому назадъ не нужно было быть оптимистомъ, чтобы ожидать великаго и добраго. Казалось, что освобожденный народъ и, вмѣстѣ съ нимъ, раньше, но далеко не вполнѣ освобожденное общество безостановочно пойдутъ впередъ по вновь открывшемуся пути. Скоро набѣжали первыя тучи; но вѣра въ близость лучшаго будущаго не исчезала, поддерживаемая, до поры до времени, продолжавшеюся преобразовательною работою. Все больше и больше, однако, темнѣлъ горизонтъ. Движеніе остановилось; достигнуто было сравнительно немногое, да и въ этомъ немногомъ оказывались постоянно увеличивавшіеся недочеты. Прошло почти двадцать лѣтъ: неосмотрительно начатая и сначала неумѣло веденная война, плоды по-

бѣды, испорченные дипломатическимъ пораженіемъ, быстро распространившаяся внутренняя смута, неурядица въ управленіи, длительный финансовый кризисъ, первые грозные признаки обѣднѣнія крестьянъ — все указывало на глубокое разстройство государственной и народной жизни, на недостаточность палліативовъ, на настоятельную потребность не только въ частичныхъ улучшеніяхъ государственнаго строя, но и въ коренномъ его измѣненіи. И эта мысль, въ широкихъ слояхъ русскаго общества, держалась и послѣ катастрофы 1-го марта. Побѣдило другое, противоположное теченіе: наступилъ періодъ контръ-реформъ. Что онѣ принесли Россіи—это слишкомъ хорошо извѣстно. Былъ, по срединѣ этой двадцатилѣтней эпохи, короткій моментъ колебаній—но за нимъ послѣдовало новое торжество реакціи. Понадобилось повтореніе, въ несравненно болѣе острой формѣ, всѣхъ симптомовъ опасной болѣзни, чтобы вызвать сначала обѣщаніе *реформъ*, потомъ—осуществленіе *реформы*. 17-го октября 1905-го года людямъ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ позволительно было прочесть мысленно свое „Нынѣ отпущаеши“; берегъ, о которомъ они мечтали въ молодости, пути къ которому искали въ зрѣлые годы, былъ не только близокъ—онъ былъ, по видимому, достигнутъ. Какъ и въ 1861-мъ году, лозунгомъ минуты была свобода—но свобода не для одного сословія, а для всего народа, и не въ одной гражданской, а также и въ политической жизни. Какъ и въ 1861-мъ году, конечною цѣлью было „улучшеніе быта“, понимаемое теперь какъ народное, *общенародное* благо — но прежде всего, по самой силѣ вещей, какъ благо крестьянства, этой наиболѣе обездоленной части населенія, крестьянства, къ которому у насъ въ Россіи принадлежитъ и большинство рабочаго класса...

Надежды, близкія къ увѣренности, разсѣялись; наступило новое разочарованіе—для современниковъ освобожденія крестьянъ, вѣроятно, уже невознаградимое. Но чего не увидятъ они, то увидятъ идущія за ними, болѣе счастливыя поколѣнія. Не можетъ быть, чтобы такому народу, какъ русскій, суждено было еще долго оставаться въ униженіи и нищетѣ. Когда и въ какой формѣ придетъ для него второе 19-ое февраля—мы не знаемъ, но въ наступленіе этого дня и даже въ его близость по прежнему твердо вѣримъ.

К. Арсеньевъ.

МОНАРХИСТЫ ВО ФРАНЦІИ

(Письмо изъ Парижа.)

Ровно годъ тому назадъ въ „Вѣстникѣ Европы“ была помѣщена статья Л. З. Слонимскаго: „Монархическія мечты во Франціи“, въ которой авторъ приходитъ къ выводу, что самая идея о возможности монархической реставраціи „должна быть причислена къ области безплодныхъ мечтаній, обидныхъ для современной Франціи“.

Естественно спросить—что же побуждаетъ насъ, по прошествіи всего двѣнадцати мѣсяцевъ, вновь занимать вниманіе читателей вопросомъ, казалось бы, второстепеннаго значенія? Развѣ во Франціи за это время произошли крупныя перемѣны, измѣнившія положеніе монархическихъ партій, и ихъ шансы? Или мы по существу не согласны съ вышеприведеннымъ выводомъ авторитетнаго публициста? Ни то, ни другое. Мы не думаемъ, чтобы „монархическая опасность“ стояла въ настоящее время передъ третьей республикой въ качествѣ реальной угрозы; мы не думаемъ также, чтобы шансы монархіи много выиграли за истекшій годъ. На оборотъ: на послѣднихъ выборахъ монархисты потеряли два депутатскихъ полномочія. Тѣмъ не менѣе, 1910-ый годъ несомнѣнно принесъ съ собой для Франціи рядъ перемѣнъ въ общественномъ настроеніи, которыя могутъ оказаться полезными дѣлу монархіи и которыми во всякомъ случаѣ монархисты пытаются воспользоваться. Пусть дѣло реставраціи во Франціи—„пропащее дѣло“: адепты ея однако существуютъ, борются, то растутъ въ числѣ, то ослабѣваютъ. Посмотримъ же, что даетъ имъ силу, что увеличиваетъ ихъ значеніе и ихъ надежды, и что ихъ уменьшаетъ. Посмотримъ, какіе факторы благопріятствуютъ дѣлу реставраціи, и кто является его наиболѣе рѣшительнымъ противникомъ—тѣмъ моломъ, о который будетъ разбиваться монархическая волна.

Это не совсѣмъ праздные вопросы. Они представляютъ теоретическій интересъ для каждаго мыслящаго человѣка—и совершенно особый практическій интересъ для каждаго практическаго политика.

Со смертью графа Шамбора во Франціи угасла старшая линія Бурбоновъ,—представительница абсолютной и традиціонной монархіи. Единственный серьезный роялистскій претендентъ, герцогъ Орлеан-

скій, олицетворяетъ собою идею конституціонной и либеральной монархіи, давшей доказательства своей политической прозорливости. „Enrichissez vous“ — сказалъ устами своего перваго министра Луи-Филиппъ французской буржуазіи. И буржуазія широко воспользовалась его совѣтомъ. У нея должны были, поэтому, сохраниться недурныя воспоминанія о времени конституціонной монархіи—и они сохранились. Доказательство—тѣ препятствія, которыя встрѣтила третья республика при своемъ возникновеніи и укрѣпленіи. Общественное мнѣніе правящихъ и владѣющихъ классовъ очень долго колебалось между конституціонной монархіей и республикой, и еслибы графъ Шамборъ былъ уступчивѣе въ вопросахъ формы, во Франціи, вѣроятно, существовала бы теперь конституціонная монархія, потрясаемая республиканской агитаціей.

Такія колебанія между двумя формами представительнаго правленія естественны въ средѣ буржуазіи. Экономически господствующая въ современномъ обществѣ, она естественно желаетъ закрѣпить свое преобладаніе и въ политическихъ формахъ. Она стремится повсюду къ представительному образу правленія и даже къ парламентаризму—но народное представительство есть необходимый моментъ и конституціонно-монархическаго устройства, а парламентаризмъ не противорѣчитъ ему. Быть ли въ буржуазномъ обществѣ конституціонной монархіи или республикѣ — это вопросъ, рѣшаемый въ зависимости не отъ основныхъ интересовъ господствующихъ классовъ, а отъ совокупности второстепенныхъ историческихъ, культурныхъ и политическихъ факторовъ. Комбинація этихъ факторовъ склонила во Франціи въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка вѣсы исторіи въ пользу республики. Сорокалѣтнее существованіе закрѣпило ея положеніе и убѣдило буржуазію, что столь необходимый для нея общественный порядокъ вполнѣ обезпеченъ и при республиканской формѣ правленія. Чего же лучше? Она сдѣлала выборъ, колеблясь и нерѣшительно, но потомъ увидѣла, что выборъ сдѣланъ былъ хорошо. Вотъ почему, чѣмъ дольше жила республика, тѣмъ болѣе увеличивалось число республиканцевъ, тѣмъ сильнѣе таяли ряды монархической буржуазіи.

Но не растаяли совершенно. Всегда оставался на лицо извѣстный контингентъ людей, пророчившихъ:

— Доскачетесь вы съ вашей республикой!

Дѣйствительно, буржуазія, какъ и всякое другое историческое и временное явленіе, какъ и всякая историческая и временная форма, живетъ и развивается среди двоякаго рода опасностей: опасностей прошлаго, которыя она въ значительной мѣрѣ преодолѣла, и опасностей будущаго, растущихъ и грозящихъ ей упраздненіемъ. Логически можно представить себѣ такой моментъ, когда, предъ лицомъ этихъ

растущихъ опасностей будущаго, въ умахъ буржуазіи произойдетъ поворотъ и полупобѣжденныя опасности прошлаго покажутся ей вполнѣ ничтожными, а „союзъ всѣхъ консервативныхъ силъ общества“ явится выраженіемъ истинной политической мудрости. Опасность будущаго для буржуазіи выражается въ пролетаріатѣ, соціалистическомъ и республиканскомъ. Республика, опирающаяся на всеобщее голосованіе и демократическая по своимъ формамъ и учрежденіямъ—среда чрезвычайно благопріятная для его боевой работы. При извѣстной напряженности борьбы, при растущей силѣ и дерзости молодого противника, въ рядахъ буржуазіи могутъ возникнуть два хода мыслей. Во-первыхъ, можетъ показаться неблагоразумнымъ вести борьбу на два фронта—и налѣво, и направо, особенно если направо отъ буржуазіи стоитъ модернизированная, конституціонная и либеральная монархія. Во-вторыхъ, соціально-консервативная позиція буржуазіи можетъ, по ассоціаціи идей, вызвать въ ней цѣлую гамму консервативныхъ чувствъ и мыслей, и консервативная политическая форма, казалось — пережитая, можетъ вновь пріобрѣсти цѣну въ глазахъ людей, обходившихся безъ нея довольно долгое время.

Оживленіе конституціонно-монархическихъ тенденцій среди буржуазіи, тяжело-борющейся съ соціалистическимъ и республиканскимъ пролетаріатомъ, теоретически не представляется мнѣ, такимъ образомъ, невозможнымъ. Вопросъ лишь въ томъ, можетъ ли оно имѣть мѣсто, и имѣетъ ли оно мѣсто въ современной Франціи?

Отвѣтъ на эти вопросы долженъ быть данъ такой: монархическаго поворота среди французской буржуазіи пока еще нѣтъ, но часть роялистовъ разсчитываетъ на него, и надѣется, что онъ по необходимости произойдетъ. И должно признать, что надежды эти не принадлежатъ къ категоріи безсмысленныхъ мечтаній. Роялистскія надежды основываются въ данномъ случаѣ на томъ дѣйствительно давно небываломъ согласіи, которое царитъ въ парламентѣ и въ странѣ между республиканскимъ центромъ и монархистами по цѣлому ряду вопросовъ. Республика идетъ направо—говорятъ монархисты; она возвращается къ правильнымъ понятіямъ; еще шагъ, еще шагъ и еще шагъ—и она будетъ съ нами. И когда смотришь на палату депутатовъ въ отвѣтственные дни, вотирующую по отвѣтственнымъ вопросамъ, и видишь демаркаціонную линію, разбивающую ее на лѣвое меньшинство и правое большинство, то получаешь ощущеніе—можетъ-быть обманчивое, но очень опредѣленное,—основательности этихъ разсчетовъ. Дѣйствительно, соціальнымъ консерваторамъ нуженъ только одинъ-другой шагъ, чтобы стать политическими реакціонерами.

Если отъ парламента мы перейдемъ къ прессѣ, то прежде всего насъ поразитъ тотъ фактъ, что республиканская министеріальная печать—

„La petite République“, „L'action“, консервативная—„Temps“, „Débats“, République Française“, серьезная роялистская — „Gaulois“ „Soleil“—совершенно согласны по цѣлому ряду важнѣйшихъ внутреннихъ вопросовъ и стоятъ всецѣло на сторонѣ политики d'apaisement и борьбы съ пролетаріатомъ. Это единеніе органовъ правительственной и правой печати не случайно: оно обусловлено общностью соціальныхъ и экономическихъ интересовъ владѣющихъ классовъ, требующихъ политики „соціальной защиты“ и поддержанія порядка, порядка и прежде всего порядка. Существуетъ, такимъ образомъ, почва, на которой затихаетъ политическая вражда; существуютъ интересы, во имя которыхъ даже самъ претендентъ, герцогъ Орлеанскій, увидѣлъ себя вынужденнымъ оффиціально выразить одобреніе Бріану и его министерству, а конфиденціально—приказать роялистскимъ комитетамъ дружелюбную тактику по отношенію къ нему. Если Бріанъ, проповѣдуя принципъ умиротворенія, протянулъ руку направо—герцогъ Орлеанскій этимъ приказомъ протянулъ ему руку справа. Правда, пожатія не произошло еще; правда, оно, можетъ-быть, и не произойдетъ. Но надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что французская буржуазная душа переживаетъ политическое настроеніе, глубоко отличное отъ того, когда буржуазія и пролетаріатъ стояли плечо къ плечу въ борьбѣ съ общимъ врагомъ—роялизмомъ.

Конечно, отсюда до массоваго перехода буржуазіи въ лагерь роялистовъ еще очень и очень далеко. Во французской буржуазіи успѣла образоваться республиканская и свѣтская, антиклерикальная традиція; тысяча личныхъ интересовъ связываетъ ее съ существующимъ строемъ, и всего менѣе нужны ей всякія „потрясенія“—а вѣдь переходъ отъ одной государственной формы къ другой является всегда глубокимъ потрясеніемъ. Инстинктивно и сознательно буржуазія будетъ, поэтому, упорно держаться за республику. Особенно будутъ держаться за нее политическіе руководители, лично связанные съ нею долгой правительственной карьерой. Но соціальная борьба можетъ загнать буржуазію въ тупикъ,—и если къ тому времени демаркаціонная линія, раздѣляющая консервативную буржуазію отъ роялистской партіи, будетъ стерта, для послѣдней открываются различныя возможности. Напр. государственный переворотъ? Чтобы онъ удался, или *за него* должны высказаться крупныя общественныя силы; или же не должно быть крупныхъ общественныхъ силъ *противъ него*. Сильная, прогрессирующая, спокойная за завтрашній день, республиканская буржуазія должна быть противъ реставраціи. Но буржуазія деморализированная, озабоченная прежде всего спасеніемъ своихъ соціальныхъ и экономическихъ привилегій, привыкшая идти въ соціальной борьбѣ рука объ

руку съ защитниками монархіи, — можетъ оказать реставраціонному перевороту только слабое сопротивленіе.

И вотъ, на это обстоятельство и разсчитываютъ роялисты.

„Республика—и глубокая, все проникающая и все растущая анархія скоро станутъ синонимами", пишетъ Шарль Дюпьи въ „Soleil". „Скоро это будетъ ясно всякому трезвому и непредубѣжденному уму. И такъ какъ въ состояніи анархіи общество долго жить не можетъ, то въ общественномъ сознаніи необходимо наступитъ поворотъ въ пользу иной государственной формы, способной утвердить порядокъ, моральную дисциплину и соціальный миръ".

Для консервативнаго публициста такой формой естественно можетъ служить только монархія—и вотъ почему время соціальной смуты во Франціи является и временемъ оживленія роялистскихъ надеждъ.

Роялистскія надежды ожили во Франціи, какъ только руководящіе роялистскіе круги ощутили подъемъ соціально-консервативной волны. Соціальная борьба и соціальная реакція—вотъ та мутная вода, въ которой они разсчитываютъ поймать свою рыбу. Чѣмъ жарче будетъ буржуазно-пролетарская схватка, чѣмъ больше будетъ совершено „нелегальностей" и ложныхъ шаговъ, чѣмъ безнадежнѣе запутается положеніе, тѣмъ лучше для нихъ. Но чтобы выиграть ставку, недостаточно разсчитывать на объективный ходъ вещей и на чужую глупость. Нужно опредѣлить свое поведеніе, умно разсчитать его и планомѣрно осуществить. Нужно заручиться друзьями повсюду, чтобы было на кого опереться въ рѣшительный день. Это—трудная и сложная задача.

До послѣдняго времени, до возникновенія консервативнаго теченія среди правящей буржуазіи, тактика роялистской партіи была проста и логически вытекала изъ положенія неотвѣтственной и безнадежной оппозиціи. На всякій случай роялисты агитировали среди соціальныхъ низовъ, доказывая, что „le roi", представитель національныхъ интересовъ и высшей справедливости, явится лучшимъ суперъ-арбитромъ въ спорѣ труда и капитала; но эта агитаціонная работа роялистскихъ организацій не была ни интенсивна, ни широка. Живая энергія роялистской арміи направлялась въ другое русло—въ сторону патріотическихъ манифестацій, шумныхъ и поражающихъ внѣшнія чувства демонстрацій и, наконецъ, скандаловъ. Центромъ роялистской практической работы стала организація „L'action Française", съ печатнымъ органомъ того же названія и организованными роялистскими боевыми дружинами—отрядами такъ называемыхъ „Camelots du roi". Эти са-

melots составляли главную массу толпы, которая, съ знаменами, вѣнками и эмблемами короля, окружала въ соотвѣтственные дни памятники Жанны Даркъ; они же ежегодно устраивали демонстративные скандалы на могилѣ Сиветона, націоналистскаго депутата Парижа, „затравленнаго республиканцами“; они періодически били окна въ конфискованныхъ домахъ конгрегацій, обращенныхъ въ зданія присутственныхъ мѣстъ; они, наконецъ, организовали избіеніе двухъ президентовъ республики, Лубэ и Фальера; ихъ членомъ былъ Грегори, выстрѣломъ въ Гастона Дрейфуса протестовавшій противъ перенесенія въ Пантеонъ праха „дрейфусара“ Зола.

Эта „тактика скандаловъ“ краснорѣчивѣе всякихъ иныхъ аргументовъ свидѣтельствовала о слабости роялизма, объ отсутствіи у него серьезныхъ надеждъ и серьезнаго плана дѣйствій. Почва уходила у роялистовъ изъ-подъ ногъ, не на что было разсчитывать, и оставалось скандалить, срывать злобу и громко кричать, чтобы хотя крикомъ нарушить окутывавшую ихъ тишину забвенія. Въ теченіе ряда лѣтъ эта тактика втихомолку одобрялась и претендентомъ, и его политическимъ бюро, такъ какъ ее удобно можно было объявлять самостоятельнымъ выраженіемъ оскорбленныхъ роялистскихъ чувствъ людей, не получающихъ тактическихъ инструкцій ни отъ претендента, ни отъ его оффиціальныхъ представителей. А разъ ни Филиппъ Орлеанскій, ни графъ Лярегль, управляющій его политическимъ бюро, не несли даже моральной отвѣтственности за разбитый цилиндръ президента республики, то нечего было и вмѣшиваться въ патріотически-скандалезную кампанію, которую вели camelots, или препятствовать ей.

Но когда началось „умиротвореніе“ и когда опредѣленно сказалось перемѣщеніе республиканскаго центра направо, роялистскіе политики задумались. Въ моемъ распоряженіи нѣтъ текста тѣхъ инструкцій, которыя политическое бюро претендента разослало роялистскимъ комитетамъ, нѣтъ точныхъ свѣдѣній о выработанномъ въ антуражѣ претендента планѣ кампаніи. Тѣмъ не менѣе, на основаніи фактовъ и газетной полемики въ роялистской прессѣ, можно установить основныя черты новой роялистской политики. Это—сближеніе съ консервативной буржуазіей, поддержка кабинета Бріана и прирученіе самого Бріана.

Поворотъ этотъ былъ принятъ къ исполненію не сразу, не всѣми французскими роялистами и, наконецъ, не во всѣхъ пунктахъ. Въ критическіе для министерства Бріана дни интерпелляціи по поводу желѣзнодорожной стачки и по поводу обновленія его министерства правая дѣйствовала не единодушно, вотумы ея разбивались, и нѣкоторые роялисты, напр. Делягэ, выступали очень рѣшительно противъ Бріана, притомъ въ крайне оскорбительной для него формѣ.

— Президентъ совѣта министровъ—профессіональный измѣнникъ,—говорилъ съ каѳедры въ очень короткой и очень эффектной по манерѣ рѣчи Делягэ.—Онъ измѣнилъ всѣмъ партіямъ, къ которымъ принадлежалъ, и нанесъ всѣмъ имъ тяжелый ущербъ. Не думайте, чтобы поддержка этого господина могла принести вамъ (онъ обращается къ правой) какую-либо пользу. Онъ обманетъ васъ и измѣнитъ вамъ, какъ дѣлалъ это всегда и по отношенію ко всѣмъ. Что до меня касается—я голосую противъ него, какъ противъ профессіональнаго измѣнника.—

Тѣмъ не менѣе большинство правой поддержало Бріана въ самый трудный для него моментъ.

Кромѣ публичныхъ связей и оффиціальныхъ выступленій, есть еще сфера частныхъ сношеній и вліяній, въ которыхъ роялистскіе круги болѣе испытаны и болѣе сильны.—„Претенденты рыщутъ теперь вокругъ предсѣдателя совѣта министровъ: это не секретъ ни для кого“,—пишетъ извѣстный соціалистическій депутатъ и публицистъ, Алларъ. Чего они хотятъ этимъ достигнуть? Но развѣ въ свое время свѣтскими, гостинными связями роялистамъ не удалось опутать сантиментальнаго и легкомысленнаго Буланже? Герцогиня Д'Юзесъ, ея чары и деньги, ловкость Артура Мейера, редактора „Gaulois“, сдѣлали въ свое время радикальнаго республиканскаго генерала орудіемъ роялистовъ. Почему бы не примѣнить тотъ же способъ дѣйствій по отношенію къ Бріану? Бріанъ, конечно, человѣкъ другого, болѣе жесткаго закала, чѣмъ Буланже. Но тѣмъ болѣе заманчиво его обращеніе. И въ Парижѣ говорятъ, что надъ этимъ „обращеніемъ“ усердно трудятся въ настоящее время тотъ же Артуръ Мейеръ и тѣ же великосвѣтскія гостиныя. Любопытно, что фактъ этотъ вынесенъ на свѣтъ оппозиціонной роялистской прессой,—той прессой, которая не подчинилась новымъ директивамъ претендента.

„L'Action Française“ и руководящій комитетъ „des Camelots du roi“ не одобряютъ политики дружелюбнаго перемирія. Послѣ долгой борьбы въ роялистскомъ центрѣ, они подняли знамя независимости и объявили себя непримиримыми и послѣдовательными противниками не только республики, но и всякаго республиканскаго правительства, въ томъ числѣ и правительства Бріана. Они высказались за сохраненіе старой тактики, и, приводя это постановленіе въ исполненіе, Лягардъ, camelot du roi, далъ Бріану пощечину во время открытія памятника Жюлю Ферри.

Ударъ этотъ не только явился актомъ неповиновенія „королю“ и указанной имъ системѣ дѣйствій: онъ разрушилъ всѣ разсчеты роялистскихъ руководителей. Графъ Лярегль, глава политическаго бюро претендента, обрушился, поэтому, на диссидентовъ всею силой своего

авторитета — но встрѣтилъ очень упорное сопротивленіе. „L'Action Française“ избрала Лакура, ударившаго Бріана, вице-президентомъ организаціи Camelots du roi—„Королевскихъ молодцовъ“, открыла во всѣхъ роялистскихъ комитетахъ, въ которыхъ у нея оказалось довольно много сторонниковъ, „національную подписку“ въ пользу Лакура, собравшую въ нѣсколько дней свыше 10.000 фр., и, наконецъ, начала противъ гр. Лярегля и всего политическаго бюро герцога Орлеанскаго самую ожесточенную кампанію на страницахъ своей газеты. Она обвиняла Лярегля, „жида Артура Мейера“ и ближайшихъ совѣтниковъ претендента въ томъ, что они „обманули короля“, сообщили ему невѣрныя свѣдѣнія относительно положенія страны, вслѣдствіе чего и были приняты „королемъ“, утратившимъ въ долголѣтнемъ изгнаніи непосредственное знаніе французскихъ дѣлъ, пагубныя для дѣлъ монархіи рѣшенія.

Эти нападки, грубыя по формѣ и непочтительныя по содержанію, побудили герцога Орлеанскаго выступить съ письмомъ на имя гр. Лярегля, опубликованнымъ всей французской прессой. Выражая своему политическому представителю полное довѣріе и расположеніе, герцогъ Орлеанскій заявляетъ, что его политическое бюро руководствовалось всегда распоряженіями и инструкціями, данными непосредственно имъ, герцогомъ. Онъ объявляетъ, поэтому, выступленія „l'Action Française“ противъ его оффиціальныхъ представителей актами неповиновенія и бунта, безусловно нетерпимыми. Признавая старыя заслуги организаціи, онъ выражаетъ надежду, что въ будущемъ она будетъ сообразовать свои дѣйствія съ его взглядами и желаніями и не заставитъ его прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ воздѣйствія.

„L'Action Française“ обманула, однако, надежды герцога Орлеанскаго. Въ отвѣтъ на его письмо она только усилила свои нападки и на политическое бюро, и на „новый курсъ“, и вынудила „короля“ оффиціально отлучить „аксіонистовъ“, прервать съ ними сношенія и смѣстить сочувствующихъ имъ предсѣдателей роялистскихъ комитетовъ.

Роялистскій лагерь, такимъ образомъ, въ полномъ расколѣ. И республиканская печать, констатируя то состояніе анархіи, въ которомъ онъ находится, остроумно замѣчаетъ: „кто повѣритъ, глядя на эту анархію въ партіи, что возвратъ короля въ страну внесетъ въ нее согласіе, моральную дисциплину и порядокъ?“ Не надо, однако, преувеличивать значенія этой анархіи. Она возникла вслѣдствіе крутого перелома въ роялистской тактикѣ, совершеннаго политическими руководителями роялизма. Совершенно естественно, что наиболѣе буйная часть партіи, привыкшая къ самочиннымъ, добровольческимъ дѣйствіямъ, роялистская вольница, не смогла и не захотѣла остановить своего разбѣга. Пройдетъ немного времени — и если „новый курсъ“

окажется цѣлесообразнымъ, „l'Action Française“ подчинится, и все придетъ въ добрый порядокъ.

Въ моихъ глазахъ эта „анархія“ въ роялистскомъ лагерѣ является показателемъ не распада партіи, а кризиса, переживаемаго ею и параллельнаго кризису, переживаемому буржуазной республикой. Этотъ общій кризисъ вызываетъ перераспредѣленіе политическихъ силъ, образованіе новыхъ политическихъ группировокъ, перемѣну въ тактическихъ пріемахъ. Конечно, всѣ эти перемѣны и перемѣщенія не могутъ совершаться гладко, безъ тренія и сопротивленія. Но существенны не эти тренія, а самыя перемѣны. И между ними главная—сближеніе роялистовъ-консерваторовъ съ консерваторами-республиканцами. Изъ него естественно вытекаетъ стремленіе роялистскихъ политиковъ замѣнить открыто-враждебныя дѣйствія лукавой интригой, цѣль которой—оплести „министерство соціальной защиты“ роялистскою паутиной.

Сближеніе роялистовъ-консерваторовъ съ консерваторами-республиканцами не уничтожаетъ, однако, глубокаго различія въ ихъ положеніи. Въ то время какъ республиканцы заботятся лишь о „соціальной защитѣ“, объ обузданіи революціоннаго пролетаріата, роялисты преслѣдуютъ и другую, существенно-отличную задачу: возстановленіе монархіи. Ихъ отношеніе къ соціальнымъ низамъ, къ „народу“, безъ извѣстнаго сочувствія котораго если и можно произвести переворотъ, то нельзя долго пользоваться его результатами,—значительно отличается, поэтому, отъ отношенія консервативныхъ республиканцевъ.

Въ то время какъ республиканская буржуазія ведетъ ожесточенную кампанію противъ „Всеобщей Конфедераціи Труда“, противъ синдикальнаго и стачечнаго права, стремясь по возможности урѣзать его; въ то время какъ, въ цѣляхъ сопротивленія требованіямъ пролетаріата, республиканская буржуазія усиленно организуется въ патрональные синдикаты и общества соціальной защиты, — роялистскіе политики идутъ другими путями. Имъ невыгодно прослыть врагами рабочаго класса. Имъ нужно внушить рабочимъ массамъ мысль, что король—не врагъ пролетаріата, не „сторона“ въ соціальномъ спорѣ, а единственный безпристрастный суперъ-арбитръ, общій другъ и примиритель, и притомъ другъ, настроенный прогрессивно и не склонный отнимать у „народа“ пріобрѣтенныя имъ права и тѣ свободы, за которыя народъ такъ тяжело и такъ долго бился. Роялисты колеблются, поэтому, примкнуть къ противосиндикалистскому движенію и поддерживать министерство въ его дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ рабочаго класса. Пусть ограниченіе стачечнаго и синдикальнаго права пройдетъ помимо ихъ помощи и безъ ихъ участія—они будутъ

этому рады, какъ всему, что вгоняетъ лишній клинъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, всему, что обостряетъ соціальную борьбу; но вотировать за эти мѣры они, вѣроятно, не будутъ. Недавно Піу, католикъ и вождь „Action libérale“, изложилъ свои взгляды по этому вопросу. „Правительственный проектъ—заявилъ онъ—отнимаетъ право стачки въ предпріятіяхъ общественнаго значенія и въ предпріятіяхъ государственныхъ. Но что такое предпріятія общественнаго значенія? Сегодня думаютъ, что это — желѣзныя дороги; завтра, въ случаѣ упорной и распространенной стачки углекоповъ, принуждены будутъ убѣдиться, что угольная промышленность есть предпріятіе общественнаго значенія. При той тѣсной связи, которая существуетъ въ современномъ обществѣ между всѣми видами производства, весьма легко будетъ включать одну область промышленности за другой въ разрядъ общественно-важныхъ предпріятій. Вступивъ на путь ограниченія въ этихъ предпріятіяхъ стачечнаго права, мы дойдемъ, такимъ образомъ, до отнятія этого права у большинства рабочихъ. Но стачка есть въ концѣ концовъ единственное средство ихъ борьбы. И лишать его рабочую массу я не считаю ни правильнымъ, ни цѣлесообразнымъ. Проектируемые законы имѣютъ въ виду, далѣе, предпріятія государственныя. При существующей тенденціи государства расширять область своего хозяйства, стачечныя ограниченія грозятъ распространиться на все новыя категоріи рабочихъ. Ограниченія сдѣлаются, такимъ образомъ, не исключеніемъ, а правиломъ. Не проще ли тогда совсѣмъ отмѣнить рабочее законодательство? На это, однако, не рѣшатся. Что касается до насъ, то мы не считаемъ удобнымъ отмѣнять въ жизни институтъ, сохраняемый на бумагѣ. Чѣмъ, далѣе, хотятъ возмѣстить потерю права стачки? Необязательнымъ арбитражемъ, рѣшенія котораго, если они возлагаютъ новые расходы на государство или компаніи, должны получать санкцію парламента. Но это будутъ арбитражныя рѣшенія, выгодныя для рабочихъ. Рѣшенія невыгодныя для нихъ—т.-е. постановленія по спорамъ, въ которыхъ рабочимъ будетъ отказано, — дальше арбитражныхъ коммиссій не пойдутъ. Отказано—и отказано. Тѣ же постановленія, въ которыхъ удовлетвореніе рабочихъ требованій будетъ имѣть послѣдствіемъ новые расходы со стороны компаній, будутъ подвергнуты баллотировкѣ въ палатахъ и могутъ, изъ финансовыхъ соображеній, провалиться въ нихъ. Очевидно, что такой порядокъ невыгоденъ для рабочаго класса и несправедливъ“.

Очень основательная и очень своевременная критика. Она дастъ возможность парламентской правой повсемѣстно выступать въ качествѣ защитницы рабочаго класса. Дѣятельности же палаты она не затормазитъ, такъ какъ за антирабочее законодательство въ парла-

ментѣ составится достаточное большинство и помимо роялистскихъ голосовъ.

Но парламентская трибуна—не единственная область воздѣйствія роялистовъ на рабочія массы. Въ ихъ распоряженіи имѣются еще пресса, собранія и всѣ иные виды агитаціи. Ограничиться здѣсь одной голой и скудной мыслью, что „король“ есть единственный безпристрастный судья въ соціальныхъ столкновеніяхъ—нельзя. Чтобы дѣйствовать на рабочую массу, надо имѣть связное соціальное міровоззрѣніе; чтобы бороться съ соціалистической и революціонно-синдикалистской идеей, надо противопоставить ей другую идею — притомъ идею, не лишенную популярности и традиціоннаго очарованія. Роялистскіе круги нашли эту идею въ прудонизмѣ! Правда, Прудонъ подвергся при этомъ своеобразной и основательной обработкѣ. Отъ него отпало все, что въ его воззрѣніяхъ носило соціально-революціонный характеръ. Кое-что къ нему пристало — напр. жгучій антисемитизмъ. Получилось французское изданіе нѣмецкаго мѣщанскаго или христіанскаго соціализма, очень мирнаго, очень индивидуалистичнаго, противопарламентарнаго, замѣняющаго борьбу съ капитализмомъ борьбой съ еврейской финансовой знатью, поработившею и французскаго предпринимателя, крупнаго и мелкаго, и французскаго рабочаго.

Какъ ни уродливъ и убогъ этотъ роялистскій прудонизмъ, надо сказать, что онъ пользуется значительнымъ успѣхомъ среди большого числа парижскихъ мелкихъ хозяевъ, а отчасти и рабочихъ. Не даромъ же Парижъ посылаетъ въ палату 11 роялистовъ, націоналистовъ и имъ сродныхъ. Конечно, предѣлъ возможнаго вліянія роялистской агитаціи въ соціальныхъ низахъ, особенно среди рабочихъ, съ теченіемъ времени, при нормальныхъ условіяхъ, долженъ все съуживаться. По мѣрѣ того, какъ распространяется образованіе и формируется, въ соціальной борьбѣ, классовое самосознаніе пролетаріата, шансы ея успѣха въ соціальныхъ низахъ должны падать. Но распространеніе просвѣщенія и развитіе классоваго самосознанія — процессы медленные, требующіе для своего завершенія долгаго времени и многихъ условій. Вслѣдствіе массы сложныхъ и устойчивыхъ причинъ, Франція очень медленно развиваетъ свою крупную промышленность и остается страной, гдѣ мелкое, но зажиточное мѣщанство составляетъ чуть не большинство населенія. Въ этихъ условіяхъ соціалистическое и синдикалистское движеніе можетъ понести во Франціи еще не одно пораженіе—и каждое такое пораженіе на руку роялизму. Онъ ждетъ этихъ соціальныхъ столкновеній, безплодныхъ и безъисходныхъ, истощающихъ и утомляющихъ страну, но не дающихъ побѣды ни одной изъ сторонъ: ни дряхлѣющей буржуазіи, ни неокрѣпшему еще пролетаріату. Онъ ждетъ, что въ этой тяжелой борьбѣ растаютъ

свободолюбивыя и демократическія чувства буржуазіи и буржуазная республика утратитъ симпатіи рабочихъ массъ. Тогда явится въ лагерь утомленныхъ и разочарованныхъ бойцовъ, съ оливковой вѣтвью въ рукахъ, королевская идея. Буржуазіи она обѣщаетъ порядокъ, рабочимъ массамъ—заступничество. Всѣмъ гарантируетъ справедливый и благоволящій судъ. И повторитъ старую исторію о варягахъ, пришедшихъ княжить въ страну, гдѣ всего было много, и молока и меда, но не было одного—соціальнаго мира и порядка.

Такова роялистская мечта—мечта, покоящаяся на вѣрѣ въ безъисходность соціальнаго тупика и на возможности выловить рыбу въ мутной водѣ соціальной борьбы.

Въ этомъ новомъ завоеваніи Франціи монархическія партіи разсчитываютъ на помощь католической церкви—и не напрасно, такъ какъ въ борьбѣ съ духомъ новаго времени и демократической общественностью церковь и монархія идутъ повсемѣстно рука объ руку. Это—естественные союзники. Но велика ли та помощь, которую церковь можетъ оказать дѣлу роялизма? Религіозна ли Франція? Судя по тому, какъ мало общественнаго сопротивленія встрѣтили въ народныхъ массахъ и отдѣленіе церкви отъ государства, и изгнаніе конгрегацій, и конфискація церковныхъ имуществъ, надо заключить, что авторитетъ церкви во Франціи слабъ. О малой религіозности народныхъ массъ можно судить по полному почти отсутствію сектантскихъ движеній. Гдѣ народъ религіозенъ, но оффиціальная церковь въ упадкѣ, тамъ народная мысль и религіозное чувство идутъ путями внѣцерковныхъ религіозныхъ исканій; возникаютъ секты, въ маломъ видѣ повторяется великое реформаціонное движеніе. Мы наблюдаемъ это движеніе въ Россіи и въ англосаксонскихъ странахъ. Но напрасно стали бы мы искать чего-либо аналогичнаго во Франціи. И потому естественно заключить, что вѣрующее сердце француза засохло и очерствѣло. Религія во Франціи отмираетъ—такъ именно думаетъ большинство наблюдателей. Такъ думалъ первоначально и я. Но постепенно, знакомясь больше съ жизнью Франціи, я пришелъ къ заключенію, что выводъ этотъ нуждается въ рядѣ ограниченій. Да, авторитетъ церкви въ умаленіи, но представители ея усиленно борются за сохраненіе своего моральнаго вліянія, находятся въ постоянномъ коптактѣ съ населеніемъ, идутъ навстрѣчу многимъ его потребностямъ и часто пользуются уваженіемъ. Тысячелѣтніе институты, видимо, отмираютъ крайне медленно и имѣютъ множество рессурсовъ. Во-первыхъ, традицію. По традиціи, населеніе обращается къ церкви въ важнѣйшія минуты жизни. Церковное вѣнчаніе во Фран-

ціи излишне для законности брака. Почему же свыше 80% браковъ заключаются не только въ меріи, но и въ церкви? Гражданскія похороны — рѣдки. Въ установленные обычаемъ дни улицы Парижа пестрѣютъ бѣлыми платьями причастницъ. Традиція? Конечно. Но во всякой традиціи, во всякомъ пережиткѣ бьется и трепещетъ частица старой души.

Во-вторыхъ—филантропія, во всѣхъ ея видахъ. Она всегда была однимъ изъ рычаговъ, съ помощью которыхъ церковь создавала на Западѣ свое вліяніе. И теперь, въ періодъ новаго „гоненія на церковь", какъ любятъ говорить клерикалы, филантропія — одно изъ могущественнѣйшихъ ея орудій. Формы филантропіи разнообразны. Возьмемъ французскую деревню. Каждый хорошій кюрэ—а теперь, когда благополучіе кюрэ всецѣло зависитъ отъ расположенія прихожанъ, каждый священникъ старается быть „хорошимъ"—знаетъ въ лицо и по имени всякаго своего прихожанина. Ежемѣсячно онъ посѣщаетъ его на дому, дружелюбно бесѣдуетъ, входитъ въ его нужды и интересы, подаетъ совѣты, оказываетъ протекцію. Онъ—другъ, свѣтскій другъ, житейскій другъ. И у него, если онъ умѣетъ поставить дѣло какъ слѣдуетъ, образуется въ приходѣ много житейскихъ связей, которыя могутъ быть использованы, въ извѣстныя минуты, въ интересахъ церкви.

Вы знаете, что при изгнаніи конгрегацій, цѣлый рядъ религіозныхъ общинъ, занятыхъ преимущественно въ школахъ и больницахъ, получилъ разрѣшеніе продолжать свою филантропическую дѣятельность. И онѣ занимаются ею съ усердіемъ и стараніемъ. Неподалеку отъ меня есть, напр., школа „сестеръ". Посѣщаютъ ее почти исключительно дѣти бѣдныхъ родителей—и родители не нахвалятся обращеніемъ сестеръ, ихъ добрымъ вліяніемъ и заботливостью о дѣтяхъ.

— Я не дэвотка,—говорила мнѣ мать двухъ дѣвочекъ, посѣщающихъ школу.—Я не дэвотка, но я скажу: сестры хорошія, и государство поступаетъ нехорошо, преслѣдуя ордена и стѣсняя ихъ. И я отдала своихъ дѣтей сестрамъ, а не въ коммунальную школу. Я не браню коммунальную школу, она тоже хороша. Но вотъ, посудите. Въ коммунальной школѣ занятія кончаются въ четыре часа. Я занята. Я работаю. И дѣти послѣ четырехъ часовъ, выйдя изъ школы, отправляются на улицу. Чему они тамъ научатся? Я не могу нанимать имъ бонну, у меня нѣтъ въ домѣ старушки, чтобы присматривать за ними—и они остаются безъ присмотра. А на парижской улицѣ всему научишься. Тамъ столько же дурныхъ вліяній, сколько сора. Сестры же держатъ у себя дѣтей до семи часовъ. Все время наблюдаютъ за ними, бесѣдуютъ, чинятъ имъ платья, — дѣти такъ много рвутъ, не начинишься. А сестры заботятся и объ этомъ. Хо-

рошія онѣ, и я прямо говорю: парламентъ и правительство могутъ думать что̀ имъ угодно, а я люблю сестеръ, и все тутъ!

И моя собесѣдница подбоченивается здоровыми красными кулаками прачки, сверкаетъ глазами и вызывающе смотритъ не то на меня, не то на господъ парламентаріевъ и господъ министровъ.

Церковь не ограничивается, въ цѣляхъ закрѣпленія своего вліянія, благотворительностью и культурной дѣятельностью. Если нужно, если разсчетъ это подсказываетъ, она не боится даже колючей области соціальныхъ споровъ и иногда становится очень рѣшительно на сторону рабочихъ. Такъ напр., во время стачечнаго движенія ткачей сѣвера Франціи, въ началѣ прошлаго года, духовенство не только поддерживало, но организовало стачку. Такъ называемые „зеленые"—т.-е. католическіе—синдикаты, не только пристали сами къ движенію, но склонили даже „желтые" синдикаты на совмѣстное дѣйствіе съ соціалистическими. И стачка оказалась выигранной благодаря католическимъ организаціямъ, дѣйствовавшимъ съ благословенія епископа Камбрэ. Нужны были, конечно, особо важныя и рѣдко повторяющіяся причины, чтобы побудить духовенство, субсидируемое преимущественно католическими патронами, выступить въ качествѣ ихъ соціальныхъ противниковъ. Вообще отъ участія въ соціальной борьбѣ духовенство воздерживается; тѣмъ не менѣе, приведенный примѣръ свидѣтельствуетъ о гибкости церковной тактики, позволяющей ей пользоваться извѣстнымъ авторитетомъ и среди рабочихъ массъ.

При учетѣ той силы и того моральнаго вліянія, которыми религія и церковь пользуются въ современной Фррнціи, не надо игнорировать еще одной стороны. Какова бы ни была политическая и соціальная роль церкви въ эпоху ея расцвѣта и господства,—роль, вызвавшая къ жизни антиклерикальное движеніе,—теперь, когда порвалась связь церкви и государства, и она лишена всякаго политическаго вліянія и всякой возможности угнетать людей во имя догмъ или церковныхъ интересовъ,—яснѣе выступаетъ „идеальное лицо" церкви. Лишенная земной власти, она отчетливѣе выражаетъ христіанскую идею, а христіанская идея—идея братства во имя Бога и любви—не потеряла своей власти надъ людьми, и не потеряетъ, пока будутъ на землѣ „труждающіеся и обремененные". Съ большой ясностью удалось мнѣ наблюдать это явленіе въ довольно своеобразной обстановкѣ одного изъ „театровъ предмѣстій".

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ дѣлалъ свою артистическую tournée по Парижу одинъ, какъ мнѣ говорили, довольно извѣстный бретонскій народный пѣвецъ. Переходя изъ одного небольшого театра въ другой, онъ пѣлъ бретонскія пѣсни передъ населеніемъ всѣхъ рабочихъ кварталовъ Парижа, и въ театрѣ XIV-го округа, демократи-

ческаго и соціалистическаго, мнѣ и пришлось его слышать. Пѣсни красивыя, сантиментальныя и любовныя. Много мѣста отведено морю, часто трагической судьбѣ рыбаковъ, гибнущихъ въ бурѣ, и горю ихъ близкихъ. Пѣсни нравятся, тѣмъ болѣе, что пѣвецъ искусный и съ голосомъ. Но онъ потрясъ аудиторію и овладѣлъ ею, пропѣвъ ей пѣсню о добромъ кюрэ. Въ пѣснѣ разсказывается о томъ, какъ сытые буржуа гонятъ съ своего порога голоднаго человѣка. Если у тебя нѣтъ денегъ, всѣ двери закрыты для тебя. Умирай на дорогѣ, или броди отъ дома до дома, голодный, усталый, сожженный солнцемъ, все равно на просьбу о кускѣ хлѣба, о стаканѣ вина, о кровѣ, тебѣ отвѣтятъ сытые буржуа однимъ и тѣмъ же: ступай, бродягъ намъ не нужно.—Marche, marche toujours, chemineau!—Этимъ угрюмымъ refrain кончается каждый изъ куплетовъ пѣсни, въ которой описываются скитанія голоднаго и усталаго человѣка отъ двери до двери—пока случай не приводитъ его къ дверямъ церкви.

— Я голоденъ и усталъ, господинъ кюрэ,—говоритъ человѣкъ.—Ноги не держатъ меня, но нѣтъ у меня денегъ, и всѣ прогоняютъ меня. Я уже не смѣю просить—можетъ-быть и вы меня прогоните, какъ другіе?

— Какъ могу я прогнать васъ, — отвѣчаетъ кюрэ, — когда вы у себя. Здѣсь домъ Бога, общаго нашего Отца. Вы братъ мнѣ, и вы въ своемъ домѣ. Зайдите и отдохните. Вы голодны — вотъ для васъ пища. Жаждете? Пейте, вотъ молоко, и вино, и свѣжая ключевая вода. Пусть жизнь жестока: въ Божьемъ домѣ царствуетъ законъ любви между людьми-братьями.

— Наконецъ ты можешь отдохнуть, бѣдный странникъ. Наконецъ нашелъ ты порогъ, съ котораго не крикнули тебѣ подлое: marche, marche toujours, chemineau!

Таково содержаніе, наивное и сантиментальное, бретонской пѣсни, пропѣтой передъ скептической публикой парижскаго предмѣстья, тронутой всевозможными разрушительными идеями и теоріями. И всѣ эти разрушительныя теоріи не помѣшали ей отозваться сердцемъ на проповѣдь братства и любви во имя Бога и горячо апплодировать разсказу о добромъ кюрэ, служителѣ Бога и церкви. Пѣсню пѣли и повторяли; съ пѣвцомъ пѣла вся зала, пока не выучила мотивъ и слова,—и когда я вечеромъ уходилъ изъ театра, люди шедшіе со мной пѣли на улицѣ: „Marche, marche toujours, chemineau!“

Я не хочу утверждать, что мораль братства, равенства и любви есть именно та мораль, которая въ представленіи французовъ составляетъ основу реальной церкви. Но во время жестокихъ соціальныхъ стычекъ церковь, являющаяся въ свѣтѣ этихъ моральныхъ началъ, можетъ вліять на умы многихъ. Ее далеко, поэтому, нельзя считать

абсолютно ничтожнымъ факторомъ французской жизни, и помощь, ею оказываемая той или другой политической формѣ, можетъ имѣть значительный вѣсъ—по крайней мѣрѣ въ извѣстные историческіе моменты, когда умы шатаются и цѣнности переоцѣниваются. Если такой моментъ настанетъ въ жизни Франціи, весь авторитетъ церкви будетъ на сторонѣ роялизма.

Мы дали краткій обзоръ тѣхъ условій, отъ которыхъ роялисты ждутъ осуществленія своихъ надеждъ, тѣхъ силъ, которыми они располагаютъ, тѣхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ они разсчитываютъ, раньше или позже, свалить республику. Силы эти не Богъ знаетъ какъ велики, хотя и не ничтожны. Разсчеты во многомъ проблематичны, но и не совсѣмъ вздорны. Фактъ, что при обостреніи соціальной борьбы буржуазная республика можетъ сдѣлаться безразличной для однихъ и ненавистной для другихъ — учитывается ими вполнѣ правильно. Исторія Франціи дала вѣдь уже примѣръ крушенія второй республики, при полномъ равнодушіи къ ея судьбѣ не только буржуазіи и крестьянства, но и рабочихъ массъ, республиканскихъ по существу. Французская буржуазія заплатила 2-го декабря въ іюньскіе дни. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ разрывъ между буржуазіей и пролетаріатомъ и пораженіе послѣдняго убили республику. Почему же въ наши дни тѣ же факторы не могутъ привести къ тому же результату?

Отсюда, путемъ строго логическаго заключенія, мы приходимъ къ уясненію того хода событій, который одинъ только можетъ поставить республику во Франціи внѣ всякихъ реставраціонныхъ покушеній и внѣ возможности крушенія. Это — тотъ ходъ событій, который при обостреніи междуклассовой борьбы приведетъ къ побѣдѣ, полной или относительной, но все-таки побѣдѣ пролетаріата. Только пролетаріатъ, въ ряду всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ, всегда и всюду враждебенъ принципу королевской власти. Только молодая демократія, трудовая и эгалитарная, стремящаяся къ соціальной республикѣ, можетъ явиться дѣйствительной преградой всѣмъ реставраціоннымъ попыткамъ. Но для этого она должна быть сильна, должна торжествовать въ соціальной борьбѣ, а не находиться въ роли побѣжденнаго.

Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ писемъ моихъ я остановлюсь на учетѣ относительной силы строго демократическихъ и истинно республиканскихъ слоевъ современной Франціи. Къ сожалѣнію, учетъ этотъ труденъ и можетъ быть сдѣланъ не прямо, а лишь путемъ „косвенныхъ признаковъ“.

Бѣлоруссовъ.

ЧИЗУИКСКІЙ ПАРЛАМЕНТЪ

(Письмо изъ Лондона.)

I.

Трудно, кажется, найти болѣе тихій и болѣе „респектабельный“ кварталъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ я живу. Ни одной лавки или кабака, зато двѣ церкви. Во всѣ стороны расходятся тихія улицы, обстроенныя коттеджами, обвитыми плющемъ. И хотя зеленые горшки съ японскими папоротниками, подвѣшенные подъ навѣсами крыши, кажутся круглыми, выпученными глазами подъ полями шляпъ, что̀ придаетъ коттеджамъ вызывающій видъ,—въ домикахъ живутъ люди спокойные, респектабельные, поступающіе какъ всѣ и даже думающіе какъ всѣ. Изъ респектабельности джентльмены въ лоснящихся цилиндрахъ и дамы въ нарядныхъ шляпкахъ отправляются по воскресеньямъ въ церковь, прижимая къ груди толстые, вполнѣ респектабельные молитвенники съ золотымъ обрѣзомъ. Соблюдая респектабельность, люди говорятъ всегда ровнымъ голосомъ. Считается неприличнымъ ковырять руками воздухъ при разговорѣ или произносить съ подчеркиваніемъ какое-нибудь слово. Изъ одной респектабельности многія дамы нашего квартала принадлежатъ къ сектѣ Christian Science, основанной американкой Эдди, скончавшейся на дняхъ. Какъ не принадлежать къ Christian Science, если маркиза N и герцогиня X тоже тамъ! Моя сосѣдка, очень пожилая дама, мужъ которой — радикалъ, попросила у меня какой-нибудь французскій романъ. Я далъ ей одинъ изъ самыхъ трогательныхъ разсказовъ Гюи-де-Мопассана, „Yvette“. Въ тотъ же вечеръ книгу мнѣ принесъ обратно мужъ сосѣдки.

— My wife does not like the spicy french novels! (Жена моя не любитъ пряныхъ французскихъ романовъ) — объяснилъ мнѣ сосѣдъ. Я нѣсколько растерялся, когда сосѣдъ попросилъ для жены другую, „не пряную“ книгу. Послѣ долгихъ поисковъ я нашелъ у себя французскій переводъ романа Сенкевича: „Огнемъ и мечомъ“. Эту книгу моя сосѣдка нашла вполнѣ респектабельной.

И вотъ, теперь кто-то продѣлалъ надъ нашимъ тихимъ кварталомъ опытъ доктора Окса, о которомъ разсказалъ Жюль Вернъ. Неизвѣстный насытилъ воздухъ нашего квартала „выборнымъ кислородомъ“—и въ результатѣ спокойные, респектабельные люди охвачены пароксизмомъ „политическаго бѣшенства“. Люди, живущіе въ обвитыхъ плющемъ коттеджахъ, привыкли считать своихъ сосѣдей, за которыми не знаютъ ничего худого, вполнѣ респектабельными. Теперь

„картоны“ и плакаты, выставленные въ окнахъ, увѣряютъ, что рядомъ живутъ заговорщики, посягающіе на корону, разрушители имперіи, церкви, собственности, семьи и не знаю ужъ чего еще. Въ окнѣ нашего аптекаря, удивительно напоминающаго провизора Bé-zuquet въ романѣ Додэ: „Tartarin de Tarascon“, я вижу „картонъ“, изображающій громаднаго павіана, схватившаго за горло Британію. У бѣдной дѣвицы вывалились изъ рукъ трезубецъ и щитъ. Она несомнѣнно погибнетъ въ объятіяхъ павіана (соціализмъ—значится на немъ), если ее не спасутъ вѣрные консерваторы, подавъ голосъ противъ либераловъ. Въ окнѣ слѣдующаго коттеджа я вижу рисунокъ, изображающій пороховой заговоръ. Въ подвалъ подъ палату лордовъ вкачено нѣсколько бочекъ пороха, съ надписью на нихъ: „революція“. Гай-Фоксъ (Ллойдъ-Джорджъ) готовъ швырнуть горящій факелъ въ пороховыя бочки. „Нашъ король—Георгъ V. Король радикаловъ—Редмондъ. За кѣмъ вы пойдете?“—значится въ окнѣ другого коттеджа. Такимъ образомъ, мой сосѣдъ, идущій въ церковь съ респектабельнымъ молитвенникомъ, находящій „Yvette“ предосудительнымъ чтеніемъ для дамы съ сѣдыми волосами, оказывается соучастникомъ новаго „Гай-Фокса“ (обычно о немъ тори отзываются, какъ о „проклятомъ маленькомъ валлійцѣ“) и чуть ли не государственнымъ измѣнникомъ. Въ окнѣ сосѣда я вижу такой рисунокъ. На ладони великана сидитъ дрожащій отъ страха лордъ въ коронѣ и горностаевой мантіи. Другая ладонь великана сжата въ кулакъ. Великанъ изображаетъ англійскую демократію. Подпись приглашаетъ великана опустить кулакъ и покончить съ наслѣдственнымъ законодателемъ. Черезъ двѣ двери живетъ опять либералъ. Въ окнѣ его коттеджа я вижу плакатъ съ такою надписью: „Хотите ли вы, чтобы вами управляла палата лордовъ, или вы предпочитаете быть сами себѣ хозяевами?“ А вотъ „картонъ“, намекающій на реформы, которыя поспѣшно приняли лорды по предложенію Розбери. Полицейскій инспекторъ (Асквитъ) явился къ дверямъ дома (палата лордовъ), чтобы арестовать находящихся тамъ. Одинъ изъ хозяевъ (Розбери) отперъ двери и говоритъ: „Не спѣшите, инспекторъ. Я убѣждаю ихъ теперь, чтобы они исправились немного (to reform themselves a bit). Повидимому, они сокрушаются о своемъ прошломъ поведеніи“. „Очень жаль, my lord,—отвѣчаетъ инспекторъ,—но теперь ужъ поздно исправляться. Они могутъ исправиться, когда я ихъ поведу за собой“.

А сцены ночью! У насъ въ обычное время всѣ спятъ уже въ одиннадцать часовъ. Теперь въ полночь всегда можно застать большую толпу на ближайшей къ нашему кварталу торговой улицѣ. У отдѣленія консервативнаго клуба, подъ проливнымъ дождемъ, стоятъ часами мужчины и женщины, терпѣливо дожидаясь, пока на экранѣ

не появятся результаты выборовъ, происходящихъ въ провинціи и Лондонѣ. И тутъ я убѣждаюсь, что респектабельные джентльмены, считающіе въ обычное время неприличнымъ говорить громко, умѣютъ кричать „ура!“. Могутъ затянуть величальную пѣсню: „Онъ добрый, славный малый!“ Они отлично также умѣютъ улюлюкать и кричать: „бу-у-у!“—когда экранъ показываетъ, что побѣждаетъ другая партія. Въ груди толпы, дожидающейся ночью результатовъ выборовъ, накопилось такъ много политическихъ извѣстій, что они не могутъ быть выражены однимъ только крикомъ. На помощь легкимъ являются руки, которыя извлекаютъ изъ трещотокъ, колокольчиковъ, автомобильныхъ рожковъ и сковородъ дикіе звуки.

Меня удивляетъ не это перерожденіе спокойныхъ, респектабельныхъ людей XX-го вѣка въ ликующихъ или проклинающихъ пиктовъ. Я наблюдаю въ Англіи вотъ уже четвертые выборы. Занимаетъ меня любопытная переоцѣнка политическихъ цѣнностей, которая происходитъ на моихъ глазахъ. Въ самомъ дѣлѣ: тори всегда боялись демократіи и не довѣряли ей. Они упорно возставали, поэтому, противъ биллей о реформѣ 1832-го и 1867-го годовъ. Каждый разъ консерваторамъ казалось, что Англія, расширяя политическія права массъ, дѣлаетъ прыжокъ въ темное пространство, прыжокъ къ революціи. Консерваторы возставали противъ гладстоновскаго билля о распространеніи избирательныхъ правъ на сельскихъ работниковъ. Всего только недавно лорды отвергли билль о множественныхъ голосахъ. И вдругъ теперь консервативная партія въ первую голову выдвигаетъ такую ультра-революціонную мѣру, какъ референдумъ! Лорды, прославившіеся своимъ консерватизмомъ, говорятъ о суверенитетѣ народа. Я встрѣчаю консерваторовъ, доказывающихъ мнѣ, что Англія непремѣнно погибнетъ, если у власти станутъ радикалы, такъ какъ они немедленно внесутъ законъ объ уничтоженіи veto лордовъ. И меня забавляетъ, когда я слышу, какъ мои собесѣдники разсуждаютъ о референдумѣ, какъ о мѣрѣ, „всегда рекомендовавшейся консерваторами“. Надышавшись воздухомъ, насыщеннымъ „предвыборнымъ кислородомъ“, мои знакомые говорятъ только о гибели Англіи. Радикалы увѣряютъ, что Соединенное королевство погибнетъ, если у власти станутъ консерваторы. Юніонисты доказываютъ мнѣ, что Британія не будетъ больше властвовать надъ морями, какъ поется въ гордомъ гимнѣ, если побѣдятъ радикалы. Я доподлинно знаю, что это лишь façon de parler; но я радъ, что воздухъ начинаетъ очищаться отъ „выборнаго кислорода“ и что нашъ мирный кварталъ снова возвращается къ прежней жизни. Объ этомъ мнѣ говоритъ слѣдующее полученное печатное приглашеніе, первое со времени начала выборовъ. „Чизуикскій парламентъ. Первая сессія. Девятое засѣданіе. Поря-

докъ дня: Гомруль для Ирландіи. Билль внесенъ первымъ министромъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ земствъ и муниципалитетовъ. Секретарь палаты—Уильямъ Тригсъ".

Хотя въ приглашеніи упоминаются три министра, но дѣло идетъ не о палатѣ общинъ, а объ обывательскомъ парламентѣ нашего избирательнаго округа Chiswick—одномъ изъ шестидесяти двухъ „парламентовъ" подобнаго рода, существующихъ въ Лондонѣ. Объ этихъ обывательскихъ парламентахъ, пріучающихъ населеніе думать о политическихъ и соціальныхъ вопросахъ, у насъ, кажется, не писали еще. Мнѣ кажется, поэтому, что читателю будетъ интересно познакомиться съ однимъ такимъ парламентомъ. Нашъ избирательный округъ представляетъ собою одну изъ самоуправляющихся муниципальныхъ ячеекъ той федераціи, которой имя—Лондонъ. Избирателями являются мужчины и женщины; но тѣмъ не менѣе у насъ существуетъ еще „Общество обывателей", издающее свой еженедѣльный журналъ подъ нѣсколько страннымъ названіемъ: „Желудь" (The Acorn). Подзаголовокъ гласитъ, что „Желудь" является „оффиціальнымъ органомъ „Общества обывателей, заинтересованныхъ общественнымъ благоденствіемъ". „Общество" и журналъ интересуются только муниципальными вопросами. Тамъ помѣщаются статьи объ электрическомъ освѣщеніи, подъ заголовкомъ: „Пробудитесь, обыватели Чизуика". Но кромѣ вопросовъ муниципальныхъ есть еще политическіе вопросы. И для ознакомленія съ ними возникъ „Чизуикскій парламентъ". Возникъ онъ очень просто: поговорили знакомые между собою, собрались потомъ вмѣстѣ, составили уставъ и обнародовали въ нашей мѣстной газетѣ: „Chiswick Times". Изъ 808-го номера этой газеты (за 14-е октября) я узналъ, что у насъ открылся „парламентъ". „Въ прошлый вторникъ,—значилось въ замѣткѣ, — открылся Чизуикскій парламентъ. Принимая во вниманіе проливной дождь, надо признать, что открытіе привлекло многочисленную публику. Засѣданіе съ самаго начала приняло совершенно дѣловой характеръ. Члены парламента выбрали министровъ и намѣтились политическія партіи. Покуда всѣхъ членовъ около пятидесяти, что для начала очень хорошо. Такъ какъ большинство членовъ оказалось соціалистами, то они сформировали министерство. Это обстоятельство крайне изумило насъ, такъ какъ мы не ожидали, что въ консервативномъ Чизуикѣ соціалисты могутъ оказаться въ большинствѣ. Засѣданія будутъ, повидимому, очень интересны, если судить по первой же рѣчи, произнесенной по вопросу о томъ, допускать ли женщинъ въ члены парламента или нѣтъ. Вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно. Такимъ образомъ женщины могутъ засѣдать въ Чизуикскомъ парламентѣ, покуда, конечно, не падетъ министерство и не станетъ у власти партія, которая отниметъ у нихъ политическія права".

Замѣтка заинтересовала меня. Я навелъ справки о парламентѣ у знакомаго, и оказалось, что я случайно обратился къ the right man, къ самому „первому министру". О немъ надо сказать нѣсколько словъ. Мой знакомый, Херстъ — англійскій чиновникъ, служащій въ министерствѣ финансовъ, соціалистъ по экономическимъ взглядамъ и членъ конгрегаціи „примитивныхъ католиковъ" по религіознымъ воззрѣніямъ. Херстъ—сынъ чиновника, состоявшаго на службѣ въ Индіи. Для службы въ Индіи Херстъ готовитъ своего старшаго сына, находящагося теперь въ Кембриджѣ. Мѣста на государственной службѣ въ Англіи открыты для всѣхъ, могущихъ сдать установленный экзаменъ. Отъ чиновниковъ индійской службы, кромѣ широкаго общаго образованія, требуется еще знаніе двухъ туземныхъ языковъ: „индустани" (т.-е. общаго языка для всей Индіи) и языка провинціи, гдѣ будетъ находиться чиновникъ. Такимъ образомъ, молодому Херсту предстоитъ много работы. Англія не понимаетъ, какимъ образомъ можно отправлять чиновника въ колонію, языка и обычаевъ которой онъ не знаетъ. Херстъ, какъ я сказалъ, соціалистъ; но до его воззрѣній правительству нѣтъ никакого дѣла, покуда онъ хорошо выполняетъ свою службу. Въ вопросахъ теоретическихъ, вѣроятно, средній русскій студентъ переспорилъ бы Херста; но за то онъ удивительно разработалъ вопросы чисто практическіе. Предложите ему, напр., вопросъ, какія соціалистическія реформы можно ввести немедленно, при нынѣшнемъ муниципальномъ механизмѣ. Васъ поразитъ, какъ тщательно продуманъ Херстомъ вопросъ, напр., о мѣстномъ обложеніи.

II.

Въ отвѣтъ на мой вопросъ о парламентѣ Херстъ прислалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ документовъ: „Уставъ Чизуикскаго парламента" (Constitution and standing order), „тронную рѣчь", произнесенную при открытіи палаты и нѣкоторые билли. Уставъ представляетъ собою книжечку въ 32°, на обложкѣ которой напечатаны фамиліи и адреса „спикера", „перваго министра", „секретаря палаты" и почетнаго казначея Чизуикскаго парламента.

„Общество называется Чизуикскимъ парламентомъ, — читаемъ мы въ уставѣ.—Управляется оно совѣтомъ, состоящимъ изъ спикера, товарища его, секретаря палаты, почетнаго казначея, вождей и „пикёровъ" (whips) трехъ главныхъ партій и представителей отъ другихъ независимыхъ партій, насчитывающихъ болѣе десяти сочленовъ. Пять членовъ образуютъ число, достаточное для открытія засѣданія (кворумъ). Предсѣдателемъ является первый министръ.

„Цѣлью общества является обсужденіе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ по правиламъ, принятымъ въ палатѣ общинъ.

„Общество состоитъ изъ членовъ, вносящихъ ежегодно по два шиллинга.

„Кандидаты заявляютъ о своемъ желаніи вступить въ общество „пикёрамъ“ или секретарю палаты. Имена кандидатовъ, съ указаніемъ адресовъ, избирательныхъ округовъ и политическихъ взглядовъ, должны быть выставлены на особой доскѣ въ парламентѣ за семь дней до избранія.

„Имена кандидатовъ, съ указаніемъ ихъ политическихъ взглядовъ, прочитываются потомъ на первомъ собраніи. Если предварительно не были поданы секретарю письменные протесты, кандидатъ считается выбраннымъ. Въ случаѣ протеста, поступившаго предварительно, право принятія члена принадлежитъ совѣту.

„Палата собирается по вторникамъ, отъ октября до апрѣля, въ Kensington House, Chiswick.

„Секретарь палаты ведетъ протоколы засѣданій и вноситъ въ особую книгу имя, адресъ и избирательный округъ каждаго избраннаго члена“.

Слова „и избирательный округъ“ вызовутъ, вѣроятно, нѣкоторое недоумѣніе. Помню тотъ вечеръ, когда „первый министръ“ привелъ меня въ парламентъ. Я занялъ мѣсто среди посторонникъ, но минутъ черезъ десять подошелъ ко мнѣ „министръ иностранныхъ дѣлъ“, тоже живущій въ нашемъ кварталѣ, художникъ средней руки, сынъ извѣстнаго въ свое время въ Англіи писателя, нѣмецкаго эмигранта сорокъ-восьмого года Карла Блинда. Эмигрантъ скончался въ глубокой старости. Сыну теперь тоже далеко за пятьдесятъ. Онъ родился въ Англіи и, тѣмъ не менѣе, нѣмецкій акцентъ сильно сказывается.

— Не хотите ли вступить въ наше общество?—предложилъ „министръ иностранныхъ дѣлъ“. За минуту до того я былъ очень далекъ отъ мысли вступить депутатомъ хотя бы въ Чизуикскій парламентъ. Такъ я и сказалъ „министру“. Но онъ убѣждалъ такъ краснорѣчиво, что я записалъ мое имя на печатномъ бланкѣ.

— Какой округъ вы выбираете?—спросилъ „министръ“. Каждый „депутатъ“ называетъ любой изъ англійскихъ, шотландскихъ, валлійскихъ или ирландскихъ округовъ, посылающихъ въ палату общинъ представителей. Я сказалъ „министру“, что по совѣсти могу считать себя представителемъ только моего коттеджа; но онъ — не избирательный округъ.

— Не хотите ли быть представителемъ отъ Манчестра?—спросилъ „министръ“.—У насъ еще нѣтъ никого. А то, знаете, выбирайте Bethnal Green (кварталъ въ восточномъ Лондонѣ). Тамъ много ва-

шихъ соотечественниковъ. Я могъ бы сказать, что „соотечественники" не уполномочивали меня, но послѣ нѣкотораго колебанія написалъ: Bethnal Green. Черезъ недѣлю первый министръ, произнося рѣчь, ссылался на факты, сообщенные „его другомъ, представителемъ отъ Bethnal Green".

Но я нѣсколько забѣжалъ впередъ. Въ числѣ документовъ, присланныхъ мнѣ „премьеромъ", была печатная „тронная рѣчь" и два законопроекта. „Тронная рѣчь", прочитанная при открытіи Чизуикскаго парламента 1-го ноября 1910-го года, гласитъ:

„Милорды, лэди и джентльмэны.

„Пользуюсь первымъ случаемъ обращенія къ вамъ, представители народа, для выраженія моей благодарности за трогательное сочувствіе, выраженное мнѣ и моей семьѣ по случаю кончины короля Эдуарда VII, моего возлюбленнаго родителя.

„Я глубоко тронутъ также соболѣзнованіемъ, выраженнымъ мнѣ и моей супругѣ по случаю кончины брата королевы, принца Фрэнсиса Тэкскаго.

„Моимъ искреннимъ желаніемъ является развитіе благоденствія имперіи. Отношенія нашего государства къ иностраннымъ державамъ, въ томъ числѣ и къ новому португальскому правительству, продолжаютъ быть дружественными.

„Я съ чувствомъ удовлетворенія привѣтствую союзъ нашихъ южноафриканскихъ колоній. Тамъ произошли выборы въ первый парламентъ, открытый моимъ возлюбленнымъ дядей герцогомъ Конаутскимъ, отъ моего имени.

„Я замѣчаю, что чувство недовольства экономическими условіями наблюдается среди рабочихъ всѣхъ странъ. Будутъ сдѣланы серьезныя усилія, дабы улучшить участь многочисленныхъ трудящихся массъ, живущихъ на этихъ островахъ.

„Такъ какъ широкое, планомѣрное соціальное законодательство невозможно при существованіи наслѣдственной верхней палаты, то въ парламентъ будетъ внесенъ проектъ измѣненія конституціи, въ тѣхъ видахъ, чтобы рѣшеніе народа имѣло верховную силу.

„Такъ какъ большинство совершеннолѣтняго населенія Соединеннаго королевства не имѣетъ избирательныхъ правъ, то въ парламентъ будетъ внесенъ билль объ избирательныхъ реформахъ. Онъ установляетъ жалованье членамъ парламента и муниципальнымъ совѣтникамъ, а также покрытіе избирательныхъ издержекъ.

„Приняты будутъ мѣры къ расширенію безплатнаго народнаго образованія.

„На ваше разсмотрѣніе поступятъ законопроекты о выкупѣ казной

желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, гаваней, а также нѣкоторыхъ угольныхъ и другихъ шахтъ.

„Внесено будетъ предложеніе, чтобы муниципалитеты могли начать, подъ контролемъ центральнаго правительства, любое предпріятіе, которое найдутъ необходимымъ. Въ силу этого предложенія муниципалитетамъ предоставлено будетъ право вступать, въ случаѣ необходимости, въ союзы и соглашеніе съ сосѣдними городами и графскими совѣтами.

„Въ парламентъ внесенъ будетъ билль, гарантирующій каждому работу, minimum заработной платы и здоровое жилище".

Затѣмъ послѣдовало, какъ во всякой тронной рѣчи, обращеніе только къ коммонерамъ. Въ немъ говорилось, что смѣта поступитъ въ свое время на разсмотрѣніе нижней палаты.

„Вполнѣ признавая тяжесть налоговъ, падающихъ на менѣе счастливыхъ представителей націи,—гласила дальше тронная рѣчь,—мои министры сформулируютъ проектъ, въ силу котораго казна будетъ получать болѣе справедливую часть того, что получаютъ теперь отдѣльные индивидуумы.

„Недовольство населенія Индіи будетъ смягчено болѣе дружественно расположенной къ нему администраціей, послѣдовательнымъ распространеніемъ системы самоуправленія, справедливыми судами и пересмотромъ постановленія о раздѣленіи Бенгальской провинціи.

„Жалобы и претензіи цвѣтнокожаго населенія колоній будутъ подвергнуты самому тщательному разсмотрѣнію.

„Соотвѣтственныя мѣры будутъ приняты для защиты имперіи.

„Признавая вполнѣ, что надлежащее вниманіе слѣдуетъ отвести правамъ меньшинства, мы полагаемъ, тѣмъ не менѣе, что употребленіе фондовъ трэдъ-юніоновъ для парламентскихъ цѣлей должно быть легализировано [1]).

„Вамъ будутъ предложены билли о реформѣ закона, регулирующаго призрѣніе бѣдныхъ, о гуманизаціи системы наказаній и о болѣе подходящемъ обращеніи съ душевно-больными.

---

[1]) Это мѣсто тронной рѣчи относится къ рѣшенію лордовъ по дѣлу Осборна, создавшему эпоху въ исторіи англійскихъ рабочихъ. Въ двухъ словахъ дѣло заключается въ слѣдующемъ. Трэдъ-юніоны дѣлали принудительные сборы въ пользу рабочихъ представителей въ парламентѣ. Нѣкто Осборнъ опротестовалъ эти принудительные сборы на томъ основаніи, что меньшинство должно давать деньги на поддержаніе въ парламентѣ депутатовъ, взглядамъ которыхъ не сочувствуетъ. Высшая инстанція—палата лордовъ—рѣшила дѣло въ пользу Осборна противъ трэдъ-юніоновъ. Принудительные сборы были объявлены незаконными. Вслѣдствіе этого рабочая партія осталась безъ средствъ. Понятно, поэтому, что трэдъ-юніонисты требуютъ, чтобы парламентъ отмѣнилъ порядокъ, созданный рѣшеніемъ верхней палаты (т.-е. собственно—рѣшеніемъ лордовъ-судей).

„Призываю благословеніе потомства на ваши труды".

Таковы реформы, которыя, по мнѣнію „перваго министра"-соціалиста, надо и можно выполнить въ первую голову.

Какъ и министерство Асквита, министерство Чизуикскаго парламента полагаетъ, что лорды всѣмъ заградили дорогу. Вотъ почему первый билль, разсмотрѣнный парламентомъ, касается „уничтоженія верхней палаты и замѣны ея наблюдательнымъ комитетомъ". Внесенъ законопроектъ, какъ значится на другой сторонѣ печатнаго текста, „первымъ министромъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ земствъ и муниципалитетовъ".

„Чизуикскій парламентъ постановляетъ (гласитъ печатный текстъ):

„Послѣ истеченія срока настоящаго парламента палата лордовъ перестаетъ существовать (исключеніе составляетъ апелляціонное отдѣленіе, основанное въ силу законовъ 1876 и 1887 гг.). Ограниченіе пэровъ въ выборныхъ правахъ тоже отмѣняется [1]).

„Для пересмотра всѣхъ биллей, кромѣ денежныхъ, принятыхъ нижней палатой, назначается наблюдательный комитетъ, состоящій изъ пятидесяти членовъ. Рѣшеніе коммонеровъ относительно денежныхъ биллей считается окончательнымъ. Характеръ билля—то-есть, денежный онъ или нѣтъ—опредѣляется спикеромъ.

„Наблюдательный комитетъ состоитъ: 1) изъ лордовъ-законниковъ, 2) изъ десяти выборныхъ представителей отъ трэдъ-юніоновъ, 3) изъ лицъ, назначенныхъ его величествомъ по совѣту кабинета (генералъ-губернаторы, бывшіе министры, лица, находившіяся въ нижней палатѣ не менѣе десяти лѣтъ).

„Члены наблюдательнаго комитета выбираются или назначаются на десять лѣтъ. Комитетъ имѣетъ право кооптировать членовъ извнѣ, но не больше пяти. Наблюдательный комитетъ имѣетъ право отклонять билли".

III.

Я знаю только одинъ билль не политическаго и не экономическаго характера, внесенный въ Чизуикскій парламентъ. Оффиціальное названіе законопроекта—„О нѣкоторомъ измѣненіи закона четвертаго года царствованія Георга IV, ст. 52". Законъ этотъ отмѣнилъ безчестное погребеніе самоубійцъ. По старинному закону самоубійцу надо было закопать у большой дороги, проткнувъ ему предварительно тѣло коломъ. Законъ Георга IV предписываетъ все-же хоронить самоубійцъ черезъ 24 часа

[1]) Пэры теперь не могутъ ни выбирать въ нижнюю палату, ни быть выбираемы.

послѣ слѣдствія у коронера, безъ обрядовъ, между 9-ю и 12-ю часами ночи. Билль о самоубійцахъ внесъ хорошо извѣстный въ нашемъ кварталѣ своею эксцентричностью и удалившійся отъ дѣлъ адвокатъ, мистеръ Уарденъ, болѣе извѣстный подъ кличкой „Привратникъ“. Дважды въ день „Привратникъ“ обходитъ улицы нашего квартала, ведя за собою уродливую собаку неопредѣленной масти. „Привратникъ“ не можетъ видѣть открытыхъ калитокъ у палисадниковъ и всюду, поэтому, запираетъ ихъ. Въ какую угодно погоду онъ ходитъ безъ пальто. Судя по многимъ эксцентричнымъ выходкамъ, „Привратникъ“ не вполнѣ нормаленъ; но такъ какъ онъ разсуждаетъ здраво и никого не трогаетъ, то его относятъ къ категоріи чудаковъ. Надо себѣ представить человѣка лѣтъ пятидесяти, съ бритымъ лицомъ, кожа котораго напоминаетъ лайковую перчатку послѣ того какъ она долго была свернута комочкомъ—съ выпученными сѣрыми глазами и яркорыжими волосами. „Привратникъ“ въ одномъ отношеніи напоминаетъ древнихъ галловъ: онъ такъ любопытенъ, что заговариваетъ съ каждымъ новымъ лицомъ, поселившимся въ нашемъ кварталѣ. Всѣхъ живущихъ здѣсь онъ хорошо знаетъ. Если новое лицо—иностранецъ, „Привратникъ“ найдетъ тысячу предлоговъ, чтобы заговорить съ нимъ о родинѣ. „Привратникъ“ однимъ изъ первыхъ сдѣлался членомъ Чизуикскаго парламента и, воспользовавшись первой возможностью, внесъ приватный билль. Первое и послѣднее чтеніе законопроекта составляютъ своего рода эпоху въ недлинной лѣтописи Чизуикскаго парламента. „Мистеръ спикеръ,—такъ началъ „Привратникъ“, когда ему дали слово,—я выступаю въ защиту самоубійцъ и предлагаю отмѣнить несправедливый, жестокій, лицемѣрный законъ, завѣщанный намъ стариной. Я приму за отправной пунктъ не безсмысленность жизни, какъ это дѣлали многіе великіе люди всѣхъ временъ и народовъ. Я могъ бы сказать, послѣдуй я по ихъ стопамъ, что человѣчество—орда, тронувшаяся въ дорогу неизвѣстно когда, идущая неизвѣстно зачѣмъ. Путь впереди заволоченъ густымъ туманомъ, въ которомъ ордынщики видятъ все, что хотятъ. Одни населяютъ непроницаемый туманъ страшными образами, другіе видитъ въ желтой мглѣ прекрасные пейзажи; но и то, и другое—только плодъ воображенія. Позади, на пройденномъ пути, нѣтъ тумана. И, оглянувшись, орда видитъ только голыя, печальныя скалы. Кто приказалъ ордѣ тронуться въ путь—неизвѣстно; но она обязана идти впередъ, въ туманъ, зная только одно: гдѣ-то тамъ, впереди, въ непроницаемой желтой мглѣ находится *она*, неизвѣстная, страшная и неминуемая. И чтобы временами забыть про *нее*, одни ордынщики непремѣнно добиваются, чтобы про нихъ узнали тѣ, кто идутъ плечомъ къ плечу; другіе—вожделѣютъ, упиваются виномъ, собираютъ цвѣтные камешки или

силой отбираютъ ихъ у другихъ. Но добиваются ли они извѣстности, вожделѣютъ ли или ненавидятъ, во всякомъ случаѣ ордынщики обязаны идти впередъ, *къ ней*. И есть въ ордѣ такіе, которые увѣряютъ, что, будто бы, могутъ заглянуть за туманъ и сказать, что̀ тамъ находится. Но ихъ слова невразумительны и еще темнѣе тумана. Никто не знаетъ, гдѣ была первая колонна орды. Никто не знаетъ, когда пройдутъ послѣднія кибитки. Извѣстно только, что милліоны милліоновъ прошли уже. Въ туманѣ время отъ времени слышны тяжелые вздохи; вырывается восклицаніе: „горе ордѣ, горе!“. Этотъ вздохъ вырывался въ незапамятныя времена у передовой колонны орды. И съ тѣхъ поръ онъ повторяется на разныхъ языкахъ. На придорожныхъ скалахъ видны таинственныя надписи, сдѣланныя на языкахъ, на которыхъ теперь не говорятъ уже. И когда кто-нибудь изъ ордынщиковъ, горя безполезнымъ любопытствомъ, добирается до смысла письменъ, онъ узнаетъ тотъ же вздохъ: „горе ордѣ, горе!“. Для усугубленія горестнаго положенія ордынщиковъ ихъ безпрестанно обманываютъ. Имъ говорятъ, что за этимъ туманомъ есть нѣкто безгранично добрый, безгранично могущественный, который любитъ всѣхъ. И, говоря о любви, обманщики творятъ зло и великія обиды. Другіе говорятъ, что любовь озаряетъ этотъ желтый туманъ и населяетъ его волшебными призраками. Они любятъ бормотать: „радость моя, жизнь моя, солнце мое, счастье мое!“. Но послѣ вожделѣнія ненавидятъ другъ друга. Орда сдѣлала все, чтобы быть еще болѣе несчастной. Иные ордынщики заставили другихъ сдѣлать кибитки и умостить ихъ коврами. Послѣ этого мастеровъ впрягли въ кибитки, а бездѣльники улеглись на ковры... Мистеръ спикеръ, я не изберу моимъ отправнымъ пунктомъ такой образъ. Я не стану доказывать, насколько вѣрны слова греческаго философа: „Нѣтъ бо̀льшаго блаженства, чѣмъ никогда не родиться и никогда не видать солнца. Счастливъ тотъ, кто умираетъ и уходитъ на покой въ могилу“. Не стану я также разбирать слова Плинія: „Смерть—единственное вознагражденіе за несчастье рожденія. И что̀ намъ въ ней, если она ведетъ къ безсмертію! Лишенные счастья не родиться, ужель мы лишены и счастья умереть?“.

„Я, мистеръ спикеръ, не пессимистъ, а оптимистъ. Я вѣрю, что жизнь прекрасна, что человѣкъ можетъ быть богомъ, если отдѣлается отъ рабскаго, звѣринаго, подлаго ужаса передъ смертью. Люди по природѣ своей не равны. Они дѣлятся на низшихъ и высшихъ, на людей въ статическомъ и динамическомъ состояніи. Первые удовлетворяются обманами и живутъ растительной жизнью. Вторые имѣютъ индивидуальность и только въ возможности проявленія ея въ какой-нибудь кристаллической формѣ находятъ удовлетвореніе. Только динамическое состояніе — для нихъ жизнь. Люди статическаго состоянія

больше всего дорожатъ покоемъ и жизнью „какъ всѣ“. Такъ оно и должно быть: основной законъ статики говоритъ, что при равновѣсіи силъ требуется, чтобы ни одна точка тѣла не имѣла ускоренія. Люди статическаго состоянія трепещутъ передъ одной мыслью о смерти. Чтобы забыть о ней, они или становятся грубыми чувственниками, или хватаются за отжившія метафизическія теоріи, непріемлемыя для разума. Мистеръ спикеръ, я обращаю вниманіе на то, что рабскій ужасъ передъ смертью въ особенности проявляется въ обществѣ, находящемся въ статическомъ состояніи. Классическимъ примѣромъ является современная русская литература, насколько она мнѣ извѣстна по переводамъ и по разспросамъ.

„Для людей динамическаго состоянія проявленіе своей индивидуальности—высшее счастье, высшій смыслъ жизни. Страхъ смерти для нихъ не существуетъ, покуда они не проявили вполнѣ своей индивидуальности, покуда не превратились въ людей статическаго состоянія. Нѣтъ ничего болѣе печальнаго, чѣмъ такое превращеніе. Человѣкъ динамическаго состоянія, человѣкъ съ индивидуальностью всегда точно можетъ опредѣлить, когда онъ начинаетъ приближаться къ чертѣ, отдѣляющей его отъ людей статическаго состоянія, отъ людей, не могущихъ проявлять свою индивидуальность въ кристаллической формѣ и трепещущихъ смерти. Онъ предпочтетъ быть богомъ, т.-е. самъ уйдетъ изъ жизни, которой не можетъ ничего дать больше. Самоубійство явится послѣднимъ проявленіемъ силы, послѣдней яркой вспышкой индивидуальности. Мистеръ спикеръ, вы, конечно, поняли, что я говорю не о тѣхъ самоубійцахъ, которые уходятъ изъ жизни отъ трусости, испугавшись тѣхъ гадкихъ дѣлъ, которыя натворили. Я говорю не о глупомъ Дикѣ, пустившемъ себѣ пулю въ лобъ, потому что Флори предпочла любовь Билля. Я говорю о *мужахъ*, о людяхъ съ индивидуальностью, о богахъ. Въ эпоху разложенія Римской имперіи, когда деспотизмъ достигъ крайнихъ размѣровъ, были философы, задумывавшіеся надъ вопросомъ, что̀ лучше для индивидуума: крайнее ли униженіе, или смерть. И внѣшнія условія были такъ невыносимы, что даже робкіе философы, какъ Сенека, рѣшали вопросъ въ пользу смерти. Я говорю не объ этихъ философахъ, а о первыхъ мудрецахъ стоической школы, о Панеціи Родосскомъ, Аристонѣ Хіоскомъ и о поэтѣ Аратѣ Сицилійскомъ. Они первые выразили мысль, что человѣкъ станетъ богомъ, когда самъ будетъ уходить изъ жизни въ силу сознанія, что выполнилъ все.

„Вотъ тѣ предпосылки, изъ которыхъ я вывожу заключеніе, что законъ Георга IV долженъ быть исправленъ. Самоубійство, являющееся въ людяхъ динамическаго состоянія высшимъ проявленіемъ духа, не должно больше считаться преступленіемъ“.

— А что же дѣлать „людямъ статическаго состоянія?“—спросилъ одинъ „коммонеръ“.

— Рожать дѣтей и трепетать передъ мыслью о смерти,—поспѣшно отвѣтилъ „Привратникъ“. Ему возражалъ викарный священникъ. Онъ указалъ, что самоубійство—большой грѣхъ, такъ какъ является проявленіемъ бунта противъ воли Божьей.

— Этотъ аргументъ не новъ, — сказалъ „Привратникъ“. — Удивляюсь, что христіанинъ можетъ пользоваться имъ. Догматъ искупленія основанъ на самоубійствѣ. Вѣрующій, если подумаетъ хорошо, увидитъ, что безъ самоубійства погибъ бы міръ. Въ самомъ дѣлѣ. Основатель культа, по ученію, былъ Богъ. Онъ зналъ, поэтому, что идетъ на смерть. Онъ могъ бы употребить свою силу для самозащиты, но такъ какъ не сдѣлалъ этого и допустилъ, чтобы его предали смерти, то, значитъ, онъ совершилъ самоубійство. Если бы сильный человѣкъ допустилъ, чтобы маленькія дѣти, которыхъ онъ можетъ отбросить простымъ движеніемъ руки, закололи его перочинными ножами до смерти, мы имѣли бы полное право утверждать, что онъ совершилъ самоубійство. Почему такъ страшитъ самоубійство? Развѣ смерть болѣе ужасна, чѣмъ безрадостная жизнь съ вѣчнымъ сознаніемъ, что нѣтъ болѣе силъ выразить въ какой-нибудь кристаллической формѣ свою индивидуальность? Не лучше ли, чѣмъ это мученіе, для гордаго человѣка вѣчный покой подъ землей, не тревожимый никакими снами, никакими мыслями и страданіями? Меня не удивляетъ, что люди-трусы, люди статическаго состоянія, цѣпко держатся за безполезную жизнь, которая уже не можетъ имъ дать никакихъ радостей, даже такихъ призрачныхъ, какъ деньги или любовь толстощекой Флори или блѣдной Мили. Меня чрезвычайно изумляетъ, что люди динамическаго состоянія отрекаются отъ права быть богами, отъ права гордо уйти изъ жизни, когда они дали все и взяли все. Классическій міръ оставилъ намъ легенду про гордый народъ, жившій на далекомъ сѣверѣ. Люди эти были прекрасны и мудры, какъ боги. Они жили, наслаждались, творили. Затѣмъ, насытившись жизнью, они бросались въ море и сливались съ великимъ космосомъ. Мистеръ спикеръ, я—оптимистъ. Я вѣрю въ то, что міръ прекрасенъ и въ то, что человѣчество устроитъ себѣ когда-нибудь такую красивую жизнь, о которой мечтаютъ теперь избранные. Но это будетъ тогда, когда всѣ превратятся въ людей динамическаго состоянія, когда трусливое отношеніе къ смерти исчезнетъ, когда всѣ будутъ уходить изъ жизни, убѣдясь, что ничего больше не могутъ дать ей“...

Шиканьемъ на правыхъ и на лѣвыхъ скамьяхъ была принята рѣчь „Привратника“. Особенно бурно проявляли свое негодованіе дамы.

Слабые аплодисменты были заглушены совершенно. Законопроектъ потерпѣлъ крушеніе при первомъ же чтеніи.

IV.

Въ Чизуикскомъ парламентѣ, какъ значится въ приглашеніи, сегодня на очереди вопросъ о гомрулѣ. Входъ въ нашъ мѣстный парламентъ не производитъ такого импозантнаго впечатлѣнія, какъ входъ въ Вестминстерскій дворецъ. Это признаютъ, конечно, даже наши министры. Днемъ дворъ снимается мистеромъ Куперомъ, имѣющимъ рядомъ лавку подержанныхъ вещей. Вотъ почему здѣсь можно видѣть самые разнообразные предметы, не имѣющіе никакой связи съ народнымъ представительствомъ: старыя желѣзныя кровати, какія-то рѣшетки, шкафы, обрѣзки ковровъ, кучи разрозненныхъ старыхъ, пахнущихъ гнилью книгъ и пр. Въ парламентѣ днемъ помѣщается частная школа; поэтому на стѣнахъ висятъ запачканныя, прорванныя карты, а въ углу стоитъ черная доска. Парламентъ состоитъ изъ двухъ комнатъ, сообщающихся очень широкой дверью. Одна изъ этихъ комнатъ—„Палата общинъ", другая—Strangers gallery, т.-е. „галлерея для постороннихъ". Въ „Палатѣ общинъ" по серединѣ стоитъ столикъ, со стуломъ для спикера. Рядомъ—другой столъ для секретаря. По обѣимъ сторонамъ столовъ — ряды разнородныхъ стульевъ для коммонеровъ. Направо отъ спикера — министерская партія, т.-е. соціалистическая или рабочая, какъ она себя называетъ. Въ первомъ ряду стульевъ я вижу министровъ: дѣловитаго, необыкновенно серьезнаго сѣдоволосаго премьера, широко улыбающагося, какъ будто слушающаго забавный анекдотъ министра иностранныхъ дѣлъ, министра внутреннихъ дѣлъ, который днемъ исполняетъ обязанность страхового агента, и другихъ членовъ кабинета. Интереснымъ типомъ является мистеръ Джепсъ, министръ земствъ и муниципалитета. Онъ былъ англиканскимъ священникомъ, но потомъ произошелъ переворотъ: онъ пересталъ вѣрить. Совѣсть не позволила быть ему священникомъ безбожникомъ, проповѣдующимъ то, надъ чѣмъ онъ въ глубинѣ души глумится. И мистеръ Джепсъ сложилъ съ себя сапъ. Теперь онъ—литераторъ. На министерской скамьѣ я вижу также одну даму — товарища министра колоній. Вообще же дамъ очень мало въ министерской партіи. Ихъ гораздо больше на скамьяхъ оппозиціи, занятой либералами и консерваторами. Вождемъ оппозиціи является мѣстный докторъ, извѣстный главнымъ образомъ тѣмъ, что каждому больному присылаетъ прежде всего „прохладительное лекарство", какъ онъ выражается (въ Англіи практикующіе врачи, кромѣ спеціалистовъ, сами приготовляютъ лекарства).

Засѣданіе открывается вопросами, при чемъ я теряюсь въ догадкахъ, зачѣмъ собственно иной вопросъ понадобился спрашивающему. „Ученый представитель Бирмингэма“ (въ парламентѣ каждый коммонеръ, имѣющій университетскую степень, именуется „ученымъ“, а каждый сухопутный или морской офицеръ—„доблестнымъ“), въ общежитіи—нашъ мѣстный адвокатъ мистеръ Слэйтеръ, поинтересовался узнать, сколько свиней, ввезенныхъ въ Англію, оказались больными? Когда министры отвѣтили на разные вопросы (для этихъ отвѣтовъ понадобилось, вѣроятно, рыться не одинъ часъ въ синихъ книгахъ, въ консульскихъ отчетахъ или въ Statesman's Year-Book), начались дебаты по ирландскому вопросу. „Доблестный представитель Лимерика“ спросилъ, почему въ тронной рѣчи не упомянуто ничего про Ирландію. Онъ сжато (ораторамъ дано было только по 10 минутъ) изложилъ страданія Эрина, происходящія вслѣдствіе того, что ему отказываютъ въ самоуправленіи. Ораторъ взывалъ къ совѣсти правительства. Пора закончить систему угнетенія. Репрессивныя мѣры разорили страну и доводили ее не разъ до мятежа. Ирландія требуетъ меньшаго, чѣмъ имѣютъ Канада, Австралія или южная Африка. Она желаетъ только имѣть областной сеймъ, съ министерствомъ, отвѣтственнымъ передъ населеніемъ. Сеймъ этотъ будетъ находиться подъ верховнымъ контролемъ имперскаго парламента. Пусть онъ вѣдаетъ спеціально гражданскія дѣла. Вопросы объ арміи, флотѣ, таможенной политикѣ, о сношеніяхъ съ иностранными государствами пусть находятся всецѣло въ рукахъ центральнаго правительства. Пока Ирландіи не будетъ оказана элементарная справедливость, она не успокоится,—закончилъ представитель Лимерика.

Поднялся сидѣвшій въ рядахъ оппозиціи толстый коммонеръ, съ массой причудливыхъ брелоковъ, звенѣвшихъ при каждомъ движеніи. То былъ представитель отъ Бельфаста, ярый оранжистъ. Отвѣчая представителю отъ Лимерика, оранжистъ сказалъ, что неправда, будто Англія ничего не сдѣлала для Ирландіи. Англія дала Эрину самое широкое земское и муниципальное самоуправленіе. На англійскія деньги выкуплена въ Ирландіи земля. Теперь Ирландія получаетъ, въ видѣ Old age pension, больше денегъ, чѣмъ какая-либо другая часть Соединеннаго королевства. „Я признаю, что имперскій парламентъ заваленъ мѣстными биллями, задерживающими обще-государственное законодательство,—закончилъ ораторъ.—Вотъ почему необходима деволюція парламента, т.-е. рядъ областныхъ сеймовъ въ Шотландіи, Валлисѣ и Ирландіи. Но я противъ гомруля. Если ирландцамъ дадутъ гомруль, они объявятъ католическую церковь государственной и начнутъ преслѣдовать протестантовъ. А я—протестантъ. Они введутъ протекціонизмъ, а я, хотя тори—фритрэдеръ“.

Представителю Лимерика отъ имени правительства отвѣтилъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Почему въ тронной рѣчи ничего не говорится про гомруль? Да потому что необходимость самоуправленія для Ирландіи составляетъ труизмъ. Въ тронной рѣчи говорится, что проведены будутъ законы, клонящіеся къ благосостоянію населенія *всѣхъ* острововъ Соединеннаго королевства. Само собою разумѣется, что правительство имѣло въ виду также и Ирландію.

Спикеръ, затѣмъ, предоставилъ слово представителю отъ Ковентри, который оказался крайнимъ консерваторомъ. Онъ возсталъ противъ какой бы то ни было формы самоуправленія для Ирландіи.—„Деволюція“, „федерація“, гомруль—одно и то же. Гомруль означаетъ сепаратизмъ, а сепаратизмъ — смерть Британской имперіи. Ирландцамъ нельзя дать самоуправленія. Они злопамятны и не забыли до сихъ поръ, что̀ дѣлали въ Ирландіи солдаты Кромвеля. Ирландцы ненавидятъ насъ.—

Раздаются крики: „нѣтъ“!

— Да, ненавидятъ. И при наличности этой ненависти неужели они не воспользуются гомрулемъ, чтобы отдѣлиться отъ Англіи?

Представителя отъ Ковентри поддерживаетъ другой консерваторъ, тоже „доблестный“, т.-е. отставной офицеръ. Прежде всего ирландцы, по мнѣнію оратора, должны отдѣлаться „отъ наемныхъ агитаторовъ, получающихъ деньги и директивы изъ Америки“. Пусть раньше Ирландія проявитъ свою лояльность, и только потомъ она можетъ просить о гомрулѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго,—иронизируетъ ораторъ,—что въ тронной рѣчи не упомянуто про гомруль. Туда напихано такъ много, что законопроекты отъ тѣсноты раздавились и ничего не осталось.

Послѣднимъ выступилъ „премьеръ“. Онъ призналъ, что недовольство Ирландіи законно и является результатомъ экономическихъ причинъ. Правительство много сдѣлало для Ирландіи. Въ результатѣ теперь движеніе въ пользу областного сейма тамъ не такъ сильно, какъ въ то время, когда не былъ введенъ выкупъ земли и Ирландія не имѣла мѣстнаго самоуправленія. Почему въ тронной рѣчи не упомянуто про гомруль? По очень простой причинѣ: въ министерствѣ нѣтъ статсъ-секретаря по ирландскимъ дѣламъ, который давалъ бы необходимые совѣты. Когда кабинетъ сформировался, въ Чизуикскомъ парламентѣ не было ни одного ирландца въ министерской партіи. Билль о самоуправленіи Ирландіи будетъ внесенъ въ ближайшемъ будущемъ.

Дебаты кончились. „Чизуикскій парламентъ“ является однимъ изъ проявленій той широкой гражданской свободы, которою пользуется

населеніе Англіи. Для созданія такого парламента и для печатанія тронныхъ рѣчей и биллей не надо спрашивать разрѣшенія. Не приходится даже дѣлать заявленія о возникновеніи „парламента“. Нечего прибавлять, конечно, что на засѣданіяхъ парламента нѣтъ представителя полиціи, который слѣдилъ бы за преніями и останавливалъ бы ораторовъ. Въ такихъ парламентахъ зрѣетъ гражданское самосознаніе. Умъ рядового обывателя пріучается *практически* разрабатывать политическіе и соціальные вопросы. И когда жизнь выдвигаетъ новый вопросъ, рядовой обыватель оказывается способнымъ входить въ мельчайшіе его детали. Конечно, пароксизмъ политической страсти всегда возможенъ. Я приводилъ этому доказательства въ началѣ статьи; но такіе пароксизмы опасны только или въ странахъ управляемыхъ деспотически, или тамъ, гдѣ свобода слова толкуется въ смыслѣ свободы говорить все угодное начальству. Въ Англіи, гдѣ всѣ партіи имѣютъ одинаковую возможность свободно высказываться, пароксизмы проходятъ быстро.

Діонео.

Лондонъ, 5 декабря.

КОНЕЦЪ РУЗВЕЛЬТА

„Конецъ Рузвельта“—таковъ ясный и несомнѣнный смыслъ „гласа народнаго“, выразившагося въ послѣднихъ выборахъ въ конгрессъ (8 ноября), совпавшихъ съ выборами губернаторовъ во многихъ штатахъ, между прочимъ въ Нью-Іоркѣ, Нью-Джерси, Огайо, Коннектикутѣ. Выборы эти дали демократамъ большинство въ палатѣ и нанесли, такимъ образомъ, сильный уронъ республиканской партіи, находящейся нынѣ у власти. Президентъ и его кабинетъ будутъ поставлены въ тяжелое положеніе; чрезвычайно затруднится проведеніе черезъ законодательныя учрежденія проектовъ федеральнаго правительства. Во всѣхъ названныхъ мною штатахъ въ губернаторы избраны значительнымъ большинствомъ демократы. Помимо общеполитическихъ послѣдствій этой побѣды демократовъ, она замѣчательна, главнымъ образомъ, какъ выраженіе осужденія и недовѣрія лично къ Рузвельту, сыгравшему выдающуюся роль въ только-что окончившейся выборной борьбѣ.

Вскорѣ послѣ 4 марта 1908-го года Рузвельтъ отправился охотиться въ Южную Африку. Находясь въ дебряхъ дѣвственныхъ африканскихъ лѣсовъ, онъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ Стокгольмъ для принятія Нобелевской преміи. Еще ранѣе Оксфордскій универ-

ситетъ и Сорбонна предложили ему прочесть лекціи. Отъ столь лестныхъ приглашеній, разумѣется, Рузвельтъ не могъ отказаться. Когда стало извѣстно, что бывшій президентъ пріѣдетъ въ Европу, послѣдовали приглашенія отъ австрійцевъ, германскаго императора, бельгійскаго короля и нидерландской королевы. Вильгельмъ II-ой называлъ его своимъ другомъ; „впервые передъ штатскимъ“ парадировали германскія войска. „Будущій президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“—говорили о немъ люди, которымъ слѣдовало бы лучше знать и понимать политическую жизнь великой заокеанской республики. Что Рузвельтъ, какъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ, гордо принималъ смѣхотворныя ухаживанья и не видѣлъ, насколько они покажутся неумѣстными на его родинѣ — это не удивительно. Своими „лекціями“ въ Парижѣ и особенно въ Лондонѣ, своимъ поведеніемъ въ Берлинѣ и Брюсселѣ онъ доказалъ лишній разъ, что ни тактомъ, ни необходимою для человѣка, достигшаго „the greatest office in the world“, сдержанностью и достоинствомъ онъ не обладаетъ. Но чтобы европейскіе монархи могли до такой степени „увлечься“ и „воздавать кесарево“ этому необузданному рекламисту — это по истинѣ составляетъ загадку. Какъ бы то ни было, всѣ тѣ, кто видѣлъ въ Рузвельтѣ „будущаго“ президента, должны въ настоящее время чувствовать себя нѣсколько неловко. Тотчасъ по возвращеніи изъ Европы, Рузвельтъ—вопреки всѣмъ традиціямъ, въ силу которыхъ бывшіе президенты „сидятъ смирно“ и отстраняются отъ политической борьбы,—кинулся очертя голову въ агитацію и самозванно сталъ во главѣ выборной кампаніи. Не только въ своемъ штатѣ, но и по всей странѣ, куда только онъ могъ поспѣть, онъ сталъ выступать на политическихъ митингахъ и, подъ предлогомъ отстаиванія кандидатуры республиканцевъ, проповѣдывать „новый націонализмъ“ — созданную имъ радикальную политическую программу, почти цѣликомъ позаимствованную у бывшаго его противника Брайана. При этомъ онъ позволялъ себѣ самыя рѣзкія выходки, инсинуаціи и прямыя клеветы по адресу демократовъ и дошелъ до такихъ эксцессовъ, что выбранный 8-го ноября въ губернаторы штата Коннектикутъ судья Балдуинъ намѣренъ привлечь его къ суду. Президента Тафта онъ демонстративно и упорно игнорировалъ, поносилъ верховный судъ, словомъ—велъ себя въ высшей степени недостойно не только бывшаго президента, но самаго обыкновеннаго политикана. И 8-го ноября американцы, съ присущимъ имъ здравымъ смысломъ и вѣрнымъ пониманіемъ людей, произнесли надъ Рузвельтомъ жестокій, но вполнѣ заслуженный имъ приговоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что побѣда демократовъ на нынѣшнихъ выборахъ вызвана отчасти причинами общаго характера и, главнымъ образомъ, недовольствомъ широкихъ массъ населенія новымъ тамо-

женнымъ тарифомъ, проведеннымъ республиканцами въ прошлогоднюю сессію. Но замѣчательно, что во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ агитировалъ Рузвельтъ, демократы получили подавляющее, демонстративно враждебное ему большинство. Въ Нью-Іоркѣ кандидатъ въ губернаторы, выставленный республиканцами, Стимсонъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ — и если его противникъ, демократъ Диксъ, получилъ большинство въ слишкомъ 100.000 голосовъ, то это объясняется исключительно тѣмъ, что Стимсонъ былъ „Roosevelt's nominee". Въ своемъ штатѣ, дистриктѣ, въ своемъ собственномъ участкѣ (Oyster Bay) Рузвельтъ потерпѣлъ тяжелое пораженіе. Конечно, американцы до нѣкоторой степени „жрецы минутнаго, поклонники успѣха", и потому человѣку, разъ провалившемуся съ такимъ трескомъ, какъ теперь Рузвельтъ, трудно будетъ подняться; но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что большинство сознательныхъ гражданъ отвернулись отъ Рузвельта навсегда, убѣдясь, наконецъ, въ тѣхъ свойствахъ его натуры, неискренней, чванной, властолюбивой, тираннической и безпринципной, которыя дѣлаютъ изъ него человѣка, на отвѣтственномъ политическомъ посту крайне опаснаго.

Я затруднился бы сказать, кто больше радуется пораженію Рузвельта—всегдашніе ли его противники, демократы, или вчерашніе единомышленники, республиканцы. Думаю, что недалекъ тотъ моментъ, когда онъ будетъ удаленъ изъ рядовъ республиканской партіи: слишкомъ ужъ чувствительный уронъ онъ ей нанесъ теперь. Создать новую, независимую партію „нео-націоналистовъ" ему врядъ ли удастся, ибо демагоговъ американцы слушаютъ охотно, но голосуютъ противъ нихъ.

Въ рамки настоящей замѣтки не входитъ подробная оцѣнка роли, сыгранной Рузвельтомъ въ международной политикѣ и, въ частности, по отношенію къ Россіи. Только одно можно сказать съ полной увѣренностью: какъ ни прикидывался онъ, въ трудную для нашего отечества минуту, дѣйствующимъ изъ побужденій человѣколюбія и дружбы къ Россіи, ни для кого теперь не тайна, что онъ Россію ненавидитъ, даже послѣ того, какъ сознался близорукость и вредъ своей японофильской политики. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ причины жалѣть о томъ, что сошелъ со сцены политическій дѣятель, самоубійственно уронившій съ большой высоты свой престижъ и свою популярность.

ONTSIDER.

ПРОЕКТЪ ПРОДОЛЖЕНІЯ БАНКОВЫХЪ ЗЕМЕЛЬНЫХЪ ПОКУПОКЪ

Съ началомъ 1911-го года истекаетъ срокъ, до котораго Крестьянскому банку было предоставлено производить извѣстную операцію по покупкѣ частновладѣльческихъ земель для перепродажи ихъ крестьянамъ. Возникъ вопросъ—слѣдуетъ ли продолжать эту операцію? Иначе сказать, надо ли банку дѣлать новыя пріобрѣтенія или сосредоточиться только на ликвидаціи уже совершенныхъ покупокъ, очень сильно затянувшейся?

Министерство финансовъ считаетъ нужнымъ „продолжать“, и притомъ уже безсрочно, сдѣлавъ означенную операцію „постоянною мѣрою“. Законопроектъ въ такомъ смыслѣ представленъ министромъ въ Государственную Думу, а оправдывающія его соображенія изложены въ особой запискѣ, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Финансовъ“. Имѣются ли сколько-нибудь вѣскія доказательства полезности длить большое и рискованное дѣло, вмѣсто прекращенія его?

Министерская записка находитъ, что операція идетъ довольно успѣшно и даже безубыточно, что опытъ ряда лѣтъ уже „доказалъ цѣлесообразность и практическую и финансовую пригодность закона о покупкѣ и продажѣ банкомъ земель за свой счетъ“. Если сбытъ земель крестьянамъ сначала и шелъ довольно туго, то въ послѣднее время замѣчается ускореніе, вслѣдствіе чего завершеніе ликвидаціи сдѣланныхъ покупокъ является „вопросомъ ближайшихъ лѣтъ“. Съ другой стороны, затраты и расходы банка покрываются доходами и продажными цѣнами, при чемъ даже „оправданъ слѣдуемый процентъ на находившійся въ оборотѣ капиталъ“. Такимъ образомъ, выводы записки строятся главнымъ образомъ на надеждахъ относительно будущаго успѣха сбыта. Относясь къ дѣлу, имѣющему глубокую и широкую экономическую задачу (подъемъ благосостоянія сельскаго населенія), узко-формально, только съ точки зрѣнія количества купленныхъ и проданныхъ десятинъ, да денежныхъ выдачъ и полученій — словно дѣло идетъ лишь о торговой операціи, — записка въ то же время отличается и очень существенными пробѣлами, при которыхъ не удовлетворяется и самая ограниченная требовательность.

Конечно, въ данномъ вопросѣ на первый планъ должна быть поставлена не столько количественная, сколько качественная сторона дѣла. Все дѣло поднято вѣдь не ради самаго процесса той или другой операціи, а ради удовлетворенія вопіющей крестьянской нужды. Слѣдова-

тельно оправданіемъ ему могли бы быть свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ достигнуто это удовлетвореніе: насколько ослаблено малоземелье, тѣ ли крестьяне получаютъ землю, какіе въ ней наиболѣе нуждаются, и ту ли землю, какая имъ всего нужнѣе? Въ какой степени уменьшается или предотвращается развитіе сельскаго пролетаріата? Объ этой сторонѣ дѣла въ запискѣ нѣтъ рѣчи, тогда какъ именно относительно ея существуютъ наибольшія сомнѣнія или даже прямо мнѣнія отрицательнаго характера. Слишкомъ хорошо извѣстно, что крестьянамъ банковая земля продается по дорогимъ цѣнамъ, подрывающимъ прочность покупокъ, что изъ-за „хутороманіи“ банкъ часто отказываетъ крестьянамъ въ сосѣдней землѣ, а приводитъ на нее чужихъ, коль скоро они согласятся идти на отруба, и что рядомъ съ банковою операціею идетъ земельная политика на надѣлахъ, ведущая какъ разъ къ увеличенію опаснаго во всѣхъ отношеніяхъ пролетаріата. Предоставленіе правъ личной собственности на семейный надѣлъ однимъ главамъ семей благопріятствуетъ безпорядочной распродажѣ земель и обезземеливанію всей семьи; принудительное предоставленіе выдѣляющимся крестьянамъ особыхъ выгодъ за счетъ прочихъ односельчанъ, потрясая крестьянское правосознаніе и чувство справедливости, стѣсняетъ хозяйство невыдѣляющихся, дѣлая его иногда почти невозможнымъ и побуждая бросать землю; увлеченіе хутороманіею приноситъ нерѣдко въ жертву одному хозяину сносное положеніе десятковъ другихъ. При такой политикѣ на надѣльныхъ земляхъ, банковая дѣятельность идетъ какъ разъ въ обратную сторону отъ того, чего требуютъ нужды населенія. Распространяться объ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ все это—явленія слишкомъ общеизвѣстныя. Обо всемъ этомъ много разъ говорилось въ печати и много уже приводилось иллюстрирующихъ примѣровъ. Напомнить объ этомъ здѣсь достаточно и вскользь, но не напомнить—нельзя, именно въ виду того, что министерская записка, отстаивая продленіе банковыхъ опытовъ, обходитъ самое существенное изъ связанныхъ съ ними вопросовъ. Получается впечатлѣніе, что не въ томъ, дескать, дѣло, приносятъ ли эти опыты пользу крестьянству, попадаютъ ли они въ надлежащую цѣль, а въ томъ—какъ идетъ торговля землею? Но это неизбѣжно напрашивается на возраженіе: да иди ваша торговля какъ нельзя удачнѣе по вашему понятію—къ чему она, когда нѣтъ отъ нея добра населенію!

Однако попробуемъ взглянуть на дѣло и съ узкими требованіями—съ тѣми самыми, въ рамки которыхъ ставитъ его записка; не будемъ обращаться и къ постороннимъ матеріаламъ, а воспользуемся данными самой записки. Правда ли, что изъ нихъ вытекаютъ тѣ благопріятные для продленія покупокъ выводы, съ какими записка выступаетъ?

Съ 1906-го по 1910-й годъ—время самой горячей земельно-торговой дѣятельности—накуплено было 3.409.000 десятинъ земли; изъ нихъ продано крестьянамъ всего на все 1.009.000 десятинъ, т.-е. около 29 процентовъ! Въ среднемъ на годъ выходитъ съ небольшимъ 7% Непроданной земли (включительно съ купленною еще до 1906 г.) остается 2.664.000 десятинъ. Эта непроданная земля превышаетъ совокупность покупокъ за послѣдніе *три* года, откуда слѣдуетъ, что въ общемъ у банка земля остается безъ сбыта слишкомъ по три года. Это ли тотъ успѣшный ходъ ликвидаціи, которымъ позволительно хвалиться—и которымъ, однако, смѣло хвалится записка? Напротивъ, подобный итогъ даетъ поводъ только къ горькому разочарованію. Если принять во вниманіе размѣры малоземелья, крайнюю нужду крестьянъ въ расширеніи своихъ владѣній, прославленную жадность ихъ къ землѣ и даже ихъ покупки не отъ банка, то выводы получатся совсѣмъ обратные выводамъ записки. Или сбываемая земля находится въ совсѣмъ неумѣлыхъ рукахъ, или накуплено не то, что крестьянамъ нужно, или земля предлагается послѣднимъ на слишкомъ тягостныхъ условіяхъ, или—все это вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, достигнутыми торговыми результатами слѣдуетъ скорѣе смущаться, чѣмъ ободряться, заявляя, что они-то и доказываютъ жизненность и пользу операціи. Но у записки очень своеобразный пріемъ: явную неудачу выставлять какъ успѣхъ.

Если дѣло и дальше будетъ идти столь же „успѣшно“, то банку хватитъ работы надъ сбытомъ того, что у него уже есть, почти на десятокъ лѣтъ, и все это время банкъ будетъ оставаться при значительномъ земельномъ запасѣ. Правда, записка выражаетъ надежду, что въ будущемъ размѣръ продажи станетъ чувствительно возрастать; но вѣдь однѣ надежды—очень шаткое основаніе, во всякомъ случаѣ не такое, на которомъ можно строить рѣшеніе о предпринятіи новыхъ дорогихъ и рискованныхъ операцій, особенно послѣ вышеприведенныхъ данныхъ обезкураживающаго опыта. Три года тому назадъ существовали еще болѣе широкія надежды. Тогда циркулярами высшихъ землеустроителей требовалось въ нѣсколько мѣсяцевъ продать болѣе 700 тысячъ десятинъ, и увѣренность въ полной возможности достиженія этой цѣли была такъ велика, что медленность въ ея осуществленіи ставилась мѣстнымъ землеустроительнымъ органамъ въ грозное обвиненіе. А теперь объ этихъ замыслахъ осталось лишь характерное воспоминанье. Въ чемъ порука, что нынѣшнія надежды оправдаются лучше прежнихъ?

Забота о накопленіи покупками новыхъ земельныхъ запасовъ имѣла бы еще нѣкоторый смыслъ, еслибы на лицо было истощеніе стараго запаса. Развязались, молъ, съ большою залежью земельнаго

товара—будемъ пріобрѣтать новый. Но вѣдь этого нѣтъ. Старой залежи хватитъ еще на десятокъ лѣтъ самой хлопотливой работы; стало быть сбывать новыя покупки пришлось бы уже въ послѣдующія десятилѣтія. Можно ли признать разумнымъ такое черезчуръ заблаговременное обезпеченіе себѣ непосильнаго и безплоднаго занятія?..

Записка обходитъ еще одно очень существенное обстоятельство. Она выставляетъ дѣло такъ, какъ будто пополненіе запаса предвидится только отъ новыхъ покупокъ, совсѣмъ не упоминая о шансахъ возврата банку и такихъ земель, какія считаются уже сбытыми, ликвидированными. Купецъ, продавъ товаръ, можетъ считать дѣло съ нимъ покончennымъ, но банкъ, продавая крестьянамъ землю, зачисляетъ на нихъ за это ссуду, часто—вслѣдствіе высокихъ оцѣнокъ—превышающую дѣйствительную стоимость земли. Коль скоро крестьяне-покупщики не выдержатъ дорогой оцѣнки, земля обращается въ продажу за недоимки и часто возвращается къ тому же банку, у котораго становится въ то же положеніе, какъ и всѣ непроданныя 2.664.000 десятинъ. Каждая продажа, при такихъ условіяхъ, представляется не столько дѣйствительнымъ, сколько условнымъ сбытомъ. Надъ возвращающеюся къ банку землею ему предстоятъ сызнова заботы о пріисканіи покупщиковъ, установленіи условій сдѣлки и т. под., да и вторичная продажа сохраняетъ тотъ же условный характеръ, какъ прежняя, т.-е. обставлена тѣми же шансами возврата. Подобные возвраты — слишкомъ обычное явленіе въ дѣятельности банка; стало быть нѣтъ никакого основанія разсчитывать, что ихъ не будетъ и въ предстоящіе годы. Навѣрное ихъ и теперь подготовлено уже немало. Можно, конечно, оттягивать подобные возвраты платежными индульгенціями, особенно въ отношеніи къ протежируемымъ хуторянамъ; но однѣ отсрочки развязки ея не устраняютъ, лишь увеличивая размѣры расплаты. Между тѣмъ, записка совсѣмъ замалчиваетъ вопросъ объ опасностяхъ и послѣдствіяхъ возврата, словно его не существуетъ, словно каждая совершенная продажа—безповоротный фактъ. Если такой солидный пробѣлъ допущенъ, чтобы не портить впечатлѣнія, то вѣдь наличность пробѣла слишкомъ видна и картина оказывается невѣрною. Поэтому приходится напомнить, что и безъ новыхъ покупокъ на шеѣ банка останутся не только не сбытыя 2.664.000 десятинъ, но и все то, что вернется банку обратно отъ крестьянъ. Будетъ надъ чѣмъ трудиться очень долго.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ земельно-торговой операціи—къ ея безубыточности. Помимо потерь, возможныхъ вслѣдствіе дорогой покупки и возникающей изъ нея непрочности продажъ, постоянный источникъ убытка создается необходимостью веденія на купленной землѣ казеннаго хозяйства, не приносящаго того

чистаго дохода, какой нуженъ для уплаты процентовъ на затраченный для покупки капиталъ. Если на выпущенныя банкомъ бумаги платится одна сумма, а отъ имѣній, въ періодъ между ихъ покупкою и продажею крестьянамъ, получается другая, меньшая, то въ дѣйствительности приплачивается разница. Что приплата эта существуетъ—давно извѣстно, но относительно размѣра ея опредѣленныя цифры въ первый разъ даетъ разсматриваемая записка. И оказывается, что въ 1906-мъ году банковыя имѣнія дали чистаго дохода всего $1^1/_2$%, въ 1907 г. 2,8%, въ 1908 г.—3,6% и около той же суммы въ 1909-мъ году. Въ среднемъ выводѣ за четыре года записка показываетъ 2,9%. Какъ именно вычислены эти цифры—намъ неизвѣстно и потому надо положиться на свидѣтельство записки. Между тѣмъ, по выпускаемымъ для покупки бумагамъ платилось отъ 5% до 6%, при чемъ эта послѣдняя норма даже преобладала (именныя обязательства). Примемъ въ общемъ $5^1/_2$%. Такимъ образомъ, приплата должна составлять, въ среднемъ, не менѣе $2^1/_2$%. Если даже принимать въ соображеніе только высшій размѣръ банковаго дохода, то получится около 2 процентовъ ($5^1/_2$%—3,6%). Къ началу 1910-го года подобную приплату предстояло нести на оставшіяся во владѣніи банка 2.664.000 десятинъ, за которыя уплачено 247 милліоновъ рублей; слѣдовательно она составляла не менѣе 5 милліоновъ рублей. А въ предыдущіе два года надо было приплачивать на капиталы въ 277 и въ 295 милліоновъ, т.-е. значительно больше. На земли, которыя будутъ возвращаться банку отъ крестьянъ, потребуются еще новыя приплаты. Вообще банкъ не довыручаетъ болѣе третьей части того, что самъ платитъ, имѣя у себя, такъ сказать, постоянную и большую денежную прорѣху. Какимъ же образомъ подобную прорѣху можно назвать безубыточностью? Можно выѣзжать развѣ на надеждахъ, что авось впереди доходы повысятся и сбытъ земель ускорится; но однѣ надежды—ненадежный конь, пожалуй не вывезетъ.

Для иллюстраціи своихъ надеждъ записка приводитъ еще окончательный разсчетъ по ликвидированнымъ въ теченіе четырехъ лѣтъ 262 тысячамъ десятинъ. Выходитъ, что чистаго дохода отъ ихъ эксплуатаціи за время банковаго управленія получено 1.390.000 рублей, а на покрытіе процентовъ отчислено 2.364.000 рублей, т.-е. недовыручено для оплаты капитала 974 тысячи рублей. Эту недовыручку съ лихвою покрыли тѣмъ, что землю продали крестьянамъ дороже покупной цѣны на 1.282.000 р. Въ итогѣ, не только покрыты расходы эксплуатаціи имѣній, но оплаченъ и процентъ на капиталъ, и даже получено 308 тысячъ барыша, что составляетъ 1% на этотъ капиталъ. Съ перваго взгляда, такой показной примѣръ будто и пригоденъ; однако при поверхностномъ даже вниманіи смущаетъ то, что

означенный результатъ достигнутъ повышеніемъ продажной цѣны, т.-е. переложеніемъ дефицита казеннаго хозяйства на крестьянскія плечи. Еще бо̀льшее впечатлѣніе получается отъ того, что означенныя 262 тысячи десятинъ составляютъ едва тринадцатую часть всей купленной банкомъ земли, менѣе десятой части оставшейся у банка непроданною и лишь четвертую часть того, что̀ банкъ успѣлъ сбыть за четыре года. Другими словами, это маленькій показной отборъ изъ большой массы. Удастся ли также переложить на крестьянъ-покупщиковъ убытки остальной массы—это остается очень большимъ вопросомъ. А другой вопросъ—не подрываютъ ли подобныя перекладки прочность совершенныхъ продажъ и не жертвуютъ ли ради нихъ основною цѣлью—передачею земли именно наиболѣе нуждающимся, а не сытымъ? Пока въ отношеніи къ главной массѣ банковой земли видна лишь убыточность.

Объясненныя выше отрицательныя свойства банковой земельно-торговой операціи, конечно, давно извѣстны, но теперь приходится коснуться ихъ какъ потому, что относительно ихъ обнародованы свѣжія точныя свѣдѣнія, такъ и, главнымъ образомъ, въ виду того очень характернаго явленія, что министерство строитъ на этихъ свѣдѣніяхъ выводы какъ разъ обратные тѣмъ, какіе изъ нихъ дѣйствительно вытекаютъ. Данныя министерской записки гораздо пригоднѣе для доводовъ за прекращеніе земельныхъ покупокъ, чѣмъ за ихъ продолженіе, для доказательства очевидной неудачи, а не успѣха. Онѣ ясно обрисовываютъ неспособность банковыхъ и прочихъ землеустроительныхъ учрежденій толково и незамедлительно пристраивать земли даже при сильномъ крестьянскомъ спросѣ—а записка говоритъ о доказанной на опытѣ успѣшности земельнаго сбыта; предъ нами многомилліонныя приплаты—а изъ нихъ выводятъ безубыточность и финансовую пригодность; задачу банка составляетъ помощь противъ малоземелья, но о томъ, какъ достигается эта коренная цѣль—краснорѣчивое молчаніе; существуетъ крупная опасность возврата банку уже сбытыхъ земель, но о ней—ни слова. Кого можно убѣдить подобными пріемами, кромѣ тѣхъ, кто, и не читая, заранѣе готовъ соглашаться съ министерскими предложеніями?

Разумѣется, послушная Дума можетъ принять внесенный въ нее законопроектъ; но относясь къ дѣлу серьезно, слѣдуетъ сказать, что если проектъ пройдетъ, то малоземелье замѣтно не уменьшится, нуждающіеся крестьяне почти ничего не выиграютъ, цѣны на землю не удержатся выше ея стоимости, будутъ значительные хроническіе убытки, банкъ и прочія землеустроительныя учрежденія наберутъ себѣ много новой работы, не будучи въ силахъ справляться съ крупнымъ остаткомъ старой, и процвѣтетъ—одно затяжное упражненіе въ земельной

кройкѣ, практическая оцѣнка которой не загадочна—и не за горами. Если хотятъ, чтобы покупки были полезны—надо измѣнить земельную политику; а этого пока не видно.

Ѳ. Ѳ.

БѢЛОРУССКІЕ ПОЭТЫ

Дикая, безсмысленная травля „инородцевъ", которая считается у насъ теперь высшимъ словомъ государственной мудрости и, раздуваемая наемными публицистами, возводится въ перлъ патріотизма, вызываетъ повсюду ростъ здоровыхъ національныхъ стремленій. Земледѣльцы говорятъ, что иногда холодокъ, сѣрая погода да непрерывный, скучный мелкій дождь бываютъ нужны хлѣбамъ. Мы-то, городскіе жители, сердимся на скучное безвременье и впадаемъ въ хандру—а земля дѣлаетъ свое дѣло и раститъ здоровый хлѣбъ съ здоровыми сѣменами. Такъ и теперь: ужъ чего, кажется, назойливѣе и однообразнѣе этотъ ливень ограничительныхъ циркуляровъ, этотъ гулъ „патріотическихъ" статей—а исторія дѣлаетъ и дѣлаетъ свою непрерывную, хотя и незамѣтную работу. Она поднимаетъ къ жизни долго дремавшія народности. Униженныя и осмѣянныя казеннымъ перомъ, онѣ лучше оріентируются въ своемъ положеніи; національная ихъ печать несетъ повсюду новыя, жизнетворныя стремленія и убѣжденія; интеллигенція, отщепившаяся отъ своего народа, возвращается къ нему. Таковъ процессъ, происходящій по всей Россіи. Привѣтъ ему, этому здоровому демократическому процессу: онъ распространяетъ истинное просвѣщеніе, пріобщаетъ къ общегосударственнымъ интересамъ всѣ слои народа, объединяетъ ихъ, конечно, гораздо больше, чѣмъ всякое оффиціальное учрежденіе — какъ могла бы объединять развѣ Государственная Дума, если бы она была настоящимъ представительствомъ своей Россіи.

Бѣлорусское національное возрожденіе пошло быстро съ 1905-го года, но пробужденіе народа насчитываетъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ. Какъ всегда и вездѣ это бываетъ у національностей пробуждающихся, сначала кучка интеллигентовъ, „смѣшныхъ идеалистовъ", почувствовала свою кровную связь съ забитыми и темными народными массами, сердечно ихъ пожалѣла и стала писать для нихъ. Какъ въ украинской, такъ и въ бѣлорусской литературѣ дѣло началось съ пародій, съ подражаній. Уже въ XVIII вѣкѣ нѣкій В. П. Ровинскій перекла-

дываетъ малорусскую „Энеиду“ И. Котляревскаго „на смоленскій крестьянскій языкъ“, и переложеніе его пользуется большой популярностью у мѣстной мелкой шляхты. Потомъ, въ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ долгаго перерыва, опять появляются произведенія на бѣлорусскомъ языкѣ. Выходятъ они изъ среды польскаго бѣлорусскаго дворянства, такъ какъ другой интеллигенціи въ краѣ не было; русскіе чиновники, презиравшіе все на свѣтѣ, кромѣ двадцатаго числа, конечно оставались совершенно чуждыми народной массѣ. Но изъ того благороднаго демократическаго кружка, который образовался въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ Виленскомъ университетѣ подъ названіемъ филаретовъ, вышли люди, проникнутые живымъ чувствомъ симпатіи къ народу. Другъ Мицкевича, Янъ Чечотъ, уже юношей сочиняетъ бѣлорусскіе стихи, а въ зрѣломъ возрастѣ продолжаетъ собираніе бѣлорусской народной поэзіи и самъ создаетъ рядъ удивительно удачныхъ подражаній ей. Дунинъ-Марцинкевичъ (1807—1885 гг.) печаталъ по-бѣлорусски и народныя пьесы, и повѣсти, и стихи. Но еще долго все это оставалось курьезомъ, любительской поэзіей, проявленіемъ господскаго снисхожденія къ „народу“.

Съ 1891-го года дѣло мѣняется. Въ этомъ году выходитъ „Бѣлорусская дудка“ Бурачка—сборникъ стихотвореній, проникнутыхъ живымъ національнымъ сознаніемъ и снабженныхъ предисловіемъ. Консервативный историкъ этого движенія, самъ бѣлоруссъ, но трепещущій передъ народнымъ движеніемъ, ректоръ Варшавскаго университета Е. Ѳ. Карскій, ставитъ въ упрекъ Бурачку, будто бы онъ „старается возбудить сепаратистическія стремленія національныя и литературныя, отстранить бѣлоруссовъ отъ великоруссовъ и побудить ихъ къ выработкѣ самостоятельной литературы“. Это—обычный упрекъ людей, перешедшихъ на сторону господъ положенія и умѣющихъ видѣть въ національныхъ стремленіяхъ лишь пустую забаву, если не „крамолу“. Дѣйствительно, какъ опасно предисловіе Бурачка! Послушайте, что говоритъ авторъ. „Милые братья, дѣти Земли — моей Матери! Вамъ посвящая свою работу, я долженъ поговорить съ вами о нашей долѣ-недолѣ, о нашемъ родномъ исконномъ языкѣ, который мы сами, да и не одни мы, а всѣ темные люди зовутъ „мужицкимъ“, хотя онъ называется бѣлорусскимъ... Нашъ языкъ—такой же человѣческій и панскій, какъ и французскій или нѣмецкій, или какой-либо другой. Неужели же такъ на вѣки вѣковъ мы можемъ читать и писать только на чужомъ языкѣ? Хорошо и даже необходимо знать сосѣдскій языкъ, но прежде всего надо знать свой“. Такъ поэтъ старался пробудить въ своемъ народѣ уваженіе къ своей личности, стремленіе къ свободѣ. И онъ жаловался на трудность работы въ своей „Дудкѣ“: „Соракъ гадоу бьюся, Ніякъ ня звярнуся, Ніякъ ня натраплю

Вадзицы хоць каплю, Ды такой вадзицы, Ды съ такой крыницы, Што якъ хто напьёцца Дыкъ вольнымъ стаёцца!"

Однако „капля свободной воды", которую сорокъ лѣтъ искалъ Бурачокъ, упала не на безплодную почву. Ростки свободы повсюду стали подниматься на бѣлорусской нивѣ, и къ 1905-му году мы видимъ уже довольно сильное движеніе, благодаря которому образовался издательскій кружокъ и появилась первая бѣлорусская газета. Правда, издатели были вынуждены работать не только безкорыстно, но и самоотверженно; правда, немало попытокъ разбилось объ административныя кары и преграды. Но подавить самое движеніе не удалось даже нынѣшней „твердой" власти. Кажется, она поняла, что загнать его внутрь народа, сдѣлать легальное и невинное „преступнымъ"—было бы ужъ слишкомъ неблагоразумно. Конечно, будь это гдѣ-нибудь въ коренной Россіи, передъ такими пустяками не остановились бы; но вѣдь въ Бѣлоруссіи имѣется „недержавная" народность, поляки. Слишкомъ прижать бѣлорусское національное движеніе значило содѣйствовать его полонизаціи, и бѣлорусской интеллигенціи позволяютъ, хотя и со всяческими препонами, дѣлать свою большую культурную работу, насаждать въ народѣ грамотность, распространять интересъ къ родному языку. Вотъ уже пятый годъ выходитъ еженедѣльная газета „Наша Ніва", единственный органъ, черезъ который въ глушь Бѣлоруссіи проникаетъ свѣтъ современной культуры. „Наша Ніва" сообщаетъ о работѣ Государственной Думы, о томъ, что дѣлается на Западѣ; она печатаетъ разсказы и стихи, выпускаетъ въ видѣ приложенія исторію Бѣлоруссіи, сборники стиховъ и т. д. За первые три года своего существованія „Наша Ніва" помѣстила 960 корреспонденцій изъ 489 деревень, напечатала 246 стихотвореній 61-го поэта и 91 разсказъ 36 различныхъ авторовъ. Можно сказать, что бѣлорусская газета дошла до самыхъ низовъ и вызвала съ ихъ стороны живой откликъ. „Наша Ніва" растетъ и развивается, хотя матеріально все еще жестоко бѣдствуетъ.

Просматривая этотъ журналъ съ первыхъ дней его существованія, я невольно обратилъ вниманіе на несомнѣнную талантливость нѣкоторыхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ немъ. Отъ этой бѣлорусской поэзіи вѣяло такой непосредственностью живой любви къ родному краю, которая захватывала и читателя. Разумѣется, эта поэзія не сложна. Ей еще чужда утонченность настроеній міровыхъ литературъ. Мотивы ея просты и однообразны, какъ однообразно бѣлорусское Полѣсье; они грустны, какъ эта бѣдная, заброшенная страна, отрѣзанная въ иныхъ мѣстахъ на цѣлые мѣсяцы отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ потребность человѣческаго духа, сознавшаго свою индивидуальность, завоевать право свободнаго ея развитія обнаружи-

вается въ бѣлорусской поэзіи иногда такъ же ярко, какъ и въ малорусской. Совершенно не знакомое съ прекрасной украинской поэзіей, съ ея удивительной задушевностью, и мягкостью, съ свѣжестью ея юмора, наше общество, вѣроятно, съ удивленіемъ узнаетъ о существованіи нѣсколькихъ бѣлорусскихъ поэтовъ, произведенія которыхъ, вѣроятно, стали бы очень замѣтны, если бы они были написаны на великорусскомъ языкѣ. А можетъ-быть бѣлорусскимъ поэтамъ и нечего было бы сказать намъ, еслибы они были пересажены на нашу почву: вѣдь поэзія расцвѣтаетъ лишь у себя дома, подъ своимъ небомъ, питаясь соками *родной* земли. Являясь выраженіемъ народнаго душевнаго склада, эта поэзія раскрываетъ намъ то самое святое, чѣмъ живетъ масса, чаще всего полусознательно. И какъ въ стихахъ и разсказахъ украинскихъ писателей мы видимъ мучительный вопросъ о судьбахъ „недержавныхъ“ народностей, горячій призывъ къ „неродным сыновьямъ родной матери“ вернуться домой, въ среду своего народа, страстное возмущеніе ренегатствомъ и мощное чувство любви къ милой родинѣ, такъ и въ бѣлорусской поэзіи эти ноты выступаютъ на первый планъ.

Въ послѣдніе годы, какъ поэты, выдвинулись *Янка Лучына* (Иванъ Неслуховскій), авторъ сборника стиховъ „Вязанка“ (1903), *Мацей Крапіука*, *Эдзюкъ Будзька* и многіе другіе, помѣщающіе въ каждомъ номерѣ „Нашей Нівы“ порою неискусные, мало оригинальные, но всегда горячіе, искренніе стихи, которые, навѣрное, находятъ широкій откликъ въ народныхъ массахъ. На первое мѣсто слѣдуетъ поставить трехъ поэтовъ: *Янка Купалу* („Жалейка“, 1908), *Якуба Коласа* („Песьни-жальбы“, 1910) и все болѣе выдающагося *Максима Богдановича*. Первые двое, какъ мнѣ сообщаютъ изъ Вильны, „дѣйствительно сыны народа, выросшіе въ мужицкой хатѣ, что̀ даетъ намъ право въ ихъ душахъ видѣть проявленія души всего народа“. Что касается послѣдняго, то, по опредѣленію того же лица, „это уже индивидуалистъ въ сопоставленіи съ двумя первыми. У него проглядываетъ нѣжная, особенно интеллигентная душа, и эта ея филигранность можетъ быть залогомъ развитія. Для уясненія его переживаній интересно знать нѣкоторыя данныя изъ его жизни: это — юноша восемнадцати-девятнадцати лѣтъ, гимназистъ восьмого класса, болѣзненный, сынъ бѣлорусса (раньше, кажется, народнаго учителя), переселившагося лѣтъ двадцать тому назадъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ Максимъ Богдановичъ и родился. Года два тому назадъ онъ случайно познакомился съ изданіями на бѣлорусскомъ языкѣ и пробудился въ національномъ отношеніи. Пробудившееся чувство отдаленія отъ родины, которой онъ никогда не видѣлъ, но о которой онъ зналъ отъ отца, равно какъ болѣзнь, и повліяли на созданіе этого новаго

типа, пока одинокаго, въ семьѣ бѣлорусскихъ поэтовъ". М. Богдановичъ — одно изъ обычныхъ явленій, сопровождающихъ національное пробужденіе народовъ: тонкая и чуткая натура, охваченная стремленіемъ вернуться къ униженному и забытому народу. „Ни одинъ сытый не можетъ такъ играть, какъ играетъ народное горе", писалъ этотъ юноша въ 1907-мъ году, въ символической легендѣ о происхожденіи поэзіи.

Въ этомъ очеркѣ я остановлюсь на четырехъ бѣлорусскихъ поэтахъ: Янкѣ Лучинѣ, Янкѣ Купалѣ, Якубѣ Коласѣ и М. Богдановичѣ. Не лишнее упомянуть, что въ братской украинской литературѣ слѣдятъ съ живымъ сочувствіемъ за процессомъ бѣлорусскаго національнаго возрожденія. Одинъ изъ львовскихъ писателей посвятилъ этому процессу довольно обширную работу (И. Святицькій, „Видроджене білоруського письменства", 1908) и привелъ въ ней нѣсколько политическихъ бѣлорусскихъ стихотвореній, которыя по условіямъ нашей печати не могли появиться въ виленской „Нашей Нівѣ". Характерно, что и въ этихъ стихотвореніяхъ вовсе не обнаруживается пресловутаго „сепаратизма", который такъ неразумно и, я сказалъ бы, съ такою опасностью для государства наши націоналисты усматриваютъ во всякомъ національномъ движеніи. Содержаніе ихъ обычно для всей русской освободительной поэзіи. „Паустаньце! край ваш стогне родны, заве збауляць, як звау не раз. Паустаньце, гляньце, Божэ милы, свабоды сонцэ васъ заве! Крыху адваги й дружнай силы, а шчасце вечна зацьвяце!" (Встаньте! Стонетъ вашъ родной край, зоветъ спасти его, какъ звалъ не разъ. Встаньте, взгляните, Боже мой, васъ зоветъ солнце свободы. Немного отваги и дружной силы, и счастье зацвѣтетъ навѣки).

Янка Лучына ставитъ на первомъ планѣ вопросы соціальнаго положенія народа. Его сборникъ, вышедшій въ 1903-мъ году, является предзнаменованіемъ того общаго движенія, которое въ 1905-мъ году разразилось грозной бурей надъ всей Россіей. И скорбь по народной темнотѣ и бѣдности, и вѣра въ громадныя силы, заложенныя въ немъ, и молодой оптимизмъ, убѣжденный, что „счастье будетъ, какъ пчелкамъ въ ульѣ": все это внушаетъ Лучынѣ истинно-поэтическія нотки. Вотъ его обращенія къ сѣверному вѣтру:

Эй ты, сиверъ,—ня дзьми!.. не патрэбенъ ты намъ,
Адъ полудня цяплу зъ тобой ходу нима!
Хоць бы разъ безъ цябе зарунецъ бы палямъ,
Хоць бы разъ у свой часъ адышла бы зима!
Устрапянуся бы духъ у челавѣчай грудзи,
Ды й забыли бы мы морэ смутку ды й слезъ
Сцихни, сиверъ, хоць разъ, на лясохъ ня гудзи,
На далекъ акіанъ убяжи ты, марозъ!

Эй ты, сѣверъ, не дуй. Ты не надобенъ намъ,
Намъ съ тобой не дождаться отъ юга тепла,
Хоть бы разъ безъ тебя пробудиться полямъ,
Хоть бы разъ въ соое время зима-то ушла!
Встрепенулся бы духъ въ человѣчьей груди,
И забыли бы мы море скорби и слезъ,
Стихни, сѣверъ, хоть разъ, по лѣсамъ не гуди,
И къ далекимъ морямъ убѣги ты, морозъ!

Въ другомъ стихотвореніи, посвященномъ „Родной Сторонкѣ", мы слышимъ то же заунывное, чисто народное, бѣлорусское причитаніе надъ бѣдностью и темнотой Бѣлоруссіи. „Ты намъ раскинулась, лесомъ, балотами, выдмай песчаною, неураджайною, мати зямлица, и умалотами хлеба надъ мерку не дашъ звичайную. А сынъ твой беднай адзетъ сермягаю, зъ лыка плеценые лапци абууты, едзе драбанами, цы калымагаю, конемъ, што уягне, якбы заснуушы... Усе у табе бедна. Часта заплачэ мужыкъ араты дзеля злой доли, цяжка працуючи"...

Тѣ же мотивы проходятъ красной нитью въ „Жалейкѣ" Янки Купалы, но техника его стихотвореній выше. Рѣзче выступаетъ и народная струя въ языкѣ. Стихи Лучины пойметъ всякій образованный русскій человѣкъ — для пониманія Янки Купалы нужно знакомство съ бѣлорусскимъ словаремъ. И рядомъ съ горькой нотой въ стихахъ этого поэта-крестьянина выступаетъ уже нѣчто новое: вѣра въ будущее Бѣлоруссіи. „Я мужикъ-бѣлоруссъ", — заявляетъ онъ, — „Темный самъ, бѣлый усъ. Эхъ, кабъ темный не былъ, читать книжки умѣлъ, я бы счастье добылъ, я бы пѣсенки пѣлъ! Я сумѣлъ бы сказать, что и я человѣкъ, что и мнѣ горевать надоѣло весь вѣкъ". Это еще очень примитивное, но тѣмъ болѣе понятное народу, тѣмъ болѣе связанное съ нимъ сознаніе соціальной неправды проходитъ красной нитью въ „Жалейкѣ" Купалы, съ тѣмъ однообразіемъ, которое такъ обычно въ народной поэзіи. Жалобы на пана, который гонитъ арендатора изъ избы, патетическое восклицаніе: „Не праклинайце лапцяу липовыхъ, не пагарджайце лапцяу лазовыхъ", воспѣваніе сохи и бѣдной хатки, стихійная радость приходу весны и грусть съ наступленіемъ осени и зимы, непрерывный стонъ надъ народной бѣднотой, темнотой и безправіемъ—вотъ содержаніе стихотвореній Янки Купалы. Таково и самое характерное изъ нихъ: „А кто тамъ идетъ".

А хто там идзе, а хто тамъ идзе?
У вагромнистай такой грамадзе?
— Беларусы.
А што й ны нясуць на худых плечах,
На у лапцях нагах, на у крыви руках?
— Сваю крыуду.

А каму нясуць гэту крыуду усю,
А куды нясуць на паказ сваю?
— На светъ цэлы.
А хто гэтай йих, не адзин мильйон,
Крыуду несць научыу, разбудзиу йих сон?
— Беда, гора.
А чагож, чаго захацелась йим,
Пагарджанным век, йим сляпым, глухим?
— *Людзьми звацца.*

Сборникъ „Песьни-жальбы“ Якуба Коласа самымъ своимъ названіемъ опредѣляетъ господствующій тонъ его стихотвореній. Но содержаніе ихъ сложнѣе, чѣмъ у Янки Купалы. Здѣсь преобладаютъ картины природы, иногда такія изящныя и поэтическія, что невольно останавливаешься надъ ними. Въ Якубѣ Коласѣ чувствуется дѣйствительный поэтъ, умѣющій находить *свои* слова для давно описанныхъ образовъ. Этихъ картинъ, взятыхъ изъ родной земледѣльческой природы, такъ много въ сборникѣ, и такъ онѣ своеобразно прочувствованы поэтомъ, что по нимъ можно было бы просто составить альбомъ крестьянской, сѣрой, не польской и не великорусской, а совсѣмъ особенной „сермяжной“ Бѣлоруссіи.

„Ціха калосься, схіліушы галовы,
Шэучуць у межах палёу;
Толькіж ня слухае неба іх мовы —
Жальбы ржаных калосоу.
Сіняе небо усё сонцэм заліто;
Полудзень, вар, цішына“...

Тихо колосья, склонивши головки,
Шепчутъ на межахъ полей;
Только не слушаетъ небо ихъ жалобъ,
Ржаныхъ колосьевъ рѣчей.
Синее небо все солнцемъ залито,
Полдень, жара, тишина...

А вотъ о колосѣ, выросшемъ случайно среди травы. „На соломкѣ тонкой средь травы глухой, спѣетъ, доспѣваетъ колосъ сиротой. Можетъ, пташка Божья бросила зерно, или залетѣло съ бурею оно, или конь изъ торбы какъ-то уронилъ на чужую пашню зерно посадилъ“. Приходитъ весна. „И зима, какъ дымъ, пропала, зеленѣетъ лугъ, поля, и очнулась, какъ отъ боли, наша родная земля“. Картины природы сплетаются съ длинными, однообразными, обычными въ бѣлорусской поэзіи картинами крестьянской доли. „Пока жить ты соберешься, умирать уже пора“. „Рѣдкое жниво, травы половина, колосъ не гнется зерномъ до земля“. „Наше поле дрянно родитъ, бѣдно здѣсь живетъ народъ, и въ грязи онъ, бѣдный, ходитъ, а трудится—

льется потъ. Грустно смотрятъ деревеньки, глянешь—сердце заболитъ, на дворѣ полѣнья, бревна, куча мусору лежитъ. Крестъ сосновый на дорогѣ, кучка тополей сухихъ; тихо, скучно, какъ въ острогѣ, какъ среди могилъ своихъ. А какъ пѣсня понесется, сколько въ пѣснѣ той бѣды! Убѣжалъ бы я, сдается, самъ не вѣдаю, куды! Край нашъ родный, бѣдно поле, ты глядишь, какъ сирота; грустенъ ты, какъ наша доля, какъ ты—наша темнота!" Якубъ Коласъ не даромъ упоминаетъ объ острогѣ; цѣлый рядъ его стихотвореній объединенъ общимъ названіемъ: „Изъ тюрьмы". Впрочемъ, не Коласъ одинъ посылаетъ въ „Нашу Ніву" свои стихи изъ тюрьмы. „С турмы" грустно-гнѣвное стихотвореніе шлетъ Эдзюкъ Будзько.

Максимъ Богдановичъ пишетъ по-бѣлорусски, но мотивы его поэзіи—общечеловѣческіе, не тѣсно-народные. „Какъ надъ бѣлымъ пухомъ вишень, точно синій огонекъ, бьется, вьется быстрый, легкій, синекрылый мотылекъ. А вокругъ него весь воздухъ въ струнахъ солнца золотыхъ, онъ дрожащими крылами еле слышно звонитъ въ нихъ. И хвалою льется пѣсня, тихій, ясный гимнъ веснѣ. Иль его мнѣ напѣваетъ, напѣваетъ сердце мнѣ? Можетъ быть, то вѣтеръ звонкій въ тонкихъ травкахъ шелеститъ, иль камышъ сухой, высокій тамъ у берега шуршитъ? Не понять и не развѣдать, никогда мнѣ не узнать, не даютъ мнѣ думать звуки, что летятъ, дрожатъ (зьвіняць). Пѣсня рвется, пѣсня льется на раздольный вольный свѣтъ; кто поймётъ ее, услышитъ? Только, можетъ быть, поэтъ"!

Такова современная бѣлорусская поэзія, грустная, небогатая темами и образами, поэзія народа, истосковавшагося въ безнадежномъ подчиненіи чужимъ культурамъ и религіямъ. Мало было народовъ, съ которыми исторія продѣлала бы столько экспериментовъ, какъ съ бѣлорусскимъ. Сначала самостоятельныя княжества были завоеваны литовскими князьями, но бѣлорусскій языкъ сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ ихъ государства. Потомъ пришло польское владычество, съ его презрѣніемъ къ крестьянству и къ хлопской вѣрѣ. Іезуиты насадили унію; шляхта водворила польскій языкъ. Екатерина II присоединила бѣлорусскія губерніи къ Россіи подъ видомъ возстановленія древняго единства русскихъ земель, хотя Московское государство никогда не владѣло ими. Было возстановлено православіе при Николаѣ I. На бытовыя особенности населенія, на его многовѣковую собственную исторію обращалось мало вниманія, точно Минская или Гродненская губерніи ничѣмъ не отличаются отъ Тверской. Населеніе чувствовало себя приниженнымъ, еще болѣе приниженнымъ, чѣмъ въ Великороссіи. И вотъ теперь началось его національное пробужденіе, выражающееся, какъ показываетъ его поэзія, въ сознаніи своего человѣческаго *я*. Это движеніе еще слабо, еще

ограничивается десятками активныхъ работниковъ и немногими тысячами сочувствующихъ. „Ты сѣешь... а гдѣ твое жниво?“—спрашиваетъ Янка Купала въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Замретъ ли это движеніе, или ему суждено разростись, и весь бѣлорусскій народъ проникнется сознаніемъ своихъ національныхъ правъ? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ категорически. Я думаю, что дѣло бѣлорусскихъ національныхъ дѣятелей чистое и хорошее, что оно несетъ въ глухіе закоулки бѣдной страны и первыя знанія, и интересъ къ книгѣ, и жажду разумной, осмысленной, достойной человѣка жизни. Я думаю, что ихъ трудъ не безплоденъ, и въ томъ или иномъ направленіи, можетъ-быть неожиданномъ для нихъ самихъ, принесетъ жатву. Какъ ни сильно на свѣтѣ зло, все-таки добро въ концѣ-концовъ побѣждаетъ его, и если самоотверженный, безкорыстный трудъ бѣлорусскихъ работниковъ пробудитъ гражданское и человѣческое сознаніе въ забитыхъ бѣлорусскихъ массахъ, то и это будетъ святой результатъ ихъ дѣятельности, хотя бы имъ и не удалось, скажу болѣе — не понадобилось создать особый литературный бѣлорусскій языкъ. Во всякомъ случаѣ, это вопросъ будущаго, который разрѣшитъ исторія.

А. Погодинъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ЮЖАКОВЪ

Скончавшійся 29-го ноября, на 62-мъ году жизни, публицистъ и соціологъ С. Н. Южаковъ выдвинулся впервые въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда появились его содержательные научно-соціологическіе этюды въ журналѣ „Знаніе“. Онъ самостоятельно разбиралъ въ нихъ вопросы, сильно занимавшіе въ то время передовые кружки нашей интеллигенціи—вопросы объ отношеніи дарвинизма къ общественнымъ наукамъ и о значеніи органической теоріи Спенсера для соціологіи. Обладая способностью систематическаго мышленія, онъ очень тонко анализировалъ тѣ біологическія обобщенія и увлеченія, которыя побуждали многихъ возставать противъ объективнаго научнаго метода, какъ пренебрегающаго жизненными интересами индивидуальности. Онъ понималъ, что наука нисколько не отвѣтственна за ошибочные или односторонніе выводы, дѣлаемые отдѣльными изслѣдователями и теоретиками, хотя бы самыми авторитетными. Этою правильною научною точкою зрѣнія проникнуты всѣ его статьи, собранныя

впослѣдствіи въ книгу подъ названіемъ „Соціологическихъ этюдовъ“ (Спб., 1891).

Въ противоположность тѣмъ „трезвымъ философамъ“, которые считали борьбу за существованіе необходимымъ условіемъ историческаго прогресса и совершенствованія человѣческой породы, С. Н. Южаковъ доказывалъ, что „естественный подборъ не играетъ въ цивилизованномъ обществѣ никакой роли“, что „историческій прогрессъ, путемъ котораго человѣчество развилось изъ дикаго состоянія въ цивилизованное, былъ исторіею постепеннаго стѣсненія поля дѣятельности естественнаго подбора, черезъ замѣну органически наслѣдственныхъ орудій борьбы за существованіе такими орудіями и средствами, которыя не могутъ быть унаслѣдованы“. Борьба за существованіе, вмѣстѣ съ сопровождающею ее гибелью „неприспособленныхъ“, вовсе не приводитъ къ благотворному дѣйствію естественнаго подбора, „вовсе не совершенствуетъ породу, сохраняя только лучшихъ особей и губя менѣе одаренныхъ: она равно разитъ тѣхъ и другихъ, и выживаніе обусловливается вовсе не личнымъ превосходствомъ, а соціальными условіями“. Въ статьѣ о „субъективномъ методѣ“ С. Н. Южаковъ обстоятельно критикуетъ взгляды, изложенные въ „Историческихъ письмахъ“ Миртова (П. Л. Лаврова) и получившіе дальнѣйшее развитіе въ работахъ Н. К. Михайловскаго. Можно сказать, что разсужденія его по этому предмету составляютъ до сихъ поръ самое цѣнное, что было высказано въ нашей литературѣ о такъ называемой субъективной школѣ въ соціологіи. Онъ утверждалъ, что оспариваемая имъ постановка вопроса „есть сама по себѣ уже отрицаніе соціологіи, какъ особой науки, и отожествленіе ея съ политикой“. „Вредъ такого смѣшенія абстрактнаго отдѣла обществознанія съ прикладнымъ—заключаетъ онъ — очевиденъ, особенно если присоединить къ этому столь общераспространенное смѣшеніе конкретной и абстрактной соціологіи“. Проводя такую мысль, онъ выступалъ противъ писателей, вдохновляемыхъ не научно-теоретическими, а глубоко-практическими, соціально-политическими цѣлями и стремленіями, съ которыми онъ былъ безусловно солидаренъ. Въ концѣ своего этюда онъ оправдываетъ предпринятую имъ полемику единственно лишь „убѣжденіемъ въ ошибочности ихъ (Лаврова и Михайловскаго) воззрѣній и увѣренностью, что это заблужденіе, исходя изъ положеній вполнѣ истинныхъ и обращаясь къ лучшимъ инстинктамъ человѣческой природы, легко можетъ популяризоваться и принести вредъ весьма многимъ начинающимъ думать о соціальныхъ явленіяхъ“. „На себѣ самомъ—говоритъ онъ далѣе — я испыталъ всю тяжесть этой предварительной методологической работы; субъективизмъ связываетъ свое дѣло съ такими принципами, которые не могутъ не быть дороги ка-

ждому порядочному человѣку, а извѣстность его защитниковъ только скрѣпляетъ эту связь; распутать эту связь не легко для неопытнаго мыслителя".

Успѣшно начатая литературная дѣятельность С. Н. Южакова была прервана обычными у насъ политическими мытарствами: съ 1879 до 1882 г. онъ находился въ ссылкѣ въ Сибири, послѣ чего долго еще страдалъ отъ послѣдствій своей „неблагонадежности". Будучи сыномъ генерала-отъ-кавалеріи, потомкомъ гетмана Полуботко, онъ рано порвалъ съ родными и съ молодыхъ лѣтъ вынужденъ былъ вести жизнь провинціальнаго газетнаго работника, неувѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ. Не окончивъ курса историко-филологическаго факультета въ Новороссійскомъ университетѣ, онъ довершилъ свое образованіе собственнымъ трудомъ и сдѣлался однимъ изъ наиболѣе свѣдущихъ и начитанныхъ дѣятелей нашей журналистики. Съ 1882 г. онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ", гдѣ статьи его печатались и ранѣе; съ закрытіемъ этого журнала онъ перешелъ сначала въ „Русскую Мысль", затѣмъ съ 1885 г. въ основанный г-жею А. Евреиновою „Сѣверный Вѣстникъ", и наконецъ съ 1893-го года окончательно водворился въ „Русскомъ Богатствѣ", гдѣ до самой смерти велъ отдѣлъ иностранной политики. Послѣ выхода изъ „Сѣвернаго Вѣстника", въ 1889-мъ году, онъ получилъ мѣсто на Дальнемъ Востокѣ, при постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги, и по возвращеніи оттуда издалъ отдѣльной книгою свои интересныя путевыя впечатлѣнія, подъ заглавіемъ: „Доброволецъ „Петербургъ". Дважды вокругъ Азіи" (Спб., 1894).

Въ 1896 г. вышелъ въ свѣтъ второй томъ „Соціологическихъ этюдовъ", заключающій въ себѣ теоретическія статьи, помѣщенныя главнымъ образомъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", по вопросамъ о сущности соціологической проблемы, о нравственномъ элементѣ въ общественной жизни и объ экономическомъ началѣ, въ связи съ условіями общественной борьбы. Во вступительномъ очеркѣ современныхъ литературныхъ теченій авторъ даетъ рѣзко отрицательную характеристику марксизма, не одобряя, однако, и самобытныхъ иллюзій узкаго народничества. Шумное выступленіе экономическихъ матеріалистовъ, въ связи съ обособленіемъ группы народниковъ, представляетъ собою, по его словамъ, „шквалъ малодушнаго сомнѣнія въ творческихъ силахъ націи, набѣжавшій изъ нѣдръ общественной реакціи и на время омрачившій поверхность широкаго и глубокаго теченія умственной и общественной жизни, направленнаго на плодотворный трудъ для благоденствія, развитія и достоинства нашего стойкаго и бодраго въ трудѣ и въ невзгодѣ народа". Осуждая исключительную вѣру народниковъ въ самобытныя основы русской народной жизни, С. Н. Южаковъ въ

то же время допускалъ для Россіи возможность самостоятельнаго экономическаго развитія, свободнаго отъ худшихъ золъ капитализма. По его мнѣнію, Россія силою вещей можетъ оказаться „въ числѣ націй, представляющихъ трудъ въ международныхъ отношеніяхъ и страдающихъ отъ экономическаго дифференцированія, отъ господства капитала. И не натурально ли ожидать,—прибавляетъ онъ,—что на ея долю выпадетъ значительная роль въ предстоящей борьбѣ за международную экономическую справедливость? Въ этомъ заключается ея прямой интересъ и для этого она покуда сохраняетъ въ своей внутренней экономической организаціи очень важные и существенные элементы и условія, дозволяющія борьбу съ господствомъ капитала". Увы,—и эта скромная вѣра въ устойчивость и силу самобытныхъ началъ оказывается иллюзіею, въ виду насильственнаго упраздненія земельной общины.

Много также писалъ С. Н. Южаковъ о системахъ школьнаго образованія, средняго и высшаго, о способахъ всеобщаго народнаго обученія, о вопіющихъ недостаткахъ нашихъ гимназическихъ учебниковъ, о роли женщинъ въ просвѣтительной дѣятельности и т. п. Изъ этихъ статей, печатавшихся въ „Русскомъ Богатствѣ", составился сборникъ, изданный въ 1897-мъ году: „Вопросы просвѣщенія". Нѣкоторые отдѣлы этой поучительной книги сохраняютъ интересъ и для настоящаго времени. Крайне любопытны подробные разборы общеупотребительныхъ учебныхъ руководствъ по русской грамматикѣ, географіи и исторіи, съ указаніемъ многочисленныхъ, иногда почти невѣроятныхъ образчиковъ грубаго „невѣжества", которымъ особенно богаты знаменитые учебники г. Иловайскаго, столь долго господствовавшіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Заслуживаетъ вниманія и „просвѣтительная утопія"—планъ повсемѣстнаго устройства среднихъ школъ, снабженныхъ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ и ведущихъ свое самостоятельное хозяйство,—планъ, вызвавшій въ свое время насмѣшки, но основанный на глубоко вѣрной и плодотворной идеѣ сохраненія и развитія физическихъ силъ молодыхъ поколѣній путемъ производительной культурной работы на вольномъ воздухѣ, при постоянномъ общеніи съ природою.

Сверхъ указанныхъ выше, С. Н. Южаковымъ были напечатаны еще слѣдующія книги и брошюры: „Мысли о земледѣльческой будущности русской черноземной полосы", Москва, 1881; „Англо-русская распря. Небольшое предисловіе къ большимъ событіямъ", Спб., 1885; „Афганистанъ и сопредѣльныя страны", Спб., 1885; „Статистическое описаніе крестьянскаго хозяйства Ямбургскаго уѣзда. Изданіе С.-Петерб. губ. земства", Спб., 1885; біографическіе очерки Ж.-Ж. Руссо

и М. М. Сперанскаго, въ изданіи Павленкова, 1892 и 1894 г.; „Любовь и счастье въ произведеніяхъ Пушкина“, Одесса, 1895.

Въ книжкѣ объ „англо-русской распрѣ“ высказана мысль о неизбѣжности или большой вѣроятности военнаго столкновенія между Англіею и Россіею; позднѣе, въ качествѣ обозрѣвателя иностранной политики въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, С. Н. Южаковъ нерѣдко говорилъ о возможной войнѣ между Франціею и Германіею, обсуждалъ проекты принудительныхъ военныхъ мѣръ относительно Болгаріи и вообще обнаруживалъ склонность истолковывать борьбу за существованіе въ томъ стихійномъ значеніи, которое въ теоріи отвергалось имъ по отношенію къ современнымъ цивилизованнымъ обществамъ. Но эти частныя колебанія и противорѣчія нисколько не ослабляютъ общаго характера его журнальныхъ статей, проникнутыхъ лучшими идейными традиціями семидесятыхъ годовъ.

Съ 1898 г. С. Н. Южаковъ редактировалъ „Большую энциклопедію“ (изд. „Просвѣщенія“). Въ „Вѣстникѣ Европы“ была помѣщена только одна статья покойнаго публициста: „Задачи земледѣльческой политики“ (1884, іюль, съ подписью буквы *С.*).

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— В. Розановъ. Когда начальство ушло... 1905 — 1906 гг. Спб., 1910 Ц. 2 руб.

Эта книга можетъ быть разсматриваема — и дѣйствительно разсматривалась въ печати — какъ трудно разрѣшимая психологическая загадка. Слишкомъ ярко и глубоко противорѣчіе между тѣмъ, что пишетъ теперь г. Розановъ — и тѣмъ, что написано имъ пять лѣтъ тому назадъ и вновь пущено въ оборотъ въ настоящее время. Скачокъ оказался бы колоссальнымъ даже въ такомъ случаѣ, еслибы въ эпоху „возвращенія начальства“ авторъ прямо и рѣшительно отрекся отъ сказаннаго имъ въ эпоху „безначалія“; но такого отреченія мы не видимъ, и съ нимъ несовмѣстима перепечатка старыхъ статей, съ предисловіемъ скорѣе сочувственнаго, чѣмъ покаяннаго характера. Сказать про себя: „и я сжегъ то, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигалъ“ — могли и могутъ многіе писатели; но у нихъ одинъ процессъ отдѣленъ отъ другого болѣе или менѣе значительнымъ промежуткомъ времени, а у г. Розанова оба процесса идутъ

рядомъ, параллельно. Онъ поклоняется въ книгѣ тому, что сжигаетъ въ газетѣ — и на оборотъ. Насъ интересуетъ, однако, не личность г. Розанова, въ которой, очевидно, слѣдуетъ искать объясненіе страннаго факта; для насъ важно только содержаніе книги, на сколько оно бросаетъ свѣтъ на недавнее, но уже забываемое прошлое. Чѣмъ меньше авторъ солидаренъ съ этимъ прошлымъ, тѣмъ цѣннѣе нарисованныя имъ въ свое время картины, облеченныя иногда въ истинно-художественную форму. Нѣкоторыя изъ нихъ — настоящія показанія свидѣтеля; а вѣдь наибольшаго довѣрія свидѣтель заслуживаетъ именно тогда, когда онъ какъ бы невольно говоритъ въ пользу стороны, ему чуждой или даже враждебной.

Всего замѣчательнѣе, съ занимающей насъ точки зрѣнія, самая обширная статья сборника: „Въ Таврическомъ дворцѣ“, передающая рядъ впечатлѣній, вынесенныхъ авторомъ изъ посѣщенія засѣданій первой Думы. Какимъ привлекательнымъ является здѣсь собраніе, испытавшее на себѣ въ полной мѣрѣ справедливость старинnаго восклицанія: „Vae victis“! Авторъ не жалѣетъ свѣтлыхъ красокъ, изображая энергію, свѣжесть, бодрость перваго русскаго народнаго представительства. „Чѣмъ была Дума“—спрашиваетъ онъ,—„когда собралась? Она была блестящимъ и обѣщающимъ, любимымъ и привѣтствуемымъ собраніемъ. Но и только. Всю силу выработала себѣ Дума сама. Этой силы ей никто со стороны не давалъ... Успѣхъ свой Дума зарабатывала день за днемъ, какъ бурлакъ тянетъ бичеву на Волгѣ. Она связалась съ страною, съ землею, съ городами и селами... Дума изъ себя родила свою силу: пріобрѣла ее ходомъ занятій въ ней. А все пишутъ, что она *говоритъ*, а не работаетъ. Конечно, и Пушкинъ только *писалъ*, но изъ этого писанья вышла пушкинская поэзія и переворотъ въ русской литературѣ... Дума *говореньемъ* своимъ не только сдѣлала всю реальную политику Россіи за эти важнѣйшіе два мѣсяца, но и подвела фундаментъ, необходимый и крѣпкій, на много лѣтъ впередъ для этой политики“... И кому приписываетъ авторъ главную долю этой заслуги? Трудовикамъ — тѣмъ самымъ трудовикамъ, къ которымъ теперь въ модѣ относиться свысока, которыхъ не лягаетъ, въ извѣстной средѣ, только лѣнивый, которыхъ награждаютъ своимъ презрѣніемъ запѣвалы крайней правой въ третьей Думѣ! Трудовики, вмѣстѣ съ соціалъ-демократами, служили въ Думѣ „бродильнымъ, возбудительнымъ началомъ“; трудовая группа въ парламентѣ „сообщила ему народный, любимый характеръ, превратила парламентаризмъ изъ явленія общественнаго и интеллигентскаго въ народное общероссійское, всесельское и всегородское“. Эта высокая оцѣнка трудовиковъ не мѣшаетъ г. Розанову отдать справедливость и кадетамъ, безъ которыхъ „трудовики никогда не сидѣли бы въ Таврическомъ дворцѣ“.

„Кадеты вообще суть отцы, родившіе намъ реальный, наличный, осуществленный конституціонализмъ, а трудовая группа есть его живой, двигающій впередъ паръ... Сравнительно съ кадетами трудовики тоже, что передъ профессорами гурьба студентовъ, безыменная и сильная". Говоря объ октябристахъ, тогда еще почти незамѣтныхъ, г. Розановъ доходитъ до предвидѣнія будущаго. „Побѣди на выборахъ"—говоритъ онъ — „октябристы или торгово-промышленная партія — и мы имѣли бы среднее между коммиссіей свѣдущихъ людей и полу-дворянскимъ, полу-купеческимъ клубомъ. Съ чиновничествомъ эти люди сговорились бы очень легко, уступочки — здѣсь, уступочки — тамъ. Ничего народнаго въ такомъ парламентѣ не было бы; на старой ели нарось бы новый слой древесины, и только. Бюрократизмъ все провелъ бы и всѣхъ провелъ бы, оставшись крѣпко сидѣть на своемъ мѣстѣ". Не дана ли здѣсь, par anticipation, мѣткая характеристика многаго, происходящаго на нашихъ глазахъ въ третьей Думѣ?.. Наравнѣ съ партіями г. Розановъ воздаетъ должное и лицамъ. Чрезвычайно живыми вышли у него портреты Родичева, Петражицкаго, гр. Гейдена, Милюкова, Муромцева. Какъ много, напримѣръ, сказано въ немногихъ словахъ о гр. Гейденѣ. „Когда онъ проходитъ, сѣдой, спокойный, деликатный, никому не наступающій на ногу и ни передъ кѣмъ не отступающій, исполненный изящества и достоинства, внушающій даже недругамъ глубокое почтеніе, вызывающій у каждаго желаніе по возможности согласиться съ нимъ, одобрить его, даже привѣтствовать его голосъ и поступокъ,—думаешь: вотъ естественный министръ конституціоннаго уклада"!

Другая выдающаяся статья сборника: „На митингѣ". Одно изъ бурныхъ собраній, предшествовавшихъ 17-му октября, произвело на г. Розанова впечатлѣніе ряда „новыхъ, занимательныхъ и содержательныхъ лекцій", сказанныхъ не такъ, какъ слышанныя имъ когда-то въ Московскомъ университетѣ: „не монотоннымъ, мертвымъ языкомъ и не на какія-то чужія, не-русскія темы". Среди разношерстной толпы, настроенной на высокій діапазонъ, страстной, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанной, случайный слушатель чувствовалъ себя приподнятымъ, примиреннымъ, какъ бы потонувшимъ въ народномъ морѣ. „По скамьямъ сидѣла публика-братство, все — единое, слитое, обобщенное, чуть-чуть поглупѣе и чуть-чуть помудрѣе обыкновеннаго... Прямыя линіи короткихъ мотивовъ, несложныхъ мыслей связывали множество лицъ въ одно новое, смѣющееся и страшно счастливое коллективное лицо". На общемъ фонѣ вырисовается нѣсколько рельефныхъ фигуръ—напримѣръ парень, „весь впившійся въ зрѣлище, весь обратившійся въ слухъ, учившійся напряженно, замирая, захлебываясь". И было, очевидно, чему учиться; нѣчто поучительное въ

митинговыхъ рѣчахъ нашелъ для себя и г. Розановъ. Читая его статью, наглядно видишь, чѣмъ были и могли быть — конечно, не всегда—первые митинги на русской почвѣ.

Въ короткой рецензіи невозможно исчерпать все богатое содержаніе сборника г. Розанова — но и немногихъ приведенныхъ нами цитатъ достаточно, думается намъ, чтобы понять, почему, въ данномъ случаѣ, книгу можно отдѣлить отъ ея автора и рекомендовать первую, оставаясь при крайне невысокомъ мнѣніи о послѣднемъ. Отмѣтимъ еще три статьи: „На зарѣ парламента", съ разсужденіями о „Божіей землѣ", „Въ настроеніяхъ дня", которую особенно полезно было бы прочесть нашимъ нео-націоналистамъ, и „Ослабнувшій фетишъ", еще болѣе, чѣмъ всѣ другія, идущую въ разрѣзъ со взглядами обычныхъ союзниковъ г. Розанова.—К. А.

— Щукинскій сборникъ. Выпускъ девятый. Изданіе Отдѣленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III—музея П. И. Щукина. М., 1910.

Щукинскій сборникъ, вмѣстѣ съ предшествовавшими ему (1896—1902 гг.) десятью столь же внушительными томами „Сборника старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина", выходя уже девять лѣтъ почти съ періодическою правильностью, по одной книгѣ въ годъ, является, по богатству и разнообразію содержанія, весьма полезнымъ источникомъ для занимающихся русской исторіею, преимущественно новою. Въ немъ опубликовываются исключительно сырые матеріалы, пріобрѣтаемые П. И. Щукинымъ для музея, носящаго его имя; печатаются они безъ какой бы то ни было системы, даже не въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, безъ всякаго освѣщенія, но воспроизводятся съ чрезвычайною точностью. Среди нихъ встрѣчаются историческіе, юридическіе и литературные документы первостепеннаго значенія, и вообще въ этомъ отношеніи каждая часть сборника представляетъ немало интереса. Не бѣденъ содержаніемъ и разсматриваемый выпускъ, въ которомъ особенно много эпистолярныхъ и мемуарныхъ матеріаловъ—бумаги Меньшиковыхъ, Похвисневыхъ, дневники М. Н. Похвиснева, С. Викулина, письма А. П. Ермолова, Грибоѣдова, Дениса Давыдова, композиторовъ Даргомыжскаго, Верстовскаго, Сѣрова, Дюбюка и проч. Въ меньшиковскихъ бумагахъ есть два любопытныя письма А. Д. Меньшикова къ своей женѣ, съ приписками царевича Алексѣя Петровича и Петра Великаго („Присемъ і мы вам поклонъ отдаемъ Piter"). „Я умираю отъ ипохондріи" — пишетъ Грибоѣдовъ Н. Н. Похвисневу (записка безъ даты) — „предвижу, что ночь всю проведу въ волненіи безпокойнаго ума", и про-

ситъ прислать для чтенія какой-то журналъ. Интересно упоминаніе о Грибоѣдовѣ въ одномъ изъ писемъ Д. Давыдова къ А. П. Ермолову: „мало людей болѣе мнѣ по сердцу, какъ этотъ уродъ ума, чувствъ, познаній и дарованія! Завтра я ѣду въ деревню, и если о комъ сожалѣю, такъ это о немъ; истинно могу сказать, что еще недовольно насладился его бесѣдою". Мелькаетъ кое-гдѣ и имя Пушкина. А. Н. Верстовскій въ письмѣ къ кн. В. Ѳ. Одоевскому вспоминаетъ, что часто игралъ покойному поэту народную пѣсню петровскихъ временъ: „На матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ молодой матросъ корабли снастилъ",— „и она приводила его въ восторгъ". Упоминается Пушкинъ въ письмахъ Ѳ. В. Булгарина къ В. А. Ушакову, но они уже были напечатаны раньше (въ „Русской Старинѣ" 1909 г., ноябрь, 347 — 357). Приписанное великому поэту (подпись—„Пушкинъ") письмо 9 августа 1829 г., изъ Москвы, къ кн. М. А. Оболенскому не принадлежитъ А. С. Пушкину, который не только не писалъ такимъ слогомъ, но въ данный день находился не въ Москвѣ, а на Кавказѣ, вѣроятно во Владикавказѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о распространеніи посмертнаго изданія сочиненій Пушкина заключаются въ письмахъ князя П. А. Вяземскаго къ П. Ѳ. Веретенникову. Стихотвореніе П. В. Шумахера „Отсталый" уже извѣстно въ печати (подъ названіемъ „Мирный баринъ", въ его „Стихахъ и пѣсняхъ", М., 1902 г., стр. 34). „Дѣло о покупкѣ для Императорскаго Московскаго театра 74-хъ актеровъ и музыкантовъ, принадлежащихъ помѣщику А. Е. Столыпину, 1806-го года", можетъ служить отличной иллюстраціей къ знаменитому грибоѣдовскому стиху: „Самъ толстъ, его артисты тощи"... Бѣдные крѣпостные лицедѣи просили государя купить ихъ: „слезы несчастныхъ никогда не отвергались милосерднѣйшимъ отцомъ; неужель божественная его душа не внемлетъ стону нашему? Узнавъ, что господинъ нашъ насъ продаетъ" (очевидно, они боялись попасть къ другому помѣщику), „осмѣлились пасть къ стопамъ милосерднѣйшаго государя и молить, да щедрота его искупитъ насъ"...

Цѣлый рядъ бумагъ относится къ цензурнымъ дѣламъ. Характерно для извѣстныхъ круговъ печати анонимное письмо къ цензору, 1870 г.: „мы слышали, что вы хотите запретить „Петербургскій Листокъ"... вамъ будутъ непріятности, потому что у Супонева и Соколова большія связи... „Петербургскій Листокъ"—*сила*, съ которою лучше вамъ сойтиться и не ссориться". Интересна замѣтка о профессорѣ П. В. Павловѣ, высланномъ изъ Петербурга за извѣстную рѣчь о тысячелѣтіи Россіи („вотъ и поздравленіе намъ съ тысячелѣтнимъ совершеннолѣтіемъ"). По поводу задержанія 5-го номера „Судебнаго Вѣстника" 1870 г. за передовую статью, направленную противъ „таинственной власти, пребывающей у Цѣпного моста", М. Н. Похвисневъ, членъ

главнаго управленія по дѣламъ печати, находилъ, что хотя статья и была написана въ сдержанномъ тонѣ, но ея появленіе „скомпрометировало бы въ концѣ собственную канцелярію государя, дѣйствующую не на основаніи закона, а по личнымъ его указаніямъ, и безъ того въ обществѣ ненавистную". Кстати—тутъ же, нѣсколькими страницами выше, помѣщено письмо начальника III Отдѣленія, кн. В. А. Долгорукова, къ виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову: „посылаю вамъ трехъ офицеровъ корпуса жандармовъ... Обращеніе съ ними у меня всегда деликатное... Вы, безъ сомнѣнія, раздѣлите въ этомъ отношеніи мой взглядъ и не отдадите ихъ въ вѣдѣніе такихъ лицъ, которыя вздумаютъ унижать ихъ званіе или мундиръ"... Даже въ административной средѣ жандармовъ приходилось ограждать отъ нескрываемаго презрительнаго отношенія къ нимъ; вспоминается негодующій отзывъ объ этомъ учрежденіи, принадлежащій не кому иному, какъ благонамѣреннѣйшему Вигелю („Записки")... Стоитъ вниманія переписка Ермолова; въ письмахъ къ нему И. Шатилова говорится о „змѣѣ" Аракчеевѣ, о его побочномъ сынѣ Шумскомъ, А. А. Закревскомъ, князѣ Мадатовѣ, графѣ М. С. Воронцовѣ.

Удачно соперничая богатствомъ матеріаловъ съ историческими журналами, „Щукинскій Сборникъ" давно сталъ необходимъ всѣмъ изучающимъ родную исторію. Изданіемъ толковаго указателя ко всѣмъ выпускамъ обоихъ своихъ сборниковъ П. И. Щукинъ заслужитъ еще бо̀льшую признательность читателей.

— К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства 1832—1835 годовъ. Изданіе тов—ва „Огни". Спб., 1911.

Ближайшимъ поводомъ къ переизданію „Воспоминанія", впервые напечатаннаго Ив. Аксаковымъ въ „Днѣ" 1862 г., послужило исполнившееся недавно (17 декабря) пятидесятилѣтіе со дня кончины благороднаго дѣятеля. Эти страницы, столь важныя для характеристики университетской жизни тридцатыхъ годовъ, въ которой въ значительной степени коренились сѣмена, богато взросшія въ сороковыхъ годахъ, много разъ цитировались, въ отдѣльныхъ отрывкахъ, всѣми, кто писалъ объ этихъ эпохахъ русской общественной жизни, но читателю нашихъ дней были извѣстны только въ выдержкахъ, и издательство хорошо поступило, что перепечатало ихъ цѣликомъ. Ихъ перечитываешь не только съ любопытствомъ, съ сознаніемъ ихъ важности, но прямо съ благоговѣніемъ: идеализмъ, которымъ отъ нихъ вѣетъ, жилъ не только въ натурѣ самого автора, но носился въ воздухѣ его времени. Въ наши дни, когда такъ круто измѣнилась, атмосфера университетской жизни, поучительно вспомнить о

студенческихъ годахъ Аксаковыхъ, Станкевичей и Бѣлинскихъ. „Значеніе университетскаго воспитанія“—говорилъ Константинъ Аксаковъ—„можетъ быть огромно въ жизни цѣлой страны: съ одной стороны—играющая молодая жизнь, какъ цѣлое общество, въ союзѣ юныхъ нравственныхъ силъ, жизнь не стѣсняемая форменностью, не гнетомая внѣшними условіями; съ другой стороны—истина, грѣющая этотъ союзъ, предлагаемая, но не навязываемая никому. Хорошо бы это могло быть! Въ мое время цѣль эта достигалась съ одной стороны: именно со стороны студентства“, признавалъ К. Аксаковъ, которому нельзя не позавидовать. И хотя нынѣшняя университетская жизнь такъ безконечно усложнилась въ сравненіи съ тридцатыми годами, но идеалъ университетскаго воспитанія остался тотъ же, и невольно повторяешь вслѣдъ за Аксаковымъ: „Хорошо бы это могло быть!“

Къ „Воспоминанію“ присоединены извѣстная некрологическая замѣтка Герцена о Конст. Аксаковѣ (изъ „Колокола“) и неизданное стихотвореніе, посвященное Аксаковымъ Н. Д. Свербееву, проникнутое излюбленной Аксаковымъ идеей общественнаго служенія и написанное съ его обычнымъ гражданскимъ паѳосомъ:

...Быть можетъ, время недалече,
Когда, принявъ свой мощный видъ,
Какъ море заколеблясь, вѣче
Заговоритъ и зашумитъ...
Не бойся полюбить сверхъ мѣры;
Ты молодъ, надо не робѣть—
Принять и трудъ, и силу вѣры,
И въ добромъ дѣлѣ не слабѣть...
Такъ съ Богомъ, доблестно и смѣло,
Сомнѣнье прочь!—иди на брань,
За земское, святое дѣло
Неколебимо, твердо стань!

Книжка издана изящно, но дорого: нельзя же въ самомъ дѣлѣ за 40 страничекъ перепечатокъ брать 60 коп. Слѣдовало бы подумать о хорошемъ и полномъ изданіи сочиненій Конст. Аксакова (хотя бы кромѣ его историко-филологическихъ работъ). Въ прошломъ году вышелъ въ Москвѣ первый сборникъ его стихотвореній, но, къ сожалѣнію, далеко не полный.

— Николай Яковлевичъ Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей. Спб., 1911. Ц. 2 руб.

Идеалистическое умственное движеніе, которое теперь широкой волною разливается по Россіи, должно считать въ числѣ своихъ начинателей Н. Я. Грота, друга и соратника Вл. Соловьева. Пси-

хологическое общество при Московскомъ университетѣ, для котораго Гротъ работалъ болѣе десяти лѣтъ, положительно обязано ему своимъ существованіемъ. Многосторонній мыслитель, изящный эклектикъ, „многодумъ“, по словамъ Соловьева, онъ „развивалъ каждую точку зрѣнія, на которой останавливался, стараясь сблизить и по возможности примирить ее съ другими... и до конца не могъ остановиться на одной точкѣ зрѣнія, послѣдовательно переходя къ другимъ, болѣе глубокимъ и содержательнымъ“. Системы Гротъ не создалъ, но довольно и того, что онъ былъ „собирателемъ русской философской мысли“, какъ назвалъ его А. И. Введенскій.

Прекрасный обликъ человѣка и ученаго, создаваемый теплыми воспоминаніями о Гротѣ многихъ знавшихъ его — Л. Н. Толстого (посвятившаго ему одну изъ своихъ послѣднихъ статей), Вл. Соловьева, Л. М. Лопатина, А. И. Введенскаго, Ю. И. Айхенвальда, Э. Л. Радлова, Г. И. Челпанова, В. В. Розанова и другихъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ значеніе и для характеристики научныхъ теченій и общественныхъ настроеній 80—90-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны письма къ Гроту Л. Н. Толстого, Н. Н. Страхова, Вл. Соловьева, князя С. Н. Трубецкого, архіеп. Никанора, а также письма самого Грота. Въ одномъ изъ писемъ Толстого словно заключенъ отвѣтъ на тѣ безчисленные вопросы, которые вызвалъ предсмертный уходъ великаго писателя изъ Ясной Поляны. — „Вы дѣлаете вопросъ: неужели измѣнить жизнь? Семья, лишенія? Какъ можетъ человѣкъ, спасающійся отъ бѣды, заглядывать впередъ, что онъ запачкаетъ или разорветъ платье или даже свое или даже чужое тѣло! Вѣдь дѣло все въ томъ, чтобы ясно сознать бѣду и дѣятельность, нужную для избавленія отъ нея“... Любопытны упоминанія о Толстомъ въ письмахъ архіеп. Никанора: „всѣ вамъ подобные, съ графомъ Львомъ Толстымъ во главѣ, роете яму солидарными усиліями, въ которую скоро низвергнется все... по меньшей мѣрѣ, какъ во Франціи. Но и тамъ еще ваша наука не сказала своего послѣдняго слова. Его сказали пока только русскіе мыслители-бары: Герценъ, князь Кропоткинъ и графъ Левъ Николаевичъ Толстой. А паденіе можетъ быть веліе. Дай Богъ не въ наше поколѣніе... И первымъ дѣломъ—будетъ только мокро тамъ, гдѣ нынѣ пышные центры интеллигенціи, воздвигаемые на кроваво-потѣлую денежку мужика“. Изъ одного письма арх. Никанора видно, что еще въ 1888 г. святѣйшій синодъ „не въ шутку собирался провозгласить торжественную анаѳему“ Толстому и Пашкову, да заодно ужъ и поэту Фофанову (за извѣстное его стихотвореніе въ „Наблюдателѣ“). Самъ Н. Я. Гротъ въ одномъ изъ писемъ къ отцу разсказываетъ о доносахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ на психологическое общество и на „Вопросы философіи и психологіи“:

„Московскія Вѣдомости задались, очевидно, совершенно революціонною задачею—мутить общество и въ мутной водѣ рыбу ловить".

Для исторіи русской общественности и философіи въ этомъ сборникѣ много интереснаго, даже помимо главнаго его предмета—обрисовки и оцѣнки замѣчательнаго дѣятеля. Изданіе сочиненій Н. Я. Грота остановилось на первомъ выпускѣ, вышедшемъ лѣтъ семь тому назадъ. Можетъ быть, сборникъ статей о немъ, какъ надѣется его редакторъ, дастъ толчокъ продолженію этого изданія.—Н. Л.

— А. Луговой. Дѣвичье Поле. Повѣсть. Спб., 1910.
— Его же. Наши дни. Семейная исторія. Спб., 1910.

Произведенія А. А. Тихонова-Лугового принадлежатъ къ той литературѣ законченныхъ, коллективно выработанныхъ пріемовъ письма, которая пользуется широкой популярностью и заслуживаетъ вниманія и благодарности многихъ тысячъ читателей, но сама по себѣ уже не участвуетъ въ общемъ дальнѣйшемъ движеніи литературы и выработкѣ новаго творчества, непричастна новымъ исканіямъ. Въ то время, какъ недавно провозглашенный лозунгъ—смерть быту!—волновалъ беллетристовъ и критиковъ кричащимъ требованіемъ отрѣшенія отъ внѣшнихъ натуралистическихъ пріемовъ письма, г. Луговой продолжаетъ писать, со спокойной увѣренностью, повѣсть за повѣстью въ старомъ духѣ, въ стилѣ тургеневской акварели, зарисовывая то мелко-помѣстный новый бытъ (въ повѣсти „Дѣвичье Поле"), то треволненія, внесенныя въ русскую семью революціею, какъ въ наброскахъ „Наши дни", скромно названныхъ „семейной исторіей". Непритязательность и искренность автора, его симпатія къ тревогамъ дѣвической души въ первой повѣсти (содержаніе ея—небольшой семейный романъ, съ легкими тревогами, сомнѣніями и маленькими бурями), боль за гибнущія въ роковой борьбѣ молодыя силы въ „Нашихъ дняхъ" невольно подкупаютъ въ пользу автора. У него, безъ сомнѣнія, есть своя, и очень симпатичная, молодая публика. Темы, затронутыя имъ, такъ или иначе будутъ поставлены всѣмъ юнымъ сердцамъ самою жизнью: въ области личныхъ переживаній—вѣчныя противорѣчія личнаго счастья и счастья ближнихъ, въ области соціальной — противорѣчія жизни и готовыхъ мнѣній о ней, общаго и индивидуальнаго, культуры и ея вопіюще неравномѣрнаго распредѣленія. Иногда авторъ подходитъ къ этимъ жизненнымъ темамъ въ наивной формѣ разговоровъ блѣдно очерченныхъ дѣйствующихъ лицъ. Думается, однако, что проникающій повѣствованія г. Лугового искренній идеализмъ будетъ хорошо и свѣтло воспринятъ читателями его. По существу, въ этихъ разговорахъ о русской революціи („Наши дни") попадаются иногда

весьма мѣткія черточки и наблюденія; интересны, напр., повидимому съ натуры списанныя разсужденія волгаря-приказчика о революціи, превратившей Россію въ подобіе зря порубленнаго крестьянскаго лѣса. Безнадежность современныхъ впечатлѣній и итоговъ въ изображеніи г. Лугового все-же прорѣзывается старымъ и вѣчно молодымъ напоминаніемъ: „а все-таки вертится!“

— Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 гг., собранныя и редактированныя П. Н. Сергѣенко. М., 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

Въ сборникъ, составленный г. Сергѣенко, вошло 281 письмо Л. Н. Толстого, отъ юношескаго письма, въ первой строкѣ котораго Л. Н. выражаетъ намѣреніе „остаться навѣки“ въ Петербургѣ, и до послѣдняго, датированнаго 24-го октября 1910-го года, т.-е. писаннаго почти наканунѣ ухода изъ Ясной Поляны. Оно адресовано крестьянину М. П. Новикову, съ просьбой „найти въ деревнѣ хотя бы самую маленькую, но отдѣльную и теплую хату“... Эта хата—и столичная квартира, „очень славная, изъ четырехъ комнатъ: столовая, гдѣ у меня уже есть роялино, которое я взялъ на прокатъ, гостиная съ диваномъ, стульями и столами, орѣховаго дерева, покрытыми краснымъ сукномъ, и украшенная тремя большими зеркалами“ (письмо 1850 г., № 3), въ извѣстномъ отношеніи—крайнія вѣхи жизни Льва Толстого на протяженіи шестидесяти лѣтъ. Сборникъ, по мысли составителя, „представляетъ попытку дать бѣглую исторію замѣчательной души человѣческой—поскольку письма къ близкимъ людямъ могутъ отражать внутреннюю жизнь человѣка. Осуществить свою задачу во всей полнотѣ составителю сборника, къ сожалѣнію, не удалось. Вслѣдствіе особеннаго положенія печати въ Россіи приходилось съ горестью прибѣгать къ нѣкоторымъ сокращеніямъ... И когда требовались сокращенія, могущія затемнить или завуалировать выраженную мысль, то таковыя письма откладывались до болѣе счастливой поры“. Богатство содержанія отдѣльныхъ писемъ во всякомъ случаѣ искупаетъ пробѣлы переписки. Не можетъ быть, однако, и рѣчи о томъ, чтобы она была представлена въ книгѣ г. Сергѣенка сколько-нибудь полно. Укажемъ, напримѣръ, что онъ беретъ рядъ писемъ изъ воспоминаній Фета довольно произвольно, опуская многія другія, иногда очень интересныя, но показавшіяся ему малозначительными. Не указано, откуда взяты отдѣльныя письма; между тѣмъ это не безразлично, такъ какъ, напр., письма къ Фету въ его воспоминаніяхъ иногда сопровождаются интересными поясненіями. Значительная часть писемъ появляется въ сборникѣ, впрочемъ, впервые.

Многія письма имѣютъ большое біографическое значеніе. Таковы

большею частью письма раннихъ лѣтъ — Т. А. Ергольской, брату С. Н. Толстому и другимъ лицамъ, съ Кавказа, изъ дѣйствующей арміи на Дунаѣ, изъ Севастополя. Въ письмѣ 20-го ноября 1854-го года находимъ проектъ, оставшійся неосуществленнымъ, изданія журнала, дешеваго и популярнаго, для солдатъ, гдѣ бы печаталось о подвигахъ „этихъ вшивыхъ и сморщенныхъ героевъ", съ цѣлью поддерживать „хорошій духъ въ войскѣ" — цѣль, столь противоположная позднѣйшему отношенію Л. Н. Толстого къ войнѣ. Всѣ эти юношескія письма— драгоцѣнный матеріалъ, исповѣдь молодой души. Послѣдующія письма бросаютъ свѣтъ на психологію творчества Толстого. Напр., одно письмо 1858-го года (№ 39) рисуетъ настроеніе Л. Н. весной того года: „обсудивъ здраво", онъ находитъ, что онъ зимою—ничто иное, какъ „старая, но мерзлая и еще подъ соусомъ сваренная картофелина", но весной онъ—„растеніе, которое распустилось вотъ только теперь, вмѣстѣ съ другими"... и „идетъ такая внутренняя переборка, очищеніе и порядокъ, какой никто, не испытавши этого чувства, не можетъ себѣ представить. Все старое прочь... Дайте мѣсто необыкновенному цвѣтку, который надуваетъ почки и выростаетъ вмѣстѣ съ весной!" Это близко напоминаетъ то, что переживаетъ у Льва Толстого, въ 3-ей ч. „Войны и Мира", его Андрей Болконскій. Письмо Страхову № 89 содержитъ, по поводу „Анны Карениной", замѣчательныя указанія о самомъ процессѣ художественной работы Л. Н. Два письма о смерти Н. Н. Толстого (въ 1860-мъ году) вводятъ насъ въ тогдашнюю душевную тревогу Л. Н.

Бурно выливается негодованіе его въ 1862-мъ году, когда онъ узнаетъ объ обыскѣ въ Ясной Полянѣ и рѣшаетъ „экспатріироваться". „Къ Герцену я не поѣду; Герценъ самъ по себѣ—и я самъ по себѣ. Я и прятаться не стану, а громко объявлю, что продаю имѣніе, чтобы уѣхать изъ Россіи, гдѣ нельзя узнать минутой впередъ, что тебя ожидаетъ. Я часто говорю себѣ — какое огромное счастье, что меня не было дома: ежели бы я былъ, то теперь навѣрно бы уже судился, какъ убійца"... (№ 52). Этотъ мотивъ и желаніе бѣгства повторяются и въ 1872-мъ году: „Невыносимо жить въ Россіи — со страхомъ, что каждый мальчикъ, которому лицо мое не понравилось, можетъ заставить меня сидѣть на лавкѣ передъ судомъ, а потомъ въ острогѣ"... (№ 77). „Теперь я такъ раздраженъ, что рѣшилъ уѣхать въ Англію и продать все, что имѣю въ Россіи"... (№ 78).

Къ семидесятымъ годамъ относится нѣсколько писемъ, касающихся педагогическихъ трудовъ Льва Толстого. Съ этого же момента въ письмахъ все чаще и чаще встрѣчаются мысли и чувства, которымъ суждено было отлиться въ цѣлую нравственно-философскую систему. „Мучительно и унизительно жить въ совершенной праздности и противно

утѣшать себя тѣмъ, что я берегу себя и жду какого-то вдохновенія. Все это пошло и ничтожно"—пишетъ онъ въ 1877-мъ году Страхову (№ 95).—„Если бы я былъ одинъ, я бы не былъ монахомъ, я былъ бы юродивымъ, то-есть не дорожилъ бы ничѣмъ въ жизни и не дѣлалъ бы никому вреда. Пожалуйста, не утѣшайте меня, и въ особенности тѣмъ, что я писатель. Этимъ я уже давно и лучше васъ себя утѣшаю, но это не береть!"—Письмо тому же Страхову 1878-го года (№ 100) замѣчательно рѣзко отрицательной характеристикой Ренана, который въ „Жизни Іисуса", по мнѣнію Л. Н., обратилъ все вниманіе на песокъ, изъ котораго отмыто было ученіе Христа: „дѣтская, пошлая и подлая шалость". Путешествіе пѣшкомъ въ 1881-мъ году (письмо № 108 къ графинѣ Софьѣ Андреевнѣ) вводитъ его въ міръ новыхъ, всецѣло его захватившихъ ощущеній непосредственнаго сліянія съ жизнью массъ. „Нельзя себѣ представить, до какой степени ново, важно и полезно для души (для взгляда на жизнь) увидать, какъ живетъ міръ Божій большой, настоящій, а не тотъ, который мы устроили себѣ и изъ котораго не выходимъ, хотя бы объѣхали вокругъ свѣта... Главное новое чувство—это сознавать себя и передъ собою и передъ другими только тѣмъ, что я есмь, а не тѣмъ, что я—вмѣстѣ со своей обстановкой". „Начало того, къ чему я тяну постоянно — отдать то, что есть, не для того, чтобы сдѣлать добро, а чтобы меньше быть виноватымъ" (письмо № 110, 1881-го года). „Жить хорошо, всегда ко всѣмъ поворачиваться доброй стороной" (№ 111) — вотъ житейское правило поведенія, которому онъ отнынѣ болѣе всего стремится слѣдовать, не встрѣчая въ томъ, увы! ни сочувствія, ни пониманія огромнаго большинства окружающихъ. „Я довольно спокоенъ, но грустно часто отъ торжествующаго самоувѣреннаго безумія окружающей жизни" (1882 г.). И въ другомъ письмѣ того же года: „Вы, вѣрно, не думаете этого, но вы не можете себѣ представить, до какой степени то, что есть настоящій „я", презираемо всѣми, окружающими меня"...

Съ половины восьмидесятыхъ годовъ въ книгѣ г. Сергѣенко данъ длинный рядъ писемъ Л. Толстого преимущественно его единомышленникамъ-толстовцамъ. Письма выясняютъ вѣрованія и понятія о смыслѣ жизни, твердо усвоенныя отнынѣ Л. Н. Спускаясь къ малымъ, великій писатель терпѣливо и сдержанно разбираетъ ихъ сомнѣнія и недоумѣнія, и весь поглощенъ своимъ внутреннимъ дѣломъ и мыслью совершенствованія и выбора пути жизни, свободнаго отъ участія въ общественномъ и государственномъ насиліи. Отклики на литературную и общественную жизнь — съ точки зрѣнія текущихъ злобъ дня — въ этихъ письмахъ рѣже, но иногда очень любопытны. Очень важно для пониманія Толстого письмо Фейнерману отъ декабря 1891-го года,

съ рѣзкимъ самоосужденіемъ за участіе въ организаціи благотворительной помощи голодающимъ, названной распредѣленіемъ „блевотины, которою рветъ богачей“, но и съ характерной оговоркой: „много тутъ и дурного, много и хорошаго, т.-е. не въ смыслѣ нашего дѣла, а въ смыслѣ проявленія добрыхъ чувствъ“ (№ 166). Останавливаютъ на себѣ вниманіе такія письма Л. Н., въ которыхъ онъ обращается къ людямъ завѣдомо враждебнымъ его взглядамъ по своему общественному положенію, напр. обращеніе къ министру юстиціи, съ попыткой защитить лицъ, распространяющихъ произведенія Толстого (№ 196), или къ начальнику дисциплинарнаго батальона (№ 198), съ просьбой о мягкомъ отношеніи къ осужденнымъ за отказъ отъ военной службы, или письмо къ Столыпину (№ 254) по земельному вопросу. Въ рядѣ писемъ иностранцамъ Л. Н., въ своемъ ученіи (впрочемъ, онъ категорически отрицаетъ, чтобы имѣлъ право называть *своимъ* принятое имъ христіанское міропониманіе), является истиннымъ гражданиномъ веси Божіей на землѣ, примиряющимъ всѣ религіозныя противорѣчія въ высшемъ синтезѣ любви, снимающимъ страхъ смерти и дающимъ радость жизни въ непосредственномъ чувствѣ братства ближнихъ. Захватываетъ и покоряетъ на протяженіи всей книги эта стихійная мощь нравственнаго роста совершенно исключительной натуры. Можно только пожелать въ будущемъ болѣе полнаго собранія, дополненнаго новыми письмами, богатство которыхъ еще совершенно не разработано и разсѣяно во множествѣ рукъ.—Къ сборнику г. Сергѣенко приложены, кромѣ оглавленія, указатели писемъ хронологическій и по адресатамъ, а также попытка предметнаго указателя.

— Профессоръ І. Малиновскій. Русскіе писатели-художники о смертной казни. Томскъ, 1910. Ц. 1 руб.

Отмѣтить эту книгу вполнѣ умѣстно рядомъ съ письмами Льва Толстого. Онъ привѣтствовалъ ея появленіе (письмо № 279) осенью минувшаго года.

Авторъ взялъ на себя трудъ просмотрѣть произведенія первостепенныхъ и второстепенныхъ русскихъ писателей-художниковъ, съ цѣлью дать сводъ отзывовъ ихъ о „бытовомъ явленіи“, омрачавшемъ душевныя переживанія послѣднихъ лѣтъ Толстого. Въ 1909-мъ году въ Москвѣ былъ изданъ сборникъ „О смертной казни. Мнѣнія русскихъ криминалистовъ“. Если въ рядахъ послѣднихъ были защитники смертной казни, то всего только двое—Баршевъ и Лохвицкій, и мнѣнія ихъ давно опровергнуты. Приговоръ русской литературы столь же единодушенъ. Г. Малиновскій насчиталъ только трехъ писателей, выступавшихъ въ защиту казней: Жуковскаго, Даля и Родіонова (автора

недавно вышедшаго романа „Наше преступленіе“). Доводамъ ихъ авторъ противопоставляетъ высказанное другими писателями противъ шаблонныхъ аргументовъ въ пользу казней. Къ чести русской литературы, громадное большинство писателей-художниковъ единодушно и рѣшительно протестуетъ противъ смертной казни: одни — рисуя потрясающій ужасъ легальнаго убійства, другіе—выдвигая тѣ или другія стороны позорнаго явленія, развращающаго, безумнаго по своей безцѣльности. Въ разработкѣ темы г. Малиновскаго можно указать нѣкоторые пропуски; не упомянуты, напримѣръ, протесты противъ смертной казни Константина Аксакова (въ рецензіи о сочиненіяхъ Жуковскаго: „смертная казнь есть узаконенное убійство, но тѣмъ не менѣе убійство... смертная казнь, какъ законъ, есть ясное свидѣтельство о той нравственной дикости, которая еще лежитъ въ человѣчествѣ“) и другихъ славянофиловъ (составленное Хомяковымъ и подписанное виднѣйшими дѣятелями славянофильства „Посланіе къ сербамъ“). Славянофилы дружно признавали противорѣчіе между смертной казнью и русскимъ народнымъ духомъ, усматривая въ отвращеніи русскаго народа къ казнямъ одно изъ доказательствъ высокаго предназначенія славянства и славянскаго міра. Упущены авторомъ изъ виду, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о Львѣ Толстомъ, потрясающія сцены „Войны и мира“, изображающія разстрѣлъ мнимыхъ поджигателей въ занятой французами Москвѣ. Не отмѣчено кое-что и въ новѣйшей литературѣ. Но пропуски эти нельзя назвать существенными. Гнетущая тема говоритъ сама за себя; собранныя авторомъ данныя и картины казней, имъ цитируемыя, лишній разъ могутъ ударить по нервамъ тѣхъ, кто и безъ того убѣжденъ въ отвратительности казней. Но едва ли не безсильны всѣ художественные аргументы и ихъ систематизація тамъ, гдѣ смертная казнь стала палладіумомъ въ защитѣ узко-эгоистическихъ интересовъ вліятельныхъ группъ.—Ч. В—скій.

— Н. Осиповичъ. Разсказы. Спб., 1910 г.

Темы разсказовъ г. Осиповича очень однообразны, и не по его винѣ: ихъ дали ему тюрьма и ссылка, гдѣ онъ провелъ большую часть жизни. Почти въ каждомъ изъ этихъ разсказовъ передъ нами образъ человѣка, измученнаго въ скитаніяхъ и въ неволѣ, „разучившагося“, отъ одиночества, „говорить“, изнервничавшагося, полуразрушеннаго—человѣка, который почти въ тягость самому себѣ. Полнѣе всего эта психологія развита въ разсказѣ: „Звонокъ“, написанномъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій 1905-го года. По темѣ онъ очень близокъ къ послѣдней пьесѣ Л. Андреева: „Gaudeamus“. Но психологія у героя г. Осиповича нѣсколько иная, чѣмъ у „стараго

студента“ Андреева. Въ ней больше оттѣненъ общественный элементъ. Трагедія андреевскаго героя — главнымъ образомъ личная, что̀ прекрасно резюмируется имъ самимъ: „я—старый, отжившій, печальный листъ, такъ глупо проснувшійся весною среди молоденькой зеленой травки...“ У героя г. Осиповича, Оленина, эта трагедія осложнилась общественными переживаніями. Въ то время, когда Оленинъ съ товарищами жертвовали родинѣ своими молодыми силами, вокругъ нихъ—и въ народѣ, и въ обществѣ—все было совершенно безмолвно и безотвѣтно. Единичными подвигами смѣльчаковъ среди мертвой пустыни казались приносимыя ими жертвы. Когда же они вернулись изъ ссылки, глазамъ ихъ представилась совсѣмъ иная картина. Вмѣсто пустыни, было волнующееся море. Жизнь кипѣла и звала ихъ къ себѣ. Къ ужасу своему, Оленинъ постепенно убѣждается, что онъ уже не тотъ, что прежде: и силы, и здоровье, и вѣра въ себя, вмѣстѣ съ молодостью, остались тамъ, въ глухихъ снѣгахъ. Ничего, кромѣ усталости и страха передъ новыми невзгодами и преслѣдованіями, въ немъ нѣтъ. Нечего ему дать новой жизни. По природѣ, Оленинъ—не герой, а обыкновенный, средній „мирный“ человѣкъ, что̀ авторъ удачно оттѣнилъ. Поэтому судьба Оленина вдвойнѣ трагична и очень характерна на общемъ фонѣ нашей исторіи.

Въ разсказахъ г. Осиповича изъ сибирской жизни есть интересные штрихи, рисующіе бытъ ссыльныхъ и туземныхъ жителей. Общій, довольно мрачный и однообразный тонъ его творчества нѣсколько смягчается тѣмъ мягкимъ и широкимъ „пантеистическимъ“ чувствомъ любви къ природѣ, которое проглядываетъ въ большинствѣ его разсказовъ. Животныя у него всегда близкіе друзья человѣка, его милые младшіе братья. Такимъ лирическимъ чувствомъ особенно проникнутъ этюдъ: „Дамка“, въ которомъ авторъ рисуетъ изумительно тонкую и сложную психологію собаки.

Разсказы г. Осиповича написаны литературно и легко читаются.

— Гр. А. Н. Толстой. I. „Сорочьи сказки“. Спб., 1910 г. II. Повѣсти и разсказы. Спб., 1911 г.

Въ лицѣ гр. А. Толстого наша беллетристика возвращается къ реализму, къ быту, отъ котораго она совсѣмъ-было отрѣшилась. Физіономія автора рѣзко выдѣляется среди другихъ представителей „молодой“ литературы. Ни въ искусственности и вычурности, ни въ туманности, чѣмъ иногда грѣшитъ молодая литература, этого писателя упрекнуть нельзя. Отличительная черта его творчества—большая конкретность; оно тѣсно связано съ землей, проникнуто теплом̀ непосредственныхъ наблюденій и переживаній. Рисунокъ у гр. А. Толстого

оригиналенъ и тонокъ, краски сочны, разсказъ сразу подкупаетъ простотой и свѣжестью. Эти привлекательныя черты проглядывали уже въ первой изъ его книгъ—въ живыхъ и изящныхъ „Сорочьихъ сказкахъ", блещущихъ наблюдательностью и веселымъ юморомъ. Во второй книжкѣ онѣ проявились еще полнѣе. Съ именемъ автора невольно связываются серьезныя ожиданія.

Разсказы гр. А. Толстого посвящены изображенію помѣщичьяго быта. Помѣщичья жизнь, догорающая въ глухихъ усадьбахъ, описывается безъ идеализаціи, безъ прикрасъ, иногда даже съ безпощадной правдивостью, но и съ проникновенностью, съ захватомъ. Чувствуется, что она автору не только знакома, но и близка, что это его родная стихія. Лучшій разсказъ—„Заволжье". Тутъ все типично, характерно и притомъ знаменательно, почти символистично — какъ въ усадьбѣ „тихихъ" дворянъ Рѣпьевыхъ, такъ и въ помѣстьѣ самодура Налымова. Немногими, но очень краснорѣчивыми штрихами очертилъ авторъ „богатыря" Мишуку Налымова. Онъ стоитъ передъ нами какъ живой. Это не только помѣщикъ, представитель оскудѣвающаго дворянства, но и вообще русскій человѣкъ, съ широкой натурой, съ богатыми задатками — и безъ всякой выдержки, безъ культуры. „Нраву моему не препятствуй!"—вотъ единственный жизненный принципъ Миши Налымова. На что идутъ его богатырскія, чисто русскія силы и чисто русская способность беззавѣтно увлекаться и отдаваться? На чудовищныя оргіи съ „гаремными" барышнями, за которыми „три раза въ годъ въ Москву ѣздятъ", на скандальныя дуэли и безудержные кутежи въ Заволжьѣ, послѣ которыхъ нужно долго отлеживаться на своемъ диванѣ!.. Мишукъ расточаетъ свои силы безъ счета, какъ будто онѣ неисчерпаемы. Онъ неустойчивъ, въ немъ нѣтъ настоящаго достоинства и очень быстры переходы отъ горделивости и хвастовства къ самоуниженію и трусости. Рыцарь—Миша, но рыцарь на часъ, и трудно съ нимъ имѣть дѣло. А какъ этотъ „богатырь" падокъ на похвалы, на лесть! Сергѣй Рѣпьевъ, его соперникъ въ любви, легко въ немъ затрагиваетъ больную струну и сразу смягчаетъ въ свою пользу грозное сердце.—„Люблю я въ васъ богатырство, не то, что отецъ и всѣ наши, полумертвые какіе-то...—Мишука въ отвѣтъ весело усмѣхается и дружелюбно треплетъ Сергѣя по плечу.—Ты умный мальчишка, золъ былъ я на тебя... Такъ богатырь, говоришь, я... сходство есть?.." — Свободно и красиво изображена старинная маленькая усадьба Рѣпьевыхъ и очень типичны всѣ ея обитатели: старые — съ прочными устоями, оригинальными нравами, хорошо накопленными силами, и молодые — нервные, взбалмошные, ищущіе, выбитые изъ колеи. Русь гоголевская, съ ея безумной тройкой, отупляющая „обломовщина" и нѣжная, поэтичная Русь Тур-

генева переплелись у гр. А. Толстого въ очень богатомъ и своеобразномъ узорѣ.

Къ сожалѣнію, далеко не всѣ разсказы А. Толстого такъ красивы и художественны, какъ „Заволжье“. Въ нѣкоторыхъ, напр. въ „Сватовствѣ“, замѣтно стремленіе къ шаржу и утировкѣ, а также какой-то искусственный, безпочвенный пессимизмъ, очевидно навѣянный „модернистскими“ настроеніями. Возможно, впрочемъ, что эти недостатки обусловлены сравнительною литературною молодостью автора, и что впослѣдствіи онъ отъ нихъ отрѣшится, и творчество его сдѣлается болѣе устойчивымъ.—Е. Колтоновская.

— Юліанъ Кулаковскій. Исторія Византіи. Томъ I (395 — 518). Съ двумя картами, планомъ Константинополя и разрѣзомъ его стѣнъ. Кіевъ, 1910 г.

Еще недавно на страницахъ „Вѣстника Европы“ намъ приходилось говорить о теперешнемъ печальномъ состояніи византиновѣдѣнія въ Россіи. Послѣ пышнаго и яркаго расцвѣта научный интересъ къ прошлому Византіи ослабѣлъ и если не совсѣмъ угасъ, то благодаря неутомимой дѣятельности Константинопольскаго Археологическаго Института и академическому изданію „Византійскаго Временника“. И вотъ, какъ разъ за самое послѣднее время, появился новый трудъ по византійской исторіи—первый томъ обширной „Исторіи Византіи“, предпринятый кіевскимъ профессоромъ Ю. А. Кулаковскимъ. Живѣйшій интересъ можетъ представить попытка дать исторію византійской имперіи, въ ея разнообразныхъ, богатыхъ и характерныхъ проявленіяхъ. И внѣшняя исторія Византіи, съ ея безпрестанными смѣнами династій и императоровъ, съ кровавыми дворцовыми трагедіями и страшными эпилогами государственныхъ переворотовъ, съ сложной системой придворныхъ интригъ и бюрократическихъ козней, съ великолѣпіемъ церемоніаловъ и строгостью этикета, съ искусствомъ дипломатіи, съ многообразными отношеніями къ различнымъ народамъ, то грозно подступавшимъ къ стѣнамъ Царьграда, то вооруженной рукой поддерживавшимъ шатающееся зданіе имперіи—и ея исторія внутренняя, съ сложнымъ механизмомъ центральнаго и областного управленія, съ характерными комбинаціями классовъ и сословій, съ особымъ хозяйственнымъ укладомъ, съ строгой систематикой права, съ исключительной ролью церкви и обрядовой церковности, съ образными, но односторонними литературными мотивами: все это представляетъ богатый и благодарный матеріалъ для историка. Но новый трудъ проф. Кулаковскаго врядъ ли оправдаетъ надежды читателей и даже едва ли отвѣчаетъ своему заглавію. Прежде всего, очень и очень можно спорить о томъ, съ какого пе-

ріода начинается исторія Византіи, т.-е. когда *восточно-римская* имперія трансформируется въ *византійскую*. Г. Кулаковскій не проводитъ различій между тою и другою и начинаетъ свою исторію Византіи съ 395 г.—года раздѣленія государства по смерти Ѳеодосія Великаго. Врядъ ли съ этимъ можно согласиться. Не только имперія V-го вѣка, но и въ значительной степени имперія VI-го вѣка была еще имперіей восточно-римской и лишь послѣ Юстиніана можно говорить объ отлившейся въ своеобразныя формы византійской имперіи. Въ первомъ томѣ своего труда г. Кулаковскій еще не дошелъ до эпохи Юстиніана, и потому его настоящій трудъ является, въ сущности, введеніемъ въ исторію Византіи. Но уже по вышедшему тому, столь обширному по размѣрамъ (533 стр.), можно судить объ основномъ характерѣ и планѣ работы. Это — прежде всего и главнымъ образомъ исторія внѣшняя, прагматическая. Авторъ подробно повѣствуетъ объ одномъ царствованіи за другимъ, особенно много мѣста удѣляя детальному описанію войнъ, сраженій, возстаній, заговоровъ, придворныхъ интригъ и различныхъ торжественныхъ церемоній. Изъ вопросовъ внутренней политики отводится мѣсто церковнымъ дѣламъ, по преимуществу религіознымъ спорамъ и распрямъ; въ рѣдкихъ случаяхъ говорится о крупнѣйшихъ административныхъ реформахъ. Вся соціальная, хозяйственная и правовая исторія оставлена совершенно въ тѣни. Правда, эти вопросы являются болѣе сложными и менѣе разработанными, но въ общей исторіи Византіи во всякомъ случаѣ имъ было необходимо удѣлить соотвѣтствующее мѣсто.

Начинается книга проф. Кулаковскаго рядомъ главъ общаго характера, посвященныхъ государственному устройству имперіи IV-го вѣка. Здѣсь мы находимъ и очеркъ развитія императорской власти,—гдѣ много говорится о принципатѣ Августа и очень мало о восточныхъ элементахъ позднѣйшаго императорства,—и свѣдѣнія о дворѣ и центральномъ управленіи, объ устройствѣ столицы, объ играхъ и партіяхъ ипподрома. Очень обстоятеленъ и полонъ очеркъ: „Армія и военное управленіе“—результатъ спеціальныхъ изученій автора, но очень слабы главы: „Система обложенія и финансовое управленіе“, „Гражданское управленіе имперіи“ и, въ особенности, „Сословія имперіи“. Обо всемъ этомъ авторъ говоритъ весьма кратко, о многомъ существенно-важномъ совершенно не упоминаетъ; такъ, весьма мало сказано о городскомъ строѣ и ничего не сказано о крупныхъ помѣстьяхъ и ихъ соціально-политической роли; лишь нѣсколько общихъ фразъ посвящено такому важному явленію, какъ колонатъ; совсѣмъ не указаны особые виды аренды, развившіеся на императорскихъ и городскихъ земляхъ (эмфитевзисъ, jus perpetuum, jus privatum salvo canone); на-

конецъ, не дана общая картина хозяйственной жизни имперіи послѣ кризиса III-го вѣка. Замыкаютъ этотъ отдѣлъ очерки: „Христіанство“ и „Готы въ имперіи“. Далѣе идутъ обширныя главы, посвященныя правленію императоровъ V-го и начала VI-го вѣковъ. Авторъ переработалъ обильный матеріалъ, знакомство съ первоисточниками чувствуется на каждой страницѣ; но часть матеріала овладѣваетъ авторомъ настолько, что заставляетъ его говорить высокимъ стилемъ лѣтописца ранняго средневѣковья. Часто неудачна и случайна группировка фактовъ, излишне нагроможденныхъ и мало систематизированныхъ; обиліе именъ, названій, мельчайшихъ деталей усугубляетъ этотъ недостатокъ. Автору, при его пристрастіи къ изображенію внѣшнихъ драматическихъ ситуацій мятежной и бурной жизни византійскихъ императоровъ, недостаетъ яркости и красочности, которая такъ отличаетъ французскихъ византинистовъ—Диля, Шлюмберже, Рамбо; портреты сильныхъ и слабыхъ императоровъ, коварныхъ императрицъ, могущественныхъ временщиковъ, дикихъ варварскихъ вождей, евнуховъ-министровъ и дипломатовъ, побѣдоносныхъ полководцевъ, честолюбивыхъ іерарховъ — выходятъ у него блѣдными, похожими одинъ на другой, лишенными характерныхъ чертъ. Болѣе удались автору описанія безчисленныхъ войнъ и вторженій варваровъ, а также торжественныхъ церемоній въ императорскомъ дворцѣ. Внутреннія дѣла отодвинуты на задній планъ. Достаточно указать, что кодексу Ѳеодосія II-го удѣлено всего двѣ страницы (стр. 237—238) изъ девяноста, посвященныхъ правленію этого императора; обойдемъ молчаніемъ важный законъ Зенона объ эмфитевзисѣ; сравнительно больше сказано о финансовыхъ и административныхъ реформахъ Анастасія. — И. Бороздинъ.

— Вл. Горнъ. Крестьянскія движенія за полтора вѣка.

Русское крестьянство, крестьянское хозяйство и такъ называемый крестьянскій вопросъ всегда привлекали къ себѣ особенное вниманіе нашего общества; только въ періодъ преобладанія идей нео-марксизма, преувеличивавшаго положительное значеніе у насъ капитализма и политическую роль рабочаго класса, интересъ къ крестьянству поблекъ. Но уже аграрныя волненія на югѣ Россіи въ началѣ XX-го вѣка опять оживили интересъ къ крестьянскому вопросу, а массовыя движенія крестьянъ въ 1905 — 1906 гг. и та неожиданная для правительства и большинства образованнаго общества роль, какую крестьяне сыграли въ опредѣленіи состава и настроенія первыхъ двухъ нашихъ парламентовъ, выступившихъ подъ знаменемъ земли и свободы, убѣдили всѣхъ въ томъ, что крестьян-

ство, какъ оно сложилось въ доконституціонныя времена, является не только непримиримымъ врагомъ крупнаго землевладѣнія, но и важнѣйшимъ факторомъ политическаго обновленія страны. Первымъ, кто учелъ этотъ фактъ, было правительство, выступившее на защиту дворянства. Оно ограничило до крайности избирательныя права крестьянъ закономъ 3-го іюня, и приняло рѣшительныя мѣры къ разрушенію стараго крестьянства—деревенскаго и общиннаго, до извѣстной степени объединеннаго мірскими обычаями и традиціями, выросшими на почвѣ совмѣстной жизни и совмѣстнаго пользованія землей, и къ созданію на его мѣсто крестьянина-собственника, крестьянина-хуторянина, крестьянства разъединеннаго и территоріально, и по интересамъ, въ надеждѣ на то, что оно окажется разъединеннымъ и въ отношеніи соціальной тенденціи. На вопросѣ о томъ, какъ осуществляются аграрные замыслы правительства, какъ они отразятся на хозяйственномъ положеніи, на психологіи и настроеніи крестьянъ, сосредоточивается нынѣ главное вниманіе всего общества, выражающееся, между прочимъ, въ рядѣ анкетъ, предпринимаемыхъ частными лицами и учеными обществами для разъясненія этихъ вопросовъ.

Отраженіемъ этого интереса служитъ и указанная въ заголовкѣ нашей замѣтки книжка, принадлежащая перу одного изъ представителей того направленія нашей общественной мысли, которымъ было вызвано сравнительно равнодушное отношеніе общества къ крестьянству въ періодъ, предшествовавшій освободительному движенію девятисотыхъ годовъ. Г. Горнъ поставилъ себѣ цѣлью отвѣтить на вопросъ: „представляютъ ли изъ себя крестьянскіе бунты, волненія и т. п. цѣльный и единый, хотя и прерывающійся и претерпѣвающій внутреннія измѣненія историческій процессъ?“—и отвѣчаетъ на него утвердительно. „Крестьянство въ теченіе полутора вѣковъ—говоритъ онъ — боролось съ помѣщикомъ и охраняющимъ интересы послѣдняго полицейскимъ государствомъ. Во всѣхъ волненіяхъ мы неизмѣнно наталкиваемся на стремленіе получить въ свое распоряженіе землю, какъ основу самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства, и попытки сбросить съ себя опеку „управителя“, будь то крѣпостной баринъ или его замѣститель-чиновникъ. Это стремленіе нашло себѣ выраженіе въ лозунгѣ „земля и воля“, который опредѣлилъ знамя первой революціонной партіи пореформенной Россіи и, послѣ временнаго увяданія, вызваннаго ослабленіемъ крестьянскаго движенія, оно получило рѣшающее значеніе въ ходѣ и исходѣ соціально-политическаго кризиса 1905—07 годовъ“.

Г. Горнъ не ограничивается въ своемъ трудѣ крестьянскими волненіями, а касается и другихъ выраженій настроенія крестьянъ, напр. сектантства. Не ограничивается онъ и сферою крестьянства,

а пытается указать отраженіе крестьянскихъ движеній въ правительственныхъ сферахъ и образованномъ русскомъ обществѣ. Отвѣтъ автора на всѣ эти вопросы слѣдуетъ, однако, считать только предварительнымъ, потому что г. Горнъ обладалъ весьма ограниченными матеріалами, не производилъ самостоятельнаго изслѣдованія предмета, не утилизировалъ всего того матеріала о пореформенныхъ движеніяхъ въ средѣ крестьянства, который заключается въ газетныхъ сообщеніяхъ и судебныхъ отчетахъ, въ отчетахъ и докладахъ миссіонеровъ и т. д. Этотъ матеріалъ важенъ не только для разъясненія вопроса о формахъ и содержаніи крестьянскихъ движеній: большой интересъ представляетъ и постепенная эволюція политической психологіи народныхъ массъ. Г. Горнъ указываетъ, напр., на „неизмѣнно проявляющуюся черту крестьянскихъ волненій — вѣру въ высшую государственную власть, съ которою связываются всѣ упованія на успѣхъ борьбы". Вѣра эта—естественный продуктъ крѣпостныхъ временъ, когда власть и помѣщикъ были—все, а народъ—ничто. Но реформы Александра II, освободившія личность крестьянина и призвавшія его къ участію въ общественной службѣ (земство, судъ, воинская повинность) на ряду съ привилегированными классами, не могли не повліять на его психологію въ смыслѣ зачисленія въ рядъ общественныхъ силъ самихъ народныхъ массъ—и наличность такой эволюціи политическаго сознанія крестьянъ ясно проявилась въ новѣйшихъ движеніяхъ.—В. В.

Въ теченіе декабря мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Александровъ, В.—Въ мірѣ безумія и отчаянія. Спб., 1910 г. Цѣна 50 к.

Антоновъ, К. Е.—Далп блаженныя. Петроградъ, 1910 г. Цѣна 35 коп.

Артемьевъ, Вячеславъ.—„Стѣны" и другіе разсказы. Кіевъ, 1911 г. Ц. 1 р.

Архиповъ, Николай.—Юмористическіе разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 60 к.

Астори, Е.—Диссонансы. Варшава, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Афонскій, А. П.—Николай Ивановичъ Пироговъ. Его жизнь и педагогическая проповѣдь. Москва, 1911 г. Цѣна 30 коп.

Бенелли, Семъ.—Ужинъ шутокъ. Драм. поэма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Перев. Александра Брюсова. Москва, 1911 г. Цѣна 65 коп.

Березинъ, Н.—Три мѣсяца среди людоѣдовъ. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Берсъ, А. А.—Борьба за существованіе на небѣ. Къ 100-лѣтію рожденія Дарвина. Спб., 1909 г. Цѣна 20 коп.

——— Естественная исторія чорта. Спб., 1908 г. Цѣна 30 коп.

——— Нравственность, какъ неминуемый продуктъ общественныхъ инстинктовъ. Спб., 1908 г. Цѣна 40 коп.

Богольповъ, Л. П.—Естественно-историческія основы общеобразовательной школы. Москва, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Бородкинъ, М. — Исторія Финляндіи. Время Елизаветы Петровны. Спб., 1910 г. Цѣна 4 р.

Боцяновскій, В. Ѳ.—Богоискатели. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Бычковскій, Б. С.—Современная философія. Часть I. Спб., 1911 г. Ц. 2 р.

Бѣловежскій, В. И.—Результаты эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ съ 1901 по 1906 годъ. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

——— Система желѣзнодорожныхъ тарифовъ на сѣти Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вагнеръ, Германъ.—Разсказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ. Спб., 1911 г. Цѣна 65 коп.

Величкина, В. М.—Швейцарія. Спб., 1911 г. Цѣна 80 коп.

Виппперъ, Р., проф.—Очерки теоріи историческаго познанія. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Витте, Сергѣй.—Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ грузовъ. Третье дополнительное изданіе. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

Вихляевъ, П. А. — Экономическія условія народнаго образованія въ Московской губ. Москва, 1910 г.

Вѣтринскій, Ч.—Левъ Николаевичъ Толстой † 7 ноября 1910 г. Очеркъ жизни и дѣятельности. Нижній-Новгородъ, 1910 г. Цѣна 3 коп.

Гамалѣя, Н. Ф. — Къ вопросу о министерствѣ народнаго здравія. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.

Гессенъ, Владиміръ.—Желтые листья. Стихотворенія. Спб., 1911 г. Ц. 1 р.

Гинцбургъ, Р. – Смертная казнь у евреевъ. Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

Груздевъ, С. А.—Изъ экономическихъ отчетовъ артелей Сѣвернаго края за 1909 годъ.

Гусевъ-Оренбургскій, С.—Томъ III. Разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Гущинъ, А. М.—Новые разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 75 коп.

Данилинъ, И.—Разсказы. Книга 3-я. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Дерюжинскій, В. Ѳ.—Очерки политическаго развитія современной Англіи. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Дядиченко, А. Н.—Вывозъ и ввозъ продуктовъ сельскаго хозяйства и обрабатывающей промышленности въ предѣлахъ Черниговской губ. за 1903—1907 гг. Черниговъ, 1911 г.

Естифѣева, М. П.—На гнилыхъ устояхъ. Уфа, 1910 г.

——— Нашъ метеоръ. Уфа, 1910 г.

Жиркевичъ, А. В. — Открытое письмо къ сотрудникамъ газеты „Новое Время“ А. А. Столыпину и Н. А. Энгельгардту. Вильна, 1910 г. Цѣна 25 коп.

Зайкинъ, Павелъ.—Разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Зелинскій, Густавъ. — Киргизъ. Поэма. Перев. Георгія Гребеньщикова. Томскъ, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Иверъ, Колетта.—Королева Беатриса. Романъ. Перев. съ франц. Э. К. Пименовой. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Игнатовичъ, И. И.—Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Изд. 2-е, дополненное. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Изергинъ.—Русскія сказки. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Кросби, Эрнестъ.—Толстой и его жизнеописаніе. Переводъ съ англійскаго. Со вступительной статьей Л. Н. Толстого и краткимъ біографическимъ очеркомъ. „Эрнестъ Кросби, поэтъ новаго міра“ И. Горбунова-Посадова. Москва, 1911 г. Цѣна 45 коп.

Кузминъ, М.—Куранты любви. Москва, 1911 г.

Курловъ, Е.—Ира. Разсказы. Книга 2-я. Москва, 1911 г. Цѣна 85 коп.

Либенъ, П. Ѳ., и *Шуйская*, А. П.—Краткій курсъ русской исторіи. Изд. 4-е. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Линниченко, И. А.—Альфредъ де-Мюссе. 1810—1910. Очеркъ. Одесса, 1910 г.

Ломбаръ, Жанъ.—Томъ I. Агонія. Москва, 1910 г. Цѣна 3 р.

Лундегордъ, Аксель.—На смертномъ одрѣ (La Mouche). Романъ изъ жизни Генриха Гейне. Перев. М. П. Благовѣщенской. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Мендесъ, Катюль.—Собраніе сочиненій. Т. I. Король дѣвственникъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Мищенко-Ате.—День испытанія. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мультатули.—Богъ хочетъ [милости, не жертвы. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 8 коп.

Мюллеръ, I. П.—Половая мораль и освобожденіе женщины. Научно-популярный очеркъ. Съ приложеніемъ статьи А. Фореля: Переводъ подъ ред. А. С. Балавинскаго. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Пироговъ, Н. И. — Сочиненія. Т. I. Педагогическія и публицистическія статьи. Т. II. Вопросы жизни. Кіевъ, 1910 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

Плетневъ, Алексѣй. — Собраніе сочиненій. Томъ I. Цѣна 1 р. 25 коп. Томъ II. Цѣна 1 р. Одесса, 1910 г.

Прокоповичъ, С.—Проблемы соціализма. Развитіе соціалистической мысли во Франціи. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Розановъ, В.—Итальянскія впечатлѣнія. Спб., MCMIX. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Когда начальство ушло. 1905—1906 гг. Спб., MCMX. Цѣна 1 р.

Скойтенъ, М. С. — Воспитаніе женщины. Перев. съ франц. д-ра Е. М. Басовой. Подъ ред. Н. Е. Румянцева, съ предисл. А. П. Нечаева. Спб., 1911 г. 1 р 20 коп.

Снѣгина, О. П.—Разсказы. Томъ I. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Спекторскій, Е.—Проблема соціальной физики въ XVII столѣтіи. Томъ I. Новое міропониманіе и новая теорія науки. Варшава, 1910 г. Цѣна 3 р.

Столкиндъ, Е. Я., д-ръ.—Туберкулезъ. Вып. I. Борьба съ туберкулезомъ въ Германіи. Москва, 1910 г. Цѣна 25 коп.

Строчиловъ, Н. О.—О биржевыхъ артеляхъ и степень гарантіи ими довѣрителей. Спб., 1911 г. Цѣна 30 коп.

Танъ, В. I.—Собраніе сочиненій. Томъ IV. Скитанія. Спб., 1910 г. Ц. 1 р.

Темный, Василій.—Современный Монсей. Москва, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Тимковскій, Н.—Повѣсти и разсказы. Т. VII. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Толстой, Алексѣй Н., графъ. — Повѣсти и разсказы. Книга первая. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Туркинъ, В. Н.—Коммиссаржевская въ жизни и на сценѣ. Москва, 1910 г. Цѣна 80 коп.

Туркинъ, Е. В.—Барбоска. Москва, 1910 г.

Турчиновичъ, А.—Палладіумъ. Главнѣйшія свѣдѣнія изъ Римскихъ древностей и римской литературы. Гродна, 1911 г.

Флоровскій, А. В. — Изъ исторіи Екатерининской законодательной коммиссіи 1767 г. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Одесса, 1910 г.

Флугъ, К. К.—Викинги и Русь. Спб., 1910 г.

Фрейтагъ, Густавъ. — Инго. Повѣсть. Перев. А. Острогорской. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Фридрихъ, Н. А.—Бухара. Этнографическій очеркъ. Спб., 1910 г. Ц. 25 к.

Фуксъ, Георгъ.—Революція театра. Исторія Мюнхенскаго художественнаго театра. Переводъ подъ ред. А. Л. Волынскаго. Спб., 1911 г.

Шапиръ, Ольга. — Собраніе сочиненій. Со вступительной статьей. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Томъ I. Одна изъ многихъ. Романъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Швиттау, Г. Г.—Промышленные конфликты. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Шульговскій, Н. Н.—Кружокъ философіи права проф. Л. І. Петражицкаго при Спб. университетѣ за десять лѣтъ существованія. Спб., 1910 г. Ц. 50 коп.

Эберъ, Марсель.—Прагматизмъ. Перев. съ франц. З. А. Введенской, подъ ред. М. А. Лихарева, съ пред. проф. Ал. Ив. Введенскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 85 коп,

Энгель, Ю.—Очерки по исторіи музыки. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Альманахъ для всѣхъ. Книга 2-я. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

— Альманахъ-Календарь для всѣхъ на 1911 годъ. Спб., 1911 г. Ц. 20 к.

— Военно-историческій Вѣстникъ при Кіевскомъ отдѣлѣ Русск. военно-историческ. общества. №№ 5—6, 7—8. Кіевъ, 1910 г.

— Вопросы обществовѣдѣнія. Вып. III. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Врачебная хроника Харьковской губ. № 9—10. Харьковъ, 1910 г.

— Ежегодникъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія по департаменту земледѣлія. Годъ 3-й. Спб., 1910 г.

— Извѣстія комитета по холодильному дѣлу. Выпускъ пробный. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

— Какъ получить чистую и здоровую воду. Спб., 1911 г. Цѣна 20 коп.

— Къ характеристикѣ современнаго студенчества. (По даннымъ переписи 1909—1910 гг. въ Спб. Технологическомъ Институтѣ). Подъ ред. прив.-доц. М. В. Бернацкаго и при участіи д-ра Д. П. Никольскаго. Спб., 1910 г. Ц. 50 к.

— Народныя библіотеки Нижегородской губ. Нижній-Новгородъ, 1910 г.

— Оренбургскія педагогическія записки. Учебный годъ 1910—1911 гг. Выпускъ II. Оренбургъ, 1910 г.

— Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1908 годъ. Спб., 1910 г.

— „Посредника“ изданія: № 6. Л. Н. Толстой: „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. № 10. Житіе Св. Филарета Милостиваго. № 19. В. Гюго: „Братъ на брата“. № 24. Л. Н. Толстой: „Много ли человѣку земли нужно?“ № 39. П. Пэйверинтъ: „Попутчикъ“. № 68. Гончаръ-самоучка. № 74. „Грѣхъ и безуміе пьянства“. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. № 88. В. С.: „Питомка“. № 93. С. Т. Семеновъ: „Немилая жена“. № 104. А. Эртель: „Разсказы Ивана Ѳедорыча“. № 112. Д. Марковичъ: „Омелько-бѣглый каторжникъ“. № 129. „Совѣтъ матерямъ объ уходѣ за малыми дѣтьми“. По книгѣ д-ра Н. Ф. Михайлова. № 154. С. Семеновъ: „На свою голову“. № 231. Т. Т.: „Человѣкъ безъ сердца“. № 236. Н. Поповъ: „Шемякинъ судъ“. № 246. А. Пакинъ: „Пора опомниться“. № 253. „Сирота въ неволѣ“. По В. Гюго Е. В. № 289. В. Лукьянская: „Какой вредъ дѣлаетъ человѣку вино?“ № 290. М. Лермонтовъ: „Ангелъ“ и др. стихотворенія. № 296. Э. Ожешко: „Колдунья“. № 306. М. Кононницкая: „Покинутые“. № 315. „Принцъ-калѣка“. По Леметру И. Горбуновъ-Посадовъ. № 393. М. Кононницкая: „Криста“. № 338. Е. Горбунова: „Наши зеленые друзья“. № 341. И. Бѣлусовъ: „На волѣ“. Стихотворенія. № 354. „Раненый врагъ“. № 358. А. Пушкинъ: „Станціонный смотритель“. № 359. „Вино—ядъ“. № 381. П. Хотымскій: „Мать“. № 392. „Султанъ Мохамедъ“. Сборникъ притчъ и разсказовъ. Сост.

И. Горбуновъ-Посадовъ. № 393. „Мудрецъ Солонъ“. Сборникъ притчъ и разсказовъ. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. № 395. „Англійскій король Канутъ“. Сборникъ притчъ и разсказовъ. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. № 399. „Олень съ золотымъ обручемъ. Сборникъ притчъ и разсказовъ. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. № 400. „Благороднѣйшій изъ людей“. Сборникъ притчъ и разсказовъ. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. № 402. „Волки“. Сборникъ притчъ и разсказовъ. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. № 406. И. Даниловъ: „Искра любви“. № 407. С. Т. Семеновъ: „Дѣдъ Аверьянъ“. № 424. „Артабанъ Мидянинъ“. № 436. Р. Гардингъ-Дэвисъ: „Мой безславный пріятель Мистеръ Рэгенъ“. № 443. С. Т. Семеновъ: „Левониха“, № 458. „Двоеженецъ“. № 466. „Ненаглядная“. Пѣсенникъ. № 468. „Женихъ и невѣста“. Пѣсенникъ. № 469. „Любовь и разлука“. Пѣсенникъ. № 475. „Колокольчикъ“. Пѣсенникъ. № 478. Уйда: „Деревушка Благодатная“. № 489. „Трепакъ“. Пѣсенникъ. № 484. А. Волгинъ: „Отказались“. № 497. И. Наживинъ: „Бабушка“. № 501. „Весельчакъ“. Пѣсенникъ. № 525. И. Наживинъ: „Великая истина“. № 531. Иванъ Франко: „Къ свѣту“. № 560. С. Т. Семеновъ: „Хорошее житье“. № 564. И. Старининъ: „Получка“. № 573. Л. Н. Толстой: „Крестники“. № 736. „Житіе св. Павлина Нолянскаго“. № 740. „Житіе св. Петра Мытаря“. № 746. Н. В. Гоголь: „Жизнь“. № 758. С. Т. Семеновъ: „Марфуша-Сирота“. № 775. М. Конопницкая: „Убійца“. № 777. В. Чертковъ: „Злая забава“. № 784. Л. Н. Толстой: „Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ“. Сказка. № 786. Н. В. Гоголь: „Ревизоръ“. № 801. Н. Телешовъ: „Елка Митрича“. № 804. А. Хирьяковъ: „Источникъ жалости“. № 806. А. Хирьяковъ: „Сказаніе о королевичѣ Бефріарѣ“. № 807. В. Быстренинъ: „Свой судъ“. № 825. П. Хотымскій: „Сестра бѣленькая“. № 323. „Горе стараго каторжника“ и другіе разсказы. № 419. Проф. Ю. Вагнеръ: „Разсказы о томъ, какъ устроены и какъ живутъ растенія. № 431. Разсказы о небесныхъ свѣтилахъ. Проф. Ю. Вагнера. № 717. „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“. Составилъ Л. Н. Толстой. № 799. Новыя произведенія Л. Н. Толстого: Вып. 5-й. „Единая заповѣдь“. № 836. Новыя произведенія Л. Н. Толстого. Вып. 6-й. „Благодарная почва (изъ дневника)“.—Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества: № 52. „Моя новая мама“ и др. разсказы А. И. Ульяновой. № 209. Н. А. Рубакинъ: „Исторія маленькаго человѣка“. № 260. Н. А. Рубакинъ: „Янъ Амосъ Коменскій, страдалецъ за вѣру“. № 65. „Человѣкъ, животныя и растенія“. Начальное природовѣдѣніе. Сост. О. Шмейль.—„Новое воспитаніе и образованіе“. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 15-й. Вильямъ Кемпбелъ: „Наглядная геометрія“. Вып. 38-й. В. Донъ и Ф. Тикнеръ: „Наглядная географія“.—„Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь“. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книга 5-я. „Общедоступное руководство къ земледѣлію“. Сост. П. Костычевъ. Книга 51-я. „О борьбѣ съ засухами посредствомъ обработки полей и накопленія на нихъ снѣга“. Проф. П. Костычева.—„Календарь для каждаго на 1911 г.“. Сост. А. С. Зоновъ подъ ред. И. Горбунова-Посадова. „Сельскій и деревенскій календарь на 1911 г.“. И. Горбунова-Посадова.—№ 724. „Вегетаріанская кухня“. Составлено по иностраннымъ и русскимъ источникамъ.—„Маякъ“ № 8 и 9.—„Свободное Воспитаніе“. № 1, 11 и 12.

— Права русскихъ въ Финляндіи. Гельсингфорсъ, 1910 г.

— Сборникъ т-ва „Прогрессъ“. Томъ I-й. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 к.

— Тевтонскіе крестоносцы. (1410—1910). Историческая справка. Нижній-Новгородъ, 1910 г. Цѣна 10 коп.

— Труды студенческихъ научныхъ кружковъ Физико-Математическаго

Факультета Спб. Университета. Съ предисловіемъ проф. В. Шимкевича. Т. I. Вып. 1 и II. Спб., 1909—1910 г.

— Труды экспедиціи по изслѣдованію земель Печорскаго края Вологодской губерніи. Изд. подъ ред. П. И. Соколова. Т. II. Устьсысольскій уѣздъ. Районъ Устьсысольскаго и части Вычегодскаго лѣсничества. Спб., 1910 г.

— Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1908 годъ. Составилъ А. Д. Педашенко. Спб., 1910 г.

— Художественно-литературные альманахи издательства „Шиповникъ". Книга 13-я. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Энциклопедія сценическаго самообразованія. Костюмъ. Подъ ред. Ѳ. Ѳ. Коммиссаржевскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

— Энциклопедическій Словарь. 7-е совершенно переработанное изданіе подъ ред. проф. В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева и К. А. Тимирязева. Изд. т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". Москва. Томъ. II. Актъ-Анатоцизмъ. Томъ III. Анафилаксія-Археологія.

— 1910 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ V. Спб., 1910 г.

— X Педагогическіе курсы вѣдомства военно-учебныхъ заведеній. Сборникъ 3-й. 1900—1910. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

— Статистика за търговията на Царство България съ чуждитѣ държави прѣзъ 1909 година. Софія, 1910 г.

Krassoff, Alexandre.—La vie, les moeurs et l'Etat économique du peuple Zyriane du nord-est de la Russie. Paris. Prix 3 fr.

ЗНАЧЕНІЕ РАБОТЪ В. И. СЕРГѢЕВИЧА ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА

Надъ свѣжей могилой Василія Ивановича Сергѣевича я счелъ возможнымъ сказать приблизительно слѣдующее: „для немногихъ людей безсмертіе наступаетъ послѣ ихъ кончины; для еще меньшаго числа оно открывается при жизни. Василій Ивановичъ Сергѣевичъ положилъ начало своему безсмертію много лѣтъ тому назадъ, изданіемъ книги „Вѣче и князь"." Значеніе этого сочиненія не для одной исторіи русскаго права, но для юридическихъ древностей вообще,—скажу болѣе: для установленія общей формулы прогресса, насколько послѣдній касается роста учрежденій, ярко выступитъ при бѣгломъ даже знакомствѣ съ тою постановкой, какую до Сергѣевича нашелъ на Западѣ вопросъ о вѣчѣ или народномъ собраніи.

Въ силу какой-то счастливой интуиціи, великій Спиноза въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ" высказалъ уже до-

гадку, что прямое народоправство или чистая демократія должна быть признана древнѣйшимъ порядкомъ политическаго устройства. Весьма вѣроятно, что на эти мысли навели его судьбы еврейскаго народа, которыми такъ много занимается „Богословско-политическій трактатъ“. Позднее появленіе у евреевъ царской власти и аристократическаго по своему составу синедріона могло внушить знаменитому философу мысль о томъ, что монархіи и аристократіи предшествовало непосредственное завѣдываніе всѣмъ народомъ государственными дѣлами, столько же законодательствомъ, сколько судомъ и выборомъ правителей.

Эта мысль могла считаться новшествомъ въ томъ смыслѣ, что у общаго учителя политической мудрости всей древности, среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія—я разумѣю Аристотеля—развитіе государства представлено было какъ разъ въ обратномъ смыслѣ. Въ ближайшемъ соотвѣтствіи съ греческой дѣйствительностью и въ частности съ порядками Аѳинъ, такъ обстоятельно изученными Аристотелемъ, эволюція государства рисуется ему въ слѣдующемъ видѣ. Въ III-ей книгѣ „Политики“ онъ говоритъ, что наличность на первыхъ порахъ лишь небольшого числа доблестныхъ и выдающихся мужей была причиной широкаго единовластія; народъ ставилъ во главѣ людей, всего болѣе его облагодѣтельствовавшихъ. Со временемъ, по мѣрѣ территоріальнаго расширенія государства, умножилось число такихъ людей, почему и перестали довольствоваться монархическимъ устройствомъ и перешли къ устройству аристократическому. Когда со временемъ аристократы, отказавшись отъ служенія общимъ интересамъ, стали пользоваться доходами для собственнаго обогащенія, правительство благороднѣйшихъ смѣнилось правительствомъ наиболѣе богатыхъ, другими словами—аристократія уступила мѣсто олигархіи. Дальнѣйшій ходъ былъ тотъ, что богатые, желая сосредоточить власть въ рукахъ возможно меньшаго числа лицъ, стали ограничивать число участниковъ въ ней. Самая богатая изъ семей добилась единоличнаго господства или тираніи. Но противъ нея вооружился демосъ; онъ низвергъ власть тирановъ и присвоилъ себѣ верховенство. И такъ какъ государство расширилось, а слѣдовательно и увеличилось число его гражданъ, то—прибавляетъ Аристотель—мудрено допустить, чтобы въ настоящее время, помимо демократіи, могла развиться иная форма государственнаго устройства („Политика“, кн. III, § 10).

Спросимъ себя, какъ могло случиться, что въ XVII-мъ столѣтіи теорія преемства монархіи, аристократіи и демократіи, завѣщанная намъ древностью, смѣнилась ученіемъ, по которому демократія признается исходнымъ моментомъ въ развитіи государства? Когда религіозная

рознь, вызванная появленіемъ отпавшихъ отъ Рима церквей, при желаніи монарховъ сохранить единовѣріе въ своихъ владѣніяхъ, повела къ скрытому или явному возстанію части ихъ подданныхъ, во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, стали появляться одновременно ученія о томъ, что короли получили свою власть отъ народа, подлежатъ отвѣтственности передъ нимъ за свои дѣйствія и могутъ быть низвергнуты съ престола тѣмъ же народомъ въ томъ случаѣ, когда ихъ велѣнія противны божескому закону и клонятся ко вреду подданныхъ. Писатели, позволившіе себѣ подобное утвержденіе, нашли у одного изъ современниковъ осужденіе подъ кличкою „монархомахи", т.-е. монархоотрицатели. Не довольствуясь одними отвлеченными разсужденіями, эти монархоотрицатели постарались обосновать свой взглядъ на историческомъ матеріалѣ. Такъ поступилъ, напримѣръ, Бухананъ въ своемъ „Разсужденіи о правахъ королей у шотландцевъ"; то же сдѣлалъ и тотъ Франсуа Готоманъ, авторъ трактата „Франко-Галія", который впервые сталъ искать въ лѣтописяхъ и законодательныхъ памятникахъ обоснованіе мысли, что франки выбирали своихъ королей и что французская монархія, поэтому, не только создана народомъ, но и всегда встрѣчала ограниченіе своихъ правъ не въ комъ иномъ, какъ въ томъ же народѣ. Черезъ всю политическую литературу XVII-го вѣка красной нитью проходитъ мысль, что въ такъ называемомъ естественномъ состояніи, предшествующемъ по времени государству, народъ самъ вѣдалъ свои дѣла. Одни писатели, какъ напримѣръ, Алтузій, въ самомъ началѣ XVII-го вѣка связывали дальнѣйшія судьбы демократіи съ этимъ древнѣйшимъ порядкомъ; другіе, наоборотъ, какъ Гуго-де-Гротъ и за нимъ Гоббсъ, признавали добровольный отказъ отъ самовластія со стороны народа источникомъ возникновенія государства въ монархической формѣ. И тѣ, и другіе сходились въ признаніи, что народъ является источникомъ власти монарховъ. Это ученіе продолжало жить и развиваться и въ теченіе всего XVIII-го вѣка. Изъ сочиненій теоретиковъ, въ томъ числѣ Руссо, оно проникло въ сочиненія историковъ, какъ Мабли, и сдѣлалось, такъ сказать, ходячей доктриной. Тѣ основанія, на которыхъ, начиная съ Готомана и оканчивая французскими историками XVIII-го вѣка, утверждалось существованіе народныхъ собраній и выборныхъ королей, были, однако, настолько шатки, что въ XVIII и XIX вв. нашлись писатели, позволившіе себѣ утверждать какъ разъ обратное, а именно, что народное участіе весьма рано сведено было въ дѣлѣ законодательства къ чисто пассивной роли. Военные смотры, устраивавшіеся сперва въ мартѣ, а затѣмъ въ маѣ, служили средствомъ къ обнародованію законовъ, въ созданіи которыхъ самъ народъ не былъ стороной. Въ этомъ смыслѣ высказывается въ своей „Франкской мо-

нархіи“ Фюстель-де-Куланжъ, отдаленнымъ предшественникомъ котораго можно считать еще современника и противника Монтескьё, аббата Дюбо.

Въ наши дни, какъ и вѣкомъ раньше, вопросъ о границахъ прямого народоправства въ германо-латинскомъ мірѣ остается спорнымъ, и по всей вѣроятности навсегда останется таковымъ, въ виду недостатка источниковъ. Цѣлыя столѣтія отдѣляютъ отъ эпохи Меровинговъ и первыхъ королей вестъ-готовъ, лангобардовъ и англо-саксовъ, свидѣтельство Тацита о древнихъ германцахъ, какъ „о рѣшающихъ важнѣйшія дѣла“ и оставляющихъ въ рукахъ старѣйшинъ—principes—частью докладъ этихъ дѣлъ собранію, частью принятіе постановленій по менѣе важнымъ дѣламъ. Тѣ, кто въ наше время, подобно Віолэ, настаиваютъ на роли народнаго собранія и въ законодательной дѣятельности, и въ выборѣ правителя, принуждены опирать свои положенія на спорныхъ свидѣтельствахъ Григорія Турскаго и другихъ лѣтописцевъ, употребляющихъ выраженіе: „regem statuunt“—короля устанавливаютъ,—въ связи съ упоминаніемъ о томъ, что войско поднимаетъ его на щитѣ. Такъ какъ подобныя свидѣтельства встрѣчаются съ другими, противоположными, въ которыхъ рѣзче выступаетъ роль и самого короля, и свѣтской и духовной аристократіи въ восшествіи и возведеніи на престолъ того или другого претендента, то, очевидно, нѣтъ достаточныхъ основаній для признанія, что народу принадлежала рѣшающая роль въ этомъ вопросѣ. Законы лангобардовъ говорятъ скорѣе объ утвержденіи короля народомъ, выражающимъ, привѣтствіями и звономъ оружія, готовность имѣть его своимъ правителемъ, нежели о прямомъ выборѣ. Тѣ же порядки, по свидѣтельству лѣтописей, обычны были и у другихъ германскихъ и скандинавскихъ народностей, если держаться свидѣтельства лѣтописцевъ (см. Віолэ, „Исторія политическихъ учрежденій Франціи“, т. I, стр. 202 и 203, на послѣдней — примѣчанія 2 и 3).

Болѣе рѣшительно выступаетъ роль вѣча у бургундовъ, лангобардовъ и аллемановъ, когда рѣчь идетъ объ изданіи общеобязательныхъ нормъ или законовъ. Упоминанія о присутствіи всего народа, нерѣдко съ прибавкой: „на публичномъ совѣтѣ“, встрѣчаются въ самомъ текстѣ варварскихъ законовъ; о немъ, напримѣръ, заходитъ рѣчь въ прологѣ и эпилогѣ Салической Правды. Віолэ отмѣчаетъ слѣды вѣча еще въ VI-мъ вѣкѣ, Григорій Турскій говоритъ о выборѣ Клодвига, послѣ убійства Сигеберта, всѣмъ собраннымъ народомъ; но, по признанію того же Віолэ, Григорій Турскій только отразилъ въ своей лѣтописи ходячія въ его время сказанія, изъ которыхъ многія могли быть и легендарными (ibid., стр. 205 и 206). Что мартовскія и майскія поля, на которыя созываемы были всѣ франки,

носящіе оружіе, между прочимъ—для выслушиванія текста капитуляріевъ, были лишь отдаленнымъ подобіемъ вѣча, этого не отрицаютъ даже тѣ французскіе изслѣдователи, которые, подобно Віолэ, не готовы присоединиться къ мнѣнію Фюстеля, видящаго въ нихъ одни военные смотры. Весьма вѣроятно, что и въ эпоху Карловинговъ общеобязательныя нормы издавались нерѣдко подъ вліяніемъ ходатайствъ, исходившихъ отъ народа; но отъ этого до признанія его законодательной роли еще далеко. И если даже въ началѣ третьей династіи, династіи Капетинговъ, сохранилось представленіе, что законъ созидается столько же согласіемъ народа, сколько и постановленіемъ короля (lex fit consensu populi et constitutione regis), то это является простымъ отраженіемъ долго державшагося въ народѣ взгляда на стародавніе порядки.

Еще меньше данныхъ сохранилось о вѣчевыхъ собраніяхъ у саксовъ Англіи. „Совѣтъ членовъ служилаго сословія, мудрыхъ тановъ“ (витенагемотъ) рано вытѣснилъ у нихъ народный сходъ, существовавшій, быть можетъ, въ эпоху, когда каждая шира (графство) являлась еще самостоятельнымъ королевствомъ. Пережиткомъ такихъ порядковъ можно, пожалуй, признать тѣ сходы всего взрослаго мужского населенія, которые управитель графства—ширъ-герефа, позднѣе сдѣлавшійся шерифомъ—созывалъ какъ для производства „смотра свободныхъ порукъ“, т. е. контроля за союзами десяти и болѣе дворовъ, отвѣчавшихъ другъ за друга въ случаѣ правонарушенія, такъ и для выбора отъ всѣхъ свободныхъ людей графства двухъ „лучшихъ и законнѣйшихъ мужей“, которые съ 1215 и 1254 гг. были призваны засѣдать сперва въ большомъ совѣтѣ королевства, а затѣмъ въ нижней палатѣ парламента—палатѣ общинъ. Въ городахъ мэры съ тою же цѣлью выбора двухъ уполномоченныхъ собирали городское вѣче или такъ называемый port-mote. Заключая отъ послѣдующаго къ предыдущему, Гоммъ, вслѣдъ за Кэмблемъ, въ свою очередь отразившимъ на себѣ вліяніе нѣмецкаго изслѣдователя Филиппса, не прочь былъ признать существованіе съ древнѣйшихъ временъ англо-саксонскаго народнаго вѣча.

Что касается до кельтическихъ народностей, то свидѣтельство Цезаревыхъ „Комментаріевъ“ о древней Галліи таково, что на основаніи ихъ трудно притти къ какому-либо опредѣленному заключенію о томъ, было ли или не было въ его время въ средѣ кельтовъ народное вѣче. Законодательные памятники Ирландіи, своды тѣхъ третейскихъ рѣшеній, въ какихъ участвовали своего рода секуляризированные друиды, такъ называемые брегоны, дали Мэну и за нимъ Д'Арбуа де-Жюбенвиллю право утверждать, что кельтамъ извѣстны были вѣчевые порядки. Такимъ образомъ, у тѣхъ двухъ племенъ, смѣ-

шеніе которыхъ съ латинянами положило основаніе западно-европейской гражданственности, сохранились лишь позднѣйшія по времени и далеко не полныя свидѣтельства о прямомъ народоправствѣ.

На него указываютъ также долго удержавшіеся въ городахъ не одной Италіи „большіе совѣты", часто совпадавшіе по своему составу съ народнымъ вѣчемъ. Они извѣстны были подъ разными названіями, изъ которыхъ одни, какъ напр. parlamentum или aringa, отвѣчаютъ понятію говорильни, а другіе передаютъ мысль объ общемъ совѣтѣ—commune consilium или commune placitum. Такіе сходы существовали еще въ большинствѣ ломбардскихъ и тосканскихъ коммунъ въ эпоху военнаго столкновенія образованной ими лиги съ имперскими войсками Фридриха Барбароссы. Констанцскій миръ призналъ за городскими совѣтами право выбора ихъ властей или консуловъ, а также право призывать верховнаго судью и правителя города изъ сосѣдней дружественной республики. Этотъ верховный властитель, подъ именемъ „подеста"—слово производное отъ латинскаго potestas,—принималъ на себя осуществленіе возложенныхъ на него обязанностей на выговоренныхъ городомъ условіяхъ, подвергавшихся записи и опредѣлявшихъ, между прочимъ, границы его правомочій.

Не въ одной Италіи города-республики и подъ властью князя, которымъ часто являлся епископъ, устроены были на вѣчевыхъ началахъ. То же можно сказать о рядѣ фландрскихъ, валлонскихъ, германскихъ и романо-швейцарскихъ коммунъ, начиная отъ Гента и Брюгге и оканчивая Женевой. Въ этомъ послѣднемъ городѣ въ XIV-мъ вѣкѣ мѣстный епископъ, въ выданной имъ граматѣ, признаетъ въ сущности то самое, что Руссо, въ иныхъ только выраженіяхъ, говоритъ о народномъ суверенитетѣ, неотчуждаемомъ и недѣлимомъ. На это обстоятельство обращено было вниманіе швейцарскимъ писателемъ Вюи, который на этомъ основаніи рѣшился утверждать, что доктрина Руссо построена всецѣло на изученіи порядковъ католической Женевы до эпохи ея церковной и политической реформы Кальвиномъ. Если, такимъ образомъ, слѣды прямого народоправства удержались еще въ позднемъ, средневѣковьѣ (а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ кантонѣ Ури, они не вымерли и по настоящій день), то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы начальный періодъ въ ихъ развитіи могъ быть возстановленъ нами въ желательныхъ подробностяхъ и чтобы на ихъ счетъ не возникало серьезнаго разномыслія между знатоками юридическихъ древностей.

Сказанное о германскихъ и кельтическихъ народностяхъ можетъ быть повторено одинаково и по отношенію къ эллинамъ и латинянамъ. Почти единственнымъ источникомъ для сужденія о роли народнаго собранія въ древне-греческихъ королевствахъ является

„Иліада“, а она, разумѣется, не разсчитана на то, чтобы дать намъ подробное описаніе вѣчевыхъ порядковъ. Судить о томъ, чѣмъ была древне-греческая „агора“ на основаніи того, чѣмъ являлось аѳинское народное собраніе временъ Перикла и Эфіальта, — значило бы явно идти противъ требованій историческаго метода, не допускающаго огульныхъ заключеній отъ послѣдующаго къ предыдущему. Кто знакомъ съ древностями римскаго права и скудостью тѣхъ свѣдѣній, какія мы имѣемъ о древнѣйшихъ по времени собраніяхъ латино-этрусскаго населенія „вѣчнаго города“ по трибамъ, тотъ согласится съ нами, что древнѣйшая природа прямого народоправства на Апеннинскомъ полуостровѣ является еще не выясненной.

Отъ насъ далека, поэтому, мысль считать безспорнымъ утвержденіе Фримана, что наличность князя, вѣча и совѣта старѣйшинъ составляетъ счастливую особенность всѣхъ арійскихъ племенъ. Это утвержденіе заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, нѣкоторое преувеличеніе, не оправдываемое источниками, такъ какъ навязываетъ намъ признаніе, что и въ Индіи, и въ древнемъ Иранѣ мы встрѣчаемся съ повтореніемъ того же процесса медленнаго вымиранія прямого народоправства, какой выступаетъ въ исторіи эллиновъ и германцевъ, а съ другой—не считается съ фактомъ общераспространенности такихъ же порядковъ у племенъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ арійцами и у которыхъ тѣмъ не менѣе—какъ напримѣръ у краснокожихъ, кавказскихъ горцевъ, арабовъ и кабиловъ,—можно встрѣтиться съ существованіемъ народныхъ собраній или вѣчъ. Самъ я не далекъ отъ мысли, что въ древне-индусскомъ строѣ, какъ и въ иранскомъ, народному сходу пришлось играть выдающуюся роль и что власть раджи на первыхъ порахъ была ничѣмъ инымъ, какъ властью сельско-родового старѣйшины, сперва, быть-можетъ, выбраннаго семьями, близкими ему по крови, входящими въ составъ одной съ нимъ племенной или родовой группы. Но сказать, чтобы такое мнѣніе непосредственно вытекало изъ текстовъ древнѣйшихъ юридическихъ сводовъ, а не было бы простымъ умозаключеніемъ отъ послѣдующаго къ предыдущему,—мы, разумѣется, не въ правѣ. Съ другой стороны, у ряда племенъ, ничего не имѣющихъ общаго съ арійцами—какъ показали, между прочимъ, Морганъ и Постъ,—существовали и доселѣ существуютъ народныя вѣча. Съ такимъ вѣчемъ пришлось встрѣтиться и мнѣ у осетинъ и другихъ горцевъ сѣвернаго Кавказа; оно извѣстно подъ осетинскимъ названіемъ „нихасъ“ и обыкновенно представляетъ собою слѣдующую картину. Болѣе тѣсный кругъ образуютъ старшіе по возрасту; за ними слѣдуетъ молодежь, способные носить оружіе мужчины; женщины не всегда отсутствуютъ въ собраніи, но не играютъ на немъ первенствующей роли. Не отсутствовали онѣ вполнѣ и на тѣхъ „мар-

товскихъ“ и „майскихъ“ поляхъ, изъ которыхъ карловингскимъ правителямъ приходилось удалять ихъ силою, какъ видно, между прочимъ, изъ текста нѣкоторыхъ капитуляріевъ, тщательно собранныхъ Віолэ. Женщины появлялись, вѣроятно, и на древне-германскихъ народныхъ собраніяхъ; въ противномъ случаѣ трудно было бы объяснить, какъ удавалось древней германкѣ осуществлять ту функцію миролюбца, какую приписываютъ ей народныя эпическія сказанія, говорящія о женщинѣ, какъ о „ткущей миръ“. На осетинскомъ сходѣ дѣла прежде всего разбираются стариками, какъ было, вѣроятно, и у древнихъ германцевъ. Если судить по описаніямъ Тацита, то народными старѣйшинами—principes—обсуждались предварительно вопросы, шедшіе на рѣшеніе всѣхъ (Тацитъ, Германія, §§ 11—12). Молодежь обыкновенно только присоединяется у осетинъ къ состоявшимся уже рѣшеніямъ, поддерживая ихъ радостными криками. Такъ было, какъ мы знаемъ, и у варварскихъ племенъ, положившихъ начало новой европейской гражданственности: у нихъ согласіе выражалось звономъ мечей, получавшимся отъ ударовъ ихъ о щиты. Какъ старинны народные сходы у кавказскихъ горцевъ, показываетъ частое упоминаніе о нихъ въ тѣхъ сказаніяхъ о „нартахъ“, или богатыряхъ, которыя играютъ въ ихъ средѣ роль нашего былиннаго эпоса.

Мы едва ли впадемъ въ преувеличеніе, сказавъ, что приведенными данными болѣе или менѣе исчерпывается все то, что до появленія книги профессора Сергѣевича было извѣстно о вѣчевыхъ порядкахъ. Мысль искать свѣдѣній о нашемъ древнѣйшемъ государственномъ устройствѣ въ текстахъ русскихъ лѣтописей еще въ сороковыхъ годахъ оставалась чуждой наиболѣе выдающимся историкамъ русскаго права, въ томъ числѣ К. Д. Кавелину. Разбирая извѣстную книгу Терещенки: „Бытъ русскаго народа“, онъ, между прочимъ, рѣшается утверждать, что тщетны были бы попытки раскрыть древнѣйшія условія жизни нашихъ предковъ изученіемъ лѣтописей и что необходимо принимать съ этою цѣлью во вниманіе современный бытъ крестьянъ, столь отличный отъ быта высшихъ сословій. На основаніи уцѣлѣвшихъ у нихъ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій только и можно притти къ заключенію о вѣрованіяхъ, объ образѣ жизни, о всемъ общественномъ и политическомъ укладѣ нашихъ отдаленныхъ предковъ. Сообщая объ этомъ на одной изъ литературныхъ поминокъ прошлаго года, посвященной памяти знаменитаго общественнаго и научнаго дѣятеля, какимъ былъ Кавелинъ, я позволилъ себѣ замѣтить, что петербургскому профессору Сергѣевичу, съ помощью отвергнутаго Кавелинымъ метода, удалось установить черты нашего древняго государственнаго уклада. Самъ профессоръ Сергѣевичъ признаетъ въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи русскаго права“ (1890-го

года), что всѣ свои выводы ему приходится обосновывать не на юридическихъ памятникахъ, а не на чемъ иномъ, какъ на лѣтописныхъ свидѣтельствахъ. „Народный элементъ—пишетъ онъ—проявлялъ свое участіе въ формѣ вѣча. Съ этимъ участіемъ народа мы встрѣчаемся съ самыхъ древнѣйшихъ временъ; но оно не было узаконено, а основывалось на обычаѣ. Существованіе обычая доказывается указаніемъ, во-первыхъ, отдѣльныхъ случаевъ, непрерывно повторяющихся въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени, и, во-вторыхъ, свидѣтельствами достовѣрныхъ людей; наличность вѣчевыхъ обычаевъ можетъ быть установлена обоими способами и на основаніи ничего иного, какъ русскихъ лѣтописей. Ни въ „Русской Правдѣ“, ни въ другихъ юридическихъ памятникахъ не говорится ничего о государственномъ строѣ; все то, что было сказано о вѣчѣ, извлечено изъ краткихъ лѣтописныхъ указаній, такъ какъ не было законовъ, опредѣляющихъ вѣчевую жизнь“ (страницы 126—127 и 146).

Разумѣется, и раньше профессора Сергѣевича не одинъ русскій историкъ поднималъ вопросъ о вѣчевыхъ порядкахъ; но они, какъ общее правило, признавались особенностью нашихъ сѣверно-русскихъ народоправствъ—Новгорода, Пскова и Вятки. Упоминали еще о вѣчахъ Кіева, но какъ о чемъ-то, скоро отошедшемъ въ область прошлаго. За Сергѣевичемъ надо признать, поэтому, ту заслугу, что онъ первый доказалъ общность вѣчевыхъ порядковъ во всѣхъ русскихъ княжествахъ.

Ни одинъ народъ не обладаетъ въ настоящее время, благодаря Сергѣевичу, болѣе подробными данными объ исходныхъ моментахъ своего государственнаго развитія и, въ частности, о взаимодѣйствіи князя и вѣча, чѣмъ народъ русскій. Быть можетъ, имъ недостаточно оцѣнена роль, какую въ удѣльно-вѣчевой періодъ играла княжеская дума; въ этомъ вопросѣ я скорѣе готовъ стать на точку зрѣнія проф. Ключевскаго и проводить аналогію между думой и curia regis франкскихъ монарховъ. Но съ этой оговоркой я не прочь признать, что Сергѣевичемъ удачно отмѣчены многія черты нашего древняго политическаго строя, въ которомъ система родового старѣйшинства, поддерживаемая членами Рюрикова дома, нерѣдко нарушалась призывомъ князя вѣчемъ—другими словами, свободнымъ выборомъ правителя народомъ изъ членовъ правящей династіи и на началахъ уговора, нерѣдко получавшаго запись въ такъ называемомъ „рядѣ“. Самые эти „ряды“ далеко не представляютъ исключительнаго явленія: въ республикѣ Св. Марка, т.-е. въ Венеціи, долгое время держалась практика требовать отъ дожа въ моментъ его воцаренія извѣстныхъ письменныхъ обѣщаній, такъ называемыхъ promissioni ducali, которыми установлялись границы его власти. И не въ одной Венеціи, а,

какъ мы видѣли, на протяженіи всѣхъ итальянскихъ республикъ держалась практика не вручать высшей власти иначе, какъ получивъ отъ лица, призываемаго къ ней, клятвенное обѣщаніе не преступать спеціально выговоренныхъ ему полномочій.

Функціи и внутренній порядокъ народныхъ собраній, отношеніе вѣча главнаго города къ вѣчамъ второстепенныхъ городовъ княжества (пригородовъ), необходимыя условія для того, чтобы рѣшенія схода считались состоявшимися, взаимодѣйствіе народа и правителя— всѣ эти основные вопросы, съ выясненіемъ которыхъ связана возможность точнаго представленія о природѣ прямого народоправства въ начальный періодъ государственной жизни, никѣмъ не выяснены съ такою полнотою и обстоятельностью, какъ авторомъ „Вѣче и князь“. Возьмемъ для примѣра вопросъ о томъ, постановлялись ли вѣчевыя рѣшенія единогласно или большинствомъ присутствующихъ на сходѣ. По этому предмету западные источники даютъ намъ далеко не рѣшительныя указанія. О народныхъ собраніяхъ у германцевъ и въ частности у лангобардовъ мы знаемъ только то, что на нихъ согласіе собравшихся выражаемо было шумомъ оружія. То же источники говорятъ и о скандинавскихъ народностяхъ, и о франкахъ [1]). Очевидно, такой обычай не предполагаетъ рѣшенія вопроса на народныхъ собраніяхъ большинствомъ голосовъ; но прямого указанія на то, что требовалось единогласіе, мы все-же не имѣемъ.

Иное дѣло, когда рѣчь заходитъ о русскихъ вѣчахъ. Лѣтописи, какъ показалъ профессоръ Сергѣевичъ, сплошь и рядомъ употребляютъ выраженія, не оставляющія ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что вѣчевое рѣшеніе считалось состоявшимся только тогда, когда его можно было признать выраженіемъ общей воли. „Мы не имѣемъ ни одного указанія, чтобы на вѣчахъ признавались права большинства,— говоритъ Сергѣевичъ въ „Курсѣ“, читанномъ имъ въ 1889—90-мъ годахъ. Напротивъ, всѣ вѣчевыя рѣшенія имѣютъ въ своемъ основаніи соглашеніе всѣхъ. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями употребительны двѣ формы: одна краткая, другая болѣе подробная. Въ первой обращеніе къ князю дѣлается просто отъ всего Новгорода, во второй, кромѣ того „отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ“. Выраженія „едиными усты“, „стати за одинъ“, постоянно употребляются лѣтописцемъ, когда рѣчь заходитъ о рѣшеніяхъ новгородскаго вѣча; и не одного новгородскаго. Въ

[1]) Тацитъ, „Германія“, §§ 11 и 12. У лангобардовъ обычай ударять мечомъ по щиту въ знакъ согласія извѣстенъ подъ именемъ gairethinx; у скандинавскихъ народностей тотъ же обычай существовалъ подъ наименованіемъ varpatak; у франковъ предложенія вождя (ducis) поддерживались „vocibus et armorum plausu“ (Віолэ, т. I, стр. 202 и 203).

1213-мъ году, на вопросъ князя своего, Ярослава Всеволодовича, переяславцы даютъ всѣ одинъ отвѣтъ; говоря словами другихъ лѣтописцевъ, они отвѣчаютъ „едиными устами“ или „съ одного“. Именно такое выраженіе мы находимъ подъ 1296-мъ годомъ [1]).

И раньше работы проф. Сергѣевича на единогласное рѣшеніе народныхъ собраній указывали ссылкой, между прочимъ, на тотъ обычай поляковъ, въ силу котораго протеста одного изъ членовъ сейма было достаточно, чтобы опорочить принятое имъ рѣшеніе. Но если такъ называемое liberum veto приводилось какъ доказательство требуемаго при прямомъ народоправствѣ единогласія, то только подъ условіемъ всегда сомнительныхъ умозаключеній отъ послѣдующаго къ предыдущему. Въ настоящее время этотъ вопросъ стоитъ внѣ спора; и позднѣйшимъ изслѣдователямъ, въ томъ числѣ Дачьяну, пришлось только подтвердить выводы Сергѣевича, распространяя ихъ и на другія славянскія народности, на основаніи свидѣтельствъ, сохраненныхъ для насъ какъ византійскими, такъ и германскими анналистами [2]).

Мы показали, какое значеніе имѣетъ монографія Сергѣевича для выясненія самаго характера закона въ эпоху прямого народоправства. Но то же можно было бы сказать и о цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ начальнымъ періодомъ въ исторіи государства. Укажемъ для примѣра хотя бы на отношенія между вѣчемъ главнаго города княжества-волости и вѣчами такъ называемыхъ пригородовъ. Сергѣевичъ показалъ, что въ нашихъ лѣтописяхъ постоянно говорится о сохраненіи этими второстепенными центрами своихъ самостоятельныхъ вѣчъ, какъ и о присутствіи ихъ жителей на вѣчахъ главнаго города. Ни то, ни другое, не мѣшаетъ соблюденію въ отношеніяхъ города къ пригородамъ того правила, которое лѣтописецъ передаетъ словами: „на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ пригороды станутъ“. Оно вовсе не выражаетъ необходимости всегдашняго подчиненія пригорода рѣшеніямъ вѣча главнаго города, а только, какъ говоритъ Сергѣевичъ, служитъ указаніемъ на то, что пригороды обыкновенно соглашаются съ городомъ, присоединяются къ его мнѣнію, хотя и не обязаны къ тому.

Существовавшее у насъ отношеніе городовъ и пригородовъ бросаетъ неожиданный свѣтъ на то, какъ добровольно подчинившіеся руководительству, скажемъ Флоренціи или Милана, города стремились согласовать рѣшенія своихъ народныхъ собраній съ тѣми, какія принимаемы были на conciones, arringae или parlamenta главенствующаго члена ломбардской или тосканской лиги.

[1]) Сергѣевичъ, „Лекціи“, стр. 141 и 142.

[2]) „Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до измѣненія ихъ устройства въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ“ (Варшава, 1882).

Сочиненіе проф. Сергѣевича еще недостаточно извѣстно и потому мало использовано на Западѣ. Но тѣ, кого знакомили съ нимъ, начиная отъ Мэна и оканчивая Віолэ и Эсменомъ, неизмѣнно приходили къ тому заключенію, что для начальнаго періода въ исторіи государства изслѣдованія русскаго историка представляютъ величайшій интересъ.

И чѣмъ болѣе, вмѣстѣ съ ростомъ нашей литературы и гражданственности, будетъ укрѣпляться желаніе ознакомиться съ прошлымъ русскаго народа, превосходя для этого трудности изученія чужого языка, тѣмъ чаще и чаще мы будемъ встрѣчать въ сочиненіяхъ, посвященныхъ сравнительной исторіи права, ссылки на того, кто своими работами прославилъ одинаково какъ московскій, такъ и петербургскій университетъ.

Максимъ Ковалевскій.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Послѣдній томъ стихотвореній Сологуба („Собраніе сочиненій“, т. IX-ый) заполненъ лирическими признаніями умирающей души, которая то съ жуткой отчетливостью видитъ безвыходность своего положенія, то съ судорожностью, еще болѣе жуткой, пробуетъ выпрямиться и симптомы своего разложенія воспѣть, какъ признакъ высшей силы и мудрости.

На каждомъ шагу констатированіе одного и того же факта, на разные лады: „Мы мертвы, давно мертвы“. „Безъ жизни отжилъ я“. „Душа безсильна и мертва“. Иногда къ этому факту поэтъ относится съ кроткой покорностью:

Мы устали преслѣдовать цѣли,
На работу затрачивать силы, —
Мы созрѣли
Для могилы.

Отдадимся могилѣ безъ спора,
Какъ малютки своей колыбели, —
Мы истлѣемъ въ ней скоро
И безъ цѣли.

По временамъ поэтъ очень хорошо сознаетъ причину этой безнадежной усталости, этого рокового безсилія. Когда-то, „на пере-

путьи бытія", передъ нимъ явились два духа: свѣтлый духъ *мечтаній* и *строгій* духъ *земныхъ* исканій. Поэтъ предпочелъ кубокъ свѣтлаго духа, упился грезами,—

И вотъ холодная отрава
Сгущаетъ быстро кровь мою.

Я вижу, выборъ былъ ошибкой,—
И кубокъ падаетъ, звеня,
А геній жизни отъ меня
Летитъ съ презрительной улыбкой.

Думалось, что настоящія откровенія несетъ уединенная, отвлеченная мечта, а не строгій путь жизненнаго исканія. И когда ошибка выяснилась, то уже было поздно. Мечта, не вырастающая изъ жизни, изъ любви къ жизни, изъ пониманія ея—есть уродство и отрава, и горька участь того, кто „въ жизни воплотилъ уродство своей отравленной мечты". Земной путь его прошелъ не въ строгомъ исканіи, а

Въ скитаніяхъ ненужныхъ,
Въ страданіяхъ недужныхъ,
На скудной почвѣ золъ,
Внѣ свѣтлыхъ впечатлѣній...

Немудрено, что при такихъ условіяхъ геній поэта возрасталъ „безрадостнымъ" и расцвѣтъ его былъ „томительнымъ". Остановимся на минуту надъ этими строками Сологуба. Какая точность и сила словъ, сколько настоящаго пониманія жизни и творчества нашло въ нихъ выраженіе. Бываютъ скитанія умудряющія—и скитанія ненужныя, только тормошащія человѣка, размѣнивающія золото его души на мелкую монету. Исправленіе можетъ быть цѣлительнымъ, углубляющимъ душу, раскрывающимъ въ ней дремавшія дотолѣ силы—и можетъ быть недужнымъ, растлѣвающимъ и принижающимъ душу. Но нужное и цѣлительное не растетъ на скудной почвѣ золъ, угрюмой и обезсиливающей. Необходима еще радость, которая тоже изъ зла не вырастаетъ. Злорадство—всегда тяжко и сумрачно. Только тамъ, гдѣ есть радость, гдѣ есть добро, тамъ и скитанія, и страданія будятъ творческія силы; только тамъ вырастаетъ истинная красота душевная и художественная. И тотъ, кто, зная „святое превосходство первоначальной чистоты", все-таки растопталъ его, тотъ, въ минуту искренности, самъ скажетъ про себя: „пройдите съ отвращеньемъ мимо"... Онъ сознается, что у него „прегрѣшенія выше горъ, въ заблужденьяхъ обидный позоръ". Онъ будетъ молить:

О, забвеніе! Если бы все стереть!
Если бы все прошлое могло умереть!

И будетъ знать безпощадный отвѣтъ:

Но судьба говоритъ:—Только съ тобой.
Умри, и все прошлое уведи съ собой.

Его неотступно будутъ преслѣдовать какіе-то страхи, почти реализующіеся въ мучительныя галлюцинаціи.

Со мною—безумное Лихо,
И нѣтъ отъ него мнѣ защиты.

Или кошмарный образъ „сѣрой недотыкомки“, которая

Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою.

И нѣтъ отъ нея спасенія ни въ волшебныхъ чарахъ, ни въ ударахъ наотмашь, ни въ завѣтныхъ словахъ. И вырастаетъ изступленный вопль:

Недотыкомку сѣрую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтобъ она хоть въ тоску панихидную
Не ругалась надъ прахомъ моимъ.

Душѣ, утомленной этимъ кошмарнымъ міромъ, всѣ „предметы предметнаго міра“ покажутся „страшилищемъ“, „застѣнкомъ“. И отторгаясь тогда уже окончательно отъ всякой реальности, она начинаетъ проклинать жизнь, какъ нѣчто ничтожное, лживое, злое, и воспѣваетъ смерть, какъ единую истинную царицу и красоту.

О, смерть! Я твой. Повсюду вижу
Одну тебя,—и ненавижу
Очарованія земли...
Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринулъ я издавна власть.
Не мнѣ, обвѣянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мнѣ къ ногамъ ея упасть

Какъ будто тотъ, кто не видитъ и не любитъ красоты жизни, можетъ постичь красоту смерти!

Впрочемъ, не всѣ „очарованія земли“, по крайней мѣрѣ не всегда отрицаетъ поэтъ:

Позоръ нагого преступленья
Заманчивъ, какъ всегда,
И сладко намъ нѣмое упоенье
Безумства и стыда.

Но и это своеобразное „очарованіе“ оставляетъ послѣ себя тяжелое похмѣлье:

Кто знаетъ, сколько *скуки*
Въ искусствѣ палача...

И вотъ послѣ такихъ признаній извольте придавать объективную убѣдительность горделивымъ, демоническимъ фанфаронадамъ поэта, будто въ его „очарованіяхъ“ въ самомъ дѣлѣ есть обаяніе власти и мощь соблазна. Повѣрьте, послѣ этого, что не отъ безсилія и внутренней развинченности погрузился онъ въ слякоть зла, а потому что его связываетъ какой-то контрактъ съ „отцомъ его Дьяволомъ“, что будто дѣяніями своими онъ выполняетъ обѣтъ:

Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю,
И соблазняя соблазню.

Извольте повѣрить, что передъ нами не ужасающая картина разложенія, а нѣчто діаметрально противоположное:

Вселенское, мощное тѣло
Всемірной душѣ создаю.

Или какъ признать высшую мудрость въ такомъ, на первый взглядъ, аскетическомъ призывѣ:

Побѣждайте радость,
Умерщвляйте смѣхъ.
Все, въ чемъ только сладость,
Все—порокъ и грѣхъ.
Умерщвляйте радость,
Подавляйте смѣхъ.

Кто смѣется? Боги,
Дѣти да глупцы.
Люди, будьте строги,
Будьте мудрецы,
Пусть смѣются боги,
Дѣти да глупцы.

Въ другую минуту маска суроваго аскета спадетъ, и мы услышимъ отъ него другое признаніе:

Живы дѣти, только дѣти,
Мы мертвы, давно мертвы.

И, далекій отъ восхваленія своей мертвости, признается онъ и еще:

Всѣмъ во всемъ завидую
И стать хочу инымъ.

Но только нѣтъ уже силы „стать инымъ“ — засосала, выпила всю энергію, парализовала волю та трясина, въ которую добровольно и

безвольно погрузился поэтъ. „Желанную несите сердцу вѣсть“ — молитъ онъ кого-то, и тутъ же безнадежно прибавляетъ: „Нѣтъ, и слыша вѣсти эти не поймешь“. Или то же самое настроеніе, вылившееся въ иной образъ:

Мерцаетъ впереди непостижимымъ свѣтомъ
Гора, куда взойти давно ужъ мнѣ невмочь...

Вотъ гамма настроеній, въ которыхъ вращается муза Сологуба въ послѣднемъ томѣ его стихотвореній. Поэтическая одаренность этого писателя стоитъ для меня внѣ всякаго сомнѣнія. Изъ современниковъ никто, пожалуй, не сравнится съ Сологубомъ въ обладаніи тайной музыки звуковъ, экспрессіи словъ, гибкости и выразительности художественнаго стиля вообще. То, что онъ хочетъ сказать, онъ говоритъ безподобно. Но что онъ хочетъ сказать, что есть въ его опустошенной душѣ? Одно тлѣніе, и никуда не уйти ему изъ этого удушливаго, тѣснаго, однообразнаго каземата. А гдѣ нѣтъ психологическаго развитія, движенія впередъ, тамъ грозитъ смерть и искусству: проза Сологуба—лучшее тому доказательство.

Завершился, повидимому, кругъ возможнаго развитія и для другого предводителя модернистскаго движенія — для Валерія Брюсова. Новая его повѣсть: „Послѣднія страницы изъ дневника женщины“, напечатанная въ декабрьской книжкѣ „Русской Мысли“, горько обидитъ всякаго, кто привыкъ цѣнить изящное и строгое дарованіе этого автора. Ни одной свѣжей мысли, ни одного свѣжаго настроенія. Языкъ—кованный, какъ всегда у Брюсова, но онъ отданъ на службу привычнымъ идеямъ о таинственной силѣ тѣлеснаго сближенія, о красотѣ звѣринаго сладострастія — и эти идеи, не разъ повторенныя авторомъ и въ прозѣ, и въ стихахъ, оказываются теперь настолько стершимися, даже опошлѣвшими, что даже техническое мастерство разказчика не спасаетъ повѣсть Брюсова отъ скучности и, мѣстами, даже безвкусицы. Повѣствуется о приключеніяхъ красивой и смѣлой московской дамы, которая отдается всѣмъ мужчинамъ, разъ только они искренно ея желаютъ, и недоумѣваетъ, почему ихъ это не удовлетворяетъ, почему каждый изъ нихъ желаетъ владѣть ею только одинъ? Впрочемъ, въ концѣ-концовъ и сама дама признается, что было бы прекрасно, если бы ее съумѣлъ взять кто-нибудь одинъ, всю безъ остатка, насытить всѣ алканія ея многогранной души и столь же многограннаго тѣла. Такой герой было и намѣтился: нѣкій Модестъ, „одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей нашего времени. Онъ—прообразъ тѣхъ людей, которые будутъ жить въ будущихъ вѣкахъ и соединятъ въ себѣ утонченность поздней культуры съ силой воли и рѣшимостью первобытнаго человѣка“. Силу воли и рѣшимость Мо-

дестъ доказываетъ тѣмъ, что тайно убиваетъ мужа своей возлюбленной, при чемъ для того, чтобы проникнуть ночью въ квартиру, онъ вступаетъ въ связь съ горничной своей героини и почему-то продолжаетъ дѣлить ласки между барыней и служанкой даже и послѣ убійства. Утонченность Модеста сказывается, быть-можетъ, въ этомъ умѣньѣ „упиться ароматомъ каждаго цвѣтка“, но особенно поражаетъ его возлюбленную тогда, когда онъ, для свиданія съ нею, убираетъ свои комнаты въ ассирійскомъ стилѣ, самъ облекается въ ассирійскій халатъ, разсказываетъ своей гостьѣ ассирійскія легенды, и молится вмѣстѣ съ ней ассирійскимъ богамъ. Неужели Брюсовъ, человѣкъ тонкаго вкуса и строгой самокритики, не замѣчаетъ самъ, какъ все это построеніе и всѣ эти ассирійскіе детали гдѣ-нибудь на Никитской смѣхотворны и аляповаты?..

Не утѣшаетъ и послѣдній разсказъ Арцыбашева: „Палата неизлѣчимыхъ“. Напечатанъ этотъ разсказъ въ первой книжкѣ новаго журнала „Новая Жизнь“, но ни новости, ни жизни въ немъ нѣтъ: это просто этюдъ на тему, которая лежитъ въ основѣ его романа „У послѣдней черты“ и о которой я говорилъ въ предыдущей статьѣ. Въ палатѣ оказывается нѣсколько человѣкъ, уродуемыхъ какой-то невѣдомой страшной болѣзнью. Одинъ—старикъ, съ обликомъ сектанта, исполненъ горячей фанатической вѣры въ правду жизни, и самыя безсмысленныя страданія не могутъ поколебать его вѣры. Другой—наивный ребенокъ, радующійся солнечному лучу и движеніямъ мухи. Третій—эстетъ-красавецъ, наслаждающійся всѣмъ, что можетъ дать жизнь, и даже въ смрадной палатѣ утѣшающійся розами, книгами, изяществомъ собственныхъ ногтей. Четвертый—скептикъ и циникъ, превращенный болѣзнью заживо въ гору гнилого мяса, судорожно цѣпляется за жизнь и съ животнымъ ужасомъ гонитъ отъ себя мысль о смерти. Но пятый больной—самый мудрый и сильный: онъ несогласенъ „внѣ своей воли“ сносить страданіе и принять смерть, когда она придетъ: онъ предпочитаетъ самъ призвать къ себѣ смерть и сожигаетъ себя, облившись керосиномъ изъ ночника.

Итакъ,—опять гимнъ самоистребленію, бунту противъ жизни. Но какой это мелкій и безсильный бунтъ! Кирилловъ въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго тоже бунтуетъ противъ мірового порядка, тоже приходитъ къ мысли о самоистребленіи. Но самоубійство Кириллова освящено идеями Голгоѳы, вѣрой въ то, что смерть одного можетъ искупить всѣхъ людей, избавить ихъ отъ вѣчной казни страхомъ смерти, освободить жизнь отъ этого страха и дать людямъ истинную свободу духа, истинную богоподобность. Ничего подобнаго и не снится героямъ Арцыбашева: они просто лишены истинной психической энергіи, не видятъ ни жизни, ни трагизма природы человѣческой во всемъ ихъ объемѣ, а,

будучи слѣпы, выкидываютъ изъ задачи самыя существенныя данныя—и затѣмъ объявляютъ ее неразрѣшимой. При такихъ условіяхъ художникъ перестаетъ выполнять самую великую свою функцію: быть піонеромъ общественнаго самосознанія, вскрывающимъ новые пласты, новыя возможности, скрытыя въ психикѣ и индивидуумовъ, и цѣлыхъ группъ. Тенденція послѣднихъ опытовъ Арцыбашева подсказана не творческимъ инстинктомъ піонера, а является прямымъ отраженіемъ той душевной пригнетенности, которая такъ характерна для переживаемаго нами историческаго момента и благодаря которой столбцы газетъ каждодневно пестрятъ длинными списками несчастныхъ, испуганныхъ жизнью и бѣжавшихъ отъ ея мучительности. Писатель принялъ въ свою душу кошмаръ современности, но не съумѣлъ его побѣдить и возвелъ въ принципъ жизни то, что̀ есть только злая болѣзнь времени. За него, поэтому, быть-можетъ и ухватится кто-нибудь сегодня, но завтрашній день принадлежитъ не ему, а тѣмъ, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ художественнаго единоборства съ моровымъ повѣтріемъ унылаго кладбищенства.

Бой на тѣхъ позиціяхъ, которыхъ не выдержали столько нашихъ недюжинныхъ писателей новой школы, все-таки идетъ. На смѣну павшимъ, какъ Сологубъ, и ослабѣвшимъ (вѣрю пока, что временно), какъ Арцыбашевъ, выдвигаются другіе, и если въ прошлый разъ такой свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ нашего пессимизма я могъ видѣть въ разсказѣ Бориса Зайцева, то сейчасъ я хотѣлъ бы указать на новую повѣсть Алексѣя Ремизова: „Крестовыя Сестры“. Но объ этомъ далеко не заурядномъ явленіи необходимо поговорить особо и обстоятельно.

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Политическіе кризисы въ различныхъ странахъ — Французскія дѣла. — Результаты выборовъ въ Англіи.—Австрійская политика.—Событія въ Греціи и Персіи.—Конституція въ Китаѣ.—Американскіе выборы и неудача Рузвельта.—Рѣчи Бетманъ-Гольвега.—Проектъ автономіи для Эльзаса-Лотарингіи.

Истекшій годъ былъ годомъ политическихъ кризисовъ: почти вездѣ поднимались трудные и сложные вопросы внутренней организаціи, связанные съ прогрессивнымъ ростомъ соціальнаго движенія.

Во Франціи практическій соціализмъ, объединенный союзомъ рабочихъ синдикатовъ, впервые вступилъ въ прямую борьбу съ совре-

менною буржуазною республикою и сдѣлалъ крупный опытъ всеобщей желѣзнодорожной забастовки съ цѣлью наглядной провѣрки дѣйствительныхъ силъ и средствъ рабочаго пролетаріата. Забастовка не имѣла и не могла имѣть опредѣленнаго положительнаго результата, но она произвела сильнѣйшее психическое дѣйствіе на господствующіе классы, заставила ихъ сплотиться около существующаго республиканскаго правительства и навязала бывшимъ радикаламъ-соціалистамъ щекотливую роль охранителей матеріальныхъ интересовъ буржуазіи. Глава кабинета, Аристидъ Бріанъ, который недавно еще самъ признавалъ себя убѣжденнымъ соціалистомъ, принимаетъ энергическія мѣры противъ рабочаго класса и выслушиваетъ одобрительные отзывы отъ принципіальныхъ враговъ республики. Прежнія партійныя перегородки какъ будто раздвинулись или потеряли значеніе; всѣ умѣренные, консервативные и либеральные элементы французскаго общества, безъ различія партій, готовы оказать поддержку республиканскимъ министрамъ, которые въ свою очередь охотно идутъ на встрѣчу представителямъ правыхъ. Наступательная тактика боевого соціализма при такомъ правительствѣ, которое въ принципѣ сочувствуетъ соціализму, а на практикѣ должно съ нимъ бороться, создаетъ во Франціи новое положеніе, несомнѣнно благопріятное для дальнѣйшаго свободнаго развитія демократіи. Это положеніе едва ли измѣнится отъ предположенной избирательной реформы—введенія выборовъ по спискамъ и пропорціональнаго представительства.

Въ Англіи обострившееся соціальное движеніе направлено преимущественно противъ поземельной аристократіи и приняло форму чисто-политической борьбы противъ палаты лордовъ. Новые парламентскіе выборы, происходившіе послѣ роспуска палаты общинъ 28 (15) ноября, не оправдали ожиданій правительства и ни въ чемъ не измѣнили численнаго соотношенія и группировки различныхъ партій въ парламентѣ. Въ январѣ 1910-го года министерское большинство Асквита сократилось съ 502 до 397 голосовъ, т.-е. потеряло 105 мѣстъ, а силы оппозиціи увеличились съ 186 до 273, т.-е. на 87 голосовъ. Либеральныхъ членовъ палаты оказалось столько же, сколько и уніонистовъ—273, и только голоса рабочей группы (41) и ирландскихъ націоналистовъ (82) доставили либераламъ побѣду, которая въ сущности была для нихъ пораженіемъ. Въ декабрѣ того же 1910-го года, послѣ новаго роспуска, избрано вновь 272 либерала, 42 представителя рабочихъ, 76 ирландскихъ націоналистовъ и 8 „независимыхъ“ послѣдователей О'Бріена; консерваторовъ и уніонистовъ насчитывается всего 272, такъ что кабинетъ располагаетъ теперь тѣмъ же скромнымъ и разнороднымъ по составу большинствомъ 398 голосовъ, при общемъ числѣ 670 членовъ палаты. Либеральное правительство въ

настоящее время, какъ и годъ тому назадъ, формально сохраняетъ за собою власть, но не имѣетъ возможности ссылаться на рѣшающій приговоръ народнаго большинства для проведенія широкихъ соціально-политическихъ реформъ. А между тѣмъ объ этихъ широкихъ реформахъ говорили и говорятъ не только ближайшіе союзники министерства, но и сами министры, особенно Ллойдъ-Джорджъ и Винстонъ Черчилль.

Рѣчи Ллойда-Джорджа, по своему тону и содержанію, вносятъ совершенно новую струю въ политическую жизнь Англіи; онѣ затрагиваютъ самыя жгучія проблемы современнаго британскаго строя и обсуждаютъ ихъ съ такою смѣлостью, которая кажется поразительною въ устахъ оффиціальнаго оратора. Канцлеръ казначейства съ одной стороны, при защитѣ своего бюджета, рѣзко высказывался противъ привилегій промышленнаго класса, а съ другой — по поводу конфликта съ палатою лордовъ выдвигалъ на сцену соціально-поземельный вопросъ во всемъ его объемѣ. Недавно французская либеральная пресса съ недоумѣніемъ отмѣчала въ одной изъ рѣчей Жореса скрытую угрозу противъ Ротшильдовъ, какъ отвѣтственныхъ, отчасти, за способъ дѣйствій крупныхъ желѣзнодорожныхъ компаній относительно рабочихъ; но Ллойдъ-Джорджъ гораздо ранѣе Жореса нападалъ на лондонскихъ Ротшильдовъ за ихъ отрицательное отношеніе къ податной реформѣ, предпринятой въ пользу неимущихъ, и онъ же продолжаетъ дѣятельно разоблачать историческіе грѣхи и принципіальную несправедливость крупнаго землевладѣнія, нисколько не смущаясь протестами заинтересованныхъ лордовъ. Ллойдъ-Джорджъ несравненно больнѣе задѣваетъ высшіе классы Англіи, чѣмъ Жоресъ—французскую буржуазію; а между тѣмъ первый состоитъ британскимъ министромъ, тогда какъ второй—вождь соціалистической оппозиціи, свободный отъ всякихъ обязательствъ и ограниченій. Консерваторы называютъ Ллойда-Джорджа революціоннымъ агитаторомъ и соціалистомъ; они ставятъ ему въ вину возбужденіе вражды низшихъ классовъ противъ высшихъ, но въ дѣйствительности онъ имѣетъ въ виду не чувства, а интересы, стараясь возбудить въ богатыхъ и владѣющихъ сознаніе долга и справедливости относительно неимущихъ и обездоленныхъ. Англійскій министръ, ведущій страстную кампанію противъ злоупотребленій частной собственности, поземельной и капиталистической—явленіе безспорно новое и крайне оригинальное для западной Европы, хотя и вполнѣ естественное для нынѣшней Англіи. Англійская аристократія, предлагающая республиканскій принципъ обращенія къ народу для разрѣшенія споровъ между обѣими палатами парламента, также находится, очевидно, на пути къ серьезному внутреннему преобразованію. Народныя массы пока еще колеблются въ выборѣ своихъ руководителей и союзниковъ; онѣ, быть можетъ,

пошли бы единодушно за Ллойдомъ-Джорджемъ, еслибы видѣли практическую связь между его идеями и предлагаемыми правительствомъ законопроектами. Канцлеръ казначейства ограничивается критикою традиціонныхъ земельныхъ отношеній и порядковъ, но не дѣлая изъ этой критики никакихъ реальныхъ, цѣлесообразныхъ выводовъ; онъ не совѣтуетъ ни упразднить, ни реформировать крупное землевладѣніе, а доказываетъ только необходимость уничтожить преобладаніе палаты лордовъ въ дѣлахъ законодательства. А такъ какъ и консерваторы не отстаиваютъ политическихъ привилегій лордовъ, то разногласіе теряетъ свой острый характеръ, и большинство избирателей склоняется къ компромиссу—что̀ и выразилось въ результатѣ выборовъ. Англичанамъ не свойственно соблазняться отвлеченными идеями въ вопросахъ практической политики. Тѣмъ не менѣе настойчивая оффиціальная пропаганда демократическихъ и соціалистическихъ принциповъ свидѣтельствуетъ о громадной перемѣнѣ, происшедшей въ общественномъ настроеніи Англіи за послѣдніе годы.

Въ Германіи хронической разладъ между имперскимъ правительствомъ и прогрессивною частью нѣмецкаго общества выражается въ довольно безплодныхъ и однообразныхъ формахъ. Кризисъ въ Пруссіи то слабѣетъ, то обостряется, и никто не надѣется на скорую его развязку; большинство мирится съ существующимъ положеніемъ вещей, тѣмъ болѣе, что послѣднее не мѣшаетъ народу жить и дѣйствовать свободно. Кризисъ давно уже превратился въ нормальное состояніе для обѣихъ половинъ Австро-Венгріи; смѣняющіяся министерства вынуждены постоянно лавировать между борющимися національными партіями, поочередно вступая съ ними въ соглашеніе или въ конфликтъ, смотря по обстоятельствамъ. Кабинетъ фонъ-Бинерта, коекакъ управлявшій дѣлами Австріи въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ, вышелъ въ отставку въ концѣ ноября, потому что не могъ поладить съ поляками. Въ Венгріи, при существованіи сплоченнаго большинства мадьярскихъ націоналистовъ, правительственная власть отличается большею устойчивостью, отъ которой, впрочемъ, страдаютъ туземныя славянскія народности. Обще-имперскіе министры, и въ томъ числѣ министръ иностранныхъ дѣлъ, держатся независимо отъ внутреннихъ національныхъ счетовъ и вліяній, опираясь лишь на волю и расположеніе монарха; оттого графъ Эренталь могъ долго не обращать вниманія на непріятныя послѣдствія своей вызывающей политики на Ближнемъ Востокѣ. Положеніе его поколебалось только въ послѣдніе мѣсяцы, когда разоблачилась двусмысленная роль его дипломатическихъ агентовъ въ созданіи мнимыхъ международныхъ заговоровъ, подкрѣпляемыхъ поддѣлкою документовъ. Видные дѣятели изъ австрійскихъ сербовъ обвинялись въ измѣнническихъ сношеніяхъ

съ сербскимъ правительствомъ, при чемъ доказательствомъ служили бумаги, которыя впослѣдствіи были признаны судомъ подложными. Въ этомъ случаѣ нѣкоторые изъ подчиненныхъ органовъ вѣнскаго кабинета обнаружили слишкомъ много усердія и неумѣлой изобрѣтательности.

Въ международныхъ отношеніяхъ господствовало по прежнему затишье, которое прерывалось только такими событіями, какъ смерть Эдуарда VII и революція въ Португаліи. Тревога изъ-за критскаго вопроса улеглась, послѣ того какъ Грецiя отказалась отъ мысли о формальномъ присоединеніи Кандіи; но этотъ вынужденный отказъ возбудилъ волненія въ самой Греціи и поставилъ на очередь вопросъ о коренномъ преобразованіи правительственной системы, доведшей страну до полнаго внутренняго разстройства и безсилія. Часть офицерскаго персонала греческой арміи взяла на себя подготовку и осуществленіе необходимыхъ реформъ; предложено было созвать для этой цѣли національное собраніе, и одинъ изъ греческихъ патріотовъ Крита, Венизелосъ, сдѣлался душою общаго реформаторскаго движенія, охватившаго всѣ лучшіе элементы греческой націи. Бывшій глава критскаго правительственнаго комитета сталъ главою министерства въ Греціи, и когда избранное въ октябрѣ національное собраніе оказалось неспособнымъ освободиться отъ господства старыхъ партійныхъ счетовъ и интригъ, оно было распущено королемъ, по предложенію Венизелоса. Новые выборы, происходившіе въ началѣ декабря, доставили ему полную побѣду, и многое въ дальнѣйшемъ ходѣ греческихъ дѣлъ будетъ уже зависѣть отъ личности популярнаго дѣятеля, съумѣвшаго внушить народу довѣріе къ своимъ планамъ и дарованіямъ.

Въ Персіи не прекратились неурядицы и междоусобія; присутствіе иностранныхъ войскъ въ пограничныхъ областяхъ скорѣе усложняетъ и запутываетъ, чѣмъ облегчаетъ положеніе. Избранный меджлисомъ въ сентябрѣ новый регентъ, Насръ-эль-Мулькъ, обладаетъ западно-европейскимъ образованіемъ и проникнутъ, какъ говорятъ, добрыми намѣреніями; но онъ не успѣлъ еще на дѣлѣ оправдать свое избраніе.

Политическій кризисъ усиливается и въ Китаѣ, гдѣ совѣщательное національное собраніе, открытое регентомъ въ сентябрѣ въ Пекинѣ, настойчиво домогалось введенія полноправнаго народнаго представительства, съ отвѣтственностью министровъ. Требованіе національнаго собранія поддерживалось единодушными заявленіями изъ провинціи, и мало-по-малу разросталось въ странѣ патріотическое возбужденіе, которому не могли противостоять мѣстныя власти. Попытки центральнаго правительства высокомѣрно указать національному собранію на незаконность его домогательствъ не имѣли успѣха; народное недовольство грозило принять размѣры, опасные для государства. Прави-

тельство обѣщало осуществить конституціонную реформу постепенно, въ теченіе семи лѣтъ, но эта медленность преобразованія не оправдывалась достаточно ясными мотивами; предположенная проволочка вызывала энергическіе протесты, и послѣ обычныхъ колебаній верховная власть, въ лицѣ регента, рѣшилась удовлетворить народное желаніе. Эдиктомъ 4 ноября (нов. ст.) объявлена готовность созвать „полный парламентъ“ въ трехлѣтній срокъ, послѣ образованія отвѣтственнаго министерства и выработки надлежащей конституціи. Перспектива скораго превращенія Китая въ конституціонную монархію по европейскому образцу вполнѣ успокоила и обрадовала китайскихъ патріотовъ; однако многіе находили, что и трехлѣтній срокъ слишкомъ продолжителенъ и что опытъ прошлаго не дозволяетъ полагаться на заманчивыя обѣщанія и увѣренія правительства, при неизбѣжной шаткости и перемѣнчивости придворныхъ настроеній. Очень можетъ быть, что правительство будетъ вынуждено сдѣлать національному собранію дальнѣйшія уступки и гарантировать скорѣйшее проведеніе въ жизнь намѣченной программы. Во всякомъ случаѣ Китай находится теперь наканунѣ величайшей мирной революціи, какая когда-либо выпадала на долю этой имперіи, и ожидаемое разрѣшеніе кризиса не останется безъ крупныхъ воздѣйствій на интересы сосѣднихъ государствъ. Національный подъемъ Китая и пробужденіе его народныхъ силъ могутъ заставить великія европейскія державы установить болѣе справедливыя и разумныя отношенія съ азіатскимъ народомъ, къ которому онѣ до сихъ поръ привыкли относиться съ явнымъ неуваженіемъ.

Наконецъ, и въ Сѣверной Америкѣ неожиданно разыгрался кризисъ, истинное значеніе котораго остается еще неяснымъ для европейцевъ. Господствовавшая въ Соединенныхъ Штатахъ республиканская партія потерпѣла пораженіе на выборахъ 8-го ноября (нов. ст.); демократы получили большинство въ союзномъ конгрессѣ и въ законодательныхъ собраніяхъ многихъ отдѣльныхъ штатовъ. Въ печатаемомъ выше письмѣ случайнаго корреспондента изъ Америки это пораженіе республиканцевъ истолковывается въ смыслѣ личнаго провала Рузвельта, который, какъ извѣстно, принималъ дѣятельное участіе въ выборной агитаціи и игралъ роль общепризнаннаго и авторитетнаго руководителя партіи. Мы думаемъ, что результатъ послѣднихъ выборовъ имѣетъ болѣе общія и глубокія причины, не зависящія отъ личныхъ слабостей и увлеченій Рузвельта. Бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, въ бытность свою въ Европѣ минувшимъ лѣтомъ, путешествовалъ не какъ частное лицо, а какъ оффиціальный представитель великой республики при похоронахъ короля Эдуарда VII; по своему положенію и вліянію на родинѣ, въ качествѣ бывшаго главы

государства и возможнаго кандидата въ президенты, онъ имѣлъ полное право на оффиціальныя встрѣчи. Сесиль Родсъ и Пирпонтъ Морганъ также съ почетомъ принимались въ свое время императоромъ Вильгельмомъ II въ Берлинѣ, хотя они были только частными лицами.

Каковы бы ни были недостатки и ошибки Рузвельта, онъ несомнѣнно пользовался огромною популярностью не только въ Америкѣ, но и во всемъ культурномъ мірѣ, а такая популярность даромъ не дается; рекламистовъ повсюду очень много, и особенно между американцами, но никто еще не достигалъ славы при помощи необузданныхъ самовосхваленій и рекламъ. Рузвельтъ воплощалъ въ себѣ одно изъ главныхъ современныхъ теченій американской политической жизни; онъ былъ выдающимся представителемъ новаго американскаго имперіализма, стремящагося къ внѣшнему могуществу и къ активной международной роли. Въ Портсмутѣ онъ дѣйствовалъ по внушенію своего американскаго патріотизма, согласно своему пониманію реальныхъ интересовъ Соединенныхъ Штатовъ. Едва ли онъ имѣлъ поводъ „прикидываться“ другомъ Россіи въ тяжелые для нея моменты японской войны; не могъ онъ и ненавидѣть Россію, которой не зналъ—но русскою литературою онъ несомнѣнно интересовался и слѣдилъ за нею съ живымъ интересомъ. Когда его посѣтилъ покойный профессоръ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ во время своей первой поѣздки въ Америку, президентъ тотчасъ же заговорилъ о новыхъ русскихъ писателяхъ и пожелалъ узнать мнѣніе собесѣдника о Максимѣ Горькомъ, которымъ онъ тогда увлекался; а русскій профессоръ долженъ былъ сознаться, что не читалъ Горькаго. Рузвельтъ — дѣловой человѣкъ крупнаго калибра, чисто-американскаго типа, необыкновенно дѣятельный и предпріимчивый, съ честолюбіемъ высшаго разряда, но съ невысокимъ умственнымъ кругозоромъ. Свою прямолинейность и безусловную честность онъ доказалъ своею неустанною борьбою съ всесильными промышленными синдикатами или трёстами, съ которыми онъ думалъ справиться при помощи законодательно-судебныхъ мѣръ. Безпощадная, не всегда безплодная борьба съ милліардерами была прочною основою его широкой популярности въ народныхъ массахъ.

Пораженіе Рузвельта и его партіи имѣло своимъ источникомъ справедливое и давнишнее недовольство всею системою хозяйничанья республиканцевъ: упорно поддерживаемый протекціонизмъ создаетъ непомѣрную дороговизну необходимыхъ предметовъ потребленія; правительственныя и общественныя должности находятся въ распоряженіи партійныхъ организацій и мѣстныхъ дѣльцовъ, при чемъ часто служатъ лишь орудіями корыстнаго вліянія и обогащенія; созданіе могущественнаго военнаго флота и планы усиленія регулярной арміи, въ связи съ тенденціями наступательнаго имперіализма, вызывали

опасенія кровавыхъ и ненужныхъ конфликтовъ въ будущемъ. Теодоръ Рузвельтъ способствовалъ провалу своей партіи и подготовилъ собственную неудачу тою энергическою проповѣдью внѣшняго могущества и величія, которая особенно пугала мирныхъ американскихъ гражданъ. Республиканцы остались въ меньшинствѣ, потому что слишкомъ долго и неразсчетливо управляли страною; демократы одержали верхъ, потому что берутся искоренить существенные недостатки управленія и повести націю по пути мирнаго внутренняго развитія и прогресса, не задаваясь проектами завоевательныхъ экспедицій и избѣгая всякаго вмѣшательства въ чужія дѣла.

Германскій канцлеръ, фонъ-Бетманъ-Гольвегъ, долго удивлявшій публику своимъ демонстративнымъ молчаніемъ или краткими „философскими“ изреченіями по крупнымъ вопросамъ текущей политики, неожиданно начинаетъ проявлять заботливость о своей репутаціи въ качествѣ государственнаго человѣка. Онъ произнесъ недавно въ имперскомъ сеймѣ политическія рѣчи, наглядно доказывающія его способность говорить не хуже Бюлова въ тонѣ необычайно авторитетномъ. Канцлеръ пытался доказать, что онъ не принадлежитъ и не можетъ принадлежать ни къ какой партіи, такъ какъ по своему положенію и по своимъ обязанностямъ стоитъ внѣ и выше всякихъ партійныхъ перегородокъ. „Я не желаю—сказалъ онъ въ засѣданіи 10-го декабря, при обсужденіи бюджета, — чтобы меня считали орудіемъ властной политики какой бы то ни было изъ партій, имѣющихъ представителей въ этой палатѣ. Я не служу парламенту“. На возгласъ соціалъ-демократовъ: „но юнкерамъ!“—онъ тотчасъ отвѣтилъ:—„столь же мало юнкерамъ, какъ и вамъ“. Бетманъ-Гольвегъ охотно вступаетъ въ соглашеніе со всякой парламентской партіей, готовою оказать ему поддержку,—и не его вина, если консерваторы и центръ чаще другихъ идутъ ему на встрѣчу. Онъ вырабатываетъ законопроекты по своему крайнему разумѣнію, съ согласія императора и союзныхъ германскихъ правительствъ; онъ признаетъ, что нуждается и въ согласіи парламента, для чего и приходится ему входить въ сдѣлку съ тою или другою партіею. Принципіальной разницы между согласіемъ союзныхъ правительствъ и согласіемъ парламента онъ не указываетъ, и потому получается странный силлогизмъ: если канцлеръ не служитъ парламенту, согласіе котораго ему необходимо, то онъ не служитъ и императору, согласіе котораго ему также необходимо. Если подъ „службою“ разумѣть подчиненіе или зависимость, то нельзя отрицать, что въ извѣстныхъ случаяхъ канцлеръ зависитъ отъ парламента и, слѣдовательно, въ нѣкоторой степени подчиненъ ему; но Бетманъ-

Гольвегъ не входитъ въ эти логическія тонкости и заставляетъ догадываться, что онъ служитъ только императору и никакого другого служенія ему не требуется. Тѣмъ не менѣе онъ очень либераленъ по отношенію къ народу и парламенту, и на высказанные ему консерваторами упреки въ слабости правительственныхъ мѣръ относительно соціалъ-демократіи онъ съ достоинствомъ заявляетъ, что существующіе общіе законы совершенно достаточны для успѣшной борьбы съ нарушителями порядка и никакихъ исключительныхъ полномочій для правительства не нужно. Онъ рѣшительно протестуетъ противъ обвиненія въ реакціонныхъ тенденціяхъ: правительство отвергаетъ всякія утопіи, но сознательно стремится къ прогрессу и твердо идетъ по прежнему пути разумнаго соціальнаго законодательства.

Въ отвѣтъ на разсужденія депутата Бассермана о внѣшней политикѣ Германіи, канцлеръ между прочимъ коснулся русско-германскихъ отношеній и выразилъ свой взглядъ на значеніе потсдамскаго свиданія. Происходившими при этомъ свиданіи переговорами — по словамъ Бетманъ-Гольвега — „было вновь удостовѣрено, что ни одно изъ обоихъ правительствъ не вступитъ въ комбинаціи, которыя могли бы имѣть агрессивное значеніе для другой стороны. Было установлено также, что Германія и Россія одинаково заинтересованы въ поддержаніи status quo на Балканахъ и вообще на Ближнемъ Востокѣ и не будутъ поощрять никакой политики, откуда бы она ни исходила, если она направлена къ нарушенію status quo. При свиданіи ясно и откровенно говорилось объ интересахъ обѣихъ сторонъ въ Персіи, и признано было, что эти общіе интересы требуютъ возстановленія внутренняго порядка въ странѣ. Мы должны желать, чтобы наша торговля съ Персіею не встрѣчала препятствій и могла свободно развиваться; но Россія, какъ пограничная держава, можетъ имѣть еще особыя желанія относительно безопасности въ прилегающихъ къ ея границамъ областяхъ Персіи, независимо отъ торговыхъ интересовъ. Мы охотно признали, что Россія должна пользоваться особымъ вліяніемъ въ сѣверной Персіи и имѣетъ право разсчитывать на концессіи желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и шоссейныхъ дорогъ, чтобы быть въ состояніи удовлетворительно исполнять свои задачи въ качествѣ пограничной державы. Россія не только не ставила никакихъ преградъ нашей торговлѣ, но еще облегчала ее. Сверхъ этихъ общихъ вопросовъ разсмотрѣнъ былъ цѣлый рядъ частныхъ и второстепенныхъ вопросовъ, и по всѣмъ достигнуто было соглашеніе. Возникавшія иногда кажущіяся недоразумѣнія были устранены, и старыя довѣрчивыя отношенія между нами и Россіею были вновь подтверждены“.

Эта характеристика новѣйшей русско-германской дружбы довольно

прозрачно намекаетъ на возможную перемѣну въ группировкѣ великихъ державъ. Франко-русскій союзъ не можетъ уже быть направленъ противъ Германіи, точно такъ же какъ и австро-германскій союзъ не можетъ быть обращенъ противъ Россіи. Англо-русское соглашеніе равнымъ образомъ должно утратить оттѣнокъ враждебности относительно Германіи. Съ другой стороны, легко разсуждать и иначе: въ новыя комбинаціи извѣстнаго рода нельзя вступать, а старыя сохраняютъ полную силу; поэтому, въ силу союзнаго договора съ Австро-Венгріею, Германія по прежнему обязана въ случаѣ надобности дѣйствовать противъ Россіи. Понятно, что русская дипломатія и безъ того избѣгала бы участія въ предпріятіяхъ, подвергающихъ опасности сохраненіе общаго мира; но какъ поступить, напр., если Германія почему либо пожелаетъ затѣять столкновеніе съ Франціею? Опять-таки существованіе франко-русскаго союза обязывало бы насъ выступить въ защиту Франціи, т.-е. принять участіе въ комбинаціи, направленной противъ Германіи. Само собою разумѣется, что сила формальныхъ союзныхъ договоровъ нисколько не колеблется новымъ соглашеніемъ, возстановляющимъ будто бы старыя русско-германскія связи. Прежнія союзныя связи между Россіею и Германіею исчезли и замѣнены другими; но мирная оффиціальная дружба остается, и сохранить ее желательно и необходимо. Весьма возможно, что при первомъ подходящемъ случаѣ берлинскій кабинетъ сочтетъ своимъ долгомъ поддержать какое-либо враждебное или непріятное намъ домогательство Австро-Венгріи, подобно тому какъ онъ сдѣлалъ это по боснійскому вопросу; но, конечно, онъ сдѣлаетъ это только въ видѣ дружеской услуги по отношенію къ Россіи, чтобы избавить ее отъ тягостныхъ послѣдствій конфликта съ вѣнскимъ кабинетомъ, опирающимся на Германію. Какъ бы то ни было, изъ словъ германскаго канцлера слѣдуетъ заключить, что потсдамское свиданіе имѣло болѣе серьезное дипломатическое значеніе, чѣмъ думали въ Европѣ, и что, по всей вѣроятности, состоявшееся соглашеніе болѣе выгодно для Германіи, чѣмъ для Россіи.

Впрочемъ, репутація коварства, которая когда-то установилась за берлинскою дипломатіею, едва ли соотвѣтствуетъ современной дѣйствительности. Теперь вмѣсто Бисмарка дѣйствуютъ скромные, исполнительные чиновники и сановники, болѣе или менѣе аккуратные и добросовѣстные. Но по старой памяти внѣшняя политика Германіи направляется часто по прежнимъ путямъ, не вызывая и не оправдывая благодушнаго довѣрія заграничныхъ друзей. Зато во внутреннихъ отношеніяхъ имперіи незамѣтно никакого коварства. Иногда правительство выступаетъ съ проектами, которые у насъ считались бы, пожалуй, „измѣнническими“ или революціонными. Въ продолженіе

многихъ лѣтъ Эльзасъ и Лотарингія управлялись императорскими намѣстниками и чиновниками, на правахъ особой имперской области съ совѣщательнымъ представительствомъ. Никто не обѣщалъ конституціи мѣстному населенію, которое могло быть довольно уже тѣмъ, что не подвергалось никакому исключительному режиму и пользовалось охраною общихъ законовъ. Между тѣмъ, правительство долго и старательно вырабатывало для этой области самостоятельную конституцію и создавало автономію для „завоеваннаго" края. Въ имперскій сеймъ внесенъ проектъ закона, по которому Эльзасъ-Лотарингія получаетъ настоящее конституціонное устройство, съ двумя законодательными палатами — одною изъ членовъ по назначенію и по должности, другою по выборамъ, по системѣ всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія. И нѣмецкіе консерваторы и реакціонеры не кричатъ о сепаратизмѣ, не требуютъ правительства къ отвѣту, не пугаютъ людей неминуемымъ распаденіемъ имперіи, а напротивъ, находятъ проектъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, способнымъ разъ навсегда удовлетворить и успокоить населеніе, окончательно закрѣпивъ его формальную связь съ Германіею. Этотъ поучительный примѣръ заслуживаетъ того, чтобы наши недалекіе націоналисты обратили на него вниманіе.

ВОПРОСЪ О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ

Послѣ долгаго перерыва пошли опять безконечные споры вокругъ вопроса о судѣ присяжныхъ. Изумительна судьба этого института. Съ невѣдомою дотолѣ въ исторіи быстротой обезпечилъ онъ себѣ преобладающее мѣсто въ карательной юстиціи всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. И съ безпримѣрною же страстностью подвергается онъ періодически повсюду самымъ жестокимъ нападкамъ. Великобританія—родина современнаго суда присяжныхъ; жюри, пройдя искусъ вѣковъ, давно уже почитается тамъ неотъемлемою принадлежностью раціонально поставленнаго уголовнаго процесса. Правосудіе безъ участія общественнаго элемента—такой же, въ глазахъ англичанина, nonsens, какъ государственный строй безъ народнаго представительства... Не то мы видимъ во всей остальной Европѣ. Съ рѣзкими отступленіями отъ своего образца, но въ готовомъ видѣ перенесенъ былъ судъ присяжныхъ на материкъ. И произошло это какъ разъ въ такое время, когда масштабомъ всѣхъ оцѣнокъ являлся одинъ лишь исключительно

узко-политическій интересъ. Можно съ увѣренностью сказать, что обстоятельство это больше всего повредило правильной постановкѣ всего института и нормальному развитію его на континентѣ. Только такъ и могло сложиться представленіе, что проблема суда присяжныхъ сводится цѣликомъ къ вопросу о гарантіяхъ независимости уголовной юстиціи отъ воздѣйствія сверху. Рудольфу Іерингу казалось, что современная юриспруденція обладаетъ гораздо болѣе дѣйствительными для этого средствами, и онъ произнесъ свое знаменитое: „Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan“. Мотивъ этотъ сыгралъ весьма видную роль и во всемъ вообще движеніи противъ суда присяжныхъ.

Въ самой Германіи споръ осложнился кромѣ того не вполнѣ, быть можетъ, сознательными, но во всякомъ случаѣ весьма могучими психологическими мотивами. Юристы очутились всецѣло во власти тѣхъ лозунговъ, которые стали раздаваться съ особою силою вскорѣ послѣ франко-прусской войны и, постепенно углубляясь, проникли даже и въ такіе круги, гдѣ совершенно, казалось бы, отсутствуетъ пища для односторонняго національнаго. Уже во время разработки дѣйствующихъ въ Германіи, съ конца 70-хъ годовъ, судебныхъ уставовъ, враги суда присяжныхъ энергично подчеркивали „чужеземный характеръ“ этого учрежденія. Аргументъ упалъ на весьма воспріимчивую почву и сталъ тотчасъ же давать очень богатые всходы. Однако, тогда еще слишкомъ были свѣжи въ памяти классическіе труды Миттермайера, Кёстлина, Глазера, чтобы юристы могли въ такомъ упрощенномъ порядкѣ рѣшать судьбу института, ставшаго въ теченіе немногихъ десятилѣтій достояніемъ всего культурнаго человѣчества. Значительная часть теоретиковъ горячо выступила на защиту суда присяжныхъ. Рудольфъ Гнейстъ отдавалъ ему рѣшительное преимущество передъ шеффенами. Адольфъ Меркель находилъ, что жюри именно и отвѣчаетъ всѣмъ тѣмъ требованіямъ, ради которыхъ общественный элементъ привлекается къ участію въ уголовной юстиціи. Весьма авторитетнымъ сторонникомъ присяжныхъ заявилъ себя уже тогда Людвигъ Баръ. Нѣмецкое правосудіе избавлено было отъ рискованнаго эксперимента [1]). Но агитація продолжалась. Пуще прежняго разжигались національстическія страсти. Враги института квалифицировали симпатіи къ нему интеллигенціи и массъ, какъ стадное увлеченіе „парижскими модами“ [2]). Ряды приверженцевъ жюри въ спеціальной литературѣ

---

[1]) Проектъ 1873-го года предполагалъ полную замѣну присяжныхъ шеффенами.

[2]) См. особенно надѣлавшую въ свое время шума статью: „Gegen die Schwurgerichte“, въ „Liszt's Zeitschrift“, т. III. Особнякомъ въ литературѣ противъ суда присяжныхъ стоитъ брошюра Биндинга: „Die drei Grundfragen der Organisation

быстро таяли. И когда, шесть лѣтъ тому назадъ, реформа уголовнаго процесса поставлена была снова на очередь, почва оказалась уже настолько подготовленной, что коммиссія представила безъ колебаній проектъ, въ которомъ для суда съ участіемъ жюри совсѣмъ не нашлось мѣста. Профессоръ Вахъ, одинъ изъ немногихъ теоретиковъ особаго совѣщанія, замѣтилъ какъ-то [1]), что „если бы объявленъ былъ спеціальный призъ за открытіе худшей формы уголовной юстиціи, то онъ бы несомнѣнно достался на долю изобрѣтателя суда присяжныхъ". И съ одинаковымъ, приблизительно, критеріемъ приступили къ работѣ всѣ прочіе члены коллегіи. Едва-ли можно указать другой случай, когда бы и въ самыхъ заскорузлыхъ канцеляріяхъ подготовленъ былъ съ такимъ легкимъ багажемъ аргументовъ столь рѣшительный шагъ.

Коммиссія 1903—1905 гг. вмѣняла суду присяжныхъ въ вину три основныхъ порока: право окончательнаго и безконтрольнаго отвода членовъ жюри сторонами; раздѣльную работу двухъ коллегій, каждая изъ которыхъ не знаетъ, чѣмъ руководится другая; немотивируемые вердикты, способные вселить въ людей, чуждыхъ юридической дисциплинѣ, представленіе, что они стоятъ выше закона. Всѣ три черты объявлены были органическими. И совѣщаніе, безъ долгихъ думъ, рѣшило преподнести родинѣ подарокъ въ видѣ полной отмѣны „пережившаго себя института". Мѣсто „чужеземныхъ" присяжныхъ должны были занять по всѣмъ дѣламъ свои „отечественные" шеффены.

Къ счастью, общество оказалось въ Германіи достаточно сильнымъ для того, чтобы захлопнуть предъ подобной революціей самыя двери парламента. Попытка провести такое новшество черезъ законодательную палату явилась сразу въ настолько безнадежномъ свѣтѣ, что авторы правительственнаго проекта сочли благоразумнымъ совершенно игнорировать соотвѣтствующую часть предложеній оффиціальной коммиссіи. Мало того: твердость симпатій, обнаруженныхъ въ данномъ случаѣ передовыми слоями народа, заставила самихъ юристовъ подвергнуть критической провѣркѣ свои нерѣдко апріорные взгляды на сущность всего вопроса. Неожиданно для участниковъ совѣщанія, труды его сыграли, такимъ образомъ, роль поворотнаго пункта. Съ этого времени началась безконечно болѣе объективная оцѣнка проблемы, открывающая виды на близость извѣстнаго практическаго результата.

Въ чемъ задача суда присяжныхъ? Во имя какой цѣли законо-

---

des Strafgerichts"—тонкая по формѣ и глубокая по содержанію, какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера этого автора.

[1]) Въ засѣданіи первой саксонской палаты (16-го марта 1906 года).

дательства произвели въ свое время коренную ломку, предоставивъ жюри функцію, которая исполнялась на протяженіи вѣковъ проходившими опредѣленную школу спеціалистами?.. Едва ли подлежитъ спору, что могущественнѣйшимъ факторомъ этого переворота явилась необходимость установить извѣстное соотвѣтствіе между повседневной практикой уголовной юстиціи и живущимъ въ народѣ правосознаніемъ. Сейчасъ, повидимому, основательно позабыто пророчество Юстуса Мёзера, охарактеризовавшаго въ немногихъ словахъ ту потребность, которая обезпечила впослѣдствіи суду присяжныхъ міровое господство. „Можно ли—читаемъ мы въ „Патріотическихъ фантазіяхъ"—поступить болѣе жестоко и несправедливо, чѣмъ заклеймивъ человѣка безъ увѣренности въ томъ, что онъ сознавалъ и постигалъ смыслъ законовъ, нарушеніе которыхъ ему инкриминируется? Но самое убѣдительное доказательство, что суть запрета была или, по крайней мѣрѣ, могла и должна была быть обвиняемымъ понята, имѣется на лицо несомнѣнно лишь тогда, когда его осудили за это двѣнадцать или семь обыкновенныхъ гражданъ, вердиктъ которыхъ именно и показываетъ, какое господствуетъ въ обществѣ представленіе о попранномъ законѣ, и какъ онъ толкуется каждымъ не лишеннымъ здраваго разсудка человѣкомъ". Около полутораста лѣтъ тому назадъ брошенъ былъ на вѣсы этотъ аргументъ. И авторское право на него не даромъ принадлежитъ благородному защитнику слабыхъ, уже въ молодые годы увѣнчанному лестнымъ прозвищемъ „*адвоката* отечества". Совершенство—не удѣлъ рода людского. Но чѣмъ же объясняется, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ судъ присяжныхъ, меньшая братія—а она составляетъ повсюду главную массу кліентовъ уголовной юстиціи—видитъ въ немъ если и не абсолютную, то во всякомъ случаѣ наиболѣе дѣйствительную гарантію своихъ интересовъ? Нельзя же все ссылаться безъ конца на гипнотизирующее вліяніе демократическихъ лозунговъ, на невѣжество, инертность, предразсудки народныхъ низовъ. Такая вульгарная мотивировка, уже помимо всего прочаго, оскорбляетъ память плеяды замѣчательныхъ юристовъ, авторитетъ которыхъ признается по сей часъ въ обоихъ враждующихъ лагеряхъ. Въ защиту жизни могутъ быть приведены и апріорные, и чисто практическіе доводы. Но о чемъ, разумѣется, прежде всего надо думать—это о задачахъ всякаго земного правосудія. Карательная юстиція—не самоцѣль, а серьезнѣйшая функція общественной жизни. И уголовная кара—это высшая форма принудительнаго воздѣйствія на личность. Чѣмъ сильнѣе, однако, поколеблена идея слѣпого авторитета, тѣмъ бо̀льшую отвѣтственность принимаетъ на себя государство за распоряженіе свободой и честью гражданина. Отсюда ясно, что первопричина, заставившая въ свое время привлечь людей изъ народа къ

участію въ отправленіи правосудія, только выигрываетъ съ годами въ своей силѣ.

Но, конечно, и присяжные пригодны не во всякомъ видѣ. Организація института должна удовлетворять извѣстнымъ общимъ предпосылкамъ, при отсутствіи которыхъ слабыя мѣста его угрожаютъ стать источникомъ цѣлаго ряда опасностей. Весьма немаловажные дефекты присущи, въ частности, и дѣйствующему нѣмецкому порядку. На вопросѣ о способахъ борьбы съ ними главнымъ образомъ теперь и локализуется въ Германіи передовая юридическая мысль.

Когда рѣчь идетъ о томъ или иномъ несостоятельномъ вердиктѣ, только непосредственный наблюдатель процесса способенъ опредѣлить, какая часть вины приходится здѣсь на долю присяжныхъ и что должно быть поставлено на счетъ сотрудничающему имъ профессіональному элементу. Но можетъ случиться и такъ, что обѣ коллегіи безукоризненно выполнили свой долгъ, а результатъ получается все-же неудовлетворительный. Тогда остается одинъ только путь — законодательное вмѣшательство.

Въ страстныхъ поискахъ за средствами, могущими вернуть уголовной юстиціи ея значительно померкнувшій, на нашихъ глазахъ, блескъ, нѣмецкіе юристы вносятъ наперерывъ предложенія, касающіяся всѣхъ сторонъ дѣятельности суда присяжныхъ, начиная съ вопроса о границахъ его компетенціи и кончая цѣлымъ рядомъ процессуальныхъ деталей, устанавливающихъ обязанности руководящаго юридическаго органа [1]). Усердіе это диктуется несомнѣнно самыми лучшими чувствами. Но достоинство принесенныхъ въ результатѣ на алтарь отечественнаго правосудія даровъ оказалось, разумѣется, далеко не одинаковымъ. И законодатель долженъ дѣлать между ними очень осторожный выборъ.

Для широкихъ круговъ публики представляетъ главнѣйшій интересъ вопросъ о предполагаемыхъ перемѣнахъ въ соціальномъ составѣ жюри. И это, вмѣстѣ съ тѣмъ, безспорно коренная проблема всего института. Кто независимѣе отъ субъективной предубѣжденности и постороннихъ воздѣйствій — профессіональные юристы или судьи общественной совѣсти? Отвѣтить на это можно только условно. Коронный элементъ — величина *въ каждое данное время* болѣе или менѣе опредѣленная. Но можно ли сказать то же самое о другомъ факторѣ уголовной юстиціи, не зная предварительно, изъ какихъ слоевъ населенія вербуется скамья присяжныхъ?

Было бы совершенно безполезно ломать себѣ голову надъ вопро-

---

[1]) Одно перечисленіе всей соотвѣтствующей литературы заняло бы несомнѣнно больше мѣста, чѣмъ то, которое намѣчено мною для этой статьи.

сомъ объ абсолютно идеальной системѣ, разъ навсегда гарантирующей въ этомъ смыслѣ интересы правосудія. Довлѣетъ дневи злоба его. Каждой исторической эпохѣ присущи и здѣсь свои соціальныя нужды. Каждая существенная перетасовка въ относительномъ положеніи классовъ, въ политическомъ и экономическомъ могуществѣ массъ влечетъ за собою необходимость соотвѣтствующихъ перемѣнъ въ соціальномъ составѣ присяжныхъ. Достаточно указать хотя бы на общественныя позиціи пролетаріата пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и сейчасъ.

Величайшій нѣмецкій криминалистъ уже въ началѣ прошедшаго вѣка подвергъ уничтожающей критикѣ порядокъ, при которомъ „одна часть народа подчинена другой, какъ исключительно надѣленной судебными полномочіями, такъ что эта послѣдняя встрѣчаетъ въ жюри членовъ своего сословія, а первая, по крайней мѣрѣ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, держитъ отвѣтъ предъ людьми, по ихъ принадлежности къ извѣстному кругу, соціальному положенію, имущественной обезпеченности, нравамъ и образу мыслей, совершенно отъ нея отличающимися“ [1]). Но если подобная система признана была недопустимой и тогда, когда монархи въ силахъ еще были заключить „священный союзъ“ противъ своихъ народовъ, то легко понять, какими опасностями чревата она въ настоящее время, съ его типичнѣйшею чертою—идеей всеобщаго равноправія. Можно съ увѣренностью сказать, что здѣсь именно коренится главнѣйшій источникъ столь громкихъ сейчасъ въ Германіи жалобъ на классовую юстицію. Вполнѣ безпристрастные наблюдатели подтверждаютъ, что жюри грѣшитъ иногда въ этомъ смыслѣ не менѣе, чѣмъ магистратура. Да и независимо отъ такого отрицательнаго результата — искажается вообще весь ходъ процесса. По слабости людской, стороны не упускаютъ случая использовать специфическій составъ присяжныхъ въ своихъ видахъ. Только на счетъ этого дефекта часто должны быть относимы эксцессы предсѣдательской власти, прокурорскаго усердія, адвокатскаго пыла.

Дѣйствующій германскій законъ не препятствуетъ формально тому, чтобы въ жюри представлены были обширнѣйшіе круги населенія. Неспособными исполнять почетную обязанность присяжнаго или шеффена признаются, кромѣ прислуги, только лица, получавшія въ промежутокъ послѣднихъ трехъ лѣтъ помощь изъ общественныхъ суммъ. Освобождаются, съ другой стороны, отъ этой повинности нѣкоторыя группы чиновниковъ, народные учителя, духовенство, состоя-

[1]) Feuerbach, „Betrachtungen über das Geschworenengericht“, Ландсгутъ, 1813, стр. 110.

щіе на активной военной службѣ. Далѣе, законъ предоставляетъ извѣстнымъ категоріямъ гражданъ,—напр. членамъ имперскаго и мѣстныхъ парламентовъ, врачамъ, аптекарямъ,—право отказываться отъ исполненія обязанности присяжнаго, распространяя также это право на лицъ, не располагающихъ средствами для покрытія сопряженныхъ съ нею чрезвычайныхъ расходовъ. И вотъ, опираясь на означенную „привилегію", составители общихъ списковъ уже заранѣе обходятъ рабочихъ, какъ лишенныхъ возможности оторваться на сколько-нибудь продолжительное время отъ источника своего матеріальнаго существованія.

Передовые элементы германскаго пролетаріата много разъ давали понять, что такая односторонняя заботливость совсѣмъ не отвѣчаетъ ихъ интересамъ. Нѣмецкій рабочій классъ вступилъ въ пору совершенно самостоятельной жизни. Не лучше ли было бы предоставить ему самому справиться какъ-нибудь и съ этимъ затрудненіемъ? Въ публицистической спеціальной печати давно, къ тому же, указывается и весьма простой выходъ изъ создавшагося ненормальнаго положенія. Возмѣщеніе издержекъ, понесенныхъ неимущими членами жюри—кто станетъ утверждать, что современному государственному бюджету не по силамъ такая затрата? Никто бы, разумѣется, и не спорилъ противъ подобной расходной статьи, если бы не присущій ей демократическій оттѣнокъ. Съ извѣстною дозою этого яда охранителямъ всѣхъ странъ необходимо, однако, разъ навсегда примириться. Нѣмецкое правительство уже почувствовало себя вынужденнымъ открыто вступить на указанный путь. Новелла къ учредительному закону безъ обиняковъ признаетъ за присяжными право на діэты.

Было бы, однако, ошибочно думать, что изданіе соотвѣтствующаго закона можетъ само по себѣ обезпечить во всѣхъ случаяхъ разносторонній составъ скамьи присяжныхъ. Діэты—это лишь необходимая предпосылка раціональной постановки вопроса, но никакъ не окончательное его разрѣшеніе. На помощь праву должна придти практика. Только равномѣрное распредѣленіе судебной повинности между всѣми могущими ее нести гражданами покажетъ, что оффиціальнымъ служителямъ Ѳемиды дѣйствительно чужды сословныя и политическія тенденціи. Либеральный югъ — Баденъ, Баварія, Вюртембергъ—уже приступилъ къ реальнымъ шагамъ въ этомъ направленіи. Руководители судебнаго вѣдомства разъяснили подчиненнымъ органамъ, что при составленіи по каждому округу общаго списка присяжныхъ они должны имѣть въ виду только нравственныя качества лицъ, но никакъ не принадлежность ихъ къ извѣстной партіи или опредѣленному классу. Будетъ ли эта директива добросовѣстно выполнена — предсказывать не беремся. Но передъ нами, очевидно,

вопросъ, отъ котораго при реорганизаціи суда присяжныхъ должно отправляться все остальное. И пока что, „чужеземный институтъ“ одержалъ надъ своими врагами еще одну, весьма немаловажную побѣду.

Гр. Штильманъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Агрономическія рѣчи губернаторовъ.—Новые изъяны хуторской реформы.—Траурные дни по смерти Л. Н. Толстого.—Попытки протеста противъ смертной казни.—Духовенство и администрація въ толстовскіе дни.—Положеніе провинціальной печати.

Вѣроятно, многіе насмѣшники со злорадствомъ ожидали: „А ну-ка, будутъ въ нынѣшнемъ году губернаторы, при открытіи губернскихъ земскихъ собраній, говорить агрономическія проповѣди и доказывать благодѣтельность хуторской реформы?“ Между тѣмъ, объ этомъ можно было не гадать, а сказать съ увѣренностью: стоило лишь взглянуть внимательно кверху. Въ нашихъ губернаторахъ желающіе могутъ, разумѣется, найти сколько угодно недостатковъ, но нельзя не признать и одного крупнаго достоинства: послушанія высшему начальству. Если вверху еще не разочаровались въ отрубно-хуторской реформѣ, если ее все еще ставятъ во главу преобразованія Россіи и если премьеръ-министръ снова разослалъ начальникамъ губерній побудительныя телеграммы, то какія же могли быть сомнѣнія? И конечно, большинство губернаторовъ проявило преданную внимательность къ агрономіи и къ казенной земельной реформѣ. Противъ прошлаго года обнаружился даже въ области административно-агрономическаго краснорѣчія нѣкоторый прогрессъ. Губернаторы снисходятъ къ полемикѣ и стараются опровергнуть сомнѣнія, которыя возникаютъ въ земской средѣ относительно призывовъ правительственной власти къ исключительной помощи хуторянамъ и отрубникамъ. Въ этомъ смыслѣ выдѣляется пространная рѣчь екатеринославскаго губернатора. Приводимъ изъ нея нѣкоторыя выдержки. „Открывая губернское земское собраніе,—говорилъ начальникъ губерніи,—я позволю себѣ обратиться къ вамъ съ предложеніемъ обратить ваше просвѣщенное вниманіе на мѣропріятія, имѣющія первостепенное значеніе: на агрономическую помощь, которую необходимо оказать хуторянамъ и выдѣляющимся на отруба. Я говорю по поводу телеграммы предсѣдателя совѣта ми-

нистровъ, въ которой указывается на то, что агрономическая помощь должна быть оказана тѣмъ, которые перешли на хуторскія и отрубныя хозяйства. Послѣ этого обращенія во многихъ земствахъ нашлись лица, указывавшія на то, что агрономическая помощь должна оказываться всѣмъ крестьянамъ безъ различія, не отдавая предпочтенія отдѣльнымъ домохозяевамъ. Никто, конечно, этого отрицать не станетъ; это доказываетъ и циркуляръ 1909 г., за № 60, поясняющій, что, нисколько не стѣсняя помощи всему крестьянскому населенію, необходимо выдѣлить помощь тѣмъ крестьянамъ, которые идутъ навстрѣчу государственнымъ задачамъ и поднятію сельскаго хозяйства. Вамъ, въ особенности губернскимъ гласнымъ и землевладѣльцамъ, прекрасно извѣстно, что, не смотря на всѣ затраты, труды и энергію, прилагаемые земствомъ и агрономическимъ персоналомъ для поднятія сельскаго хозяйства, они встрѣчаютъ тормазъ въ общинномъ землепользованіи — въ общинѣ. Поэтому правительство, переуступая весь государственный земельный фондъ крестьянскому населенію, обратило вниманіе на сельское хозяйство, съ цѣлью поднятія его. Наше сельское хозяйство стоитъ много ниже хозяйства нашихъ сосѣдей, что̀ подтверждается цифровымъ матеріаломъ, полученнымъ мною изъ центральнаго статистическаго комитета. Лучшій урожай въ Россіи даетъ въ среднемъ 50 пуд. на десятину, по Екатеринославской губерніи 47 пуд. на казенныхъ и 37 пуд. на крестьянскихъ земляхъ; въ Германіи же урожай даетъ 130 пуд. на десятину. Въ виду невозможности оставить это дѣло въ такомъ видѣ, правительство должно было принять мѣры: результатомъ этого явился законъ 9-го ноября. Законъ этотъ предоставляетъ крестьянину...“

Дальше идутъ обычныя восхваленія хуторского хозяйства. А сверхъ того есть еще и такое довольно рискованное утвержденіе: „Въ теченіе трехъ лѣтъ законъ 9-го ноября далъ блестящіе результаты, — такіе, какіе въ Германіи достигнуты за двадцать лѣтъ“. Итакъ, однимъ могучимъ административнымъ скачкомъ мы не только догнали западную Европу, но уже и обгоняемъ ее. Однако, есть въ хуторской системѣ такіе значительные изъяны, о которыхъ не могъ умолчать и краснорѣчивый екатеринославскій губернаторъ. „Позволю обратить ваше вниманіе на весьма важный вопросъ — о школьномъ обученіи. Та система, которую проводило земство въ продолженіе многихъ лѣтъ въ мѣропріятіяхъ по народному образованію, должна быть нѣсколько измѣнена: въ виду разбросанности хуторянъ, необходимо, при открытіи школъ, обратить на это особенное вниманіе устройствомъ при школахъ общежитій для учащихся на случай непогоды, такъ какъ дѣти будутъ принуждены посѣщать школы, отстоящія отъ мѣстъ жительства на нѣсколько верстъ“. Этимъ штрихомъ губернаторъ самъ подчеркнулъ,

и очень рѣзко, колоссальную наивность своей агрономической рѣчи. Очевидно, чтобы догнать западную Европу, весьма недостаточно одной хуторской системы. Есть еще общая культурность, которая кладетъ мощный отпечатокъ на всю жизнь націи, толкаетъ впередъ и народное хозяйство, и промышленность, и науку, и ремесла, и искусство. Этимъ-то Россія въ особенности бѣдна, по сравненію съ западными сосѣдями, и къ этому она давно уже сознательно и безсознательно тянется всѣми сторонами народной жизни. Между тѣмъ, однимъ изъ главныхъ историческихъ препятствій къ поднятію культуры въ Россіи была разбросанность населенія и громадность разстояній. Такъ было и такъ есть въ значительной степени до настоящаго времени. Сотни разъ описывались въ литературѣ и въ газетахъ захудалыя деревушки, лишенныя школъ, больницъ, церквей, оторванныя отъ всего цивилизованнаго міра. Въ метели, морозы, слякоть, — а такая погода виситъ надъ деревенской Россіей бо̀льшую часть года,—полуголодныхъ, полураздѣтыхъ дѣтей страшно посылать за нѣсколько верстъ въ школу, да и нѣтъ къ тому охоты у безграмотныхъ, задавленныхъ нуждой родителей. Точно также нѣтъ охоты, а часто и возможности, ѣхать за десятки верстъ въ больницу, когда случится хворь. Не всегда является охота брести въ морозъ и непогоду въ церковь за нѣсколько верстъ отъ двора. Какая ужъ тутъ, при такой оторванности, культура. Такъ и живутъ люди изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе въ однихъ и тѣхъ же примитивныхъ дѣдовскихъ навыкахъ, бытовыхъ привычкахъ, вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ. Такая обстановка располагаетъ не къ прогрессу, а гораздо больше къ одичанію. И возможно, что въ нѣкоторыхъ, наиболѣе глухихъ захолустьяхъ обѣднѣвшее населеніе обрывки старой культуры порастеряло, а новой не пріобрѣло. Если же подсчитать, сколько тысячъ у насъ на Руси разбросанныхъ деревень, то и вся картина народной жизни предстанетъ весьма омраченной. И вотъ, при такихъ условіяхъ является административная система, которая еще больше разрѣжаетъ крестьянскій міръ, искусственно и понудительно разбрасывая малокультурное населеніе на одинокіе хутора. Устраиваться и жить приходится въ буквальномъ смыслѣ на голомъ мѣстѣ, часто безъ воды и безъ выгона для скота, вдали отъ школъ, больницъ, церквей, сельскихъ учрежденій и всей культурно-общественной обстановки. И уже на первыхъ порахъ сами администраторы принуждены указывать земствамъ на палліативы въ родѣ общежитій при школахъ для дѣтей съ хуторовъ. Но вѣдь не выстроишь общежитій при больницахъ, церквахъ, при сельскихъ и волостныхъ учрежденіяхъ, куда хуторянамъ придется, въ силу нужды, тащиться за многія версты въ распутицу и метели? Искусственность хуторской реформы, такимъ образомъ, все

болѣе подчеркивается самой жизнью. Это еще далеко не значитъ, что община совершенна и что единоличное хозяйство въ Россіи непримѣнимо. Но все должно идти своимъ естественнымъ ходомъ. Возможно, что и теперь уже во многихъ мѣстахъ Россіи община, въ ея первобытномъ видѣ, устарѣла и сдѣлалась для крестьянской жизни стѣснительною. Но какъ здѣсь, такъ и тамъ, гдѣ община все еще является самой удобной формой земельнаго хозяйства для крестьянъ, жизнь сама должна найти свои естественные ходы для преобразованія хозяйственной, общественной и личной ткани быта. Кромѣ общихъ законовъ жизни, есть отдѣльные, могущественные законы, обязательные для отдѣльныхъ странъ и націй. И здѣсь канцелярскія, наивныя и самоувѣренныя реформы роковымъ образомъ оказываются вредны и жестоки. На западную Европу въ хуторскихъ опытахъ нашимъ администраторамъ лучше бы не ссылаться. Конечно, культурному западному фермеру не страшно жить на хуторѣ. Тамъ и масштабъ жизни иной: все населеніе скученно и близко другъ къ другу. Тамъ вьются прекрасныя шоссе, звякаютъ даже и въ захолустьяхъ звонки электрическихъ трамваевъ. Тамъ грамотный фермеръ первоначальное обученіе можетъ своимъ дѣтямъ и дома дать. Тамъ есть лошади и теплая одежда для поѣздокъ. Тамъ есть разъѣздные врачи и учителя... Однимъ словомъ, начальникамъ вашихъ губерній, при всемъ ихъ патріотическомъ рвеніи, гордиться предъ западной Европой казенной культурой преждевременно.

Казанскій губернаторъ, въ своей рѣчи при открытіи губернскаго земскаго собранія, также принужденъ былъ говорить о поправкахъ, которыхъ потребовала жизнь для закона 9-го ноября (по привычкѣ, земельный законъ продолжаетъ именоваться на мѣстахъ закономъ 9-го ноября, и сами губернаторы такъ называютъ его, хотя этотъ временный законъ уже замѣненъ постояннымъ закономъ 14-го іюня, прошедшимъ черезъ законодательныя палаты). „Измѣняющіяся формы землевладѣнія—говорилъ начальникъ Казанской губерніи, испрашивая у земцевъ особаго вниманія къ хуторянамъ и отрубникамъ,—выдвигаютъ очень жизненный вопросъ о деревенской школѣ. Приходится въ настоящее время заново организовать школьное дѣло, сообразно съ новыми условіями жизни, подумать о деревенскихъ школьникахъ и объ устройствѣ для нихъ школьныхъ общежитій“. Легко сказать: „заново организовать школьное дѣло“! И ради чего? Совсѣмъ не „новыя условія жизни“ тому причиной, а навязанная жизни, извнѣ пришедшая реформа. И если для нея нужно заново организовать такое большое дѣло, какъ школьное, и если для нея вообще нужно приспособлять, подгонять и обрѣзывать окружающую жизнь, то ничего болѣе компрометирующаго для достоинства реформы нельзя придумать. Подразу-

мѣвается, какъ аксіома, что реформы вводятся для облегченія и улучшенія хода жизни, и реформа должна приспособляться къ жизни и „заново себя организовать“, а отнюдь не наоборотъ.

Нѣкоторые губернаторы выполнили волю высшаго начальства равнодушно, безъ тѣни энтузіазма, формально. Ярославскій, напримѣръ, губернаторъ говорилъ при открытіи земскаго собранія: „И въ этомъ году предсѣдатель совѣта министровъ вновь обратился, черезъ посредство гг. губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, къ земствамъ съ призывомъ къ совмѣстной съ правительствомъ работѣ по оказанію агрономической помощи населенію и въ частности хуторянамъ и отрубникамъ, количество которыхъ въ нашей губерніи значительно возросло за этотъ годъ и въ настоящее время достигаетъ 2.562. Выражаю надежду, что земское собраніе отзовется на этотъ призывъ къ совмѣстной работѣ и раздѣлитъ взглядъ правительства, что едва ли въ какой иной области въ настоящее время населеніе нуждается въ большей поддержкѣ и помощи, чѣмъ въ области сельскохозяйственной, и что затраты земства въ этомъ направленіи явятся въ высшей степени продуктивными“. Такая рѣчь больше похожа на канцелярскую отписку, чѣмъ на призывъ. Но нашлись губернаторы, которые и такихъ рѣчей не пожелали произнести. Такъ, новый нижегородскій губернаторъ А. Н. Хвостовъ, который недавно, въ томъ же Нижнемъ-Новгородѣ, говорилъ даже излишне горячія рѣчи, выставляя свою преданность самодержавію, при открытіи губернскаго земскаго собранія ограничился слѣдующимъ краткимъ словомъ: „Господа! Имѣю честь объявить земское собраніе открытымъ“. Конечно, было бы тактично и скромно со стороны начальниковъ губерній, если бы они всегда воздерживались читать земцамъ административныя наставленія и пожеланія. Но въ данномъ случаѣ, видимо, проявились не тактичность и скромность. Здѣсь чувствуется, съ одной стороны, отрицательное отношеніе къ высшему начальству, которое слишкомъ „лѣво“ и занимается непріятной для правыхъ возней съ деревней, земствомъ и Государственной Думой, а съ другой—презрѣніе къ земскимъ учрежденіямъ, достаточно „крамольнымъ“, не смотря на всѣ мѣры предупрежденія и пресѣченія. Для администраторовъ типа гг. Хвостовыхъ цвѣтъ истинной Россіи является въ лицѣ Дубровиныхъ, Пуришкевичей, Марковыхъ и всей ихъ черной рати, разсыпанной—не очень, къ счастью, густымъ слоемъ—по всей нашей многострадальной странѣ. Но, разумѣется, вся энергія подобныхъ администраторовъ направляется книзу, а кверху, не смотря на „лѣвизну“ правительства, соблюдаются чинопочитаніе и достаточная исполнительность. Поэтому, въ частности, казенно-земельная хуторская реформа идетъ повсюду полнымъ ходомъ, при рев-

ностномъ подталкиваньи низшихъ и высшихъ чиновъ помѣстной администраціи, внося смуту и разстройство въ крестьянскій бытъ.

Смерть Л. Н. Толстого оказалась для всей Россіи, и въ особенности, кажется, для провинціи, ударомъ скорбнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и животворнымъ. Застоявшаяся, помутнѣвшая жизнь явственно колыхнулась по всей странѣ воскресающей волной. Люди какъ бы очнулись. Многимъ, видимо, стало совѣстно за свое мелкое уныніе, стало стыдно, что изсякла вѣра въ жизнь, въ правду. Смерть великаго и всѣмъ родного старца, окрашенная порывомъ къ подвигу, какъ бы вытолкнула жизнь изъ колеи мертвой апатіи. Суть не въ отдѣльныхъ проявленіяхъ по поводу смерти Толстого. Каждый проявилъ свой оживающій духъ, какъ умѣлъ. Суть—въ общемъ одушевленіи. Газеты за послѣднія недѣли были переполнены извѣстіями о всякаго рода актахъ населенія въ память умершаго національнаго героя. Студенческія демонстраціи, отмѣна спектаклей въ дни смерти и похоронъ, чествованіе вставаніемъ памяти покойнаго въ сотняхъ и тысячахъ общественныхъ учрежденій во всѣхъ концахъ Россіи, тысячи замѣтокъ, статей, писемъ и воспоминаній во всѣхъ газетахъ... И на все это нужно попробовать взглянуть обобщающимъ взглядомъ, чтобы въ полнотѣ почувствовать величіе и красоту пережитыхъ траурныхъ дней. Скептики обыкновенно смотрятъ на два-три ближайшихъ къ нимъ проявленія общественнаго движенія и отмѣчаютъ ихъ мелкоту или незначительность. Но это—какъ весной въ полноводье: отдѣльныя капли и струи могутъ быть мутны и сорны, а посмотрите на величественный разливъ рѣки, и только слѣпой не почувствуетъ мощи его и красоты. Толстовскіе дни въ нѣкоторой степени напомнили лучшіе моменты народнаго подъема въ 1905-мъ и 1906-мъ годахъ, когда возвышенность общественнаго настроенія еще не прикасалась къ грязи и крови.

Невольно съ именемъ Толстого во многихъ мѣстахъ связывалась удручающая мысль о смертной казни, которая съ такой зловѣщей прочностью укрѣпилась въ Россіи. Пріѣзжающіе изъ провинціи разсказываютъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ пробуютъ организовать лиги для возможной борьбы съ этимъ ужасомъ русской жизни. Газеты, къ сожалѣнію, ничего не могутъ сообщить объ этихъ попыткахъ. Объ одной скромной попыткѣ въ этой области разсказываетъ смоленскій корреспондентъ „Рѣчи“: „Городская дума и всѣ почти культурныя, просвѣтительныя, благотворительныя и профессіональныя учрежденія почтили тѣмъ или инымъ способомъ память русскаго генія. Въ то же время среди интеллигенціи какъ-то сама собою за-

родилась мысль о томъ, что лучшимъ способомъ чествованія памяти Толстого было бы уничтоженіе смертной казни. Въ городѣ была распространена петиція гражданъ о скорѣйшей законодательной отмѣнѣ этого наказанія. Текстъ этой петиціи, нынѣ отправляемой, гласитъ слѣдующее: „Россія и міръ понесли невознаградимую утрату. Умеръ великій проповѣдникъ любви, милосердія и всепрощенія—Левъ Николаевичъ Толстой. Умеръ, благословляя людей на братство и миръ. Тѣ, кому дорого и свято это имя, кто искренно и благоговѣйно скорбитъ о закатившемся солнцѣ земли русской, кто съ болью въ душѣ ощущаетъ образовавшуюся съ его смертью пустоту,—тѣ не могутъ не вспомнить его почти предсмертный крикъ: „Не могу молчать!“—мучительный, призывающій вопль пророка по поводу смертной казни. Не надо ни слезъ, ни вѣнковъ, ни красивыхъ рѣчей надъ прахомъ безсмертнаго духа Толстого. Лучшимъ вѣнкомъ, лучшимъ поминовеніемъ того, кто давалъ намъ свѣтъ и познаніе правды жизни, кто заставлялъ вѣрить въ торжество человѣка—можетъ быть только единодушный призывъ русскаго народа: „Довольно казней!“ Мы, граждане и гражданки города Смоленска, безъ различія національности, вѣры, сословія и общественнаго положенія, сливаясь духовно съ только что ушедшимъ отъ насъ учителемъ жизни, ходатайствуемъ передъ Государственной Думой о законодательной отмѣнѣ смертной казни въ Россіи“. Петиція эта — добавляетъ корреспондентъ — въ настоящее время покрыта сотнями подписей лицъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ слоямъ общества“.

Если брать эту петицію какъ отдѣльное явленіе и серьезно разбирать ее, то нельзя не признать ее неудачной и по формѣ, и по существу. Во-первыхъ, для чего этотъ приподнятый риторическій стиль, а во-вторыхъ, можно ли возлагать, въ вопросѣ объ отмѣнѣ смертной казни, какія-либо надежды на третью Думу? Но какъ симптомъ общественнаго настроенія послѣднихъ дней, эта петиція представляетъ значительный интересъ. Общественное мнѣніе безсильно, когда оно раздроблено и безмолвно. И оно же представляетъ, организованное и смѣло выраженное, такую мощную силу, передъ которой иногда склоняется въ смущеніи власть, опирающаяся на штыки. Моменты такого моральнаго торжества, хотя краткаго и неполнаго, Россіи пришлось наблюдать въ недавніе годы. Намекъ на организованное проявленіе общественнаго мнѣнія даетъ и смоленская петиція. Имѣется ли въ другихъ городахъ сходное настроеніе? Вопросъ существенной важности. Помимо революціонныхъ путей и даже въ значительномъ отдаленіи отъ нихъ, общественное мнѣніе можетъ, организуясь, найти разнородные способы для своего внушительнаго выявленія. Для этого нужна лишь вѣра людей въ свою идейную силу

и достаточная смѣлость, чтобы пренебречь нѣкоторыми возможными непріятными послѣдствіями.

Весьма важно еще одно обстоятельство: почившій Л. Н. Толстой достигъ такой нравственной высоты въ своей жизни и смерти, что предъ нимъ почтительно склонились многія лица изъ правыхъ рядовъ нашей общественности. Земскія собранія, напримѣръ, а также и городскія самоуправленія, почти сплошь состоятъ теперь изъ людей праваго или умѣренно-праваго направленія. Однако, почти всюду память Толстого чествовали вставаніемъ или другими способами. Даже въ средѣ духовенства, какъ ни своеобразна здѣсь атмосфера, смерть Толстого вызвала кое въ комъ душевный откликъ. Изъ Одессы, напримѣръ, сообщаютъ „Русскому Слову“: „Послѣднее религіозно-нравственное собесѣдованіе въ епархіальномъ домѣ было посвящено Л. Н. Толстому и привлекло около двухъ тысячъ слушателей. Бесѣду велъ ректоръ духовной семинаріи, протоіерей Бречковскій. Лекторъ указалъ, что съ конца октября до сихъ поръ общество и печать заняты исключительно Л. Н. Толстымъ. Всѣ обыденные интересы и заботы отодвинуты, всѣ мысли прикованы къ Толстому.—Это потому,—объяснилъ ораторъ,—что Толстой былъ геніальнымъ писателемъ, художникомъ, поэтомъ, философомъ и моралистомъ.—Перейдя затѣмъ къ своей основной темѣ, ораторъ объяснилъ слушателямъ, почему Толстой не похороненъ по христіанскому обряду, и разсказалъ о попыткахъ возвратить покойнаго въ лоно церкви, окончившихся неудачей, въ результатѣ которыхъ синодъ подтвердилъ, что актъ отлученія остается въ силѣ.—Тѣмъ не менѣе,—заявилъ лекторъ,—всѣ мы и каждый въ отдѣльности должны молиться о Толстомъ, чтобы Господь Богъ, не взирая на соблазнъ и грѣхи, въ которые Толстой вовлекъ многихъ людей, былъ къ геніальному писателю милостивымъ Судіей“. Духовная среда такъ далеко оттолкнулась отъ русскаго общества и за послѣдніе годы ознаменовала себя такимъ человѣконенавистничествомъ, что даже приведенное сдержанное слово одесскаго священника кажется необычнымъ и симпатичнымъ. Оно, впрочемъ, почти единично. Въ общемъ же смерть Толстого объединила на недолгое время широчайшіе круги населенія, отъ лѣвыхъ до умѣренно-правыхъ. А всякое, хотя бы и краткое, объединеніе людей вокругъ идейнаго событія очищаетъ и оздоровляетъ жизнь.

Массовое преклоненіе предъ могилой Толстого имѣло еще одно значительное слѣдствіе: оно выдѣлило и рѣзко подчеркнуло особую разновидность русскихъ людей, дѣйствующихъ, яко бы, во имя исконныхъ національныхъ началъ и попирающихъ въ злобномъ глумленіи лучшія проявленія національнаго духа. Справедливость требуетъ сказать, что такихъ людей послѣ кончины Толстого оказалось всего

больше въ рядахъ низшаго и высшаго духовенства. Газеты приводятъ многочисленные, удручающіе факты. Отмѣтимъ нѣкоторые. „Воронежская городская дума почтила память покойнаго, по предложенію городского головы Елисѣева. Возражалъ одинъ только гласный священникъ о. Алферовъ, произнесшій рѣчь, полную злобы и ненависти къ „еретику и кощуннику". О. Алферовъ заявилъ, что сдѣланное предсѣдателемъ предложеніе онъ считаетъ оскорбленіемъ того дѣла, которому онъ служитъ какъ священникъ, оскорбленіемъ религіознаго чувства. Чествованіе это могло бы имѣть мѣсто,—по словамъ о. Алферова,—лѣтъ двадцать пять тому назадъ, когда Толстой былъ дѣйствительно великимъ писателемъ-художникомъ, но не теперь, послѣ этихъ двадцати пяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ былъ великимъ разрушителемъ и отрицателемъ, когда онъ даже умеръ, не примирившись съ церковью. Рѣчь о. Алферова вся дума встрѣтила гробовымъ молчаніемъ". Вятскій епископъ Филаретъ,—какъ сообщаетъ „Вятская Рѣчь",—сдѣлалъ по епархіи распоряженіе, чтобы духовенство внимательнѣе относилось къ поминальнымъ памяткамъ, въ особенности же къ имени Льва. Если такое имя попадется въ памяткѣ, священникъ долженъ спросить съ амвона—не Левъ ли это Толстой. Если Толстой, то не поминать. Но ярче всѣхъ выдѣлился среди духовенства саратовскій епископъ Гермогенъ, который—какъ сообщаетъ корреспондентъ „Русскаго Слова"—тысячами раздаетъ народу листки о Толстомъ, а въ листкахъ имѣются такія фразы: „Подлое жидовство, гнусное язычество зовутъ Россію къ мрачной могилѣ вѣчнаго разбойника, россійскаго Іуды-Толстого, распятаго на Голгоѣ, по лѣвую сторону". В. Г. Чертковъ сравнивается съ воиномъ, перебившимъ голени „разбойнику Толстому". Лучше бы, конечно, не приводить здѣсь эти бранныя, полубезумныя слова. Но вѣдь надо ясно и отчетливо представить себѣ, что ихъ говоритъ надъ свѣжей могилой національнаго героя православный русскій епископъ, оффиціальный и высоко поставленный представитель христіанской религіи любви и всепрощенія. Злѣйшій врагъ церкви не могъ бы подсказать представителямъ духовенства лучшаго способа, какъ еще разъ отвратить отъ себя массы населенія. Люди, пріѣзжающіе изъ провинціи, разсказываютъ, что поведеніе духовенства въ толстовскіе дни удручающе и оскорбительно подѣйствовало на городское и деревенское населеніе.

Достаточно опредѣленно проявила себя въ толстовскіе дни и помѣстная администрація. „Русскія Вѣдомости" подсчитали, что за одну толстовскую недѣлю были оштрафованы двадцать провинціальныхъ газетъ на сумму 5.850 рублей. Кромѣ того, привлекается къ отвѣту издатель „Приднѣпровскаго Края" и арестованъ редакторъ „Оренбургскаго Края". Сотрудникъ „Рѣчи" подвелъ маленькій итогъ за

ноябрь: „Минувшій мѣсяцъ оказался особенно тяжелымъ для періодическихъ изданій. Штрафы и аресты редакторовъ сыпались на прогрессивную печать, какъ изъ рога изобилія. Такъ, въ теченіе мѣсяца на редакторовъ наложены въ административномъ порядкѣ 38 штрафовъ, на 8.525 рублей. Большинство изданій подверглось репрессіямъ за статьи и сообщенія, имѣвшія то или иное отношеніе къ кончинѣ Л. Н. Толстого. Кончина эта дала провинціальной администраціи поводъ усилить репрессіи не только противъ печати, но и противъ обществъ, союзовъ и другихъ общественныхъ организацій. Въ нѣкоторыхъ городахъ репрессіи касались и частныхъ лицъ. Такъ, въ Ялтѣ книжнымъ магазинамъ воспрещено было выставлять въ витринѣ портретъ Л. Н. Толстого. Въ Кіевѣ запрещены были экскурсіи учащихся въ Ясную Поляну. Въ Варшавѣ администрація воспретила демонстрированіе въ кинематографахъ снимковъ съ похоронъ Л. Н. Толстого. Въ Курганѣ арестованъ студентъ, предложившій въ театрѣ почтить память Л. Н. Въ Митавѣ не разрѣшена постановка „Власти Тьмы“. Въ Екатеринбургѣ оркестрамъ воспрещалось въ толстовскіе дни исполненіе похороннаго марша. Въ Москвѣ не разрѣшено служащимъ губернскаго земства устроить вечеръ въ память Толстого“. Конечно, этотъ бѣглый списокъ репрессій далеко не полонъ. А сверхъ того, отбрасывая подробности, онъ не даетъ почувствовать подлинной духоты провинціальной жизни. Въ подробностяхъ—весь ароматъ начальственныхъ придирокъ къ мирному обывателю, вздумавшему вполнѣ законно помянуть гражданина, составлявшаго счастье и національную гордость Россіи. Екатеринославскій корреспондентъ отмѣчаетъ одинъ маленькій фактъ, съ нѣкоторыми подробностями. „Вскорѣ послѣ смерти Л. Н. Толстого редакціи мѣстныхъ газетъ обошелъ приставъ и потребовалъ подписки отъ редакторовъ, чтобъ они замѣтки о панихидахъ по Толстомъ не печатали безъ разрѣшенія полицеймейстера. Два редактора безпрекословно подчинились. Третій отказался. На завтра редактора „Южной Зари“ посѣтили полицеймейстеръ и приставъ и отъ имени губернатора потребовали объясненія.—Помилуйте,—возразилъ г. Ефимовичъ — вѣдь губернаторъ возстанавливаетъ собственной властью предварительную цензуру. Вѣдь это незаконно. Вѣдь это нарушеніе Высочайшей воли, выраженной въ законѣ 24 ноября 1905-го года, не оправдываемое ничѣмъ. — Сказалъ и напечаталъ двѣ „преступныхъ“ замѣтки. Первую о томъ, что въ помѣщеніи губернской земской управы должна состояться панихида по Толстомъ, а на завтра вторую—о томъ, что панихида не состоялась. Редактору, вздумавшему опереться на законъ, неподчиненіе незаконному распоряженію губернатора обошлось дорого. Въ субботу явилась въ редакцію полиція и потребовала немедленно или уплаты штрафа въ 300 рублей, или ареста

редактора. Штрафъ былъ уплаченъ". Конечно, провинцію уже трудно удивить безцеремоннымъ отношеніемъ администраціи къ законности и справедливости. Но толстовскіе дни и эту черту начальственной психологіи поднесли, такъ сказать, въ сгущенномъ видѣ. Поступки духовенства и администраціи выдѣлились теперь особенно рельефно, благодаря сопоставленію съ яснымъ духовнымъ ликомъ Толстого. Во имя Толстого, призывавшаго къ миру, братству и справедливости, населеніе восприняло усиленную дозу репрессій отъ начальства и поношеній отъ духовныхъ пастырей. И если продолжать вѣрить въ педагогическія послѣдствія для обывателя отъ тѣхъ уроковъ, которые сыплются на него сверху, то въ толстовскіе дни политическое развитіе населенія должно было шагнуть значительно впередъ.

Положеніе провинціальной печати—весьма тяжкое, если даже откинуть исключительно тягостные толстовскіе дни. Газетные работники настойчиво утверждаютъ, что провинціальнымъ газетамъ сейчасъ труднѣе существовать, чѣмъ въ мрачныя времена Плеве. Тогда цензура уродовала статьи, но все-же многое проскальзывало (и читатель тогда лучше умѣлъ читать между строкъ), а главное, очень рѣдки были штрафы, аресты и другія кары. Теперь мѣстные властители, опираясь на обязательныя постановленія, заушаютъ и преслѣдуютъ прессу по всякому малѣйшему поводу. Поводы иной разъ такіе, что ихъ нельзя предусмотрѣть, не взирая на пламенное желаніе редактора быть мудрымъ и осторожнымъ. Газеты отовсюду несутъ такого рода сообщенія: „Въ теченіе первыхъ трехъ недѣль ноября,—пишутъ изъ Варшавы,—23 варшавскихъ изданія оштрафованы на общую сумму 5.000 рублей, а одинъ редакторъ подвергнутъ аресту безъ замѣны денежнымъ штрафомъ. Отъ репрессій страдаютъ всѣ органы, но особенное вниманіе удѣлено тремъ радикальнымъ еженедѣльникамъ, которые уже вынуждены прекратить свой выходъ". Изъ Самары сообщаютъ: „Временный редакторъ газеты „Лучъ" г. Плоховъ арестованъ губернаторомъ, безъ замѣны ареста штрафомъ, за напечатаніе статьи: „Балластъ арміи". Кара вызвана жалобами офицеровъ квартирующаго здѣсь гусарскаго полка". Омскій корреспондентъ „Рѣчи" пишетъ: „Я, господа, пригласилъ васъ для того, что, наслышавшись о тенденціи и крайне лѣвомъ направленіи мѣстныхъ газетъ, долженъ предупредить васъ не вдаваться въ крайность или тенденцію по отношенію мѣстной администраціи и должностнымъ лицамъ, и если это будетъ продолжаться, я буду безпощаденъ и прибѣгну къ штрафамъ". Такую рѣчь держалъ новый акмолинскій губернаторъ Невѣровъ къ редакторамъ газетъ: „Омскій Телеграфъ", „Омскій Вѣст-

никъ“ и сатирическаго журнала „Сибирская Строка“. Не прошло и недѣли, какъ „Сибирская Строка“, за статью о дѣяніяхъ протоіерея Голосова, была оштрафована на 200 рублей. 23 ноября газета „Омскій Вѣстникъ“, за фельетонъ „Митька потѣшный“, была оштрафована на 400 рублей. Будетъ возстановлена предварительная цензура „по соглашенію“. Въ Казани, говорятъ, это давно сдѣлано“. Изъ Луганска сообщаютъ: „Здѣсь теперь изводятъ небольшую, но независимую отъ администраціи газету „Донецкую Жизнь“. Въ теченіе двухъ недѣль на нее наложили три штрафа: въ 100, въ 300 и въ 500 рублей. Этого совершенно достаточно, чтобы убить провинціальную газету. Въ Луганскѣ отлично знаютъ, въ чемъ тутъ дѣло, знаютъ, что „причина причинъ“—въ статьяхъ газеты о мѣстныхъ клубахъ и устроенныхъ тамъ кафе-шантанахъ и проч. Замѣтки объ этихъ клубахъ не понравились мѣстнымъ сильнымъ людямъ, и на газету посыпался рядъ доносовъ. Но доносили, конечно, „благородно“. Въ одномъ разсказѣ нашли возбужденіе рабочихъ противъ хозяевъ, въ другомъ — возбужденіе противъ дворянъ, затѣмъ воспользовались похоронами Толстого и т. д. Привлекать къ суду не привлекли, но штрафы—сколько угодно. А въ результатѣ непріятную газету таки прикончатъ“. Въ г. Батумѣ еще проще. Полицеймейстеръ осчастливилъ мѣстныя газеты слѣдующей бумагой: „Спѣшно. Приставу I-го участка батумской городской полиціи. Предписываю объявить подъ расписки редакторамъ и издателямъ выходящихъ въ г. Батумѣ газетъ, какъ на русскомъ, такъ и на другихъ языкахъ, чтобы они не помѣщали въ печати никакихъ возбуждающихъ умы статей, замѣтокъ и тому подобное, какъ оригиналовъ, такъ и путемъ перепечатокъ изъ другихъ газетъ, предупредивъ, что въ случаѣ нарушенія сего будутъ военнымъ губернаторомъ Батумской области примѣнены самыя наивысшія мѣры взысканій, и никакіе доводы и объявленія не будутъ приняты во вниманіе, и по исполненіи съ расписками настоящее препроводить мнѣ сегодня же“.

При такихъ обстоятельствахъ надо изумляться, что все еще находятся странные, мужественные люди, которые продолжаютъ во многихъ городахъ провинціи издавать и редактировать прогрессивныя газеты. Плохо только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ редакторы, доведенные, очевидно, до послѣдней степени отчаянія, сами добровольно просятся въ хайло цензурной щуки. Въ такихъ случаяхъ ужъ лучше, пожалуй, прекращать изданіе, чѣмъ самимъ поощрять беззаконіе и возстановлять цензуру, съ такимъ мучительнымъ усиліемъ сломленную въ недавніе достопамятные дни. Какъ ни тяжки административныя кары, на нихъ все-же лежитъ печать времени и явнаго личнаго произвола того или иного администратора. А цензура—вѣковой камень,

сваленный съ плечъ. Съ окаменѣвшими законами и учрежденіями труднѣе бороться, чѣмъ съ отдѣльными людьми, въ какой бы вышитый мундиръ они ни были одѣты. Нѣтъ ужъ, не возстановляйте цензуры. Перетерпите, боритесь, насколько силъ хватаетъ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ПЕЧАТЬ О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ

Иностранная журналистика въ послѣднее время удѣляла очень много мѣста сообщеніямъ и статьямъ о Львѣ Толстомъ. Во всѣхъ газетахъ и журналахъ печатались болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ его ухода изъ Ясной Поляны и послѣдовавшей затѣмъ смерти. Кончина Толстого получила и въ западной Европѣ значеніе событія, выходящаго за предѣлы чисто-литературныхъ интересовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе факты и отзывы, изъ которыхъ отмѣтимъ здѣсь наиболѣе характерные.

Въ Кельнѣ устроено было въ „Нѣмецкомъ театрѣ“, 27 (14) декабря, торжественное утреннее собраніе, посвященное памяти Толстого. Послѣ траурнаго Бетховенскаго марша (изъ „Eroica“), исполненнаго оркестромъ подъ руководствомъ Тренклера, драматургъ Р. Г. Вильдерманъ представилъ краткій очеркъ дѣятельности Толстого, при чемъ высказалъ мнѣніе, что „для Германіи великій художникъ прежнихъ лѣтъ значитъ гораздо больше, чѣмъ позднѣйшій апостолъ новаго соціальнаго евангелія“. Эрнстъ Мевесъ говорилъ очень трогательно о трагическомъ уходѣ и смерти Толстого и прочиталъ извѣстный разсказъ: „Много ли человѣку земли нужно?“ Оркестръ сыгралъ симфоническую композицію: „У смертнаго одра“. Директоръ Бернау прочелъ „великолѣпное изображеніе боя“ у Толстого и разсказъ о смерти лошади. Оркестръ исполнилъ пьесу Баха. Въ заключеніе представлена была одноактная пьеса Метерлинка—„L'intruse“, изображающая моментъ прихода смерти за своею жертвою. „Кельнская Газета“, изъ которой мы заимствуемъ этотъ отчетъ, замѣчаетъ, что на этотъ разъ „воскресный утренникъ“ носилъ мрачный характеръ и слушатели разошлись въ весьма серьезномъ и отчасти даже жуткомъ настроеніи, соотвѣтствующемъ предмету собранія.

Въ передовой статьѣ „Кельнской Газеты“, отъ 21-го ноября, объясняются причины, почему „этотъ специфически-русскій писатель игралъ столь крупную роль въ Европѣ и особенно въ Германіи“.

Хотя переводъ сочиненій Толстого появился прежде всего во Франціи, но „наиболѣе широкое признаніе онъ получилъ въ Германіи. Вмѣстѣ съ Зола и Ибсеномъ онъ проложилъ дорогу новому литературному явленію, которое обозначалось далеко не исчерпывающимъ словомъ: „натурализмъ". Именно самое рѣзкое его произведеніе — „Власть тьмы"—послужило для нѣмецкихъ натуралистовъ излюбленнымъ средствомъ пропаганды. По разнымъ причинамъ нѣмецкій натурализмъ не могъ выставить своего собственнаго представителя, который обладалъ бы силою и глубиною міросозерцанія, свойственными тремъ названнымъ писателямъ. Толстой былъ особенно желаннымъ союзникомъ, потому что къ нему непримѣнимы были тѣ возраженія, которыя дѣлались противъ Зола и Ибсена. На обоихъ жестоко нападали, но къ русскому писателю не осмѣливались подойти съ насмѣшками и ложными толкованіями: онъ невольно внушалъ къ себѣ почтеніе. Но какъ ни восхищались Толстымъ, какъ ни обсуждали его, ему, къ сожалѣнію, менѣе подражали, чѣмъ двумъ другимъ, и онъ не оказывалъ такого непосредственнаго вліянія на современное художественное творчество, какъ это было бы желательно". Въ его великомъ и здоровомъ искусствѣ заключалась стихійная сила; „оно было искусствомъ чувства, какъ его философія была моралью состраданія. Это не легко поддается подражанію. Еслибы было возможно усвоить Толстовскій стиль—понимая стиль въ высшемъ смыслѣ,—то наша новѣйшая нѣмецкая литература приняла бы совершенно другой видъ. Но знаменитая нѣмецкая чувствительность, которая должна была бы идти на встрѣчу могучей стихійной свѣжести Толстого, направилась въ другую сторону, и наша литература, сдѣлавшись литературою городскихъ центровъ, предпочитала идти черезъ Зола и Ибсена къ декадентству". Толстой, по мнѣнію газеты, былъ не только величайшимъ художникомъ Россіи, но и величайшимъ изобразителемъ человѣческихъ типовъ своего времени; онъ былъ „единственнымъ русскимъ писателемъ, сочиненія котораго уже при жизни сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ культурныхъ народовъ". Толстой „показалъ на себѣ, что быть поэтомъ — значитъ быть сильнымъ, безкорыстнымъ, правдивымъ до глубины, призваннымъ къ служенію путемъ творчества, завоевывающимъ путемъ служенія. И въ этомъ отношеніи многіе, очень многіе могли бы у него поучиться. Очень можетъ быть, что потомство признаетъ въ „Войнѣ и мирѣ" и „Аннѣ Карениной" бо́льшее и высшее искусство, такъ какъ въ нихъ больше человѣчности, чѣмъ въ сочиненіяхъ Зола и Ибсена". Въ заключеніе авторъ статьи считаетъ нужнымъ оговориться, что нравственнымъ и философскимъ идеямъ Толстого онъ придаетъ мало значенія.

Въ лондонскомъ „Times", кромѣ подробнаго некролога, напеча-

таннаго преждевременно въ нумерѣ отъ 17-го ноября, находимъ передовую статью „о карьерѣ графа Толстого“ (въ № отъ 6-го ноября) въ которой высказывается нѣсколько интересныхъ замѣчаній по поводу его рѣшенія „уйти отъ семьи и отъ жизни по своему собственному рецепту“. Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ моралистовъ,—говоритъ авторъ статьи,—внутренній душевный кризисъ не продолжался такъ долго и упорно, какъ у Толстого; „въ немъ было такое необычайное стремленіе къ совершенству, что даже въ крайней старости онъ не могъ удовлетвориться своимъ собственнымъ образомъ жизни и дѣйствовалъ такъ, какъ будто вся жизнь у него еще впереди“. Нравственныя идеи его не новы; „карьера Толстого напоминаетъ многія сходныя явленія въ прошломъ, но она занимаетъ міръ, потому что вводитъ въ практику идеалы, довольно близкіе намъ какъ идеи, но обыкновенно не реальные, потому что для массы людей они остаются только идеями“.

Въ еженедѣльномъ приложеніи той же газеты, отъ 24-го ноября, помѣщена обширная руководящая статья подъ краткимъ заглавіемъ: „Tolstoy“. Въ ней авторъ характеризуетъ художественное творчество Толстого какъ стихійное творчество самой жизни: создаваемые имъ образы представляютъ жизнь какъ она есть, во всей ея сложной реальности, безъ всякихъ искусственныхъ прикрасъ. „Мы можемъ не соглашаться съ его мнѣніями, когда онъ ихъ выражаетъ, но мы никогда не сомнѣваемся въ томъ, что онъ говоритъ намъ правду о людяхъ и вещахъ. Даже въ „Воскресеніи“, гдѣ все подчинено нравственной цѣли моралиста, мы видимъ эту честность изображенія. Идеи Толстого о преступленіи и наказаніи не заставляютъ его искажать человѣческую природу. Люди остаются для него людьми даже въ роли тюремщиковъ. Онъ можетъ ненавидѣть систему, но онъ не ненавидитъ тѣхъ, кто ее примѣняетъ. Нѣтъ лучшаго доказательства умственнаго равновѣсія писателя. Истинный фанатикъ жертвуетъ людьми для идеи, но Толстой жертвуетъ самимъ собою и своимъ искусствомъ для людей“. Ни одинъ изъ жившихъ когда-либо людей—продолжаетъ „Times“—„не имѣлъ болѣе богатаго запаса самостоятельныхъ и смѣлыхъ наблюденій надъ жизнью и людьми, чѣмъ Толстой. Онъ писалъ только потому, что у него была сильная потребность излагать свои мысли и чувства. Онъ былъ самымъ безкорыстнымъ изъ всѣхъ великихъ писателей, такъ какъ писательство было для него скорѣе опытомъ, чѣмъ дѣломъ, и въ заключеніе онъ не былъ имъ доволенъ. Только русскій могъ въ такой мѣрѣ возстановить первобытную свѣжесть искусства и въ то же время наполнить его современными идеями; только русскій могъ, достигнувъ тріумфа, отказаться отъ него ради болѣе далекаго идеала. Толстой послѣдняго

періода напоминалъ тѣхъ восточныхъ царей, которые на высотѣ своей власти и славы превращались въ отшельниковъ или философовъ. Ибо Россія находится на границѣ Азіи, и она слышитъ яснѣе, чѣмъ остальная Европа, непрерывный шопотъ съ Востока о томъ, что душа человѣка не можетъ удовлетворяться могуществомъ и славою. Но онъ былъ наполовину и европейцемъ, ибо онъ не могъ самъ удалиться въ спокойное одиночество; и когда онъ призналъ безполезнымъ передавать въ разсказахъ свои наблюденія надъ міромъ, онъ продолжалъ разсказывать исторію своей собственной души и старался убѣдить людей въ необходимости искать правды, какъ онъ ее искалъ. Онъ не могъ достигнуть восточнаго спокойствія, но искалъ свѣжаго опыта до конца и готовъ былъ мѣнять и расширять свои взгляды до самой своей смерти. Онъ не былъ разъ навсегда обращенъ въ извѣстную вѣру; и только въ отвѣтъ на новое внушеніе онъ покинулъ свой домъ—и умеръ послѣ заключительнаго акта послушанія своей совѣсти, которая въ немъ всегда работала и возрастала".

Обстоятельный этюдъ Анатоля Леруа-Больё, въ послѣдней декабрьской книжкѣ „Revue des deux Mondes" (отъ 15-го декабря), дополняетъ и поясняетъ многое изъ того, что оставалось недосказаннымъ въ большинствѣ западно-европейскихъ отзывовъ о Толстомъ. Леруа-Больё откровенно признаетъ, что Левъ Толстой, будучи несомнѣнно величайшимъ писателемъ нашего времени, обязанъ своею исключительно-широкою славою и популярностью не столько своему геніальному художественному творчеству, сколько своимъ неутомимымъ нравственнымъ исканіямъ и стремленіямъ. „Ни одинъ изъ писателей не проникъ такъ глубоко въ народныя массы. Отъ одного конца Европы до другого, для всякаго мыслящаго человѣка въ народѣ, для всякаго „сознательнаго работника" онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ сверхъ-человѣка, всѣми почитаемымъ кумиромъ, къ которому обращались благоговѣйныя чувства толпы... Великимъ творцомъ всемірной славы Толстого былъ не писатель-художникъ, а мечтатель, теоретикъ, смѣлый реформаторъ, поздно пробудившійся въ немъ и мало-по-малу замѣнившій прежняго могучаго романиста". Леруа-Больё посѣтилъ Л. Н. Толстого въ Яспой Полянѣ, въ маѣ 1905-го года, и тогда уже убѣдился, что великій писатель „пребывалъ въ нравственномъ одиночествѣ среди своей семьи". Его бѣгство изъ роднаго дома передъ смутно ожидаемымъ концомъ—это „жестъ трагическаго величія, придающій его смерти трогательную красоту легенды,—жестъ неожиданный и тревожный для насъ, современныхъ людей стараго Запада". Какъ писатель, Толстой былъ великій реалистъ; но „какая громадная разница между нимъ и большинствомъ нашихъ западныхъ реалистовъ! У него никогда не найдется никакой

грубости, никакого неприличія; онъ остается цѣломудреннымъ при описаніи самыхъ жаркихъ порывовъ страсти и самыхъ смѣлыхъ и рискованныхъ сценъ". Онъ не довольствовался яркимъ и правдивымъ изображеніемъ внѣшней жизни людей и ихъ особенностей, но всегда проникалъ въ ихъ психику, при чемъ получаются цѣльные образы, оставляющіе у насъ впечатлѣніе настоящихъ живыхъ людей. Поразительное богатство разнородныхъ типовъ въ романахъ и разсказахъ Толстого ставитъ его, какъ художника, далеко впереди всѣхъ современныхъ писателей западной Европы. Но, какъ мыслитель и моралистъ, онъ не удовлетворяетъ французскаго писателя; онъ представляется ему недостаточно подготовленнымъ въ научномъ отношеніи искателемъ новыхъ путей. А между тѣмъ именно въ этомъ неустанномъ исканіи высшей правды, не разгаданной и не могущей быть разгаданною никакою наукою, заключается нравственное величіе Толстого, по признанію самого Леруа-Больё.

Л. С.

СЛАБЫЙ ЛУЧЪ СВѢТА ВЪ ГЛУБОКОЙ ТЬМѢ

Этотъ лучъ блеснулъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 18-го декабря, когда законопроектъ объ отмѣнѣ правоограниченій, связанныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана, былъ принятъ, почти въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ Думы, большинствомъ верхней палаты. Все заставляло ожидать противоположнаго результата: общій тонъ отношеній, установившихся между обоими законодательными собраніями, непріязненный пріемъ, встрѣченный въ Государственномъ Совѣтѣ другими вѣроисповѣдными законопроектами, заключеніе, къ которому пришла и при которомъ и послѣ новаго разсмотрѣнія дѣла осталась совѣтская коммиссія, упорство и горячность, съ которыми, въ теченіе трехдневныхъ преній, выступали противъ проекта представители духовенства и обычные лидеры большинства, наконецъ—систематически выдержанное безучастіе и даже отсутствіе министерства. И дѣйствательно, исходъ дѣла висѣлъ на волоскѣ: побѣду справедливости и государственнаго смысла рѣшило большинство всего въ четыре голоса (58 противъ 54), хотя принципіальные защитники проекта и сдѣлали уступку, согласясь на нѣкоторое—несравненно меньшее противъ предположеннаго коммиссіею—ограниче-

ніе правъ въ случаяхъ *лишенія* сана (но не въ случаяхъ добровольнаго отъ него отказа).

Мы говоримъ о побѣдѣ государственнаго смысла. Она выразилась въ томъ, что большинство Государственнаго Совѣта устояло противъ аргументаціи, относившей настоящій вопросъ къ вѣдѣнію церкви, а не свѣтскихъ учрежденій. Не можетъ, повидимому, быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ область церковнаго законодательства и управленія не входитъ опредѣленіе участи тѣхъ, кто пересталъ принадлежать къ составу духовенства и перешелъ въ разрядъ обыкновенныхъ гражданъ. Только свѣтская власть компетентна въ установленіи правъ, которыми они должны или не должны пользоваться; только она можетъ рѣшить, требуется ли, въ интересахъ народа и государства, принятіе по отношенію къ нимъ какихъ-либо мѣръ предохранительнаго или, тѣмъ болѣе, карательнаго характера. Что касается до церкви, то для нея, казалось бы, не только нѣтъ повода удерживать въ средѣ духовенства людей, тяготящихся священнымъ саномъ, но наоборотъ, есть полное основаніе желать удаленія ихъ изъ этой среды, какъ потерявшихъ настроеніе, необходимое для правильнаго исполненія налагаемаго ею долга. Между тѣмъ, чѣмъ невыгоднѣе, въ силу закона, положеніе слагающихъ съ себя духовный санъ, чѣмъ значительнѣе правоограниченія, которыя имъ угрожаютъ, тѣмъ труднѣе порвать съ положеніемъ, съ которымъ больше не связываетъ сердечное влеченіе; тѣмъ вѣроятнѣе, слѣдовательно, увеличеніе числа лицъ, тяготящихся духовнымъ званіемъ, неохотно, безъ энергіи, можетъ-быть даже безъ внутренняго убѣжденія исполняющихъ сопряженныя съ нимъ обязанности, и, конечно, скорѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ для церкви, которой они служатъ устами, но не сердцемъ. Все это было прекрасно выяснено членами Государственнаго Совѣта Донецкимъ и Кони — и тѣмъ не менѣе главнымъ доводомъ защитниковъ правоограниченій до конца оставался интересъ церкви. Когда принятіе поправокъ, предложенныхъ Н. С. Таганцевымъ [1]), грозило опрокинуть постройку, надъ возведеніемъ которой такъ усердно трудилось большинство коммиссіи, докладчикъ коммиссіи—бывшій товарищъ синодальнаго оберъ-прокурора,—сдѣлалъ послѣднюю попытку склонить Государственный Совѣтъ къ отклоненію видоизмѣненнаго проекта. Этотъ проектъ — воскликнулъ г. Саблеръ—„идетъ въ разрѣзъ съ пользою православной церкви. Если онъ получитъ силу закона, священство будетъ поставлено въ невозможныя условія. Рѣчь идетъ объ особомъ вѣдомствѣ, которое имѣетъ свои особые интересы, и законодатель долженъ при-

[1]) Эти поправки были приняты: одна—большинствомъ 59 голосовъ противъ 57, другая—60 противъ 54.

слушиваться къ этимъ интересамъ". Не знаемъ, можетъ быть—хотя и это трудно себѣ представить—*вѣдомство*, во главѣ котораго такъ долго, вмѣстѣ съ К. П. Побѣдоносцевымъ, стоялъ г. Саблеръ, заинтересовано въ обездоленіи нѣсколькихъ десятковъ „несчастныхъ" (по выраженію одного изъ епископовъ, засѣдающихъ въ Государственномъ Совѣтѣ) людей, ежегодно слагающихъ съ себя духовный санъ; но если такъ, то интересы вѣдомства, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не совпадаютъ съ интересами *церкви*. Не случайно епископъ Никонъ, отстаивая мнѣніе большинства коммиссіи, старался доказать заинтересованность, въ данномъ вопросѣ, какъ церкви, такъ и государства; но чтобы достигнуть цѣли, онъ долженъ былъ назвать слагающихъ съ себя духовный санъ „опорочившими себя наклонностью къ измѣнѣ торжественно данныхъ предъ Богомъ обѣтовъ *въ угоду собственнымъ своимъ страстямъ*",—между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ причины выхода изъ среды духовенства могутъ быть и бываютъ весьма различныя, часто не бросающія ни малѣйшей тѣни на нравственность выходящаго, иногда даже говорящія прямо о высокомъ ея уровнѣ.

Очень любопытны взгляды, высказанные, мимоходомъ, двумя противниками отмѣны правоограниченій. „Управлять государствомъ"—воскликнулъ П. Н. Дурново—„есть дѣло суровое; сама справедливость уступаетъ передъ требованіемъ государственныхъ высшихъ интересовъ. Недаромъ въ понятіяхъ нашего народа царь долженъ быть грозенъ, но милостивъ—сперва грозенъ, а потомъ уже милостивъ... Чувствами при рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ я никогда не руководился". Идея о какихъ-то „высшихъ государственныхъ интересахъ", передъ которыми должна отступать справедливость, не нова: самое полное и прямолинейное выраженіе свое она нашла въ принципѣ raison d'état, еще недавно господствовавшемъ въ политикѣ и въ правѣ, но оказавшемся палкою о двухъ концахъ и можетъ-быть именно потому потерявшемъ кредитъ даже въ средѣ такъ называемыхъ практическихъ государственныхъ дѣятелей. Конечно, и справедливость можетъ быть понимаема весьма различно; но все-же, подчиняя ей свои дѣйствія, признавая ея верховенство надъ пользой, надъ „интересами" цѣлаго—сплошь и рядомъ отождествляемыми и смѣшиваемыми съ интересами той или другой его части,—меньше рискуешь погрязнуть въ требованіяхъ себялюбія и рутины. Обманчивымъ руководителемъ можетъ быть и чувство, если оно — не больше чѣмъ чувствованьице, чѣмъ сантиментальная слащавость; но если глубокъ его источникъ, если высокъ его предметъ, то свѣточемъ на пути законодательства и управленія оно можетъ служить гораздо лучшимъ, чѣмъ разыскиванье подлежащаго охранѣ „высшаго государственнаго интереса". И по-

чему управленіе должно быть непремѣнно *суровымъ*? Не правильнѣе ли ограничить примѣненіе этого термина только нѣкоторыми отраслями администраціи, да и то въ ихъ настоящемъ, далеко несовершенномъ, а отнюдь не въ ихъ идеальномъ видѣ? Суровой, скорѣе всего, можетъ быть полицейская власть; но развѣ суровость составляетъ отличительную черту англійской полиціи?.. Что касается до русскаго народнаго изреченія, разстановкѣ словъ въ которомъ, по всей вѣроятности—случайной, П. Н. Дурново придаетъ какое-то особое, чуть не мистическое значеніе, то не сложилось ли оно въ тѣ времена, когда народъ, угнетенный крѣпостнымъ правомъ, невольно вносилъ въ понятіе о власти, даже верховной, свой повседневный опытъ: свою боязнь передъ грознымъ настроеніемъ барина—и свою надежду на его милость? Гдѣ мысль привыкла вращаться между этими двумя полюсами, тамъ, конечно, остается мало мѣста для представленія о справедливости; но не пора ли, наконецъ, водворить его въ народную мысль, какъ и въ народную жизнь?

„Ни одна палата въ мірѣ"—читаемъ мы въ рѣчи гр. С. Ю. Витте—„не можетъ не считаться съ мнѣніемъ правительства. Я бы желалъ знать мнѣніе правительства, но я его не знаю... Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые находятъ, что, разъ правительство отвѣчаетъ за дѣло, то должно въ извѣстной степени считаться съ правительствомъ, и если правительство скажетъ, что такой-то проектъ оно не одобряетъ, то я нахожу, что данный законопроектъ и не можетъ быть проведенъ въ настоящее время, и я склоненъ буду къ мнѣнію правительства". Еслибы взглядъ гр. Витте восторжествовалъ, то задача законодательныхъ собраній была бы значительно упрощена: имъ стоило бы только внимательно прислушиватѣся къ тому, что скажетъ правительство—и отклонять все то, съ чѣмъ оно несогласно. Неизвѣстно только, какъ далеко распространяетъ гр. Витте рекомендуемую имъ тактику. Примѣнима ли она, по его мнѣнію, къ тѣмъ случаямъ, когда правительство чего-нибудь желаетъ, что-либо проводитъ? Нужно ли и тогда „считаться" съ нимъ, безпрекословно повинуясь его указаніямъ? Не думаемъ, чтобы гр. Витте далъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, хотя логически онъ вытекаетъ изъ выставленной имъ предпосылки: не думаемъ потому, что тогда проще всего было бы упразднить всякія законодательныя собранія—а это едва ли входило бы въ виды составителя доклада, результатомъ котораго явился манифестъ 17-го октября. Конечно, палаты вездѣ „считаются съ министерствомъ"; но министерство вездѣ, въ свою очередь, „считается" съ палатами—вездѣ, даже тамъ, гдѣ управленіе страною носитъ конституціонный, но не парламентарный характеръ. Для такихъ взаимныхъ „счетовъ" необходимо, прежде всего, взаимодѣйствіе — а первымъ

шагомъ къ взаимодѣйствію служитъ обмѣнъ мыслей. Палата всегда должна знать, что̀ думаетъ, какъ намѣрено поступить министерство. Съ этой точки зрѣнія совершенно понятно недоумѣніе гр. Витте, въ виду не только молчанія, но и отсутствія, въ самый разгаръ преній, *всѣхъ* членовъ объединеннаго кабинета. Неудивительно, что оно даетъ поводъ ко всякаго рода слухамъ—и судьба законопроекта, по которому почти навѣрное состоится окончательное соглашеніе между Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ, является недостаточно обезпеченною. При условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ, все возможно: возможно, слѣдовательно, и то, что скромная реформа, проведенная съ такимъ трудомъ, осуществлена не будетъ, и свѣтлый лучъ, появленіе котораго мы привѣтствовали въ началѣ нашей статьи, потухнетъ, не дойдя по назначенію.

Пренія 15—18 декабря, по обычаю, установившемуся въ Госуд. Совѣтѣ, не прошли безъ столкновенія между предсѣдателемъ и однимъ изъ членовъ Совѣта. Графъ С. Ю. Витте сказалъ о себѣ, въ своей рѣчи, что онъ—*чиновникъ*. А. Ѳ. Кони, возражая ему, хотѣлъ объяснить, почему чиновникомъ, въ специфическомъ смыслѣ слова, графа Витте считать нельзя. Предсѣдатель остановилъ А. Ѳ. Кони слѣдующими словами: „Я покорнѣйше просилъ бы васъ о личности не говорить, потому что, если что-нибудь самъ говорящій скажетъ о себѣ, это не есть причина подвергать его критикѣ, это переходитъ на личность". На замѣчаніе А. Ѳ., что онъ не думалъ задѣвать личности гр. Витте, предсѣдатель возразилъ: „Какое значеніе придаетъ себѣ гр. Витте, къ дѣлу не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія и разбирать этотъ вопросъ *по меньшей мѣрѣ неумѣстно*". Оставляя въ сторонѣ послѣднія, подчеркнутыя нами слова, которымъ очень легко можетъ быть данъ смыслъ оскорбительный для остановленнаго оратора, замѣтимъ, что обсуждать и опровергать оцѣнку, данную самому себѣ кѣмъ-нибудь изъ членовъ законодательнаго собранія, безспорно въ правѣ всѣ остальные, разъ что этого требуетъ ходъ преній; нужно только, чтобы при этомъ была соблюдена должная сдержанность и корректность, чтобы личному элементу не было дано слишкомъ много мѣста, въ ущербъ сущности дѣла и спокойствію собранія. Представимъ себѣ, напримѣръ, что ораторъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, ссылается на опытъ, вынесенный имъ изъ разныхъ обстоятельствъ его жизни; неужели ему нельзя возразить, что именно этотъ опытъ долженъ былъ привести его—и дѣйствительно когда-то приводилъ—къ противоположному убѣжденію? Или кто-нибудь, многократно переходившій изъ одной партіи въ другую, станетъ утверждать, что всегда оставался вѣренъ однажды избранному знамени; неужели, отвѣчая ему, нельзя будетъ возстановить истинный ходъ событій? Совершенно отдѣлять человѣка отъ выска-

зываемыхъ имъ взглядовъ невозможно, да и не нужно, потому что политическая борьба ведется, въ концѣ концовъ, между людьми, облеченными въ плоть и кровь, а не между абстрактными формулами. Въ данномъ случаѣ для вмѣшательства предсѣдателя было тѣмъ менѣе основаній, что А. Ѳ. Кони, очевидно, вовсе не намѣревался подвергать критикѣ „личность“ гр. Витте; судя по сказаннымъ имъ словамъ, можно скорѣе предположить, что онъ хотѣлъ выдѣлить бывшаго предсѣдателя совѣта министровъ изъ массы „чиновниковъ“, къ которой тотъ себя причислилъ. Съ такимъ ходомъ мысли нетрудно было связать опроверженіе взглядовъ графа Витте на отношенія между палатой и министерствомъ—а эти взгляды прямо касались предмета преній Госуд. Совѣта... Незадолго до прерванной рѣчи А. Ѳ. Кони говорилъ протоіерей Буткевичъ, стараясь подорвать авторитетъ протоіерея Горчакова, записка котораго, напечатанная послѣ его смерти [1]), нанесла чувствительный ударъ защитникамъ правоограниченій. Указано было, между прочимъ, на то, что одну изъ своихъ ученыхъ степеней покойный протоіерей-профессоръ получилъ „не въ родной, петербургской духовной академіи, а въ кіевской“. Намъ кажется, что къ этой рѣчи предсѣдательская власть могла бы быть примѣнена съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ, чѣмъ къ словамъ А. Ѳ. Кони: она прямо касалась *личности* М. И. Горчакова, выставляя въ невыгодномъ свѣтѣ его ученую карьеру. Правда, протоіерей Буткевичъ говорилъ не объ одномъ изъ присутствовавшихъ членовъ Госуд. Совѣта, а о бывшемъ товарищѣ своемъ, сошедшемъ въ могилу; но не было ли это мотивомъ скорѣе въ пользу, чѣмъ противъ вмѣшательства предсѣдателя?...

Дальнѣйшая судьба законопроекта будетъ имѣть симптоматическое значеніе. Онъ можетъ стать поворотной точкой въ судьбѣ реформъ, предпринятыхъ послѣ 17-го октября—или еще больше углубить ихъ могилу.

К. Арсеньевъ.

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1910-ый годъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

Чему служитъ показателемъ возникшее движеніе среди студенчества? — Университетъ, какъ зеркало.—Академизмъ.—Кто, въ кого и зачѣмъ стрѣлялъ въ Одессѣ?— Возрожденіе предварительной цензуры. — Нижегородскій губернаторъ о тенденціозномъ подборѣ книгъ. — Отповѣдь сенату генерала Думбадзе. — В. А. Карауловъ, гр. Д. М. Сольскій, С. В. Пахманъ, П. Н. Тарновская, бар. Д. Г. Гинцбургъ †.

На грани наступающаго года что-то произошло. Что̀ именно—съ точностью формулировать пока невозможно. Но что въ воздухѣ потянулись какія-то струи вѣтра, заколебавшія какъ будто атмосферу — это чувствуется достаточно опредѣленно. Даже „Голосъ Москвы“, говоря о „господствующемъ вокругъ успокоеніи“, слово „успокоеніе“ сталъ заключать въ ироническія кавычки. Если не поддается формулировкѣ происшедшее, то тѣмъ менѣе возможны предсказанія. Быть можетъ, струи вѣтра безслѣдно и быстро разсѣются, и общественно-политическая атмосфера снова вернется въ состояніе неподвижности и апатіи. Быть можетъ, колебаніе атмосферы будетъ столь мимолетнымъ, что вовсе не окажетъ освѣжающаго дѣйствія. Но нельзя отрицать и иной возможности. Быть можетъ, новый годъ принесетъ съ собою серьезный переломъ, если не въ ходѣ нашей общественной жизни, то въ теченіяхъ общественнаго настроенія.

Со свойственнымъ ему пониманіемъ общественныхъ явленій и событій, г. Пуришкевичъ относитъ движеніе, вдругъ такъ рѣзко выразившееся среди студенческой молодежи, цѣликомъ на счетъ личности новаго министра народнаго просвѣщенія, г. Кассо. „Въ данный моментъ—говорилъ въ Думѣ бессарабскій депутатъ—самое величайшее зло и самое величайшее изъ всѣхъ тѣхъ безобразій, которыя творятся въ высшей школѣ, это не панургово стадо студенчества, это не профессора, которые почувствовали, что вожжи распущены, а управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, не знающій, на какомъ стулѣ ему сидѣть“. По одному изъ оффиціальныхъ сообщеній, „незаконныя студенческія сходки, для прекращенія которыхъ неоднократно приходилось вводить полицію въ учебныя заведенія и прибѣгать къ мѣрамъ полицейскаго воздѣйствія“, явились слѣдствіемъ „вліянія студенческихъ организацій соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ“. Оба приведенныя объясненія столько же однородны, сколько и привычны для русскаго слуха. Во-первыхъ, они трактуютъ студенческое движеніе не какъ показатель, а какъ явленіе самостоятельное

и внѣшнее, зависящее отъ внѣшнихъ причинъ. Во-вторыхъ, въ нихъ слишкомъ ясно звучатъ подсказывающія объясненіе желанія: для г. Пуришкевича—свалить министра, посѣтившаго могилу С. А. Муромцева, для правительства—оправдать новыя репрессіи. Репрессіи, съ точки зрѣнія „конституціонно"-правительственной политики, сначала неуклонно проводившейся во имя будущихъ реформъ, а нынѣ проводимой во имя полицейскаго благополучія, какъ цѣли,—суть все: въ репрессіяхъ—начало и конецъ всѣхъ мѣропріятій. И вторая половина цитированнаго сообщенія ничего другого въ себѣ не заключала, кромѣ оповѣщенія о рѣшеніи совѣта министровъ использовать ст. 158 учрежденія министерствъ для сверхзаконнаго исключенія студентовъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній [1]), т.-е. помимо установленнаго для того порядка: безъ дисциплинарнаго профессорскаго суда и безъ установленія виновности исключаемаго, а на основаніи „подозрѣнія". Эти объясненія, съ другой стороны, заранѣе предрѣшаютъ и дальнѣйшее—на случай, если колебаніе общественно-политической атмосферы не остановится. Мысль о необходимости созданія положительныхъ устоевъ и о преобразовательной работѣ, хоть на шестой годъ послѣ возвѣщеннаго „обновленія", конечно, не придетъ въ голову ни націоналистамъ, ни Пуришкевичамъ, Шульгинымъ и Марковымъ, ни тѣмъ, въ чьихъ рукахъ „всемѣрная" полнота власти. Будутъ требованія смѣны министровъ. Будутъ все новыя и новыя репрессіи. Будутъ еврейскіе погромы. „Въ Одессѣ пахнетъ погромомъ"—говорилъ 17-го декабря въ Думѣ г. Шульгинъ.—„Примите это къ свѣдѣнію,—предупреждалъ онъ,—выслушайте мои слова и передайте куда слѣдуетъ: всякая революція въ Россіи пройдетъ по еврейскимъ трупамъ". По словамъ г. Шульгина, это неизбѣжно, вслѣдствіе закона детонаціи...

Университетъ, въ лицѣ студенчества, — писалъ полвѣка назадъ Н. И. Пироговъ,—есть „зеркало" и „перспектива" общества; университетъ—„лучшій барометръ". Недавно пережитые и переживаемые годы несчетное число разъ подтверждали безспорную справедливость этихъ словъ. Нынѣшнія же университетскія событія—въ Петербургѣ, въ Москвѣ, особенно въ Одессѣ—съ исключительной яркостью и живостью отразили если пока еще не наростающее, то зарождающееся общественное движеніе, съ одной стороны, и его психологическое объясненіе—съ другой. Эти событія, въ Одессѣ уже имѣвшія кровавый характеръ, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Но, конечно, они заслу-

[1]) Ст. 158. „Въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, требующихъ высшаго разрѣшенія, когда не можетъ оно быть отлагаемо безъ важнаго вреда или государственнаго ущерба, министры уполномочиваются дѣйствовать всѣми ввѣренными имъ способами, не ожидая для сего разрѣшенія; но они обязаны доносить въ то же время о принятыхъ ими мѣрахъ и о причинахъ ихъ настоятельности".

живаютъ вниманія не потому, что г. Кассо не знаетъ, „на какомъ стулѣ ему сидѣть“, и не потому, что усилилось вліяніе крайнихъ лѣвыхъ студенческихъ организацій. Допустимъ, что и то, и другое вѣрно. Суть вопроса, само собою разумѣется, въ причинахъ усиленія революціонныхъ вліяній, а не въ томъ, что они были слабы и вдругъ усилились. Неразрѣшенныя университетскія сходки, приподнятый тонъ раздававшихся на нихъ рѣчей, попытки демонстрацій внѣ стѣнъ университета заслуживаютъ особеннаго вниманія тѣмъ, что ихъ внутренняя причина сказалась очень ясно. Она—въ томъ самомъ законѣ детонаціи, на основаніи котораго г. Шульгинъ предвѣщаетъ еврейскіе погромы. „Академизмъ“ глубоко внѣдрился въ университетскую жизнь и держитъ студенческія массы—„панургово стадо студенчества“—въ томъ состояніи постояннаго напряженія, въ которомъ струны начинаютъ звенѣть безъ прикосновенія. Академизмъ—теченіе боевое. Этого не скрываютъ ни сами академисты, ни тѣ, кто, по словамъ г. Шульгина, „посылаютъ“ ихъ въ университеты и говорятъ: „будьте безстрашны, осторожны, терпите, сколько можете, а если васъ захотятъ бить, то стрѣляйте, потому что гораздо лучше видѣть васъ мертвыми, чѣмъ видѣть васъ съ пощечинами“. Когда въ безоружную, случайно собравшуюся, толпу входятъ люди съ револьверами — не органы власти, не оффиціальные блюстители порядка, а такіе же, какъ всѣ, участники толпы, вооружившіеся на случай что ихъ „захотятъ бить“,—и когда толпа эта знаетъ, то боевою предусмотрительностью этихъ людей даже случайная толпа невольно заражается. Когда же на лекціяхъ и въ университетскихъ корридорахъ, среди тысячъ студентовъ, ежедневно ходятъ такіе студенты, про которыхъ всѣмъ извѣстно, что они „безстрашны“ и готовы каждую минуту свое безстрашіе доказать—доносомъ въ полицію или револьверомъ, заранѣе гарантированнымъ въ ихъ рукахъ отъ отвѣтственности за стрѣльбу,—то, въ концѣ концовъ, эта вѣчная угроза безстрашіемъ не можетъ не вызвать отзвука въ безстрашіи съ другой стороны.

Академизмъ, какъ явленіе современной университетской жизни, прошелъ черезъ рядъ моментовъ послѣдовательнаго развитія. Зародился онъ въ дни революціи и былъ протестомъ противъ эксцессовъ увлеченія политикой. Его девизомъ служило отрицаніе политики. Въ настоящее время академизмъ есть политическое теченіе въ самомъ подлинномъ видѣ. Чтобы въ этомъ отношеніи отпали всякія сомнѣнія, достаточно вспомнить имена устроителей клубовъ академистовъ, текстъ телеграммъ, которыя въ торжественные дни эти клубы посылаютъ, и тосты, возглашаемые академистами по различнымъ поводамъ. Г. Пуришкевичъ, въ обвинительной рѣчи противъ г. Кассо, дѣлалъ слѣдующее противопоставленіе: новый министръ народнаго просвѣщенія прини-

малъ „такихъ революціонеровъ, какъ покойный Фаусекъ“, и „утвердилъ деканомъ историко-филологическаго института Бодуэна де-Куртенэ“; „академическія корпораціи, одобренныя самимъ П. А. Столыпинымъ, не могутъ добиться утвержденія устава“. Въ Москвѣ, какъ писало „Утро Россіи“, недавно происходило учредительное собраніе новаго клуба академистовъ. На этомъ собраніи были точно указаны задачи академической организаціи и клуба: „активная борьба съ забастовками и безпорядками въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, активное преслѣдованіе лѣвыхъ группъ студенчества и пропаганда принциповъ программы правыхъ партій“.

Но то, что академизмъ сталъ теченіемъ безусловно политическимъ, еще не вполнѣ его характеризуетъ. Во-первыхъ, это теченіе искусственно, при содѣйствіи власти, въ университеты насаждается. Во-вторыхъ, оно, среди другихъ политическихъ теченій, имѣетъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ монопольное право на существованіе и ревниво это свое право оберегаетъ. Наконецъ, въ-третьихъ, академизмъ въ „активной“ борьбѣ съ забастовками и въ „активномъ преслѣдованіи“ лѣвыхъ студенческихъ группъ усвоилъ такіе способы дѣйствій, которые обратили академистовъ въ „сотрудниковъ“ наружной и тайной полиціи, а академизмъ — въ систему сыска, именуемую на полицейскомъ языкѣ „внутреннимъ наблюденіемъ“.

Въ Одессѣ градоначальникомъ было разрѣшено устройство спектакля и лекцій въ пользу неимущихъ слушательницъ высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы пособія выдавались только тѣмъ курсисткамъ, которыя выдадутъ подписку, что будутъ „строго поддерживать въ стѣнахъ курсовъ начала академизма“ и не будутъ участвовать въ нелегальныхъ собраніяхъ и организаціяхъ. Кто знаетъ, какъ велика степень нужды среди нашей учащейся молодежи, тому нечего подчеркивать психологическое значеніе такого распоряженія. Мало того, что для помощи поддерживающимъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній „начала академизма“ устраиваются, при энергичномъ содѣйствіи властей, всевозможныя увеселенія. Мало того, что для академистовъ существуютъ „темныя деньги“, идущія, какъ въ Москвѣ, отъ „крупныхъ жертвователей, имена которыхъ усиленно скрываются“. Но и чуждающимся академизма говорятъ: „хотите устраивать въ пользу неимущихъ товарищей спектакли и лекціи—устраивайте только подъ „непремѣннымъ“ условіемъ: собранныя вами деньги могутъ быть выдаваемы лишь академистамъ и академисткамъ“. Въ Нижнемъ-Новгородѣ никакихъ высшихъ учебныхъ заведеній нѣтъ. Но и тамъ „вслѣдствіе происходящихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядковъ и забастовокъ“, губернаторомъ предложено „полиціймейстеру и уѣзднымъ

исправникамъ временно, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, въ случаѣ обращенія за разрѣшеніемъ устройства какихъ-либо публичныхъ увеселеній, спектаклей, чтеній и проч. въ пользу недостаточныхъ учащихся означенныхъ заведеній, *кромѣ академическихъ группъ*, таковыхъ не разрѣшать".

Въ началѣ ноября на страницахъ „Рѣчи" были послѣдовательно напечатаны два письма въ редакцію: одно—отъ имени „бюро пензенскаго землячества", другое—за подписью четырехъ студентовъ-академистовъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга. 30-го октября къ студенту-пензяку пришло нѣсколько студентовъ и курсистокъ для переговоровъ о приглашеніи артистовъ на предстоящій концертъ-балъ. Вслѣдъ за ними пришли академисты и, какъ непрошенные гости, были приняты товарищемъ хозяина не въ той комнатѣ, гдѣ всѣ сидѣли. Они стали требовать, чтобы ихъ пустили туда. Имъ отказали. Тогда они заявили, что у хозяина „жидовское собраніе", и позвали дворника. Послѣ дворника былъ призванъ городовой, который пригласилъ всѣхъ студентовъ въ участокъ. „Въ участкѣ—значится въ письмѣ „бюро"—эти „товарищи" откровенно заявили, что они явились въ квартиру земляковъ, узнавъ, что тамъ происходитъ якобы незаконное собраніе, и въ качествѣ „русскихъ людей" сочли своимъ долгомъ извѣстить объ этомъ полицію. На вопросъ пристава, желаютъ ли они составить протоколъ, — они отвѣтили, что извѣщаютъ только о фактѣ незаконнаго собранія, а остальное возлагаютъ на полицію". Въ письмѣ академистовъ говорится, что бюро пензенскаго землячества изложило эпизодъ „въ безусловно искаженнымъ видѣ". Въ сущности, же однако, частью умолчаніемъ, частью ими самими написаннымъ, они только подтвердили изложеніе. О томъ, что происходило въ участкѣ, — кто и что тамъ заявлялъ, — въ ихъ письмѣ нѣтъ ни звука. Не пишутъ они и о томъ, кто позвалъ дворника. О цѣли же своего непрошеннаго визита они заявляютъ: „узнавъ, что на 30-ое октября назначено собраніе (!) пензенскаго землячества и то, что на него приглашены многіе изъ знакомыхъ намъ студентовъ-пензяковъ, мы, нижеподписавшіеся, рѣшили туда отправиться съ цѣлью выяснить вопросъ, почему насъ, пензяковъ, не только не пригласили на собраніе, но даже старательно скрывали отъ насъ фактъ, что оно должно состояться". Этотъ мелкій эпизодъ служитъ характерной иллюстраціей нравовъ, внѣдрившихся въ студенческую среду.

Доносъ и сыскъ возведены академизмомъ въ доблесть, чуть не въ культъ. У академистовъ есть клубы, но они въ нихъ не сидятъ. Они идутъ туда, куда ихъ не приглашаютъ, они стремятся проникнуть въ комнаты, въ которыя ихъ не пускаютъ, они шумно заявляютъ претензію знать то, что отъ нихъ скрываютъ. Они—открытые „сотруд-

ники“ сыска, требующіе, чтобы объекты ихъ „наблюденія“ сами раскрывали передъ ними всѣ двери. Собралась въ университетскомъ корридорѣ кучка студентовъ—два-три академиста тутъ непремѣнно. Стала кучка расти—они бѣгутъ съ докладомъ о незаконномъ сборищѣ университетской администраціи и на телефонъ: сообщить въ полицію. На неразрѣшенныя сходки академисты приходятъ первыми. Ихъ ораторы обязательно говорятъ рѣчи, но не по существу обсуждаемыхъ вопросовъ, а на темы, формулируемыя словами: „нельзя“, „не позволяемъ“, „не имѣете права“. Если во время сходки передъ зданіемъ университета стоитъ нарядъ полиціи, академисты оповѣщаютъ его о всемъ, происходящемъ внутри университетскихъ стѣнъ. Они даютъ полиціи сигналы. Во время одной изъ недавнихъ сходокъ въ петербургскомъ университетѣ, студентъ-союзникъ выбѣжалъ изъ актоваго зала и, пробѣгая мимо группы товарищей по гимназіи, кричалъ: „бѣгу звать полицію!“ На другой день эти товарищи ему не подали руки. Академистъ-союзникъ отвѣтилъ угрозой доноса. И—кто знаетъ!—если онъ угрозу исполнилъ, пройдетъ ли благополучно для неподавшихъ ему руку, не сегодня, такъ завтра, эта „дерзость“. „Сотрудникъ“, требующій, чтобы его уважали—таковъ типъ современнаго академиста-студента.

Гдѣ сыскъ и доносъ возведены въ доблесть и систему, тамъ на русской почвѣ одинъ шагъ до азефовщины и провокаціи. И академизмъ этотъ шагъ сдѣлалъ. Упрекая правительство въ томъ, что оно не приняло предупредительныхъ мѣръ противъ студенческаго движенія, г. Меньшиковъ, со свойственнымъ ему цинизмомъ, писалъ: „Послѣ архискандальныхъ исторій Азефа, Бакая и т. п. чрезвычайно трудно повѣрить, чтобы правительство не могло быть освѣдомлено о настроеніи студенчества въ первой половинѣ ноября, если бы пожелало быть освѣдомленнымъ“. 28-го ноября въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ была помѣщена статья князя Евгенія Трубецкого: „Къ запросу правыхъ въ Думѣ“. Авторъ ставилъ вопросы: чѣмъ была вызвана трехдневная забастовка въ московскомъ университетѣ и кому она понадобилась? „Отсутствіе какихъ-либо поводовъ и основаній въ этой забастовкѣ—писалъ кн. Трубецкой—дѣлаетъ ее не только загадочной, но и прямо *подозрительной*. Въ качествѣ мотива къ прекращенію занятій выставлялся арестъ товарищей, участвовавшихъ въ демонстраціи въ память Толстого. Но, повидимому, это былъ только предлогъ. Организаторы движенія, неоднократно бесѣдовавшіе съ представителями университетской администраціи и съ профессорами, прекрасно знали, что именно продолженіе безпорядковъ дѣлало невозможными какія-либо ходатайства со стороны университета за арестованныхъ. Вмѣсто того, чтобы спасать товарищей, они ими жертвовали“... „Поразительно, что въ числѣ

противниковъ забастовки на сходкахъ выступали представители лѣвыхъ организацій, которые и были освистаны вмѣстѣ съ другими". Далѣе кн. Е. Трубецкой ставилъ забастовку въ логическую связь съ подготовкой „Россіею" внесеннаго въ Думу запроса, — подготовкой, въ которой оффиціозъ занималъ совсѣмъ несвойственное ему положеніе въ рядахъ обвинителей правительства.

Словъ кн. Е. Трубецкого московскіе студенты, какъ извѣстно, не поняли, и сходка слѣдующаго дня отвѣтила на нихъ вотированіемъ порицанія. Но не прошло и двухъ недѣль, какъ Одесса доказала, въ какой мѣрѣ онъ былъ правъ, называя забастовку „подозрительной". Одесса занимаетъ первое мѣсто по примѣненію „истинно-русскихъ" пріемовъ воздѣйствія во всѣхъ областяхъ. Въ новороссійскомъ университетѣ академизмъ расцвѣлъ полнѣе и пышнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Тамъ на сторонѣ академизма стоитъ значительная часть профессуры. Тамъ академизмъ имѣетъ позади себя „крѣпкую руку" градоначальника Толмачева. Тамъ на „неподозрительной" сходкѣ уже была болѣе чѣмъ „подозрительная" стрѣльба, оплаченная жизнью несчастнаго студента Иглицкаго и свободою многихъ десятковъ арестованныхъ юношей.

О событіяхъ, разыгравшихся въ Одессѣ 5-го и 8-го декабря, имѣются два изложенія: оффиціальное, занесенное въ сообщеніе „Освѣдомительнаго бюро", опубликованное 11-го декабря, и изложеніе члена Государственной Думы А. И. Никольскаго. Разсказы мѣстныхъ газетъ служатъ только дополненіемъ къ первому, такъ какъ съ момента возникновенія событій для печати была установлена въ Одессѣ строжайшая цензура. Трудовой группѣ Государственной Думы сообщали изъ Одессы, что градоначальникъ лично цензируетъ корреспонденціи о событіяхъ въ университетѣ и что, по распоряженію градоначальника, „редакторы всѣхъ одесскихъ газетъ были приглашены въ управленіе полиціймейстера, гдѣ они подъ диктовку полиціймейстера писали замѣтки". Въ какой степени мѣстныя газеты вынуждены были давать односторонніе свѣдѣнія, съ желательнымъ для градоначальника освѣщеніемъ—видно изъ того, какъ описывали, напримѣръ, лѣвыя „Одесскія Новости" столкновеніе на балу студентовъ-академистовъ съ студентами-обструкціонистами. По описанію газеты выходитъ, что еслибы не ген.-м. Толмачевъ, то „разсвирѣпѣвшіе" академисты разорвали бы обструкціонистовъ. „Г.-м. Толмачевъ бросился въ самую гущу свалки"; „у ген. Толмачева оказались расцарапанными руки"; „съ большимъ трудомъ г.-м. Толмачеву удалось успокоить взволнованную публику". Этими и подобными фразами пересыпаны разсказы мѣстныхъ газетъ съ начала до конца. По оффиціальному сообщенію, виновные въ производствѣ обструкціи сту-

денты лѣваго направленія „были немедленно схвачены студентами и публикой и подверглись легкимъ побоямъ, но были затѣмъ освобождены изъ рукъ толпы бывшими на вечерѣ представителями власти и чинами полиціи". По свѣдѣніямъ, собраннымъ А. И. Никольскимъ, у студента Цвѣткова, какъ слѣдствіе „легкихъ" побоевъ, оказался вывихъ челюсти; у студента Дыхно—вывихъ сустава. Въ избіеніи, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, участвовали „чиновникъ особыхъ порученій при градоначальникѣ Скуридинъ, проф. Головинъ, секретарь совѣта университета Геричъ, студенты-академисты Андреевъ и Чарторыжкій и другіе".

Первоначальная агентская телеграмма изъ Одессы, отъ 8-го декабря, извѣщала, что когда, не смотря на требованіе университетскаго начальства, сходка не разошлась, то „прибывшій полиціймейстеръ, во главѣ усиленнаго наряда полиціи, направился въ зданіе, осыпаемый градомъ пуль изъ оконъ зданія; по приказанію полиціймейстера былъ данъ залпъ, послѣ чего стрѣльба изъ оконъ прекратилась". Въ тѣхъ же приблизительно выраженіяхъ сообщало о стрѣльбѣ по полиціи „Освѣдомительное бюро": „Прибывшій въ университетъ съ нарядомъ полиціи помощникъ пристава былъ встрѣченъ градомъ выстрѣловъ и вытѣсненъ во дворъ, причемъ во время перестрѣлки были ранены два студента, изъ коихъ одинъ тяжело. Подоспѣвшее въ это время къ полицейскому наряду подкрѣпленіе, съ полиціймейстеромъ во главѣ, было встрѣчено выстрѣлами изъ оконъ, на которые городовые, по приказанію полиціймейстера, отвѣчали тѣмъ же, а затѣмъ полиціймейстеръ силою проникъ въ университетъ черезъ главный входъ, группа же студентовъ около 30 человѣкъ бѣжала чрезъ боковыя двери. При этомъ нѣсколько городовыхъ и пытавшійся задержать убѣгавшихъ студентовъ сторожъ получили легкія поранения".

И, въ концѣ концовъ, отъ всей этой побѣдоносной боевой реляціи не осталась ничего кромѣ „залпа". Оказалось, что ни одинъ изъ полицейскихъ чиновъ, которыхъ осыпали „градомъ пуль", не получилъ огнестрѣльнаго пораненія. Оказалось, что, „отступая" изъ вестибюля зданія, чины полиціи вылѣзали въ окна, для чего разбивали стекла и осколками многіе порѣзали руки. Оказалось, что ни у одпого изъ задержанныхъ студентовъ лѣваго направленія не нашли никакого оружія и что „бѣжать черезъ боковыя двери" никто изъ нихъ не могъ, за отсутствіемъ боковыхъ выходовъ. Но выстрѣлы со стороны студентовъ были — были и въ аудиторіи, и въ вестибюлѣ. Только стрѣляли не студенты лѣваго направленія, а академисты, у которыхъ, по свидѣтельству г. Шульгина, всегда есть револьверы на случай если ихъ „захотятъ бить". Въ числѣ пятнадцати слушателей юридическаго факультета, они пришли слушать лекцію по химіи. Когда ихъ

„захотѣли бить", они стали стрѣлять. Когда участники сходки бросились въ вестибюль, академисты продолжали по нимъ стрѣлять. Полиціей ни одинъ академистъ не былъ задержанъ. Когда сходка была разсѣяна, академисты примкнули во дворѣ къ группѣ прибывшихъ къ мѣсту событій ректора и проректора университета, а также и градоначальника. „Здѣсь же, какъ удостовѣряетъ внесенный въ Думу запросъ, неизвѣстно въ какой роли, находился бывшій редакторъ „Одесской Резины", Глобачевъ, не имѣющій никакого отношенія къ университету. Какъ Глобачевъ, такъ и академисты, только что стрѣлявшіе въ студентовъ, издѣвались надъ студентами, когда ихъ переписывали и проводили по двору; Глобачевъ употреблялъ площадныя ругательства, показывалъ кулаки и говорилъ, что „всѣхъ васъ надо перевѣшать".

8-го декабря въ Одессѣ академизмъ раскрылъ всѣ карты и сказалъ свое послѣднее слово. „Есть ли—спрашиваетъ корреспондентъ „Школы и Жизни"—еще одно правленіе высшей школы въ Россіи, которое бы такъ открыто и беззастѣнчиво ставило всю громадную массу студенчества въ положеніе пасынковъ университета, любовно братаясь съ кучкой студентовъ-союзниковъ, потерявшихъ и тѣнь отличія отъ обыкновенныхъ полицейскихъ соглядатаевъ и рекомендуемыхъ чинамъ университетской администраціи, какъ „очень полезные для дѣла надзора студенты"? Другого такого правленія высшей школы пока нѣтъ. Надолго ли?.. Петербургскіе академисты въ послѣднемъ воззваніи къ „товарищамъ" (!), скромно приписывая себѣ продолженіе занятій въ университетѣ, писали: „Но до сихъ поръ со стороны профессуры не раздалось ни одного призыва къ прекращенію безпорядковъ, къ тому, чтобы студенчество обратилось отъ политики къ наукѣ. Мы, академисты, твердо рѣшили отстаивать свое право учиться, но впереди намъ хотѣлось бы видѣть своихъ руководителей-профессоровъ"... „Академизмъ, какъ оздоровляющее начало, вызываетъ непримиримую злобу". Эти слова принадлежатъ „Голосу Москвы". Да, академизмъ вызываетъ злобу и ненависть, и законъ детонаціи въ „зеркалѣ общества" уже далъ себя чувствовать. Внѣ стѣнъ высшихъ учебныхъ заведеній культъ сыска не такъ откровененъ и не такъ болѣзненно ощущается. Но принудительной политики, во имя отрицанія политики, и „охраннаго сотрудничества"—развѣ нѣтъ вездѣ и всюду?..

Съ незапамятныхъ временъ у насъ такъ велось, что всякія событія—большія и малыя—прежде всего отражались на печати. Такъ было при формальномъ господствѣ „исконныхъ началъ". Такъ осталось и въ „конституціонной" Россіи. Умеръ Л. Н. Толстой—на га-

зеты посыпались штрафы. Обнаружились истязанія заключенныхъ въ зерентуйской и вологодской тюрьмахъ—газеты обильно оплатили штрафами эти истязанія. Начались сходки и забастовки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—для газетъ опять штрафы. Въ связи съ студенческимъ движеніемъ возродилась и предварительная цензура — и не только въ Одессѣ. Одесса, правда, какъ и во всемъ, была и въ данномъ отношеніи впереди. Тамъ цензура, въ лицѣ градоначальника, не только вычеркивала и запрещала, но вмѣстѣ съ тѣмъ диктовала, что̀ должно писать. Въ другихъ мѣстахъ, въ порядкѣ охраны, была лишь возстановлена отмѣненная въ законодательномъ порядкѣ ст. 140 цензурнаго устава. Мы сказали: „въ порядкѣ охраны“. Слѣдовало бы сказать: „безъ всякаго порядка“, ибо какъ ни всеобъемлющи рамки полномочій по правиламъ усиленной и чрезвычайной охраны, но и въ нихъ никакъ нельзя включить возрожденіе 140-ой статьи.

У всѣхъ еще навѣрное въ памяти, какъ горячо привѣтствовалась въ дни свободы отмѣна этого закона, дававшаго министру внутреннихъ дѣлъ право разсылать запретительные циркуляры по редакціямъ, „если по соображеніямъ высшаго правительства найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности“. Едва на смѣну „дней свободы“ пришли дни „неуклонной законности“, правительство безъ труда нашло обходный путь возстановить циркулярные запреты, не трогая и не тревожа сложнаго законодательнаго механизма. Оно использовало телефонъ. Зачѣмъ посылать бумаги за подписью, съ номеромъ, съ печатью, когда есть телефонъ? Телефонный разговоръ былъ—и его нѣтъ. А бумага—документъ. Въ бумагѣ надо привести юридическое основаніе, бумагу надо подкрѣпить ссылкой на законъ, въ бумагѣ надо указать послѣдствіе неисполненія требованія. Дать въ руки редактору „лѣваго листка“ бумагу—онъ еще кляузу начнетъ. Предупредить по телефону—что̀ можетъ быть проще и лучше? Ибо результатъ одинъ: редакторъ самъ догадается о послѣдствіяхъ неисполненія предупрежденія. Ему очень хорошо извѣстно дискреціонное право администраціи, безъ объясненія причинъ, оштрафовать газету. Для наложенія штрафовъ есть кажущееся основаніе въ правилахъ охраны и жаловаться по поводу наложеннаго штрафа трудно.

Телефонныя предупрежденія, въ силу которыхъ Петербургъ впервые узналъ изъ оффиціальнаго сообщенія о сходкѣ въ университетѣ 30-го ноября и о сходкѣ на высшихъ женскихъ курсахъ 1-го декабря, вызвали запросъ въ Государственной Думѣ, внесенный соціалъ-демократической фракціей. Поддерживая спѣшность запроса, г. Гегечкори, между прочимъ, говорилъ: „Наканунѣ внесенія этого запроса, мы

обращались къ одному изъ редакторовъ Петербурга. И что же? Для того, чтобы онъ помѣстилъ въ краткой формѣ сообщеніе о томъ, что соціалъ-демократическая фракція вноситъ запросъ,—редакторъ, терроризованный градоначальникомъ, редакторъ, напуганный этими штрафами, отказалъ намъ въ этомъ". Дума, конечно, спѣшность запроса отвергла и передала его для похоронъ въ коммиссію. Одинъ изъ представителей большинства, націоналистъ, г. Мотовиловъ, былъ откровененъ. „Дума должна заниматься полезнымъ (!) законодательнымъ трудомъ, а не запросами"—заявилъ онъ. Октябристъ кн. Тенишевъ говорилъ, что „фракція союза 17-го октября придаетъ большое значеніе второй части запроса, гдѣ указывается на грубое вопіющее нарушеніе началъ манифеста 17-го октября и закона 24-го ноября о печати". „Но эта часть запроса плохо обоснована" — продолжалъ онъ. А потому и кн. Тенишевъ, вмѣстѣ со всей фракціей, подалъ голосъ въ пользу похоронъ.

Любопытный, пока что, имѣли реальный результатъ пренія въ Думѣ о спѣшности похороненнаго запроса. Г. Пуришкевичъ употребилъ въ своей рѣчи выраженія, соотвѣтствующія признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 103 уголовнаго уложенія. Предсѣдателемъ онъ не былъ остановленъ. Его слова попали въ стенограмму, а изъ нея въ газетные отчеты. На другой день газеты, помѣстившія безъ пропусковъ рѣчь г. Пуришкевича, были конфискованы, а редакторы ихъ привлечены къ уголовной отвѣтственности. Надъ ними повисло обвиненіе, влекущее за собою каторгу. Не сомнѣваемся, что каторги они избѣгнутъ. Но, въ силу возбужденнаго обвиненія, они уже лишены политическихъ правъ на весь долгій періодъ производства предварительнаго слѣдствія; имъ предстоятъ явки къ слѣдователю и неизбѣжная мѣра пресѣченія способовъ уклоненія.

Отъ борьбы съ газетой естественно было, въ исторической послѣдовательности, перейти къ борьбѣ съ книгой. До сихъ поръ борьба съ книгой—не конфискованной, а, напротивъ, въ моментъ выхода въ свѣтъ не встрѣтившей никакихъ препятствій для свободнаго обращенія — велась безъ системы, такъ сказать эпизодически. Теперь, повидимому, вводится систематичность и въ этой борьбѣ. Найденъ объектъ борьбы — „тенденціозный подборъ книгъ" — и юридическое ея обоснованіе — отсутствіе „силъ", которыя могутъ быть равны губернаторской власти. О томъ и о другомъ объявилъ владѣльцамъ и отвѣтственнымъ управляющимъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ Нижняго-Новгорода мѣстный губернаторъ, г. Хвостовъ. 9-го декабря онъ вызвалъ ихъ къ себѣ и обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью, сказанной, по отзывамъ слышавшихъ, „весьма любезно и мягко": „Господа! Для того, чтобы не говорить съ каждымъ изъ

васъ въ отдѣльности, я пригласилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, чтобы сообщить слѣдующее. До моего свѣдѣнія дошло, что правила о книжной торговлѣ въ Нижнемъ не соблюдаются. Я не хочу подвергать васъ внезапнымъ ревизіямъ, право на которыя мнѣ предоставлено положеніемъ объ усиленной охранѣ, и предоставляю вамъ срокъ до 1 января, чтобы эти правила выполнить. Они очень несложны. Къ числу нарушеній отношу также тенденціозный подборъ книгъ. Я понимаю, что вы можете торговать книгами, которыя не запрещены. Но если у васъ будутъ въ продажѣ только книги тенденціозныя, то я закрою книжную торговлю временно или навсегда. Мои дѣйствія на основаніи усиленной охраны не подлежатъ обжалованію, и если мнѣ придется закрыть магазинъ, то никакія силы не заставятъ меня вновь открыть". Въ другой рѣчи, сказанной тремя днями раньше на собраніи нижегородскихъ „истинно-русскихъ" союзниковъ, г. Хвостовъ раскрылъ и свой положительный идеалъ въ книжномъ дѣлѣ. „Я бы находилъ необходимымъ,—говорилъ онъ,—чтобы при союзномъ обществѣ трезвости была открыта библіотека-читальня, гдѣ бы русскіе люди, читая правыя газеты и книги здороваго національнаго направленія и нравственнаго содержанія, получали бы ясное и разумное представленіе о событіяхъ текущей жизни нашей родины"... Пусть вся Россія только и интересуется что драками сторонниковъ Дубровина и гр. Коновницына и воспитывается на проповѣди человѣконенавистничества, на призывахъ къ погромамъ, на союзническомъ раболѣпствѣ, на сыскѣ, возведенномъ въ политическій догматъ, и на полуграмотномъ сквернословіи! Тогда „русскіе" люди усвоятъ „здоровое" національное направленіе, которому мѣшаетъ „тенденціозный подборъ книгъ" въ магазинахъ и библіотекахъ...

Что касается ялтинскаго главноначальствующаго, генерала Думбадзе, то онъ давно уже доказалъ—и на словахъ, и на дѣлѣ,—что противъ него нѣтъ „никакихъ силъ". Повидимому, этого не зналъ или не хотѣлъ знать гражданскій кассаціонный департаментъ сената, полагавшій, что правительствующій сенатъ и для ген. Думбадзе „есть верховное мѣсто, которому въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены всѣ вообще мѣста и установленія въ имперіи". Въ совершенно безпримѣрномъ отвѣтѣ на полученное изъ сената объявленіе ген. Думбадзе сказалъ сенату, что считаетъ сношенія съ нимъ „ненужной перепиской".

Въ производствѣ соединеннаго присутствія гражданскаго кассаціоннаго и перваго департаментовъ сената имѣются два дѣла по искамъ повѣреннаго свободнаго художника Аббакумова и жены при-

сяжнаго повѣреннаго Слоницкой о взысканіи съ главноначальствующаго города Ялты и ялтинскаго уѣзда, генерала Думбадзе, денежнаго вознагражденія за причиненные имъ убытки. Основаніемъ перваго иска послужило то, что ген. Думбадзе на докладѣ ялтинской городской управы о разрѣшеніи проживать въ Ялтѣ семнадцати евреямъ, артистамъ приглашеннаго управою симфоническаго оркестра г. Аббакумова, положилъ резолюцію: „ни подъ какимъ видомъ!“ и выслалъ ихъ изъ города. Г-жа Слоницкая пріѣхала въ Ялту лечиться и тоже была выслана. По установленному порядку, копіи исковыхъ прошеній были посланы отвѣтчику. Ген. Думбадзе представилъ сенату объясненія, но не оплатилъ бумагъ гербовымъ сборомъ и не приложилъ копій для врученія истцамъ. Сенатъ предложилъ ему исполнить требованіе устава гражданскаго судопроизводства. Получивъ объ этомъ объявленіе, ген. Думбадзе написалъ: „28-го апрѣля 1910-го года настоящее объявленіе получилъ и заявляю слѣдующее. При мнѣ по должности главноначальствующаго гор. Ялты и его уѣзда нѣтъ никакой канцеляріи и никакихъ денегъ на канцелярскіе расходы не получаю. Поэтому марокъ прилагать я не намѣренъ и подавно давать копіи и нести расходы въ вознагражденіе судебному приставу. Жалобу затѣялъ не я, и пусть расходы по этому несетъ тотъ, кто ее заявилъ, или же казна. Убѣдительно прошу правительствующій сенатъ разъ навсегда избавить меня отъ незаконнаго расхода и ненужной переписки“. Сенатъ „убѣдительной просьбы“ не исполнилъ и отвѣтъ отправилъ обратно. Но ген. Думбадзе уже написалъ сенату „разъ навсегда“ и потому свой отвѣтъ вернулъ.

Чѣмъ разрѣшится конфликтъ между владыкой Ялты и сенатомъ? Въ „Рѣчи“ было напечатано, что „въ широкихъ бюрократическихъ кругахъ дѣйствія ген. Думбадзе встрѣчены весьма неблагопріятно“ и что „многіе правые, большинство которыхъ имѣютъ званіе сенаторовъ, считаютъ поступокъ ген. Думбадзе личнымъ оскорбленіемъ“. Безконечно характерны эти предпосылки для предположеній объ исходѣ конфликта. Дѣйствительно, оцѣнивая распоряженія и дѣйствія ген. Думбадзе, и въ голову не приходитъ строить предсказанія о его отвѣтственности или дальнѣйшемъ движеніи по службѣ на основаніи сопоставленія этихъ распоряженій и дѣйствій съ закономъ. Неудовольствіе бюрократическихъ круговъ и „многихъ правыхъ“, быть можетъ, еще представитъ собою противъ него „нѣчто“. А законъ противъ него—„ничто“. Это завѣрено фактами. Мы, впрочемъ, лично думаемъ, что и „неблагопріятное“ отношеніе бюрократическихъ круговъ не избавитъ Ялту отъ ген. Думбадзе. Въ той же самой замѣткѣ „Рѣчи“ сообщалось, что въ первомъ департаментѣ сената, куда поступилъ вопросъ на разрѣшеніе, „проектъ опредѣленія по дѣлу бу-

детъ составленъ въ томъ смыслѣ, что генералу Думбадзе поставятъ на видъ неуважительное къ сенату отношеніе".

Исключительно обаятельнымъ человѣкомъ, былъ скончавшійся 19 декабря членъ Государственной Думы Василій Андреевичъ Карауловъ. Секретъ его обаянія заключался въ искренности и въ той высокой правдивости, которыя никогда его не покидали и сквозили въ каждомъ звукѣ его мощнаго голоса съ мягкими, ласкающими слухъ, басовыми нотами. Гдѣ бы Карауловъ ни говорилъ—въ Думѣ, въ дружеской бесѣдѣ или въ кабинетѣ министра, куда его не разъ приводили хлопоты о помилованіи приговоренныхъ къ смертной казни, — онъ всегда и вездѣ былъ самимъ собою: непреклонно убѣжденнымъ политическимъ дѣятелемъ, бывшимъ каторжникомъ, никогда ни отъ кого этого не скрывавшимъ, и человѣкомъ „лучшимъ среди добрыхъ", какъ было написано на лентахъ одного изъ возложенныхъ на его гробъ вѣнковъ. Глубоко религіозный, Карауловъ былъ вѣрнымъ сыномъ православной церкви, но онъ не былъ ея рабомъ. Онъ соединялъ вѣрность идейному православію съ горячей борьбой за свободу совѣсти. Въ Думѣ онъ всего болѣе интересовался вѣроисповѣдными вопросами и, выступая по этимъ вопросамъ, обнаруживалъ рѣдкое знаніе предмета. Достойно вниманія, что въ третьей Думѣ, гдѣ справа царятъ ненависть и злоба, а въ центрѣ, по отношенію къ представителямъ оппозиціи, въ лучшемъ случаѣ безразличіе, — Карауловъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Когда священникъ-депутатъ изъ крайнихъ правыхъ бросилъ ему однажды съ трибуны слово „каторжникъ", все думское духовенство, съ епископомъ Евлогіемъ во главѣ, выразило ему негодованіе и сожалѣніе. Тогда съ трибуны же Карауловъ достойно отвѣтилъ на оскорбленіе:—„Да, почтенный отецъ, я былъ каторжнымъ и съ бритой головой и съ кандалами на ногахъ я мѣрилъ безконечную Владимірку за то, что смѣлъ желать и говорить, чтобы вы засѣдали въ этой палатѣ... И то, что я былъ каторжнымъ, составляетъ гордость мою на всю мою жизнь... Въ той могучей волнѣ, которая вынесла насъ въ эту залу, есть и моя капля крови, и моя капля слезъ. Она мала и незамѣтна, но я знаю, что она есть, и этого достаточно, чтобы оправдать мое существованіе передъ Богомъ и передъ людьми"...

Къ каторгѣ В. А. Карауловъ былъ приговоренъ въ 1884 г. Его судилъ военный судъ въ Кіевѣ, какъ народовольца, по обвиненію въ участіи въ террористической дѣятельности. Это участіе судомъ было отвергнуто, и онъ, совмѣстно съ судившимися съ нимъ, былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что стремился къ измѣненію государствен-

наго строя, но не прибѣгая къ насильственнымъ средствамъ. Карауловъ отбылъ четыре года въ Шлиссельбургѣ. Затѣмъ онъ былъ сосланъ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Енисейской губерніи. Предсвободные дни его застали въ Красноярскѣ. Въ качествѣ представителя Красноярска, В. А. пріѣзжалъ въ Москву въ 1905 г. на земскіе съѣзды. Это было его первое выступленіе на общественно-политическое поприще послѣ двадцати лѣтъ каторги и ссылки. Отъ Красноярска же онъ былъ выбранъ членомъ третьей Думы, гдѣ неустанно боролся, страдалъ и умеръ на тяжеломъ посту...

Графъ Дмитрій Мартыновичъ Сольскій и Семенъ Викентьевичъ Пахманъ сошли съ арены общественности за много лѣтъ до смерти. Перваго болѣзнь сломила въ 1906-мъ году; второго—еще раньше. Большую часть своей долгой служебной работы гр. Сольскій отдалъ дореформенному Государственному Совѣту. Онъ былъ государственнымъ секретаремъ, членомъ Совѣта и съ 1904 г.—послѣднимъ его предсѣдателемъ. Онъ же былъ назначенъ первымъ предсѣдателемъ преобразованнаго Совѣта. Раньше гр. Д. М. въ теченіе одиннадцати лѣтъ занималъ постъ государственнаго контролера. Въ 1905 г. покойный былъ неизмѣннымъ и энергичнымъ участникомъ всѣхъ совѣщаній и коммиссій, предшествовавшихъ манифесту 17 октября. Подъ его предсѣдательствомъ разсматривался Булыгинскій проектъ учрежденія Государственной Думы.

С. В. Пахманъ съ 1852 г. занималъ профессорскую каѳедру по гражданскому праву, сначала въ Казани, затѣмъ въ Харьковѣ и наконецъ въ Петербургѣ. Каѳедру въ петербургскомъ университетѣ онъ оставилъ въ 1876 г., но затѣмъ еще въ теченіе многихъ лѣтъ читалъ лекціи въ лицеѣ и въ училищѣ правовѣдѣнія. Выдающійся ученый, покойный оставилъ по себѣ большое число научныхъ изслѣдованій и трудовъ. Его главный, капитальный трудъ—„Обычное гражданское право Россіи“. Въ 1882 г. С. В. былъ назначенъ сенаторомъ.

Имя Прасковьи Николаевны Тарновской, урожденной Козловой, неразрывно связано съ исторіей возникновенія женскаго медицинскаго образованія въ Россіи. Покойная принадлежала къ числу первыхъ женщинъ-врачей въ Россіи, окончившихъ женскіе врачебные курсы въ 1878 г. Избравъ своей спеціальностью психіатрію и антропологію, П. Н. сдѣлала много цѣнныхъ вкладовъ въ науку, въ видѣ ученыхъ трудовъ, пріобрѣвшихъ ей извѣстность не только въ Россіи, но и заграницей. Къ числу послѣднихъ ея трудовъ принадлежатъ обширныя,

богато иллюстрированныя, изслѣдованія „О женщинахъ-убійцахъ“ и „О женщинахъ-воровкахъ“.

Въ лицѣ барона Давида Гораціевича Гинцбурга ушелъ въ могилу человѣкъ, богатый разнообразіемъ дарованій и отдававшій себя широкой общественной дѣятельности преимущественно въ области оказанія помощи нуждающимся. Какъ ученый, онъ считался выдающимся оріенталистомъ. Имъ были учреждены въ Петербургѣ частные курсы востоковѣдѣнія, на которыхъ онъ читалъ лекціи по талмудической, раввинской и арабской литературамъ, семитическому языковѣдѣнію и средневѣковой религіозной философіи. Покойный принималъ близкое участіе во всѣхъ культурно-просвѣтительныхъ начинаніяхъ петербургской еврейской общины. Послѣ смерти своего отца, извѣстнаго благотворителя бар. Горація Осиповича, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ общины и центральнаго комитета еврейскаго колонизаціоннаго общества.

СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТЕКУЩЕЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ 1910-го ГОДА.

Математика.

Веберъ и Вельштейнъ.—Энциклопедія элементарной математики. Т. II, кн. 2 и 3. Изд. „Матез.“. Од. 1910. 2 р. 50 к.

Клиффордъ, В. — Здравый смыслъ точныхъ наукъ. Изд. Сытина. М. 1910. 1 р. 25 к.

Лоренцъ, Г.—Элементы высшей математики. Т. I. 3 изд. Сытина. М. 1910.

Механика. Физика.

Григорьевъ, Знаменскій, Кавунъ. — Практическія занятія по физикѣ. Изд. „Знан.“. Спб. 1910. 1 р.

Дюгемъ, П.—Физическая теорія. Изд. „Образ.“. Спб. 1910. 2 р.

Клодъ и Оствальдъ. — Электричество и его примѣненія. 5 в. Изд. „Косм.“. М. 1910. 5 р. 50 к. (все).

Лоренцъ, І. А.—Курсъ физики. Т. II. Изд. „Матез.“. Од. 1910.

Розенбергъ, В. Л.—Введеніе въ физику. Спб. 1910. 45 к.

Эйхенвальдъ, А. А.—Матерія и энергія. М. 1910.

Химія.

Оствальдъ, В.—Введеніе въ изученіе химіи. Изд. „Косм.“. М. 1910. 1 р. 80 к.
Писаржевскій, Л.—Первое знакомство съ химіей. Изд. „Тр.“. Кв. 1910. 80 к.

Астрономія.

Клейнъ, Г.—Астрономическіе вечера. 5 изд. Клюкина. М. 1910. 1 р. 25 к.
Стратоновъ, В. В.—Солнце. Вып. 4-7, 1909-10. По 1 р. 25 к.

Біологія.

Вагнеръ, В.—Біологическія теоріи и вопросы жизни. Изд. „Образ.“. Спб. 1910. 85 к.
Гампсонъ-Шеферъ.—Парадоксы природы. Изд. „Матез.“. Од. 1910. 1 р. 20 к.
Кайгородовъ, Д.—Наши весеннія бабочки. Изд. Суворина. Спб. 1910. 80 к.
Львовъ, В. Н.—Начальный учебникъ зоологіи. 5-ое изд. Сабашниковыхъ. М. 1910.
Паркеръ, Т. — Лекціи по элементарной біологіи. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1910. 2 р. 50 к.
Петерсонъ-Кинбергъ, В. — Какъ возникли вселенная и человѣчество. Изд. „Спб. Кн. Вѣст.“. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
Третьяковъ, Д.—Основныя понятія микроскопической анатоміи. Изд. Блэкъ. Спб. 1909. 75 к.
Таліевъ, В.—Ч. Дарвинъ. Хрк. 1909. 15 к.
Ферворнъ, М. — Общая физіологія. Изд. „Совр. Пробл.“. Вып. I. М. 1910. 2 р. 50 к.
Шарпъ, Д.—Насѣкомыя. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Вып. 5 и 6. Спб. 1910.
Шимкевичъ, В. М.—Уродства и происхожденіе видовъ. Спб. 1909. 75 к.
Эльсъ, В.—Опыты изъ жизни растеній. Изд. Сытина. М. 1910. 85 к.
Якобсонъ, Г. Г.—Жуки Россіи и Западной Европы. Изд. Девріена. Вып. 8. Спб. 1910. 2 р.
Ѳоминъ и Вороновъ.—Опредѣлитель растеній Кавказа и Крыма. Т. I. Изд. Ботан. Сада. Тф. 1910. 2 р.

Психологія.

Бехтеревъ, В. М.—Объективная психологія. Вып. II. Изд. Сойкина. Спб. 1910.
Липпсъ, Т.—Самосознаніе, ощущеніе и чувство. 2 изд. Спб. 1910. 40 к.

Философія.

Арнимъ, Г. — Исторія античной философіи. Изд. Богдановой. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
Куно-Фишеръ. — Исторія новой философіи. Т. IV. Кантъ. 2 изд. Жуковскаго. Спб. 1909. 4 р.
Ницше, Ф.—П. с. с. Т. IX. Изд. „Моск. Книг.“. М. 1910. 3 р.
Пуанкаре, А.—Наука и методъ. Изд. Карбасникова. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
Ферворнъ, М.—Рѣчи и статьи. Изд. „Совр. Пробл.“. М. 1910. 2 р.
Челпановъ, Г.—Введеніе въ философію. 4 изд. М. 1910. 2 р. 50 к.
Шульцъ, І. — Разъясняющее изложеніе исторіи „Критики чистаго разума“. Пер. п. р. Фохта. М. 1909. 1 р. 25 к.

Религія.

Бутру, Э.—Наука и религія. Изд. „Шип.“. Спб. 1910. 2 р. 25 к.
Герье, В. И.—Блаж. Августинъ. Зодчіе и подвижники „Божьяго царства“. Ч. I. М. 1909. 3 р. 50 к.
Зѣлинскій, Ѳ.—Соперники христіанства. 2 изд. Спб. 1910. 1 р. 80 к.
Корелинъ, М. С.—Египетскіе боги. 2 изд. „Рус. Мыс.“. М. 1910. 30 к.
Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. П. ред. Бончъ-Бруевича. Вып. III. Спб. 1910. 2 р.
Пфлейдереръ, О.—Отъ іудейства къ христіанству. Изд. Львовича. Спб. 1910. 70 к.
„ „ Возникновеніе христіанства. Изд. Львовича. Спб. 1910. 1 р.

Искусство.

Вальтеръ, В. Г.—Какъ учить играть на скрипкѣ. 3 изд. Спб. 1910. 50 к.
Врангель, Н. Н.—Борисовъ-Мусатовъ. Изд. Бутковской. Спб. 1910.
Г—кенъ, А.—Бетховенъ, ч. III. Спб. 1910. 1 р. (все соч.—2 р. 75 к.).
Грабарь, И.—Исторія русскаго искусства. Изд. Кнебеля. Т. I, вып. 1 и 2. Спб. 1910.
Дневникъ Маріи Башкирцевой. 2 изд. Вольфа. Спб. 1910. 2 р.
Карановъ, В. Д.—Бетховенъ. Изд. Вольфа. Спб. 1910. 7 р. 50 к.
Кузьминскій, К.—Художникъ-иллюстраторъ. П. М. Боклевскій. М. 1910. 1 р. 25 к.
Маковскій.—Современная скульптура. Вып. 5. Изд. „Міръ.“. М. 1910.
Энгельмейеръ, П. К.—Теорія творчества. Изд. „Образ.“. Спб. 1910. 1 р. 50 к.

Литература.

Айхенвальдъ, Ю.—Силуэты русскихъ писателей. Вып. 3. Изд. „Нч. Сл.“. М. 1910. 1 р. 10 к.
Аксаковъ, С. Т.—С. с. Т. III-V. Изд. „Просв.“. Спб. 1909-10. 3 р.
Алферовъ, А. Д.—А. С. Грибоѣдовъ. Изд. Сытина. М. 1910. 80 к.
Богородицкій, В. А.—Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. 3 изд. Каз. 1910. 2 р.
Брандесъ, Г.—С. с. Т. XVII. 2 изд. „Просв.“. Спб. 1910. 75 к.
Бродскій, Н. Л.—Ранніе славянофилы. Изд. Сытина. М. 1910. 1 р.
Буслаевъ, Ѳ. И.—Соч. Т. II. Спб. 1910.
Бѣлинскій, В. Г.—П. с. с. Изд. „Общ. Плз.“. Т. IX. Спб. 1910 1 р. 75 к.
Варнеке, В. Б.—Исторія русскаго театра. Ч. 2. Каз. 1909. 2 р. 50 к. (400 экз.).
Венгерова, З.—Литературныя характеристики. Кн. III. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
Веселовскій, Ю.—Литературные очерки. Т. II. М. 1910. 2 р.
Гершензонъ, М.—Жизнь В. С. Печерина. М. 1910. 1 р. 50 к.
Горнфельдъ, А. Г.—На Западѣ. Изд. „Міръ.“. Спб. 1910. 1 р. 25 к.
Заозерскій, Н. А.—А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ. Изд. Сытина. М. 1910. 1 р.
Коганъ, П.—Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Т. III, ч. 3. М. 1910. 1 р. 25 к.
„ Очерки по исторіи новой русской литературы. Т. III, в. 2. Изд. „Зар.“. М. 1910. 1 р.
Колтоновская, Е. А.—Новая жизнь. Изд. „Общ. Плз.“. Спб. 1910. 1 р.
Лернеръ, Н. О.—Труды и дни Пушкина. 2 изд. Акад. Наукъ. Спб. 1910. 3 р.

Нелидовъ, Ѳ. Ѳ.—Западники 40-хъ годовъ. Изд. Сытина. М. 1910. 1 р.
Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—С. с. Т. III. Л. Н. Толстой. Изд. „Пром." и „Общ. Плз." Спб. 1910. 1 р. 50 к.
" " Т. IV. Пушкинъ. Изд. „Общ. Плз.". 1 р.
" " Т. VII. Исторія русской интеллигенціи. Ч. I. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
Памяти В. А. Гольцева. Изд. Клочкова. М. 1910. 1 р. 75 к.
Поржезинскій, В.—Введеніе въ языковѣдѣніе. 2 изд. М. 1910. 1 р. 10 к.
Пыпинъ, А. Н.—Мои замѣтки. Изд. Бухгеймъ. М. 1910. 2 р.
Скабичевскій, А. М.—А. С. Пушкинъ. 4 изд. Павленкова. Спб. 1910. 25 к.
Стороженко, Н. И.—Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. 2 изд. М. 1910. 1 р. 40 к.
Томсонъ, А. И.—Общее языковѣдѣніе. 2 изд. Од. 1910. 3 р.
Чуковскій, К.—Натъ Пинкертонъ и современная литература. 2 изд. „Совр. Тв.". М. 1910. 60 к.
Юбилейный Сборникъ Литературнаго Фонда. Спб. 1910. 3 р.

Политическая экономія.

Бебель, А.—Изъ моей жизни. Ч. I. Изд. Клочкова. М. 1910. 1 р. 20 к.
Зомбартъ, В.—Исторія экономическаго развитія Германіи въ XIX в. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1909. 1 р. 25 к.
Игнатовичъ, И. И.—Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. 2 изд. Сытина. М. 1910. 1 р.
Кауфманъ, А. А.—Формы хозяйства въ ихъ историческомъ развитіи. М. 1910. 40 к.
Конрадъ, I.—Сельское хозяйство и аграрная политика. Пер. п. р. Мануйлова и Гольдштейна. Ч. I. М. 1910. 50 к.
Кооперація въ Великобританіи. П. ред. Веббъ. М. 1910. 1 р.
Кулишеръ, I. М.—Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. 2 изд. Спб. 1910. 2 р. 50 к.
Масловъ, П.—Теорія развитія народнаго хозяйства. Спб. 1910. 2 р.
Мейеръ, Э.—Экономическое развитіе древняго міра. 3 изд. „Міръ.". М. 1909. 50 коп.
Пажитновъ, К. А.—Нѣкоторые итоги и перспективы въ области рабочаго вопроса въ Россіи. Спб. 1910. 50 к.
Твердохлѣбовъ, В.—Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ. Ч. II. Од. 1909.
Фридманъ, М.—Рабочее движеніе и агентство Пинкертона. Изд. Трауцкой. Спб. 1910. 1 р.
Чупровъ, А. И.—Желѣзно-дорожное хозяйство. 2 т. М. 1910. 3 р.
" Рѣчи и статьи. Т. III. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1909.

Право.

Ашлей, П.—Мѣстное и центральное управленіе. Изд. Поповой. Спб. 1910. 2 р.
Бернгефтъ, и Колеръ.—Гражданское право Германіи. Пер. п. р. Нечаева. Спб. 1910. 2 р. 50 к.
Веретенниковъ, В. И.—Исторія Тайной Канцеляріи Петровскаго времени. Хрк. 1909. 2 р.

Гессенъ, І. В.—Узаконеніе, усыновленіе и внѣбрачныя дѣти. 2 изд. „Пр.“ Спб. 1910.

Дельзонъ, Л.—Суды для малолѣтнихъ во Франціи. Спб. 1909. 35 к.

Заявленія европейскихъ ученыхъ о финляндскомъ вопросѣ. Спб. 1910. 75 к.

Кизеветтеръ, А. А.—Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. Изд. „Рус. Мыс.“. М. 1910. 50 к.

Лазаревскій, Н. И.—Лекціи по русскому государственному праву. т. I. 2 изд. Спб. 1910. 3 р.

Муромцевъ, С.—Статьи и рѣчи. В. I. М. 1910.

Павловъ-Сильванскій, Н. П.—Государевы служилые люди. (Соч. т. I.) 2 изд. Спб. 1909. 1 р. 25 к.

Петражицкій, Л. І.—Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. Т. II. 2 изд. Спб. 1910. 2 р. 25 к.

Плевако, Ѳ. И.—Рѣчи. Т. II. П. ред. Муравьева. М. 1910. 2 р. 50 к.

Стифенъ, Д.—Очеркъ доказательнаго права. Съ пред. Люблинскаго. Спб. 1910. 1 р. 50 к.

Ферри, Э.—Уголовная Соціологія. Ч. I. Изд. „Просв.“ Спб. 1910. 3 р.

Народное образованіе.

Обуховъ, А. М.—Народное образованіе въ Мюнхенѣ. Изд. „Сотр.“ М. 1910. 1 р. 20 к.

Смоллъ, Г.—Иллюстрированное описаніе новой библіотеки конгресса въ Вашингтонѣ. Изд. Юдина. М. 1910. 75. к.

Сперанскій, Н.—Борьба за школу. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1910. 1 р. 20 к.

Чарнолускій, В.—Частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія. Спб. 1910. 1 р.

Шоэнъ, Х.—Школы на открытомъ воздухѣ. Бланжеронъ, Э. Уроки прогулки. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1910. 15 к.

Янжулъ, Е.—Рукодѣліе, какъ предметъ обученія. 2 изд. Спб. 1910. 1 р. 50 к.

Педагогика.

Бинэ, А.—Современныя идеи о дѣтяхъ. Изд. „Косм.“ М. 1910. 1 р. 50 к.

Ежегодникъ экспериментальной педагогики. Ч. II. Спб. 1910. 1 р.

Золотаревъ, С. А.—Очерки по исторіи педагогики на Западѣ и въ Россіи. Спб. 1910. 1 р. 25 к.

Краевскій, Б.—По поводу самоубійствъ среди учащихся. Изд. Ряснянскаго. Хрк. 1910. 50 к.

Лай, В. А.—Экспериментальная дидактика. 2 изд. Карбасникова. Спб. 1910. 3 р.

Лай, В. А.—Экспериментальная педагогика. Изд. Сытина. М. 1909. 65 к.

Мейманъ, Э.—Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. 3 ч. Изд. „Міръ.“ М. 1909—10. 4 р. 45 к.

Перэ, Б.—Нравственное воспитаніе. Изд. Моск. Кн.; М. 1910. 1 р. 50 к.

Румянцевъ, Н. Е.—Педологія. Изд. Богдановой. Спб. 1910. 25 к.

У источника жизни. (Половое воспитаніе). Изд. „Освоб.“ Спб. 1909. 1 р. 75 к.

Исторія и соціологія.

Апушкинъ, В. А.—Русско-японская война. Изд. „Образ.“ М. 1910. 1 р. 75 к.

Бернгеймъ, Э.—Философія исторіи. Изд. Клочкова. М. 1909. 40 к.

Богдановичъ, Т. — Франція и Европа на границ. XIX в. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1909. 1 р.

Бузескулъ, В.—Краткое введеніе въ исторію Греціи. Хрк. 1910. 1 р. 50 к.

Бѣлокопскій, В. П.—Земство и Конституція. Изд. „Образ." М. 1910.

Вандаль, А.—Наполеонъ и Александръ I. Т. I. Изд. „Знан." Спб. 1910. 3 р.

Васильевскій, В. І.—Труды. Изд. Ак. Н. Т. II, в. 1. Спб. 1910. 1 р. 75 к.

Дживилеговъ, А. К.—Исторія современной Германіи. II ч. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1910. 1 р. 50 к.

Дьяконовъ, М.—Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. 3 изд. „Пр." Спб. 1910. 3 р.

Ефименко, А. Я.—Учебникъ русской исторіи. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1909. 1 р. 50 к.

Карѣевъ, Н.—Общій курсъ исторіи XIX в. Спб. 1910. 2 р.

„ Исторія Западной Европы въ нов. время. Т. VI, ч. 2. Спб. 1910. 3 р. 50 к.

Ключевскій, В.—Курсъ русской исторіи. Ч. IV. М. 1909. 2 р. 50 к.

Книга для чтенія по исторіи нов. времени. Изд. Сытина и Залѣсской. Т. I. М. 1910. 2 р. 75 к.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. П. ред. Виноградова. В. III. 3 изд. Сытина. М. 1910. 2 р.

Корелинъ, М. С. — Очерки итальянскаго Возрожденія. 2 изд. М. 1910. 1 р.

„ Кто были наши предки. Изд. „Рус. Мыс." М. 1910. 30 к.

Морозовъ, Н.—Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Изд. Аверьянова. Спб. 1910. 1 р. 20 к.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Изд. „Образ." 3 вып. по 3 р. 50 к.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XIX в. П. ред. Мартова и др. Т. II. 2 ч. Спб. 1910. 5 р.

Павловъ-Сильванскій, Н. П. — Очерки по русской исторіи. (С. С. т. II). Спб. 1910. 1 р. 50 к.

Павловъ-Сильванскій, Н. П.—Феодализмъ въ удѣльной Руси. (С. С. т. III). Спб. 1910. 2 р. 50 к.

Пельманъ, Р.—Очерки греческой исторіи. П. ред. Жебелева. Спб. 1910. 2 р.

„ Исторія античнаго коммунизма и соціализма. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1909. 4 р. 50 к.

Платоновъ, С. Ф.—Учебникъ русской исторіи. 2 ч. Спб. 1909—10. 1 р. 80 к.

Погодинъ, А. Л. — Исторія Болгаріи. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1910. 1 р. 50 к.

Русская исторія. П. ред. Довнаръ-Запольскаго. Т. I. М. 1909. 2 р.

Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1909. 3 р.

Семеновъ, В.—Бой при Цусимѣ. 3 изд. Спб. 1910. 60 к.

Фельсбергъ, Э.—Бр. Гракхи. Юр. 1910.

Фюстель де Куланжъ.—Исторія общественнаго строя древней Франціи. Т. V. Пр. п. р. Гревса. Спб. 1910. 3 р. 50 к.

Цвѣтаевъ, Д. В.—Царь Василій Шуйскій и мѣсто его погребенія въ Польшѣ. Т. I. Врш. 1910. 6 р.

Шварценбургъ, А.—Краткій очеркъ римскихъ древностей. Спб. 1909. 50 к.

Шершеневичъ, Г. Ф.—Соціологія. М. 1910. 40 коп.

Эпоха Николая I. Изд. „Образ." М. 1910.

Янжулъ. И. И.—Воспоминанія о пережитомъ. В. I. Спб. 1910.

Географія.

Круберъ, Григорьевъ и др.—Азіатская Россія. 3 изд. Кушнерева. М. 1910. 2 р.

Круковскій, М. А.—Южный Уралъ. Изд. Тихомирова. М. 1909. 2 р.

Лесгафтъ, Э.—Краткій курсъ физической географіи. 5 изд. Спб. 1910. 1 р.

Мечъ, С.—Австралія и Тасманія. 7 изд. М. 1910. 50 к.

„ Кавказъ. 11 изд. М. 1910. 50 к.

„ Скандинавія. Данія. М. 1910. 40 к.

„ Финляндія. 7 изд. М. 1910. 50 к.

„ Швейцарія. 3 изд. М. 1910. 30 к.

Моревъ, Д. Д.—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи. 10 изд. Спб. 1910. 2 р.

Медицина.

Блохъ, И.—Половая жизнь нашего времени. Изд. „Совр. Мед. и Гиг.“ Спб. 1910. 3 р. 50 к.

Блюменталь, Ф. М.—Общественная борьба съ туберкулезомъ. Ч. I, в. 1. 2 изд. М. 1910.

Вурмъ и Адлеръ.—Алкоголизмъ и рабочіе. Изд. „Жз. и Зн.“ Спб. 1910. 20 к.

Діатроптовъ и Завьяловъ.—Начальный курсъ гигіены. Ч. I. Изд. Пир. т-ва. Кв. 1910. 90 к.

Форель, А.—Половой вопросъ. 3 изд. „Освоб.“ Спб. 1910. 2 р. 50 к.

Сельское хозяйство.

Каценеленбаумъ, З. С.—Меліораціи, меліоративныя товарищества и меліор. кредитъ въ Россіи. М. 1909. 1 р. 50 к.

К. Деруновъ.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.—ЯНВАРЬ.

СТРАН.

I. ВОЕННЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ. — 4-е сентября и защита Парижа.—**Г. Н. Вырубова** 3

II. ДЕДАЛЪ и ИКАРЪ. — Изъ Овидія, съ латинскаго подлинника.—**Ив. Тхоржевскаго** 44

III. ПРОРЫВЪ ВЪ ВѢЧНОСТЬ.—Повѣсть.—I-XIV.—**П. Д. Боборыкина** 46

IV. ЧЕТА.—Стихотвореніе.—**А. Мейснера** 91

V. СТРАНИЧКА КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О Л. Н. ТОЛСТОМЪ.—**Л. Б. Бертенсона** 92

VI. ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКАГО АЛЬБОМА.—На зное.—I-II.—Стихотворенія.—**Н. Шрейтера** 102

VII. ВИКТОРЪ СТОЙНИЦКІЙ.—I-VIII.—**Р. Шенталь** 103

VIII. ОДИНОКІЙ МѢСЯЦЪ НА НЕБѢ МАЯЧИТЪ...—Стихотвореніе.—**А. Рубакина** 141

IX. НАЦІОНАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЖИЗНИ АВСТРІИ.—**М. Ратнера** 142

X. ЭТЬЕНЪ МЭЙРАНЪ.—Отрывки изъ романа Ипполита Тэна.—H. Taine. „Etienne Mayran". Fragments. — I. Катастрофа.—II. Пробужденіе. III. Путешествіе.—IV. Пансіонъ.—V. Ученье.—VI. Наука.—VII. Испытаніе.—VIII. Первыя идеи.—IX. Борьба.—Съ франц. **Ф. С.** 158

XI. ПРИЧИНЫ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ 1905-1906 гг.—**В. В.** 220

XII. „ЗА РѢШЕТКОЙ".—Изъ тюремныхъ воспоминаній періода ликвидаціи революціи.—**А. Марусина** 246

XIII. АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ КИСТЯКОВСКІЙ. — **Евгенія Ефимова** 258

XIV. Хроника. — ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ ГОДОВЩИНА. — **К. К. Арсеньева** 273

XV. МОНАРХИСТЫ ВО ФРАНЦІИ. — Письмо изъ Парижа.—**Бѣлоруссова** 285

XVI. ЧИЗУИКСКІЙ ПАРЛАМЕНТЪ.—Письмо изъ Лондона.—**Діонео.** 301

XVII. КОНЕЦЪ РУЗВЕЛЬТА.—**Outsider** 317

XVIII. ПРОЕКТЪ ПРОДОЛЖЕНІЯ БАНКОВЫХЪ ЗЕМЕЛЬНЫХЪ ПОКУПОКЪ.—**Ѳ. Ѳ.** 320

XIX. БѢЛОРУССКІЕ ПОЭТЫ.—**А. Л. Погодина** 326

XX. СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ЮЖАКОВЪ. — **Л. З. Слонимскаго.** 334

СТРАН.

XXI. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. Розановъ. Когда начальство ушло... — **К. А.** — Щукинскій Сборникъ. Выпускъ 9-й. — К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства 1832 — 1835 гг. — Н. Я. Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей.—**Н. Л.**—А. Луговой. Дѣвичье Поле, повѣсть; Наши дни, семейная исторія. — Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 гг., собранныя и редактированныя П. Сергѣенко.—Проф. І. Малиновскій. Русскіе писатели-художники о смертной казни.—**Ч. В—скаго.**—Н. Осиповичъ.—Разсказы.—Гр. А. Н. Толстой. І. „Сорочьи сказки". ІІ. Повѣсти и разсказы.—**Е. Колтоновской.**—Юліанъ Кулаковскій. Исторія Византіи. Т. І.—**И. Бороздина.**—Вл. Горнъ. Крестьянское движеніе за полтора вѣка.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры . 338

XXII. ЗНАЧЕНІЕ РАБОТЪ В. И. СЕРГѢЕВИЧА ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА.—**Максима Ковалевскаго** 363

XXIII. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова** 374

XXIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Политическіе кризисы въ различныхъ странахъ.—Французскія дѣла.—Результаты выборовъ въ Англіи.—Австрійская политика.—Событія въ Греціи и Персіи.—Конституція въ Китаѣ. — Американскіе выборы и неудача Рузвельта.—Рѣчи Бетманъ-Гольвега.—Проектъ автономіи для Эльзаса-Лотарингіи 380

XXV. ВОПРОСЪ О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.—**Гр. Штильмана** 390

XXVI. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Агрономическія рѣчи губернаторовъ.—Новые изъяны хуторской реформы. — Траурные дни по смерти Л. Н. Толстого.—Попытки протеста противъ смертной казни.—Духовенство и администрація въ толстовскіе дни.—Положеніе провинціальной печати 397

XXVII. ЗАГРАНИЧНАЯ ПЕЧАТЬ О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ.—**Л. С.** . . . 409

XXVIII. СЛАБЫЙ ЛУЧЪ СВѢТА ВЪ ГЛУБОКОЙ ТЬМѢ.—**К. К. Арсеньева** 413

XXIX. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Чему служитъ показателемъ возникшее движеніе среди студенчества? — Университетъ, какъ зеркало. — Академизмъ. — Кто, въ кого и зачѣмъ стрѣлялъ въ Одессѣ?—Возрожденіе предварительной цензуры.—Нижегородскій губернаторъ о тенденціозномъ подборѣ книгъ.—Отповѣдь сенату генерала Думбадзе.—В. А. Карауловъ. гр. Д. М. Сольскій, С. В. Пахманъ, П. Н. Тарновская, бар. Д. Г. Гинцбургъ †. 419

XXX. СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ. — **К. Дерунова** 434

XXXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 443

XXXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журн... Московской обл... ...ки

Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

въ геліогравюрахъ англійскаго типа REMBRANDT-INTAGLIO (стѣнного размѣра 38 × 51 с./м.). Цѣна каждаго эстампа 75 коп.

И. К. Айвазовскій. Черное море.
Н. П. Богдановъ-Бѣльскій. Устный счетъ.
І. Е. Бразъ. Портретъ Чехова.
В. М. Васнецовъ. Аленушка.
„ Богатыри.
„ Иванъ-царевичъ на сѣромъ волкѣ.
„ Богоматерь.
Н. Н. Ге. Портретъ А. И. Герцена.
„ Петръ I и Алексѣй.
Н. А. Касаткинъ. Шахтерка.
И. Н. Крамской. Неутѣшное горе.
„ Христосъ въ пустынѣ.
„ Портретъ Т. Г. Шевченко.
А. И. Корзухинъ. Птичьи враги.
Н. Д. Кузнецовъ. Послѣ обѣда.
И. И. Левитанъ. У омута.
В. М. Максимовъ. Все въ прошломъ.
Ф. А. Малявинъ. Крестьянская дѣвушка.
В. Г. Перовъ. Охотники на привалѣ.
„ Птицеловъ.
„ На могилѣ сына.
„ Ѳ. М. Достоевскій.
В. Д. Полѣновъ. Среди учителей.
„ Бабушкинъ садъ.
„ Христосъ и грѣшница.
И. М. Прянишниковъ. Шутники.
И. Е. Рѣпинъ. Портретъ Л. Н. Толстого.
„ Царевна Софья.
„ Не ждали.
„ М. И. Глинка.
„ Запорожцы.
В. И. Суриковъ. Боярыня Морозова.
В. А. Сѣровъ. Дѣти.
К. Д. Флавицкій. Княжна Тараканова.
И. И. Шишкинъ. Утро въ сосновомъ лѣсу.
Н. А. Ярошенко. Портретъ В. С. Соловьева и другъ.

СКРИПКИ

въ 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 р. и дор. до 3,000 р. Дешевыя въ 4, 5 и 6 р.

ГИТАРЫ

въ 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75 руб. и дор., до 150 р. Дешевыя въ 5 и 6 р.

КОРНЕТЫ

въ 15, 18, 20, 25, 30, 35, 55, 65, 80, 100 р. и дор.

МАНДОЛИНЫ

въ 8, 12, 15, 20, 30, 40, 50, 75 руб. и дор. до 200 р.

ФЛЕЙТЫ

въ 8, 12, 16, 25, 35, 40, 55, 65, 80 руб. и дор.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію.

БАЛАЛАЙКИ

въ 4, 5, 6, 8, 10, 15, 20, 30 р. и дор. до 100 руб.

Музыкальныя шкатулки Фортуна. Гармоніи.

Граммофоны новѣйшей усовершенствованной контрукціи въ 15, 18, 20, 25, 35, 55, 75, 100 руб. и дор.

Рояли, піанино и фисгармоніи лучшихъ заграничныхъ и здѣшнихъ фабрикъ и всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности въ большомъ выборѣ.

Юлій Генрихъ Циммерманъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Морская ул., 34.—МОСКВА. Кузнецкій м.—РИГА. Сарайная, 15.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ 1911 г.

популярный **„ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ“** XIV годъ изданія.

подъ редакціей д-ра Б. А. Окса.

Учебнымъ отдѣломъ Министерства Торговли и Промышленности рекомендованъ для фундаментальныхъ библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Кромѣ популяризаціи медицинскихъ знаній, журналъ отражаетъ сужденія о медицинѣ и врачахъ въ произведеніяхъ знаменитыхъ писателей и въ текущей литературѣ.

Подписчики **„Литературно-Медицинскаго Журнала“** получатъ безплатно ежемѣсячный народный медицинскій журналъ **„Домашній Докторъ“** подъ редакціей д-ра Б. А. Окса. **Въ журналѣ общепонятнымъ языкомъ излагается все, что способствуетъ охраненію здоровья и продленію жизни.**

Болѣзни, предупрежденіе и лѣченіе ихъ.—Домашній лѣчебникъ.—Домашняя ветеринарія. Растительный столъ.—Практическая медицина.—Общественная медицина.—Медицинскія замѣтки. — Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы читателей.

ЦѢНА **„Литературно-Медицинскаго Журнала“**: четыре рубля за годъ, два рубля за полгода и одинъ рубль за 3 мѣсяца съ перес.

ПОДПИСКА на **„Литературно-Медицинскій Журналъ“** принимается **во** всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи, безъ всякой надбавки подписной цѣны, а также въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Офицерская, 26).

Редакторъ-издатель д-ръ Б. А. Оксъ.

КНИЖНЫЕ СКЛАДЫ И МАГАЗИНЪ

М. П. МЕЛЬНИКОВА

Продаю хорошія книги по дешевымъ цѣнамъ.

С.-Петербургъ, Литейный пр., № 57. Тел. 82—77. Фирма основ. въ 1888 г.

Высылаю наложеннымъ платежемъ. При болѣе крупныхъ заказахъ требуется задатокъ 1/4 суммы. Періодически выходящіе каталоги высылаю безплатно. Составляю и пополняю всевозможныя библіотеки по сходнымъ цѣнамъ по возможности безъ задержки. Цѣна безъ пересылки.

Толстой, Л. Н. гр. Крейцерова соната и послѣсловіе къ Крейцеровой сонатѣ. (Текстъ безъ сокращеній). Спб. 1900 г. 50 коп.

Некрасовъ, Н. А. Полное собр. сочин. 2 тома. Спб. 1909 г. 5 р.

Фюстель де-Куланжъ. Гражданская община Древняго Міра. Спб. 1906 г. 1 р. 75 к.

Мережковскій, Д. С Трилогія „Христосъ и Антихристъ", въ 3 частяхъ: I „Смерть боговъ" (Юліанъ Отступникъ). Въ изящн. изд., ц. 2 р. за 1 р. 50 к. II. „Воскресшіе боги" (Леонардо да-Винчи). Въ изящн. изд., ц. 3 р. 50 к. за 2 р. 50 к. III. „Антихристъ" (Петръ и Алексѣй). Въ изящн изд., ц. 3 р. за 2 р.

Прудонъ, П. Что такое собственность. Спб. 1907 г. 75 к. за 40 к.

Общедоступный Домашній Лечебникъ подъ редакціей проф. **Быстрова, Н. И.**—Проф. **Доброклонскаго, В. П.**—Проф. **Залѣсскаго, С. І.**—Проф. **Пеля, А. В.**—Проф. **Петерсена, Е. В.**—Проф. **Строганова, В. В.** и академика **Князя Тарханова, И. Р.** Лечебникъ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I. Анатомія и физіологія.—II. Гигіена. — III. Естественные методы леченія.—IV. Домашняя аптека.—V. Внутреннія болѣзни.—VI. Кожныя болѣзни.—VII. Глазныя болѣзни.—VIII. Женскія болѣзни.—IX. Хирургія. X. Болѣзни нервной системы. — XI. Дѣтскія болѣзни. — XII. Поданіе первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ.—XIII. Оглавленіе и алфавитный указатель. Большой томъ 1.000 страницъ. Съ 280 рисунками въ текстѣ. Спб. Цѣна 3 р. за 2 р.

Каутскій, Карлъ. Предшественники новѣйшаго соціализма Два тома, т. I отъ Платона до Анабаптистовъ, т. II отъ Томаса Мора до Коммуны великой французской революціи. Спб. 1907 г. ц. 3 р. за 1 р. 25 к.

Милюковъ, П. Государственное хозяйство Россіи съ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго. 2-е изданіе. Спб. 1905 г. Вм. 3 р. 50 к. за 2 р. 50 к.

Исторія русской литературы изд. 8-е, совершенно передѣланное и доведенное до 1891 г. Соч. К. П. Петрова. Спб. 1892 г. Вм. 2 р. за 50 к.

Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. въ двухъ томахъ. Спб. 1902 г. Вм. 1 р. 50 к. за 1 р.

Самая смѣшная книга. Художественный, юмористическій и сатирическій сборникъ. Сост. **Балакиревъ.** Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Міръ животныхъ Европы, ихъ жизнь и нравы. Соч. профессора д-ра **В. Гааке.** Съ 240 рис. Большой томъ. Вм. 3 р. за 1 р. 50 к., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. Спб. 1902 г.

Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки и разсказы Шахразады. Полный русскій переводъ. Съ 51 иллюстр. Четыре тома. Спб. 1903 г. Ц. 10 р. 50 к. за 4 р.

Нижитенко, А. В. „Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ". Записки и дневн. (1804—1877 г.), въ 2 т. Спб. 1905 г., ц. 7 р. за 3 р.

Общественныя движенія въ Россіи въ перв. полов. XIX в. Т. I. Декабристы: А. М. фонъ-Визинъ, кн. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель (статьи и матер.). Сост. Семевскій, Богучарскій и Щеголевъ, ц. 5 р., за 2 р. 25 к.

Файфъ, Ч. „Исторія Европы XIX в." Перев. съ англ. Лучицкой. Съ 2 раскраш. карт. Европы и алфавитн. указат. именъ. Изд. 2-е. Спб. 1904 г., вм. 5 р. 50 к. за 2 р. 50 к.

Франке, Куно. „Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ". (Съ V в. до настоящаго времени). Съ 39 портретами, переводъ съ англ. Батина. Спб. 1904 г., ц. 3 р., за 1 р. 20 к.

(См. слѣд. страницу).

Тэнъ, Иппол. „Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи". Т. I. Старый порядокъ. Перев. Гер. Лопатина съ 3-го изд., ц. 2 р. 50 к. за 1 р. 50 к.

Богучарскій, В. „Изъ прошлаго русскаго общества". Съ портр., ц. 2 р. за 1 р. 25 к.

Введенскій, Арс. Литературныя характеристики. Послѣднія произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго. Сатиры Щедрина. Литературное народничество, Гл. Успенскій, І. Златовратскій, 511 стр. Цѣна 1 р. 50 к. 2-е изд. Спб. 1910 г.

Арс. И. Введенскій. Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки. Содержаніе: А. С. Пушкинъ, А. С. Грибоѣдовъ, М. Ю. Лермонтовъ, А. В. Кольцовъ, Н. В. Гоголь, И. С. Тургеневъ, Ѳ. М. Достоевскій, Л. Н. Толстой. Литературные типы русской интеллигенціи. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Сальниковъ, А. Н. Гоголь, Н. В. Въ характеристикахъ его типовъ. (Біографія, образцы и критическій разборъ его главнѣйшихъ произведеній). Пособіе для учащихся. Содержаніе: 1) Н. В. Гоголь. Біографическій очеркъ. 2) Тарасъ Бульба. 4) Мертвыя души. 5) Ревизоръ. 196 стр. Спб., 1909 г. Цѣна 50 к.

Лемке, Мих. „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія". Съ 19 портр. и 81 каррикат. Спб. 1904 г. Вм. 3 р. за 1 р. 50 к. Содержаніе: Эпоха обличительнаго жара.—Эпоха цензурнаго террора. — Русское Bureau de la presse.—Ѳаддей Булгаринъ.

Оффиціальнымъ учрежденіямъ заказы исполняются безъ задатка.

Открыта подписка на религіозно-философско-научный журналъ

4-й годъ изданія. **„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ"** 4-й годъ изданія.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Статьи, какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религіи, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія.

ЖУРНАЛЪ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8°, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей А. А. Каменской, при участіи Анни Безантъ, доктора Рудольфа Штейнера, Alba, П. Н. Батюшкева, Н. К. Боянуса, Н. Броницкой, А. Дана, А. Ф. Вельцъ, Вендъ, В. Гардеръ, Н. Гернетъ, М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, Е. Ливчакъ, Н. Лихачевой, И. Манджіарли, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ, Б. Ф., А. В. Унковской, П. Д. Успенскаго, Н. Эрасси и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: „Сила мысли" — А. Безантъ, „Эволюція души и строеніе Вселенной" — доктора Рудольфа Штейнера, извлеченія изъ книги Дж. Мида „Забытая вѣра" (Гностицизмъ) и изъ сочиненій Патанджали, Бхагаватъ-Гита, статьи по сравнительному изученію религій (оригинальныя и переводныя), и рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ искусства, педагогики, философіи и др. отдѣламъ.

ЦѢНА 6 руб. въ годъ. Допускается разсрочка.

Адресъ редакціи: СПБ., Ивановская, 22, кв. 24.

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ“ и К°.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

Седьмое совершенно переработанное и значительно расширенное изданіе.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева.

Въ седьмомъ изданіи „Энциклопедическаго Словаря“ будутъ помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ: Б. В. Авилова, Ю. И. Айхенвальда, Н. И. Аммона, лектора Коммерч. Институ. В. И. Анисимова, академ. Д. Н. Анучина, прив.-доц. А. І. Бачинскаго, докт. геогр. Л. С. Берга, доц. М. В. Бернацкаго, ассист. астр. С. Н. Блажко, С. М. Блеклова, проф. С. М. Богданова, В. Д. Бончъ-Бруевича, прив.-доц. А. А. Борового, А. Н. Бѣликова, проф. Э. Вандервельда, прив.-доц. Д. В. Викторова, В. В. Водовозова, прив.-доц. А. Э. Вормса, проф. Е. Ф. Вотчала, проф. А. П. Гавриленко, проф. Ю. С. Гамбарова, прив.-доц. М. Н. Гернета, д-ра Ю. О. Гольдендаха, прив.-доц. Г. Н. Гулинова, Ф. Дана, А. К. Дживилегова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф. В. В. Завьялова, поч. акад. Н. Н. Златовратскаго, Н. Ѳ. Золотницкаго, прив.-доц. В. Н. Ивановскаго, А. В. Игельстрома, И. Н. Игнатова, доц. В. Р. Идельсона, д-ра І. С. Идельсона, проф. И. А. Каблукова, прив.-доц. В. Ф. Кагана, Л. Б. Кафенгауза, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Г. А. Кожевникова, проф. А. Н. Краснова, Людв. Крживицкаго, прив.-доц. А. А. Крубера, проф. А. Е. Крымскаго, проф. П. А. Лаврова, проф. Н. Н. Ланге, М. Е. Ландау, проф. Л. К. Лахтина, проф. Э. Г. Лейста, З. Л. Ленскаго, проф. А. П. Лидова, А. Н. Максимова, Л. Мартова, проф. С. А. Муромцева (†), М. М. Нечаева, проф. Я. Я. Никитинскаго, Н. М. Никольскаго, К. М. Оберучева, В. П. Обнинскаго, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, проф. А. Л. Погодина, М. Н. Покровскаго, С. Н. Прокоповича, прив.-доц. П. Г. Риттера, Н. С. Русанова, проф. А. Н. Савина, проф. Я. В. Самойлова, прив.-доц. А. Р. Свирщевскаго, А. И. Смирнова, Е. Смирнова, прив.-доц. В. Д. Соколова, Р. С. Стрѣльцова, прив.-доц. Л. А. Тарасевича, Н. Г. Тарасова, К. М. Тахтарева, проф. К. А. Тимирязева, прив.-доц. Ю. Ю. Форсмана, проф. А. Ф. Фортунатова, прив.-доц. В. М. Фриче, проф. О. Д. Хвольсона, В. И. Чарнолускаго, проф. М. П. Чубинскаго, проф. В. Н. Ширяева, Г. И. Шрейдера, маг. А. С. Щепотьева, Ю. Д. Энгеля, инж. П. К. Энгельмейера, прив.-доц. Н. В. Ястребова и друг.

Изданіе составитъ приблизительно **40 томовъ** объемомъ въ сложности около 25.000 столбцовъ; кромѣ поясните**льных**ъ рисунковъ въ текстѣ, **Словарь** будетъ заключать около **800 художественныхъ репродукцій въ цѣлую** страницу; по отдѣлу анатоміи человѣка будутъ даны **складныя модели; географическія карты** государствъ и русскихъ губерній **составляются** заново **спеціально для этого изданія.** Кромѣ основного иллюстрированнаго изданія выходитъ удешевленное изданіе, безъ иллюстрацій.

Условія предварительной подписки: при подпискѣ вносится **2 р.** и при полученіи тома полнаго изданія (безъ переплета)—**2 р.**, тома въ переплетѣ—**2 р. 50 к.**, либо тома удешевленнаго изданія—**1 р. 40 к.** и сверхъ того за пересылку и переводъ платежа по дѣйствительной стоимости. Задаточные **2 р.** засчитываются при высылкѣ послѣдняго тома. **По выходѣ 4-го тома цѣна будетъ повышена.**

ПОДРОБНЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по требованію БЕЗПЛАТНО.

Главная контора изд. Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“: Москва, Б. Никитская, 5.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Моховая, 37. — Одесса, Софіевская, 23.

АНТИКВАРНЫЯ и НОВЫЯ КНИГИ.

В. Л. ЛЕБЕДЕВЪ

С.-Петербургъ, Литейный пр., д. 21, противъ Собранія арміи и флота.

Телефонъ 65—81 и квартиры 409—60.

Имѣетъ въ большомъ выборѣ книги по всѣмъ отраслямъ знанія:

Учебники для всѣхъ высшихъ, среднихъ, низшихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній; словари; самоучители; конспекты; темники; ключи; подстрочники; программы; атласы; отдѣльн. карты; путеводители и пр.; дѣтскія книги для всѣхъ возрастовъ въ переплетахъ и безъ переплетовъ; отдѣльн. №№ журналовъ.

Магазинъ имѣетъ: богатѣйшій антикварный отдѣлъ на всѣхъ европейскихъ и восточныхъ языкахъ, а также покупаетъ цѣлыя библіотеки, отдѣльныя книги, гравюры и прочія художеств. роскошныя изданія.

Высылаетъ по требованію всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги немедленно по полученіи стоимости заказа или съ наложеннымъ платежомъ.

Между прочимъ предлагаетъ слѣдующія цѣнныя и рѣдкія изданія, иностранныя и русскія:

Herculanum et Pompéi 7 vol. et 8 vol. musée secret 75 руб.

Brunet. Manuel du libraire et de l'amateur de livres 6 vol. 150 руб.

Larousse. Grand dictionnaire universel. 17 vol. Экз, безъ вырѣзокъ роскошн. красн. перепл., вмѣсто 300 р. за 125 р.

Garnier. Le nouvel opéra de Paris 2 vol. тех. Экз. превосходн. сохранности соверш. полн. (400) за 200 р.

Pigault-Lebrun. Oeuvres complètes 20 vol. 30 р. Экз. въ обл. Paris, 1824.

L'artist. revue de Paris 1840—60 гг. Съ массою гравюръ и литографій превосходный экземп. 31 томъ въ хорошемъ соврем. перепл. 150 руб.

Энциклопедическій словарь Брокгаузъ-Ефронъ 86 полутом. Соверш. нов. экз. вмѣсто 258 р. за 140 р.

Большая энциклопедія изд. „Просвѣщенія", 20 том. вмѣсто 120 р. за 40 р.

Соловьевъ. Исторія Россіи. 29 том. экз. безъ перепл. рѣдко 60 руб.

Рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента Правит. Сената съ 1866 по 1909 гг., часть лѣтъ безъ перепл. 150 р.

Тоже уголовныя . . . . . 75 р.

Третьяковская галлерея изд. Кнебеля. Гравюры въ роскошн. изд. мапкѣ въ перепл. Экз. соверш. нов. (100 р.) 75 р.

Московская Румянцевская галлерея. Изд. Кнебеля экз. нов. въ роскошной изд. мапкѣ (45 р.) 35 р.

Живописная Россія 12 том. въ 19 книгахъ. Роскошное изд. Вольфа in folio. Тисненіе золотомъ перепл. рѣдко 75 р.

Волковъ и Филипповъ. Сводъ законовъ Россійской имперіи въ одной книгѣ въ 2-хъ перепл. 4-е посл. изд. (17 р. 50 к.) 12 р.

Сборникъ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью. Изд. по распоряж. ген.-губ. Анучина. Не для продажи. Иркутскъ, 1884 г., 8 том. въ перепл. 50 р.

Шильдеръ. Императоръ Александръ I, 4 т. Экз. въ роскошн. перепл. нов. 30 р.

Шильдеръ. Императоръ Павелъ, экз. въ роскошн. перепл. рѣдко 45 р.

Бенуа. Школа русской живописи экз. въ холщ. изд. мапкѣ соверш. нов. (50 р.) за 40 руб.

Русскій музей Императ. Александра III, въ изд. мапкѣ, совер. нов. (60 р.) 48 р.

Каллашъ. Портреты русскихъ писателей въ геліогравюрахъ. Экз. соверш. нов. въ изд. мапкѣ. Изд. Кнебеля (55 р.) за 40 р.

Собраніе картинъ И. Н. Терещенко. Изд. Кнебеля. Экз. нов. въ роскошн. изд. мапкѣ (22 р. 17 р. 50 к.

Уголовное уложеніе. Объясненія къ проекту редакціонной коммиссіи 8 том. и дополн. Спб., 1895 г. Въ продажу не поступало—75 р.

Шекспиръ. Собр. сочиненій. Роскошн. изд. Брокгауза, 5 том. перепл. экземп. нов. (37 р. 50 к.) 25 р.

Тоже Шиллеръ. 4 т., перепл. (30 р.) 20 р.

Тоже Байронъ. 3 тома, перепл. (22 р. 50 к.) 17 р.

Матеріалы по изслѣдов. землепользованія и хозяйств. быта Иркутской и Енисейской губ. Ирк., 9 кн. перепл. 35 р.

Матеріалы, относ. до нов. общ. устройства въ городахъ имперіи. 7 кн. пер. Спб., 1877. 25 руб.

Памятники изд. временною коммиссіею для разбора древн. актовъ. 4 тома рѣдко экз. въ разн. перепл. 30 руб.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Общеземская организація на Дальнемъ Востокѣ. Томъ II. Съ 92 иллюстраціями въ текстѣ. Составилъ, по порученію общеземской организаціи, Т. И. Полнеръ. Москва, 1910.

Второй томъ этого превосходнаго труда представляетъ еще болѣе интереса, чѣмъ первый, вышедшій въ свѣтъ въ 1908-мъ году: онъ обнимаетъ собою самый тяжелый періодъ войны и даетъ, между прочимъ, картину дѣятельности земскихъ отрядовъ во время и послѣ сраженій при Шахэ и при Мукденѣ. „Общеземская организація“—читаемъ мы въ предисловіи ко второму тому—„желала учесть земскій опытъ на поляхъ Манчжуріи и оставить общественнымъ дѣятелямъ будущаго книгу, которой такъ не хватало земцамъ во время ихъ сборовъ на войну“. Само собою разумѣется, что полезной эта книга можетъ быть—и, нужно надѣяться, будетъ—не для однихъ только общественныхъ дѣятелей. Она раскрываетъ дефекты всего военно-санитарнаго дѣла, „устарѣлая, громоздкая и нестройная организація котораго требуетъ пересмотра и коренного преобразованія“, и бросаетъ, попутно, яркій свѣтъ на многое другое, обнаруженное войною. Указавъ на то, что эвакуація раненыхъ въ продолженіе русско-японской войны была поставлена ничуть не лучше, чѣмъ четверть вѣка тому назадъ, авторъ выражаетъ убѣжденіе, что то же самое повторится и въ будущемъ, если недавній опытъ не будетъ тщательно использованъ въ мирное время. И вотъ, существенно важнымъ пособіемъ при исполненіи этой задачи должна служить настоящая книга. Читая ее, какъ-то странно вспомнить, что учрежденіе общеземской организаціи вызывало, въ свое время, немалыя опасенія и встрѣчало серьезныя препятствія. Безъ нея не только значительно увеличилась бы сумма страданій, вынесенныхъ нашими войсками, но осталось бы въ тѣни многое, что необходимо знать и помнить и правительству, и обществу.

Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Т. II. Москва, 1910.

Второй томъ этого широко задуманнаго и прекрасно исполненнаго изданія не менѣе интересенъ чѣмъ первый. Заканчивая картину крѣпостного быта въ XVIII-мъ вѣкѣ, онъ доводитъ исторію крѣпостныхъ крестьянъ почти до момента воцаренія Александра II-го. Двѣ статьи—„Секретные комитеты при Николаѣ I“ (В. П. Алексѣева) и „Графъ П. Д. Киселевъ и реформа государственныхъ крестьянъ“ (С. А. Князькова) посвящены всецѣло эпохѣ Николая I-го. Между статьями, касающимися болѣе ранняго времени, особенно выдаются тѣ, которыя изображаютъ отношеніе общества къ крѣпостному праву („Противники крѣпостного права въ началѣ XIX вѣка“, В. П. Пичета; „Крѣпостники въ первой четверти XIX вѣка“, М. В. Довнаръ-Запольскаго; „Масонство и крѣпостное право“, Н. П. Сидорова; „Декабристы и крестьянскій вопросъ“, В. И. Семевскаго). Иллюстрированъ второй томъ такъ же богато, какъ и первый.

С. Прокоповичъ. Проблемы соціализма. Развитіе соціалистической мысли во Франціи. Спб., 1911. Ц. 1 руб. 50 коп.

„Вопросу о развитіи соціалистической мысли—говоритъ авторъ въ предисловіи—удѣлялось до сихъ поръ въ русской литературѣ очень мало вниманія. Да оно и понятно: сверхъ цензурныхъ препятствій большое значеніе имѣло также то обстоятельство, что до послѣдняго времени нашъ интересъ къ соціализму могъ быть лишь платоническимъ. Теперь, съ развитіемъ рабочаго движенія и возникновеніемъ рабочихъ организацій, этихъ естественныхъ носительницъ идеи соціализма, знакомство съ прошлымъ соціалистической мысли стало насущною необходимостью“. И дѣйствительно, такое знакомство одинаково важно и для друзей соціализма, и для его противниковъ, и для тѣхъ, кто колеблется и недоумѣваетъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ теоретическихъ основахъ и практическомъ значеніи различныхъ соціалистическихъ системъ. Книга г. Прокоповича, построенная на изученіи первоисточниковъ, обнимаетъ предметъ не во всей его полнотѣ, но останавливается на трехъ вопросахъ, составляющихъ, по его выраженію, „ядро соціалистическаго міропониманія“: это—„критика современнаго строя, концепція соціалистическаго общества и средства его осуществленія“. Введеніемъ къ книгѣ служитъ характеристика взглядовъ Платона и Томаса Мора, на сколько они играютъ роль въ исторіи соціализма.

К. Валишевскій. Смутное время. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Е. Н. Щепкиной. Спб., 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Каково бы ни было научное значеніе трудовъ г. Валишевскаго, книга его о смутномъ времени, по справедливому замѣчанію Е. Н. Щепкиной, любопытна для русскихъ читателей, какъ „живой, яркій разсказъ поляка, горячо заинтересованнаго событіями бурной поры, рѣзко отразившимися на судьбѣ его отечества“. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, она можетъ быть названа небезполезнымъ дополненіемъ къ богатой русской литературѣ о данной эпохѣ, но, конечно, требуетъ постоянной повѣрки. Едва ли безпристрастно, напримѣръ, отношеніе автора къ Димитрію или Лжедимитрію; послѣднее имя г. Валишевскій употребляетъ лишь въ кавычкахъ, склоняясь къ предположенію, что царь, правившій въ Москвѣ въ 1605—6 гг., былъ подлиннымъ сыномъ Ивана Грознаго.

Энциклопедическій Словарь товарищества бр. А. и И. Гранатъ и К°. Седьмое, совершенно переработанное изданіе, подъ редакціей проф. В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева. Т. I-III. Москва, 1910.

Предпринятый, около двадцати лѣтъ тому назадъ, въ скромныхъ размѣрахъ (восьми сравнительно небольшихъ томовъ), Словарь товарищества бр. Гранатъ расширялся съ каждымъ изданіемъ и разросся теперь почти вшестеро. Постоянно увеличивалось также число прилагаемыхъ къ нему разнообразныхъ иллюстрацій. Вышедшіе до сихъ поръ три тома новаго изданія содержатъ въ себѣ большую часть словъ на букву *А*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1911 г.

(Сорокъ-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Кромѣ текста въ прежнихъ размѣрахъ, журналъ будетъ давать снимки съ портретовъ выдающихся дѣятелей и съ замѣчательныхъ художественныхъ произведеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37; въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи; если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса;* перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородный уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса,* оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ,* если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Б. Никитская, 5.